

Николаевский Б
Тайные страницы
истории

Б.И.Николаевский

Тайные страницы истории

Содержание

Ю Фельштинский Несколько слов об авторе этой
книги

Б. И. НИКОЛАЕВСКИЙ

К ИСТОРИИ "БОЛЬШЕВИСТСКОГО ЦЕНТРА"

Б. И. НИКОЛАЕВСКИЙ

К БИОГРАФИИ МАЛЕНКОВА И ИСТОРИИ КОМПАРТИИ
СССР

Глава 1. "На заре туманной юности.. "

Глава 2. Генезис "советских ташкентцев"

Глава 3. Московское студенчество в 1922--1924 гг.

Глава 4. Маленков в МВТУ

Глава 5. Личный секретариат Сталина

Глава 6. Сталин в борьбе за власть

Глава 7. Сталин и Маленков

ДОКУМЕНТЫ

I. ГЕРМАНИЯ И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОИНЫ

II. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО И ДРУГИЕ
СЕКРЕТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ 1934 ГОДА

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЛЕНИН И ДЕНЬГИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

БИОГРАФИЯ МАЛЕНКОВА

ГЕРМАНИЯ
И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ
ПРОТОКОЛЫ ПОЛИТБЮРО
И ДОКУМЕНТЫ ОСОБОГО ОТДЕЛА
НКВД СССР, 1934

Редактор-составитель доктор исторических наук Ю.
Г. ФЕЛЬШТИНСКИЙ

В книгу вошли не публиковавшиеся ранее докумен-
ты и материалы из архива известного русского историка
Б. И. Николаевского, хранящиеся в Гуверовском институ-
те (Стенфорд, США). В ней рассматриваются такие сюже-
ты, как история "Большевистского центра", Ленин и день-
ги большевистской организации, Германия и русские
революционеры в годы первой мировой войны, био-
графия Маленкова, постановления Политбюро ЦК ВКП(б)
1934 г.

Для научных сотрудников, преподавателей, студен-
тов и всех, интересующихся историей России.

Несколько слов об авторе этой книги

Сын священника, Борис Иванович Николаевский
(1887--1966) учился в гимназии в Самаре и в Уфе. В
1903---1906 гг. -- большевик, затем меньшевик. В 1904 г.,
будучи гимназистом, был впервые арестован за принад-
лежность к молодежному революционному кружку, судим
за хранение и распространение нелегальной социал-де-
мократической литературы. В тюрьме провел около ше-
сти месяцев. В общей сложности до революции арестовы-

вался восемь раз, на короткие сроки. Дважды отпущался по амнистии 1905 г. За участие в первой русской революции приговорен к двум годам. Бегал из тюрем, три раза ссылался. Революционной деятельностью занимался в Уфе, Самаре, Омске, Баку, Петербурге, Екатеринославе. В 1913--1914 гг. работал в легальной меньшевистской "Рабочей газете" в Петербурге. После революции, в 1918--1920 гг. как представитель ЦК меньшевиков ездил с поручениями от партии по всей России. С 1920 г. -- член ЦК партии меньшевиков. В феврале 1921 г. вместе с другими членами ЦК меньшевистской партии арестован и после одиннадцатимесячного заключения выслан из РСФСР за границу. В эмиграции (в Германии, Франции и США) продолжал принимать активное участие в политической деятельности партии меньшевиков. 20 февраля 1932 г. лишен, вместе с семьей Троцкого и рядом других эмигрантов, советского гражданства.

Однако политическая деятельность Николаевского, как бы к ней ни относиться, не была в его жизни главным. Б. И. Николаевский был прежде всего историк, и его заслуга перед Россией и русской историей состоит в том, что начиная с 1917 г. он собирал, хранил (и сохранил для потомков) бесценнейшую коллекцию архивных материалов. После февральской революции, когда революционеры по всей стране громили центральные и местные архивы (особенно полицейские), Николаевский, как представитель ЦИКа Советов, вошел в комиссию по изучению Архива департамента полиции. В 1918 г. вместе с П. Е. Щеголевым он составил проект организации Главного управления по архивным делам. И именно Николаевский убедил тогда большевика Д. Б. Рязанова взяться за спасение архивов. В 1919--1921 гг. Николаевский стоял

во главе историко-революционного архива в Москве, выпустил ряд книг по истории революционного движения в России и на Западе.

Как социал-демократа Николаевского в первую очередь интересовала история революционного движения в России и в Европе. Но его интересы как историка шли далеко за пределы спектра, ограниченного узкими рамками социал-демократии. Он был чуть ли ни единственным меньшевиком, пытавшимся понять трагедию власовского движения и оправдать его (чем обрушил на свою голову многочисленную критику однопартийцев). Его способность списываться с людьми самых разных политических взглядов, от монархистов до коммунистов, заставляя их относиться к нему как к историку с полным доверием, убеждать их в необходимости написания мемуаров или же составить подробные ответы на многочисленные и конкретные вопросы -- не может не поразить каждого, кто сегодня работает с собранными Б. И. Николаевским архивами. Настолько, насколько это было возможно в те годы, он располагал информацией, которая позволяла ему знать все, всех и все обо всех. За справками к нему обращались писатели, историки и публицисты из разных уголков мира. И почти всегда получали от него толковые и конкретные сведения. Он обладал уникальной, почти фотографической памятью и был "ходячей энциклопедией" русской революции.

Но меньшевик Б. И. Николаевский не смог бы завоевать столь безусловного доверия расколотой русской эмиграции и даже командированных за границу советских коммунистов, если бы его личные этические принципы как историка и собирателя архивов обычно не стояли над политикой и над потребностями момента. Посвященный во многие человеческие и политические тайны свое-

го времени, он ни разу не позволил себе погнаться за сенсацией и опубликовать ставший ему доступным материал в ущерб интересам своего информатора.

Как собиратель архивов Николаевский оставил восемьсот с лишним коробок архивных материалов. Сегодня они хранятся в Гуверовском институте (Стенфорд, США). Как историк и публицист, он опубликовал большое количество статей на русском и основных европейских языках. Уделяя много времени архивам, переписке с людьми и политической деятельности, Николаевский был менее продуктивен как автор собственных книг. Его самая известная книга -- об Азефе, написанная в 1932 г. с традиционной точки зрения, сегодня не кажется очень ценной. Много позже Николаевский пришел к новым, очень важным, сенсационным выводам: Азеф провокатором не был, а был полицейским агентом и аккуратно передавал информацию о готовившихся террористических актах директору департамента полиции Лопухину. Именно Лопухин (чуть ли не с согласия Витте) клал эту информацию под сукно и тем самым умышленно допустил несколько террорис

тических актов. Об этом Николаевскому сообщила вдова Лопухина, с которой он беседовал уже в эмиграции. Эти данные Николаевский собирался использовать в новом издании книги. "У меня подобралась неизданные материалы о Лопухине и его отношениях с Витте (в связи с большой борьбой между Витте и Плеве) [...] много нового и важного материала, который я охотно дал бы в качестве" особого введения и добавления", -- писал Николаевский. [ГА, кол. Николаевского, ящик 500, папка 8. Письма Б. И. Николаевского проф. П. Шейберту от 28

декабря и 14 марта 1962 г.] Однако разработать эту тему Николаевский не успел. Нового издания не было.

Борис Иванович Николаевский скончался в 1966 г., оставив незавершенными многочисленными свои проекты по изданию книг и исторических сборников. Его бесценное архивное собрание -- лучший памятник умершему историку.

Идея выпуска исторического сборника, основанного на материалах собственного архива, принадлежала Б. И. Николаевскому. С тех пор прошло несколько десятилетий. Ушел из жизни историк. Из-за финансовых затруднений так никогда и не вышел задуманный им сборник. Ряд материалов был опубликован в периодической печати. Другие -- похоронены в папках архива.

В настоящее издание вошли два не публиковавшихся ранее текста историка: <К истории "Большевицкого центра" > и <К биографии Маленкова и истории компартии СССР>. Первая работа является предисловием к незаконченному фундаментальному труду Б. И. Николаевского -- многотомному сборнику документов по истории "Большевицкого центра".

Вторая работа, название которой принадлежит редактору этой книги, - незаконченная биография Маленкова, ставшего на короткий срок руководителем советского государства. По отрывочным фразам переписки, которую Николаевский вел в то время, можно легко понять, чем должна была закончиться работа о Маленкове. Николаевский пришел к выводу, что Сталин был убит.

"Жизнь всегда требует компенсации и если и дарит таким хорошим подарком, как удар у Сталина (или удар по Сталину?), то отплачивает на другом, -- писал Николаевский бывшему руководителю французской компартии,

известному историку и публицисту Борису Суварину 23 марта 1953 г. -- [..] Я все более и более прихожу к выводу, что Сталин умер в результате большой борьбы, которая заполнила первые месяцы этого года и смысл которой состоял в разгроме личного секретариата Сталина блоком Маленкова с Берией" [Международный институт социальной истории в Амстердаме. Архив Б. К. Суварина, папка 1.]

"Похоже, что Сталину помогли умереть и что на этой почве теперь начинается борьба", -- писал он Т. И. Вулих через две

недели, 6 апреля [ГА, кол. Николаевского, ящик 207, папка 16-]

"[...] Пытаюсь расшифровать значение событий, предшествовавших смерти Сталина (теперь я убежден, что было что-то вроде дворцового переворота и что Сталину "помогли умереть")", -- заключает Николаевский в другом своем письме Суварину. [Архив Б. К. Суварина, папка 1. Письмо Николаевского Суварину от 14 апреля 1953 г.]

Однако после расстрела Берии и снятия Маленкова окончание работы над биографией Маленкова потеряло для Николаевского всякий смысл, и книга осталась незавершенной.

Во второй части сборника публикуются документы, представляющие интерес и для историков, и для широкого круга читателей. Материалы Гуверовского института публикуются с любезного разрешения администрации.

Ю. ФЕЛЬШТИНСКИЙ

Бостон

Б. И. НИКОЛАЕВСКИЙ

К истории "Большевистского центра"

Большевистский центр" (БЦ) -- так называлась организация, которая в 1906-

--1909 гг. стояла во главе большевистской фракции тогда формально еще единой РСДРП. История этого Центра до сих пор остается совершенно неизученной. Во всей огромной литературе по истории большевистского движения нет ни одной работы, которая содержала бы попытку дать обзор деятельности этой организации, хотя исключительная важность последней для общей истории большевизма очевидна.

В первые годы революции советские историки большевизма, правда, пытались затрагивать вопрос об этом Центре, хотя и с большой сдержанностью. О нем, например, упоминал Г. Е. Зиновьев в своей "Истории Российской коммунистической партии (большевиков)" (ГИЗ. Петроград, 1923). Но чем прочнее становилась диктатура, тем реже делались такие упоминания, а за последние годы само название "Большевистский центр" исчезло из официальных курсов истории большевизма; в частности, полностью молчат о нем "Краткий курс истории ВКП (б)", отредактированный Сталиным, и обзор той же истории, напечатанный во втором издании Большой советской энциклопедии.

Знакомство с материалами о БЦ позволяет понять причины замалчивания: в его истории было слишком много таких сторон, привлечь внимание к которым советские историки считают нежелательным.

В истории БЦ следует различать три главных периода: от мая 1906 г. до мая 1907 г. (т. е. между Стокголь-

мским и Лондонским съездами РСДРП), с мая до конца 1907 г. (до выезда за границу Ленина и Богданова, а затем Красина и ряда других членов БЦ) и, наконец, с начала 1908 г. до официального роспуска БЦ, который состоялся после пленума ЦК в январе 1910 г.

Относительно первого из этих периодов вопрос о формах функционирования тогда БЦ нельзя считать выясненным. А. Богданов в воззвании "К товарищам большевикам", которое было выпущено группой "Вперед" по поводу официального роспуска БЦ на пленуме ЦК РСДРП в январе 1910 г., создание БЦ относит ко времени Лондонского съезда (май 1907 г.). Только об этом Центре говорят и официальные комментаторы Института Маркса-

Энгельса--Ленина². О том, что особый Центр большевистской фракции был создан уже в Стокгольме пишет только Зиновьев. Рассказав, что на этом этапе съезда победили меньшевики (большинством 62 против 46 голосов), он прибавляет:

"Большевикам ничего не осталось, как подчиниться, т. к. они были в меньшинстве, а рабочие требовали единства. Но на деле Объединительный съезд нисколько не объединил большевиков с меньшевиками, и на деле мы уехали из Стокгольма двумя отдельными фракциями. В ЦК взяли несколько наших товарищей, как мы тогда говорили, -- заложниками. Но в то же время, на самом съезде, большевики составили свой внутренний и нелегальный в партийном отношении Центральный комитет. Этот период в истории нашей партии, когда мы были в меньшинстве и в ЦК, и в Петроградском комитете и должны были скрывать свою сепаратную работу, был для нас очень тяжелым и мучительным... Положение было такое, словно две партии действовали в рамках одной"³.

Зиновьев, который был членом Центра, созданного в мае 1907 г., а в 1906--1907 гг. был одним из наиболее крупных представителей большевиков в Петербургском комитете, конечно, был осведомлен о творившемся тогда на верхушке большевистской фракции. Какой-то свой центр она имела и в 1906--1907 гг. -- и скрывать его существование было "очень тяжело и мучительно". Но и Зиновьев не относит к нему название "Большевистский центр". С другой стороны, Богданов, который в тот период был вообще одной из центральных фигур большевистской фракции, отнюдь не говорит, что в 1906--1907 гг. вообще не существовало никакого центрального органа фракции. Он только говорит, что центр, получивший название "Большевистского центра", был создан в Лондоне.

Противоречия между этими свидетельствами нет; и правильнее всего будет считать, что большевистская фракция Стокгольмского съезда, выпустившая тогда особое "Обращение к партии"⁴, одновременно создала свою особую внутреннюю организацию с каким-то центром, но этот центр, хотя он фактически выполнял все те функции, которые позднее легли на БЦ, еще не носил такого официального названия.

Кто именно входил в БЦ первого состава, точно неизвестно: в печати имена членов ни в то время, ни позднее названы не были. Несомненно, чю стержнем БЦ была тройка в составе Ленина, Богданова и Красина, которая в письмах Богданова фигурирует под названием "финансовой группы", а в заявлении Камо-Петросяна -- под названием "коллегии трех"- Именно она фигурирует и в документах Лондонского съезда в качестве полномочной представительницы большевистской фракции, которой были переданы 60 тыс. руб. из наследства Саввы Морозо-

ва, "лицом, имевшим формальное и моральное право распорядиться деньгами по своему усмотрению"5.

Добывание средств и расходование их на дела, которые вела большевистская фракция, действительно, составляли важную часть функций "тройки". Но ими она не ограничивалась: она вела также все конспиративные предприятия большевистской фракции, а эти предприятия были и многообразны и разносторонни. Красин был исключительно талантливым организатором-инженером. "Во все стороны умен", -- так, по рассказу Горького, охарактеризовал Красина Савва Морозов; и Красин действительно создал вокруг БЦ даже не трест, а целый сложный комбинат всевозможных тайных лабораторий, мастерских, типографий и пр., обслуживавших не только большевистские, но и иные, совсем не социал-демократические "боевые предприятия". Достаточно сказать, что и дача Столыпина была взорвана бомбами, изготовленными в лабораториях БЦ, и при экспроприации в Фонарном переулке в ход были пущены снаряды того же происхождения.

Выработка политической линии большевизма в тот период происходила в более широкой коллегии, чем эта "тройка". К участию в обсуждении вопросов бывали привлекаемы также крупнейшие партийные литераторы и практики движения, но очень похоже, что они не составляли прочно закрепленного коллектива, состав участников которого был бы точно определен в организационном порядке. Вернее всего это были организационно не оформленные совещания центральных работников фракции, которые "тройка" созывала по мере необходимости. Поскольку "тройка" была едина в своих настрое-

ниях, постольку принятие ее предложений было обеспечено...

Весьма возможно, что в этот период весь центр большевистской фракции, поскольку он был как-то закреплён организационно, состоял из одной этой "тройки".

* * *

Лондонский съезд (май 1907 г.), внеся существенное изменение во внутривидовую обстановку, принес большие изменения и в структуру большевистской фракционной организации. Большевиков на нем оказалось лишь немногим больше, чем меньшевиков: 105 большевикам противостояло 197 меньшевиков плюс 4 тяготеющих к последним "нефракционных". Но в ряде вопросов вновь вошедшие в РСДРП национальные социал-демократические группы (особенно польская) были ближе к большевикам, и в союзе с ними большевики получили большинство в ЦК. Это большинство было весьма непрочным: распространялось оно далеко не на все вопросы, но меньшинством в ЦК большевики во всяком случае быть перестали. Тем не менее о роспуске своего фракционного центра большевики и теперь не думали. Наоборот, они расширили этот центр, подвели под него строго оформленную организацион

ную базу и официально дали ему название "Большевистский центр".

В новый Центр теперь было введено 15 человек, а именно: А. А. Богданов, И. П. Гольденберг (Мешковский), И. Ф. Дубровинский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Л. Б. Красин, В. И. Ленин, Г- Д. Линдов, В. П. Ногин, М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, А. И. Рыков, В. К- Таратута, И. А. Теодорович и В. Л. Шанцер7.

Г. Зиновьев был единственным из ближайших сотрудников Ленина последующих лет, который позднее сделал попытку объяснить мотивы этого решения большевиков: по его словам, они не верили в возможность длительной совместной работы с меньшевиками в новом общепартийном ЦК, где все зависело от голосования "националов", в надежности которых большевики не были уверены, а потому решили продолжать свою работу по подготовке к расколу.

"Мы решили, -- пишет Зиновьев, -- что в ЦК мы будем работать и страдать по долгу службы, но настоящую работу мы будем делать в своем БЦ, ибо было ясно, что этот "брак поневоле" с меньшевиками будет непродолжительным"8.

Есть все основания полагать, что именно такими соображениями на тогдашних совещаниях большевиков было официально обосновано решение об укреплении и оформлении их фракционной организации. Но внимательный анализ списка членов нового состава БЦ на фоне дальнейшей тактики Ленина во внутрифракционных отношениях заставляет думать, что поведение Ленина в этом вопросе определялось также и соображениями иного порядка: он уже в то время предвидел возможность конфликта внутри фракции большевиков и принимал меры для закрепления своих позиций против позиций двух остальных членов старой руководящей большевистской "тройки", -- против Богданова и особенно Красина.

* * *

Такой конфликт действительно пришел очень скоро, -- и именно он определил всю дальнейшую судьбу БЦ.

Полное и всестороннее выяснение действительных причин этого конфликта внутри БЦ возможно только в

итоге, с одной стороны, подробного анализа общей эволюции политической и тактической мысли большевизма эпохи революции 1905--1907 гг. и, с другой, выяснения личных отношений между руководящими деятелями большевистской фракции, и прежде всего, конечно, между Лениным, Богдановым и Красиным.

Несомненно, что внутри большевистской фракции 1905--1907 гг. имелись весьма существенные разногласия как по воп

росам большой политики и тактики, так и по вопросам тактики борьбы внутрипартийной, т. е. борьбы против меньшевистского крыла партии. В ходе этих споров Ленин далеко не всегда имел на своей стороне большинство фракции. Было немало случаев, когда он или оставался в меньшинстве, или, как рассказывает один из мемуаристов, бывал вынужден "в полном боевом порядке" переходить на позиции противника, даже не доводя дела до голосования (он очень не любил оставаться в меньшинстве, особенно внутри своей собственной фракции). Так бывало и по крупным политическим вопросам: именно так он поступил в декабре 1905 г. на большевистской конференции в Таммерфорсе, когда он считал правильным участие в выборах в Государственную думу, но из выступлений других делегатов понял, что он останется едва ли не одиноким⁹.

Опытный стратег внутрипартийной борьбы, Ленин понимал значение исторически сложившихся внутрипартийных коллективов-фракций и, как правило, крайне бережно относился к коллективу своей фракции. Поскольку инициатива была в его руках, на расколы в рядах своих сторонников он шел только в случаях крайней необходимости. Если брать вопросы большой политики, такой

крайней необходимости в 1908--1909 гг. не было: разногласия между Лениным и так называемыми "отзовистами" и "ультиматистами" (т. е. сторонниками "отзыва" социал-демократических депутатов из Третьей государственной думы или предъявления им "ультиматума" об изменении тактики) были в тот момент несравненно менее крупными и менее актуальными, чем, например, те разногласия, которые отделяли его от большинства большевиков в декабре 1905 г. или в августе 1907 г. 10, -- а тогда Ленин и не думал о расколе, хотя последствия принятых против его мнения решений именно тогда могли иметь несравненно более вредные (с его точки зрения) последствия.

Таким образом, приходится считать несомненным, что непримиримое отношение Ленина к Богданову и его группе в 1908-- --1909 гг. вызывалось не остротой расхождения по общеполитическим вопросам.

Особенно неправильными являются попытки основную причину этого конфликта искать в несогласии Ленина с философскими взглядами Богданова. Отличительные черты этих взглядов Богданова Ленину были хорошо известны еще с начала 1900-х гг. Если верить его позднейшим рассказам, Ленин уже с того времени считал эти взгляды ошибочными и указывал на это Богданову, но они не помешали Ленину принять политическую помощь Богданова, которая была предложена последним в самый критический период политической биографии Ленина: в 1904 г., когда Ленин, порвавший не только с недавними коллегами по редакции "Искры", но и с руководящей группой "искровских" практиков -

членами ЦК в России (во главе с Носковым, Красиным, Кржижановским и др.) -- был политически почти одинок. Без помощи ---политической, литературной и ма-

териальной -- Богданова и его-друзей Ленин тогда не смог бы поставить свой литературный орган, не смог бы вообще построить свою фракцию¹¹. Богданов, встав на его сторону, политически буквально спас Ленина. Именно Богданов в начале 1905 г. вернул на сторону Ленина Красина, вместе с которым стал главной силой большевизма в России 1905---1906 гг. Группа литературно-политических друзей Богданова составляла главные кадры сотрудников всевозможного рода большевистских легальных изданий в 1905--1908 гг.

Ленин позднее усиленно подчеркивал, что он уже в 1904 г. оговаривал свое несогласие с философскими взглядами Богданова; документальных подтверждений этого свидетельства не имеется, но если оно правильно, то во всяком случае, несомненно что Ленин тогда так редактировал свои оговорки, что они только подкрепляли основную мысль его заявлений: признание полной возможности самого тесного политического союза, несмотря на наличие философских разногласий. Именно об этом говорило и решение БЦ, принятое в самом конце второго периода его истории, накануне отъезда редакции "Пролетария" (Ленин, Богданов и Дубровинский) за границу (декабрь 1907 г.). В этих условиях совершенно непонятно, почему буквально через два месяца после принятия последнего решения, уже в начале 1908 г., отношения Ленина с Богдановым "до крайности испортились", а вскоре затем; оказалось необходимым резкое выступление Дубровинского против Богданова, инспирированное и подготовленное Лениным¹².

Подобное поведение Ленина тем более нуждается в объяснении, что его противники были настроены отнюдь не агрессивно. Наступление вели не они против Ленина, а Ленин против них. Они искали компромисса, были гото-

вы на уступки, обращались к посредникам (эту роль пытался играть Горький) и прилагали все усилия, чтобы избежать разрыва, чтобы не доводить дело до открытой борьбы. Ленин систематически и решительно отвергал их предложения, отказывался от переговоров и посредников и обострял обстановку, возводя в преступление каждую неудачную формулировку своих противников и их сторонников в России... Свое наступление на группу Богданова Ленин развертывал, правда, лишь постепенно, но изучение ленинских документов и переписки показывает, что причиной этой постепенности были не колебания Ленина, а исключительно его стремление возможно лучше подготовить каждый новый шаг своего наступления, возможно вернее обеспечить свою полную победу. Решение -- и очень твердое -- провести полный разрыв с Богдановым и всю его группу Лениным было принято уже в самом начале его второй эмиграции.

* * *

Политические разногласия и разномыслие по философским вопросам между Лениным и Богдановым, несомненно, имелись, и свое влияние на Ленина они, конечно, оказывали. Но и темпы разрыва, и его формы (крайняя личная заостренность), и сам разрыв вообще определялись расхождениями, лежавшими в иной плоскости. О ней Ленин старается молчать. Только крайне редко у него прорываются отрывочные намеки этого рода. Его противники об этой иной плоскости говорят больше, хотя и они стараются говорить о ней крайне сдержанно, тоже намеками. Эта сдержанность понятна: речь шла о крайне щекотливых сторонах их общей деятельности недавнего прошлого, рассказывать о которых открыто было невыгодно им всем. Именно эта щекотливость данной группы

вопросов была причиной усиленного старания Ленина перевести спор на политическую и философскую почву.

В листовке "К товарищам большевикам", которая была написана Богдановым и издана группой "Вперед" в ответ на заявление Ленина о роспуске БЦ (январь 1910 г.), Богданов писал:

"Большевики, учредившие на Лондонском съезде Большевикский центр, смотрели на него, как на организацию, которая, с одной стороны, выражает основные идеи революционного крыла партии, развивая их печатно, с другой -объединяет различные большевистские группы, разбросанные по России, и заведует, под их контролем, материальными средствами большевиков. В этих задачах исчерпывалось все назначение Большевистского центра; его права не подлежали спору, пока он выполнял их; его права кончались с того момента, как он переставал служить какой-либо из них. Так понимали смысл Большевистского центра все большевики".

Сводя всю политическую роль БЦ к работе по изданию печатных органов для развития "идей революционного крыла партии", Богданов считался с решениями IV общепартийной конференции, (ноябрь 1907 г.), которая признала недопустимым "существование особых фракционных центров, конкурирующих в своих функциях с ЦК" 13. На деле политические функции были значительно более обширными. Но наиболее важным в цитированных выше словах Богданова является подчеркнутое нами заявление Богданова о роли БЦ в качестве органа, который заведует "материальными средствами" всех большевистских организаций. Речь шла, конечно, не о тех средствах, которые поступали в кассы местных организаций в нормальном порядке, путем всевозможных сборов и доб-

ровольных пожертвований: этих средств всегда с трудом хватало на текущую работу местных организаций, которые, как правило, даже не имели возможности отправлять в ЦК требуемые уставом отчисления. Речь шла о материальных средствах совсем

другого происхождения, которые, по словам Богданова, исчислялись "сотнями тысяч рублей".

Вопрос о расходовании этих средств был главной причиной наиболее острой критики, которую Богданов направляет против руководителей БЦ.

"Поскольку ему [т. е. БЦ], -- пишет Богданов, -- надо было воздействовать на общественное мнение партии, он старался делать это путем денежной зависимости, в которую он ставил, как отдельных членов партии, так и целые организации, большевистские и не только большевистские. За последние два года не было дано организациям ни одного денежного отчета, а истрачены были сотни тысяч. Попытки некоторых организаций установить постоянный контроль над принадлежащими им суммами встречали со стороны БЦ энергичный отпор и потерпели полное крушение. Таким образом, и в идейном, и в материальном, и в организационном смысле БЦ стал бесконтрольным вершителем большевистских дел, поскольку они зависели от заграницы".

Формулировки, которые употребляет Богданов, свидетельствуют о его стремлении быть как можно более осторожным и как можно меньше приподнимать завесу над секретными сторонами жизни БЦ. Он, несомненно, прилагал усилия, чтобы не дать волю своим подлинным настроениям. Но существо его обвинений ясно: он и его единомышленники заявили, что Ленин, прикрываясь фирмой БЦ, который перестал считаться с мнениями со-

здавших его организаций, захватил в распоряжение своей группы "огромные денежные средства" (формулировка той же листовки) всей большевистской фракции, -- и на эти средства вел работу по укреплению положения своего узкого кружка и по коррумпированию остальных частей большевистской фракции, по коррумпированию всей партии вообще.

Обращение это было написано Богдановым в Марте или даже в апреле 1910 г., когда уже выяснилась вся непримиримость конфликта с Лениным и вскрылось все значение тактики Ленина, стремившегося во что бы то ни стало не допустить самостоятельной политической деятельности Богданова и его единомышленников. Равным образом не менее остро должен был воспринимать эти обвинения Ленин 14, -- и именно эти обвинения определяли общую атмосферу их отношений.

Роль, сыгранная в этом расколе вопросом об "имуществе всей фракции", объясняет также и причины резкости тогдашних отзывов Ленина о Красине. Последний в философских спорах определенной позиции не занимал, хотя по-видимому, склонялся к взглядам Богданова¹⁵. В вопросах политических Красин, видимо, был ближе к бойкотистам, но активно не выступал¹⁶. Поэтому, если бы причины разрыва лежали исключительно в плоскости философских и политических споров, то не было бы причин для осо-

бенного обострения личных отношений между Лениным и Красиным. Но эти отношения сильно обострились, и Ленин с раздражением писал о Красине как о "мастере посулы давать и очки втирать"¹⁷.

Этот отзыв совершенно необъясним, если б дело шло о Красине как политическом деятеле, но он больше,

чем понятен, если считать, что он относится к Красину как министру финансов БЦ, у которого были сложные счета с Лениным, принимавшим ответственное участие в решении всех запутанных дел, проводившихся: БЦ для пополнения своей кассы.

* * *

Правильное решение вопроса о подлинных причинах конфликта внутри БЦ невозможно без выяснения отношений, которые сложились внутри него, и в особенности внутри его основного ядра, так называемой "финансовой группы" Ленин--Богданов--Красин, в результате развития той стороны деятельности, которая официально называлась финансовыми операциями БЦ.

Об этих финансовых операциях и вообще о бюджете БЦ известно очень мало. Финансовый отчет БЦ никогда и нигде опубликован не был. Известно, что такой отчет был представлен тому расширенному совещанию БЦ, которое одно только и было созвано за границей в июне 1909 г. под названием "совещания расширенной редакции Пролетария". Но прежде всего это был отчет только за время от 1 декабря 1907 г. до 15 мая 1909 г., т. е. говорил лишь о том периоде, который нами выше определен как последний, третий период деятельности БЦ, когда главные деятели последнего находились уже за границей. Но и за этот период ни сам отчет, ни какие-либо отдельные цифровые его показатели в печати тоже не появлялись.

Указанное совещание создало для рассмотрения этого отчета особую ревизионную комиссию в составе А. И. Рыкова, М. П. Томского, Н. А. Скрыпника и В. М. Шулятикова, которая представила совещанию свое заключение относительно рассмотренного отчета; это заключе-

ние опубликовано в протоколах совещания, и из него видно, что с отчетностью о расходах для периода до 15 сентября 1908 г., когда значительная часть расходов производилась в России, дело обстояло в высшей степени плохо, ибо тогда "не велось точных и подробных отчетов"; "многие оправдательные документы" по конспиративным соображениям вообще не были взяты, часть других погибла при арестах. В результате, решение ревизионной комиссии довольствуется сухой констатацией, что "указанные в отчетах суммы в кассу поступили и были израсходованы на нужды фракции". Только для периода после 15 сентября 1908 г., когда заведывание кассой перешло за границу, в руки Та

ратуты, ревизионная комиссия смогла установить, что "техническое ведение отчетности стало удовлетворительным и ясным"¹⁸.

Необходимо отметить, что в условиях подполья действовать тогда приходилось не только БЦ, но и всем другим революционным и социалистическим организациям; тем не менее они всегда старались по мере возможности публиковать свои финансовые отчеты, как в расходной, так и в приходной частях¹⁹. БЦ не только не публиковал никакого финансового отчета в тогдашних печатных сообщениях об указанном совещании, но и не включил абсолютно никаких цифровых данных в подробные протоколы этого совещания, составленные для архива, причем это относится к обеим частям отчета, как приходной, так и расходной. Никаких сведений по этому вопросу не дала и редакция "Протоколов совещания расширенной редакции Пролетария", изданных в 1934 г. Институтом Маркса--Энгельса--Ленина, хотя в распоряжении этой редакции находились все материалы архивов -- и

личного архива Ленина, и архива ЦК большевистской партии.

Полезно добавить, что и в 1910 г., когда БЦ был распущен, никакого денежного отчета или вообще сообщения о его кассе тоже опубликовано не было. Группа "Вперед" указала на это обстоятельство в заметке, посвященной разбору денежного отчета Заграничного бюро ЦК РСДРП с 1 февраля по 30 апреля 1910 г. 20. На эту заметку Ленин ответил очень резкой репликой, но вопрос о денежном отчете БЦ и в ней был обойден полным молчанием²¹.

Причины столь упорного молчания, конечно, ни в коем случае не могут быть объяснены необходимостью охранять секреты подпольной организации от полиции. Так поступать лидеры БЦ должны были потому, что секреты своего финансового отчета они скрывали не только от полиции, но и от общественного мнения той партии, в состав которой они тогда формально входили, но от которой они прятали целый ряд важных сторон своей деятельности -- в том числе все те, которые так обогащали их кассу.

* * *

Таким образом, от самого БЦ до нас не дошло никаких указаний о его бюджете: ни о размерах средств, поступивших в его кассу, ни об их происхождении, ни о статьях его расходов. Если мы имеем возможность в известной мере заполнить этот пробел, то этим мы обязаны отдельным разрозненным указаниям, которые проскальзывают в специальной исторической литературе, в мемуарах и т. д. Подчеркиваем, что все основные сведения мы берем из литературы большевистского лагеря и только

для проверки и дополнений привлекаем литературу иного происхождения.

Касса БЦ имела два основных источника своего пополнения. Это были, с одной стороны, пожертвования, поступавшие от от

дельных лиц или в результате широких сборов, и, с другой стороны, суммы, которые БЦ получал в качестве дохода от экспроприации, производимых большевистскими боевыми дружинами в различных частях страны. Каждый из этих источников приносил в кассу БЦ весьма существенные пополнения, но в то же время каждый из них был и причиной весьма серьезных осложнений и внутри самой большевистской фракции, и за ее пределами -- между большевистской фракцией и центральными общепартийными учреждениями.

Из поступлений первой группы наиболее значительными (и в то же время с наибольшими трениями связанные) были два: наследство Н. П. Шмита, принесшее в кассу БЦ около 280 тыс. рублей, и так называемые американские деньги, точные размеры которых неизвестны, но во всяком случае исчисляются в десятках тыс. рублей.

Конфликты, развертывавшиеся вокруг этих поступлений, выростали в результате присвоения большевиками сумм, которые, по мнению их противников, подлежали передаче в центральную общепартийную кассу. В наиболее чистом виде это существо спора вырисовывается в деле с американскими деньгами. Эти деньги были получены от сборов, проведенных в США летом 1906 г. в связи с приездом туда М. Горького.

Эта поездка была организована большевиками. Главным ее инициатором был Л. Б. Красин, но уже в период организации этой поездки (март 1906 г.) действо-

вал Объединенный ЦК РСДРП, в который входили и большевики, и меньшевики; и Горький ехал в Америку, имея письма к Американской социалистической партии, официальное -- от этого ЦК, и личное -- от Ленина, который тогда был одним из двух представителей РСДРП в Интернационале²². Фактическим организатором поездки был большевик Н. Е. Буренин, один из активных работников большевистской центральной Боевой группы, выбранный для этой работы Красиным²³- Как совершенно правильно указывает лидер американской социалистической партии М. Хилквит, поездка и с общественной, и с финансовой стороны была организована крайне неудачно -- людьми, которые совсем не понимали американских условий и думали только о том, чтобы сорвать как можно больше денег. Ошибки, сделанные в процессе организации этой поездки, сильно помогли успеху той кампании травли Горького, которая была умело раздута агентами тогдашнего царского посольства. Широкая кампания сборов, проводимых по каналам, не связанным с рабочим движением, была полностью сорвана, и только после того, как организаторы поездки Горького убедились в провале своих планов, они обратились к рабочим организациям. С помощью Американской социалистической рабочей партии, еврейских рабочих организаций и нью-йоркской группы со

действия РСДРП Горькому удалось прорвать ту блокаду, которая была начата против него.

Именно этими организациями были проведены и сборы денег. Точное выяснение истории всей этой кампании и финансовых ее результатов требовало бы специального обследования тогдашней американской рабочей печати. Но и поверхностное знакомства с последней убеждает, что кампания эта проводилась как общая кам-

пания всех групп РСДРП, причем особенно важную роль играли, с одной стороны, ежедневная еврейская газета "Фор-вертс" и, с другой, нью-йоркская группа содействия РСДРП. "Фор-вертс" в то время фактически проводила политическую линию Бунда, а группа содействия, хотя и включала в свой состав также и большевиков, возглавлялась определенными меньшевиками (М. Роммом, Д. М. Рубиновым и др.), которые проводимые в фонд Горького сборы поддерживали и организовывали как сборы в пользу всей партии. Никогда и нигде, ни в печати, ни в процессе внутриорганизационных переговоров, группам, поддерживавшим и проводившим кампанию этих сборов, ни сам Горький, ни кто-либо из его представителей не делал и намека, что сборы производятся на нужды фракции большевиков. Если бы такое заявление ими было сделано, ни одна из указанных организаций не приняла бы участия в таких сборах²⁴.

Тем не менее все средства, собранные во время этой кампании, поскольку они попали в руки Н. Е. Буренина, были отправлены не общепартийному ЦК, в состав которого тогда входили и большевики, а в БЦ, который под разными предлогами их передачу в общепартийную кассу задерживал. После долгих и безрезультатных переговоров вопрос был поставлен перед ревизионной комиссией Лондонского съезда. Уклончивые ответы представителя большевиков в Берлине, на чье имя была переведена часть денег из Нью-Йорка, помешали комиссии вынести решение; дело было передано в ЦК²⁵, но этот последний, имевший большинство из большевиков и польских социал-демократов, несмотря на все настояния никакого дополнительного расследования не произвел²⁶. Вопрос был похоронен. Деньги остались в кассе БЦ.

ратута ("Виктор") добился "путем недопустимых угроз"²⁸. Большевики во главе с Лениным категорически отвергли эти обвинения, и за подписями Ленина, Зиновьева, Каменева и Дубровинского опубликовали заявление о том, что Таратута это дело "вел вместе с нами, по нашему поручению, под нашим контролем" и что они все "целиком отвечают за это дело"²⁹. Каменев утверждал, что правильность их версии подтверждается многочисленными документами³⁰, которые они не могут публиковать по соображениям конспирации.

Вопрос этот был поставлен на пленуме ЦК в январе 1910 г. Подробностей мы не знаем, но известно, что обсуждение закончилось принятием следующей резолюции: "ЦК считает необходимым признать, что игнорирование ЦК его членами, входящими в состав БЦ, при совершении различных операций" по реализации пожертвования "было неправильно, и в особенности неправильно было согласие передать без ведома ЦК на рассмотрение представителей партии социалистов-революционеров спор БЦ с частными лицами"³¹.

При оценке этой резолюции необходимо иметь в виду, что она была принята после того, как БЦ заявил о своей готовности самораспуститься и передать все свои средства в кассу общепартийного ЦК. В этих условиях многим участникам пленума казалось не только ненужным, но и прямо вредным настаивать на проведении более решительного осуждения членов БЦ и на подчеркивании ставшего, как им казалось, академическим вопроса о том, кто именно обладал моральными правами на наследство Шми-та -- БЦ или общепартийный ЦК -- так как оно все равно переходит в кассу общепартийного ЦК. Если, тем не менее, пленум, на котором решающий голос все же принадлежал умеренным большевикам и людям, к

ним близким, счел необходимым в особой резолюции закрепить свою оценку поведения членов БЦ как "неправильное" и квалифицировать их поведение как "игнорирование ЦК", то это нельзя не рассматривать как показатель сильного недовольства теми недопустимыми приемами, которые БЦ применял в борьбе за наследство Шмита.

Таково было положение вопроса в дореволюционные годы. Теперь соображения старой конспирации отпали, но ни один из тех многочисленных документов, которые по утверждению Каменева имелись в распоряжении БЦ и якобы доказывали -бесспорную правильность их толкования воли Шмита, не опубликован, хотя документы эти должны храниться в архивах ЦК КПСС. Это вызывает тем более основательные подозрения, что даже большевистская мемуарная литература с бесспорностью устанавливает, что второе обвинение, выдвинутое тогда против Таратуты, было вполне правильным: он действительно угрожал убийством тех, кто будет пытаться помешать передаче большевикам наследства

Шмита. Об этом рассказал С. П. Шестернин, старый социал-демократ из Иваново-Вознесенска, который не играл активной роли в большевистском движении, но был использован БЦ как человек, занимавший солидное общественное положение, для получения наследства Шмита и вывоза его за границу. В своих воспоминаниях "Реализация наследства после Н. П. Шмита и мои встречи с Лениным"³² он рассказывает, между прочим, о первой встрече представителей БЦ (Ленин, Красин, Таратута) с юным братом Шмита и его адвокатами. Встреча эта состоялась в Выборге весной 1907 г. Разговор шел вполне нормальным порядком, стороны выясняли положение вопроса. Внезапно Таратута вскочил и "резким металличе-

ским голосом" заявил: "Кто будет задерживать деньги, того мы устраним". Ленин поспешно "дернул Тарату-ту за рукав", а среди питерских адвокатов, сопровождавших молодого Шмита "произошло какое-то замешательство". Это была, наивно прибавляет Шестернин, "единственная шероховатость" во всех переговорах, но именно она делает понятным, почему через несколько дней адвокаты сообщили, что Шмит-брат от своих прав на наследство отказывается, передавая эти права двум юным сестрам Шмита.

Если Таратута (а ответственность за его действия, как мы видели, приняло на себя все тогдашнее бюро БЦ во главе с Лениным) позволял себе делать столь откровенные угрозы на сравнительно широких совещаниях, то имеются все основания считать правильными старые рассказы Андриканиса, мужа старшей из сестер Шмита, который утверждал, что Таратута "путем недопустимых угроз"³³ добивался от него передачи наследства в БЦ, а не в ЦККаменев, возражая Мартову, доказывал, что спор между БЦ и Андриканисом шел не о том, кому должен Андриканис передать наследство Шмита, а о том, какую долю этого наследства Андриканис может удержать в свою пользу ³⁴. Но эта версия Каменева ни в коем случае не опровергает рассказа Андриканиса; наоборот, именно она делает последний законченно цельным.

Н. А. Андриканис, молодой московский адвокат, в 1905-- --1907 гг. был членом большевистской организаций Москвы и в качестве большевика поддерживал сношения с семьей Шмита. На старшей из сестер Шмита он женился в 1907 г. В то же время БЦ привлек его к хлопотам по реализации наследства³⁵. В 1907-- --1908 гг. Андриканис входил в состав большевистской группы содействия РСДРП в Париже; но в конце 1908 г. из этой группы

вышел, хотя и заявил, что остается социал-демократом³⁶- Именно к этому времени относится начало суда между БЦ и Андриканисом, причем этот суд (его председателем был М. А. Натансон, один из лидеров партии эсеров) обязал Андриканиса внести в кассу большевиков не то треть, не то половину той суммы, которая была получена его женой из наследства Н. П. Шмита³⁷. Несомненно, что

именно к этому времени относится и вторая полоса угроз со стороны Таратуты, который должен был быть недоволен этим решением суда, и обращение Андриканиса в ЦК с жалобой на эти угрозы, на поведение БЦ в этом деле вообще, и его специальное указание на недопустимое поведение БЦ, который пытается обратить на фракционные нужды состояние Шмита, завещанное партии. Текст этого обращения Андриканиса в печати неизвестен, но Каменев его определял как попытку "достаточно искусно маскировать тяготеющее на нем обвинение в покушении на партийное имущество"³⁸.

Это обвинение в основе, по-видимому, правильно: бывший большевик Андриканис к делу реализации наследства Шмита подходил, конечно, с корыстными личными целями, стараясь урвать себе как можно большую долю. Но сама возможность такого подхода была создана той корыстной фракционной игрой, которую повел вокруг наследства БЦ. В только что приведенной цитате Каменев говорит о покушении Андриканиса на партийное имущество. Но в то время, когда Шмит делал свои распоряжения о передаче его имущества партии, зимой 1906--1907 г., существовала только одна объединенная РСДРП, с общим ЦК, с общею социал-демократической фракцией в Государственной думе и т. д. Только этой объединенной партии принадлежало все партийное имущество. БЦ

имел имущество фракционное. Но лидеры большевистской фракции решили и партийное имущество захватить в пользу своей фракции: так они поступили с американскими деньгами, собранными в фонд Горького, так они поступили с наследством Шмита. Андриканис в начале 1907 г. пытался против этого бороться и дал общепартийному ЦК сведения об игре, которую вели большевики. Но ЦК, в котором тогда большинство составляли большевики вместе с их прочными союзниками, польскими социал-демократами, от этого сообщения отмахнулся: предоставил большевикам вести это дело, оставив за собой лишь право вернуться к вопросу, когда реализация наследства будет закончена, и лишь обязав большевиков держать ЦК в курсе этого дела.

После этого Андриканис замолчал больше, чем на два года- В это время он входил в парижскую группу большевиков-ленинцев, посещал их собрания. Его никто не беспокоил. БЦ им занялся только с конца 1908 г., после того, как реализация той половины наследства Шмита, права на которую перешли к младшей сестре, вышедшей замуж за Таратуту, уже подошла к концу. Весною и летом 1909 г. дело БЦ против Андриканиса разбиралось третейским судом. Судьями были лица безупречной, по партийным понятиям, честности -- Натансон, А. Ю. Фейт и др. Очень важно, что этот суд обязал Андриканиса передать БЦ не всю ту долю наследства, которую получила жена Андриканиса, старшая из сестер Шмита, а только часть -- или треть, или половину. Это решение

может иметь только одно объяснение: Андриканис очевидно доказал, что сам БЦ признал его права на остальную часть наследства. В эмиграции, действительно, тогда ходили слухи, что после первых разоблачений Андриканиса, в 1907 г., он замолчал об этом деле пото-

му, что между ним и представителями БЦ было заключено соглашение, согласно которому Андриканис, за поддержку большевистской версии о том, что наследство было предназначено не для всей партии, а только для одной большевистской фракции, получил согласие БЦ оставить часть наследства в личную пользу. Чтобы иметь возможность присвоить общепартийное имущество, представители БЦ заплатили Андриканису большое отступное.

Решение третейского суда Андриканис, несомненно, выполнил³⁹. Но осенью 1909 г. началась новая полоса угроз со стороны Таратуты, который стремился этим путем оторвать из "львиной доли", оставшейся у Андриканиса, еще какую-то часть для кассы БЦ. Именно эти новые угрозы Таратуты заставили Андриканиса незадолго до январского пленума ЦК обратиться к членам последнего с новой жалобой "на недопустимые действия" Таратуты. Но и теперь Андриканис не довел дела до конца: очень похоже, что дело было замято, так как представители БЦ заключили с Андриканисом какое-то соглашение. Конечно, в ущерб интересам партии.

* * *

Вторым важнейшим источником пополнения кассы БЦ были доходы от экспроприации казенных сумм, производимых большевистскими "боевыми дружинами" и родственными им группами. Волна экспроприации (их тогда называли сокращенно "эксами") в 1906--1908 гг. широко расплескалась по всей стране. Их производили как различные революционные группы, так и случайные отряды людей, которых революция и безработица выбила из нормальной колеи. В качестве орудия борьбы против правительства их особенно часто применяли организации партии эсеров и союза эсеров-максималистов, а также

ряд революционных национальных партий (польская социалистическая партия, грузинские социалисты-федералисты, армянская партия Дашнакцутян и т. п.). Особо следует поставить анархистов, которые вели пропаганду в пользу экспроприации не только казенных средств, но и у частных лиц и широко развили практику такого рода выступлений.

В рядах социал-демократии отношение к экспроприациям было резко отличным у большевиков и у меньшевиков. Впервые этот спор развернулся в апреле 1906 г. на съезде в Стокгольме. Большевики, рассматривая экспроприации как одну из форм "партизанских боевых выступлений" против правительства, признавали

экспроприации допустимыми, но только казенных сумм, обязательно под строгим контролем партии и с тем, чтобы добытые таким путем средства были обращены обязательно на работу по подготовке восстания. Меньшевики, наоборот, подчеркивая деморализующее влияние экспроприации, призывали "бороться против выступлений отдельных лиц или групп с целью захвата денег под именем или девизом социал-демократической партии".

Захват казенных средств меньшевики считали возможным только в одном единственном случае: если власть в данной местности перешла в руки революционных органов. В подобных случаях меньшевики признавали возможность конфискации капиталов в государственном банке и в правительственных учреждениях, но исключительно по указанию этих органов революционной власти и при условии полной отчетности и гласности⁴⁰.

* * *

Стокгольмский съезд принял резолюцию меньшевиков, которая, таким образом, стала общеобязательным партийным решением по этому вопросу. Лондонский съезд в мае 1907 г. это запрещение подтвердил, дополнив его решением о роспуске всех специальных боевых дружин и групп, причем это решение прошло подавляющим большинством (блок меньшевиков с Бундом, польскими социал-демократами и частью социал-демократов Латышского края при воздержании значительной части большевиков)⁴¹. Тем не менее большевики не только после Стокгольмского, но и после Лондонского съезда продолжали сохранять во всяком случае некоторые из своих боевых дружин и проводили экспроприации, причем и политическое, и непосредственно практическое руководство этими выступлениями находилось в руках основной тройки БЦ "финансовой группы" последнего, т. е. Ленина, Богданова и Красина.

Особенно широкую деятельность в этой области развивали большевики Урала, с одной стороны, и Закавказья -- с другой. И боевые организации, созданные в этих районах, и люди, стоявшие во главе их, были совершенно различными по типу. Уральские большевики, во главе которых стояли три брата Кадомцевых (Эразм, Иван и Михаил), делали попытки создания в подполье массовой рабочей милиции, разрабатывали далеко идущие военно-стратегические планы восстания на Урале и т. д., и свои экспроприации проводили главным образом для получения денежных средств на эту работу, а в БЦ передавали относительно лишь небольшую часть доходов от своих предприятий⁴². Группа же большевиков-боевиков Закавказья никакими большими планами восстания не задавалась и составляла небольшой, но тесно

сплоченный кружок отчаянно смелых "удалых добрых молодцев" (Ленин назы

вал их главаря С. Т. Петросяна-Камо "кавказским разбойником" и в этом определении была не одна только добродушная шутка, которая относилась не к одному только Камо), которые с южной романтикой были увлечены Лениным, жили впроголодь (ряд из них поумирал молодыми от туберкулеза), но мечтали совершить крупный "экс", захватить 200--300 тыс. руб. и принести их Ленину: возьми и делай, что знаешь⁴³.

Для нас важно прежде всего установить, что вся работа обеих этих групп проходила под непосредственным руководством не только всей указанной тройки, как целого, но и Ленина лично. Для Урала имеется прямое свидетельство в этом духе, исходящее, несомненно, от Э. Кадомцева. С. М. Познер в своих комментариях к "Протоколам Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП" в совершенно категорической форме утверждает, что "ни одно важное предприятие на Урале не совершалось без ведома Ленина и "Любича", И. А. Саммера" (последний был уполномоченным БЦ по сношениям с Уралом, прикрываясь в то же время официальным внутрипартийным положением "агента ЦК"). А за 1906--1907 гг. на Урале большевиками было проведено много десятков "эксов", большей частью мелких ограблений казенных винных лавок и т. д., но иногда и весьма крупных (при экспроприации почтового поезда на Деме, под Уфой, в августе 1906 г., в руки большевиков попало свыше 200 тыс. руб.). Из этих денег, как теперь известно⁴⁴, в кассу БЦ поступило 60 тыс. руб. (через того же Саммера).

Что касается до экспроприации в Закавказье, то, по свидетельству М. Н. Лядова, вопросы о них всех обсужда-

лись в БЦ. Непосредственное участие в разработке планов принадлежало больше всего Красину, в которого, по свидетельству Лядова, "Камо был прямо влюблен". "Вот человек, -- говорил Камо, -- он с полслова все понимает, дает сразу такой совет, который предрешает успех всего дела"⁴⁵. Общее количество денег, захваченных группой Камо, надо определить приблизительно в 325--350 тыс. руб., причем главная экспроприация на Эриванской площади в Тифлисе (25 июня 1907 г.) дала не меньше 250 тыс. руб. Все эти суммы были переданы в БЦ. 250 тыс. руб., взятых в Тифлисе, лично привез Камо и сдал их в штаб-квартиру БЦ в Куоккала. Крупская пишет, что эти деньги "нельзя было использовать", так как номера пятисотрублевки были известны и сообщены правительством по банкам. Но это не вполне точно: из 250 тыс. в пятисотрублевках было только 100 тыс. Остальные 150 тыс. были в более мелких купюрах, и размен их никаких трудностей не представлял. Лядов нарисовал небольшую сценку в штаб-квартире БЦ, когда Крупская и жена Богданова зашивали пятисотрублевки в жилет Лядова, который и повез их за границу для попытки размена ⁴⁶.

Наследство Шмита принесло БЦ в общей сложности около 280 тыс. руб., которые в кассу поступили частями в 1907--1909 гг., боевые предприятия на Урале и на Кавказе, даже если не считать злополучных пятисотрублевки, дали значительно большую сумму. А ведь нам известны далеко не все предприятия БЦ этого рода.

Приходный бюджет БЦ исчислялся действительно многими сотнями тысяч рублей -- в этом отношении Богданов был совершенно прав. Красин был настоящим гением и в организации предприятий такого рода, и вообще в использовании всевозможных источников добычи средств. Мы уже указали, что бомбами, изготовленными

в лабораториях БЦ, была взорвана дача Столыпина (25 августа 1906 г.), они же сыграли решающую роль и в знаменитой экспроприации в Фонарном переулке в Петербурге (27 октября 1906 г.). Оба эти предприятия были организованы эсерами-максималистами. Устное предание, прочно державшееся в социал-демократических кругах дореволюционных лет, говорило, что именно поэтому значительная часть денежных сумм, захваченных в Фонарном переулке, попала в руки БЦ, как попала туда же часть денег, похищенных эсерами-оппозиционерами в банке Московского Общества взаимного кредита в Москве (апрель

1906 г.).

Дело этим не ограничилось. Известно, что в 1906--1907 гг. большевики в Петербурге и Москве серьезно разрабатывали план выпуска фальшивых денег. К этому плану Красин вернулся в

1907 г. и заказал в Германии бумагу с водяными знаками для печатания фальшивых трехрублевков⁴⁷.

* * *

Основная тройка БЦ -- его "финансовая группа" в составе Ленина, Богданова и Красина -- в 1906--1907 гг. была талантливо построенным аппаратом для "принудительного отчуждения" в пользу большевистской фракции не только правительственных средств, но и сумм, предназначенных для общепартийной кассы. В выборе методов не стеснялись: лишь был бы крупный доход. Никаких признаков, которые давали бы основание говорить о наличии каких бы то ни было разногласий по этим вопросам внутри "финансовой группы", найти не удастся не только для периода до Лондонского съезда, но и для того полугодия после этого съезда,, когда политические лиде-

ры БЦ продолжали оставаться в России. Но отсутствие разногласий внутри "финансовой группы" отнюдь не следует принимать за доказательство отсутствия разногласий внутри фракции большевиков вообще. Наоборот, можно доказать что разногласия по этому вопросу среди большевиков существовали, и притом весьма значительные. Разложение, которое экспроприации вносили в народные массы вообще, а в ряды рабочих

организаций в особенности, было настолько велико, что отрицательное отношение к ним проникало и в среду большевиков. Строгая фракционная дисциплина, которая этими последними была установлена, не позволяла этому отрицательному отношению вырваться наружу. Но на Лондонском съезде вскрылись его размеры

Основная борьба по этому вопросу на съезде велась не на пленарных заседаниях, а в комиссиях, материалов о работе которых не сохранилось. Ничего не говорят о ней и мемуаристы, так как авторы-большевики (едва ли не единственные, кто имел возможность печатать свои воспоминания об этом съезде) предпочитают обходить этот вопрос молчанием. Но по рассказам немногих из участников съезда, доживших до наших дней, мы можем установить, что в комиссии съезда, которая обсуждала этот вопрос, выяснилось наличие существенных расхождений внутри большевиков. Целый ряд видных большевиков во время закулисных переговоров заявляли, что они не могут открыто выступить с осуждением той практики, которая до тех пор применялась их лидерами, так как многие из них разделяют ответственность за это прошлое, но что они будут бороться против ее применения в будущем, настаивая лишь на предании забвению того,

что было в прошлом, так как постановка вопроса о прошлом только обострит отношения.

Положение осложнялось тем фактом, что вопрос об экспро-приациях ставился как частный случай большого вопроса о "партизанских формах борьбы" против террористических мероприятий правительства, а практика партизанских нападений на карательные полицейские отряды, которые расправлялись с населением в периоды народных волнений, была широко развита не только в Прибалтийском крае (движение "лесных братьев"), но и на Кавказе, особенно в Грузии. И. Г. Церетели вспоминает, что Ленин тогда в частном разговоре поставил перед Н. Н. Жордания вопрос, согласится ли он исключить из партии, как того требовала резолюция меньшевиков, тех гурийских крестьян -социал-демократов, которые нападут на казаков, насильничающих в их родных деревнях⁴⁸. В результате комиссия, по существу одобрявшая мысли, положенные в основу меньшевистского проекта резолюции, приняла ряд поправок, существенно смягчавших его формулировки. И этот смягченный проект был предложен съезду от имени четырех из пяти основных группировок (кроме большевиков).

Эти воспоминания о тогдашних спорах в комиссии и за кулисами полностью подтверждаются анализом данных, закрепленных в официальных протоколах съезда. Проект резолюции, предложенный комиссией от имени четырех делегаций (меньшевики, польские социал-демократы, Бунд и латыши), на заседании 1 июня

1907 г. был принят большинством в 170 голосов против 35 и 52 воздержавшихся. Для общего настроения съезда характерно не только это огромное большинство (66 %) высказавшихся против партизанских выступле-

ний; едва ли не еще более показательным, что лишь совсем ничтожное меньшинство (всего 13, 6 %) открыто проголосовало против резолюции, т. е. защищало практику партизанских нападений.

Так как голосование было поименным, то имеется возможность более детально разобраться в настроениях делегатов-большевиков. Из 35 человек, голосовавших против резолюции, большую половину составили социал-демократы Латышского края (18 делегатов), где была особенно широко развита партизанская борьба против карательных отрядов. Российских большевиков среди противников резолюции оказалось всего 17 человек, что составляет только 16, 2 % общего состава большевистской фракции съезда (на съезде было 105 большевиков).

Для понимания общего настроения большевистской фракции едва ли не еще более характерен другой факт: несмотря на строгую дисциплину, которая царила среди большевиков на съезде, нашлось шесть делегатов-большевиков, которые подали свои голоса за резолюцию, т. е. за запрещение экспроприации, причем все эти делегаты были из центрального промышленного района (трое из Москвы). В подавляющей массе делегаты-большевики при голосовании воздержались, причем среди воздержавшихся были такие видные представители большевистской фракции, как А. П. Смирнов, тогда один из лидеров Петербургской организации; С. Г. Шаумян, известный тогда лидер большевиков Закавказья; Н. Н. Накоряков, который тогда был представителем Уральского областного комитета большевиков для политического" руководства теми боевыми дружинами, о которых было рассказано выше⁴⁹. Отметим, попутно, что среди воздержавшихся был также К. Е. Ворошилов, тогда делегат от Луганска, и ряд других провинциальных большевиков.

Настроение на съезде было таково, что многие из недавних сторонников "партизанских выступлений" в дни съезда начинали пересматривать свое отношение к вопросу.

Это общее настроение большевистской фракции съезда, конечно, нашло свое отражение также в голосовании и членов самого БЦ, который как раз в те дни был избран в новом расширенном составе. Среди них не нашлось голосовавших за резолюцию комиссии, но зато против резолюции, т. е. в защиту партизанских выступлений, проголосовало всего только три члена БЦ: Ленин, Дубровинский и Каменев. Полезно здесь же отметить, что среди остальных большевиков, проголосовавших тогда вместе с Лениным, было очень мало людей, оставивших какой-либо след в истории большевистского движения. Таковыми можно считать лишь

М. Н. Лядова, М. Томского и Ем. Ярославского. Среди остальных было несколько второстепенных деятелей боевых организаций, например Н. Скворцов из Златоуста⁵⁰, Э. Лугановский из Нижнего Тагила и др. -- сплошь рядовые провинциальные работники, не игравшие никакой мало-мальски заметной роли.

Это была изоляция Ленина по данному вопросу внутри его собственной фракции, изоляция тем более подчеркнутая, что по случайным причинам оба остальных члена "финансовой группы" в списках голосовавших не фигурировали: Богданов был на съезде с совещательным голосом, а Красин, арестованный в Москве, вообще отсутствовал. Но и при учете этой случайности наличие расхождения между позицией Ленина и позицией большинства членов БЦ было весьма заметным. Из 15 членов БЦ на съезде с решающими голосами присутствовало 11 (кроме Красина арестованы были Рыков и Шанцер), из

которых 5 воздержалось при голосовании (Гольденберг-Мешковский, Зиновьев, Рожков, Тара-тута и Теодорович), а трое вообще не занесены в список участвовавших в голосовании (Линдов, Ногин и М. Н. Покровский). Объяснение этому их отсутствию может быть, по-видимому, только одно: они не хотели, чтобы их имена стояли в списке хотя бы только воздержавшихся при голосовании резолюции с осуждением экспроприации, к которым они (относительно Линдова и Ногина это известно) относились резко отрицательно, но в то же время считали невозможным и голосовать за резолюцию осуждения, так как это слишком подчеркивало бы наличие глубокой трещины внутри БЦ по столь больному вопросу. Именно поэтому они покинули заседание⁵¹ перед началом голосования: это был обычный тогда прием.

Таким образом, внутри БЦ определенных защитников экспроприации было всего 5 человек (Ленин, Богданов, Дубровинский, Каменев и Красин), а людей, которые или колебались в этом вопросе, или относились к экспроприациям с большей или меньшей долей осуждения, было не меньше 8 (позиция Рыкова и Шанцера в точности неизвестна).

Конечно, на отношение к данному вопросу порою влияли факторы случайного характера. Известную роль играли, например, местные конфликты вокруг экспроприации (по-видимому, именно в этом направлении следует искать объяснения позиции Шаумяна, который принадлежал к последовательным ленинцам, но был вынужден вести борьбу с бандитизмом и вымогательствами, которые Сталин насаждал в Баку). Но к этим случайным факторам очень хорошо подходит старая истина о наличии своей закономерности даже и в случайностях. Первопричиной их всех было разлагающее влияние экспроприации на

судьбы рабочего движения; и те элементы большевистской фракции, которые больше других были склонны считаться с интересами этого движения, пер

выми начинали рвать с экспроприаторской практикой БЦ 1906--1907 гг. Совсем не случайно среди воздержавшихся или уклонившихся от голосования за резолюцию с осуждением экспроприации было так много большевиков, которые в последующие годы принадлежали к лагерю "большевиков-примиренцев": Мешковский, Ногин, Линдов, Теодорович, Рожков.

* * *

Именно эти будущие "примиренцы" во время закулисных переговоров в Лондоне давали обещания положить конец практике экспроприации, но это все были обещания, данные без хозяина. Ни с "большевиками-соглашателями", ни с официальными решениями съезда "финансовая группа" считаться не собиралась, а она и при новом составе БЦ держала в своих руках и весь аппарат БЦ, и в особенности все нити его конспиративных предприятий. В этом вскоре все убедились на примере большой экспроприации на Эриванской площади в Тифлисе (25 июня 1907 г.), которая была проведена группой Камо с благословения "финансовой группы". Благословение было выдано уже после Лондонского съезда; тем более после съезда "финансовая группа" приняла от Камо "имущество", захваченное на Эриванской площади, и подписала договор с группой Камо об его реализации.

Ленин во всех этих переговорах принимал личное участие, и Крупская совсем не случайно, каждый раз, когда упоминает о Камо, перечисляет всех членов "финансовой группы"; подчеркивая, что Камо "страстно был

привязан к Ильичу, Красину, Богданову"⁵² -- ко всем троим. "Финансовая группа" свои предприятия конспирировала не только от официальных общепартийных центров, но и от пленума самого БЦ: только так можно было толковать данное Камо ("кавказской группой") обязательство "финансовой группе" ("коллегии трех") "ни при каких условиях" не нарушать общую тайну и не переносить "обсуждение дела о порученном имуществе в какую бы то ни было партийную организацию, не допускать такого обсуждения, не участвовать в нем".

Формулировки этого договора не оставляют места для сомнений в том, что запрет этот касался и пленума БЦ -- его, по-видимому, даже больше и прежде всего, а юридическая точность формулировок заставляет думать, что их авторство принадлежит не Камо, а вернее всего Ленину, который один в "финансовой группе" прошел школу юридических наук и в то же время имел огромный опыт в практике внутрипартийных споров, лучше других предусматривал возможные в этой области осложнения.

Политические разногласия, которые вскоре после разгона Второй государственной думы (3 июня по ст. ст. 1907 г.) легли между Лениным и Богдановым, ни в коей мере не мешали их дружному

сотрудничеству по делам, касавшимся "финансовой группы" Никаких указаний на расхождения в этой последней плоскости мы не имеем, и совместная работа их жен по зашиванию тифлисских пятисотрублевых в старую жилетку Лядова с полным основанием может быть рассматриваема как своеобразный символ прочности этой их кооперации. Более важно, что это была жилетка именно Лядова, того самого, чье имя в протоколах Лондонского съезда в списке защитников права на "экссы" стояло ря-

дом с именем Ленина; равно как не менее важен и другой факт, что непосредственно после Лондонского съезда в центральном аппарате БЦ появился Дубровинский, который в Лондоне по этому вопросу об "эксах" голосовал тоже вместе с Лениным.

Это были, конечно, детали, но они крайне характерны и для тогдашнего настроения Ленина, и для общей атмосферы в БЦ после Лондонского съезда. Крупская сближение Ленина с Дубровинским объясняет "беззаветною преданностью Инокентия делу" и его "решительностью в борьбе", напоминая при этом и об его личном участии в московском восстании декабря 1905 г., и об его роли в кронштадтском восстании июля 1906 г. 53 Эти биографические справки верны; Дубровинский действительно отличался и большим личным мужеством, и преданностью делу. Но не следует забывать, что в аппарат БЦ Ленин его взял не после декабря 1905 г. и не после июля 1906 г., хотя и тогда он уже знал Дубровинского лично, а только с июня- 1907 г., после Лондонского съезда, на котором Дубровинский доказал не личное мужество, а свою готовность вместе с Лениным идти даже на защиту "эксов".

Ленин, конечно, ценил и "беззаветную преданность делу революции" и "решительность в борьбе", но с его точки зрения не это было главным: своими ближайшими сотрудниками он делал все же только тех, кто показывал свою способность стать его верным оруженосцем, и в мае 1907 г. мерилом такой верности он был склонен брать готовность идти с ним до конца в вопросе об экспроприациях. Даже близость по большим политическим вопросам имела для него в это время меньшее значение. Так, например, Мешковский и Рожков⁵⁴ в июле 1907 г. были ему политически много ближе, чем Каменев, который как

раз в это время выступил в печати главным оппонентом Ленина по вопросу об участии в Третьей государственной думе⁵⁵, но своим помощником по редактированию "Пролетария" Ленин все же выбрал не их, а Каменева, который хотя и занимал другую позицию по вопросу о выборах, но, как мы видели на Лондонском съезде, тоже голосовал вместе с Лениным против резолюции о запрещении партизанских выступлений.

В период, непосредственно следовавший за Лондонским съездом, при подборе ближайших сотрудников для работы в цент

ральном аппарате БЦ для Ленина решающую роль играли соображения, связанные с интересами "финансовой группы". Личные отношения между членами этой последней и их ближайшими сотрудниками были, казалось, самыми лучшими. Во всяком случае, между Лениным и Богдановым, которые жили на одной общей даче "Ваза" в Куоккала. После Лондонского съезда вместе с ними поселился и Дубровинский, и "Ваза" окончательно стала штаб-квартирой БЦ.

Был только один пункт, который заставляет думать, что уже тогда в отношениях между членами "финансовой группы" намечалась некая трещина. Это было появление В. К. Таратуты ("Виктора") на руководящей работе в БЦ.

Вокруг этого "Виктора", начиная с 1906 г., накопилось много неприятных разговоров и обвинений. Не только Землячка (Р. С. Залкинд), которая среди большевиков с давних пор была известна как крайне неуживчивый человек, почти склочница по натуре, но и такие уравновешенные люди, как И. А. Саммер ("Лю-бич") и ряд других (позднее, с 1908 г., среди них видную роль стал играть Богданов), были убеждены, что Таратута является поли-

цейским агентом-provokatorом. Это обвинение было неправильным, и мы теперь знаем, что именно придавало внешнюю убедительность некоторым из улик против Таратуты: среди ближайших сотрудников Ленина в те годы за границей действительно был provokator -- доктор Житомирский -- "Отцов", который и был виновен в выдачах, приписанных в свое время Таратуте⁵⁶. Но в те годы Житомирского никто не подозревал, а скандальные истории личного характера, которых было много в биографии Таратуты, делали правдоподобными и обвинения в предательстве.

Этого Таратуту Ленин взял под свое особое покровительство с того момента, когда выяснилось, что Таратута сможет сыграть большую роль в деле получения наследства Шмита, и на Лондонском съезде именно Ленин провел Таратуту в члены БЦ и в кандидаты в общепартийный ЦК. В истории партии это был вообще единственный случай, когда в центральное учреждение избирали человека, против которого несколько раз возбуждалось обвинение в его связи с полицией; поэтому вполне естественно, что его кандидатура вызывала серьезные возражения особенно среди большевиков, которые лучше других были знакомы с биографией Таратуты. Но Ленин бросил на чашу весов весь свой авторитет и настоял на избрании. Приблизительно к этому времени относится разговор Ленина с Н. А. Рожковым, который крайне важен для понимания не только Таратуты, но и Ленина. На основании сведений, которые он имел о Таратуте по Москве, Рожков охарактеризовал последнего, как "прожженного негодяя". Ленин не оспаривал характеристики, но настаивал, что именно поэтому Таратута и является особенно "незаменимым человеком" для большевиков.

"Тем-то он и хорош, -- говорил Ленин, -- что ни перед чем не остановится. Вот, вы, скажите прямо, могли бы за деньги поит на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел... Это человек незаменимый".

Для Ленина такой подход к вопросам элементарной морали был вообще характерен. Он при всяком удобном и неудобном случае старался внушать своим последователям, особенно из молодежи, что "партия не пансион для благородных девиц" и что "иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он -- мерзавец" 57.

Конечно, далеко не всякого "мерзавца" Ленин брал под свое высокое покровительство, а тем более далеко не каждого из них он проводил в состав центральных партийных органов. Моральные качества партийного работника с точки зрения Ленина не должны были служить непреодолимым препятствием при его продвижении на высокие посты в партии. Но выдвигал на такие посты Ленин все же только тех, чья деятельность с его точки зрения была особенно полезной, причем по важности поста, на который он проводил соответствующего работника, и по размеру усилий, на которые он был готов при этом пойти, преодолевая сопротивление окружающих, всегда можно понять, как много надежд на своего нового кандидата он возлагает, насколько важное место он ему в своих планах отводит.

Среди всех аналогичных дел случай Таратуты был наиболее трудным во всей огромной партийной практике Ленина. По приведенному выше его разговору с Рожковым видно, какие огромные трудности Ленин должен был преодолеть. Такие вопросы ставил, конечно, не один

Рожков, который тогда отличался большой покладистостью в отношениях с Лениным. Были другие, сговориться с которыми было много труднее. По напряженности борьбы, которую он был готов по этому вопросу выдержать, мы можем понять, что в своих планах на будущее Ленин отводил Та-ратуте весьма значительное место. Здесь мы возвращаемся к основному вопросу внутренней истории БЦ -- к вопросу о взаимоотношениях между Лениным, Богдановым и Красиным.

* * *

При подведении итогов деятельности БЦ за время его существования в России приходится констатировать, что никаких признаков наличия мало-мальски значительных расхождений внутри "коллегии трех" для периода до роспуска Второй государственной думы найти не удастся; и если Ленин, тем не менее, уже на Лондонском съезде принимал меры для проведения "своих" кандидатов в БЦ, то причину следует искать в другой плоскости.

Оба его коллеги по этому триумвирату были слишком крупными индивидуальностями и слишком самостоятельными людьми, чтобы Ленин мог надеяться превратить их в простые пешки в его руках. В те годы они оба, и Богданов и Красин, прочно стояли на позициях ортодоксального большевизма и были не только последовательными сторонниками курса на восстание со всеми соответствующими выводами, но и убежденными сторонниками партизанских выступлений, т. е. прежде всего "эксов". Ленина они оба, особенно Богданов, в настроениях которого было много элементов примитивной революционной романтики, ценили исключительно высоко и признавали его ведущую роль, но умели самостоятельно мыслить политически, самостоятельно разбирались в лю-

дях и событиях и были способны свои мнения отстаивать, отказываясь от них лишь после того, как им приводили убедительные аргументы. Поэтому пока "коллегия трех" в указанном составе была руководящим органом БЦ, при всех размерах личного влияния Ленина, руководство большевистской фракцией было руководством коллективным.

Но Ленин был слишком авторитарной натурой, чтобы надолго ограничивать себя ролью хотя бы и первого, но все же только одного среди трех равноправных членов правящего триумvirата. В точности неизвестно от кого исходила инициатива расширения БЦ на Лондонском съезде 1907 г. и какими именно мотивами руководствовались эти инициаторы; в частности, неизвестно как именно относился к этой реформе Ленин, поддерживал ее или нет, но он во всяком случае ее использовал в своих интересах: подбор кадров лично с ним связанных и лично ему преданных руководящих работников БЦ Ленин производил для того, чтобы ослабить свою зависимость от остальных членов "коллегии трех", чтобы расчищать себе дорогу к роли единоличного руководителя фракции большевиков.

Отсутствие на съезде Красина ему помогало, ибо главной трудностью на пути Ленина к этой цели был не Богданов, а Красин.

Разбирая теперь, в исторической перспективе, политические и социальные концепции Богданова и сопоставляя их с концепциями Ленина, легко убедиться, что самые основы их подхода к социализму были существенно отличными друг от друга, так что лишь общей атмосферой эпохи первой русской революции можно объяснить их пребывание в рядах одной и той же большевистской

фракции. В 1904--1907 гг. Богданов полностью сходил с Лениным в выводах о тактике российской социал-демократии и о методах борьбы против абсолютизма. "Время", популярный орган БЦ, редактором которого Богданов, вместе с Зиновьевым, был в 1906--1907 гг., политически ничем не отличался от "Пролетария", редактором которого в те годы был Ленин. На всякого

рода авантюрные мероприятия Богданов шел с едва не большею готовностью, чем Ленин, едва ли не с большею охотой, чем последний, хватался за наиболее рискованные планы. В основе лежало подчинение всех задач основной задаче организации победоносного восстания. "На баррикаде взломщик-рецидивист будет полезнее Плеханова", -- так заявлял тогда, по свидетельству В. С. Войтинского, Богданов; и эта хлесткая фраза, несомненно, вполне правильно отражала полноту гегемонии задачи восстания и над сознанием, и над психологией тогдашнего Богданова. Но по существу своего мировоззрения он всегда был гуманистом до мозга костей, и в ряду очередных задач социалистического движения он всегда с особенной настойчивостью стремился выдвигать на важное место задачу формирования такого пролетарского авангарда, который большую задачу своего класса понимает как задачу "собрания человека", носителя новой "коллективистической" культуры.

"Человек", т. е. настоящий человек, способный построить социалистическое общество, "еще не пришел" -- писал Богданов в 1907 г., в самый разгар своей активной работы в "коллегии трех", -- но он сам близок, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте⁵⁸. Его взгляды на эту группу вопросов, конечно, с годами уточнялись и усложнялись; к ним он подходил с разных сторон и в соответствии с этим подчеркивал разные стороны пробле-

мы, но в основе его решение этой проблемы оставалось до конца тем же самым. И в 1909 г., когда он во время конфликта в Совете Каприйской школы заявлял, что в течение всей своей жизни он вел борьбу против двух врагов -- "против авторитарного чувства и против индивидуалистического сознания", причем "наиболее ненавистным" для него было первое -- "авторитарное чувство"; и в 1920 г., когда он главной задачей культурной работы среди пролетариата объявлял "борьбу против фетишей", которые с его точки зрения были "синонимами бесчеловечности"⁵⁹ -- он имел в виду все ту же большую задачу "собрания человека".

Для Ленина такой подход к проблеме задач социалистического движения был органически чужд; "авторитарное чувство" ему никогда не было ненавистно; и удивляться следует не тому, что позднее, в эмиграции, эти расхождения выдвинулись на заметное место во фракционных спорах, а тому, что в России, в 1906--1907 гг., они никакой роли не играли, их, по-видимому, вообще не замечали. Причина лежала, конечно, в напряженной атмосфере тех лет и в стремлении Богданова идти в ногу с коллегами по фракции. Но в эмиграции, когда на очередь встали задачи подведения итогов, эти расхождения не могли не дать себя почувствовать, и борьба с Богдановым для Ленина была тем менее трудна, что проблемы, которые ставил Богданов, в те годы не могли не казаться проблемами далекого будущего; конкретные же

политические выводы из них сам Богданов стал делать лишь значительно позднее, аргументами от пролетарской культуры доказывая необходимость для пролетариата выдвигать только те лозунги, которые согласованы с интересами крестьянства⁶⁰.

С Богдановым у Ленина пути разошлись навсегда уже в 1908 г. Даже после революции он не делал попыток привлечь Богданова к работе, хотя и не наложил вето на избрание его в Коммунистическую академию. Но с его влиянием в Пролеткульте Ленин повел решительную борьбу, и при помощи правительственных декретов добился устранения оттуда Богданова. Со своей стороны, не искал компромисса, тогда и Богданов который, оставшись одиночкой, в 1917 г. высказался за участие в коалиционном правительстве, а после Октября считал неизбежным перерождение советской диктатуры в новую, невиданную в истории форму диктатуры над пролетариатом⁶¹. В последующие годы Богданов вернулся к своей основной специальности (медицина), много работал над тогда совсем неизученной проблемой переливания крови, производя на себе самом крайне опасные эксперименты, от одного из которых он и погиб в 1928 г. В Москве тогда ходили слухи, что игра со смертью, имевшаяся в этих экспериментах, была своеобразной формой самоубийства. От многократных предложений писать воспоминания он неизменно отказывался и лишь изредка соглашался давать отдельные конкретные справки; отказался написать и воспоминания о Ленине⁶².

При такой значительности расхождений в основных посылах, Ленин, конечно, мог считаться с мнениями Богданова, поскольку это было необходимо для сохранения единства фракции, но мало-мальски значительного влияния на него Богданов оказать не мог. Разрыв с ним для Ленина был сравнительно легок. Совсем иначе обстояло дело с Красиным.

Последний, конечно, не мог конкурировать с Лениным в способности намечать основную линию большой политики и последовательно вести ее сквозь сложный пе-

реплет всевозможных запутанных отношений. Но он обладал весьма живым, оригинальным и гибким умом, умел давать остроумные формулировки и создавать хитроумные комбинации, сыпал меткими определениями, которые прилипали к людям и событиям. Своими огромными связями в мире ученых, писателей и артистов, среди технической интеллигенции, даже в торгово-промышленных кругах, большевики эпохи первой революции были обязаны прежде всего и больше всего Красину, который умел импонировать в любом обществе -- от Саввы Морозова до Веры Комиссаржевской, а исключительный его организаторский талант позволял ему на ходу закреплять новые знакомства, включая каждое из них на надлежащее место в широко разветвленной, но прочно слаженной организационной сети. Конечно, это была сеть почти исключительно техниче

ского аппарата партии. В политическом и даже организационном строительстве Красин участия принимал мало. Как он сам признает в своей автобиографии, эта работа его не привлекала. Но для подпольной организации технический аппарат имел огромное значение: и в результате усилий, главным образом Красина, большевики в этой области превосходили все остальные организации революционного подполья той эпохи.

Вся эта сторона работы БЦ лежала на Красине, равно как и работа военная, боевая, а также все заботы о финансах большевистской фракции: расходы БЦ были огромны, он должен был не только содержать весь огромный центральный аппарат фракции, но и почти полностью покрывать бюджет Петербургской организации большевиков⁶³, а также помогать важнейшим из организаций в провинции. Добывание денег на покрытие

всех этих нужд лежало почти исключительно на Красине, который был министром финансов БЦ.

И размахом этой своей работы, и общей практической складкой ума, и многосторонним жизненным опытом, и даже меткими острыми словечками, Красин не мог не импонировать Ленину. В. С. Войтинский, несомненно, прав, когда пишет, что Красин в те годы был вообще единственным человеком в большевистской организации, к которому Ленин "относился с настоящим уважением"⁶⁴. Быть может, правильнее говорить даже о большем: из воспоминаний Крупской мы знаем, что у Ленина бывали полосы увлечений то тем, то другим партийным работником. Обычно такие увлечения бывали весьма кратковременными. Только "роман с Красиным" пережил все испытания временем и политических расхождений.

Есть много оснований считать, что в 1906--1907 гг., в период совместной работы в "коллегии трех", очень часто не Ленин, а именно Красин вел за собою остальных, увлекая их на путь 'своих всегда блестящих, но очень часто и крайне авантюристических планов. И очень похоже, что, когда позднее, в 1911 г., Ленин писал Рыкову, предостерегая его против Красина, как "мастера посулы давать и очки втирать", то это предостережение следует понимать в свете запоздалого автобиографического признания человека, который сам не раз жестоко ошибался, смотря на события сквозь очки, "втертые" ему Красиным.

Начиная с 1908 г. они разошлись и лично, и политически -- и разошлись очень далеко. Письма Красина, напечатанные его вдовою⁶⁵, дают далеко не полное представление об этом расхождении. Но элементы своего старого отношения к Красину Ленин продолжал сохранять, и после Октябрьской революции он немедленно же

начал делать попытки привлечения Красина к работе на ответственном посту. Очень интересные заметки на эту тему сохранились в записях Троцкого. Как известно, Октябрьский пе

реворот Красин "встретил с враждебным недоумением, как авантюру, заранее обреченную на провал. Он не верил, -- писал Троцкий, -- в способность партии справиться с разрухой. К методам коммунизма относился и позже с ироническим недоверием". О своих первых попытках привлечь Красина Ленин рассказывал Троцкому, прибавляя: "Упирается, -- а министерская башка!" Но уже к периоду Брестского мира Красин вошел в работу: сказалась старая закваска. Однако он никогда не отказывал себе в удовольствии жестоко критиковать хозяйственную политику диктатуры. Ленину это явно нравилось. Он "весело хохотал над злым и метким словечком противника". Так впоследствии Ленин неоднократно цитировал красинское "универсальный запор"⁶⁶, определение, которое Красин дал результатам хозяйственного строительства эпохи военного коммунизма.

* * *

На фоне именно этих личных отношений в 1906--1907 гг. глубоко за кулисами БЦ развертывалась борьба за влияние на аппарат фракционной организации.

Ленин, конечно, был бесспорным и общепризнанным политическим вождем большевиков, хотя несомненно, что не все его фракционные выступления встречали общее одобрение⁶⁷. Но он далеко не был таким же общепризнанным и безраздельным хозяином организационного аппарата БЦ. Официальным секретарем последнего, правда, была Н. К. Крупская, послушная исполнительница всех указаний Ленина. Именно к ней стекалась вся

корреспонденция БЦ и именно она принимала на явочных квартирах всех, обращавшихся в БЦ. Но прежде всего с нею рядом сидел другой секретарь БЦ -М. Я. Вайнштейн ("Михаил Сергеевич"), который был подчинен непосредственно Красину, и именно этому другому секретарю (даже Крупская не называет его вторым секретарем) Крупская должна была передавать всю ту корреспонденцию и к нему направлять всех тех людей, которые обращались в БЦ по делам, связанным с военной и боевой работой фракции, а также в связи со всевозможными техническими предприятиями. А так как в большевистских организациях того времени военная и боевая работа, как связанная с работой по подготовке восстаний, расценивалась как много более важная, чем работа общеполитическая (ведь восстание рассматривалось, как "высшая форма" движения), то удельный вес тех функций, которые лежали на "другом секретаре", был во всяком случае не меньшим, чем удельный вес функций, лежавших на Крупской. По существу, с точки зрения обычной для большевиков того времени расценки, последняя передавала на решение Красина все наиболее важные и секретные дела БЦ.

Но необходимо иметь также в виду, что аппарат организаций, находившихся в ведении Красина, был вообще чем-то вроде второго, более глубоко запрятанного и более строго законспирированного этажа сложного подпольного здания БЦ -- со своими особыми адресами для переписки, особыми явками для приезжающих, со сложными, многостепенными паролями, показывающими положение данного лица в организационной иерархии и меру его посвященности в секреты специальной работы... Общепартийными явками и адресами работники этих специальных организаций пользовались лишь в исключи-

тельных случаях, когда не имели возможности по той или иной причине воспользоваться аппаратом своих собственных явок и адресов. И нет ничего удивительного в том, что в этой среде начинали нарастать настроения, склонности рассматривать общепартийную работу как работу низшего типа по сравнению с той, которой заняты они, работники военных и боевых организаций⁶⁸.

Уже эта роль Красина, который был бесспорным руководителем военных и боевых организаций, создавала для него особое положение внутри "коллегии трех". Но еще большее значение имела его роль кассира и министра финансов БЦ. Кассу последнего и большую часть источников ее пополнения он прочно держал в своих руках, никому не передавая этих своих связей, никого к этим делам не подпуская. Это давало ему возможность строго контролировать и расходную часть бюджета БЦ, глазом опытного хозяина проверять обоснованность предъявляемых к кассе требований и решать, какие из них и в каком объеме надлежат удовлетворению.

Именно это создавало для Ленина особенно трудное положение. Ролью только политического вождя, который на свою аудиторию воздействует лишь статьями и речами, он никогда не довольствовался, а всегда стремился держать в своих руках и нити организационных связей: он превосходно знал, что только таким путем можно держать в руках те руководящие кадры партийных работников, которые необходимы для функционирования всякой организации. Уже весной 1901 г. он провёл Крупскую в секретари "Искры". "Это, конечно, означало, -прибавляет Крупская, -- что связи с Россией будут вестись все под тесным контролем Владимира Ильича"⁶⁹. С тех пор этих нитей Ленин никогда не выпускал; Крупская неизменно

оставалась секретарем всех тех центров, политическим лидером которых он был.

Лучше других он понимал и значение партийной кассы и поэтому тоже всегда старался полностью ставить ее под свой личный контроль. В 1906--1907 гг. касса впервые полностью ушла из его рук -- контролировать ее Ленин мог только через "коллегию трех", она же "финансовая группа" БЦ. Уходили и важнейшие связи. Ленин уже не был хозяином внутри БЦ -- и именно на

этом фоне становится понятным все значение для него вопроса о Таратуте.

Конечно, многое зависело от связи последнего с делом о наследстве Шмита: как указано выше, реализация последнего принесла в кассу БЦ в общем около 280 тыс. руб. И Ленин правильно рассчитал, что так решительно поддерживая Таратуту и проводя его на такие ответственные посты в БЦ и в общепартийном ЦК, он не только помогает последнему закрепить его положение в тех кругах, от которых многое зависело в области реализации наследства, но одновременно и прочнее привязывает его к себе лично.

Сестра Шмита, завещавшего свое состояние социал-демократической партии, совсем не была той "богатой купчихой", за которую ее можно было принять по приведенным выше словам Ленина в разговоре с Рожковым-Ради "острого словца" Ленин не пожалел эту юную курсистку (в 1907 г. ей было лет 18--19) из талантливой семьи миллионеров Морозовых, которая вслед за старшим братом-студентом и, несомненно, под его влиянием, а затем под впечатлением его трагической гибели увлеклась романтикой революции. В те бурные годы таких было немало. Отнюдь не было исключением и то обстоятельство,

что для нее в эту революционную романтику важной составной частью вплелось ее личное увлечение Таратутой, настоящей биографии которого ("прожженного негодяя") она, конечно, не знала, но положение которого в партийной иерархии (сначала секретарь большевистской организации в Москве, затем член ЦК от большевиков) ей, несомненно, было известно и не могло не импонировать. Ленин это превосходно понимал. Именно в этом ключ к объяснению его настойчивости в проведении Таратуты на высокие посты в партии: поступая так, он поднимал шансы на брак Таратуты с Елизаветой Шмит, а вместе с тем и на "реализацию наследства" ее покойного брата в желательном для Ленина смысле.

Вскоре он, по-видимому, -и лично познакомился с Е. П. Шмит, которая летом 1907 г. жила в Финляндии, неподалеку от Куоккала, уже вместе с Таратутой. Чтобы ускорить получение наследства (как несовершеннолетняя, она не могла им распоряжаться до замужества), был устроен ее фиктивный брак с А. М. Игнатьевым, ответственным организатором Боевой группы при ЦК, одним из доверенных людей Красина: с формального разрешения этого Игнатьева в конце 1907 г. Е. П. Шмит начала подписывать все документы, которые были необходимы для продажи ее доли в наследстве брата.

В деле Таратуты Ленин ставил крупную ставку, но расчет был точным.

Ближайшее будущее показало, что роль Таратуты в планах Ленина не вводилась в рамки одной "реализации наследства Шмита". Во всяком случае, присмотревшись к нему ближе, Ле

нин убедился, что он вполне пригоден и для услуг более длительного характера, и очень скоро взял курс на

все более и более близкое привлечение Таратуты к участию в засекреченной работе БЦ, особенно к делам, связанным с кассою последнего- Полное развитие этого "нового курса", подрывавшего монопольное положение Красина как неограниченного "хозяина" кассы БЦ, относится к последнему, третьему периоду существования БЦ, составляя одну из наиболее важных особенностей этого периода.

* * *

Полицейские репрессии, которые с начала зимы 1907--1908 гг. обрушились на революционные организации, пытавшиеся в 1906--1907 гг. создавать свои базы на территории Финляндии, ускорили развитие событий. Петербургская полиция все чаще делала набеги на пограничные пункты, излюбленные революционерами. Крупская пишет, что полиция особенно усиленно охотилась за Лениным и "искала его по всей Финляндии"⁷⁰. Это утверждение совершенно не соответствует действительности: никаких следов специальной охоты за Лениным в архивах царской полиции найти не удалось, хотя они в отношении Ленина изучены с большой старательностью. Охоты специально за Лениным полиция не вела. Ноябрьские и декабрьские 1907 г. полицейские набеги на Териоки, Куоккала и т. п. были направлены прежде всего против эсеров, связанных с террором, и против анархистов-"махаевцев" из группы "Рабочего заговора" -- оттуда тянулись нити к разным экспроприациям и актам экономического террора (убийства инженеров и т. д.). Из большевиков задеты были лишь М. Я. Вайнштейн, секретарь БЦ по линии предприятий Красина, и кое-кто из "боевиков", главным образом из связанных с латышскими "лесными братьями". Но, конечно, было ясно, что это лишь начало, за которым скоро пойдут продолжения.

Финляндия переставала быть мало-мальски надежным убежищем. Период "малой эмиграции" (так называли революционную работу с опорными базами в Финляндии) кончался, приближалось время уходить в эмиграцию "большую", более далекую от границ России.

"Как водится, -- писал Мартов Аксельроду 10 декабря 1907 г., -- первым уехал Ленин"⁷¹. Последний вообще с исключительной старательностью берег себя от ареста, считая, что без него -- если арест надолго вырвет его из активной работы -- все развитие внутрипартийных отношений пойдет иными путями. Он еще в октябре забрался в глубь Финляндии, к Гельсингфорсу, и оттуда добился решения БЦ о необходимости перенести редакцию "Пролетария", центрального органа БЦ, за границу. В редакцию были избраны Ленин, Богданов и Дубровинский, что обеспечивало решающее влияние Ленина. Одновременно было принято запрещение полемики на страницах нелегальной большевистской печатной

ти по философским вопросам -- в изданиях легальных эта полемика была признана допустимой на основе полного равенства обеих основных групп, т. е. и ортодоксальных марксистов плехановского толка, и сторонников Богданова. Это последнее решение фактически ограничивало влияние Богданова, так как до того в легальных большевистских органах (в 1907 г. основным их теоретически-политическим органом был "Вестник жизни", ежемесячный журнал выходивший в Петербурге под редакцией П. П. Румянцева) в вопросах философии едва ли не безраздельно хозяйничали "богдановцы".

С этими решениями в кармане Ленин 20 января 1908 г. прибыл в Женеву. Вторая эмиграция встречала невесело: скверная погода, скверные новости, за границей шли

аресты большевиков. В первый же вечер, возвращаясь с Крупской после разговоров с женеvскими большевиками, Ленин обронил: "У меня чувство, точно в гроб ложиться приехали".

В гроб он, конечно, не лег, оружия не сложил, а, наоборот, начал новый сложный партийный маневр. Но третий период истории БЦ начинался, действительно, в крайне тяжелой со всех точек зрения обстановке: и в отношении общеполитическом, и с точки зрения внутрипартийной, и, наконец, под углом личных отношений, намечавшихся внутри БЦ.

В течение предшествующих лет все политические расчеты и Ленина лично, и всей большевистской фракции строились в надежде на близкое и победоносное восстание, которое разом разрешит все больные вопросы современности. И политически, и психологически это была крайне азартная игра, в которой боевые дружины, партизанские выступления и экспроприации казались крупными козырями, и их пускали в ход, не заботясь о возможных на этой почве внутрипартийных осложнениях. Экспроприация на Эриванской площади в Тифлисе еще вчера казалась особенно удачным ходом. Теперь стало ясным для всех, что ставка на восстание бита, что движение стоит перед длительной полосой не только нарастающей правительственной реакции, но и внутреннего распада тех сил, на которые оно опиралось. И за азартную игру, за пущенные в ход тифлисские козыри, предстоит расплачиваться.

Двести пятисотрублевых билетов, которые вывез Лядов зашитыми в жилет, разменять и за границей было нелегко. Справки, которые наводили предварительно, давали основание думать, что попытки размена по загра-

ничным банкам могут быть проведены с успехом, что во всяком случае широкого оповещения о номерах пятисотрублевых еще не сделано, но было ясно, что после размена первого же билета соответствующие меры будут приняты, и тогда все остальные пятисотрублевки потеряют всякую ценность. А речь шла об огромной сумме -- о ста тысячах рублей -- и для попытки их спасения был вызван сам Красин, который с помощью

других "финансистов" БЦ разработал план одновременного размена пятисотрублевых в ряде крупных центров Европы. Была мобилизована большевистская молодежь, и в первых числах января 1908 г. попытки размена были сделаны в банках Парижа, Женевы, Стокгольма, Мюнхена и т. д. Все они закончились полнейшим провалом; являвшиеся в банки с пятисотрублевками были арестованы; в некоторых странах начались обыски и аресты русских эмигрантов, от которых тянулись какие-то нити к арестованным,, причем обстановка некоторых из таких обысков и арестов показывала большую осведомленность полиции о закулисной стороне дела. Печать запестрела сенсационными сообщениями⁷².

Настоящая причина этого полнейшего провала вскрылась только после революции: среди "финансистов", привлеченных к разработке плана размена, были не только Таратута и М. М. Литвинов, будущий нарком по иностранным делам, а тогда представитель БЦ в Париже, но и доктор Житомирский ("Отцов"), доверенный человек Ленина по делам большевистских групп в эмиграции еще в 1903--1904 гг. и в то же время главный осведомитель заграничной парижской охраны по большевикам. Через него Департамент полиции был в курсе всех пригото-

ний Красина и заблаговременно снесся с полициями иностранными.

Арестованные были сплошь большевиками, среди них несколько пользовавшихся широкой известностью, как, например, Литвинов, который незадолго перед тем большевиками был назначен официальным секретарем русской социал-демократической делегации на Международном социалистическом конгрессе в Штутт-гарте (август 1907 г.): у него теперь, при аресте в Париже, было найдено двенадцать пятисотрублевых из числа похищенных в Тифлисе. Такие же пятисотрублевки были найдены у ряда других арестованных, и в иностранной печати открыто писали, что тифлисская экспроприация была делом большевиков, а так как в та время РСДРП была формально единой партией, о внутренних отношениях в которой иностранцы были мало осведомлены, то иностранная печать тифлисскую экспроприацию объявляла вообще делом РСДРП.

Положение осложнялось еще и тем фактом, что незадолго перед этими арестами какими-то эмигрантами из России были сделаны попытки мелких экспроприаторских налетов в Швейцарии, Англии и США. И вполне серьезной стояла угроза нарастания антиэмигрантских настроений в тех странах Запада, где как раз чаще всего эмигранты находили приют. С этим тесно была связана и опасность осложнений с социалистами Запада, в памяти которых еще жили воспоминания о том вреде, который их движению бил причинен "партизанскими выступлениями" анархистов 1880-- 1890-х гг. Экспроприаторский уклон в рядах русских социалистов среди социалистов Запада сочувствия вообще никогда не ветре

чал, а в начале 1908 г. местами отношение последних переходило в острое раздражение в связи со вскрывшимися попытками нелояльного использования большевиками симпатий иностранных социалистов к русскому революционному движению⁷³.

В этих условиях вполне понятно, что сообщения об арестах обострили борьбу, которая завязалась внутри РСДРП вокруг вопроса о тифлисской экспроприации уже с осени 1907 г.

Целый ряд партийных деятелей был и раньше недоволен излишней, по их мнению, мягкостью резолюции Лондонского съезда. "Недостаточная решительность осуждения съездом так называемых экспроприации", -- как писал позднее Г. В. Плеханов, была главной причиной отказа последнего быть представителем партии в Международном социалистическом бюро. Роль большевиков в тифлисской экспроприации стала скоро известной, хотя никаких точных доказательств вначале не имелось, и это вынудило меньшевиков потребовать от социал-демократической делегации Международного социалистического конгресса в Штуттгарте уже в августе 1907 г. издания особой декларации с осуждением экспроприации⁷⁴. Комитет закавказских организаций РСДРП, находившийся в руках меньшевиков, почти немедленно после тифлисской экспроприации приступил к расследованию этого дела и установил не только состав группы Камо-Петросяна, которая провела эту экспроприацию, но и имена тех большевиков, занимавших видные посты в общепартийной организации, которые были политическими покровителями этих экспроприаторов: во главе этих покровителей стоял Сталин, немедленно после экспроприации покинувший Тифлис и перебравшийся в Баку. Но следствие, проводимое на Кавказе, не могло выяснить

всего дела в его полном объеме, так как было установлено, что главные руководители и инспираторы находились в центре, куда и ушли все похищенные деньги. Попытки же поставить вопрос в ЦК наталкивались на сопротивление не только большевиков, но и польских социал-демократов, которые, правда, на Лондонском съезде выступали решительно против экспроприации, но теперь упорно заявляли, что отказываются верить в причастность руководящих деятелей большевистской фракции к тифлисской экспроприации, совершенной уже после съезда, в прямое нарушение его постановлений.

Уже первые сообщения об арестах в Берлине (Камо-Петросян и др.) произвели на ЦК большое впечатление, причем, несомненно, значительное влияние оказывало настроение немецких социал-демократов: такие члены ЦК, как польские социал-демократы Л. Тышко и Ю. Ю. Мархлевский, в течение многих лет жившие в Германии и тесно связанные с немецкими социал-демократами, не могли не быть особенно чувствительны к их настроениям. В результате ЦК уже 4 января н. ст. 1908 г. постановил заявить, что он "никому из арестованных в Берлине не давал никаких поруче

ний" (это было ответом на сообщения о найденной бумаге для печатания фальшивых трехрублевков). Одновременно ЦК поручил Центральному заграничному бюро (ЦЗБ) произвести расследование всех обстоятельств, связанных с этими арестами.

Еще большее впечатление на ЦК произвели сообщения об арестах в Париже и других городах по делу о размене тифлисских пятисотрублевков. Под влиянием последнего ЦК постановил послать на Кавказ особую свою делегацию в составе Н. Н. Жордания и Данишевского ("Гер-

ман") с широкими полномочиями для расследования не только дела о тифлисской экспроприации, но и другого дела о поведении закавказских большевиков, а именно дела о расколе в Баку, который был проведен в октябрь-ноябре 1907 г. Сталиным⁷⁵.

Такой состав делегации был крайне характерен для настроений ЦК в первые недели после получения сообщений об арестах при размене пятисотрублевки. ЦК в январе 1908 г. функционировал в составе 8 человек, из которых трое были большевиками (Рожков, Гольденберг-Мешковский и Зиновьев), двое - меньшевиками (Б. И. Гольдман ["Игорь"] и М. И. Бройдо ["Яков", он же "Ромул"]) и по одному от польских социал-демократов -- А. Варшавский (А. Варский), от Бунда -- Либер (М. И. Гольдман) и от латышской социал-демократии -- Данишевский ("Герман").

Так как в вопросе об экспроприациях поведение Варского было колеблющимся и в рядах самих большевиков не было твердой уверенности в возможности защищать полностью деятельность "коллегии трех" (особенно колебался тогда в этом вопросе Рожков), и так как, с другой стороны, Либер, вообще уже тогда очень близкий к меньшевикам, в вопросах об экспроприациях полностью шел с последними, то очень часто решающее значение приобретал голос Данишевского ("Германа"), который заявлял себя "внефракционным" и "примиренцем", голосуя так, как того, по его мнению, требовали интересы партии. Нередко именно его голосом проходило решение, неблагоприятное для большевиков. И именно последними была пущена в обращение острота о "германизации" ЦК, которую проводит своими голосованиями "Герман"⁷⁶.

Этот состав делегации ЦК, гарантировавший объективность ее обследования, predetermined ее позицию. Об ее отношении к расколу, проведенному Сталиным в Баку, можно судить по тому факту, что большевистская конференция в Баку в марте 1908 г. обратилась в ЦК "с протестом против действий его членов, использовавших имя центрального учреждения не для объединения и примирения, а для узкофракционных целей"⁷⁷. А об ее отношении к тифлисской экспроприации говорит официальное сообщение о присутствии обоих ее членов на заседаниях Пятого очередного съезда закавказских организаций РСДРП, который, заслушав

доклад Комитета о произведенном по поводу тифлисской экспроприации расследовании, принял резолюцию об "исключении из организации членов партии или групп членов, принимавших со времени Лондонского съезда участие в экспроприациях, как лично, так и сознательным содействием в той или иной форме"⁷⁸.

Если бы члены делегации ЦК считали это решение неправильным, они, согласно существовавшей в партии практике, обязаны были так или иначе заявить об этом своем несогласии. Сделать это им было легко, так как такое заявление охотно напечатал бы "Пролетарий". Но этого не сделал не только Н. Н. Жордания, но и Данишевский, и это дает право считать, что последний был согласен с приведенным выше решением Закавказского съезда, во всяком случае, в его основе.

Протокола того заседания ЦК, на котором эта делегация по возвращении с Кавказа делала свое сообщение, в нашем распоряжении не имеется, но можно считать несомненным, что доклад этот вызвал сильное недовольство со стороны большевиков и был причиной ост-

рых тренировок внутри ЦК. О существовании принятого ЦК решения можно судить по следующим трем фактам, которые были с ним связаны.

Первым была публикация ЦК особого заявления в печати по делу о тифлисской экспроприации; это заявление гласило:

"ЦК заявляет, что РСДРП ни в каком случае не может быть признана ответственной за тифлисскую, равно как и за другие экспроприации. На последнем съезде партии была принята резолюция, категорически запрещающая экспроприации. ЦК расследует до конца данное дело, и если будет констатировано нарушение резолюции партии, то партия примет к провинившимся самые энергичные меры, согласно резолюции съезда"⁷⁹.

Вторым был протест Закавказского комитета против решения ЦК и издание им особого листка, в котором Закавказский комитет обвинял ЦК в стремлении затянуть расследование дела о тифлисской экспроприации⁸⁰.

Наконец, третьим был выход из ЦК одного из двух меньшевиков, которые тогда входили в ЦК, с протестом против решения, принятого ЦК по делу о тифлисской экспроприации, так как в этом решении сказались "система затушевывания" этого дела⁸¹.

Из сопоставления этих трех фактов следует, что ЦК на этом заседании отказался утвердить доклад своей делегации, отменил решение, принятое Закавказским съездом, и принял какое-то решение о дополнительном или проверочном расследовании, которое никогда не было произведено. Текст заявления для печати, внешне звучащий весьма решительно, по существу, в тогдашней обстановке, был простым прикрытием колебаний ЦК сде-

лать какой-либо реальный шаг для борьбы с большевистскими экспроприаторами.

В действительности расследование, произведенное Областным комитетом закавказских организаций, совершенно точно установило состав группы, которая была физической исполнительницей акта экспроприации; были выяснены имена лиц, которые являлись ее покровителями и укрывателями перед партийной организацией, равно как и факт отправки денег в БЦ. Точность собранных тогда данных теперь бесспорна: теперь их подтверждают документы и воспоминания, изданные историками. Правда, невыясненными в то время оставались нити, которые тянулись из Тифлиса, от группы Камо-Петросяна, к БЦ и его руководителям -- к Ленину, Богданову и Красину в их конспиративном центре в Куоккале. Невыясненной оставалась вся вообще группа вопросов, связанных с экспроприаторским центром большевистской фракции. Все эти вопросы могло выяснить, действительно, только расследование, производимое ЦК, если бы он пожелал серьезно заняться выяснением роли БЦ в экспроприациях. Но для расследования этой группы вопросов нужно было не отменять решение Закавказского съезда, а, наоборот, утвердив его, показать твердое желание ЦК покончить с существующим злом. Как раз этого желания у ЦК не имелось.

* * *

В эмиграции, которая была более подробно осведомлена о событиях, связанных, с одной стороны, с арестами Камо-Петросяна в Берлине, и, с другой, с историей попыток размена за границей тифлисских пятисотрублевков, борьба вокруг этих споров не только принимала бо-

лее острую форму, но и затрагивала основные проблемы социал-демократического строительства.

В кругах меньшевиков господствовало острое возмущение. Роль Литвинова в техническом аппарате большевистской фракции (закупка оружия за границей и т. д.) была достаточно широко известна, и теперешний арест его с тифлисскими пятисотрублевками доказывал причастность этого аппарата к экспроприации 25 июня 1907 г. Неопределенные сведения о существовании тайного большевистского центра, который ведает всеми их боевыми предприятиями, имелись и раньше. Теперь становились бесспорными не только факт существования такого центра, не только его роль организатора экспроприаций вообще, но и факт организации им экспроприации уже после Лондонского съезда, который запретил экспроприации огромным большинством голосов. Опираясь на это решение, официальные представители партии категорически отрицали ее причастность к такого рода деяниям; и в то же время, как теперь выяснилось, лидеры фракции, которая играла решающую роль в общепартийном ЦК, за спиной партии такие экспроприации проводили. Создавалось совершенно невозможное для

партии положение. "Группа вдохновителей, организаторов и попустителей экспроприации, -- писал тогда "Голос социал-демократа", орган меньшевиков, -- топит престиж партии, дискредитирует ее в глазах общественного мнения и пролетарских партий"⁸².

Но этим дело не ограничивалось. Результатом экспроприации было образование внутри партии "никому неизвестной группы", законспирированной от партии и неконтролируемой даже партийным общественным мнением, в руках которой скопляются "значительные денеж-

ные средства, добытые запрещенным партией способом", и которая "распределяет эти деньги по своему усмотрению", оказывая тем самым воздействие на политику партии в желательном для этой группы направлении. "Если все это так, -- делал вывод "Голос социал-демократа", -- а это, к сожалению, именно так, -- то, значит, внутри партии существует нечто вроде каморры, заговорщическая организация самого вредного типа, нечто среднее между тайным центральным комитетом и группой подрядчиков бандитного дела".

Наиболее непримиримо в отношении большевиков в меньшевистском лагере тогда был настроен Плеханов, который прямо ставил вопрос о необходимости официального разрыва с большевиками. Как уже отмечено выше, он еще в Лондоне протестовал против слишком мягкого отношения съезда к экспроприаторским похождениям большевиков. Теперь он настаивал на постановке вопроса ребром.

"Читали ли Вы о берлинской истории? -- писал он Мартову еще 9 декабря 1907 г., немедленно же после получения первых сообщений об аресте Камо-Петросяна. -- Дело так гнусно, что, право, кажется нам пора разорвать с большевиками. Очень прошу Вас написать мне, что Вы думаете об этом?"⁸³.

Позднее, после ареста Литвинова и др., когда выяснилось все значение этих событий, Плеханов предлагал меньшевистским лидерам за границей обратиться с воззванием к меньшевикам в России, "КЛИКНУТЬ КЛИЧ" С ПРИЗЫВОМ СПЛОТИТЬСЯ ДЛЯ БОРЬБЫ ВО ИМЯ

"торжества социал-демократических принципов над большевистским бакунизмом". Он считал, что есть все

шансы на успех в этой борьбе, при одном обязательном условии:

"Только надо, конечно, говорить до конца и отказаться от того страха перед большевистской Марьей Алексеевной, которым всегда отличались меньшевики и который никогда не был началом премудрости. Начало премудрости, это -- как раз обратное поведение, полное бесстрашие"⁸⁴.

Для Плеханова в этом последнем случае речь шла о беспощадной критике большевиков не только за экспроприации. "Большевистским бакунизмом" он называл весь их курс на восстание всю их тактику "вспышкопускательства"⁸⁵, и считал необходимым в этой борьбе идти до самых крайних выводов, не останавливаясь

перед формальным разрывом организационных связей. Среди остальных представителей руководящей группы меньшевиков за границей настроения были различные. Ближе всех к Плеханову в этом вопросе стоял Мартов; но, конечно, различия касались лишь вопроса о формах и организационных выводах: необходимость самой решительной борьбы против экспроприаторской эпопеи признавали все без исключения. Положение было крайне напряженным.

Решение ЦК о передаче расследования всего этого дела в руки Центрального заграничного бюро (ЦЗБ) в некоторой степени разрядило эту напряженность: так как в ЦЗБ в подавляющем большинстве были меньшевики (пять меньшевиков против двух большевиков)⁸⁶, то создавалась уверенность в возможности вскрыть правду на путях внутрипартийной легальности. Огромное большинство, которое создалось на Лондонском съезде против экспроприации, казалось, давало гарантию на то, что та-

кое же большинство будет и в ЦК за проведение необходимых мер против большевиков, эту резолюцию нарушивших.

Главную работу по расследованию взял на себя Г. В. Чичерин.

Большевики с самого начала ставили расследованию всякие препятствия. Более крупные из них по своему положению в партии обычно отказывались от дачи каких бы то ни было объяснений: тогда утверждали, что такую директиву они получили от руководителей фракции. Другие давали уклончивые и явно неполные объяснения. Но настроения широких кругов сочувствующих были благоприятными для расследования. Охотно давали показания и немцы -- именно с их помощью было установлено, что бумагу для печатания фальшивых трехрублевки заказывал лично Красин. Роль последнего вообще вырисовывалась с достаточной полнотой. Появились указания и относительно роли Богданова. Из "коллегии трех" вне поля зрения расследования оставался один только Ленин: он был предусмотрительнее всех других.

Большевики, входившие в состав ЦЗБ, т. е. Алексинский и Житомирский, с самого начала изнутри ЦЗБ саботировали следствие. Позднее, когда следствие целиком перешло в руки большевиков, Житомирский рассказывал в своих показаниях, как они это делали:

"Атмосфера была фракционной, приходилось многое скрывать от т. т. меньшевиков (потому что меньшевиками велась агитация против большевиков) и скрывать даже от большевиков и от Кона, потому что симпатии его были на стороне меньшевиков. Например, бумага на склад попала через известного товарища, а Кону мы этого не говорили. Я этого сам не знал, и когда даже узнал,

не сообщил Кону, зная меньшевистские симпатии Кона, боялся, что это станет популярным во всей партии"87.

Особенно ожесточенную кампанию против ЦЗБ и характера ведения им расследования вел Алексинский, в то время особенно близкий к Ленину. В ряде писем в ЦК Алексинский доказывал, что дело носит фракционный характер и что большинство членов ЦЗБ не только являются в качестве меньшевиков стороною в этом деле, но и что они по своему партийному стажу не являются достаточно компетентными, чтобы разобраться в тех партийных тайнах, которые им в процессе расследования становятся известными; особенно настаивал он на неконспиративности того порядка расследования, который был заведен ЦЗБ и который, по его мнению, делал возможным раскрытие этих секретов перед царской полицией. Тот факт, что последняя обо всех этих секретах узнавала ни через кого иного, как второго представителя большевиков в ЦЗБ, Житомирского, стал известен лишь много позднее.

Несмотря на всю настойчивость Алексинского, ЦК, действовавший в России, продолжал подтверждать полномочия ЦЗБ. Правда, в заседании 1 апреля 1908 г., заслушав письмо-протест Алексинского ("тов. Петр"), ЦК принял следующее решение: "ЦК постановил запросить представителей национальных групп по этому поводу и послать в ЦЗБ следующее заявление: ЦК обращает внимание ЦЗБ на то, что ЦК получена жалоба, свидетельствующая о неконспиративном ведении дела и что в виду этого возник вопрос, не является ли желательным составление для ведения этого дела особой комиссии с соблюдением всех условий, гарантирующих беспристрастие следствия"88.

Но это предложение, принятое по настоянию большевиков-- членов ЦК, не было поддержано национальными социал-демократическими организациями, представители которых в ЦК играли тогда решающую роль. Об этом свидетельствует частное письмо Л. Тышко к Алексинскому от 11 апреля 1908 г., который дает обоснование своему отказу поддержать предложение Алексинского об отстранении от следствия ЦЗБ.

"Вот в немногих словах мое мнение о Вашем конфликте в Бюро из-за следствия, -- читаем мы в этом письме. -- Я вполне понимаю Вашу позицию психологически, но политически она, по моему мнению, несостоятельна и может повредить партии. Нам, т. е. ЦК и партии, необходимо раздавить голову гидре инсинуаций, клеветы, нашептываний и сплетен, которые окружают это дело. Имеются товарищи, которые желают нажить на этом деле политический капитал и сделать его ареной фракционной борьбы. Поэтому именно необходимо участие Бюро в следствии, так как Бюро представляет отчасти круги самых ярых обвинителей. Участие Бюро лучше всего даст ЦК возможность "испортить игру" некоторым товарищам, желающим ловить рыбу в мутной воде. По сравнению с этим соображением все остальные являются второстепенными. Партийность и фракционность следствия не страшны, я не счи

таю себя партийным, а кроме меня был бы еще тов., которого Вы навряд ли сочтете партийным. Наконец, обвиняемый товарищ, если бы по окончании следствия счел это нужным, мог бы потребовать дополнительного следствия, но до этого, по существу дела, вовсе не дошло бы. Важнее -- неконспиративность, но тайны Вы и так не соблюдете, а наоборот, дадите устранением Бюро только

новую пищу для сплетен в кулуарах и создадите массу мифов"89.

Если считать, что Тышко в этом письме высказывает свои действительные соображения, то приходится сделать вывод, что он и его друзья даже в это время еще не были уверены, что руководители большевистской фракции не имели отношения к тифлисской экспроприации и что обвинения этого рода были продиктованы желанием противников большевиков "ловить рыбу в мутной воде". Как они эту свою уверенность согласовывали с совершенно бесспорно установленными фактами, о которых они не могли не знать из современной печати, в настоящее время понять почти невозможно. Но поскольку они были уверены в неправильности обвинений, выдвинутых против лидеров большевистской фракции, поскольку позиция Тышко, доказывавшего необходимость привлечения ЦЗБ к ведению следствия, была, конечно, бесспорной: именно этот путь был наиболее правильным для того, чтобы "раздавить голову гидре инсинуаций, клеветы" и т. д.

Но теперь мы знаем, что эта уверенность была совершенно неправильна, что действительность была много хуже, чем думали даже наиболее крайние обвинители из меньшевистского лагеря, и что мало-мальски объективное следствие должно было не "раздавить голову гидре" клеветы, а, наоборот, вскрыть, какую игру вели большевики за спиною партии и за ее счет. Алексинский это знал, а особенно хорошо знали те, кто стоял за ним, т. е. Ленин с Богдановым. Они не могли не понимать, что вскрытие правды безнадежно скомпрометирует и их фракцию, и их лично, и прилагали все усилия, чтобы не допустить до такого вскрытия. Им нужно было во что бы

то ни стало сорвать расследование, а для этого прежде всего вырвать его из рук ЦЗБ.

* * *

Эта борьба единым фронтом всей большевистской фракции за срыв расследования дела о тифлисской экспроприации переплеталась со сложной борьбой внутри этой фракции, где начинался процесс выделения новой группировки чистых ленинцев из старого большевистского блока, как он сложился в годы первой революции. Это выделение отмечало одновременно начало нового этапа в развитии больших концепций Ленина, которому в первые же дни своей второй эмиграции пришлось остро почувствовать отно

шение иностранных социалистов к экспроприаторским похождениям большевиков.

В связи с попытками размена тифлисских пятисотрублевых в Женеве тогда был арестован доктор Н. А. Семашко, игравший в эмиграции последующих лет значительную роль в качестве преданного ленинца под псевдонимом Н. Александров, а после революции ставший народным комиссаром здравоохранения. Прямого отношения к размену он не имел -- его арест был вызван фактом получения на его адрес писем одним из участников размена. Семашко приходился дальним родственником Плеханову, к которому жена Семашко обратилась за помощью. Женевский старожил Плеханов имел там широкие знакомства, и, как писал позднее Семашко, "одного его слова было достаточно, чтобы выяснить недоразумение". Тем не менее Плеханов помогать отказался. "Ну, что же, -- ответил он, -- с кем поведешься, от того и наберешься" 90.

Тогда в дело попытался вмешаться Ленин, который обратился к знакомому депутату-социалисту. Обычно последние эмигрантам в помощи не отказывали, особенно, когда обращался известный социалист, член Бюро Социалистического Интернационала, каким тогда был Ленин. Но теперь Ленин натолкнулся на отказ.

"Мне запомнилось, -- вспоминает Крупская, рассказавшая об этом эпизоде, -- каким полуудивленным, полупрезрительным тоном передавал Ильич слова швейцарского депутата, говорившего, что их республика существует сотни лет, и она не может допустить нарушения права собственности".

Это изложение Крупской, несомненно, не вполне точно: швейцарский депутат-социалист, в программе которого стоял пункт об обобществлении орудий производства, конечно, защищал не незыблемость права собственности вообще. Он отрицал не возможность отчуждения этой собственности в порядке законодательных мероприятий, как об этом говорила программа его собственной партии, а был против "нарушения права собственности" в порядке ограблений того типа, которое по директиве Ленина было совершено на Эриванской площади в Тифлисе. Разница между этими двумя типами "нарушения права собственности" не могла не быть ясна не только Ленину, но и Крупской. Тем более интересно ее сообщение о впечатлении, произведенном на Ленина этой его беседой со швейцарским социалистом.

"Борьба за демократическую республику была пунктом нашей тогдашней программы, буржуазная демократическая республика стала для Ильича особо ярко теперь вырисовываться как более утонченное, чем царизм, но все же несомненное орудие порабощения трудящихся

масс. Организация власти в демократической республике всячески способствовала тому, что вся жизнь насквозь пропиталась буржуазным духом. Мне думается, -- прибавляет в

заключение Крупская, -- не пережив революции 1905 г., не пережив второй эмиграции, Ильич не смог бы написать свою книгу "Государство и революция"⁹¹.

Столь огромным, по рассказу Крупской, было впечатление, произведенное на Ленина отказом швейцарского депутата-социалиста помочь большевику, который был арестован в связи с попытками размена тифлисских пятисотрублевков.

Крупская не принадлежала к числу особенно проницательных наблюдателей, и многое из того, что происходило на ее глазах и о чем она даже рассказывает в своих воспоминаниях, ею было понято неправильно. Но в одном ей нельзя отказать: она так полно подчинила свое "я" личности своего мужа, так старательно приучала себя смотреть на все его глазами, что в своих воспоминаниях, временами даже не вполне понимая значения его больших концепций, она тем не менее точно фиксирует оттенки его настроений. Именно поэтому ее замечания о беседе со швейцарским социалистом приобретают особый интерес.

Путь политического развития Ленина был очень непрост. Элементы российского самобытничества прочно сидели в мироощущении молодого Ленина. Идея программы-минимум, важным звеном в которую входило требование "буржуазной демократической республики", была центральной для всей большой концепции путей развития России с самого момента возникновения "Группы освобождения труда", этой основоположницы российской

социал-демократии. К этой концепции, которая полностью отвергала российское самобытничество, Ленин пришел не сразу. Ее он принял не без большого внутреннего сопротивления. Только после своей первой поездки за границу в 1895 г. и личных встреч с Плехановым и Аксельродом Ленин ее полностью воспринял. И с того момента она плохо или хорошо, другой вопрос --определяла границы его политических исканий.

Но важным элементом в эту концепцию входило умение уважать значение того, что русские революционеры-бунтари прежних эпох так охотно называли "серыми буднями" рабочего движения Запада -- умение ценить спокойную "прозу" массового движения по сравнению с кажущейся "поэзией" героических ударов отдельных личностей. Из воспоминаний той же Крупской мы знаем, что настоящего понимания этих особенностей рабочего движения Запада у Ленина не было и раньше, но если мы сравним его высказывания об этом движении до 1905 г. с высказываниями после 1908 г., то мы легко убедимся, что наблюдение Крупской вполне правильно.

Теоретически Ленин и после первой русской революции еще целый ряд лет остается на почве старой концепции развития, защищает идею программы минимум и даже с особенной настойчивостью выдвигает лозунг "буржуазной демократической республики" -- с

этих позиций официально он сходит только в самом конце эмиграции, только совсем накануне революции февраля 1917г. Но на европейское рабочее движение вообще и на лидеров социалистических партий Запада, в частности, он уже с самого начала своей второй эмиграции начинает смотреть все более и более свысока, приучается все чаще и чаще писать о них тем самым "по-

луудивленным, полупрезрительным тоном", который Крупская у него впервые подметила после его беседы со швейцарским депутатом-социалистом.

Тем важнее значение этого рассказа Крупской: он показывает, что начало психологического разрыва Ленина с рабочим движением Запада стояло в непосредственной связи с экспроприаторской эпопеей БЦ 1906--1907 гг. , --. что этот разрыв вырос на почве тех столкновений, которые Ленин тогда имел с социалистами Запада, считавшими такого рода деятельность недопустимой. Но этот психологический разрыв с рабочим движением Запада был исходным пунктом всего большого процесса развития Ленина от старых минималистских концепций "Группы освобождения труда" к новым максималистским концепциям октября 1917 г. -- к чистому ленинизму. V

Крупская права, когда говорит, что "не пережив революции 1905 г., не пережив второй эмиграции, Ильич не смог бы написать свою книгу Государство и революция". Эту формулу нужно только конкретизировать, на места неопределенных алгебраических знаков поставив конкретные арифметические величины, которые даны тою же Крупской: на данный характер развития Ленина влияние оказала не революция 1905 г. в ее целом, а эпопея "партизанских выступлений", организуемых БЦ; последний, решающий толчок для нее дала не "вторая эмиграция" вообще, а столкновение с европейскими социалистами в связи с попытками размена тифлисских пятисотрублевков.

И теория ("Государство и революция"), и практика Ленина 1917 г. была прямым порождением теории и практики "коллегии трех" 1906--1907 гг. Таков большой политический итог деятельности БЦ 1906--1907 гг.

* * *

Необходимо подчеркнуть теперь же, и со всей настойчивостью, что этот свой большой вывод из опыта большевистской деятельности 1906--1907 гг. Ленин в печати начал выявлять далеко не сразу. Вполне возможно, что он и сам его осознал лишь постепенно. Тем более ценен рассказ Крупской, который заставляет историка насторожиться и подмечать в словах и делах Ленина те элементы его новой концепции, которые начинают то здесь, то там прорываться на поверхность.

Как ни сильно было впечатление от беседы со швейцарским социалистом, как ни велико было возмущение против последнего, Ленин не пошел напролом против этих настроений, как он нередко делал во внутрироссийских спорах. В открытую борьбу для защиты тех сторон большевистской политики революционных лет, которые проходили по линии -- "коллегии трех", он не ввязался. Несомненно, он понимал невозможность политической защиты той деятельности, в которой было так много неполитических примесей. Только этим можно объяснить тот факт, что он не только сознательно отказался от попыток ее защиты, но и явно поставил своей задачей уйти от политической ответственности за ее деятельность. Во всяком случае, он не только никогда не высказывался по этим вопросам в печати, но и на закрытых партийных совещаниях, на конференциях и на пленумах ЦК, когда дебаты подходили к этим щекотливым темам, "честь" ответственных выступлений Ленин под тем или другим предлогом передавал другим, все усилия прилагая к тому, чтобы у сторонних наблюдателей складывалось впечатление, - будто инициативная роль в этого рода деятельности принадлежала не ему и будто он лишь из фракционной солидарности шел вместе со своими коллегами. Не

случайно на пленумах 1908--1910 гг., когда обвинения в прямой причастности к экспроприаторским похождениям прямо или косвенно выдвигались против целого ряда деятелей большевистской фракции, против Ленина лично, насколько известно, такие обвинения ни разу никем брошены не были, хотя, как теперь документально установлено, его прямое участие в руководящей деятельности этого рода было весьма велико. Он умел прятать следы.

А немногим позднее, с осени 1908 г., Ленин внешне даже встал в ряды партийных деятелей, которые вели борьбу против экспроприаторской, эпидемии и начал в "Пролетарии" кампанию по разоблачению вредного влияния "эксизма" на рабочие организации. Правда, огонь своей критики "Пролетарий" сосредотачивал исключительно на экспроприациях анархистских или особенно "лбовских"⁹², участники которых выступали открыто в качестве внепартийных боевых отрядов (хотя последние и вышли из большевистских дружин, и до конца поддерживали с ними дружеские связи). Деятельность чисто большевистских партийных дружин, например Южного Урала (главным образом района Уфы), созданных братьями Кадомцевыми⁹³, которые были подлинными насадителями "эксизма" на Урале, а тем более деятельность "кавказской группы" Камо-Петросяна, сыгравшей ту же роль в Закавказье на страницах "Пролетария" и всех вообще изданий, выходивших под редакцией Ленина, освещения, конечно, не нашла.

Взятая под этим углом зрения деятельность Ленина того времени объективно была не чем иным, как попыткой выбраться из тупика, в который большевистская фракция была заведена дея

тельностью "коллегии трех", свалив на других политическую ответственность за те деяния, в проведении которых решающее участие принимал и сам Ленин. Именно под этим углом зрения надлежит рассматривать и тот раскол внутри БЦ, который был проведен Лениным в 1908--1909 гг.

Идеологическая и политическая платформа для этого раскола Лениным была выбрана с точным расчетом и "с заранее обдуманном намерением" показать миру, что он рвет с тем крылом большевизма, который стремление к философской ревизии марксизма в области теории сочетает с упорным желанием сохранить бойкотистские и авантюристические элементы старой большевистской тактики 1905--1907 гг. Ленин, конечно, хорошо знал, что он делал, и в основном эта платформа действительно правильно выделяет наиболее характерные элементы позиции той группы вчерашних ближайших соратников Ленина, отмежеваться от которых он стремился, и возложить на которую ответственность за неудобные для него стороны их недавней общей деятельности он ставил своей задачей⁹⁴. Не соответствующим правде было только стремление Ленина всемерно затушевать свою собственную активную роль в создании и применении на практике этой старой большевистской тактики, его попытки сложить с себя самого ответственность за содеянное, возложив ее исключительно на других, которые во многом были лишь его учениками и последователями. Это показывало, что во всем этом ленинском расколе целью был не действительный пересмотр старой большевистской тактики, а только тактический маневр, чтобы вывести себя из под удара, направив этот последний на других, и сохранить для себя возможность еще более беззастенчивых маневров в будущем.

Но идеологическими и политическими вопросами далеко не исчерпывалось содержание той большой игры, которую тогда вел Ленин. На авансцене велись споры о "Махах и Авенариусах", печатались статьи с опровержением аргументации "бойкотистов" и "отзовистов" и т. д., а за кулисами шла ожесточенная борьба за влияние в БЦ, которая, в переводе на язык реального соотношения сил была борьбой за право распоряжаться секретными капиталами большевистской фракции. И только на фоне этой последней борьбы становятся понятными многие загадки, которые сбивают с правильного пути исследователя, оперирующего материалами об одном только открытом для внешнего мира идеологическом и политическом конфликте между Лениным и группой Богданова, Красина, Луначарского и др.

Первые столкновения внутри "коллегии трех", она же "финансовая группа", имели место, несомненно, уже в первые дни по приезде Ленина в Женеву: тогда произошла первая встреча за границей членов этой коллегии, и во время нее не мог не быть поднят вопрос о положении, которое создалось в результате послед

них провалов -- попытки размена тифлисских пятисотрублевой, с одной стороны, и попытки выпуска фальшивых трехрублевок, с другой. В обеих этих попытках, если подходить к ним с точки зрения чисто деловой, было так много самонадеянного авантюризма и непродуманности, что Ленин -- человек мертвой практической хватки -- не мог этого не заметить. Очень похоже, что именно в эти дни Ленин впервые увидел Красина в новом для него свете-- как "мастера посулы давать и очки втирать"⁹⁵.

И нет сомнения, что именно в этот момент Ленин должен был выступить -не мог не выступить -- против предложения рискованных авантур, особенно за границей. Конечно, не потому, что он теперь перешел в лагерь принципиальных противников такого авантюризма, а просто потому, что теперь он должен был яснее и конкретнее увидеть все связанные с ним опасности, с одной стороны, и не мог не потерять свое прежнее почти безграничное доверие к счастливой звезде их главного инициатора, с другой.

В частности, несомненно, что именно Ленин должен был в это время настоять на прекращении всех дальнейших попыток размена тифлисских пятисотрублевков. В пользу этого последнего вывода говорят следующие соображения. В январе 1908 г. во время арестов при попытках размена в руки полиции попало около 50 таких билетов. На руках у организаторов оставалось не меньше 150. Известно, что и Красин, и Богданов были оптимистами в вопросе о возможности успеха новых попыток в этом направлении, и позднее, действительно, они оба такие попытки делали. Богданов организовал попытку их размена в Северной Америке. Но эта попытка закончилась провалом Красин пошел другим путем: после ряда сложных опытов ему удалось технически настолько совершенно "подправить" номера пятисотрублевков, что какое-то число этих билетов им были реализованы, несмотря на то, что к этому времени во всех банках мира уже был установлен строжайший контроль за русскими пятисотрублевками⁹⁶.

Таким образом из той "коллегии трех", которая в 1907 г. заключила договор с "кавказской группой" Камо и которая поэтому считала себя имеющей право распоряжаться суммами, добытыми при экспроприации в Тифли-

се, только один Ленин после января 1908 г. не имел отношения к попыткам реализации уцелевших пятисотрублевков. Несомненно также, что именно Лениным было продиктовано то решение БЦ от июня 1909 г. (после устранения Богданова, Красина и их сторонников), которое содержало заявление, что БЦ "не имеет никакого касательства к этим деньгам"; равно как. несомненно, что не без его одобрения после январского пленума ЦК было проведено сожжение всех тех пятисотрублевков, которые к этому времени ленинский БЦ смог собрать⁹⁷. Иными словами: Ленин не только не принимал участия в позднейших попытках размена пятисотрублевков, но и находился

в лагере тех, кто боролся против возобновления попыток такого размена.

В свете этих фактов едва ли можно сомневаться в том, что уже с первого совещания "коллегия трех", т. е. с конца января или начала февраля 1908 г., Ленин начал бороться против попыток дальнейшего использования тифлиских пятисотрублевков; и существует много оснований полагать, что споры именно по этому вопросу были причиной появления первой глубокой трещины в личных отношениях между Лениным, с одной стороны, Богдановым и Красиным, с другой -- трещины, которая разрасталась тем быстрее, чем яснее для Ленина становились трудности, которые возникали для его политической работы в результате разоблачения экспроприаторских походов недавнего прошлого.

Для наблюдателя извне тогда могло казаться, что этот раскол внутри "коллегии трех" отягчал положение Ленина. Во вторую эмиграцию он ехал со сравнительно большими планами, как литературно-издательской, так и

партийно-политической деятельности. "Пролетарий" должен был стать регулярно выходящим еженедельником с литературным отделом, во главе которого предполагалось поставить Горького. Когда в Финляндии намечались эти планы, состояние кассы БЦ казалось весьма прочным (только незадолго перед тем в эту кассу поступило 150 тыс. руб., захваченных при тифлисской экспроприации в мелких купюрах); перспективы -- весьма обнадеживающими. Тем тяжелее было разочарование, когда уже в феврале--марте начали вырисовываться кризисные симптомы. Уже с марта в письмах Ленина в качестве постоянной начинает звучать нота жалобы на финансовые затруднения. Арест Красина в Финляндии (22 марта 1908 г.), несмотря на его скорое освобождение⁹⁸, конечно, сильно ухудшил положение, тем более, что из эмиграции, куда вынужден был уехать Красин, ему было труднее мобилизовать свои денежные связи. Впрочем, источники легальных доходов у Красина давно начали иссякать. В апреле начинаются перебои с регулярным выходом "Пролетария". В письме Ленина к Горькому от 19 апреля совсем тревожный сигнал: "Воют в России от безденежья... "

Во всей этой картине, как она вырисовывается из переписки Ленина и других документов, наименее понятным является один момент: несмотря на этот надвигающийся финансовый кризис, Ленин, который обычно хорошо понимал важность финансовой базы для успешности политической работы и нередко шел на компромиссы, лишь бы обеспечить эту базу, на этот раз совершенно непреклонно держал курс на разрыв с Богдановым -- конечно, превосходно понимая, что это будет одновременно разрывом не только с Красиным, т. е. министром финан-

сов БЦ, но и с Горьким, которого Ленин очень высоко ценил и сотрудничеством с которым

он крайне дорожил, и со многими другими видными представителями "старой гвардии" большевизма.

Причина этой крайней непримиримости Ленина полностью понятной будет лишь после того, как мы установим, что как раз в это время новые союзники Ленина, шедшие на смену старым большевикам типа Богданова и Красина, заканчивали в Москве работу по реализации первой части наследства Шмита, что должно было принести кассе БЦ около 190 тыс. руб. в совершенно полноценной валюте, не требующей никакого риска при размене. Ленин был в курсе этой работы -- и от Шестернина, который выступал в Москве доверенным человеком официальной наследницы, и от Таратуты, который вместе со своей женой, этой наследницей, поджидал деньги в Париже. Опасность срыва этой операции была ничтожной: Шестернин был вполне надежным человеком, лично связанным с Лениным; прочно привязан к последнему был теперь и Таратута.

В этих условиях ликвидация конфликта с Богдановым и Красиным не улучшала, а, наоборот, сильно ухудшала бы обстановку: если бы соглашение с Богдановым и Красиным было достигнуто, БЦ, несомненно, восстановил бы финансовую диктатуру Красина под наблюдением "коллегии трех"; именно в эти руки тогда перешли бы и капиталы Шмита; продолжение же и обострение конфликта создавало на верхушке большевистской фракции положение междуцарствования, которое было крайне выгодно Ленину, так как он имел большинство в редакции "Пролетария", с одной стороны, и получал фактический контроль над наследством Шмита, с другой.

Правда, требования соглашения делались все настойчивее и настойчивее со всех сторон. "Восстановления единства большевистской фракции" требовали в этот момент не только большевистские группы в эмиграции; не только ведущая группа большевиков-литераторов, которую в это время собрал к себе на Капри Горький, принимавший близко к сердцу тогдашний раскол и стоявший полностью на стороне Богданова и Красина; в этом же смысле Ленину писали и "питерские друзья"⁹⁹, под таким псевдонимом, несомненно, фигурировали находившиеся в Петербурге члены БЦ во главе с Рожковым, Гольденбергом-Мешковским, Линдовым и др. Но все эти требования, с точки зрения Ленина, обязывали только к одному: нужно было так провести желательный и даже необходимый раскол, чтобы внешне ответственность за него падала не на него, а на противников. Опыт в этой области у него был большой, в своих силах он был вполне уверен. Курс на раскол был взят круто, хотя и был замаскирован фальшиво-миролюбивыми фразами.

* * *

В двадцатых числах мая 1908 г. Ленин получил сообщение, что первая часть наследства Шмита реализована, все документы

оформлены и Шестернин выезжает с ними из Москвы в Париж для их вручения формальной наследнице. Необходимо было спешить

Случайно это совпало во времени с большим рефератом Богданова о "приключениях одной философской школы", который был назначен в Женеве на 28 мая: на нем Богданов собирался раскритиковать Плеханова... Это было как нельзя более на руку Ленину. Формально, по соглашению, которое действовало в редакции "Пролета-

рия", Богданов имел все права на такое выступление. Но оно, конечно, создавало столь же несомненное право и для контрвыступления любого члена редакции. А между этими "другими" членами редакции, между Лениным и Дубровинским, уже давно существовало полное единомыслие в этом вопросе. "И тот, и другой, -- вспоминает Крупская, -- чрезвычайно ценили Плеханова... И тот, и другой считали, что Плеханов прав в области философии, и полагали, что в области философских вопросов надо решительно отгородиться от Богданова, что теперь борьба на философском фронте приобрела особое значение".

Ленин с самого начала второй эмиграции обрабатывал в этом направлении Дубровинского, в котором еще с 1903--1904 гг. сидели "примиренческие" настроения -- стремление перекинуть мост для сближения с меньшевиками и восстановить партийное единство. Ленин пользовался этим настроением в своих целях, превращая Дубровинского в таран для дробления связей, поддерживающих единство большевистской фракции. "Ильич видел, что никто так хорошо, с полуслова, не понимает его, как Иннокентий. Иннокентий приходил к нам обедать, и они долго после обеда обдумывали планы работы, обсуждали создавшееся положение. По вечерам сходились в кафе Ландольт и продолжали начатые разговоры. Ильич заражал Иннокентия своим "философским запоем", как он выражался"¹⁰⁰.

Когда он считал это нужным и когда дело шло о полезном человеке, Ленин умел не считаться со временем, чтобы прочно вколачивать свои мысли в головы собеседников, крепко привязывать-их к себе. Для тех лет Дубровинский стал самым полезным для Ленина его помощником. Правда, он не вполне отказался от своих собствен-

ных оценок, от своих особых оттенков в подходах к вопросам и людям. Но в тот период, в 1908--1910 гг., это было даже полезно Ленину: со своей репутацией "старого примиренца" Дубровинский имел доступ туда, куда человек с репутацией "непримиримого большевика" проникнуть бы не мог. В основном же он работал в том направлении, которое тогда было особенно выгодно Ленину. Именно это заставляло последнего им дорожить,

старательно и осторожно вдалбливая в его голову свои планы и концепции.

При этих отношениях Ленину легко было сговориться с Дубровинским по вопросу о выступлении против Богданова. Дубровинский согласился взять на себя это выступление: Ленин набросал тезисы, которых следовало держаться, и около 25 мая отправился в путь: сначала в Париж, чтобы закрепить свое влияние на судьбу капиталов Шмита, а затем в Лондон, для работы в Британском музее над своей философской книгой против Богданова, о которой уже было широко известно в кругах большевистской эмиграции и разговоры о которой не раз прикрывали совсем не философские моменты деятельности Ленина¹⁰¹.

Расчет Ленина оказался вполне правильным. Выступление Дубровинского, который от собственного имени и имени Ленина резко напал на Богданова, в кругах большевистской эмиграции, которая не была посвящена в подробности закулисных отношений, произвело впечатление разорвавшейся бомбы и дало первый толчок для обособления верных "ленинцев" от "богдановцев": Ленину было выгодно и само это обособление, и в особенности тот факт, что оно проходило в его отсутствие, а следовательно -- не требовало потери времени.

Еще более выгодной была для него реакция Богданова, который в виде протеста против выступления Дубровинского заявил о своем уходе из редакции "Пролетария", чем поспешили воспользоваться Ленин с Дубровинским, под предлогом недостатка литературных сил немедленно кооптировавшие в редакцию Зиновьева. Последний, до апреля живший в Петербурге и входивший в тамошнюю коллегию ЦК, был Лениным заблаговременно, еще в конце апреля или начале мая, вызван в Женеву под предлогом недостатка в "Пролетарии" литературных сил и теперь прочно занял место секретаря редакции. Богданов, по-видимому полагавший, что его, по его прежнему положению в БЦ, будет невозможно устранить из редакции, в течение последующих месяцев вел переговоры о своем возвращении в редакцию, но Ленин и Дубровинский так вели эти переговоры, что возвращение становилось все менее возможным.

В результате совещание членов БЦ, состоявшееся в августе 1908 г., санкционировало "добровольный" выход Богданова из редакции, пополнив ее москвичом Шанцером ("Марат"), который, правда, был противником Ленина (особенно в вопросах организационной политики), но не занимал боевой позиции; в вопросах философских не разделял взглядов Богданова и из-за болезни был вообще мало активен. Все это делало его весьма покладистым представителем оппозиции в редакционной коллегии, который сам себя считал меньшинством, в то время, как Богданов при каждом удобном и неудобном случае подчеркивал, что большевист

екая делегация на последней широкой общепартийной конференции (август 1907 г.) именно его, а не Ленина избрала докладчиком для защиты той тактики, которую она считала правильной (бойкот Третьей госу-

дарственной думы). Но и этот представитель оппозиции в редакции появился только с сентября 1908 г., а три летних решающих месяца, когда были подготовлены и проведены совещание членов БЦ и пленум ЦК, редакционная коллегия "Пролетария", бывшая тогда единственным формальным представительством БЦ за границей, состояла именно только из Ленина и его надежных союзников - Дубровинского и Зиновьева.

Насобирав в Британском музее полные тетради выписок из работ философов (эти тетради напечатаны в Ленинских сборниках), а также благополучно оформив дела с капиталами Шмита, в конце июня Ленин вернулся в Женеву. Первая волна бурных возмущений и острых разговоров, вызванных выступлением Дубровинского против Богданова, к этому времени уже отошла в прошлое. Можно было приниматься за организационное закрепление новых отношений. Кроме Зиновьева для работы в "Пролетарии" Ленин вызвал из Одессы Воровского. Одновременно, по уговорам Ленина, в Женеву переселился Таратута. О последнем Крупская осторожна пишет, что он "стал помогать в хозяйственных делах и вел переписку с другими заграничными центрами в качестве секретаря Заграничного бюро ЦК "102. Это определение не вполне точно: Заграничное бюро ЦК было создано лишь позднее, на пленуме ЦК в конце августа; в его состав Таратута не входил ни тогда, ни позже. Но хозяйственные дела БЦ в его руки действительно с самого начала перешли почти полностью (в августе это было оформлено), и он вообще стал одним из наиболее близких и доверенных сотрудников Ленина, особенно по подготовке и проведению предстоящих совещаний.

В. В. Воровский, которым Ленин особенно дорожил как литературной силой, приехать отказался. Опублико-

вано второе письмо к нему Ленина с попыткой уговорить все же работать для "Пролетария" и приехать хотя бы только на конференцию. В нем Ленин давал интересную характеристику тогдашнего положения так, как он хотел его рисовать людям, сотрудничеством которых он дорожил. Оно датировано 1 июля 1908 г., т. е. через несколько дней после возвращения Ленина в Женеву.

"Положение у нас трудное, -- читаем мы в этом письме, -- надвигается раскол с Богдановым. Истинная причина -- обида на критику на рефератах (отнюдь не в редакции). Теперь Богданов выискивает всякие разногласия. Вытащил на свет божий бойкот вместе с Алексинским, который скандалит напропалую и с которым я вынужден был порвать все отношения. Они строят раскол на почве эмпириомонистической-бойкотистской. Дело разразится быстро. Драка на ближайшей конференции неизбежна. Рас

кол весьма вероятен. Я выйду из фракции, как только линия "левого" и истинного "бойкотизма" возьмет верх. Вас я звал, думая, что Ваш быстрый приезд поможет утихомирить. В августе нового стиля все же непременно рассчитываем на Вас, как на участника конференции. Обязательно устройте так, чтобы могли съездить за границу. Деньги вышлем на поездку всем большевикам. На местах давайте лозунг: мандаты давать только местным и действительным работникам. Убедительно просим писать для нашей газеты. Можем платить теперь за статьи и будем платить аккуратно"¹⁰³.

Еще совсем недавно Ленин доказывал, что расхождения имеются только по вопросам философским, которые "ни в коем случае непозволительно смешивать... с партийным делом"; еще совсем недавно доказывал, что "

мы свое фракционное дело должны вести по-прежнему дружно: в той политике, которую мы вели и провели за время революции, никто из нас не раскаивался. Значит, наш долг отстаивать и отстаять ее перед партией. Это сделать мы можем только все вместе" (письмо Горькому от 19 апреля 1908 г.).

Теперь положение меняется. Правда, Ленин по-прежнему инициаторами раскола выставляет своих противников, которые якобы "выискивают всякие разногласия", но защищать общее "партийное дело" Ленин теперь согласен уже только на той политической платформе, которую он считает правильной. Об этом он заявляет открыто. Если его точка зрения не победит, он "выйдет из фракции". Ленин знал, что Воровский--противник бойкота, а потому уговаривает его "обязательно" приехать на конференцию, которая в августе будет решать этот вопрос. "Деньги вышлем на поездку всем большевикам", -- успокаивает он и прибавляет: "Можем платить теперь за статьи и будем платить аккуратно". В последней фразе -- самое существо: финансовый кризис кончился, денег имеется достаточно, и распоряжается ими он, Ленин.

* * *

Созвать на август общепартийную конференцию, как того хотел Ленин, не удалось. Не вполне даже ясно, были ли действительно сделаны конкретные шаги в этом направлении: аресты, проведенные в Петербурге в апреле--мае 1908г., вывели из строя почти всех активных деятелей тогдашнего состава ЦК. Правда, большинство отделалось легкими карами. Только Рожков, за которым в Москве числились дела по 1905--1906 гг., был отправлен туда и по суду пошел в Сибирь на поселение, да Жордания, чья подпись стояла под Выборгским воззванием,

разделил судьбу остальных "вы-боржцев". Остальные отделались или ссылкой в административном порядке, или просто высылкой из столицы.

В обстановке предыдущих лет такие аресты не оказали бы большого влияния на функционирование ЦК, но лето 1908 г. было совсем иным. Общий распад партийных организаций, начавшийся сразу же после разгона Второй государственной думы, теперь принял характер особенно массового явления и вплотную подошел к центральным учреждениям партии. Раньше эти последние были окружены сильно разветвленной периферией, откуда было легко черпать резервы для заполнения трещин, получавшихся в результате полицейских набегов. Теперь же и набегии стали более часты* ми, и удары, ими наносимые, вернее попадали в цель (провокация свивала все более и более прочные гнезда во всех революционных организациях); и периферия так сильно поредела, что находить пополнения становилось делом все более трудным.

В результате, щели, образовавшиеся после весенних арестов, оказались незаполненными. Разбитая коллегия ЦК не была восстановлена; и начиная с апреля до осени ЦК в России фактически не функционировал. Из старых работников ЦК уцелели только Мешковский, который сосредоточил свою работу на социал-демократической фракции Государственной думы, да М. (И. Бройдо ("Яков")), который после своего протеста против затушевывания дела о тифлисской экспроприации, правда, по настоянию друзей, вернулся в ЦК, но фактически тоже целиком ушел в работу по помощи думской фракции. А социал-демократов, которые обслуживали социал-демократическую фракцию Государственной думы, помогая их

думской работе, в то время полиция не трогала: их черед пришел позднее.

Все это заставило Ленина отказаться от созыва конференции, но помогло его главной задаче: реорганизации центрального партийного комитета таким образом, чтобы последний подпал под непосредственный контроль группы Ленина. Вместо конференции был созван пленум ЦК (24--26 августа 1908 г.). Ему предшествовали совещания членов БЦ, которые и для Ленина, и для судеб партии имели значение во всяком случае не меньшее, чем заседания официального пленума ЦК: эти совещания БЦ фактически предрешили исход пленума.

Полное собрание БЦ устроить было нельзя не только потому, что больше трети его членов скитались по тюрьмам и ссылкам. За границей членов БЦ было всего 9 человек, но и относительно них нет точных сведений, все ли они были на совещании в августе 190, 8 г. Об этом совещании, хотя оно сыграло решающую роль в развитии БЦ, вообще никогда и нигде не было опубликовано никакого сообщения, и его значение теперь приходится восстанавливать по разрозненным замечаниям, попадающим в различного рода источниках.

Во всяком случае известно, что из 9 членов БЦ, находившихся за границей в августе 1908 г., пятеро примкнули к лагерю Ленина

(сам Ленин, Дубровинский, Зиновьев, Каменев и Таратута), а четверо оказались в лагере Богданова и Красина (Богданов, Красин, М. Н. Покровский и В. Л. Шанцер). Правда, не все они были одинаково готовы идти до крайних выводов из нараставших конфликтов -- до согласия на открытый раскол. У некоторых были заметны "примиренческие" настроения. Известную роль играли индиви-

дуальные оттенки во взглядах (так, например, Покровский не разделял "бойкотистских" настроений Богданова, а Каменев еще до 1912--1913 гг. числился "богдановцем" по вопросам философским). Это вынуждало Ленина маневрировать, но в основном соотношение сил уже определилось: Ленин имел большинство.

С другой стороны, над обеими группами страшной угрозой висело расследование об экспроприаторской деятельности БЦ, которое производилось Центральным заграничным бюро по полномочию ЦК и которое к этому времени уже вплотную подошло к вопросу о личной роли таких центральных фигур большевистской фракции, как Богданов и Красин. Открытый раскол большевистской фракции, какими бы спорами он ни был формально замаскирован, сделал бы неизбежным вынесение на суд общепартийных центров вопросов, связанных с подлинными причинами этого раскола, и мало-мальски гласное обсуждение этих причин необходимо привело бы к жестокому политическому и организационному расколу всего большевистского крыла партии, к дискредитации всей его политической деятельности, к личной дискредитации его лидеров, к какой бы из внутренних группировок они ни принадлежали. Этого, конечно, не хотел никто из них -- Ленин даже меньше Богданова. Рвать друг с другом открыто они не могли и должны были продолжать вместе тащить тяжелую колымагу ответственности за прошлое. При численном соотношении сил внутри фракции это сводилось к тому, что Богданов, который к этому времени не мог не начать понимать основы "двойной бухгалтерии" партийно-политической игры Ленина (этот термин в литературу ввел именно Ленин, конечно -- по другому поводу), вынужден был помогать последнему...

В такой обстановке Ленин провел это совещание БЦ. Его первым делом была формальная ликвидация старой "коллегии трех", "финансовой группы", и официальное закрепление функций распоряжения капиталами БЦ за людьми, целиком и полностью ему преданными. Поэтому на совещании была избрана новая "финансовая комиссия" БЦ, в состав которой вошли Зиновьев (редакция "Пролетария"), Крупская (секретарь БЦ), Котляренко (транспорт) и Таратута (касса). Пятым в комиссию был введен Житомирский¹⁰⁴, функции которого в комиссии не вполне ясны (он не был связующим звеном между этой комиссией и заграничными группами, так как пленум ЦК готовил замену ЦЗБ новым Заграничным бюро ЦК, в которое Житомирский намечен не был, равно

как позднее, в 1911--1912 гг., он не был введен в большевистскую Заграничную организацию РСДРП), но который теперь попал в самый центр конспиративной работы БЦ.

Есть много оснований считать, что это смещение старой "коллегии трех" и избрание новой "финансовой комиссии", бывшее настоящим внутриорганизационным переворотом в БЦ и к тому же проведенное столь незначительным большинством, вызвало на совещании немало острых столкновений. Несомненно что именно с этого совещания началась борьба между Лениным, с одной стороны, и Красиным и Богдановым, с другой, которая сопровождалась крайне тяжелыми взаимными обвинениями. Но подлинное существо которой до сих пор остается неизвестным. Полицейские источники говорят, что в то время группа Ленина обвиняла Красина в том, что он "самовольно удержал 140 тыс. руб. "фракционных денег, полученных от тифлисской экспроприации¹⁰⁵. Эти полицейские сообщения заслуживают самого внимательного к

себе отношения не только потому, что полиция обладала тогда хорошими источниками осведомления о внутренней жизни БЦ106, и потому, что оно по существу совпадает с теми отрывочными указаниями на причины острых внутренних конфликтов, которые содержатся в документах, опубликованных историками.

Согласно этим последним данным, особенной остроты этот центральный конфликт достиг в начале 1909 г., причем на заседании коллегии БЦ 23 февраля Зиновьев, Каменев и Таратута (Ленин на этом заседании отсутствовал) "принесли готовую резолюцию", в которой Богданов и Красин "объявлялись присвоителями партийного имущества и клеветниками", подлежащими исключению из фракции107.

В чем именно указанные три члена БЦ, действовавшие явно с согласия Ленина, усматривали "присвоение партийного имущества и клевету" из документов, опубликованных историками, не видно, но больше, чем правдоподобно, что именно этот пробел должен быть заполнен уже процитированным выше полицейским сообщением о 140 тыс. руб., которые Красин якобы "самовольно удержал" из сумм, поступивших в БЦ от тифлисской экспроприации: эта цифра, действительно, точно соответствует той сумме, которую Камо сдал членам "коллегии трех" в Куоккала в июле или августе 1907 г. -- если из общего "дохода" от указанной экспроприации (общая сумма похищенного тогда в официальных сообщениях определялась приблизительно в 250 тыс. руб.) исключить те 100 тыс. руб. в пятисотрублевках, которые были не пригодны для реализации.

Это объяснение т. е. допущение, что обвинение в "присвоении партийного имущества", выдвинутое группой

Ленина против Богданова и Красина, относилось к их отказу дать новой финансовой комиссии отчет в расходовании сумм, поступивших в БЦ от тиф

лисской экспроприации, является, действительно, единственно возможным объяснением причины возникновения указанного обвинения: речь могла идти только о таком "партийном имуществе", источник происхождения которого не мог быть назван открыто, но которое в то же время было настолько велико, чтобы оправдать острый конфликт между столь крупными и еще недавно столь близкими между собою партийными деятелями. Для периода после Лондонского съезда таким поступлением в кассу БЦ при Красине было только одно поступление от тифлисской экспроприации, причем передача его "коллегии трех", как мы теперь знаем, была связана обязательным условием "ни при каких условиях не переносить обсуждение дела о полученном имуществе в какую бы то ни было партийную организацию" (заявление Камо). И Красин, и Богданов (как мы это знаем из писем последнего), считали себя морально связанными этим последним обязательством. В 1908--1909 гг., когда Камо сидел уже в немецких тюрьмах и вел там исключительно тяжелую борьбу против выдачи его в Россию на суд и верную казнь (тогда это казалось несомненным), какое бы то ни было нарушение этого условия должно было казаться Богданову и Красину особенно недопустимым¹⁰⁸, так как огласка каких бы то ни было закулисных подробностей могла вредно отразиться на положении Камо.

Именно поэтому и Богданов, и Красин не считали возможным давать какие бы то ни были объяснения по существу выдвинутого против них обвинения в "присвоении партийного имущества" и особенно возмущались поведением Ленина, который, в качестве третьего члена "

коллегии трех", в свое время принимал участие в заключении соглашения с "кавказской группой", а теперь не только допускал, что его ближайшие сотрудники (Зиновьев, Каменев и Таратута) предъявляют Богданову и Красину требование дать им отчет в расходовании этих сумм, но и явно их поддерживал, вернее даже подстрекал их к усилению агрессии в этом направлении. Ибо ни у кого, конечно, не было и тени сомнения в том, что достаточно было Ленину сказать одно слово, чтобы указанная тройка его верных адъютантов от нападения на Красина и Богданова отказалась.

Острота личного раздражения Богданова и Красина против Ленина в тот момент определялась тем, что они его поведение считали лично непорядочным.

Необходимо добавить, что ни Ленин, ни его помощники, конечно, не считали Богданова и Красина людьми, которые способны "присвоенное партийное имущество" обратить в свою личную пользу. Характерно, что в этом последнем не обвинял даже начальник Петербургского Охранного отделения, который в цитированной выше записке от 28 марта 1909 г. писал о предполагаемом использовании этих денег Красиным "на пропаганду отзовизма".

Ленин, конечно, лучше знал Богданова и Красина, чем генерал Герасимов, начальник Охранного отделения в Петербурге, чья подпись стояла под указанной запиской. Он, несомненно, был также осведомлен о том, что оставшуюся часть тифлисской добычи Богданов с Красиным отказывались передавать на партийные нужды, так как считали необходимым хранить ее на расходы, связанные с борьбой за жизнь Камо, которого они считали свое-

образным гером-самородком, и других арестованных участников экспроприации.

Почему в подобных условиях Ленина все же разрешил Зиновьеву, Каменеву и Таратуте так заострять борьбу против Богданова и Красина, остается не вполне ясным. По-видимому, это было с его точки зрения необходимым для того, чтобы разбить старую "коллегию трех", т. е. создать формальное оправдание для формирования новой, полностью ему послушной финансовой комиссии, которая получит право бесконтрольно распоряжаться капиталами Шмита.

Таким образом, в основе того главного конфликта, который взорвал "коллегию трех" и до крайности обострил внутренние отношения в БЦ вообще, лежал вопрос о праве распоряжаться теми "темными деньгами", которые имелись в распоряжении БЦ.

Чтобы покончить с этой стороной конфликтов, необходимо добавить, что на том совещании членов БЦ, которое состоялось 21--30 июня 1909 г. в Париже и известно как "Совещание расширенной редакции Пролетария-", была сделана попытка подведения итога и ликвидации всех конфликтов, которые раздирали БЦ в 1908--1909 гг. Была избрана особая "конфликтная комиссия", в состав которой вошли исключительно те члены БЦ, которые зиму 1908--1909 гг. жили в России и не принимали личного участия в борьбе вокруг БЦ за границей. В эту комиссию вошли Гольден-берг-Мешковский, Дубровинский и Рыков, на рассмотрение которых был передан конфликт внутри старой "коллегии трех", причем они получили для ознакомления даже секретную переписку между Лениным и Красиным, которая не только до сих пор не опубликована, но, по-видимому, и не сохранилась¹⁰⁹. В результате

своей работы, эта комиссия предложила совещанию БЦ принять нижеследующую резолюцию:

"Ознакомившись с рядом конфликтов между большевиками, принимавшими участие во внутрифракционной борьбе последних месяцев, комиссия предлагает расширенной редакции "Пролетария": а) признать, что эти конфликты между революционерами, долгое время работавшими рука об руку, отнюдь не могут быть поставлены на счет чьей бы то ни было злой воли, а целиком объясняются неизбежным раздражением сторон в разгоряченной атмосфере фракционной борьбы, причем каждая из сторон субъективно руководствовалась мотивами идейными и партийными;

б) потребовать прекращения всех третейских и прочих судов, как ведущих к безысходной склоке, сеющих смуту и дезорганизацию; в) призвать всех товарищей, вовлеченных в эти конфликты, по мере возможности ликвидировать все личного характера столкновения путем частных объяснений".

При анализе этой резолюции необходимо иметь в виду, что комиссия эта состояла только из одних сторонников Ленина, которые незадолго перед тем фактически выбросили из БЦ Богданова и Красина, лично на совещание не прибывшего -- явно из нежелания участвовать в обсуждении склочных вопросов; что по тем же причинам на совещании не присутствовал Покровский, который хотя и расходился с Богдановым и Красиным политически, но в вопросах внутрипартийных их поддерживал; из противников Ленина на совещании в это время был только один Шанцер,, уже тяжело больной. Тем показательнее эта резолюция и ее голосование.

Так как в основе всех конфликтов лежало обвинение Красина и Богданова в "присвоении партийного имущества", то резолюция, которая не сочла нужным даже упомянуть об этом обвинении по существу, объективно была, конечно, отмежеванием от него, и лишь пыталась не оправдать, а хотя бы только объяснить поведение тех, кто это обвинение выдвигал, ссылкой на "разгоряченную атмосферу фракционной борьбы".

Ленин, конечно, понял этот смысл резолюции и пытался против него протестовать. Он указал, что в докладе совершенно нет упоминания о его конфликте с Красиным. Его поддержал только один Таратута, говоривший о "необходимости обсудить и ликвидировать конфликт" с Красиным. Протоколы этого совещания БЦ вообще крайне неполны. Особенно они кратки в передаче дебатов по докладам конфликтной и ревизионной комиссий. Но отношение совещания к этому вопросу выявилось уже в том, что Зиновьев, сразу же после речи Таратуты предложил закрыть прения, и это предложение, несмотря на возражения Таратуты, было принято. Совещание большинством в 8 голосов против одного (Ленина) резолюцию комиссии, приняло. Ленин оговорил свое недовольство, заявив, что "оставляет за собою право на особое мнение". Это заявление, конечно, лишь подчеркнуло отрицательное отношение совещания к поведению Ленина в деле Красина.

Так как в этом заседании участие принимали 11 человек -- 8 членов БЦ и 3 делегата, с мест -- то при голосовании двое явно воздержались: ими должны были быть Таратута и, вернее всего, Каменев. Ленин не имел полной поддержки даже со стороны всей тройки его верных помощников из эмиграции¹¹⁰.

Значение этого решения было подчеркнуто одновременным принятием решения по делу о долге БЦ некой А. И. Умновой, состоятельной женщины из числа сочувствовавших большевикам. Де

ло это не имело само по себе никакого интереса. Значение оно приобретало лишь ввиду своей связи с делом Ленина--Красина. Умнова принадлежала к числу тех людей, у которых Красин, когда был кассиром БЦ, в тяжелые для кассы моменты производил кратковременные займы, иногда довольно крупные. С того времени оставался его долг Умновой в несколько тыс. руб. Красин подтверждал правильность ее претензии и настаивал на том, что новая финансовая комиссия БЦ должна ей этот долг уплатить, но эта новая финансовая комиссия и лично Ленин платить отказывались, требуя, чтобы расплату произвел Красин из средств, которые он якобы удержал. Вокруг этого вопроса шла довольно острая борьба, так как Умнову поддерживали некоторые из эмигрантов-большевиков, видные деятели военных и боевых организаций, связанных с БЦ, которые были осведомлены об этом старом долге. Комиссия предложила долг Умновой заплатить, правда, с оговоркой: "постаравшись добиться скидки".

Это предложение встретило возражения. Таратута дважды настаивал на обсуждении этого вопроса по существу, но предложение это было дважды отклонено. Ленин просил занести в протокол, что он "вносит по этому вопросу особое заявление" (в архивах этого документа не оказалось). При голосовании лишь один Ленин голосовал против предложения комиссии (Каменев и Скрыпник воздержались)¹¹¹.

Это второе поражение Ленина, дважды подряд побитого по одному и тому же вопросу, с особенной ясностью подчеркивает, что поражение было не случайным, что даже на этом совещании политических единомышленников методы его борьбы против вчерашних ближайших друзей встречали осуждение. Совещание настолько определенно считало его неправым, что даже тройка его постоянных адъютантов того времени -- Зиновьева, Каменева и Таратуты -- не выдерживала испытания и уклонялась от прямой с ним солидаризации.

Таким образом, мы можем подвести итог этой группе конфликтов: их точное содержание в тогдашних формулировках нам до сих пор неизвестно, и вполне возможно, что известным оно никогда не станет, так как все участники ушли из жизни, не оставив, по-видимому, своих воспоминаний, а важнейшие документы, скорее всего, уничтожены. Но главные линии этих конфликтов установить все же удастся. Основное, что взорвало "коллегию трех" -- это руководящее ядро БЦ 1906--1907 гг. -- а затем и весь БЦ, т. е. старый большевистский блок эпохи революции 1905 г., было не чем иным, как спором на почве дележа "темных денег", которые попали в распоряжение этого БЦ.

Незаконный (речь идет о, незаконности с точки зрения внутрипартийной конституции) способ получения этих денег вынуждал людей, в распоряжение которых эти деньги попадали, сосредото-

чивать это право распоряжения в руках небольшой, весьма замкнутой группы лиц, которая по своему типу все больше и больше становилась, как еще в те годы правильно определил Мартов, чем-то "средним между тайным центральным комитетом и группой подрядчиков

бандитного дела". Внутреннее развитие этой группы шло по пути острых конфликтов и расколов, взаимных интриг и обвинений, в которых, конечно, верх одерживали "наиболее приспособленные" к такой борьбе. Это превращало такой центр в фактор морального разложения окружающей среды. Но в то же время колоссальные материальные средства, которыми располагал один БЦ, при умелом ими, пользовании, давали огромные возможности влиять на движение в целом.

Первое убедительное доказательство правильности этой двойной роли, которую играл БЦ, принес ближайший пленум ЦК, заседавший 24--26 августа 1908 г.

* *

На совещании БЦ в августе 1908 г. эти острые конфликты, разлагавшие старый БЦ изнутри, выявились еще далеко не полностью, их напряженность была относительно еще не высокой. Ленин умело дозировал свое движение к власти: старая "коллегия трех" уже была упразднена. Богданов с Красиным уже перестали играть ведущие роли в БЦ. Руководство уже перешло в руки той новой четверки (Ленин, Зиновьев, Каменев и Таратута), которую немногим позднее Богданов назвал тайным "антибойкотистским центром"¹¹², действующим за спиной БЦ, но под его фирмой. Касса -- и это было самым важным -- уже полностью находилась под контролем Ленина. Но фикция единства большевиков еще продолжала оставаться полезной для Ленина и он ее поддерживал. Представитель "богдановцев" входил не только в узкую редакцию "Пролетария", но и в новую финансовую комиссию¹¹³. На пленум 24--26 августа большевики явились, как единая фракция, с Лениным и Богдановым во главе.

Конечно, всю внутривнутрипартийную игру направлял Ленин, но Богданов ему всемерно помогал.

Этот пленум не обсуждал ни одного политического вопроса, не принял ни одного политического решения, но в истории партии он сыграл огромную роль: именно с него начинается переход и общепартийного центра под контроль Ленина.

Вопросы, стоявшие в его порядке дня, можно разделить на две основных группы: это были, с одной стороны, вопросы порядка функционирования ЦК в тех новых условиях, которые создались в России в результате общего развала партийных организаций и последних провалов членов ЦК, и, с другой, вопросы, связанные с расследованием дела об экспроприации в Тифлисе. По обоим Ле

нин одержал победу, которая стала возможной только потому, что он получил помощь со стороны представителей социал-демократических партий Латышского края и Польши.

Поведение представителей этих партий на августовском пленуме 1908 г. было существенно отличным от поведения представителей этих организаций в ЦК, как он функционировал зимой 1907-- 1908 гг.: тогда эти представители, хотя они политически примыкали к большевикам, в вопросах внутривнутрипартийных отношений стремились сохранить независимость и каждый такой вопрос рассматривали под углом интересов партии, не становясь на позицию защиты во что бы то ни стало фракционных интересов большевиков. Теперь, наоборот, представители этих организаций целиком вошли в орбиту политики Ленина.

Для социал-демократов Латышского края (таково было тогда официальное название социал-демократиче-

ской партии Латвии) это изменение поведения их представителей определялось сменой самих представителей в результате борьбы различных групп за влияние на руководящие учреждения их партии. В июне 1907 г. на Втором съезде этой партии победили большевики, но почти немедленно же после съезда латышские большевики раскололись на две группы: сторонников "боевизма" (так тогда называли в Латвии защитников экспроприации) и противников участия в выборах в Государственную думу, с одной стороны, и противников "боевизма" и сторонников участия в выборах не только в Государственную думу, но и в органы местного самоуправления, с другой.

Позиция этой второй группы большевиков была близка к позиции Ленина, выступавшего тогда против бойкота Государственной думы, но отличалась от нее тем, что эта группа у себя в Латышском крае действительно вела решительную борьбу со сторонниками "боевизма", выступая открыто против них и не отказываясь от установления контакта с меньшевиками для проведения этой борьбы. Зимой 1907--1908 гг. именно эта группа большевиков играла руководящую роль в ЦК СДЛК и именно ее представителем в общепартийном ЦК был Данишевский, считавший правильной решительную борьбу против "боевизма" распространять и на все другие организации РСДРП.

"Боевизм" в Латышском крае тогда был распространен очень широко. На Лондонском съезде больше половины латышских делегатов голосовали вместе с Лениным против резолюции, которая запрещала экспроприации. Особенно многочисленными сторонники "боевизма" были в эмиграции, куда должны были скрыться все участники вооруженных восстаний и всевозможных "партизанских выступлений" 1905--1907 гг. Именно этими эмигрантами--

"боевиками" в мае 1908 г. была проведена особая секретная конференция, на которой, согласно тогдашнему сообщению ЦК СДЛК, был

разработан "целый план дезорганизаторской кампании", т. е. кампании по захвату власти в партии. ЦК на это ответил исключением из партии участников указанной конференции. Третий съезд СДЛК в декабре 1908 г. это исключение утвердил¹¹⁴.

Но латышские "боевики" с давних пор прочными нитями были связаны с руководящими деятелями "боевых групп" БЦ и играли большую роль в работе большевистского Военно-технического бюро 1905--1907 гг. Так, среди привлеченных по делу о большевистской лаборатории в Куоккала (1907 г.) почти половина была латыши из бывших "лесных братьев"; материалы по истории этого бюро, опубликованные С. М. Познером, пестрят латышскими именами¹¹⁵. Эти связи продолжали, конечно, сохраняться в эмиграции. Отдельные латышские "боевики" были привлечены Красиным для участия уже в первой попытке размена пятисотрублевков¹¹⁶. Еще более значительным было их участие в попытках размена тех же пятисотрублевков в Америке, налаженных Богдановым в 1909--1910 гг. едва ли не исключительно через одних латышей.

Латышские "боевики", которые в мае 1908 г. разработали "целый план дезорганизаторской кампании" против ЦК СДЛК, не только политически стояли на позициях группы Богданова--Красина, но, несомненно, были связаны с ними и организационно. В переводе на терминологию общепартийных отношений, их деятельность весны и лета 1908 г. была ничем иным, как заговором латышских "богдановцев" против латышских "ленинцев"

(которые, развиваясь в том же направлении, что и Ленин, были не только более смелы в своем отказе от старой большевистской политики бойкотизма, но и более искренни в своем разрыве с "бое-визмом" --делали на практике более решительные практические выводы из этого разрыва).

Только на фоне всех этих фактов становится понятным значение приглашения на августовский пленум ЦК РСДРП Крамса-Кронберга в качестве представителя ЦК СДЛК. По своей позиции он примыкал к лагерю латышских бойкотистов--"боевиков"¹¹⁷, жил в эмиграции и ни в какой мере не был затронут теми настроениями, которые определяли эволюцию ЦК СДЛК в 1907--1908 гг. в направлении все более и более решительного разрыва с бойкп-тистсккими и "боевистскими" элементами старобольшевистского наследства. Принадлежал ли Крамс-Кронберг к числу участников майской конференции "боевиконозаговорщиков установить в точности нам не удалось, но политически, по всем своим взглядам он бы и именно в их лагере. Тем характернее, что организаторы пленума представителем от СДЛК привлекли именно его: в вопросе о раследовании тифлисской экспроприации он, конечно, никак не мог занять той нежелательной и для Ленина, и для Богданова с Красиным позиции, которую занимал в январе--апреле Данишевский.

Полезно здесь же добавить, что Крамс-Кронберг, в роли представителя ЦК СДЛК больше никогда не появляется -- ни на общепартийную конференцию РСДРП, ни на пленум ЦК в январе 1909 г. их организаторы (ими были ленинцы) представителей ЦК СДЛК вообще не пригласили¹¹⁸.

Иначе обстояло дело с польской социал-демократией. Общая позиция этой партии оставалась неизменной; перемен на руководящих постах в ней не происходило. Ее представителями в общепартийном ЦК оставались те же самые лица. Но поведение их коренным образом изменилось. Всего за четыре месяца перед тем, в апреле 1908 г., Тышко весьма убедительно доказывал Алексинскому, что с точки зрения интересов партии расследование дела об экспроприации в Тифлисе необходимо оставить в руках ЦЗБ с его меньшевистским большинством, так как только таким образом возможно отразить нападки клеветников, распространяющих слухи, будто партийное большинство стремится покрыть виновников этой экспроприации. Теперь, наоборот, тот же Тышко помог Ленину с Богдановым провести резолюцию об изъятии дела расследования из рук ЦЗБ и передачи его особой комиссии, назначенной ЦК- Это было самым откровенным актом укрывательства виновников: комиссия эта никогда не была созвана, никакого расследования она не производила, никакого доклада никому не представляла. Единственное о чем заботился член БЦ, поставленный во главе ее (Зиновьев), это об изъятии из рук лиц, производивших раньше расследование, всех документов, которые доказывали руководящее участие членов БЦ как в организации этой экспроприации, так и в размене захваченных тогда денег¹¹⁹.

Специально для того, чтобы подчеркнуть именно этот характер работы будущей комиссии, Ленин провел на пленуме и другое решение, имевшее отношение к расследованию экспроприаторской эпопеи: о назначении партийного суда над Мартовым и еще одним меньшевиком, Семеновым, секретарем парижской группы содействия, по обвинению в "нарушении условий безопасности

личного состава ЦК", которое было выдвинуто против них двумя членами БЦ -Богдановым и Таратутой. Это решение, не имеющее прецедентов в партийной истории, представляет особенный интерес, помимо всего прочего еще и тем, что показывает, с какой мерой беззастенчивости Ленин считал для себя возможным тогда действовать, до какой степени хозяином он себя тогда чувствовал в ЦК.

Преступление Мартова и Семенова было усмотрено в тех сведениях о причастности Богданова и Таратуты к попытке размена тифлисских пятисотрублевой, которые они включили в показания, данные ими представителю ЦЗБ. Это Бюро расследование вело в качестве представителя ЦК партии по официальному поручению и полномочию последнего, и все члены партии, лояльные по отношению к ЦК, были обязаны помочь этому расследованию сообще

нием всех сведений, имевших отношение к делу. Сведения, сообщенные Мартовым и Семеновым, были правильны -- теперь это-совершенно бесспорно. Впрочем, Богданов и Таратута и не обвиняли Мартова и Семенова в сообщении неправильных сведений, они заявляли только, что сведения, сообщенные последними, были-"нарушением условий их безопасности".

Но ЦК, принявший в январе 1908 г. решение о расследовании дела о тифлисской экспроприации, состоял из взрослых людей, которые понимали, что выяснение прикосновенности кого бы то ни было к делам, связанным с тифлисской экспроприацией, неизбежно влечет за собою какое-то "нарушение условий безопасности" для соответствующих лиц. какие бы меры предосторожности при этом ни были приняты. ЦК считал себя вправе на это

идти, так как речь шла о членах партии, этим званием прикрывающих такую свою деятельность, какую партийный съезд и ЦК считали враждебной интересам партии. Если среди таких членов партии были члены ЦК, то тем важнее было выяснить правду, чтобы защитить партию от вредных последствий их действий.

В результате получалось, что пленум ЦК в августе 1908 г. назначил партийный суд над теми партийными деятелями, которые лояльно выполнили свой партийный долг, рассказав представителям партии, действовавшим по поручению ЦК, правду об антипартийной деятельности двух большевиков (также являвшихся членами Центрального комитета), причем в задачу суда было сознательно поставлено укрывательство этой антипартийной деятельности.

В свете всего вышесказанного поведение Ленина на пленуме в августе 1908 г. приобретает особое значение. Ленин знал, что Мартов и Семенов говорили правду, хотя они знали лишь небольшую часть всей правды, и именно потому, что это была правда, Ленин стремился как можно скорее и решительнее продолжать расследование. Поступать так он мог только будучи полностью-уверен в том, что на данном пленуме ему гарантировано большинство

Необходимо добавить, что в этой же резолюции -- о партийном суде над Мартовым -- последнему поставлено в вину еще одно преступное деяние, а именно "разоблачение... тайн,... угрожающих важнейшим материальным интересам партии". Речь шла о наследстве Шмита, причем авторы резолюции во главе с Лениным это наследство объявили надлежащим поступлению в партию, ибо только в этом случае можно было говорить о "важнейших материальных интересах партии". Но пленуму, конечно,

не было сообщено, что большая половина этого наследства уже поступила в кассу БЦ и что руководители последнего, во главе с Лениным, производят из этих денег большие расходы, не имея никакого намерения передавать это имущество партии. Ленин и его

коллеги совершенно сознательно присваивали в пользу БЦ имущество которое заведомо для них должно было быть передано всей партии.

Хозяйничание БЦ в общепартийном ЦК на этом пленуме выявилось с небывалым дотоле цинизмом, причем несомненно, что причиной такого поведения Ленина и других большевиков была совершенно твердая уверенность Ленина в полной поддержке со стороны не только "латыша", сторонника экспроприации, который поддерживал других экспроприаторов в силу своего рода фракционной солидарности, но и со стороны поляка Тышко, который и на Лондонском съезде выступал против экспроприации, и у себя в Польше вел борьбу с экспроприаторским поветрием. На чем была основана эта уверенность Ленина?

В основе общего отношения польских социал-демократов к различным группировкам РСДРП лежал, конечно, тогдашний взгляд Розы Люксембург, их главного теоретика, на меньшевиков как на наиболее опасных врагов польской социал-демократии. Этот взгляд Р. Люксембург особенно окреп после того, как меньшевики, начиная с 1907 г., начали, говоря ее словами, "покровительствовать Польской социалистической партии"¹²⁰, т. е. начали открыто выступать в пользу объединения с так называемой "левицей"-- с рабочим крылом ППС, которое тогда порвало с "революционной фракцией", -националистическим крылом этой партии, возглавляемым Пилсудским.

Но эта общая оценка меньшевиков действовала и раньше, зимой 1907--1908 гг., когда Тышко защищал правильность передачи дела расследования тифлисской экспроприации в руки ЦЗБ. За период между апрелем и августом 1908 г. никаких перемен под этим углом не произошло. Поэтому действительные причины изменения поведения Тышко следует искать не в области идеологии и высокой политики, где решающую роль играла Р. Люксембург, а в области политики практической, в области внутрипартийных отношений и интриг, где почти безраздельно хозяйничал сам Тышко. Для того, чтобы сразу войти в эту группу отношений, правильно будет напомнить один момент в отношениях между большевиками и Тышко, который вскрывает прения на пленуме БЦ ("расширенная редакция "Пролетария") в июне 1909 г., во время обсуждения доклада ревизионной комиссии. Во время обсуждения выступил один из членов этой ревизионной комиссии, М. П. Томский, который, в качестве единственного "пролетария от станка" на этом пленуме вообще держал себя с большой долей независимости. В своей речи он, между прочим, заявил, что "ревизионной комиссии бросилась в глаза слишком сильная и периодическая поддержка национальным организациям. Как будто поляки хотят идти с нами за деньги. Ставлю вопрос об отмене субсидий национальным организациям, ибо у нас заброшено много местных организаций".

Прений по докладу ревизионной комиссии, равно как и по докладу комиссии конфликтной, было немного -- во всяком случае немного о них сохранилось в протоколах. Но замечание Томского вызвало целый ряд реплик. На защиту национальных организаций главным противником Томского выступил Зиновьев. "Отказ давать субсидии национальным организациям, -- говорил он, -проти-

воречил бы резолюции о задачах большевиков в партии (Смех. Марат просит занести в протокол)"¹²¹.

В этом злом замечании Томского и в этом смехе, которым пленум БЦ встретил парадную фразу Зиновьева о "задачах большевиков в партии", поставленных им в прямую связь с выдачей постоянных дотаций группе Тышко, были вскрыты не только причины выдачи этих дотаций, но и подлинное отношение лидеров БЦ к лидерам польской социал-демократии: за те 10 месяцев, которые отделяли августовский пленум ЦК от июньского пленума БЦ, связь между поведением группы Тышко и размерами дотаций из секретных большевистских фондов выяснилась с полной очевидностью. Осуществлять "задачи большевиков в партии", т. е. стать хозяином в аппарате последней, БЦ действительно мог только при помощи группы Тышко. Но за эту помощь приходилось постоянно и много платить. Помощью Тышко пользовались, но к его группе относились с плохо скрываемым презрением, и очень стремились избавиться от необходимости работать вместе с ним¹²².

Но заплатив Тышко за поддержку, Ленин постарался возможно полнее использовать создавшееся положение и, не довольствуясь желательными для него решениями по вопросам, связанным с расследованием дела о тифлисской экспроприации, заставил Тышко провести и целый ряд общих решений о порядке работы общепартийного ЦК в Дальнейшем. Основное в этих решениях было перенесение -- и фактическое, и формальное -- руководства работою ЦК за границу, что фактически ставило ЦК под контроль Ленина. Впервые в истории партии руководящим органом были объявлены пленумы ЦК, которые могли собираться только за границей. Для ведения работы в России создавалась узкая коллегия ЦК, имев-

шая права вести только "текущую работу". Состав этой коллегии был определен в 5 человек -- по одному от большевиков, меньшевиков, поляков, латышей и Бунда -- причем Ленин добился от поляков согласия на избрание их представителем (вернее заместителем представителя, но сам представитель никогда в Петербурге не появлялся) Дубровинского. Это избрание было закреплено в официальной резолюции пленума, и таким образом большевики имели в русской коллегии ЦК фактическое большинство, ибо в полном составе эта коллегия не собиралась ни разу, а всю текущую ее работу до конца 1908 г. вел именно Дубровинский. Одновременно для представительства "интересов ЦК за границей" было создано Заграничное бюро ЦК в составе трех

человек, а именно Зиновьева, Тышко и Ноя Рамишвили (меньшевик), т. е. тоже с закрепленным за большевиками большинством. Если прибавить,, что официальная касса ЦК была в это время хронически пуста и что только одни большевики имели материальную возможность оплачивать людей, которые целиком отдавались партийной работе, то механика захвата Лениным центрального аппарата партии станет вполне ясной. В деле этого захвата помощь поляков была обязательным условием -- она несомненно была оговорена в том соглашении, которое было заключено между Лениным и Тышко перед этим пленумом.

Богданов в своем обращении "К товарищам большевикам",, которое было выпущено в начале 1910 г. от имени группы "Вперед" в связи с заявлением Ленина о роспуске БЦ, давая характеристику методов деятельности Ленина, указал, что последний "поскольку ему надо воздействовать на общественное мнение партии", старается делать это "путем денежной зависимости, в которую он

ставит как отдельных членов партии, так и целые организации -большевистские и не только большевистские". Эту деятельность БЦ по коррумпированию партии Богданов относит только к последним двум годам существования БЦ, к 1908-- 1910 гг., когда Богданов был уже в оппозиции и не оказывал определяющего влияния на политику БЦ. В действительности коррумпирование происходило и в 1906--1907 гг., когда Богданов был членом верховной "коллегии трех" и принимал решающее участие в направлении всей деятельности большевистской фракции. Пока эта вредная деятельность Ленина была направлена против других фракций и против беспартийных рабочих организаций (профсоюзов и т. д.), Богданов не замечал ее вредных сторон, -во всяком случае он не обращал на них нужного внимания... Но по существу указание Богданова, конечно, правильное. Именно во второй эмиграции, после 1908 г., работу коррумпирования партии путем подкупа "как отдельных членов партии, так и целых организаций, большевистских и не только большевистских", Ленин развернул с такой систематичностью и с таким размахом, как никогда раньше.

Об этой стороне деятельности БЦ и Ленина лично до сих пор известно очень мало. В особом заявлении, которое Богданов и Шанцер подали 1 июня 1909 г. в БЦ, они привели некоторые данные такой деятельности БЦ в отношении большевистских организаций, занимавших политическую позицию, нежелательную для Ленина, причем при проведении этих финансовых репрессий БЦ не останавливался перед тем, что задержка в получении обычных дотаций БЦ порою приводила к полицейским провалам¹²³.

Богданов, конечно, знал о финансовой основе соглашения Ленина с Тышко. И, несомненно, это соглашение

он имел в виду, когда писал в 1910 г., что Ленин "путем денежной зависимости" кор

рупмирует "не только большевистские" организации. Присвоив капиталы Шмита, которые были завещаны партии, Ленин с их помощью прежде всего привлек на свою сторону группу Тышко, тем самым обеспечив за собою с осени 1908 г. возможность контроля всех общепартийных центров.

Примечания

1 Социал-демократические листовки 1894--1917. Библиографический указатель / Изд. Института Ленина при ЦК ВКП(б). Т. 1. 1931. Это воззвание группы "Вперед" регистрируется под No 1078; там же раскрыто авторство Богданова.

2 См.: Протоколы совещания расширенной редакции "Пролетария" (далее: Протоколы "Пролетария") / Изд. Института Маркса--Энгельса--Ленина при ЦК ВКП(б). 1934. С. 264, прим. 1. См. также: Ленин В. И. Сочинения. 2! изд. Т. XIV. С. 507 [5 изд. Т. 47. С. 177].

3 Зиновьев Г. История российской коммунистической партии (большевиков) (далее: История РКП(б). Петроград, 1923. С. 124

4 Очень характерно, что в числе делегатов Стокгольмского съезда, которые подписали это обращение, отсутствует И. Сталин, хотя он на том съезде был: он -- один из немногих делегатов-большевиков, которые это воззвание не подписали.

5 Протоколы Пятого съезда РСДРП / Изд. Института Маркса--Энгельса--Ленина. 1935. С. 631. Лицом этим была М. Ф. Андреева.

6 Горький М. Собрание сочинений. М., 1952. Т. 17. С. 54,

7 Протоколы "Пролетария". С. 264, прим. 1 8 Зиновьев Г. История РКП (б). С. 129.

9 Гольдман-Горев Б. И. За кулисами первой революции // Историко-революционный бюллетень. М., 1922. № 1. С. 17.

10 На Третьей общепартийной конференции 3--5 августа 1907г. все без исключения делегаты-большевики, 9 человек, высказались против Ленина, считавшего необходимым участие социал-демократов в Третьей государственной думе, и выставили докладчиком от фракции не Ленина, а Богданова, который был сторонником бойкота Думы.

11 В этом изложении мы опираемся на даты знакомства Ленина с Богдановым (см. письмо Ленина к Горькому от 25 февраля 1908 г. // Ленин В. И. Сочинения. 4 изд. Т. 13. С. 412). Но Н. Валентинов-Вольский в кн. "Встречи с Лениным" (Изд. им. Чехова. Нью-Йорк, 1953 С. 320) вносит в эти даты существенную поправку, относя начало встреч Ленина с Богдановым не к лету, а к началу (февраль) 1904 г. Показания Н. Валентинова, как правило, отличаются большой точностью (в ряде пунктов они поддаются объективной проверке), им можно доверять, но перенесение даты знакомства Ленина с Богдановым на февраль, а, может быть, даже на конец января 1904 г., крайне важно для

биографии Ленина, т. к. доказывает, что и к решению писать "Шаг вперед, два шага назад" (а именно этот момент следует считать отправным для Ленина, начавшим работу по оформлению большевизма, как особой

фракции) Ленин пришел лишь после начала встреч с Богдановым.

12 Это ясно и из воспоминаний Н. К. Крупской "Воспоминания о Ленине" (1932. С. 138, 143--144).

13 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7 изд. Т. 1, М., 1954. С. 184.

14 В сочинениях Ленина и в других материалах о нем почти отсутствуют отклики Ленина на эти обвинения. Есть много оснований считать, что причина лежит в той строгой цензуре, которой подвергаются все ленинские материалы публикуемые в СССР. Проскальзывают только разрозненные намеки. С этой точки зрения особенно интересно письмо Ленина к Зиновьеву (осень 1909 г.), когда Ленин писал свою статью "О фракции сторонников отзовизма и богостроительства" в качестве ответа на "Отчет" Богданова и Красина об устранении их из редакции "Пролетария". Посылая окончание этой своей статьи Зиновьеву, Ленин поясняет, что он не уверен, "не лучше ли похерить ее всю, ответив Богданову буквально парой строк по поводу его сплетен об "имуществе всей фракции". Решайте!" (Ленинский сборник. Т. XIII. С. 173. В Сочинениях Ленина (4 изд.) это письмо не перепечатано). В статье Ленина вопросу об "имуществе" посвящено действительно всего полторы строчки (Ленин В, И., Сочинения. 2 изд. Т. XIV. С. 160), но не вполне ясно, следует ли из этого делать вывод, что статья была сокращена Зиновьевым.

15 В неизданных заметках Л. Д. Троцкого имеется запись, что Мешковс-кий-Гольденберг ему рассказывал о том, что Красин "и по философским взглядам примыкает"

к Богданову. Разговор с Мешковским относится, по-видимому, к 190-9 г.

16 Такой вывод приходится сделать из одного замечания, мимоходом брошенного в воспоминаниях Н. К. Крупской. Рассказывая о начале "войны на новом фронте", -- войны Ленина с бойкотистами после роспуска Второй государственной думы, она пишет: "В маленькой дачке горячо защищал свою позицию Ильич. Подъехал на велосипеде Красин и, постояв у окна, внимательно слушал Ильича. Потом, не входя в дачу, задумчиво пошел прочь... Да, было над чем подумать" (Воспоминания о Ленине/Партиздат. М., 1932. С. 119).

17 Письмо Ленина Рыкову от 26 февраля 1911 г. // Ленин В. И. Сочинения. 4 изд. Т. 34. С. 389.

18 Протоколы "Пролетария". С. 128--129. Необходимо добавить, что именно это заключение ревизионной комиссии имеет в виду Л. Б. Каменев в кн. "Две партии" (2 изд. Л., 1924. С. 161), когда пишет, что контроль кассы Большевистского центра "находился всецело в руках представителей местных организаций, которые периодически проверяли расходы Большевистского центра", и что в последний раз, в мае 1909 г., представители этих местных организаций признали, что "вся отчетность проверена и расходы одобрены". Сопоставление подлинного текста заключения ревизионной комиссии с изложением, даваемым Каменевым, дает образчик неточности цитат этой книги Каменева.

19 Так, например, был представлен Лондонскому съезду 1907 г. и опубликован тогда же финансовый отчет ЦК РСДРП, действовавшего с мая 1906 по май 1907 г. (так называемый стокгольмский или меньшевистский ЦК) [см.: Лондонский съезд РСДРП. Полный текст протоколов

Париж, 1907 С 440--441; Протоколы Пятого съезда РСДРП. 1936. С. 630--631]. Равным образом свои финансовые отчеты за 1906 и 1907 гг. печатал ЦК партии эсеров в "Партийных известиях" (см.: Снридонович Л. И. Революционное движение в России СПб 1914 Вып. 2 С, 390 401).

20 Заметка "О том, как не надо составлять денежные отчеты", напечатанная

за подписью "член партии" в первом сборнике "Вперед" (Июль 1910 г С 59--63).

21 Заметка "О фракции впередовцев", в No 15--16 "Социал-демократа" от 30 сентября -- 12 октября 1910 г., с. 10. Заметка без подписи, но она включена в Сочинения Ленина (2 изд. Т. XIV. С. 346--351).

22 Hillquit Morris. Loose Leaves From a Busy Life. 1934 P. 110--114.

23 Его воспоминания о поездке с Горьким в Америку были напечатаны в "Новом мире" (М., 1940, No 6, июнь), перепечатаны в сб.: Горький в воспоминаниях современников (М., 1955. С. 223--240). Общие воспоминания Буренина "Из жизни большевистского подполья" изданы в Москве (1933) с предисловием Горького (это предисловие перепечатано в последнем собрании Сочинений Горького. Т. 26. 1953. С. 110--114).

24 Многие моменты закулисной организационной стороны этой кампании могут быть установлены по книгам протоколов собраний нью-йоркской группы содействия РСДРП, которые сохранились со второй половины 1890-х гг. и находятся в распоряжении редакции данных материалов, равно как и материалы о тогдашнем приезде Горького, собранные Д. М. Рубиновым (в том числе пись-

ма и неизданные рукописи Горького). Во многом за активность, проявленную именно в этой кампании, ЦК РСДРП осенью 1906г. перевел нью-йоркскую группу из категории "групп содействия" в категорию полноправных партийных групп. Из газет в кампании сборов участие принимали, кроме "Форвертса", также The Worker, New York Call и New York Volkszeitung.

25 Протоколы Пятого съезда РСДРП. 1935. С. 632.

26 Мартов Л. Спасители или упразднители? Париж, 1911. С. 3, прим.

27 Ярославский Ем. Очерки по истории ВКП(б). Т. 1/. 1937. С. 204. 28 /Мартов Л. Спасители или упразднители? С. 20--21.

29 Каменев Л. Две партии. С. 184.

30 Там же. С. 181.

31 Эта резолюция не была включена в официальное извещение о пленуме. Впервые она была опубликована Мартовым (Спасители или упразднители? С. 21). Точность текста не только не была оспорена, но Каменев, перепечатав ее (в кн.: Две партии. С. 181), подтвердил ее правильность. По соображениям конспирации, Мартов опустил имена Шмита и Андриканиса, мужа одной из сестер Шмита, с которым у Большевистского центра был суд. Полный текст резолюции неизвестен

32 Шестернин С. П. Реализация наследства после Н. П. Шмита и мои встречи с Лениным // Старый большевик. М. 1933. Т. 5 (8). С. 153.

33 Мартов Ю. Спасители или упразднители? С. 20.

34 Каменев Л. Две партии. С. 183.

35 Полицейские источники регистрируют факт ареста Красина 1 мая 1907 г. на квартире Андриканиса в Москве (Цявловский М. Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранною отделения. 2, зд. Задруга, 1918, С. 209). В это время в Лондоне заседал съезд РСДРП, но Красин на нем не присутствовал.

36 Об этом говорил Мартов в показаниях на следствии по делу Таратуты.

37 Шестернин С. Л. Указ. соч. С. 156. Это соответствует указанию Каменева, который говорил что у Андриканиса "осталась львиная доля имущества" (цит.: Каменев Л Две партии. С. 182).

38 Каменев Л. Две партии. С 183.

39 За это говорят следующие соображения: в июне 1900 г. в кассе Центра, как было объявлено на расширенном совещании редакции "Пролетария", имелось круглым счетом около 125 тыс. руб. (Протоколы "Пролетария". С. 131). В январе 1910 г. на пленуме ЦК Центр, по его данным, располагал суммой, которую следует определить приблизительно в 200--210 тыс. руб. (он принимал на себя обязательства сдать в разные сроки "держателям" 475 тыс. фр. франков, 30 тыс франков оставалось у него на руках на издательскую деятельность, около 20 тыс. франков было выделено на покрытие различных обязательств Центра и т. д.) Иными словами, после июньского совещания Центра его кассовая наличность увеличилась на 75--85 тыс. руб, что и составляет приблизительно ту

сумму, которую Андриканис, по решению суда, должен был передать Центру (половина от 190 тыс. руб).

40 КПСС в резолюциях, Т. 1, 1954. С. 108--109, 129--131.

41 Протоколы Пятого съезда РСДРП. 1935 С. 608--609.

42 О деятельности уральских боевых организаций см.: К истории боевых организаций на Урале (составленные по рассказам Э. С. Кадомцева, О. М. Кадомцевой, Н. Н. Накорякова и М. И. Ефремова) // Пролетарская революция. 1925. No 7 (42). С. 99--111; Протоколы Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП / Под. ред. С. М. Познера / Изд. Института Маркса--Энгельса--Ленина. 1032. С. 341--343" Воспоминания Э. С. Кадомцева, выпущенные отдельной брошюрой в 1947 г., ничего нового не дают. Рассказ о планах восстания на Урале интересным образом скрещивается с соответствующими страницами утопического романа А. Богданова "Красная звезда" (1908), подтверждая одновременно и правильность рассказов о них Э. С. Кадомцева, и знакомство с этими планами Богданова.

43 Литература о группе Камо богата, хотя и она крайне недостаточна. Наиболее важны книга Б. Бибинейшвили "Камо" с предисловием М. Горького (М., 1934) и статья С. Медведевой-Тер-Петросян "Тов. Камо" в журнале "Пролетарская революция" (1924. No 8--9. С. 117--148), а также воспоминания Крупской (Воспоминания о Ленине. 1932. С. 116, 161--102 и др.). Ценные указания дает М. Н. Лядов в примечаниях к указанной книге Бибинейшвили и в некрологе на смерть Красина (Пролетарская революция. 1926. No 11. С. 11--12).

44 Там же, 1926. No 7 (42). С. 111.

45 Там же. 1926. No 11 (58). С. 11.

46 Бибинейшвили Б. Указ соч. С. 129--130.

47 Войтинский В. Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Т. 2. С. 104; Ю. Мартов, статья в "Социалистическом вестнике" (за подписью "М. "). 1922; No 16. С. 8.

48 Эти итоги по работам комиссии Лондонского съезда мы подводим по рассказам видных социал-демократов Р. А. Абрамовича и И. Г. Церетели.

49 Пролетарская революция., 1925. No 7 (42). С. 104.

50 Позднее он примкнул к "впередовцам" и жил эмигрантом в Париже.

51 Присутствие их всех на этом заседании 1, июня устанавливается по протоколам.

52 Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 116, 161.

53 Там же. С. 139.

54 Н. А. Рожков был согласен с Лениным в вопросе о выборах, и Ленин передоверил ему заключительное слово по своему докладу на Петербургской конференции в июле 1907 г. (речь Рожкова на вечере Истпрофа // Материалы по-истории профессионального движения / Изд. ВЦСПС. М., 1907. Т. IV. С. 41).

55 См. брошюру Н. Ленин и Юрий К[амен]ев "За и против бойкота", 1907. Статья Каменева "За бойкот" перепечатана в сборнике статей последнего: Между двумя революциями / Изд. Новая Москва, 2 изд. М., 1923. С. 234--243.

56 Именно Житомирским был выдан немецкой полиции Камо, арест которого в Берлине в конце 1907 г ка-

зался особенно тяжелой уликой против Та-ратуты. В предательской роли последнего был уверен и сам Камо.

57 Войтинский В. Годы побед и поражений. Т. 2. С. 103. Проповеди на тему "политики без грязи не бывает" были вообще обычными для Ленина (см., например: Гарей П. А. Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946. С. 423).

58 Богданов А. Новый мир. 3 изд. 1920. С. 40 (1 изд. вышло в 1907 г).

59 Богданов А. Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса / ГИЗ. М., 1920. С. 68

60 Там же. С. 182. Богданов доказывал, что в социально-политических блоках лозунги выдвигает авангард (т. е. пролетариат), но он обязан помнить, что "пределом возможных лозунгов" является "приемлемость их для наиболее отсталых частей блока" (т. е. для крестьянства). Это было написано в период рас

цвета "военного коммунизма", в год увлечения "армиями труда" (1920). В литературе 1908--1914 гг. намеков на расхождение по этой линии еще нет.

61 Эти мысли А. Богдановым отчетливее всего сформулированы в брошюрах и книгах: Уроки первых шагов революции. М., 1907 (за коалиционное правительство); Вопросы социализма. М., 1918; Курс политической экономии. Т. 2. Вып. IV. Общая теория капитализма. М., 1924 (раздел "Военно-экономические -формации"). См. также статьи о Богданове Н. И. Бухарина "К съезду Пролеткульта" (Правда. 1921. 22 нояб.) и "Коллективистическое ликвидаторство" (Правда. 1921. 10 дек.); и Сергея Г. "Незавидное счастье" (Спутник коммуниста, М., 1923. No 24), в которых даны выдержки из писем самого Богдано-

ва и группы его сторонников, называвших себя "коллективистами". Несомненно, что именно из этой группы выросла коммунистическая оппозиционная группа "Рабочая правда", выступившая в 1922--1923 гг. с особой платформой и несколькими воззваниями (см.: Социалистический вестник. Берлин, 1923. No 3).

62 В 1922 г. автор этих строк обратился к Богданову через Н. Н. Суханова с просьбой дать свои воспоминания о БЦ для исторического журнала "Летопись революции", который начал тогда выходить в Берлине под ред. М. Горького, Ю. О. Мартова, Б. И. Николаевского и Н. С. Русанова (вышел один том). Богданов ответил, что писать всю правду о том периоде еще не пришло время...

63 По сведениям В. С. Войтинского, который тогда входил в состав Петербургского комитета большевиков, этот последний зимой 1906-- 1907 гг. получал "т БЦ не меньше 2--3 тыс. руб. в месяц (Войтинский В. Годы побед и поражений Т. 2. С. ЮЗ).

64 Там же. С. 104

65 Leonid Krassin: His Life and Work. By His Wife Lubov Krassin. London [без кода].

66 Троцкий Л. Портреты революционеров / Московский рабочий. М., 1991. С. 224--225.

67 По этому вопросу Ленин занимал место на самом крайнем фланге среди большевиков: считая невозможной совместную работу с меньшевиками, он держал курс на раскол и часто умышленно обострял положение. Так, в период выборов во Вторую государственную думу Ленин уговаривал Г. А. Алексинского провести разрыв с меньшевиками в рабочей курии Петербурга. И только категорический отказ Алексинского встать на этот путь по-

мешал проведению тогда формального раскола; крайний "меньшевик", Алексинский тем не менее раскол в то время считал ненужным и вредным.

68 Слабым отражением этих настроений был доклад И. Х. Лалаянца ("Иза-ров") на Первой общерусской конференции военных и боевых организаций РСДРП (М, 1932. С. 90) Необходимо отметить, что Ленин вслед за этим выступил в "Пролетарии" с указанием на неправильность подобных оценок и на опасность таких настроений (Ленин В. И. Сочинения. 4 изд. Т. 12. С. 374--375).

69 Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 45

70 Там же. С. 120

71 Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Берлин, 1924 С. 176.

72. Имена арестованных и другие подробности см. в кн.: Бибинойшвили Б. Камо. С. 132--136.

73 Наиболее ярким примером была история со специальной бумагой, изготовленной одной немецкой фабрикой поздней осенью 1907 г. по заказу Красина и сданной ею на склад немецкого социал-демократического издательства в Берлине, где она и была найдена немецкой полицией во время обысков в декабре 1907 г. По экспертизе Германского Имперского Банка, по своим особым водяным знакам бумага эта предназначалась для изготовления русских трехрублевки. Красин, выступавший перед немецкими социал-демократами в качестве представителя ЦК РСДРП, конечно, не сообщил им о характере сдаваемой на хранение бумаги, и как заведующий издательством, так и представители Форштанда социал-демократической партии имели тогда большие неприятности с

немецкой полицией (см. статью Мартова в "Социалистическом вестнике". 1922 No 16)

74 Полный текст этой декларации нам неизвестен. Упоминание о ней имеется в резолюции Парижской группы содействия РСДРП (Голос социал-демократа. 1908. No 3, март).

75 Примечания к "Письмам Аксельрода и Мартова", с. 184 (составителем этих примечаний был Б. И. Николаевский, редактировались они совместно с Л. С. Цедербаум-Дан и Ф. И. Даном), посылку на Кавказ делегации Жордания-Данишевский относят к осени 1907 г. Эта дата тогда была указана по воспоминаниям Ф. И. Дана, но из статьи Т. Анкидиновой "Из истории бакинской организации большевиков" (Пролетарская революция. 1941. No 4) видно, что свое обследование в Баку эта комиссия проводила в феврале 1908 г. В феврале же оба ее члена присутствовали на Пятом съезде закавказских организаций РСДРП. Таким образом, несомненно, что решение о посылке этой делегации ЦК или его Бюро приняли не позднее конца января 1908 г. по н. ст.

76 Зиновьев Г. История РКП (б). С. 129.

77 Пролетарская революция. 1941. No 4. С. 69.

78 Голос социал-демократа. 1908. No 3, март. Имена исключенных по конспиративным причинам опубликованы не были -- они были особо сообщены по организациям. Среди них было имя Сталина, но роль последнего в деятельности группы Камо вообще и в тифлисской экспроприации 25 июня 1907 г., в частности, позднее была сильно преувеличена: насколько удастся установить, Сталин был осведомлен о характере деятельности этой "партийной группы", приходил на ее конспиративную квартиру для политических докладов и прикрывал ее пе-

ред местной партийной организацией, но руководителем ее ни в каком отношении не был. Все сношения с "коллективом трех" БЦ группа вела непосредственно через Камо, который был связан лично с Красиным еще с 1903-- -- 1904 гг. Сталин никакой роли в этих сношениях не играл; вернее всего даже не был в курсе.

79 Пролетарий (Женева). 1908. No 23, 11 марта. Заявление это появилось тогда также и в иностранной социалистической печати.

80 Этот листок Областного комитета закавказских организаций нам неизвестен, о нем мы знаем лишь по решению пленума ЦК от января 1909 г. [ВКП(б)] в резолюциях и решениях. Т. 2. М., 1935. С. 137].

81 Этим меньшевиком был М. И. Бройдо ("Яков"). О конфликте в ЦК он тогда же написал подробное письмо Аксельроду, но это письмо не сохранилось и о нем известно лишь по упоминанию в письме Мартова (Письма Аксельрода и Мартова. С. 183--184).

82 Эта и следующая цитаты взяты из статьи "Не пора ли покончить?", напечатанной в No 1--2 "Голоса социал-демократа", февраль 1908 г. Автором статьи был Ю. О. Мартов, но в печати она появилась в сильно смягченном виде (см. письмо Аксельрода к Плеханову от 26 февраля 1908 г. в кн.: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. Т. 2. С. 2. 57).

83 Социал-демократическое движение в России: Материалы / Под ред.

А. Н. Потресова и Б. И. Николаевского. Т. К Л., 1928. С. 175.

84 Письмо Плеханова к Аксельроду от 29 января 1908 г. // Переписка Плеханова и Аксельрода. С. 250--251.

85 Плеханов имел в виду тот вариант бакунизма, который в истории русского революционного движения связан с так называемыми "южными бунтарями" 1875--1877 гг. и с европейскими попытками "прямого действия" в 1867--1878 гг. (статьи Кропоткина в "Бюллетене юрской федерации", попытка Коста, Кравчинского и др. в итальянской Романье и т. д.).

86 Из меньшевиков в ЦЗБ входили Г. В. Чичерин (секретарь ЦЗБ),

В. А. Бухгольц, А. И. и М. Ф. Назарьевы-Петровы, В. К. Серьежников; от большевиков -- Г. А. Алексинский и провокатор Житомирский ("Отцов").

87 Кон -- это Оскар Кон, немецкий социал-демократ, адвокат, приглашенный защитником арестованного Камо-Петросяна. "Известный товарищ", через

которого на склад попала "бумага" (т. е. бумага для изготовления фальшивых трехрублевков), это Красин.

88 Неизданный протокол заседания ЦК РСДРП от 19 марта (1 апреля) 1908 г.

89 Из неизданного протокола ЦК РСДРП от 29 декабря 1907 г. (11 января 1908 г.) видно, что ЦК принял решение поручить Тышко "принять участие в Берлинском следствии в качестве члена ЦК". Сведений о том, кто именно был вторым членом ЦК, получившим подобное поручение, в нашем распоряжении не имеется, равно как не имеется и) сведений о пределах полномочий этих членов ЦК, которым было поручено участие в следствии.

90 Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 19. 21. No 1. С. 175.

91 Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 143.

92 Из статей и заметок "Пролетария", направленных против "лбовцев", наиболее интересны корреспонденции о положении в Перми (Пролетарий. 1908. No 39, 26 ноября. С. 8) и особенно большая статья "Страничка из недавнего прошлого Уральского рабочего движения", напечатанная за подписью "Рабочий 3" (1909 No 45, 25 мая).

93 Оба старшие брата Кадомцевы -- Эразм, бывший офицер, и Иван, бывший гимназист, главные организаторы дружин и руководители экспроприации в Уфе в 1906 г., игравшие затем видную роль на Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП и в созданном ею Центральном военно-боевом бюро, в 1908. --1917 гг. жили эмигрантами в Париже, входили там в состав большевистской группы содействия и числились правоверными "ленинцами". Младший их брат, Михаил, бывший воспитанник кадетского корпуса и активный участник "дружин", в те годы был на каторге. После революции все они были деятелями большевистской партии.

94 Создать впечатление, что он рвет с экспроприаторским крылом большевизма, Ленину было особенно важно по соображениям его внутривнутрипартийной стратегии. Это было необходимо не только для улучшения отношений с польскими социал-демократами, которым, несмотря на всю "гибкость" их поведения в отношении большевиков, было важно иметь возможность говорить, что с экспроприаторскими авантюрами большевиков уже покончено, но и потому, что большой ставкой в игре Ленина было стремление привлечь в число своих союзников Плеха-

нова, резко отрицательное отношение которого к экспроприациям было широко известно.

95 Письмо Ленина к Рыкову от 25 февраля 1911 г. // Ленин В. И. Сочинения. 4 изд. Т. 34. С. 389.

96 В литературе об этом эпизоде известно по рассказу М. Лядова в публикации: Леонид Борисович Красин (некролог) // Пролетарская революция. 1926. No 11 (58). С. 1(R). У Красина к этому времени, по сведениям Департамента полиции, оставалось 38 пятисотрублевых (Большевики. С. 39), но все ли они были реализованы или только часть, точно неизвестно. Деньги, полученные от этой операции, Красин, действовавший в согласии с Богдановым, частью передал группе "Вперед" на ее издательскую деятельность. Остальное ушло на организацию помощи Камо-Петросяну и другим арестованным членам той "кавказской группы", которая в 1907 г., передавая добычу от тифлисской экспроприации, заключила соответствующий договор с "коллекгией трех", т. е. с Лениным, Богдановым и Красиным. Последние двое до конца считали себя морально связанными этим договором, особенно потому, что как раз в это время и сам Камо, и ряд других участников тифлисской экспроприации сидели по тюрьмам под угрозой казни, часто в крайне тяжелых условиях, но ни один из них не вступил на путь выдачи правительству известных им секретов "коллекгии трех". Вся помощь им велась Богдановым и Красиным. Ленин, третий член "коллекгии трех", на вопрос о моральных обязательствах смотрел иначе.

Эпопея тифлисской экспроприации не будет полна, если мы не прибавим, что в 1911 г., после трех с половиной лет скитаний по немецким и русским тюрь

мам и психиатрическим больницам, Камо удалось (не без помощи, полученной от Богданова и Красина) бежать из тифлисской больницы. За границей он повидался также и с Лениным. Об этом свидании имеется рассказ Крупской, тем более характерный, чем несомненное желание рассказчицы в выгодном свете изобразить поведение Ленина. Камо, пишет Крупская, "страшно мучился тем, что произошел раскол между Ильичом, с одной стороны, и Богдановым и Красиным, с другой. Он был горячо привязан ко всем троим. Кроме того, он плохо ориентировался в сложившейся за годы его сидения обстановке. Ильич ему рассказывал о положении дел. Камо попросил меня купить ему миндаля. Сидел в нашей парижской гостинной-кухне, ел миндаль, как это делал у себя на родине, и рассказывал об аресте в Берлине, о годах симуляции, когда он притворялся сумасшедшим, о ручном воробье, с которым он возился в тюрьме. Ильич слушал, и остро жалко ему было этого беззаветно смелого человека, детски наивного, с горячим сердцем, готового на великие подвиги и не знающего после побега, за какую работу взяться. Его проекты были фантастичны. Ильич не возражал, осторожно старался поставить Камо на землю, говорил о необходимости организовать транспорт и т. п."

В заключение, так как у Камо было лишь легкое летнее пальто, "Ильич притащил ему свой мягкий серый плащ, который ему подарила мать и который Ильичу особенно нравился... Разговор с Ильичом, -- прибавляет Крупская, -ласка Ильича немного успокоили Камо" (Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 161--162).

Эти заключительные строки, явно рассчитанные на то, чтобы смягчить у осведомленного читателя впечатление от характера приема Лениным человека, который ис-

ключительно много пострадал в значительной мере по вине и его, Ленина, не соответствуют действительности: Камо ни в какой мере не успокоился, а вскоре поехал в Грузию для проведения новой экспроприации (план которой он разработал с Красиным --- тот тоже остался верным себе), был арестован при попытке привести его в исполнение, был приговорен к казни, от которой его спасла амнистия 1913 г. После революции был большевиком, погиб в 1922 г. при случайной катастрофе.

97 Кроме ряда указаний в мемуарной литературе (см., например- Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 157), об этом сожжении имеется сообщение в циркуляре Департамента полиции от 4 июля 1910г.: "В последнее время: состоялось полное собрание ЗБЦК из 1) Марка (А И. Любимов), 2) Игоря

(Б. И. Гольдман-Горев), 3) Тышко, 4) Ионова (Ф. Койген), 5) латыша. Бюро обсуждало вопросы:... 2 О сожжении всех пятисотенных кредитных билетов, оставшихся после тифлисской экспроприации 1907 г., и подвергло сожжению все те кредитные билеты, которые удалось собрать, но 38 остались у инженера Красина" (Большевики. С. 39).

98 В истории тогдашнего ареста Красина и его освобождения есть много неясных моментов. По документам Департамента полиции видно, что полиции была известна его прикосновенность к тифлисской экспроприации и его роль в размене пятисотрублевых; ей не могла не быть известна его роль в подготовке выпуска фальшивых трехрублевых (о ней знал Житомирский); на основании именно этих сведений Департамент полиции потребовал его ареста в Финляндии, но не представил финляндским властям доказательств этих обвинений в требуемый фин-

ляндскими законами месячный срок -- по-видимому, из-за нежелания обнаружить источник своей информации. Имея все эти данные, Департамент полиции не только не сообщил о них прусской полиции, которая не допустила бы проживания Красина в Берлине, но и не препятствовал возвращению Красина в 1013 г. в Петербург.

99 Письмо Ленина к Горькому от 24 марта 1908 г.

100 Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 139.

101 Указываемые нами здесь даты передвижений Ленина не вполне совпадают с теми, которые даны в приложениях к его Сочинениям, в особенности ко второму изданию. "Хронологическая канва" биографии Ленина в этих Сочине

ниях не только весьма неполна, но и не всегда точна. Немало ошибок содержит и книга Крупской. В частности, выступление Дубровинского она описывает как выступление на докладе не Богданова, а Луначарского. Это совершенно не соответствует действительности. Доклад Луначарского был позднее, на нем ни Дубровинский, ни кто-либо другой из сторонников Ленина не выступали (после столкновения на докладе Богданова дальнейшие выступления для задачи, которую ставил Ленин, были уже не нужны). Ошибка Крупской, которая сама ни на одном из этих докладов не была, вполне объяснима, хотя и не понятно, откуда именно она взяла некоторые детали (см.: Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 143--144). О выступлении Дубровинского имеется также отчет какого-то агента в делах Департамента полиции (см.: Корден В. Товарищ Инокентий/ Изд. Политкаторжан. М., 1930. С. 76).

102 Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 142.

103 Ленин В. И. Сочинения. 4 изд. Т. 34. С. 345.

104 Этот состав новой "финансовой комиссии" БЦ, избранной в августе 1908 г., опублик. в кн.: Протоколы "Пролетария". С. 284, прим. 127.

105 См. доклад начальника Петербургского Охранного отделения от 28 марта 1909 г. (Большевики. С. 22).

106 Кроме Житомирского, входившего, как указано выше в состав "финансовой комиссии" БЦ за границей, центральными информаторами полиции по большевикам в то время были Л. Э. Серова-Лангвальд, состоявшая техническим секретарем Бюро ЦК в Петербурге, которая пользовалась большим доверием руководителей этого Бюро (см.: Голубков А, Из эпохи реакции // Пролетарская революция. 1928. No 9. С. 125 и др.), а также М. И. Бряндинский, бывший в 1909--1911 гг. "техническим агентом ЦК" в Москве (Большевики. С. XVIII-- --XIX и др.).

107 Заявление, поданное Богдановым в расширенную редакцию "Пролетария" 31 мая 1909 г. (Протоколы "Пролетария". С. 162).

108 Красин в это время руководил всеми попытками помочь Камо. Именно по его совету, переданному Камо через защитника О. Конда, Камо решился пойти на попытку симуляции сумасшествия (Медведева-Тер-Петросян С. Товарищ Камо // Пролетарская революция. 1924. No 8-9. С. 131).

109 Во всяком случае редакция "Протоколов Пролетария" в особом примечании оговорила, что "этой переписки в архиве Института Маркса--Энгельса-- Ленина не имеется" (с. 281, прим. 107).

110 Протоколы "Пролетария". С. 123--125.

111 Там же. С. 124.

112 Там же. С. 161.

113 В заявлении, обращенном к БЦ ("расширенной редакции Пролетария") от 1 июня 1, 900 г. Богданов называет Шанцера членом этой финансовой комиссии (там же. С. 166).

114 Краткий, но содержательный рассказ об отношениях внутри социал-демократической организации Латышского края за 1907--1908 гг. дан в статье Степана "По поводу тактического поворота социал-демократии Латышского края" (Голос социал-демократа. 1909. No 15, июнь. С. 15--16).

115 См.: Боевая группа при ЦК РСДРП (б) /Под ред. С. М. Познера/ ГИЗ. М., 19, 2(7).

116 При попытке размена в Стокгольме был арестован Ян Страуян, латыш-боевик, в эмиграции "впередовец". См. его воспоминания "Боевая быль" (Изд. Старый большевик, М., 1935); Он же. К истории лесных братьев / / Старый большевик. 1933. No 3. С. 232--239.

117 На Лондонском съезде РСДРП Крамс-Кронберг голосовал за допустимость экспроприации (Протоколы "Пролетария". С. 610).

118 В официальном сообщении об этой конференции говорится, что СДЛК не смогла принять участие "в силу полицейских условий". Это сообщение вызвало решительный протест Заграничного комитета СДЛК, который к этому времени освободился от захвата его "боевиками" и особым письмом оповестил

партийные органы, что "на партийной конференции социал-демократия Латышского края не была представ-

лена не в силу полицейских условий, а потому, что, к нашему глубочайшему сожалению, ни ЦК СДЛК, ни ее Заграничный комитет не были осведомлены Центральным комитетом РСДРП о конференции" (Голос социал-демократа. 1909. No 12, март. С. 15).

119 Пленум включил в эту комиссию и меньшевика, но таковым он назначил персонально Н. Н. Жордания, который в это время был в тюрьме. Решения пленума опубликованы: ВКП(б) в резолюциях. Т. К М., 1936. С. 122--126.

120 Из письма Р. Люксембург к Тышко от 10 августа 1909 г. // Протоколы "Пролетария". С. 260. В письме подчеркнуто отрицательное отношение Р. Люксембург к "татарскому марксизму" большевиков, только для того, чтобы резче оттенить признание "меков" (более опасной заразой для партии), против которых Р. Люксембург была готова тогда идти на союз даже с "татарским марксизмом".

121 Протоколы "Пролетария". С. 129 --130.

122 В архиве С Семковского, секретаря Заграничного секретариата оргкомитета РСДРП 1912--1917 гг., сохранилось письмо Ганецкого, польского социал-демократа из группы, стоявшей в оппозиции к группе Тышко, где со слов Троцкого передается, что на пленуме ЦК в январе 1910 г. "Ленин предлагал устроить окончательное совещание без Тышко". Ленин явно хотел освободиться от зависимости от Тышко что, впрочем, не помешало ему снова использовать Тышко в 1911 г.

123 Протоколы "Пролетария". С. 165--167.

Б. И. НИКОЛАЕВСКИЙ

К биографии Маленкова

и истории компартии

СССР

ГЛАВА 1 "На заре туманной

юности... "

когда Маленков начинал делать свою коммунистическую карьеру, его защитники подчеркивали, что он вышел из рабочей семьи, и в этом хотели видеть, если не оправдание, то хотя бы объяснение его грубости, которая выделялась даже на большевистском фоне тех лет, когда подобную грубость в обращении и кабацкий жаргон в разговоре усиленно культивировал Сталин, выдавая их за плебейский стиль советской революции. Но обычный быт средней рабочей семьи в старой России далеко не был таким грубым, как его порою пытаются изобразить. В нем, конечно, было много примитивности, вызванной прежде всего низким жизненным уровнем, хотя примитивность далеко не всегда порождает грубость.

Более важно другое: ссылка на рабочее происхождение Маленкова вообще не верна, так как Маленков вышел не из рабочей семьи. Правда, позднее он учился на Рабфаке, но ни он сам, ни его отец, ни вообще кто-либо из его близких никогда не стояли за рабочим станком. Маленков вышел, действительно, из плебейских низов старой России, но это были совсем не рабочие, не пролетарские низы. Его отец был крестьянином-кулаком (в настоящем, а не в большевистском значении этого слова) и прасолом-скупщиком, настоящим "пауком-мироедом", обирающим целую округу, на которого Маленков-сын походил не только по внешности.

Именно от отца Маленков-сын получил в наследство ту основу, на которой вырос его теперешний облик. Но это была только основа. Наследство, полученное от прошлого, Маленков-сын в такой мере развил и приумножил, что его теперешние отличительные признаки вообще правильнее будет считать не унаследованными, а благоприобретенными. Свои теперешние грубость и безграничную жестокость он не принес из отцовского дома, а воспитал в себе в аппарате советской диктатуры, в его канцеляриях и застенках. И если они для чего-либо характерны, то не для рабочего быта старой России, не для старой России вообще, а для тех новых отношений, которые коммунистическая партия взрастила в аппарате диктатуры. В ней, в этой грубости, нашло свое внешнее выражение то чувство безграничного презрения к людям, к человеческим жизням и к человеческому достоинству, ко всему человеческому в человеке вообще, которое, конечно, имелось в зароды

ше в старой России, но которое только теперь, под советской диктатурой, заполнило весь быт человеческого общества.

Маленков был продуктом этой среды. Именно она его создала, обработав его по образу и подобию своему, подогнав под выработанный ею стиль. Его грубость потому и производила такое впечатление на наблюдателей, что она неразрывно была связана с беспощадностью и жестокостью, с полной бесчеловечностью.

О происхождении Маленкова и о ранних годах его жизни нет никаких официальных сведений. Из советских биографических справок мы знаем только, что он родился 8 января 1902 г. (тогда было 26 декабря старого стиля 1901 г. т. е. второй день старого русского Рождества) в

Оренбурге, и что он в возрасте "18 лет вступил добровольцем в ряды Красной армии и с 1919 до 1922 г. был политработником эскадрона, полка, бригады, политуправления на Восточном и Туркестанском фронтах", причем формально в коммунистическую партию он вступил в апреле 1920 г. Это все, что говорят официальные советские источники о детстве и юности Маленкова. Нет ни слова ни о родителях, ни о школе, где он учился, ни вообще о том, что он делал в течение первых 18 лет своей жизни, до вступления в ряды Красной Армии.

Маленков по происхождению из крестьян села Дедово, расположенного сравнительно недалеко от Оренбурга, к северо-востоку от него. Если в середине 1860-х гг. в нем числилось 212 дворов с 2114 жителями, то через четверть века, к началу 1890-х гг., оно выросло до 528 дворов при 3700 жителей. Церковь, школа, почта и телеграф, три водяные мельницы, две ярмарки в году, базар еженедельно по субботам -- таковы официальные данные об этом селе для конца XIX в., когда была проведена железная дорога, которая связала край с центрами страны и дала мощный толчок для его развития. Точных данных развития села в, позднейшие годы в нашем распоряжении нет, но именно на начало XX в. падает его наибольший рост.

Отец Маленкова принадлежал к числу наиболее зажиточных крестьян села и не только вел крестьянское хозяйство, но и был торговцем-прасолом, держал небольшую лавку, кажется имел мельницу, скупал и отправлял в город на продажу муку, рыбу, яйца, скот, масло и т. п. - все, чем была богата оренбургская деревня того времени. Судя по всему, это был типичный представитель нарождающейся тогда торговой деревенской буржуазии, с большой инициативой, с неутолимой жадной наживы.

Край был богатый, почти нетронутый -- у самых границ башкирских кочевий, расхищение земель которых тогда еще было в полном разгаре. Торговал с башкирами и отец Маленкова. Больших капиталов он иметь не мог. Тем больше было желание их создать. Хищник эпохи первоначального накопления, с крепкой хваткой, с неумением и нежеланием разбираться в средствах, образования он не

имел, но природной смекалкой был наделен в высшей мере. И тот факт, что своего старшего сына, Георгия, он отправил учиться в губернский город, отдав в лучшее из существовавших тогда в Оренбурге среднее учебное заведение (их там было много -- две гимназии, реальное училище, два кадетских корпуса, казачье юнкерское училище, коммерческое училище, учительская семинария, семинария духовная и т. п.) показывал, то он понимал пользу образования: так поступали тогда совсем не многие из людей его карьеры.

В гимназии -- это была первая мужская гимназия Оренбурга, Маленков-сын впервые появился осенью 1912 г. и, выдержав блестяще экзамены, поступил сразу во второй класс. Едва ли не с первых же дней выдвинулся и своими способностями, и памятью, и умением работать. Память у него была блестящая -- все услышанное запоминал навсегда, легко схватывал новые мысли, умел делать выводы. Но держался не одной только памятью, а много читал, много работал. Едва ли не с первого же года выдвинулся на место первого ученика в классе -- и так шел до конца, став признанным кандидатом на золотую медаль.

Учился по всем предметам на круглую пятерку: и по истории, и по словесности, и по иностранным языкам, но

самым любимым его предметом была математика. Любил возиться с решением сложных задач, выходя далеко за рамки заданного учителем. Хорошо писал, и в старших классах учитель словесности почти постоянно заставлял его читать вслух перед классом написанные им сочинения, выставляя их за образцовые по стилю и ясности мысли.

Был неплохим товарищем. Если просили, не отказывал в помощи тем, кто в ней нуждался; помогал решить задачу, разбирал сложную теорему, разъяснял трудное место в учебнике. Но в его поведении всегда чувствовался некоторый холодок. Он держался определенно в стороне от общей жизни класса, не принимал участия не только в обычных гимназических проделках и проказах, но и в спортивных играх, которыми увлекались едва ли не все одноклассники. По крайней мере его школьный товарищ, вспоминая теперь о тех годах, как ни рылся в памяти, не мог припомнить Маленкова участником их гимназических игр, равно как и не мог припомнить его и танцующим на гимназических балах. Сдержанный, даже несколько замкнутый, всегда аккуратно одетый, немного увалень по внешности, круглолицый и уже тогда с намеком на двойной подбородок, Маленков мало с кем в классе и вообще в гимназии сходилась.

Правда, с годами наметилась небольшая группка молодых людей, с которой он общался больше, чем с другими. Но настоящей дружбы не было и между ними. У Маленкова явно была какая-то своя особая жизнь, в которую он никого из товарищей по гимназии старался не впускать. Эта жизнь была связана с

жизнью и работой его отца, к которому Маленков-сын был очень привязан, но которого он явно несколько

стыдился. Как то раз, уже в годы войны, в зимний вечер, Маленков сказал, что он должен повидать отца. С приятелем он зашел на постоянный двор, около базара, в трактир третьего разряда "с правом приносить свои напитки". Низкие, закопченные потолки, тусклый свет керосиновых ламп с плохо прочищенными стеклами, тяжелый, спертый воздух, ударивший в нос, когда вошли с морозной улицы. Базарный день был, по-видимому, удачным, и теперь, за бутылкой хмельного, происходило подведение итогов. Спорившие, по-видимому, провели какую-то общую операцию и теперь расходились во мнениях относительно норм дележа общего барыша. Выражения, которыми обменивались спорившие, не принадлежали к числу легализованных практикой британского парламента, хотя, несомненно, были весьма красочными. Под низкими потолками они звучали даже более увесисто, чем обычно в жизни. Где-то в углу дошло до потасовки, и только с трудом более уравновешенные смогли предотвратить общую свалку.

Маленков не стал дожидаться возможности переговорить с отцом, который был одной из центральных фигур среди споривших. Он передал ему принесенный сверток и, перекинувшись несколькими фразами, поспешил увести товарища. Некоторое время Маленков шел молча, явно приводя в порядок мысли. Затем бросил несколько замечаний о "нашей некультурности" и о том, как "много еще нам нужно учиться".

Чувствовалось, что эти мысли у него давно наболели. Его, несомненно, тяготило виденное, было стыдно за отца, и в то же время чувствовалось, что именно эта среда -- по-настоящему родная ему среда, что в делах, которые ее волновали, он хорошо разобрался, к ее атмосфере с детства привык, с нею сроднился. С ранних лет он

сопровождал отца в его деловых поездках, бывал с ним в башкирских степях, знал породы лошадей, сорта шерсти, цены на продукты. Его и в гимназические годы встречали на городских базарах, у крестьянских возов с продуктами, он смотрел, щупал пальцами, пробовал на язык, приценивался. Это был сын своего отца, причесанный, приглаженный, с наведенным внешним лоском, но с тем же самым нутром, что и отец.

Одной из отличительных особенностей гимназии был весьма пестрый состав учащихся в отношении как социальном, так и национальном. В большинстве это были дети чиновников и офицерства, для которых почти за столетие перед тем гимназия и была создана: в таком городе, как Оренбург, иначе и быть не могло. Это ведь был "город-ухо", которое Москва приложила к выходам из Средней Азии и сделала его центром для своего служилого люда, прокладывавшего пути все дальше и дальше на юго-восток. Со времени проведения железной дороги, особенно

после 1905 г., среди учащихся все большую и большую роль начинали играть выходцы из других слоев населения -- дети торговцев, зажиточных ремесленников с городских окраин, состоятельных крестьян. Казаков в этой гимназии не было -- как раз в это время, накануне мировой войны, была основана третья мужская гимназия, в создании которой большую роль играли казачьи объединения, и все дети казаков перешли туда из первой гимназии

Заметную группу среди учащихся составляли дети представителей национальных групп коренных обитателей края: казахов и башкир. Привлечение в русские школы детей из влиятельных семей аристократии различных

национальных групп, включенных в империю, вообще было старым правилом на окраинах. В сравнительно недавние годы вербовать таких учащихся в гимназию приходилось почти силком, в порядке своего рода повинности. В начале XX в. к насилиям в этой области прибегать уже не приходилось: понимание роли русской школы как фактора приобщения к общей культуре получало все большее и большее распространение, среди казахов и башкир уже начала складываться своя национальная интеллигенция, и в двери русской школы добровольно стучалось все большее количество желающих учиться из нерусских национальных групп. Тут была молодежь не только, и даже не столько, из рядов туземной аристократии, но и дети интеллигентов, торговцев, духовенства.

Ученики из казахов и башкир были и в том классе, с которым шел Маленков. Среди них встречались и великовозрастные лентяи; и когда, например, Маленков был в 4-м классе, т. е. в первый год войны, много толков в гимназии вызвало обнаружение факта, что один из одноклассников-казахов уже имеет нескольких жен и детей. Более важной была другая сторона: гимназисты этой группы приносили в класс знакомство с другой стороной жизни края, в котором начиналось и башкирское, и казахское национальное движение. Особенно много было разговоров о последнем в 1916 г., когда казахское восстание вплотную подкатилось к Оренбургу.

Двое из гимназистов-казахов, Кидрас Юлмухамедов и Угтен Булибаев, принадлежали к той небольшой группке из четырех одноклассников, которой держался Маленков. Характерно, что все четыре участника были детьми людей, так или иначе связанных с торговлей, и сами интересовались ею. На эти темы шли главные разговоры, в которых Маленков принимал живое участие, хотя о де-

лах отца рассказывал очень мало. Не лишне прибавить, что оба эти казаха-гимназиста позднее пошли с большевиками, и в 1920-х гг. играли определенную роль в жизни края.

Лично Маленков в тот период большого интереса к политическим событиям не обнаруживал. О революционном движении

и о революционных партиях в гимназии тогда вообще мало знали, или мало интересовались. Маленков был среди наименее интересующихся. Он об этом говорил открыто, заявляя, что политика его не интересует и что он хочет быть инженером и приложит все усилия к тому, чтобы после гимназии попасть в Томский технологический институт.

Не обнаруживал Маленков своих симпатий к революционному движению, а тем более к большевизму, и позднее, в 1917--1918 гг., когда события остро поставили этот вопрос перед всеми. В Оренбурге эти события проходили более бурными темпами, чем во многих других районах страны. Несомненно, свое влияние оказывала пестрота национального состава населения. Национальные конфликты, хотя и не вставшие еще во весь свой рост, заостряли социальные антагонизмы. Вопросы ставились, быть может, более упрощенно, более примитивно, но руки к оружию тянулись легче.

Большевистские настроения появились и в гимназии. Были доклады местных большевистских лидеров, была создана ячейка из гимназистов. Смотреть и слушать ходили многие -- далеко не только из симпатизирующих. Маленкова среди них не бывало. К лагерю сочувствующих его никто не причислял. Наоборот, казалось, что он тяготеет к лагерю противников. И когда в декабре 1917 -

- январе 1918 г. в Оренбурге начались первые вооруженные схватки с большевиками и вождь "белых", казачий атаман Дутов выпустил воззвание с призывом создавать из учащейся молодежи "рабочие дружины" для укрепления противобольше-вистского тыла, Маленков среди многих других гимназистов старших классов примкнул к этому движению. Большой активности он, правда, не проявил. Этот эпизод вообще был весьма кратковременным. Все же в работах на железной дороге он участие принял, и, заменяя бастовавших рабочих, расчищал пути от снега, разгружал вагоны.

События революционного времени, конечно, внесли расстройство в жизнь гимназии. Занятия шли с перебоями. И учащимся, и учителям было не до "их, когда кругом шли бои. В конце 1918 г., когда красные снова вышли на подступы к городу, было решено провести ускоренный выпуск, которому суждено было стать последним выпуском в истории старой Оренбургской мужской гимназии. Настоящих экзаменов не было -- было не до них. Комиссия решала по отзывам преподавателей, и решала, конечно, весьма снисходительно. "Аттестаты зрелости" получили все без исключения, кто был в восьмом классе. Это был класс, в котором шел Маленков. Последний таким образом окончил гимназию и получил все соответствующие права, включая право на золотую медаль, на которую твердо рассчитывал: она обеспечивала прием в Томский технологический институт. Правда, самой медали

ему не выдали: время было не до чеканки медалей. Но в гимназических книгах он был зарегистрирован золотым медалистом выпуска 1919 г.: последним золотым ме-

далистом, имя которого должно было быть записано на старую золотую доску, висевшую в актовом зале.

Выпускной акт, на котором вручали дипломы, состоялся уже не в Оренбурге, а в Троицке, уездном городе на северо-востоке от Оренбурга, куда в начале января 1919 г. перекочевало казачье правительство, войсковые и правительственные учреждения, вся "элита" старого Оренбурга, включая и канцелярию гимназии.

ГЛАВА 2 Генезис

"советских ташкентцев"

Официальная советская биография Маленкова говорит, что в 1919 г. 18-летним

юношей Маленков вступил добровольцем в ряды Красной армии и затем в течение последующих трех лет был политработником. Что побудило его так поступить? Какие мотивы могли толкнуть на этот путь того Маленкова, с годами юности которого мы только что познакомились?

Прежде всего необходимо установить, что 18 лет Маленкову исполнилось только в январе 1920 г. Поэтому, если советские биографы говорят о вступлении 18-летнего Маленкова в Красную армию в 1919 г., то речь может идти только об осени 1919 г., в крайнем случае о конце лета. Это обстоятельство важно для биографии Маленкова. Оренбург, как указано выше, был одним из тех городов России, где гражданская война и началась раньше, и раньше же приняла крайне острые формы, чем во многих других районах страны. Вооруженная борьба в городе и за город началась с ноября 1917 г. и продолжалась без перерывов до конца лета 1919 г. Город несколько раз переходил из рук в руки. Последний раз красные

его заняли 22 января 1919 г. Но это отнюдь не было окончанием борьбы за Оренбург. Получив подкрепление, белые перешли в контрнаступление, тем более ожесточенное, что в городе красные производили жестокую расправу со всеми, кто так или иначе поддерживал белых. Был объявлен "красный террор", и каждую ночь шли расстрелы. Белые рвались в город, помимо всего прочего потому, что едва ли не у каждого кто-то из родных, близких или друзей сидел в тюрьме, ожидая расправы, а красные сражались с тем же ожесточением, зная,

что если колесо военного счастья перевернется и город возьмут белые, то такая же судьба ждет не только их самих, но и их родственников, их близких. В течение последующих 5--6 месяцев город был на положении почти осажденного, почти взятого в кольцо, с тонкой линией связи по железной дороге. Бои шли на подступах к городу, даже в его пригородах.

Положение изменилось только в июне -- июле, когда большое весеннее наступление адмирала Колчака было окончательно сломлено, и белые, потерпев жестокие разгромы в боях на линии Уральских гор, под Уфой, Екатеринбургом (Свердловск), Златоустом и др., катастрофически быстро покатались назад, в глубь Сибири. После этого пришел черед и белым под Оренбургом.

После организационной подготовки Фрунзе, назначенный тогда командующим фронтом в Оренбурге, в августе 1919 г. отдал приказ о переходе в решающее наступление. Оно развертывалось с молниеносной быстротой: разгром Колчака на Урале сломил волю к борьбе и у оренбургской группы белых. Никто не верил в возможность победы. Прижатые к пескам Каракумов остатки белых капитулировали на милость победителя. Только не-

большие отряды непримиримых, во главе с казачьим атаманом Дутовым, в конном строю ушли через голодные степи к Китайскому Туркестану. 13 сентября 1919 г. красные, наступавшие со стороны Оренбурга, соединились с красными, двигавшимися из Ташкента. "Оренбургская пробка", почти два года закрывавшая дорогу на Туркестан, была выбита. "Свершилось! -- писал Фрунзе в приказе, отданном им по этому поводу. -- Путь на Туркестан свободен".

Этими событиями большая гражданская война для Оренбургского края была закончена, и именно в это время Маленков пошел добровольцем в Красную армию. Он умело выбрал время. Когда чаши весов колебались и участие в гражданской войне было связано с большим риском и требовало готовности к большим жертвам, он не принимал участия в ней ни на одной, ни на другой стороне (конечно, если не считать таким участием эпизод с "рабочими дружинами" атамана Дутова). Добровольцем в Красную армию он пошел лишь когда большая борьба закончилась.

Несомненно, что на решение Маленкова свое влияние оказало и еще одно соображение. Красные победили, немедленно по занятии края приступили к его генеральной чистке. Как раз с конца лета 1919 г. начиналась чистка тех районов, откуда родом был Маленков. На родину последнего красные до того вообще не заглядывали, и ревкомы, подразверстки, выколачивание "хлебных излишков", репрессии против "классово чуждых" и "социально опасных" и т. п. там были новинкою. Семья Маленкова-отца, кулака и сельского торговца, не могла "не попасть под удар. Отвести угрозу можно было только одним способом, и именно к

нему прибеж Маленков-сын: став политработником эскадрона, он превратил Маленкова-отца из "классово чуждого" элемента в советского.

Потребность в таких политработниках тогда была исключительно велика. Большая гражданская война была закончена, но край далеко не был спокоен. Белое движение было раздавлено потому, что оно не имело достаточно прочной и достаточно широкой поддержки со стороны широких слоев казачества и других трудовых элементов населения края. Но в этих слоях было едва ли не еще меньше устойчивых симпатий к красным. Первые же шаги последних увеличили количество недовольных. Антинародная сущность коммунистической диктатуры выявлялась со все большей определенностью. И было совсем не редкостью, что село, еще вчера встречавшее красные отряды, и искренне встречавшее, с хлебом и солью и колокольным звоном, сегодня изгоняло продотряды.

Власть чувствовала себя очень беспокойно, -- и уже с конца лета большевистский Оренбург начал формировать карательные конные отряды, способные быстро передвигаться по степным проселкам. В них брали добровольцев, -- легко, без строгой проверки, предоставляя взятым на деле доказывать свою преданность диктатуре. За этим должны были следить приставленные к таким отрядам политработники, -- эти посаженные на коней чекисты...

Именно эту работу выбрал для себя Маленков с самого начала своей советской карьеры, -- еще до того, как он формально вступил в коммунистическую партию (это он сделал в апреле 1920 г, приблизительно через 6--8 месяцев после начала своей карьеры политработника).

Но Оренбург был только началом советской карьеры Маленкова, и притом началом весьма кратким. Уже в конце 1919 г. он был в Туркестане, в столице Ферганы, богатейшего хлопководческого района страны. Начинаясь "ташкентский" период его жизни. Этот термин в русской литературе уже давно имеет переносное значение, которое необходимо помнить, когда пишется биография Маленкова. Присоединение Туркестана, проведенное этапами на протяжении 1860--1870-х гг., отмечено выявлением в тогдашней российской действительности нового типа, который русским сатириком Салтыковым-Щедриным увековечен в литературе под именем "ташкентца". Это -- самый яркий не для русской только литературы тип колонизатора, рвущегося к легкой наживе на путях ограбления вновь завоеванного края. Негодующими мазками Щедрин наметил его внешний облик, вскрывавший и внутреннюю сущность людей этого типа: волчий оскал зубов, горящие глаза, выдающиеся скулы и мертвая хватка хищника, который скорее умрет, чем выпустит зажатое между челюстями... Представитель той

части русской интеллигенции, которая своей задачей ставила служение народу, не различая ни эллина, ни иудея, Щедрин весь пафос своего гнева вложил в обличение этого типа хищника, деятельность которого, если бы сами русские против него не вели борьбу, клала бы клеймо позора на русскую культуру, на русское дело вообще..

На съезде коммунистической партии СССР в октябре 1952 г., говоря о литературе, Маленков с большой настойчивостью говорил о потребности в советском Щедрине, который с такой же силой и страстностью, как Щедрин прошлого века, обрушился бы на темные стороны советской эпохи... Если бы такой Щедрин смог прийти в

наши дни, то одним из первых он должен был бы нарисовать облик "советского ташкентца", который подвел "коммунистический базис" под свою "ташкентскую" практику и специализировался на препровождении окраинных туземцев из первобытно-кочевого состояния этапным порядком в коммунистический рай.

При этом новый Щедрин не забыл бы указать, что первым образцовым питомником этой породы "советских ташкентцев" было то самое политуправление Туркфронта, в кадрах которого ставил свои первые рекорды тот самый молодой Маленков, который в зрелом возрасте тосковал о советском Щедрине.

Этот Маленков был тогда совсем маленьким человеком, -- пятой спицей в советской колеснице. Но колесница эта катилась уже по большой дороге советской истории. Старая русская власть в Туркестане держалась не только и даже не столько прямым насилием расквартированных в крае военных гарнизонов, сколько тем, что она установила и поддерживала в Туркестане порядок, обеспечивающий необходимый минимум условий для хозяйственного и культурного развития края. Недочетов, ошибок и прямых преступлений в деятельности насажденной в крае русской администрации было много. Но для края, который столетиями перед тем жил в условиях азиатского средневековья и был к тому же расчленен на добрый десяток самостоятельных ханств, порядки, принесенные в край русской администрацией, были огромным шагом вперед. Народы, населявшие край, далеко не были удовлетворены этими новыми порядками. Оппозиционные настроения держались крепко не только среди коренного населения края, но и среди русских пришельцев, количество которых быстро росло. На выборах в Государственную думу Туркестан неизменно голосовал за левых кан-

дидатов. Демократическими были и настроения молодых национальных движений, формирование которых шло быстрым темпом. Нерешенных проблем и плохо сглаживавшихся противоречий было много, но в порядок дня они вставали постепенно и в жизни нарастали элементы для мирного их разрешения.

Революция крайне обострила сложный переплет этих национальных, социальных и политических противоречий, поставив их все разом в порядок дня неотложной современности.

Большевистских организаций до революции в Туркестане не было, но после революции, с лета 1917 г., большевистская стихия начала находить благоприятную почву, особенно среди солдат местных гарнизонов, и в организации хлынуло много попутчиков. Старых большевиков с теоретическим багажом и с политическим опытом в этих организациях были единицы. Лидерами организаций становились не они, а обычно никому неизвестные люди -- или юные фанатики, или предприимчивые дельцы, или даже политические авантюристы сомнительного типа. Прimitивные лозунги, которые тогда бросал большевистский центр из столицы в глубины поставленной на дыбы страны, здесь повторялись во много более примитивной, огрубленной форме.

После октябрьского переворота в столицах большевики пришли к власти и в Туркестане. По своему существу, это была диктатура над краем гарнизонов оккупационной армии. Некоторую поддержку оказывала часть городских рабочих. Сюда же тянулись небольшие группки отдельных молодых интеллигентов из национальностей коренного населения края, которые рассчитывали через вызываемый большевиками развал страны прийти к госу-

дарственной независимости Туркестана. Но это были лишь небольшие детали, не менявшие основного существа картины: большевистская власть первых двух лет в Туркестане была диктатурой гарнизонов оккупационной армии, оказавшейся оторванной от своих центров.

Отрезанные в течение двух лет от центра, большевики пытались проводить ту же самую политику объединения вооруженных людей, составляющих небольшое меньшинство в населении края, которое методами массового террора, все время опираясь на вооруженную силу, пытались заставить страну изменить не только политические формы управления, но и самые основы хозяйственных отношений, и от частновладельческого хозяйства, основанного на индивидуальной собственности, перейти к хозяйству государственному, руководимому именно им, этим небольшим вооруженным меньшинством. Отличие от других частей России состояло лишь в том, что в Туркестане это вооруженное меньшинство было еще меньшим, чем в большинстве других районов страны, а потому оно должно было, чтобы держаться у власти, чаще прибегать к актам террора, проводить их в более грубых формах, придавать им еще более массовый характер. Антикрестьянское острие этой политики, которое весьма ясно проступало и в центре, в Туркестане было тем более подчеркнуто, что противоречие социальное здесь переплеталось и дополнялось противоречием национальным.

Результаты получались весьма причудливыми и трудно переносимыми даже для большевиков. Туркестанский эксперимент большевистской диктатуры было похоже на злой шарж: основы большевистского эксперимента общероссийского в нем были сохранены, но им была придана такая шаржированная форма, что экспериментаторы отказывались узнавать свою собственную работу. Была

сделана попытка всю ответственность свалить на местные организации.

В Туркестан была послана особая комиссия ЦК коммунистической партии, которая прибыла в край немедленно после установления железнодорожного сообщения. Сафаров, один из членов этой комиссии, в своей книге "Колониальная революция (Опыт Туркестана)", приведя действительно интересный материал о хозяйничании в крае большевиков в 1917--1919 гг., в следующих фразах подводит общий итог

"Колонизаторская уголовщина причудливым образом сплеталась с байскими интересами. Под советскую крышу были перенесены все методы феодально-ростовщической эксплуатации и классового угнетения. Несколько изменился личный состав носителей власти, -- остались старые формы полицейско-фискальной организации"1.

Еще более резко писали местные коммунисты, особенно коммунисты не русские. Х. Бурнашев, один из коммунистических лидеров в Фергане (т. е. как раз того района, где, как увидим ниже, работал Маленков в течение первого периода своего пребывания в Туркестане), советскую политику 1918--1919 гг. определял как политику "головотяпской опеки местного народного хозяйства, сопровождаемую продовольственным разбоем".

"Все попытки, -- писал он, -- немногочисленных рабочих организаций вложить в октябрьский переворот соответствующее содержание, совершенно стирались в кошмарном хаосе беспардонных ограблений, насилий, издевательств диктаторствующего советского города над кишляком, волею советских держиморд обреченного на

все тяготы контрибуций, конфискаций, принудительной трудовой и воинской повинности"2.

Неизбежным результатом этого злостного "голово-
тпяства" было массовое движение сопротивления местно-
го населения, особенно населения негородского. Необходи-
мо подчеркнуть, что попытки сопротивления делались
и некоторыми группами населения русского В частности,
был ряд выступлений рабочих Но основное значение
имела, конечно, борьба населения сельского, почти
сплошь нерусского по своему национальному составу.
Это движение, получившее название басмаческого, в сво-
ей основе было движением местного крестьянства, со-
противлявшегося против эксперименте над ним со сторо-
ны диктатуры Фрунзе, который был

тогда командующим войсками Туркестанского фрон-
та, в своем приказе от 23 мая 1920 г. дал такую оценку
басмачеству:

"Местная власть [в Ферганской области в 1918--1919
г.] первое время своего существования сделала все воз-
можное, чтобы оттолкнуть от себя трудовое население,
вместо привлечения к власти широких кругов рабочего и
крестьянского населения, европейского и туземного. Ру-
ководящие органы власти захватывались группами аван-
тюристов, желавших половить рыбку в мутной воде. Вме-
сто национализации производства шел открытый грабеж
не только буржуазии, но и средних слоев населения.
Вместо защиты мусульманской бедноты от баев, над ней
чинились невозможные надругательства. Действовавшие
здесь части красноармейских войск в руках некоторых
руководителей превращались из защитников революции
и трудового народа в орудие насилия "ад ним. На этой
почве и создалось движение, известное под именем бас-

мачества. Басмачи не просто разбойники: если б было так, то, понятно, с ними давно было бы покончено. Нет, главные силы басмачества составили сотни и тысячи тех, коих так или иначе задела или обидела прежняя [советская] власть: не видя нигде защиты, они ушли к басмачам и тем придали им небывалую силу"3.

Эта решительная критика прошлого была нужна коммунистам центральным, которые пришли в Туркестан победителями в конце 1919 г., чтоб снять с себя ответственность за это прошлое. Они ни в коем случае не хотели и не могли (часто совершенно искренне не могли) признать, что зло совсем не в "головотяпстве" местных коммунистов, а в преступной ошибочности основной политической линии, взятой центральными вождями коммунистической партии. И что именно эта основная линия заставляла, и не могла не заставлять, коммунистов на местах становиться на путь "головотяпских" экспериментов. Но существо вопроса было совсем не в том, чтобы отмежеваться от сделанного в недавнем прошлом, а в том, чтобы наметить политику для будущего.

Разработка этого вопроса велась и в центре, в Москве, и на месте, в Туркестане, причем установилось известное разделение труда: в Москве были заняты главным образом поисками теоретического решения проблемы, а в Туркестане думали больше всего о практических мероприятиях, которые соответствовали бы интересам диктатуры.

В Москве на туркестанскую проблему смотрели как на частный случай большой общей проблемы -- путь развития коммунизма в отсталых странах: что должны делать коммунисты, если они, в результате тех или иных условий оказались у власти в странах, где еще нет соб-

ственного промышленного пролетариата и где еще господствуют докапиталистические формы производст

венных отношений? Спор шел о том, является ли капиталистический этап развития необходимым для таких отсталых народов и стран, или они могут прийти к коммунизму на внекапиталистических путях развития, перепрыгнув через капиталистический этап?

В переводе с языка абстрактных формул на язык советской действительности в 1920 г. вопрос стоял так: если капиталистический этап развития необходим, то в таких хозяйственно отсталых районах, как Туркестан, где значительные массы населения живут в условиях патриархально-родовых отношений и где совершенно нет своего промышленного пролетариата, советская диктатура должна отказаться от вмешательства в хозяйственную жизнь края, предоставив там свободу развитию капиталистических форм производства. А так как хозяйственно отсталых районов, подобных Туркестану, в России немало, то это означало создать повсюду внутри советского организма очаги капиталистической реставрации. Не делать этого вывода можно было лишь в том случае, если теоретически признана общая возможность развития к социализму, минуя капиталистическую фазу.

Вопрос этот был поставлен перед Коминтерном на Втором конгрессе последнего летом 1920 г., докладчиком был Ленин. Проблема была новой для огромного большинства делегатов, особенно для делегатов из других стран. Вопрос не был поднят на большую высоту, его далеко идущее значение для судеб не только русского, но и мирового коммунизма не было даже намечено. Сам Ленин к этому, по-видимому, не стремился. В результате конгресс в принятой резолюции признал возможность

внекапиталистического пути развития для отсталых стран, при обязательном условии активной помощи со стороны стран, где пролетариат уже находился у власти, во-первых, и осторожной, рассчитанной на долгие сроки политики диктатуры, во-вторых.

Основной политический вывод, к которому обязывало это решение, был правильно сформулирован Сталиным в его статье, подводившей итоги работам этого конгресса в области национальной проблемы. "От кавалерийских набегов по части "немедленной коммунизации" отсталых народных масс, -- писал он, -необходимо перейти к осмотрительной и продуманной политике постепенного вовлечения этих масс в общее русло советского развития"⁴.

Теоретическое обсуждение вопроса на конгрессе было смазано, но принципиальное значение принятого решения было исключительно большим: если октябрьское восстание и захват тогда власти большевиками в России положил основной камень внутренней политики советской диктатуры, легализовав принцип насилия меньшинства над большинством внутри данной страны, то решение Второго конгресса Коминтерна по вопросу о внека

питалистическом пути развития стало основным камнем для внешней политики диктатуры, правда, еще в крайне осторожной форме, но оно установило принцип возможности строить советский строй, опираясь на силу, внешнюю данной стране, данному народу.

Коммунистическая практика в Туркестане ориентировалась на эту теорию, разработанную в Москве. Туркестанская Комиссия ЦК партии, несколько позднее преобразованная в Туркестанское Бюро ЦК, стала высшим пар-

тийным органом в крае. Местные организации, как повинные в ошибках 1917--1919 гг., были подвергнуты жестокому разгрому. Их мало-мальски значительные работники общероссийского происхождения, если они не подпали за свою деятельность под более суровые кары, были в порядке партийной дисциплины выселены из Туркестана в другие районы страны. Коммунисты национальных групп быть высланы, конечно, не могли. Но они были сильно урезаны в правах и были фактически лишены права занимать посты, которые давали им реальную власть над вооруженными силами, над карательными органами, над ключевыми позициями хозяйства. В частности, им был совершенно закрыт доступ на мало-мальски ответственные посты по линии ЧК-- ГПУ.

Главным органом советской диктатуры в крае стал политический аппарат Туркестанского фронта, тех частей Красной армии, которые пришли в Туркестан победителями из центра. Решение об этом было принято, несомненно, заранее, еще до перенесения ставки Туркфронта в Ташкент. Третья конференция коммунистических организаций 1-й армии Туркфронта, заседавшая в конце 1919 г., перед этим переселением, приняла решение о необходимости для армейских коммунистов не только "войти во все партийные и советские учреждения Туркестана для направления партийной и организационной работы", но и "приступить к исправлению политики туркестанских товарищей". Более конкретно и детально вопрос о задачах и тактике этой работы был разработан в решениях съезда политработников Туркфронта, который состоялся в Ташкенте в июне 1920 г.

Это было не чем иным, как установлением фактической и даже формальной диктатуры политработников

Туркфронта, т. е. оккупационной армии, не только над краем вообще, не только над

аппаратом советской власти края, но и над всем коммунистическим движением в Туркестане. Для полноты картины необходимо добавить, что эта диктатура политработников Туркфронта была распространена и на органы террора. Сафаров в своей книге специально подчеркивал: "Так как Туркестанская ЧК до сих пор служила, главным образом, орудием лично-группового соперничества и вместо борьбы с контрреволюцией в ней заводились дела против неугодных лиц, вся чрезвычайная кара

тельная деятельность волей-неволей сосредоточилась в Особом отделе Туркфронта"5.

Как видим, изменений в социальной опоре диктатуры произошло очень мало: как в годы существования "оренбургской пробки", так и после ее ликвидации большевистская диктатура в Туркестане была диктатурой оккупационной армии. Разница сводилась лишь к тому, что состав этой оккупационной армии изменился, и место старых полков, сформированных еще в дореволюционные годы, заняли полки, сформированные советской диктатурой с персоналом политработников, прошедших школу гражданской войны. Этот аппарат был хорошо дисциплинирован, никаких своеволий не допускал и точно проводил политику, которую ему предписывал центр.

С этого момента Туркестанский край становится ареной большого эксперимента, отличительной особенностью которого была сложная игра советской диктатуры с населением в области политической, социальной и национальной; игра, проводимая коммунистами с исключительной настойчивостью и жестокостью. Диктатура делала вид, что она дает большие уступки национальным --

не русским -- группам населения в плоскостях религиозно-национальных и социально-бытовых отношений. По всему Туркестану были проведены "конференции беспартийных", к участию в которых власть особенно старалась привлекать виднейших представителей мусульманского духовенства и зажиточных слоев внегородского населения. Такие конференции обставлялись с театральной торжественностью: первые ряды в зале и места в президиуме неизменно бывали заняты "почетными стариками" в ярких восточных халатах, в чалмах и т. п. Принимались решения о восстановлении земельных прав мусульманского духовенства и народных повинностей в пользу последнего. Мулл старались вводить в местные Советы. Представителей национальных групп настойчиво зазывали в ряды коммунистических организаций, причем с коммунистов-мусульман не взыскивали за посещение мечетей, сквозь пальцы смотрели на сохранение ими гаремов и т. д. Конечно, широко применяли хозяйственные льготы, дали полную свободу торговли на базарах, разрешали открытие всевозможных ремесленных и торговых предприятий, терпели даже торговлю с границей и т. д.

Но все это носило только внешний характер. Никаких подлинных уступок ни соответствующим национальным группам, ни демократическим слоям населения вообще они не содержали, в том смысле, что ни малейшей крупинки реальной власти коммунисты из своих рук не выпускали. Вся эта власть оставалась в руках диктатуры, которая под прикрытием этих показных уступок именно в это время проводила лихорадочную работу по созданию своего прочного и дееспособного аппарата, способного

стать послушным орудием в руках диктатуры и пригодного для всевозможных предвидимых и непредвидимых случайностей.

Официальная сеть советских учреждений, формально числившаяся обладающей всею полнотою власти в крае, фактически никакой властью не обладала, ее лишь терпели до поры до времени. Зато за кулисами строился назначенный сверху аппарат действительных обладателей власти, которые, правда, отвергали "кавалерийские набег по части немедленной коммунизации края", но которые меньше всего были противниками принудительной коммунизации вообще. Наоборот, они работали во имя как раз этой коммунизации. Они только знали ее трудности, знали, что ее вводить можно будет только в жесткой борьбе против огромного большинства населения края, а потому вели "осмотрительную и тщательную подготовку", говоря словами Сталина, для "постепенного вовлечения" народов края в "общее русло советской политики".

Эта сложная внутривластная игра еще более осложнялась внесением в нее элементов большой игры внешнеполитической. Еще перед переселением в Туркестан 3-я конференция коммунистических ячеек 1-й армии Туркфронта (она заседала в Оренбурге в ноябре 1919 г.) в список наиболее важных и первоочередных задач своей работы в Туркестане включила "поддержку революционного движения в соседних с Туркестаном странах". В первую очередь речь шла, конечно, об Индии, о движениях антианглийских: антианглийские ноты особенно характерны для всей вообще внешней политики советской власти тех лет. Именно по этим соображениям в политике туркестанских представителей центральной власти одно время звучали ноты симпатии к пан-тюркистскому и даже панисламистскому движениям, ветер которых Сове-

ты стремились забрать в свои паруса, направив его исключительно против Британской империи.

Дело было не только в том, что пантюркистские идеи тогда открыто проповедывали некоторые из мусульманских министров, занимавших важные посты в краевом правительстве. Еще более важной была общая установка политики, которую проводила Турккомиссия ВЦИК, ставшая с ноября 1919 г. высшим органом власти в Туркестане. Эта политика была такова, что местное население вначале ее воспринимало, как политику, направленную против русских. Д. Фурманов, глава Политуправления Туркфронта первых месяцев после ликвидации "оренбургской пробки", был, несомненно, наблюдательным человеком и в своем дневнике, в записях для себя, старался откровенно резюмировать свои впечатления. В марте 1920 г. он проехал на лошадях из Ташкента в Верный (ныне Алма-Ата) и записывал в пути.

"Декреты центральной власти (хотя бы о земле) здесь в кишлаке преломляются таким образом, что теперь вся и все принад

лежат мусульманам, что у власти стоят и должны стоять только мусульмане, а пришельцы должны восвояси выбираться... Надо оказать, -прибавляет Фурманов, -- что некоторые мусульмане-коммунисты... в душе с этим уродливым толкованием совершенно согласны"б.

Своей высшей точки эта игра с пантюркистами достигла в соглашении, которое Ленин заключил с Энвер-пашою, вождем крайнего, наиболее агрессивного крыла турецких шовинистов, придерживавшихся во время первой мировой войны пронемецкой и антианглийской ориентации. Осенью 1920 г. в Баку был созван съезд народов Востока, который был попыткой Коминтерна возгла-

вить движение народов Востока против британского империализма. Об этом открыто заявил на конгрессе Зиновьев, и весь конгресс вообще прошел под лозунгами священной войны против Великобритании. Энвер играл на нем большую роль, а после конгресса Ленин заключил с ним секретное соглашение, в силу которого Энвер взялся, объединив под пантюркистскими лозунгами всех туркестанских басмачей, увести их в поход в Индию⁷. Эти авантюристические планы рухнули, и притом скорее, чем можно было ожидать.

В Туркестане, куда Энвер прибыл осенью 1921 г., его приняли восторженно, но его настроения к этому времени были далекими от желания платить по векселям, которые он выдавал в Москве. Призывы к священной войне, правда, прозвучали, но это были не призывы уйти в Индию для газавата против англичан. Вместо этого Энвер сам перешел в лагерь басмачей и попытался возглавить их для священной войны, но уже против большевиков.

Правда, и на этом пути Энвер не имел успеха, как не имел он прочного успеха почти на всех извилинах своей путаной жизни. Вскоре он погиб, зарубленный в схватке с отрядом войск особого назначения, того самого типа, "политработником" в которых начинал свою карьеру Маленков. Труп Энвера был зарыт неопознанным где-то на обочине одной из глухих дорог Восточной Бухары, и только позднее, по его часам, которые подобрал один из участников той схватки, стало известным, чья именно голова была тогда снесена лихим ударом безвестного "чоновца"⁸.

Авантюра Энвера спутала много карт в и без того запутанной игре большевиков. Басмаческое движение, по

существованию никогда не прекращавшееся, вспыхнуло с новой силой и захватило почти весь "рай. Советская власть держалась лишь в городах-- вся деревня (кишлаки) ее не признавала, ее декретов не выполняла, ее распоряжениям не подчинялась. Там хозяйничали басмачи, разрозненные отряды которых действовали каждый на свой риск и страх. Власти из одной крайности бросались в дру

гую. Беспартийные конференции, на которых коммунисты играли в братание с муллами, перемежались с публичными расстрелами на базарах взятых в плен басмачей и их родственников, объявленных заложниками. Без устали работали карательные органы. Срочно подвезли с польских границ "буденовцев", которые огнем и мечом "прочесывали" беспокойные районы. Всеми операциями руководило командование Туркфронта и его испытанное политуправление.

Результаты не замедлили сказаться: ударил голод -- страшный, унесший миллионы человеческих жизней. Ряд районов опустел. Но советская власть удержалась, из года в год показывая все большую настойчивость, все большую цепкость, и все глубже спускала в народные низы корми своего аппарата власти и подавления. Верхушка правящей партии эти результаты рассматривала как доказательство правильности поставленного диагноза и возможности "постепенного вовлечения" края в общее русло советского развития.

Как раз к этому времени относится небольшой эпизод из биографии Сталина, крайне характерный и для него лично, и для всей эпохи. Осенью 1921 г. на заседании коллегии наркомнаца, во главе которого тогда стоял Сталин, только что приехавший в Москву представитель Башкирской республики делал доклад об ужасах голода.

Жуткий рассказ все слушали с глубоким волнением. В одном месте у кого-то из слушателей вырвалась реплика: "Но ведь это один ужас, что творится!" Сталин, который вел собрание, коротко оборвал:

"Ужас, это когда речь идет об отдельном человеке. Если речь идет о миллионах, это не ужас, а статистика... Товарищ, продолжайте Ваш доклад!"

Больше докладчика не прерывали, и если в 1921 г. советское правительство обратилось за помощью к американцам, то в этом повинен не Сталин. Позднее, когда он стал "хозяином" страны, страшная "статистика" неутомимой поступью ходила по самым богатым, самым хлебным районам страны, и он никогда не считался с количеством погибавших.

Маленков служил в Туркестане во 2-й Туркестанской дивизии, стоявшей в Ферганской долине, в бывшем ханстве Коканцс-ком, имея штаб в г. Скобелеве, бывшем Новом Маргелане, а ныне г. Фергана. Это был совсем небольшой городок, в котором по переписи 1897 г. числилось всего пять с половиной тыс. жителей. Позднее, накануне первой мировой войны, город сильно вырос, так как в него был перенесен административный центр области. Это перенесение было вызвано исключительно мягким, здоровым климатом, которым славилась местность, где расположен город. Но и после этого перенесения число жителей г. Ферганы не многим превысило десять тысяч.

Население распадалось на две группы: местное население, узбеки, киргизы, таджики -- торговцы и хлопководы, и население пришлое, русское - чиновники, военные, купцы. Жили они обособленно, почти не соприкасаясь друг с другом. Так продолжалось и после революции.

2-я Туркестанская дивизия, пришедшая в край в конце 1919 г, занимала все здания, принадлежавшие старому гарнизону царского времени. Комиссаром этой дивизии был некий Сухов. Человек интеллигентного ума, предприимчивый, убежденный коммунист из левых эсеров. Маленков стал чем-то вроде личного секретаря при Сухове.

Целая дивизия с большим боевым прошлым в Ферганской долине была расквартирована далеко не случайно: эта долина с 1918 г. была одним из главных, если не главным, центром басмаческого движения. Вся хозяйственная жизнь этого края с дореволюционных лет зависела от хлопководства, особенно быстро развивавшегося в течение последнего десятилетия перед первой мировой войной. Октябрьская революция внесла полную разруху в эту область: большевистский декрет о конфискации всех запасов хлопка, в чьих бы руках они не находились, сыграл огромную роль в обострении антибольшевистского движения, хотя основой кризиса была полная разруха транспорта, приостановившая вывоз хлопка в центральные губернии, где производилась его обработка. В результате к басмачам примкнуло все земледельческое население края, жившее главным образом хлопководством.

Политотдел 2-й Туркестанской дивизии, как только она пришла в край, немедленно же развернул широкую пропаганду среди населения, резко отмежевываясь от "извращений большевистской политики", допущенных прежними правителями края, призывая басмачей отказаться от безнадежной борьбы. Всем участникам басмаческих отрядов, конечно, была объявлена полная амнистия на условии немедленного разоружения. Этой кампанией в Фергане руководил тот самый Сухов, политический комиссар 2-й Туркестанской дивизии, секретарем

которого состоял Маленков. Он был тогда весьма юн -- как раз в Фергане ему исполнилось 18 лет.

Кампания за разоружение басмачей шла вначале с большим успехом. Люди устали от войны и мечтали о мире, о мирной жизни. Местные коммунисты-мусульмане, привлеченные к этой работе Туркфронтом, ездили в горы, туда, где держались отряды повстанцев-басмачей, и их заверения производили сильное впечатление. Они, несомненно, сами верили, что приехавшие из Москвы представители центральной власти действительно несут краю замирение и справедливое решение национальных споров. Но очень скоро, уже к весне 1920 г., положение стало круто меняться. Иллюзии населения быстро исчезли. Слова новых пред

ставителей власти звучали, правда, не так, как было до прихода полномочных представителей центра; в плоскости национальных отношений новая власть заигрывала с населением края, но общая политика, в ее социально-экономической основе, была едва ли не хуже, чем раньше. Она проводилась, во всяком случае, более неукоснительно. В результате уже очень скоро из "мусульманских частей" Красной армии, куда были зачислены все разоружившиеся басмачи, началось все разрастающееся дезертирство в горы. Решение о переводе этих частей в Ташкент привело к их отказу подчиниться приказу. Личное вмешательство Фрунзе, тогдашнего командующего Туркфронтом, правда, предотвратило вооруженное восстание, но басмаческие выступления, начавшиеся раньше, с весны 1920 г., снова приняли большие размеры. 15 мая Фрунзе отдал приказ начдиву 2-й Туркестанской дивизии "немедленно приступить к решительным действиям" против басмачей, совершивших незадолго перед тем два больших нападения на части дивизии. Вско-

ре 2-я дивизия была переброшена из Ферганы на юго-восток, для охраны границы с Афганистаном. И когда советский наркоминдел Чичерин в одной из своих речей напомнил Англии о русских штыках, снова заблестевших на высотах Памира, он имел в виду штыки 2-й Туркестанской дивизии.

Афганистан тогда был центром, поддержавшим басмаческое движение в Туркестане и особенно в пограничных с ним горных районах Узбекской и Таджикской советских республик⁹. На 2-ю дивизию легла борьба с басмачеством именно в этих районах, до того времени очень мало обследованных и труднодоступных. Басмачество здесь держалось особенно упорно. Именно этот район был выбран опорным пунктом и для движения Энвер-паша. Гиссарская долина, районы рек Вахш и Пяндж, горные склоны Западного Памира -- повсюду, по всем закоулкам этого дикого и величественного в своей дикости края, побывали большие и малые отряды 2-й Туркестанской дивизии. Для края эти отряды несли далеко не мир. Центром Гиссарского района в старые времена был небольшой городок. Душанбе от обычных селений отличавшийся только размерами: на рубеже XX столетия в нем было около 500 домов, почти сплошь глинобитных саклей. В 1920--1922 гг. Душанбе несколько раз переходил из рук в руки, выдерживал осады, был ареной ожесточенных боев. И когда 14 июля 1922 г. в него окончательно вошли отряды Красной армии от городка оставались одни развалины, в которых ютились несколько больных и голодных жителей¹⁰. Только позже Душанбе, переименованный в Сталинабад, превратился в большой промышленный и культурный центр, стал столицей Таджикской республики

ГЛАВА 3 Московское студенчество

в 1922--1924 гг.

В 1922 г. Маленков был демобилизован из Красной армии (тогда демобилизовали многих в связи с окончанием гражданской войны) и, переехав в Москву, поступил в Московское высшее техническое училище. Позднее он любил говорить, что его всегда тянуло к инженерному делу, в котором он с юности видел свое призвание. Много говорит за то, что такая тяга у Маленкова действительно была, и его гимназические планы поступить в Томский технологический институт, которыми он делился с друзьями, несомненно, соответствовали его подлинным настроениям.

В то время Советская Россия, говоря языком тогдашних передовиц, вошла в полосу "трудностей восстановительного периода". Они были велики и остры. Не только потому, что начинать приходилось с величин бесконечно малых. В центре стояла проблема отношений города к деревне, хотя с нею сплеталось много других, более частных, но порою еще более острых.

Зимой 1920--1921 гг., во время споров, выросших позднее в дискуссию о профсоюзах (этим псевдонимом был прикрыт конец большой борьбы коммунистов-профсоюзников против планов Ленина и Троцкого превратить профсоюзы в органы диктатуры для наблюдения за рабочими), Ленин в частных беседах с наиболее близкими друзьями не уставал твердить: "Не в этом, не в профсоюзах, суть момента -- суть в том, что скажет нам деревня весной!"¹¹

Весны дожидаться не пришлось: споры о профсоюзах развернулись, когда деревня уже начинала говорить, а немногим позднее, с января 1921 г., в Сибири и

на Урале, по тамбовским лесам и по украинским степям запылали пожары крестьянских восстаний. В феврале с ними начали перекликаться рабочие стачки в крупных центрах, подведшие страну к восстанию в Кронштадте, где крестьянская линия протестов сомкнулась с линией протестов рабочих. Диктатура была принуждена к отступлению. И только исключительная маневренная гибкость Ленина спасла большевиков. В спешном порядке Ленин выбросил за борт политику "военного коммунизма", построенную на стремлении к принудительному регулированию всего крестьянского хозяйства, и провозгласил НЭП, новую экономическую политику, признавшую права крестьянина на свободу его индивидуального хозяйства. "Мужик нас регульнул", -- говорил тогда Ленин, обещая

"всерьез и надолго" отказаться от коммунистических экспериментов над деревней. Но борьба между диктатурой и деревней далеко не окончилась. Она только вступала в новую фазу, более затяжную, но не менее беспощадную.

С этого момента начался процесс восстановления хозяйства страны. Но он шел через большие трудности. Промышленность работала с большими перебоями. Отношения с деревней налаживались плохо. Тогда много писали о "ножницах" - о растущем расхождении между ценами на продукты города и деревни. Им трудно было не расходиться: как ни ослаблена была деревня годами гражданской войны, она быстро подняла запашку до 80 % довоенного времени, а производство железа к концу 1922 г., как сообщил тогда на съезде Советов П. Богданов, председатель Высшего совета народного хозяйства, составляло лишь 4 % производства довоенного. Для поднятия продукции руководители промышленности нуждались в помощи государства, но государство дать ее не

могло: из доклада наркомфина Сокольникова на том же съезде Советов, в декабре 1922 г., стало известно, что приходная часть государственного бюджета тогда составляла всего 1 % его расходной части.

В этих условиях расхождение в ценах на продукты города и деревни не могло сократиться. Оно должно было расти, и недовольная деревня не могла на него не реагировать.

Проблема отношений с деревней лежала и в основе всех споров внутри коммунистической партии. Как раз в эти годы на верхах коммунистической партии начинали складываться ее основные группировки последующего десятилетия: группировка сторонников политики, которая считается с нуждами крестьянства, идет навстречу его интересам; и группировка сторонников ускоренной индустриализации страны методами государственного насилия над деревней, сторонников применения, как тогда говорил Сокольников, методов "военно-феодалной эксплуатации деревни".

Ленин призывал к осторожности. "Помните о смычке с крестьянством, -предостерегал он, -- помните, что мы едем на крестьянской заморенной лошадке и что попытки перепрыгнуть на пролетарском рысаке, неумение жить с крестьянской лошадкой означали бы доказательство того, что пролетариат плохой, неумелый, нерасчетливый хозяин".

Но Ленин в это время был уже тяжело больным человеком и не мог, не имел силы проводить свои взгляды через паутину партийных канцелярий, во главе которых уже стоял Сталин. А вскоре затем Ленин ушел из жизни, правда, написав завещание с требованием отстранить Сталина, но уже не имея возможности настоять на приве-

дении его в исполнение. Голоса же других, кто думал в том же направлении, звучали далеко не

так авторитетно, хотя среди них было много крупных партийных работников. Фрунзе, недавний командующий Туркестанским фронтом, объехав летом 1923 г. Ивановскую область, предостерегал о росте там антисоветских настроений: "Очевидно, -- делал он вывод из своих наблюдений, -- нами перейдены те грани, которые допустимы политически"¹². А ведь Ивановская область с ее крестьянством, которое почти органически срослось с рабочими текстильных фабрик, в течение первых лет революции была одной из наиболее пробольшевистски настроенных областей страны.

Еще более тревожными для власти были впечатления, вынесенные А. И. Рыковым, тогда председателем Совнаркома, из его поездки летом 1924 г. по приволжским районам. Наблюдения убеждали Рыкова, что причины недовольства деревни лежат далеко не в одних "ножницах", даже далеко не в одной только экономике: деревня уже осознавала, что она недовольна и политической диктатурой компартии. Она брала эту диктатуру, как ее видела.

"Никакой выборности в управлении деревней нет, -- так подводил итог своим наблюдениям Рыков, -- начальство все приезжее, назначенное; по приезде обзаводятся первым делом хорошей квартиркой, хозяйством, коровками, свинками и прочими прелестями. Живет начальство обособленно от населения, обставляет себя всеми атрибутами, так что простому смертному без рекомендаций и не узреть начальства"¹³.

Рыков говорил о невыносимости такого положения, особенно для страны, где на пять миллионов промышлен-

ного пролетариата приходится 100 миллионов крестьян. В особенности настойчиво он говорил о недопустимости попыток установления "диктатуры интересов фабрично-заводского производства" над всей экономической жизнью страны. "Мы имеем политическую диктатуру пролетариата, -- предостерегал он на Тринадцатой общепартийной конференции, -- но не экономическую диктатуру фабрики. Это две вещи совершенно различные!"¹⁴

Положение русских крестьян на Волге, как видим, мало чем отличалось от положения крестьян -- дехкан в Фергане. Мало чем различались и их настроения в отношении коммунистической диктатуры. И деревня реагировала на политику последней как умела и могла: уже в 1924 г. посевная площадь сократилась на 15 %, а на ближайших же выборах в Советы деревня на политику диктатуры ответила почти полным изгнанием коммунистов из низовых органов советского аппарата, включая Советы и уезд-иые.

Этот кризис в отношениях с деревней не мог не влиять на настроения города, рабочие слои населения которого в России всегда были прочными нитями связаны с деревней. В конечном

счете именно под его влиянием складывались и настроения учащихся высших учебных заведений, т. е. той среды, в которую осенью 1922 г. попал Маленков. Все вузы СССР были тогда переполнены, в особенности вузы московские. Нахлынула масса молодежи с фабрик и заводов, из деревни. Было много демобилизованных, участников мировой войны и войны гражданской. Многие приезжали недостаточно подготовленными, порою почти малограмотными. Для них были созданы особые отделения, так называемые рабфаки -- рабочие факультеты, куда

принимали без каких бы то ни было аттестатов и экзаменов. Их заполняла главным образом молодежь, приезжавшая по командировкам различных профсоюзов и фабзавкомов, коммунистических организаций, сельских Советов и т. п. Знаний у молодежи этой группы часто бывало совсем недостаточно, и они причиняли большие трудности профессорам, снижая уровень их аудиторий. Но искреннего желания учиться у этой молодежи обычно было в изобилии. Жили в скверных условиях, ночевали чуть ли не по улицам, голодали и холодали, среди них было катастрофически много больных¹⁵. Но, пока хватало сил, они "грызли зубами гранит науки", как сказал о них как раз в то время Троцкий.

В стены учебных заведений они приходили с настроениями той среды, откуда вышли -- из рабочих, крестьянских, разночинных низов "вздыбленной России". Эти настроения были неоднородными. В них вплеталось много внутренних антагонизмов. Страна уставала от гражданской войны и революционной встряски, она хотела внутреннего мира, но была густо насыщена элементами недовольства. Эти противоречивые настроения приносила молодежь в вузы; и атмосфера в них была далеко не умиротворенной, далеко не спокойной.

В 1920--1922 гг. в университетах и в других вузах Москвы был ряд конфликтов, вызванных попытками правительства уничтожить автономию высшей школы. Политика коммунистов была заострена против демократического студенчества. Еще летом 1919 г. профессор М. Н. Покровский, тогда заместитель наркома просвещения по делам высшей школы, открыто заявил делегатам петербургского студенчества, что по оценке советского правительства главным врагом его является "революционно-демократическое студенчество" и что власть примет все

меры для уничтожения прежде всего общестуденческих организаций¹⁶.

Политические выступления студенчества, которые тогда проходили под демократическими лозунгами, особенно нервировали правительство. На сходки и демонстрации, которыми московское студенчество весной 1921 г. реагировало на избиение политических заключенных в московских тюрьмах, власть ответила досрочным закрытием университета и принудительным, силами чекистов, выселением студентов из казенных общежитий, с выбра

сыванием вещей на улицу, с принудительной отправкой целых групп студентов на вокзалы для высылки на родину и т. д. Центральные общестуденческие объединения были ликвидированы в 1919--1920 гг., новых выборов в советы старост власть не допускала, но организации низовые, как то курсовые комитеты, всевозможные культурные и помощные объединения и т. д., еще держались. И значительная часть из них была в руках независимого студенчества.

Существовало много студенческих кружков, часть из которых была ширмой для объединения активных противников диктатуры. Среди студентов действовали и партийные группы уже загнанных в подполье, но еще не уничтоженных демократических и социалистических партий. Они издавали свои подпольные органы, обращенные к молодежи: народники ("Стремление"), меньшевики ("Юный пролетарий", "Молодое дело" и др.) и т д, организовывали свои кружки, проводили тайные съезды. Немало было противников диктатуры и среди профессоров -- демократов и либералов, -- которые упорно защищали свое право свободно мыслить и свободно же свои мысли

высказывать. Их аудитории бывали особенно переполнены.

Диктатура тогда имела еще мало опыта борьбы с такими противниками. Ее аппарат с самого начала был свиреп на расправу с участниками всевозможных восстаний. Но в глубь народных масс он еще не проникал. В сеть своего наблюдения он вобрал еще далеко не все слои населения. В частности, у него не было ни навыков, ни специальных органов для надзора за высшими учебными заведениями. Еще не были выработаны методы для борьбы со студенчеством.

С точки зрения представителей власти, положение особенно обострялось тем фактом, что в рядах студентов-коммунистов, которые должны были выполнять функции главной опоры диктатуры в вузах, настроение тоже далеко не всегда было вполне благоприятным. Студентов-коммунистов в Москве тогда было очень много¹⁷, но далеко не все они были согласны превратиться в послушное орудие диктатуры. Кроме официальных партийных организаций, куда могли входить только члены партии, в вузах вели работу организации комсомола, доступ куда был много более свободен, а так же примыкавшие к коммунистам широкие объединения "пролетарского студенчества". Сознание общности интересов с другими студентами у работников всех этих организаций далеко еще не было вытравлено, отношения между студентами-коммунистами и некоммунистами нередко бывали близкими; и в студенческих движениях, особенно когда они возникали на чисто академической почве, многие студенты, политически примыкавшие к коммунистам, порою шли вместе со

своими коллегами некоммунистами, принимали участие в сходках, подавали петиции, изредка даже попадали в тюрьмы

Так обстояло дело в высшей школе весной 1922 г., когда Сталин стал генеральным секретарем ЦК ВКП(б) и начал осторожно, но твердо, подбирать вожжи управления партией. Рассматривая теперь с далекой исторической перспективы, его деятельность, нельзя не признать, что со своей точки зрения он повел работу как искусный стратег, умевший не только правильно намечать ударные задачи, но и находить пути для их решения.

Первые годы он мало вмешивался в большие принципиальные и политические вопросы, предоставляя на эти темы спорить другим, тем более, что именно на этих больших и потому трудных вопросах другие вступали в конфликты между собою, делали ошибки и создавали себе врагов. Свое внимание Сталин сначала сосредоточил на укреплении и расширении политического и полицейского аппаратов диктатуры, необходимость которых на верхах компартии признавали все. Даже к проблемам большой политики (например, национальный вопрос на Кавказе) он подходил тогда под этим углом зрения. И именно это позволяло ему, постепенно расширяя круг своей деятельности, становиться все более и более полным "хозяином" всего центрального аппарата партии, все более и более властным направителем общей политики террористического аппарата государства. Дело сращивания партии с государством он начинал со стороны ГПУ.

В числе именно таких его первых "достижений" в этой последней области были решения, принятые по докладу Зиновьева общепартийной конференцией ВКП(б) в августе 1922 г., которые устанавливали для партии не-

обходимость в самом близком будущем овладеть "командными высотами" в "печати, высшей школе и в кооперации". Почему на первую очередь были поставлены именно эти позиции, понять нетрудно: это были "командные высоты", открывавшие возможность воздействия на широкие народные массы, на наиболее активные слои последних. В отношении высшей школы значение принятого решения было расшифровано двумя годами позднее, резолюцией Тринадцатого съезда партии, в мае 1924 г., где было оказано, что овладение высшей школой особенно важно потому, что из этой школы "выходят новые командующие кадры". Проблема кадров для Сталина уже тогда была основной.

В результате этого решения в аппарате ЦК ВКП(б) был создан особый отдел по делам высшей школы, во главе которого Сталин поставил Молотова, уже тогда верного исполнителя указаний Сталина.

Первым актом этого похода на высшую школу была высылка за границу осенью того же 1922 г. большой группы профессоров, вместе с писателями и деятелями кооперации: происходило очи

щение тех самых "командных позиций", занять которые решила конференция ВКП(б). Отбор высылаемых из среды профессоров был произведен по хорошо продуманному плану высылали только профессоров либерально-демократического лагеря, которые принимали участие в общественной жизни вузов и выделялись в качестве активных защитников академической автономии. Во главе высылаемых из Москвы стоял профессор М. М. Новиков, последний ректор университета, при выборах которого был соблюден минимум законности.

Эта высылка завершала процесс обезглавливания высшей школы, которая и без того за годы революции потеряла большое количество научных работников - частью умерших от голода и лишений, частью уехавших за границу. Особенно опустел факультет общественных наук. Чтение лекций на нем профессорами-некоммунистами власть решила ликвидировать, и сам факультет вообще подлежал упразднению: эти науки изучать должно было только в коммунистических университетах. Одновременно начата была систематическая работа по подтягиванию студенчества. Ввиду значения, которое, партия придавала делу формирования новых "руководящих кадров", руководство этой работой взял на себя отдел ЦК. В партийные и комсомольские организации вузов были понасажены наблюдатели из центра. Из студентов-коммунистов и рабфаковцев были созданы особые "боевые дружины", руководство которыми было поручено особо проверенным коммунистам. На эти "дружины" было возложено наблюдение за происходящим в вузах -- за всеми студенческими организациями и кружками, за отдельными студентами и т. д. Ни одно собрание ни одного легального кружка не могло состояться без того, чтобы на него не явился "наблюдатель" из "дружины". Всех неблагонадежных и просто сомнительных брали на учет. Все курсовые советы были полностью поставлены под контроль коммунистов.

Московское высшее техническое училище--МВТУ--в студенческом просторечии тех лет просто "техничка", на рабфак которого в 1922 г. поступил Маленков, проделывало тогда общий путь развития. Годы после окончания гражданской войны была годами бурного расцвета училища. Основанное почти за столетие перед тем, еще в крепостной России, в 1835 г., МВТУ перед революцией

было известно как одно из лучших в России высших технических заведений этого типа, но количество слушателей в нем никогда не было значительным, колеблясь между 500 и 700 человек. После революции в него нахлынула молодежь. В 1921-1922 гг. количество слушателей поднялось до 6--8 тыс. и продолжало быстро расти. Во второй половине 1920-х гг. оно доходило до 12--15 тыс., и МВТУ стало главным поставщиком квалифицированной технической молодежи для строительства эпохи

первых пятилеток. Несколько позднее это училище было разукрупнено, и некоторые из его отделений были превращены в самостоятельные институты.

1920--1922 гг. и в МВТУ проходили весьма бурно. Ректор, избранный профессурой при участии представителей студенчества, профессор Ясинский, не был утвержден правительством, которое назначило своего кандидата. Это нарушало самые основы автономии, и профессора ответили забастовкой. Прежде политически пассивное студенчество МВТУ на этот раз поддержало профессоров. Общая сходка студентов прошла очень бурно, с речами о необходимости политических свобод, без которых невозможно развитие студенческой самостоятельности. В этом духе была принята резолюция¹⁸.

Успеха это движение не имело. Избранный ректор так и не был утвержден, и осенью 1922 г. он попал в число высланных за границу, а училище было поставлено под особо бдительный надзор органов диктатуры. Но среди студентов создалось довольно устойчивое большинство, оппозиционно настроенное к советской диктатуре, а так как училище было переполнено выходцами из рабочей среды, которые по окончании училища возвращались на свои заводы, то власть к их настроениям относилась

особенно нервно. Все курсовые организации были в руках независимого студенчества. В училище существовало много различных кружков, широко ходила оппозиционная литература, сообщения о жизни училища попадали в зарубежную печать.

Именно этим объясняется, почему Молотов и его отдел высшей школы в секретариате ЦК ВКП(б) с самого начала особое внимание уделили этому училищу и почему, несомненно, по инициативе этого секретариата правительственные репрессии раньше всего обрушились на студенчество именно МВТУ: уже осенью 1922 г., в самом начале учебного года, т. е. почти одновременно с высылкой за границу непокорных профессоров, ГПУ провело аресты почти всех деятелей академической секции МВТУ¹⁹. Только после этого студенты-коммунисты смогли захватить в свои руки курсовые организации МВТУ и приступить к подготовке чистки. Именно здесь раньше других были созданы "боевые дружины" для наблюдения за студенчеством. Именно здесь особенно широкое развитие получила система подкупов коммунистами отдельных студентов, причем подкупали не только стипендиями, но и местами в общежитиях, возможностью работать в лабораториях, правом "а льготное получение учебников, в которых тогда -была острая нужда и т. д.

Но все эти меры были только подготовкой к большому разгрому, который был проведен зимой 1923--1924 г.

Лето 1923 г. было особенно тяжелым для диктатуры. Рост цен дал толчок для развития забастовочного движения среди ра

бочих. Особенно широким оно было в Москве, где в этом движении принимали участие подпольные организации, как социалистические (группа социал-демократов "

плекхановцев", издававших постоянный журнал "Наша жизнь"), так и коммунистов-оппозиционеров (особенно "Рабочая группа", созданная Мясниковым, рабочим-большевиком, который в 1918 г. убил великого князя Михаила). Этот последний факт особенно встревожил коммунистов, и пленум ЦК ВКП(б), собравшийся в сентябре, уделил много внимания этому движению. Была назначена особая комиссия для расследования событий, но эта комиссия, во главе которой стоял Дзержинский, не столько выясняла причины движения, сколько искала виновников. В докладе именно этой комиссии впервые был поставлен вопрос о борьбе с коммунистическими оппозиционными мерами полицейского и партийно-полицейского террора, на всех членов партии возлагалась обязанность сообщать партийным органам обо всех оппозиционных группах и т. д.

Но поиски решения только в этом направлении удовлетворили далеко не всех, даже из лиц, занимавших посты на верхушке партийного аппарата, и 15 октября 1923 г в ЦК поступил меморандум за подписями 46 видных коммунистов во главе с Преображенским, Осинкиным, Серебряковым и др, которые причину стачек искали в бюрократизации партийного аппарата, в его отрыве от рабочих масс. Открылась дискуссия о необходимости "внутрипартийной демократии"...

Вскоре в борьбу вмешался Троцкий, который внес в спор новый элемент, пополнив вопрос о "внутрипартийной демократии" вопросом о необходимости омоложения руководящих кадров партии путем выдвижения на ответственные посты представителей молодых поколений. "Наша первая мысль, -- долбил тогда Троцкий, -- должна быть о молодежи, ибо она и есть будущее". Эти выступления Троцкого внесли особенную страстность в споры

Абстрактная формула "внутрипартийной демократии" теперь наполнилась вполне конкретным содержанием. Официальным курсом центральных органов партии тогда была ориентация на собирание "старых, испытанных кадров большевизма", на мобилизацию "подпольщиков" и т. д. Установление высокого стажа партийной работы в до-революционное время как обязательного условия для занятия руководящих постов в партийном аппарате не только ограничивало молодежь в правах, но и было легальным основанием для контроля центра за партийным аппаратом на местах. Опираясь именно на это условие, секретариат ЦК начал проводить практику "рекомендаций" из центра кандидатов на секретарские посты в местных организациях, практику, которая скоро выродилась в назначения. По всей стране велись поиски "старых большевиков", участников большевистской фракции в до-революционные годы, хотя бы они потом далеко

отходили от движения, и для них широко открывались партийные двери.

Выступления Троцкого били именно по этой практике. Как и следовало ожидать, его восторженно встречала молодежь, особенно в той ее части, где был высок интерес к политическим вопросам, и прежде всего студенческая коммунистическая молодежь. Публичные выступления Троцкого неизменно заканчивались демонстрациями в его пользу. Его встречали и провожали овациями, выносили на руках и т. д. При выборах на московскую конференцию в декабре 1923 -- январе 1924 г. коммунистическое студенчество проголосовало за Троцкого: по вузовским ячейкам Москвы он получил 6594 голосов, против 2790 голосов, поданных за ЦК

Но именно эти выступления Троцкого оттолкнули от него тех, кто, не поддерживая прямо оппозиции, искал компромиссного решения конфликта. Зиновьев, Каменев, Бухарин, Томский, которые уже тогда были далеко не в восторге от организационных приемов Сталина и потому во время переговоров с оппозицией осенью 1923 г. пытались искать путей к соглашению, теперь были отброшены в сторону сближения со Сталиным. В этом оказалась основная особенность Троцкого, который хорошо угадывал настроения безликой массы на митингах, но никогда не мог согласовать свои выступления с настроениями партийных штабов, никогда не умел пользоваться личными отношениями между лидерами. С этими своими особенностями Троцкий был способен взрывать организации, но не мог завоевывать их изнутри. А вся его ставка в борьбе 1923--1927 гг. была введена в рамки борьбы за завоевание партийного аппарата изнутри, ибо взрыв этого аппарата необходимо привел бы к взрыву диктатуры. Это делало неизбежным поражение Троцкого; и он действительно был разбит на первом же туре борьбы, в январе 1924 г.

Оппозиция имела успех только среди учащейся молодежи, которая составляла приблизительно одну четвертую часть всех членов ВКП(б) по Москве. В остальных частях партийной организации, в ячейках рабочих, служащих и военных, подавляющее большинство голосовало за ЦК против оппозиции, которая оказалась в меньшинстве на Московской областной конференции, а затем и на конференции общепартийной. Конечно, борьбу можно было продолжать и дальше, но в это время умер Ленин, смерть которого вызвала психологический срыв в настроениях широких кругов членов партии ЦК воспользовался этими настроениями, чтобы забрать в свои паруса тягу к

единству. Необходимость сплочения всех сил -- этот лозунг стал ударным, но под его прикрытием Сталин повел политику уничтожения оппозиции, ударяя в первую очередь по наиболее горячей молодежи²⁰.

Общая чистка студенчества в вузах началась еще с осени 1923 г. под сурдинку разговоров о "внутрипартийной демократии". Первое время чистили только беспартийную молодежь, и в проведении этой чистки активное участие принимали все коммунисты-- как сторонники Сталина, так и сторонники Троцкого. Проводилась она с беспощадной жестокостью: как сообщил позднее Луначарский, тогдашний нарком просвещения, из вузов вычищено было до 30 тыс. студентов²¹, т. е. не меньше 20--25 % их общего числа. Из вузов изгоняли главным образом за происхождение, причем под удары попадали в основном дети крестьян и интеллигенции. Чистка была насыщена трагическими эпизодами, многих арестовывали и высылали, было много случаев самоубийств. Основные списки для изгнания составлялись вузовскими коммунистическими ячейками. Всем руководили студенты-коммунисты, нередко из тех, кто в это же самое время аплодировал лозунгу Троцкого "дорогу молодежи".

Вполне естественно, что беспартийная студенческая масса была настроена резко против всех коммунистов, против "троцкистов", вероятно, даже более резко, чем против "сталинцев", так как красивые фразы, которыми козыряли "троцкисты", в этой обстановке не могли не казаться особенно лицемерными, издевательскими. И еще более естественно, что эта беспартийная студенческая масса даже злорадствовала, когда узнала, что острое чистки в дальнейшем будет направлено против членов самих коммунистических групп. От единого фрон-

та студенчества на почве защиты общих академических интересов, конечно, ничего не оставалось.

Официальной задачей чистки коммунистических организаций в вузах была поставлена "самоочистка партии от социально чуждых элементов"²², но в нее с самого начала был введен и элемент изгнания оппозиционеров. Чистку проводили особые комиссии, составленные общепартийными организациями соответствующих районов Москвы, т. е. тем самым партийным аппаратом, против "бюрократического перерождения" которого оппозиционеры поднимали голос.

Положение было настолько недвусмысленным, что даже тогда в коммунистической печати звучали ноты сомнения: не превратится ли чистка в расправу с оппозиционерами. Председатель ЦКК Сольц, возглавлявший чистку, счел нужным выступить с заявлением, решительно отвергая такую возможность²³ Но наличие этого элемента в чистке было несомненным. Вычищено было до 30 % и больше студентов-коммунистов, причем особенно высоким процент исключенных был там, где студенчество голосовало за Троцкого. Материалы для чистки были приглашены поставлять и беспартийные, т. е. те, кто только что перед тем сами были объектом жесточайшей чистки со стороны

людей, с которыми они теперь получали возможность свести счеты. Элементов мести за друзей и близких, которые от чистки пострадали, не могло не быть очень много.

ГЛАВА 4 Маленков

в МВТУ

Маленков, приехав в 1921 г. в Москву, поступил в МВТУ и окунулся в самую гущу этих событий. В чем состояла его личная роль в них? Из официальной биографии мы узнаем лишь, что он "по окончании гражданской войны учился в МВТУ, где одновременно выполнял работу секретаря общевузовской ячейки ВКП(б)"²⁴. Жил тогда Маленков в комнате своей жены, Валерии Алексеевны Голубцово-вой, тоже студентки МВТУ, которая в кругах молодежи была более заметной фигурой, чем Маленков. Она была старше его на 2--3 года, была более давним обитателем Москвы, где имела более широкие знакомства. Свое учение в МВТУ она совмещала с работой в секретариате ЦК ВКП(б), в отделе Молотова, для которого она составляла сводные обзоры о положении партийных организаций в провинции.

Именно эта работа в секретариате ЦК и дала ей возможность получить отдельную комнату в старой Лоскутной гостинице, на Тверской, которая в те годы была в распоряжении ЦК и именовалась вторым Домом Советов. Эта старая гостиница, в доме середины XIX в., с низкими потолками и скрипучими крашеными полами, в начале 1920-х гг. была чуть ли не главным центром, где ютились коммунистическая богема, партийные и околопартийные журналисты, студенты-"свердловцы" и кандидаты в "красные профессора", рядовые работники партийных организаций, изредка даже рабфаковцы с хорошими связями, кое-кто из "старых большевиков", которые не находили надлежащего приложения для своих талантов.

Голубцова в этой среде пользовалась большой популярностью: она была очень добрым, отзывчивым человеком, к ней многие обращались с разными просьбами и она многим действительно помогала. Больше в мелочах, но часто в житейских весьма важных мелочах. Позднее

она работала в женском отделе ЦК ВКП(б), была хорошо знакома и с Крупской, и с Аллилуевой-Сталиной. Стала директором Энергетического института имени Молотова в Москве и членом Московского совета, куда была избрана последний раз 22 февраля 1953 г. 25

Почти несомненно, что, вступая в партию, а затем поступая в МВТУ, Маленков сказал о себе не полную правду: окончивший первым Оренбургскую гимназию, лучший в классе математик, Маленков имел все права и возможности быть принятым в училище в качестве полноправного слушателя, без помощи рабфака, который был нужен "выдвиженцам" без среднего образования. Если Маленков все же предпочел идти по "линии рабфака, то сделать это он мог только из желания скрыть часть своего прошлого -- "кулацкое" происхождение.

Что ему сулило подобное сокрытие правды, Маленков знал не только теоретически: он сам принимал участие в проведении чистки беспартийных студентов по МВТУ, когда старательнее всего охотились за такими же как и он "кулацкими сынками" и "поповскими дочками". С коммунистом, который "обманул доверие партии" и, скрыв свое происхождение, "обманном образом прокрался в ее ряды", расправа бывала еще более решительной, еще более беспощадной. Легко понять, что именно должен был переживать в этих условиях Маленков.

Погибать Маленков, конечно, не хотел; и так как он уже достаточно хорошо знал закулисную механику партийного аппарата, то он понимал, что единственный путь для его спасения вел через получение поддержки этого аппарата: тех, кто становился ему полезным и нужным. Партийный аппарат в то время в подобных людях очень нуждался: под прикрытием фраз о необходимости сохра-

нения единства "монолитной ленинской партии", в самый разгар кампании по проведению "ленинского набора" новых членов партии, Сталин начинал свою первую чистку партийных рядов в Москве и Ленинграде от всевозможных оппозиционеров. В первую очередь чистка была направлена против учащейся молодежи: здесь больше всего было элементов, порожденных "взбаламученной стихией" революции, а Сталин, с революционной фразой на устах, своей первой задачей ставил взнуздать эту стихию.

Чистка проводилась по хорошо продуманному плану: в первую очередь "протищали" исполнительные органы студенческих организаций, удаляя из них не только открытых оппозиционеров, но и тех, кто был заражен "гнилым либерализмом", т. е., не будучи сам оппозиционером, признавал право на существование в рядах партии разномыслия по очередным вопросам программы и тактики. С особенной тщательностью "гнилые либералы" были изгнаны с секретарских постов, хотя бы этот "гнилой либерал" был человеком с большими заслугами перед партией в давнем и недавнем прошлом. На их места были посажены люди порою даже совершенно неизвестные, никаких заслуг не имеющие, но зато целиком находившиеся в руках центрального ап

парата -- Сталина и его ближайших соратников -- и готовые верой и правдой служить этому аппарату.

Вот в это время и было проведено раскассирование старого выборного бюро "общевузовской ячейки ВКП(б)" в МВТУ, и на место ее прежнего секретаря, шедшего с оппозиционерами, был посажен новый, выбранный центральным аппаратом. Им-то и оказался Маленков, которого снабдили исключительными полномочиями для

проведения чистки²⁶. В качестве именно такого назначенного секретаря "общевузовской ячейки ВКП(б)" по МВТУ Маленков подготовил и провел весеннюю чистку 1924 г. среди коммунистов этого училища. Точные цифровые данные о ней неизвестны, но известно, что в среднем по всем коммунистическим ячейкам всех вузов Москвы было исключено из партии от 25 до 30 % и что чистка в МВТУ отличалась особенной жестокостью. Правда, оппозиционные настроения из училища изгнать не удалось, и в 1927 г, в разгар последнего тура борьбы Сталина с Троцким, главный митинг оппозиционеров (под председательством Каменева при Троцком в качестве главного оратора) был устроен именно в МВТУ. Но бюро ячейки и тем более весь аппарат ее секретариата неизменно и прочно оставались в руках "твердых" сталинцев. Решающую роль во всей этой борьбе за МВТУ сыграл Маленков, который своей работой на посту секретаря "общевузовской ячейки ВКП(б)" доказал, что обладает многими из качеств, необходимых для организатора большого размаха

Дело было совсем не в том только, чтобы проявить предельную беспощадность в гонениях на оппозиционеров и на "социально чуждый элемент". Маленков эти таланты развернул в предельных размерах, но они были совсем не редкостью. Людей, готовых выполнять эту работу, диктатура и тогда имела в изобилии. Много более важными были другие черты, которые обнаружились у Маленкова. Прежде всего оказалось, что он обладает талантом хорошо разбираться во встречных и быстро находить среди них "нужных людей для нужного дела". В этом вообще одна из главных трудностей работы большого организатора. Никто, будь он хотя бы семи пядей во лбу, не сможет сам выполнить всю эту работу, которая

нужна для дела. Всегда бывают нужны помощники, которым было бы можно передать ту или иную часть работы. И от того, как хорошо подобраны эти помощники, зависит часто очень многое. И вот этот-то талант быстро определять способности людей и находить среди них надежных и способных помощников у Маленкова обнаружился в большом размере. Среди тогдашних ближайших Соратников Маленкова были Малышев, Первухин, Сабуров и другие. В середине 1920-х гг. они были сверстниками Маленкова и его ближайшими сотрудниками по чистке "общевузовской ячейки

ВКП(б)". Особенно близким был В. А. Малышев, позднее генерал-полковник, один из руководителей создания атомной и водородной бомб. Он был помощником Маленкова по секретарской работе в МВТУ, а затем, когда Маленков перешел на работу в секретариат ЦК, его преемником на этом секретарском посту.

Решения Двенадцатой конференции ВКП(б) от августа 1922г. о высылке за границу "несозвучных эпохе" писателей и профессоров были открытым объявлением войны тем группам демократической интеллигенции, которые, хотя и не принимали советскую диктатуру, но были готовы свою оппозицию ей ввести в легальные рамки советской конституции. Это были в высшей степени важные решения, так как они отвергали в принципе сотрудничество с элементами, ориентировавшимися на мирную и постепенную эволюцию советской власти.

Но эти решения оставляли открытым вопрос об отношениях диктатуры с технической интеллигенцией, а этот вопрос настойчивее других стучался в окна и двери советской действительности. Для диктатуры он был много сложнее и труднее вопроса об отношении к "беспоч-

венным" интеллигентам-идеологам. Последних было можно погрузить на пароходы и отправить за границу -- без нарушения нормального хода жизни страны. С интеллигенцией технической -инженерами, химиками, техниками, с профессорами точных наук и т. д. -- так расправиться было невозможно, так как на них держалась хозяйственная жизнь страны.

Своей коммунистической технической интеллигенции большевики не имели. Все коммунисты, обладавшие техническим и инженерным образованием, были мобилизованы большевиками с первых же дней прихода последних к власти и брошены на ответственную работу в промышленность. Для них были открыты все большие дороги. Их охотно выдвигали на посты директоров и руководителей крупнейших промышленных предприятий, на посты главителей трестов и главков, и тем не менее, по анкете, которая была проведена ЦК большевиков зимой 1922---1923 гг., из 1306 директоров фабрично-заводских предприятий, подчиненных Высшему совету народного хозяйства, коммунистов с высшим образованием было всего 16, а со средним--5527. И дело было совсем не в том, что коммунисты не хотели идти на такую работу, а в том, что коммунистов этой квалификации вообще не существовало в природе: пятью годами позднее, в конце 1927 г., после того, как было приложено много усилий к привлечению в партию инженеров и техников, в коммунистической партии насчитывалось всего 751 человек с высшим техническим образованием -- на почти 1, 2 миллиона членов и кандидатов28.

В этих условиях коммунистической диктатуре с первых же ее шагов приходилось строить руками некоммунистических инженеров и техников. Такие специалисты из некоммунистического лагеря заполняли весь аппа-

рат хозяйственной диктатуры, с его низов и до самых верхних этажей. С этим приходилось считаться и прислушиваться к мнениям этой технической интеллигенции, учитывать ее настроения при выработке своей хозяйственной политики.

На это диктатура сознательно шла и, поскольку речь была не об определении основных линий хозяйственной политики, а о приложении этих основных линий на практике, она даже поощряла привлечение верхних групп технической интеллигенции к обсуждению указанных вопросов. Для этого диктатура разрешила создание особого Делового клуба, членами которого состояли все крупные специалисты, работавшие в советских учреждениях, во главе с Пальчинским, фон Мекком и другими инженерами-предпринимателями из группы руководителей дореволюционного Общества фабрикантов и заводчиков. Этот клуб пользовался покровительством со стороны всех коммунистов-хозяйственников: не только Красина, Сокольникова и Богданова (тогда председателя Высшего совета народного хозяйства), но и самого Дзержинского, который тогда главные свои силы отдавал хозяйственной работе. Все эти коммунисты не только были обычными посетителями собраний Клуба, на которых его видные члены выступали с деловой критикой различных сторон хозяйственной политики диктатуры, но и сами выступали на таких собраниях с докладами на эти темы, стараясь проверять свои выводы под огнем деловой критики специалистов из лагеря классовых противников.

Все это делалось, правда, за закрытыми дверями, отчеты о докладах и прениях по ним в печать не попадали, и только хроникерские сообщения в "Экономической жизни" и в других хозяйственных органах регистрировали факты таких собраний. Скрывать информацию о внут-

ренной жизни Делового клуба приходилось тем тщательнее, что нападки за "соглашательство" со специалистами из лагеря недавних крупных деятелей действительно "воинствующего капитала" шли не только из рядов открыто оппозиционных групп вроде "Рабочей оппозиции", но и со стороны многих коммунистов, вообще не принадлежавших к оппозиции. Тем большее значение имела терпимость диктатуры к факту существования этого Делового клуба, игравшего роль суррогата политического объединения верхушки старой технической интеллигенции, пошедшей на работу в советские органы.

Но кроме этой верхушки в промышленности были заняты многие тысячи беспартийных инженеров, техников и других представителей технической интеллигенции, которые не бывали

Деловом клубе. Хозяйственный кризис 1923 г. и порожденные им политические споры вывели их из состояния политической инертности. В начале 1924 г. в Ленинграде состоялся съезд инженеров, созванный тогда еще существовавшим профсоюзом инженеров. На этом съезде, судя по докладу Зиновьева на Тринадцатом съезде, ВКП(б), наметились три различные группировки по вопросу об отношении к советской власти: первую Зиновьев характеризует как группу "честных сторонников советской власти, искренне желающих работать с нами" и не ставящих никаких условий, не говорящих ни о каких переменах в политике, вторую группу Зиновьев определяет как группу "желающих работать, но выдвигающих на первое место материальные интересы" и говоривших о необходимости повышения зарплаток технического персонала; наконец, третьей была группа инженеров, которые "ставили политические проблемы". Зиновьев, конечно, весьма приветствовал первую из этих групп, готов

был пойти навстречу желаниям второй, но решительно обрушивался "а третью, которую он определял как "авангард новой буржуазии" и как политическую основу "бабьего лета меньшевизма", усиление влияния которого среди студенчества Зиновьев в этой речи признавал (особенно среди студенчества, из которого выростала техническая интеллигенция).

Эта третья группа технической интеллигенции действительно представляла большую опасность для диктатуры, ибо она на первое место выдвигала вопрос о политических свободах и правах человека. Представитель этой группировки, выступавший на ленинградском съезде, признавал, что техническая интеллигенция не может "сговориться с коммунистами" и этим объяснял отсутствие подлинного пафоса в теперешней работе инженеров. В чем причина этого явления? -- ставил он вопрос и давал на него ответ:

"Коммунисты, как материалисты, считают необходимым и нужным дать людям в первую очередь предметы первой необходимости, а мы, интеллигенты, находим, что в первую очередь нужны права человека. Вот наша основная программа. В этом вся сила. Сейчас мы этих прав человека не имеем, и пока мы их не получим, мы будем инертны... Лозунг "Владыкой мира будет труд" -неправильный. Он связывает руки. Владыкой мира будет свободная мысль свободного человека -- вот лозунг, под которым мы можем работать. И для этого нам нужны права человека. И пока мы не имеем прав человека, наша работа всегда будет связана, всегда будет инертна"²⁹.

Так цитировал речь инженера Зиновьев. И процитировав ее, обрушился на оратора и на ту часть технической интеллигенции, которая с ним солидарна. Он призы-

вал партию пойти навстречу профессиональным требованиям инженеров, улучшить их мате

риальное положение, гарантировать от напрасных преследований, но ни в коем случае не идти на уступки политические: "таких прав они как своих ушей без зеркала в нашей республике никогда не увидят". Вместо этого он предложил направить все усилия для создания "красных спецов", коммунистической технической интеллигенции.

Этот последний лозунг в "общевузовской ячейке ВКП(б)" МВТУ упал на хорошо подготовленную почву. Задача подготовки "красных инженеров" здесь стала очередной.

ГЛАВА 5 Личный секретариат

Сталина

Деятельность Маленкова в МВТУ не могла не обратить на себя внимания Сталина, который из-за спины Молотова был подлинным руководителем операций по чистке вузов, особенно по чистке их от "троцкистов". И нет никакого сомнения в том, что подвиги Маленкова именно в этой области сыграли определяющую роль при решении вопроса о привлечении последнего на работу в аппарат секретариата ЦК коммунистической партии и в личный секретариат Сталина, который очень многое определял в закулисной механике всего "сталинского периода" советской диктатуры. Захватив власть в ноябре 1917 г., большевики не только не имели определенного плана действий; не только не знали, как именно они будут строить свою диктатуру в стране, но и вообще не продумали вопрос о том, какой именно принцип им следует положить в основу этого строительства. Рассуждения Ленина о том, что если до революции "130 тысяч помещиков" могли управлять страной, ведя политику враж-

дебную интересам народных масс, то тем легче будет удержать власть "240 тысячам большевиков", которые будут править в интересах народа, равно как и все остальные соображения, развитые Лениным в его брошюре "Удержат ли большевики власть?" (сентябрь 1917 г.), были демагогическими фразами, пригодными для митингов угарной осени 1917 г, но ни в какой мере не серьезной попыткой наметить основные линии поведения в случае победы. Фразу о том, что Советы являются открытой Лениным "новой формой диктатуры пролетариата" (или "пролетариата и крестьянства": эти варианты в редакции формулы зависели от состава аудитории), нередко повторяли и в те дни, но даже самые общие принципы построения этой формы диктатуры никому еще не были ясны. Сам Ленин в этом отношении не составлял исключения.

В частности, полностью неясным оставались и все вопросы, связанные с проблемой построения и ролью коммунистической партии, ее местом в общем аппарате диктатуры, ее отношений с официальным аппаратом советского государства, а именно эту группу вопросов история сделала стержневой проблемой всего большого процесса внутреннего развития советской диктатуры.

В первый период после захвата власти большевики из своих партийных организаций хлынули в Советы, заполняя различные их ответственные органы. Мало-мальски квалифицированных работников у них никогда не было в большом изобилии, а потому их партийные организации быстро обезлюдели, особенно, когда гражданская война отвлекла многих лучших партийных работников на фронт и в Красную армию. Никто точно не понимал, зачем, собственно, нужны особые партийные организации, когда рядом имеются официальные органы

советской диктатуры, не просто возглавляемые большевиками, но и вообще фактически только из них состоящие и обладающие "всей полнотой революционной власти на местах". Шел стихийный процесс слияния, политически руководящая роль неизменно оказывалась в руках организаций советских, а организации партийные, поскольку они сохранялись, превращались в органы вспомогательные.

В провинции, где сил у коммунистов было относительно меньше, положение партийных организаций было особенно плохим. Отмирание организаций было еще наименьшим злом. С точки зрения коммунистической, много худшим было положение, в некоторых из таких мест, где партийные организации продолжали существовать, противопоставляя себя органам советским. В таких случаях, как сообщили делегаты на Восьмом съезде партии (март 1919 г.), в них часто "набивалась всякая дрянь" (слова Осинского), которая не только "безобразничала и вела баши-бузукскую политику" (слова Ленина), но и предавалась "разгулу, взяточничеству, разбою" (слова Ногина), так что заезжавшие туда представители центра порою должны были жалеть, что в их распоряжении нет арестантских вагонов, чтобы отправлять в Москву целые партийные комитеты (слова Сосновского)³⁰.

Партия в тот период фактически не имела и организации центральной. На том же Восьмом съезде было установлено, что в течение всего 1918 г., с момента переселения правительства в Москву и до съезда Советов в декабре, не было ни одного собрания ЦК партии, и все решения за ЦК принимали вдвоем Ленин со Свердловым, из которых первый тогда был председателем Совнаркома, а второй -- председателем ВЦИК- Само собою разумеется, что все заявления такого центра партии полностью

поддерживали и покрывали политику советского правительства. Никакого намека на расхождение между политикой правительства и политикой партии и быть не могло.

Вся организационная работа партийного центра в тот период держалась на Свердлове, равно как на нем же держалось и центральное руководство строительством общего советского аппарата диктатуры. Он был, несомненно, талантливым организатором, с огромной энергией и инициативой, с умением разбираться в людях и ориентироваться в обстановке, но организатором старого типа, как он сложился в революционном подполье, и в практику революционных лет переносил дореволюционные навыки и приемы. Он не любил официальных протоколов, стенограмм и канцелярского делопроизводства. Со всеми мало-мальски крупными партийными (а следовательно и советскими) деятелями, когда они попадали в Москву, Свердлов старался встречаться лично, лично от них узнавая о положении на местах, лично давая им устные инструкции относительно дальнейшего. Многих из них он знал по дореволюционным временам, встречался с ними на работе в подполье, в тюрьмах, которых в его биографии было очень много, на этапах

Эти воспоминания не могли не вносить оттенка личной близости в деловые партийные разговоры, а феноменальная память позволяла ему держать их содержание в голове, лишь изредка делая ему одному понятные отметки в своей записной книжке. Память об этой записной книжке Свердлова сохранилась в летописях большевистской партии как память о документе, который лучше всего характеризует примитивно-патриархальные отношения

того "доброе старое время", когда столь многое строилось на базе личного энтузиазма и личного доверия.

Смерть Свердлова в марте 1919 г. стала датой конца того периода -свердловского периода -- внутрипартийных отношений. Новому секретарю ЦК, избранному на место Свердлова (им был Н. Н. Крестинский), пришлось не только ликвидировать многое из этих патриархальных отношений (у него не было тех обширных личных связей, которые так помогали Свердлову), но и уделить много внимания разработке нового устава партии, приспособленного к новой обстановке. В процессе работы над этим уставом и были намечены основы той новой концепции общей роли партии и ее отношений с советским аппаратом, которая, постепенно оформляясь, вскоре стала официальной концепцией партии.

В основу этой новой концепции было положено два принципа, взаимно друг друга дополнявших: первый устанавливал необходимость обособленного существования партийных организаций от организаций общесоветских и строго оформленного их функционирования сверху до самого низа, а второй требовал от всех коммунистов, работающих в советских правительственных органах, включая и самые высшие, полного подчинения решениям соответствующих партийных организаций.

"Во всех советских организациях, -- гласила специальная резолюция Восьмого съезда партии, -- абсолютно необходимо образование партийных фракций, строжайше подчиняющихся партийной дисциплине".

Устав партии, принятый Восьмой партийной конференцией (декабрь 1919 г.), закреплял и конкретизировал это решение:

"Фракции, независимо от их значения, целиком подчинены партии. По всем вопросам, по которым существует законное решение соответствующей партийной организации, фракции обязаны строго и неуклонно держаться этих решений. Комитет имеет право ввести в состав фракции и отозвать из нее любого члена, обязательно извещая фракцию о причинах подобной меры.

В вопросах своей внутренней жизни и текущей работы фракция автономна. В случае существенного разногласия между партийным комитетом и фракцией в каком-либо вопросе, входящем в ее компетенцию, комитет обязан вторично рассмотреть этот вопрос с представителями фракции и принять окончательно решение, подлежащее немедленному исполнению со стороны фракции.

На все важнейшие должности в том учреждении или организации, в которых работает фракция, кандидаты намечаются фракцией совместно с соответствующей партийной организацией.

Таким же порядком производится и перемещение с одной должности на другую"³¹.

Принцип примата партийной организации над всеми другими организациями и органами советского государства уже в этих решениях, принятых в 1919 г., нашел вполне отчетливое выражение. А его последовательное применение в жизни необходимо приводило к установлению диктатуры партийных коммунистических организаций над всем аппаратом советского государства. Именно в нем была основная причина антагонизма между коммунистами, которые вели ответственную работу во всевозможных советских, хозяйственных и иных органах советского правительства, с одной стороны, и коммунистами, которые занимали руководящие посты в аппарате пар-

тийном, с другой. Этот антагонизм стал основным антагонизмом, определившим основные линии процессов внутреннего развития коммунистической партии в СССР, процессов формирования правящего слоя в советском государстве вообще

Иметь правильное представление об этом основном антагонизме тем более важно, что именно его, этот антагонизм, Сталин взял за основу при выработке большой стратегии своей борьбы за власть, на базе именно его он вел эту свою борьбу в течение последующих десятилетий. Этот антагонизм впервые наметился уже в самые первые годы установления советской диктатуры, но особенно значительную роль начал играть в эпоху НЭПа. Де

ло было не только в том, что на посты ответственных руководителей советского хозяйства и вообще на посты, связанные с так называемой органической работой по линии правительственного аппарата, советская диктатура, как правило, с самого начала стремилась ставить людей, которые имели хотя бы минимальный опыт работы этого рода в дореволюционные годы и которые поэтому естественно имели склонность больше считаться с интересами дела как такового. Еще более важным было то обстоятельство, что, заняв соответствующий пост, каждый коммунист, если он был мало-мальски ответственным человеком, в самом процессе работы необходимо должен был воспитывать в себе эту склонность заботиться об интересах дела, думать о практических результатах своей работы. На этой базе выростала основная особенность коммунистов, занимавших ответственные посты в советском аппарате управления страной. Безразлично, было ли это управление промышленностью, сельским хозяйством, военным делом, административным аппаратом и т. д.: они все более критически, чем остальные комму-

нисты, относились ко всякого рода рискованным экспериментам, они все требовали более осторожного отношения ко всему, что обязывало к большим переменам в налаженном порядке ведения их дела.

Люди с подобной психологией, естественно, во внутрипартийных группировках не могли не занимать умеренных позиций. Именно в их среде складывались концепции постепенного ослабления диктатуры и соглашения с крестьянством как с основной социальной силой страны, даже концепции "спуска власти на тормозах к крестьянству". Именно из их среды шли требования в области внешней политики с пути коммунистических авантюр перейти на путь последовательной политики соглашения с демократиями Запада.

Совершенно иная психология складывалась у тех коммунистов, которые полностью сидели на работе в партийном аппарате. В самом процессе этой работы в них воспитывалось, и не могло не воспитываться, стремление во главу угла ставить интересы расширения и укрепления этого партийного аппарата, стремление все остальные проблемы подчинять задаче повышения роли этого аппарата в общей жизни страны. К органическому строительству жизни этот партийный аппарат никакого отношения не имел, никакой общественно-полезной функции в ней он вообще не выполнял, но претензии у него были огромными: он стремился диктовать свою волю всей стране, стремился занять в ней положение ничем и никем неограниченного, полновластного "хозяина".

Во главе его, в результате своего рода естественно-го отбора, подбирались коммунисты, совершенно иного типа, чем тип коммунистов, которые были характерны для первой указанной выше

группы: как правило, это были люди, которые в до-революционные годы не имели никакого отношения к органической жизни страны, а целиком были заняты работой по организации революционной борьбы против старого строя, "профессиональные революционеры" из партийных организаций, рабочие, порвавшие со своей профессией, иногда журналисты -- "газетчики", чаще "люди без определенных профессий", как их регистрировала старая статистика, и почти всегда люди без обширных знаний, но обычно с большими претензиями. Сами они были склонны счи-тать себя "идеологами", призванными стоять на страже "чистоты партийных принципов"; и диктатуры партийных организаций над аппаратом советского государства добивались именно для того, чтобы "последовательно" и "принципиально выдержанно" проводить эти "партийные принципы" в жизнь, совершенно не считаясь с обстановкой времени и места и не заботясь о последствиях, которые их действия принесут для страны. Именно поэтому они были сторонниками всевозможных экспериментов, часто самых рискованных, тех самых, которых так боялись коммунисты, занимавшие ответственные посты в аппарате государственном.

В партии все они группировались, конечно, на крайнем фланге, были противниками всякого ослабления диктатуры внутри страны, особенно против уступок крестьянству, и сторонниками продолжения политики всевозможных авантюр вовне. Конечно, не следует упрощать, вульгаризировать положение. Если в тенденции указанные группы резко противостояли друг другу как группы, самые основы подхода которых ко всем проблемам развития страны определялись их принципиально антагонистическим положением в самой структуре советского общества, то из этого ни в коем случае не следует

делать вывода, будто этот антагонизм уже тогда был осознан людьми, эти группы составлявшими, а тем более осознан ими всеми.

В первые годы НЭПа, о которых теперь идет речь, в те годы, когда Сталин начал свою карьеру генерального секретаря ЦК, значение этого антагонизма понимали только немногие. По-видимому, первым вопрос этот поставил Красин - в печати, накануне Двенадцатого партийного съезда, а затем на самом этом съезде, в апреле 1923 г., открыто напавший на "газетчиков", которые захватили в свои руки власть в партии, но продолжают к государственным проблемам подходить как "газетчики". На съезде он развернул целую программу, требуя, "чтобы в самом государственном и руководящем партийном аппарате и производственникам и хозяйственникам, конечно, партийным, была отведена по меньшей мере такая же доля влияния, как газетчикам, литераторам и чистым политикам"³². Успеха он не имел, и его партийная карьера именно с этого момента была фактически закончена. Внутрипартийная борьба обладает большими особенностями, и

для успеха в ней необходимо не только умение правильно видеть большие линии развития, но и способность угадывать, какая именно доля правды об этих линиях развития может быть усвоена теми кадрами партийных руководителей, которые имеют право участвовать в выработке партийной политики. В те годы эти кадры были совершенно не подготовлены к усвоению суровой правды. В спорах тех лет вся группа вопросов, связанных с проблемой перерождения партии в стране с однопартийной системой диктатуры, затрагивалась крайне редко и всегда лишь мимоходом. В нее явно боялись вдумываться как защитники официального партийного боль-

шинства, так и коммунисты-оппозиционеры всех оттенков. Причина в том, что перенесение спора в эту плоскость делало невозможным компромиссное решение спора, а субъективно все участники спора, почти без каких-либо исключений, именно к компромиссу и стремились: связанные воспоминаниями о недавнем прошлом, о борьбе, которую они так недавно вместе вели против общего врага, они жили надеждою на возможность найти общий язык и в новой обстановке.

Но весь спор вообще велся в условиях, предрешавших его исход: он велся перед аудиторией одних только членов партийных организаций. Страна в нем участия не принимала и принимать не могла. "Производственники и хозяйственники", как их называл Красин, не были объединены общим центром, не имели возможности сообща продумывать свои выводы: партия не допускала фракционных объединений и совещаний, не разрешала издания фракционных органов. А самое главное было в том, что они, обращаясь к аудитории членов партийных организаций, должны были призывать ее к ограничению ее же собственных прав. Их противники в создании фракционных центров не нуждались, так как и без того были объединены общей работой по обслуживанию партийного аппарата, и обращаясь к аудитории партийных организаций, они звали ее не к самоограничению, наоборот, ко все большему и большему расширению ее прав. Исход борьбы был предрешен -- поскольку она оставалась в рамках партийных организаций. Партийный аппарат не мог не быть за свое господство над аппаратом государственным. Срыв мог бы произойти только в том случае, если бы противники диктатуры партийного аппарата апеллировали к стране -- к непартийным массам. Но тогда пришел бы срыв не только диктатуры партийного ап-

парата, но и всей системы советской диктатуры вообще, чего боялись все коммунисты без различия оттенков.

На пост генерального секретаря ЦК Сталин был избран 3 апреля 1922 г. С первых же дней в его организационной политике проступают два основных элемента: стремление к консолидации партийного аппарата, с одной стороны, и стремление к повышению его удельного веса в общей жизни страны, с другой. То, что

все это было пронизано заботой об укреплении личного положения самого Сталина, прибавлять нет необходимости. В деле консолидации партийного аппарата Сталина интересовала не очистка его от тех партийных работников, которые, пользуясь своим положением, занимались "взятничеством, разбоем и безрассудными действиями". Мероприятия, которые были проведены за первый год пребывания Сталина на посту генерального секретаря, своей задачей ставили не преследование коммунистов, совершавших общеуголовные преступления, а, наоборот, изъятие такого рода коммунистов из общей подсудности, которая была установлена для всех граждан СССР. Как докладывал Шкирятов, представитель Центральной контрольной комиссии, на Двенадцатом съезде в апреле 1923 г., именно в этот период центральными учреждениями партии было заключено соглашение с ГПУ, а также с общегражданскими и военными трибуналами о том, что следствие о коммунистах, совершавших общеуголовные преступления, должны производиться не в общем порядке, не обычными следственными органами советского государства, а специальными партийными следователями, назначенными партийными организациями и действующими по партийным инструкциям. Закончив свое следствие, эти партийные следователи делали доклады партийным контрольным комиссиям и последние

решали, как поступить с членом партии, совершившим общеуголовное преступление.

Далеко не всегда результатом такого доклада было предание виновного суду. Уже в том самом докладе на Двенадцатом съезде, в апреле 1923 г. Шкирятов открыто признал, что именно в то время Центральная контрольная комиссия установила практику, согласно которой суду предавали отнюдь не всех коммунистов-преступников, виновность которых была установлена даже партийными следователями. Если, докладывал Шкирятов, "ознакомившись с судебным материалом, видели, что посадить товарища на скамью подсудимых не в интересах нашей партии, что за ним нет никакого материала, который позволил бы с точки зрения партийной предать его суду"³³, то центральные органы партии вступали в сношения с соответствующими судебными властями о прекращении этого дела. Так как во главе и ГПУ, и судебных органов стояли коммунисты и так как переговоры с ними вел Сталин, генеральный секретарь ЦК, или от его имени, то естественно, что отказа быть не могло. Изъятие коммунистов из общей подсудности было таким путем легализовано. В дальнейшем, до самой "ежовщины", только в исключительно редких случаях, когда это было "в интересах партии", члены коммунистической партии появлялись перед общим советским судом в роли подсудимых. Как правило, их дела решались партийными инстанциями. Судьбы членов коммунистической партии могли решать только органы партийного аппарата. Как в средневековом феодальном обществе:

судить дворянина могли только равные по происхождению, только дворяне.

В дальнейшем этот принцип был распространен и на ряд других сторон жизни. В результате коммунистическая партия превратилась в объединение людей, находившихся в стране на особо привилегированном правовом положении, резко отличном от положения остальных граждан. Коммунисты, состоявшие членами партии и имевшие членский билет, стали особым привилегированным сословием, отгороженным от остального советского общества не менее высокой стеной привилегий, чем были отгорожены от остального мира члены привилегированных сословий, например, в феодальном обществе.

Оборотной стороной этой системы, законченное развитие получившей при Сталине, был колоссальный рост зависимости отдельного коммуниста от партийного аппарата, управляющего всеми делами партийных организаций. Отдельный коммунист перестал быть свободным человеком, потерял право распоряжаться самим собою, своими силами, своим временем. Все коммунисты были "взяты на учет" партийными организациями и состояли в распоряжении последних, т. е. могли быть в любой момент "мобилизованы" и отправлены на ту работу, на какую сочтет нужным их отправить партийная организация, и туда, куда их отпра-вить она признает нужным -- независимо от того, хотят ли "мобилизуемые" принять это назначение. Привилегии "правлящему слою" коммунистов давались не даром. За них платили своей личной свободой.

Значение этой группы реформ Сталина совершенно ясно: он стремился превратить коммунистическую партию в монолитное целое, живущее обособленной от всего внешнего мира жизнью, полностью подчиненное партийному аппарату. Одновременно через создание в аппарате секретариата партии особого отдела, производяще-

го распределение партийных работников, Сталин добился консолидации этого отдела партии и превратил его в послушный инструмент своей политики.

В своем зародыше такой "особый отдел" существовал и раньше, до прихода Сталина на пост генерального секретаря. Этот отдел тогда назывался Учраспредом, т. е. Учетно-распределитель-ным отделом секретариата ЦК. Сталин был недоволен и правами этого Учраспреда, и практикой его работы, и еще зимой 1922-- --1923 г разработал план его реорганизации. Этот план не получил тогда одобрения со стороны большинства ЦК, руководимого Зиновьевым и Каменевым. Тем не менее Сталин на Двенадцатом съезде партии выступил с этим планом, апеллируя к провинциальным работникам. В своем докладе он доказывал необходимость реформы.

"До сего времени дело велось так, -- говорил Сталин, -- что дела Учраспреда ограничивались учетом и распределением товарищей по Укомам, Губкомам и Обкомам. Дальше этого Учраспред, попросту говоря, не совал носа".

Сталин считал необходимым покончить с этой практикой и "совать нос" много глубже. "Теперь, -- говорил он, -- когда работа ушла вглубь, когда мы держим курс на специализацию, когда необходимо каждого работника изучать по косточкам... Учраспред уже не может замыкаться в рамках Укомов и Губкомов... Ясно, что руководящая роль партии должна выразиться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты ставились люди, способные понять наши директивы, способные провести их в жизнь"³⁴.

Для этого Сталин предлагал реорганизовать все дело учета и распределения партийных сил, в огромной ме-

ре увеличив права центрального распределительного органа, т. е. в конечном итоге самого Сталина. Несмотря на то, что большинство ЦК, как уже сказано, было против этого предложения, оно было принято съездом. Провинциальные делегаты его поддержали, хотя предложение увеличивало права центра и во многих отношениях было для них невыгодно. Объяснения этой победы Сталина, важной еще и потому, что уже было известно о его конфликте с Лениным, следует искать в том, что свою борьбу за централизацию дела учета и распределения партийных сил Сталин вполне определенно связывал с борьбой за расширение прав партии в области контроля государственного и хозяйственного аппарата. Его резолюция предлагала обратить "специальное внимание на управление и расширение органов учета и распределения как на верхах, так и в низах, ибо эти органы приобретают теперь колоссальное и первостепенное значение, ибо это наиболее реальное средство держать в руках партии все нити хозяйства и советского аппарата"³⁵.

Зиновьев, Каменев и другие деятели центра уже тогда понимали, насколько опасно большое сосредоточение власти в руках Сталина и начинали свою борьбу (очень еще осторожную) против такого сосредоточения. Но провинциальные делегаты, в ущерб правам которых больше всего было направлено предложение Сталина, его поддержали, потому что это предложение закрепляло огромное расширение прав партийного аппарата как целого в его стремлении к диктатуре над аппаратом советским и хозяйственным.

Общее наступление партийного аппарата в этом последнем направлении Сталин развертывал с огромной настойчивостью и последовательностью. Он вел его по двум основным линиям. Прежде всего, по линии Учрас-

преда (вскоре после Двенадцатого съезда Учраспред был переименован в Орграспред -Организационно-распределительный отдел секретариата ЦК). Велась торопли-

вая работа по созданию коммунистических фракций во всех организациях и учреждениях, которые только существовали по стране, включая центры кооперативов, профсоюзов, хозяйственных организаций, наркоматов и т. д. Со всеми этими фракциями Орг-распред вступал в постоянные сношения, регистрировал их составы, регулярно получал отчеты об их заседаниях и т. д.; и повсюду находил людей, которые по соображениям чаще всего личной карьеры были готовы критиковать политику коммунистов, официально возглавлявших соответствующие организации или учреждения, как недостаточно "партийно выдержанную" и содержащую отступления от партийных решений и "партийных принципов". Всех таких критиков "партийный аппарат" Орграспреда брал на учет и протягивал к ним нити связи, создавая таким образом густую сеть своих агентов, информировавших центр обо всех зигзагах и колебаниях в работе советского и хозяйственного аппарата и помогавших Орграспреду находить слабые с его точки зрения звенья³⁶.

Так создавались и связывались в целое кадры коммунистов, получивших на языке того времени название "партийных активистов". По существу, если перевести на язык политических группировок, в этой форме проходил процесс формирования кадров фракции сторонников диктатуры партийного аппарата над аппаратом официального советского государства, но фракции совсем особого сорта: которая группировалась вокруг существовавшего партийного аппарата, на всех этапах развития защищала

интересы последнего и слепо подчинялась приказам, шедшим от возглавителей этого аппарата.

Второй линией этого партийного аппарата стала линия партийных контрольных комиссий, которые как раз в это время (1922--1923) по инициативе Сталина были полностью реорганизованы и объединены с наркоматом Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Двенадцатый съезд, принявший решение об этой реорганизации, дал реорганизованным КК огромные полномочия по линиям как партийной, так и советской. На них было возложено не только "обследование и изучение причин преступлений, беспхозяйственности руководителей и сотрудников государственных аппаратов, борьба с системой подкупов" и т. д.; не только "проверка по существу работы руководителей и сотрудников государственных и хозяйственных органов, содействие государству и партии в подборе личного руководящего состава" и т. д., но и разработка общего вопроса о "реорганизации государственного аппарата на новых началах". Во всей их деятельности съезд предложил комиссиям во главу угла ставить заботу об "обеспечении во всех отношениях партийной линии в деятельности всех советских органов"³⁷.

Облеченные огромными полномочиями, имевшие право входить во все детали деятельности всех советских организаций и органов, контрольные комиссии стали весьма важным фактором наступления партийного аппарата, особенно при условии тесной координации своей деятельности с деятельностью Орграспреда: кадры "партийных активистов", направляемые в русло работы контрольных комиссий, становились постоянной угрозой для коммунистов, возглавлявших органы советского аппарата. Доносы в эти комиссии стали своего рода школой, в которой верхи партийного аппарата "натаскивали активи-

стов" из партийных низов в деле травли противников. Личный состав руководителей этих контрольных комиссий с самого начала обеспечивал дружное сотрудничество с Орграспредом: особенно важную роль в этом отношении играл Шкирятов, заместитель председателя ЦКК, заведовавший ее секретариатом. Он был верным помощником Сталина с самых первых дней прихода последнего на пост генерального секретаря и до самой его смерти.

Центром, из которого Сталин вел это наступление партийного аппарата на аппарат советский, стал секретариат ЦК ВКП(б). Еще до прихода Сталина на пост генерального секретаря секретариат разросся в большую и многосложную машину. О временах Свердлова, когда ютились в 2--3 комнатах с несколькими служащими, все уже позабыли. На 1 марта 1922 г. в аппарате ЦК числилось 705 постоянных платных сотрудников. Жалобы на все возрастающий бюрократизм стали обычными. Внутренняя машина секретариата была, действительно, крайне громоздкой, функции были распределены недостаточно четко, никто не знал точно, что именно входит в его обязанности и как далеко идут его права. Попыток реорганизации с целью упорядочить работу аппарата делалось немало, но успеха они не имели: не было хозяина, который наложил бы свою руку на работу секретариата.

Таким "хозяином" себя показал Сталин. Он отнюдь не проводил сокращения аппарата. Число служащих при нем все время росло, в начале, правда, лишь медленно. После первого года его работы, к 1 марта 1923 г. их было 741, к 1 декабря 1925 г. -- 767. Но чистку состава этих служащих Сталин с самого начала повел жестокую. Конечно, с самого начала наметились определенные группы работников, прочно державшихся на своих местах, но для большинства смены производились по 2--4 раза в

год. Текучесть личного состава была огромная, за первый год его секретарства из аппарата секретариата было удалено 1498 человек, за полтора года между Тринадцатым и Четырнадцатым съездами (с апреля 1924 по ноябрь 1925 г.) -- 704 человека.

Подбором служащих в начале руководил сам Сталин. Всех мало-мальски значительных работников он вообще брал только после личного с ними знакомства. Часто сам лично отдавал распоря

жения об увольнении того или иного служащего, хотя за тем и не было никакой видимой провинности. Конечно, такие кары прежде всего обрушивались на лиц, заподозренных в симпатиях оппозиции. Но нередко жертвами бывали и люди, ни к какой оппозиции не причастные, никогда оппозиционерам не симпатизировавшие, а повинные разве лишь в некоторой независимости характера. Именно в это время сложился анекдот, имевший тогда большой успех как раз среди работников секретариата ЦК:

"В секретариате ЦК тревога: Сталин заперся в своем кабинете, никуда не выходит, никого не принимает, даже отдал приказ не соединять его ни с кем по телефону. Только ходит из углов угол и сосет трубку. Явно обдумывает большой государственный вопрос. Все притихли и ждут больших событий. Наконец, Сталин вызывает личного секретаря и отдает распоряжение: "Там, на втором этаже, в большой комнате направо, Петров, что сидит у третьего окна. Он что-то косо смотрит, когда я прохожу мимо. Не верю я ему, надо сменить"".

Подбор кадров в секретариат для Сталина был, действительно, большой проблемой, и притом подбор под специальным углом: не смотрит ли кто косо на него, Ста-

лина. Люди, смотревшие на него критически, не подходили для работы в секретариате. Параллельно с подбором кадров шло упорядочение работы секретариата, внесение стройности в его организацию. Уже в первый год секретарства Сталина была составлена схема организации аппарата секретариата, в которую позднее вносили немало частных изменений, особенно дополнений, но которая продержалась в течение всего периода борьбы Сталина за власть. Секретариат был разбит на 8 отделов, из которых каждый, в свою очередь, распадался на подотделы. Для каждого отдела, а позднее и подотдела,, были разработаны подробные инструкции, утвержденные самим Сталиным: они проводили точные грани между сферами компетенции различных отделов и подотделов, определяя задачи и методы их работы. Внутри каждого отдела был свой секретариат, который должен был постоянно быть в курсе всей работы отдела, во всех ее основных линиях. От этих секретариатов нити связи тянулись к центральному бюро всего секретариата в целом, которое таким путем, через секретариаты отделов, могло всегда быть в курсе всех деталей работы каждого отдела, могло контролировать ее, могло выправлять. Секретари отделов фактически были агентами центрального бюро для надзора за работой отделов. В жизни, правда, эта стройная схема нередко функционировала не без перебоев, но в работу секретариата была действительно введена много большая, чем прежде, стройность.

С самого начала наиболее важную роль в жизни всего секретариата стал играть отдел Организационно-распределительный (Орграспред), на который были возложены функции не только

учета и распределения партийных работников, но и поддержание связи с местными организациями, разра-

ботка для них руководящих инструкций, контроль за деятельностью партийных фракций в центральных советских учреждениях, изучение персонального состава коммунистов, работающих в различных наркоматах, профсоюзах, хозяйственных органах и пр, выдача и учет бланков партийных билетов и т. д. По примеру секретариата общепартийного ЦК, Орграспреды были созданы при ЦК национальных партий, при всех крайкомах и обкомах, которые, в свою очередь, производили своего рода составление инвентаря партийных сил. Их работа была согласована с работой центрального Орграспреда. Было установлено, кто именно имеет право распоряжаться работниками различных категорий.

Очень скоро на учет были взяты все мало-мальски квалифицированные партийные работники, и на каждого из них было составлено специальное досье, где были собраны всевозможные материалы о данном работнике как о члене партии, как о работнике той или иной специальности и как о человеке. Все эти досье хранились в архиве центрального Орграспреда. В архивах местных Орграспредов имелись досье только о низовых работниках, которыми одними они и могли распоряжаться. Все работники общепартийного или областного масштаба числились "состоящими на учете ЦК" и распоряжаться их судьбой мог только Орграспред секретариата ЦК. Но права этого последнего были фактически неограниченными, и он имел возможности любого наркома или полпреда отправить "на низовую работу", куда-нибудь в провинцию. Никакие протесты помочь не могли, т. к. свое решение Орграспред принимал, конечно, с ведома, а часто даже по инициативе Сталина.

Легко понять, что острие деятельности этого Орграспреда было направлено прежде всего против против-

ников той политики, которую защищал секретариат ЦК, против "оппозиционеров" всех оттенков, группами которых коммунистическая партия была переполнена в 1920-х гг. Все они -- как "левые" (троцкисты), так и "правые" (бухаринцы), представители "рабочей оппозиции", сторонники "демократического централизма" и т. д. -- попадали "на учет" Орграспреда и в их досье делались соответствующие отметки. Когда подходило время для расправы, было достаточно навести справки в картотеке.

Основной пружиной, которая приводила в движение эту сложную машину секретариата ЦК, было бюро этого секретариата, созданное еще в 1922--1923 г. по инициативе и плану Сталина. Во главе его стояли лица, выбранные самим Сталиным, лично ему подчиненные и только от него зависевшие. В этот термин -- "личный секретариат Сталина" -- в литературе вкладывается не всегда одно и то же содержание. Надо знать, что этот секретариат и

в жизни не всегда был одной и той же организацией, не всегда выполнял одни и те же функции. Поэтому когда речь идет об этом секретариате, необходимо точно определить, какой именно период и какую именно часть аппарата этого секретариата имеют в виду.

Свой личный секретариат Сталин начал создавать еще с 1918 г, когда он был наркомом по делам национальностей (наркомнацем). Этот секретариат Сталин перенес с собою в секретариат ЦК, когда стал генеральным секретарем последнего. Он постепенно его развертывал, доводя до максимальных размеров и по числу работников, и по роли, которую он играл в период подготовки "ежовщины" и во время ее проведения. Аппарат секретариата был сильно сокращен после Восемнадцатого партийного съезда (март 1939 г.) и в особенности в годы

войны, когда многие его части влились в аппарат официального секретариата ЦК или в аппарат Государственного комитета обороны. Этот аппарат начал снова разрастаться после войны, особенно с 1949--1950 г., когда на верхах диктатуры наметилась все более и более обострявшаяся борьба вокруг больших вопросов как внешней политики, так и политики внутренней (укрупнение колхозов и т. д.), борьба, которая продолжалась и после смерти Сталина.

Период, о котором теперь идет речь, период первого десятилетия пребывания Сталина на посту генерального секретаря, 1922-- -- 1932 гг., был периодом быстрого роста личного секретариата и формирования его основных кадров.

Функции личного секретариата тогда быстро разрастались. В них входило и ведение личной переписки Сталина, и обработка тех материалов, которые поступали к Сталину как к генеральному секретарю ЦК по всем вопросам, поднимавшимся до решения в Политбюро. Обе эти функции имели большое значение. Сталин с самого начала взял за правило, что каждое письмо, лично ему адресованное, должно быть рассмотрено секретариатом и что автор письма должен получить тот или иной ответ, под которым стояло бы имя Сталина. Ему это было нужно для создания популярности, а так как писем получалось много, и с годами все больше и больше, то отдел личного секретариата, занятый ответами на полученные письма, вырос в целое особое бюро.

Сталин стремился приходить в Политбюро уже ориентированным в существе хотя бы наиболее важных вопросов. Поэтому при личном секретариате был создан большой аппарат референтов по всем важнейшим вопро-

сам жизни государства и партии. В огромном большинстве это были молодые "красные профессора", специалисты в соответствующих областях, которые значительную эрудицию и умение работать сочетали с наличием большого карьеризма. Перед ними были раскрыты все двери соответствующих правительственных органов, к их услугам были лучшие специалисты, обязанные давать им все нужные справки и разъяснения,

а основной их задачей становилось выискивание слабых мест в политике и практике тех ведомств, вопросы о деятельности которых вставляли перед Политбюро. Для многих из таких референтов эта работа в личном секретариате стала трамплином для прыжка на более высокую ступень советской иерархической лестницы, но немало их поломали на этой лестнице свои же шеи.

Обе эти стороны работы личного секретариата Сталина занимали заметное место в общей жизни секретариата, но все же не они составляли то главное его содержание, которое делает невозможным понимание эпохи без понимания роли секретариата. Это главное содержание составляла та сторона его деятельности, которую правильнее всего будет определить, как роль закулисного рычага, с помощью которого Сталин не только приводил в движение весь аппарат секретариата ЦК, концентрируя его усилия на борьбе за диктатуру партийного аппарата над аппаратом советского правительства, но и стремился на всех этапах этой борьбы вводить в нее элементы борьбы за установление все более и более полной, тотальной диктатуры лично Сталина над самим партийным аппаратом.

Как он это делал всегда и во всем, Сталин имел в виду не только ту борьбу, которая тогда уже была сего-

дняшним этапом развития отношений внутри советской диктатуры, думал не только о тех противниках, которые тогда уже были его открытыми врагами. Свою работу он вел в двух плоскостях, и ведя непримиримую борьбу против своих открытых противников, в то же время готовился к борьбе против тех своих тогдашних союзников, которые, по его оценке, могли или должны были стать его противниками или врагами завтра, на следующем этапе развития диктатуры. Умения заглядывать вперед в этих вопросах у него было много, привычку носить камни за пазухой против своих сегодняшних союзников он воспитал в себе с давних пор.

Внутри партийного аппарата, который в 1920-х гг. выступал единым фронтом за диктатуру над аппаратом государственным, отнюдь не было полного единства, и далеко не все из сторонников этой диктатуры партийного аппарата были готовы идти на полное подчинение Сталину. Острая борьба в этой плоскости развернулась позднее, после того, как были разгромлены все "оппозиционные" группировки 1920-х гг., и диктатура партийного аппарата была закреплена. Этой датой нужно считать 1930 год. Но трещины внутри блока сторонников диктатуры партийного аппарата начали намечаться много раньше, и Сталин через свой личный секретариат заблаговременно готовил позиции для этого нового этапа борьбы, заблаговременно формировал кадры подходящих для него исполнителей.

Это формирование кадров было делом весьма нелегким; не только потому, что работа была исключительно ответственной, но

и потому, что методы, применявшиеся при ее ведении, часто были весьма рискованными и далеко выходи-

ли за рамки, установленные самыми гибкими правилами человеческого общежития. Чтобы стать пригодными для этой работы, особенно, чтобы стать пригодными для руководящих постов в ней, исполнители должны были обладать совсем особыми качествами, быть полностью свободными от стремления считаться даже с тем минимумом, который установлен десятью заповедями Моисея.

Сталин удачно справился с этой задачей. Люди, подобранные им на руководящие посты в его секретариате, оказались на уровне стоявших перед ними задач и выдержали с честью испытание временем на верность Сталину. Если не говорить о Маленкове, который большую роль в этом секретариате стал играть лишь значительно позднее, уже в 1930-х гг., основными фигурами личного секретариата Сталина были два человека -- И. П. Товстуха и А. Н. Поскребышев. Оба они настолько прочно связали свои биографии с деятельностью этого учреждения, что именно их еледует иметь в виду, когда речь заходит о личном секретариате Сталина в эпоху 1920-х гг.

Весьма характерно, что о них обоих в литературе имеется крайне мало сведений, о Поскребышеве даже меньше, чем о Товстухе, хотя роль Поскребышева была много более длительной (он исчез только в марте 1953 г., в момент смерти Сталина)*.

Иван Павлович Товстуха (1889--1935) был первым организатором и руководителем личного секретариата Сталина еще до занятия последним поста секретаря ЦК. Согласно официальным данным³⁸, Товстуха в качестве сотрудника Сталина начал работать с апреля 1918 г., когда он из московского штаба Красной гвардии перешел в наркомнац. Товстуха был с совещательным голосом на

Восьмом съезде коммунистической партии (март 1919 г.). Правда, наркомнац тогда был одним из самых захудалых наркоматов, куда никто не стремился на работу, но быстрота, с которой делал там свою карьеру Товстуха все же показывает, что он с самого начала пользовался большим доверием Сталина.

Этот вывод полностью подтверждается тем обстоятельством, что с декабря 1921 по апрель 1922 г. Товстуха, оставив работу в наркомнаце, целиком переходит на работу заведующего личным секретариатом Сталина. В этих условиях вполне естественно, что Сталин немедленно же по своем вступлении на пост секретаря ЦК, переводит Товстуху в аппарат секретариата ЦК и назначает своим помощником с официальным званием "помощника секретаря ЦК"; такого звания до Сталина в аппарате ЦК не существовало.

* В работе Д Волкогонова "Триумф и трагедия" указано, что Поскребышев был отстранен от работы у Сталина в ноябре 1952 г -- Прим. Ю Ф.

Товстуха был, по-видимому, первым, кому его дали, и это, естественно, укрепляло его положение. В качестве помощника секретаря ЦК Товстуха стал руководителем Бюро секретариата ЦК, которое, как сказано выше, было создано Сталиным для руководства работой всех отделов секретариата. Одновременно Сталин делает Товстуху сначала помощником заведующего (заведующим тогда был Шкирятов), а затем, с 1924 г., заведующим секретным отделом секретариата ЦК, на котором лежало расследование всякого рода обвинений и сообщений, поступавших в ЦК и касавшихся руководящих, деятелей партии и советского аппарата.

Этот секретный отдел был создан, когда еще не существовала ЦКК и предвосхищал ее функции в отношении наиболее крупных советских деятелей. После создания ЦКК секретный отдел секретариата должен был бы раствориться в аппарате ЦКК, но Сталин настоял на его сохранении, превратив этот секретный отдел в особо тайный надверховный орган надзора за партийными и советскими учреждениями и деятелями, который проверял материалы и затем решал, передавать ли их в ЦКК или нет.

Товстуха был фактическим создателем этого секретного отдела, положив начало составлению его секретного архива и картотеки, которая скоро стала страшным оружием в руках Сталина. Тесная близость со Шкирятовым, первым заведующим этого секретного отдела, который затем перешел в ЦКК и стал заведующим ее секретариатом и архивом, сильно облегчили Сталину эту задачу.

Делались огромные усилия, чтобы этот архив пополнять. Специальные уполномоченные производили обследование провинциальных и столичных архивов старых, дореволюционных полицейских учреждений, выискивая там материалы, которые могли компрометировать настоящих и будущих противников Сталина. Посылались целые экспедиции в далекие места сибирской ссылки. Еще более старательно собирались материалы о так называемом бытовом разложении советских сановников, из которых многие, дорвавшись до власти, проявляли большую тягу не только к житейским удобствам, но и к вещам много более предосудительным. Этого рода материалы в секретном архиве переплетались с материалами о политической благонадежности соответствующих лиц, об их связях с оппозиционерами, об их неосторожных разговорах и резких отзывах. Все это регистрировалось и бра-

лось на учет. Дело шло отнюдь не о том, чтобы сделать эти материалы достоянием гласности или довести их до сведения соответствующих партийных инстанций. Сталин собирал свой архив для того, чтобы угрозами разоблачений держать в своих руках скомпрометированных партийных деятелей и заставлять их во внутрипартийной борьбе занимать позиции, которые выгодны Сталину, отказываться от выступлений, которые были бы для Сталина опасны.

В просторечии такого рода приемы называются шантажом. Шантаж и был одним из наиболее излюбленных Сталиным приемов внутрипартийной борьбы, а задачей архива секретного отдела было собирание материалов для массового применения шантажа во внутрипартийной борьбе, для постановки дела этого шантажа на своего рода научной основе.

Дело это ставилось, конечно, как особо секретное. Наиболее "драгоценные" материалы не передавались даже в секретный архив секретного отдела секретариата ЦК, а хранились в особых сейфах личного секретариата Сталина. Но в партии о существовании этого секретного архива и о шантажистских приемах Сталина было известно в достаточной мере широко. Троцкий в своих статьях, написанных в связи с процессами 1936--1938 гг., рассказал, что слухи об этом архиве "через систему сообщающихся сосудов" доходили до него еще в Москве; он знал, что "все факты, порочащие советских сановников, собираются Сталиным с научной тщательностью и составляют особый архив, откуда извлекаются по частям, в меру политической надобности".

Сталин не раз прибегал к помощи этого архива, и с большим для себя успехом. Наиболее ярким, можно

сказать, классическим примером такого успеха была история с Калининым, председателем ЦИК Советов. Рассказ о ней имеется в статье Троцкого.

В одном из советских юмористических журналов в 1925 г. появилась карикатура, изображавшая главу советского государства в очень интимной обстановке. Сходство не оставляло места никаким сомнениям. К тому же в тексте, очень разнузданном по стилю, Калинин был назван инициалами "М. И. "

"Я не верил своим глазам, - -- вспоминает Троцкий. - - Что это такое? -спрашивал я некоторых близких ко мне людей, в том числе Серебрякова (расстрелян в 1937 г.).

-- Это Сталин дает последнее предупреждение Калинин.

-- Но по какому поводу?

-- Конечно, не потому, что оберегает его нравственность. Должно быть, Калинин в чем-то упирается"39.

Калинин действительно долго "упирался" и не хотел идти за Сталиным, которого он знал еще по Закавказью и к которому относился без большого доверия. Сравнительно широко стали тогда известными слова, которые Калинин бросил о Сталине в 1925-- 1926 гг.: "Сталин заведет нас всех в канаву!"

По своим настроениям Калинин принадлежал к числу наиболее "крестьянофильски" настроенных членов Политбюро и долго шел вместе с "правыми", возглавляемыми Бухариным, Рыковым и Томским, решительно возражая особенно против всяких антикрестьянских мероприятий. Но как раз в это время у Калинина обнаружилось

старческое влечение к молодым артисткам, о чем тогда в Москве тоже очень широко говорили. Передавали, что

агентам личного секретариата Сталина удалось достать какие-то очень неприятные для Калинина фотографии, и под угрозой опубликования их, а также репрессий против той артистки, с которой Калинин был связан, Сталин заставил Калинина отказаться от оппозиции.

В таком же положении, по-видимому, находился и Ворошилов. Во всяком случае в тех же статьях Троцкого имеется такое замечание: "В 1929 году, во время разрыва с правыми членами Политбюро -- Бухариным, Рыковым и Томским -Сталину удалось-удержать на своей стороне Калинина и Ворошилова только угрозой порочащих разоблачений"⁴⁰.

Калинин и Ворошилов были наиболее крупными из партийных лидеров, которых Сталин ставил на колени с помощью своего секретного архива. Но они были далеко не единственными. Лучших доказательств полезности для Сталина этого метода борьбы нельзя было и придумать. Положение Товстухи, создателя и первого-руководителя этого архива, быстро росло. От работы по руководству Бюро официального секретариата ЦК он быстро отошел, едва ли не в 1922--1923 г., передав эту работу Поскребышеву, который начал как раз тогда быстро выдвигаться и все силы сосредоточил на работе, связанной с секретным архивом, и на больших интригах, которые в этой связи плелись Сталиным (советником к экспертом при котором стал Товстуха)⁴¹.

Этому совершенно не противоречит тот факт, что Товстуха в это время начинает играть все более и более значительную роль в "научной" деятельности коммунистической партии, заняв пост помощника директора Ин-

ститута Ленина. Эта "научная" работа Товстухи по существу была ничем иным, как внедрением шантажистских методов работы секретного сталинского архива в работу Института Ленина. Институт после смерти Ленина стал важнейшим центром собирания материалов по истории коммунистической партии и революции. Особыми декретами все граждане СССР и в особенности все члены коммунистической партии были обязаны сдать в этот Институт подлинники всех документов, исходивших от Ленина или имевших отношение к его деятельности. Только Институт должен был хранить эти документы, и он же решал вопросы, какие из них следует публиковать. Такие документы тогда имели не только историческое, но и огромное актуально политическое значение: мертвый Ленин был канонизирован, и цитаты из его статей и писем играли роль не подлежащих оспариванию аргументов. Отзывы Ленина о партийных работниках создавали или губили репутации. Но от Ленина осталось много ненапечатанных рукописей и заметок, тысячи писем к разным лицам Среди них было много весьма неблагоприятных для Сталина, отношение к которому Ленина за последний год жизни определилось как резко

отрицательное. Ряд таких документов, о существовании которых точно известно, был погребен в этом архиве.

Институт в этих условиях становился центром огромного политического значения. Товстуха, назначенный туда в ноябре 1924 г. заместителем директора, играл в жизни Института роль "ока Сталина". Он стал заведующим архивом Института, и в его руках сосредотачивались все вновь поступающие документы. Он первым знакомился с их содержанием, что давало ему возможность накладывать руку на материалы, публикация которых с точки

зрения Сталина, была нежелательной. Ряд таковых вообще исчез. Наоборот, те из документов, которые по содержанию были неблагоприятными для противников Сталина, публиковались в ближайшую очередь, если только задержание их публикации не казалось полезным в целях политического шантажа.

В этой области Товстуха чувствовал себя, как щука в воде. Человек с плохим здоровьем, озлобленный и мстительный, весьма тщеславный и с большими претензиями, но с весьма скромными талантами, Товстуха, казалось, самой судьбой был создан для той работы, которую на него возложил Сталин. Замкнутый и малообщительный, избегавший новых знакомств, он с недоверием присматривался ко всем встречным, выискивая в них слабые стороны. Здоровые, жизнерадостные люди его раздражали, казалось, уже потому, что были здоровыми и жизнерадостными.

Про вторую из основных фигур личного секретариата Сталина, про Александра Николаевича Поскребышева, в литературе имеется еще меньше данных, чем про Товстуху. Даже его внешность люди, с ним лично встречавшиеся, рисуют по-разному. Сама возможность таких расхождений в конечном итоге объясняется той настойчивостью, с которой Поскребышев до конца своей жизни держался в тени, предпочитая звание личного секретаря Сталина всем другим положениям, занять которые ему было не трудно.

Биография Поскребышева за ранние годы его жизни, до момента его появления в секретариате ЦК, совершенно неизвестна, хотя он и состоял в ЦК партии с 1934 г., был депутатом Верховного Совета трех первых созывов (1937, 1946 и 1950 гг.), состоял в Московском совете

и т. д. Он родился в 1891 г., в большевистскую партию вступил в 1917 г., уже после революции. Окончил институт Красной профессуры в Москве и, по-видимому, имел какое-то к нему отношение позднее. В протоколах съездов ВКП(б), начиная с Двенадцатого съезда, его имя неизменно стоит в списке делегатов с совещательным голосом, допущенных на съезд в качестве ответственных работников секретариата ЦК. Тот факт, что в Верховный Совет его избирали неизменно от Белебеевского округа Башкирской республики, куда он каждый раз совершал поездки для отчета избирателям, выступая обычно перед собранием рабочих Белебеевского машиностроительного завода⁴², по-види

мому, следует рассматривать как доказательство какой-то его связанности с этим краем: его кандидатура, несомненно, принадлежала к числу центральных, "разверстка" которых производилась секретариатом ЦК (через Центральную избирательную комиссию). А в этих случаях центр, как правило, считался со связанностью данного кандидата с соответствующим округом -- или по происхождению, или по своей прежней партийной работе. Но обязательным это правило не было.

Когда именно Поскребышев начал работать в этом секретариате и кто именно его рекомендовал Сталину, точно неизвестно. Имеются указания, что первым на него внимание обратил Каганович, но точность этого указания не внушает большого доверия. Неправдоподобного в нем ничего нет, так как в начале 1920-х гг. Каганович работал в аппарате секретариата ЦК, много разъезжал по стране, представляя ЦК на различных краевых и областных партийных конференциях и съездах. Он действительно выделялся умением помечать способных людей, подходящих по настроениям к тому типу, который позднее

составил костяк сталинского "аппарата". Целый ряд провинциальных работников, выдвинутых позднее на партийные верхи, были "крестниками" Кагановича.

Вскоре после занятия Сталиным поста генерального секретаря Поскребышев уже работал в секретариате ЦК и скоро обратил на себя внимание Сталина, который к началу 1923 г. сделал его заведующим управлением делами секретариата. В таком качестве Поскребышев фигурирует в списке совещательных голосов на Двенадцатом съезде, а затем одним из двух (вместе с Тов-стухой) руководителей того Бюро секретариата, которое было создано Сталиным для координации деятельности разных отделов секретариата, как указано про Поскребышева в протоколах Тринадцатого съезда (май 1924 г.).

Товстуха около этого времени переходит целиком на работу в секретный отдел и в Институт Ленина, после чего вся организационная работа и по официальному секретариату ЦК, и по личному секретариату Сталина ложится на плечи Поскребышева. Публично он почти никогда не появлялся; в печати его имя, если и упоминалось, то очень и очень редко. Но закулисная его роль уже с середины 1920-х гг. становится огромной. Конечно, он все время работает под непосредственным руководством самого Сталина, по линиям, направление которых намечается последним. Но успех зависел не только от выбора общей линии партии, но и от ловкости, с которой эта линия прилагалась к практике. А это во многом зависело уже от самого Поскребышева. Он был действительным организатором-практиком, руками которого был построен сталинский партийный аппарат и который руководил практикой борьбы этого аппарата против всевозможных оппозиционных групп, с од

ной стороны, и против руководимого коммунистами же правительственного аппарата, с другой.

Положение сталинской группировки тогда было особенно трудным. Против нее было, несомненно, огромное большинство не только в стране, но и в партии, даже в кругах официальных руководителей партийных организаций. Она держалась исключительно ловкостью маневра и умением разъединять противников. Борьба шла не на жизнь, а на смерть, и в борьбе дозволенными считались все средства. Поскребышев оказался нужным человеком для этого метода борьбы.

ГЛАВА 6 СТАЛИН

в борьбе за власть

Кристаллизация аппарата правящей партии в сложную машину управления тоталитарным государством и одновременное перерождение руководящих кадров этого аппарата в особый правящий слой вновь складывающегося советского общества проходили на фоне и в формах обостренной борьбы внутри партии за основные линии ее политики. По своему существу, это были лишь разные стороны одного и того же большого процесса построения нового советского общества на базе новой, государственной экономики и поисков политики, которая соответствовала бы потребностям этой новой экономики и интересам этого нового правящего слоя.

Годами, определившими исход этой борьбы на ее первом решающем этапе, были годы болезни Ленина, 1922--1923 гг., когда он только изредка мог лично вмешиваться в работу центральных органов партии и правительства, и 1924--1925 гг., когда определялся первый итог борьбы за "ленинское наследство". Эти годы были, несомненно, самыми трудными годами на пути Сталина к

единодержавию. Кризис большой политики диктатуры тогда сложно переплетался с острым кризисом в личных отношениях между ее возглавителями. И на вершухе этой диктатуры ускоренными темпами проходили запутанные перегруппировки, причем процессы формирования новых идеологических концепций, создаваемых для обслуживания потребностей правящей партии, осуществляющей тоталитарную диктатуру небольшого меньшинства над многомиллионной страной, засорялись воспоминаниями о старых спорах, возникших в те стародавние времена, когда эта партия была еще небольшой эмигрантской группой.

Сталин прошел эти годы под постоянной угрозой срыва, все время балансируя, как на лезвии ножа. Никогда он не был так

близок к полному крушению всех своих планов, как в это время. Казалось, против него ополчилось все -- и личные отношения, и большая политика, и международная обстановка. Он стоял почти полностью изолированным среди возглавителей собственной партии. В основе он победил, конечно, потому, что твердо взял курс на партийный аппарат как основную опору тоталитарной диктатуры партии над страной и диктатуры своей личной над партией. Теперь, с исторической перспективы, ясно, что советская диктатура в России могла удержаться только на этой базе и что попытка строить ее на любой иной социально-политической опоре уже давно привела бы ее к катастрофическому срыву. Он победил как вождь этого партийного аппарата. Но огромную роль в этой его победе сыграли и его личные качества: исключительная гибкость, искусство сложной закулисной интриги, да еще та особенность его натуры, которую Ленин, по рассказу Крупской, определил, как полное отсутствие самой "эле-

ментарнейшей человеческой честности" и в политических и в личных отношениях⁴³.

Не поняв основных линий политической и личной борьбы этого критического периода, нельзя понять смысл всех дальнейших этапов процесса внутреннего развития диктатуры. Поставив задачей установление своей личной диктатуры над партией, которая диктаторски правит страной, Сталин был неразборчив в выборе средств борьбы с противниками. Содержание большой политики в тот период, когда он шел к власти, его интересовало сравнительно мало. В этих вопросах Сталин мог быть весьма гибким, даже уступчивым, пока дело не касалось того пункта, который был для него в то время единственно важным: вопроса о власти -- о власти партии над страной и о его личной власти над партией. С того момента, когда в порядке дня появлялся какой бы то ни было вопрос этой группы, уступчивость Сталина исчезала, а инициатор постановки вопроса превращался в злейшего врага Сталина. Он мог в вопросах политических оставаться полным единомышленником Сталина; это дела не меняло: он попадал в группу непримиримых врагов последнего.

Его отношения к коллегам по работе Ленин в последний период своей жизни, в период когда он ближе присмотрелся к Сталину, определил двумя замечаниями, которые друг друга дополняли: "этот повар готовит только острые кушанья". А в тех случаях, когда соотношение сил начинало делать опасными эти его кулинарные эксперименты, Сталин, говоря словами того же Ленина, прибегал к обходному маневру: "заключит гнилой компромисс и обманет"⁴⁴. Значение этого компромисса в том и состояло, что оно создавало возможность под его прикрытием за спиной партнеров продолжать втайне работу

по подготовке "острых кушаний". Именно поэтому Сталин, когда он был недостаточно силен для уничтожения противника, так охотно заключал компро

миссы: они давали ему возможность выиграть время для укрепления своих позиций, связывая руки его противникам, которые к ним подходили, как честные люди, с намерением их выполнять. "Гнилыми" эти компромиссы бывали только для Сталина, давая ему возможность спокойно набирать силы для нанесения своего предательского удара.

С теми, кто начинал понимать предательскую основу его характера и пытался вести против него борьбу, Сталин был беспощаден. Обид он не забывал и не прощал. Умел терпеливо выжидать, откладывая сведение счетов до благоприятного момента. Тем более жестокой была месть, когда такой благоприятный случай приходил. Борис Бажанов, который в течение как раз этих критических лет работал в секретариате Сталина и имел возможность наблюдать его вблизи, дал очень правильную оценку его характера:

"Основные черты характера Сталина -- во-первых, скрытность, во-вторых, хитрость, в-третьих, мстительность. Никогда и ни с кем Сталин не делится своими сокровенными планами. Очень редко делится он мыслями и впечатлениями с окружающими. Много молчит. Вообще без необходимости не разговаривает. Очень хитер, во всем задние мысли, и когда говорит, никогда не говорит искренне. Обид не прощает никогда, будет помнить десять лет и в конце концов разделается"⁴⁵.

Мстительность вообще играла огромную роль в жизни Сталина. Был случай, "когда он сам это признал. До нас этот эпизод дошел в передаче Троцкого, которому о

нем рассказал Каменев двумя-тремя годами позднее, когда он из ближайшего союзника Сталина превратился в его врага.

"В 1924 году, летним вечером, -- пишет Троцкий, -- Сталин, Дзержинский и Каменев сидели за бутылкой вина (не знаю, -- прибавляет Троцкий, -- была ли это первая бутылка), болтая о разных пустяках, пока не коснулись вопроса о том, что каждый из них больше всего любит в жизни. Не помню, что сказали Дзержинский и Каменев, от которого я знаю эту историю. Сталин же сказал:

-- Самое сладкое в жизни, это -- наметить жертву, хорошо подготовить удар, а потом пойти спать"⁴⁶.

Зная обстановку лета 1924 г. и события, участниками которых были эти три собеседника, нетрудно понять, о чем именно шла речь в разговоре, который Сталин закончил столь высокой нотой.

Вскоре после смерти Ленина его вдова Н. К. Крупская переслала в Политбюро пакет с теми из оставшихся после него рукописями, которые имели актуальный политический интерес. Среди них было завещание Ленина с замечаниями относительно ряда руководящих работников партии, но с одним единственным конкретным практическим выводом: Ленин настаивал на снятии Ста

лина с поста генерального секретаря ЦК партии, так как он, как в этом убедился Ленин, является человеком, не лояльным в отношении окружающих и способным злоупотреблять необъятной властью, которую ему дает положение генерального секретаря⁴⁷. Крупская официально просила огласить это завещание на партийном съезде, для которого оно и было предназначено Лениным, но в Политбюро большинство высказалось против оглашения на съезде и вообще против предания его ши-

рокой огласке, считая, что такая огласка может внести расстройство в работу центральных учреждений партии, что как раз тогда, в обстановке, создавшейся после смерти Ленина, казалось опасным. В этом, конечно, была доля правды, но Ленин потому и писал свое завещание, что признавал необходимым в интересах партии, как он их понимал, внести расстройство в работу того центрального аппарата партии, который создавал Сталин и который Ленину казался опасным для нормального развития партии.

Вокруг вопроса об опубликовании завещания началась глухая закулисная борьба. На съезде, который собрался в конце мая, завещание оглашено не было. С ним ознакомили только членов президиума⁴⁸. Но утаить завещание от членов новоизбранного ЦК оказалось невозможным, и на первом же его заседании, 2 июня 1924 г, это завещание было оглашено. Об этом заседании имеется подробный рассказ в воспоминаниях Бориса Баженова, который секретарствовал на собрании.

Текст письма-завещания прочитал Каменев. "Наступило тягостное молчание, -- пишет Бажанов, -- Сталин чувствовал себя маленьким и жалким. Он подошел к трибуне президиума и сел на ступеньках у моих ног (я сидел на правом крыле возвышения для президиума, это заседание проходило в зале заседаний ВЦИК). Я взглянул внимательно на его лицо; несмотря на всю сталинскую выдержку, на лице у него было ясно написано, что разыгрывается ставка его жизни".

Первым выступил Зиновьев, который защищал Сталина. "Голосом старой бабы" он уверял собрание, что "посмертная воля Ильича", конечно, должна быть законом, но в данном случае, "как мы рады констатировать",

"опасения Ильича" относительно "нашего генерального секретаря" "не оправдались", работа внутри ЦК ведется вполне дружески и т. д. Его поддерживал Каменев, также уговаривавший ЦК не выполнять завещания Ленина.

"Пленум молчал, -- продолжает Бажанов. -- Троцкий не проронил ни звука, хотя и старался изображать максимально возможное презрение выражением лица, жестами, самым молчанием, всем, чем мог".

Это поведение Троцкого было продиктовано, по-видимому, чувством брезгливости, с которым он вообще относился к личной борьбе на верхушке диктатуры; и он проводил эту тактику с боль

шой последовательностью, тем самым фактически отказываясь от вмешательства в борьбу против Сталина как раз в те решающие моменты, когда его слово могло повлиять на растерянное большинство ЦК. Именно это поведение Троцкого спасло тогда Сталина. Но достаточно хотя бы немного знать натуру последнего, чтобы понять, что именно этого молчаливого презрения Сталин никогда Троцкому не простил, никогда о нем не забывал.

Несомненно, что именно Троцкого имел в виду Сталин и в тот летний вечер, когда в беседе с Каменевым и Дзержинским он, всегда крайне сдержанный и замкнутый, бросил откровенную фразу о "сладкой мести", которая позволяет и нам заглянуть глубоко в тайники его сокровенных настроений. Большое впечатление она произвела и на тогдашних собеседников Сталина, особенно на Каменева.

Последний был давно знаком со Сталиным, еще из Тифлиса с его кружками начала 1900-х гг.; встречался с ним и позднее, на подпольной работе и за границей, а в годы первой мировой войны, в Енисейской ссылке, нема-

ло времени потратил на беседы с ним, знакомя с историей и жизнью Запада. В Каменеве было много черт старого русского интеллигента. Он был широко начитанным человеком, с хорошей памятью, с талантами занимательного рассказчика, и очень любил коротать долгие сибирские вечера за самоваром, перед небольшой аудиторией внимательных слушателей. Сталин принадлежал к числу последних. Сам он читать не любил. Серьезная книга, казалось, утомляла его уже своей толщиной. Но в живой рассказ вслушиваться он всегда умел, слегка посасывая при этом свою неизменную трубку и лишь изредка вставляя замечания, показывавшие рассказчику, что его слова падают на благодарную почву. Этим путем Сталин вообще многому и от многих учился, особенно в позднейшие годы, свою индивидуальность проявляя главным образом в умении отсеивать полезные для него пшеничные зерна от ненужных плевел.

В ту зиму, когда Сталин бывал частым гостем у Каменева (это была последняя зима старой, дореволюционной России), они оба жили в Ачинске, небольшом уездном городке Енисейской области. Каменев тогда работал над Макиавелли, собирался писать о нем книгу и изучал позднее итальянское средневековье. Казалось неожиданным, что Сталина сильно заинтересовали эти рассказы Каменева. В местной библиотечке нашелся старый томик с русским переводом "Государя". Сам Каменев работал над подлинниками, и в исключение из своего правила Сталин усидчиво штудировал книгу, обращаясь к Каменеву за все новыми и новыми политическими комментариями и историческими справками.

Все это давало Каменеву основание думать, что он хорошо знает Сталина и имеет право смотреть на него

немного сверху вниз, почти как на ученика, тем более, что и Сталин порою охот

но разыгрывал эту роль: пока и когда ему это было выгодным. Ленин говорил о Каменеве, что он обладает умением ставить интересные вопросы, но добавлял, что умением находить ответы на такие вопросы он отнюдь не блещет. Совсем не было у Каменева и умения разбираться в людях. Тем сильнее должна была его поразить фраза Сталина о сладкой мести, от которой, действительно, должно было пахнуть на собеседников крепким ароматом азиатского средневековья.

Русскому интеллигенту типа Каменева, даже если он вырос в Закавказье, это средневековье представлялось ушедшим в давнее прошлое: интеллигентные слои многонационального Закавказского общества, в которых вращались Каменевы, сами прошли в основе тот же путь европеизации, что и интеллигенты русские, а потому мало чем отличались от последних. Сталин не принадлежал к этому слою. Наполовину грузин, наполовину осетин по своему происхождению, он вышел из самых низов этого многонационального общества и продолжал сохранять связь именно с этими низами, а туда процесс европеизации почти не проник. Там держались свои нравы и обычаи, царили свои законы, которые еще тысячами нитей были связаны с далеким прошлым и в которых элементы примитивной романтики дружно уживались с традициями полуабречества, полубандитизма. Для этого мира азиатское средневековье было совсем не далеким прошлым, а полнокровным настоящим.

Именно из этого мира, насыщенного элементами азиатского средневековья, и вышел Сталин, отличительную особенность которого, как видного деятеля больше-

вистского подполья в дореволюционном Закавказье, правильнее всего будет определить как попытку в практику революционных организаций привнести традиции и навыки, характерные для пережитков этого азиатского средневековья. Об этих особенностях дореволюционной деятельности Сталина в кругах старых деятелей большевистской партии знали много больше, чем зарегистрировано биографами Сталина, и именно из этих кругов шли самые убийственные для Сталина рассказы.

Дело шло совсем не об организации экспроприации казенных денег на пароходе "Николай I" в Баку, на Эриванской площади в Тифлисе и т. д. Правда, именно за эти последние деяния Сталин был в свое время исключен из социал-демократической партии особым партийным судом, который был создан Закавказским комитетом партии, но в этом комитете сидели меньшевики (формально партия тогда была еще едина и в нее входили как меньшевики, так и большевики), которые совсем иначе, чем большевики, смотрели на вопрос о допустимости экспроприации правительственных денег. Что же касается большевиков, то их тайный фракционный центр, состоявший тогда из Ленина, Красина,

Богданова-Малиновского и др., экспроприаторские похождения Сталина одобрил и часть сумм, таким путем добытых, получил в свою центральную кассу. В вину Сталину старыми деятелями большевистских организаций тогда ставились совсем другие его деяния, а именно организация шантажных вымогательств у бакинских нефтепромышленников, убийства партийных работников, которые этой деятельностью возмущались, доносы царской полиции на своих противников по большевистской организации и многое другое⁴⁹.

Особенно широкое развитие эти стороны "деятельности" Сталина получили в период 1907--1909 гг. в Баку. Центр тогда совсем еще молодой нефтяной промышленности, Бакинский район в начале XX в. переживал горячку "эпохи первоначального накопления". Чуть ли не каждую неделю то здесь, то там били нефтяные фонтаны, и бакинское "черное золото" буквально ручьями текло по незамоощенным улицам промыслов, порою в несколько дней создавая шальные состояния случайным обладателям нефтеносных участков. За нефть и вокруг нефти шла ожесточенная борьба. Государственная власть была еще слаба в крае, ее аппарат еще не проникал достаточно глубоко, еще не имел ни авторитета, ни физических сил, чтобы защищать предусмотренные законами права юридических владельцев. Владельцам промыслов приходилось поэтому, наряду с полицией правительственной, заботиться об охране своих прав и собственными силами. При разноплеменности населения (по официальным данным того времени в Баку работали представители 30 национальных групп) это было делом чрезвычайно сложным. Каждый владелец промыслов обязательно имел отряд вооруженных дружинников-телохранителей, и чем больше были его промыслы, тем крупнее была его дружина. У владельцев-армян дружины состояли, естественно, из армян; у владельцев-мусульман -- из мусульман.

В крае, огромную массу населения которого составляли мусульмане-азербайджанцы, особенно важную роль играли дружинники-азербайджанцы. Кадры для них поставляла азербайджанская деревня, продолжавшая существовать до начала XX в. с социально-экономическими, политическими и бытовыми отношениями азиатского средневековья: с помещиками-беками, с отрядами дружинников-телохранителей, с огромной ролью мусульман-

ского духовенства. В погоне за легкими заработками в город шла и молодежь из этих дружин, часто целыми группами, во главе с младшими сыновьями обедневших беков. Так группами они часто и устраивались на службу к мусульманам-нефтепромышленникам, но по существу оставались типичными представителями азиатского средневековья, закавказским вариантом средневековых итальянских "брави", которые были готовы "честно" работать на каждого, кто им "честно" платил.

Они жили своей особой жизнью, имели свои организации, свою аристократию: в категорию последних попадали те, за кем уже числились кровавые расправы с соперниками -- "кочи", по-азербайджански. Конечно, у них не было никакого желания вводить свои функции в рамки одной охраны чужой собственности, и они легко переходили "от обороны к нападению", прежде всего, потому, что и наниматели далеко не всегда от своих телохранителей требовали только одной охраны. В тогдашнем Баку процветала практика самовольных захватов чужих участков нефтеносных земель, порою, захватов вооруженной рукой. В 1907 г., в период, когда Сталин был в Баку, много шума вызвала попытка нефтепромышленника Рыльского с помощью 500 вооруженных дружинников-мусульман захватить промыслы фирмы Ротшильда. Эта операция не удалась, т. к. кусок был чересчур велик, и правительственная власть отправила две роты солдат для удаления захватчиков. Но более мелкие операции такого рода были обычной вещью, так как по закону фактическое владение промыслом в течение более 24 часов делало захватчиков фактическими владельцами участка; и права прежнего владельца могли быть восстановлены через суд, что могло затянуться даже на годы⁵⁰.

Но легко понять, что "кочи" свои операции против чужой собственности отнюдь не были склонны ограничивать только операциями по заказам других. В Баку процветало похищение нефти из нефтепроводов и нефтехранилищ. Поставлено это было настолько хорошо, что в городе существовало несколько нефтеочистительных заводиков, про которые было известно, что они работают едва ли не исключительно на такой краденой нефти. Шайки похитителей всегда были связаны с организациями "кочи". В результате в Баку сложился особый и совсем не малочисленный слой вооруженных головорезов-бандитов, объединенных в различные группы и кланы, который играл весьма значительную роль в закулисной жизни края: одной стороной своей деятельности они помогали охранителям элементарного порядка в городе и были тесно связаны с органами правительственной полиции, а другой стороной не менее тесно они были связаны с преступным миром, играя ведущую роль в жизни уголовного подполья.

Новаторство Сталина состояло в том, что он перекинул мост между большевистской организацией и этим миром полубандитов, полуполицейских. Боевая дружина при большевистском комитете существовала и раньше, до появления Сталина в Баку. Не он ее создал, но он ее пополнил представителями этого мира полубандитов, полуполицейских. Именно с их помощью он проводил свои операции по вымогательству денег от нефтепромышленников, под угрозами поджога их промыслов. Именно с их помощью он вел борьбу против противников большевиков из других политических партий, как общероссийских, так и национальных. Они же стали

его надежной опорой и в борьбе за власть внутри организации большевиков, причем в этой борьбе Сталин

не останавливался ни перед анонимными доносами в полицию на наиболее опасных из своих противников, ни даже перед физическими с ними расправами. Связи с главарями этого мира у Сталина установились настолько прочные, что их оказалось возможным использовать и позднее, в годы гражданской войны: так называемое большевистское восстание 28 апреля 1920 г. в Баку, облегчившее вступление в Азербайджан Красной армии, было больше восстанием этих "кочи", чем движением рабочих.

Макиавелли, с которым Сталин при помощи Каменева хорошо ознакомился как раз накануне своего выхода из закоулков дореволюционного подполья на большую арену деятельности в качестве одного из вождей советской диктатуры, несомненно, оказал огромное влияние на Сталина. Не мог не оказать, тем более, что последний был к этому подготовлен всем своим прошлым. Но влияние это было весьма своеобразным. Воспринимать Макиавелли Сталин должен был, конечно, во многом через очки своего учителя, Каменева. Книги о Макиавелли этот последний написать не успел, хотя работу по собиранию для нее материалов он продолжал едва ли не до конца своей жизни. Если его бумаги сохранились, то когда-нибудь окажется возможным подробно разобраться в выводах, к которым приходил Каменев, изучая эпоху и личность Макиавелли. Но основной его политический вывод мы можем установить и теперь: в 1934 г., совсем незадолго до его последнего ареста в связи с убийством Кирова, Каменев, тогда ближайший помощник Горького по руководству издательством "Академия", выпустил первый том сочинений Никколо Макиавели со своим предисловием, в котором дал общую оценку роли Макиавелли в развитии политической мысли "европейского общества на

Протяжении четырех веков". Это предисловие -- исключительно интересный документ сталинской эпохи. " Мастер политического афоризма и блестящий диалектик, -- пишет Каменев, -почерпнувший из своих наблюдений твердое убеждение в относительности всех понятий и всех критериев добра и зла, дозволенного и недозволенного, законного и преступного, Макиавелли сделал из своего трактата (речь идет о том самом "Государе", русский перевод которого Сталин так старательно изучал в Ачинске. -- Б. Н.) поразительный по остроте и выразительности каталог правил, которыми должен руководиться современный ему правитель, чтобы завоевать власть, удержать ее и победоносно противостоять всем покушениям на него. Это далеко еще не социология власти, но зато из-за этой рецептуры выступают зоологические черты борьбы за власть в обществе рабовладельцев, основанном на господстве богатого меньшинства над трудящимся большинством"51

Сам Каменев эту характеристику Макиавелли не считал исчерпывающей. За это говорят оговорки, имеющиеся в том же предисловии. Но тот. факт, что именно эту сторону он считал необходимым подчеркнуть в печати, показывает, что именно ее он должен был выдвигать на первый план и в своих беседах со Сталиным. Последнего никогда не интересовали теоретические проблемы государственоведения и истории политической мысли, но по всему складу его натуры его должен был интересовать " каталог правил", которые могут быть полезны человеку, ведущему борьбу за власть. Особенно, если эти правила исходят из посылки об относительности всех понятий и всех критериев добра и зла. Похоже, что свое предисловие Каменев писал не без затаенной мысли напомнить Сталину (он, конечно, знал, что его предисловие будет

им прочитано), какими полезными оказались для него их ачинские беседы⁵².

Но внимательный читатель Макиавелли, Сталин, конечно, не довольствовался простым усвоением правил, установленных дипломатом флорентийского средневековья. Он слишком хорошо знал практику средневековья азиатского, чтобы чтение Макиавелли не толкало на сопоставления, на попытки провести параллели и внести дополнения. Фраза о "сладкой мести" показывала, в каком направлении шли эти пополнения. Цезарь Борджиа тоже не был мягкосердечным образчиком всепрощения, но он все же был воспитан в традиции мести до седьмого колена. В "каталог правил", выработанных кондотьерами итальянского средневековья, вносились поправки корявым почерком бакинского "кочи". "Повар" действительно собирался "готовить только острые кушанья".

Подлинное понимание Сталина к Каменеву пришло поздно, на скамье подсудимых, когда он в августе 1936 г., через голову судей обращался к Сталину с просьбой пощадить не его самого, а лишь его сына, никогда не имевшего отношения к политической деятельности отца. Но Сталин не был бы Сталиным, если бы удовлетворил эту просьбу -- и Каменев-сын, молодой химик, который в Ачинске часто сидел рядом со Сталиным за вечерним самоваром, погиб вслед за отцом в годы "ежовщины"⁵³. В азиатском средневековье мстили до седьмого колена.

Только с большим запозданием правильное понимание Сталина пришло и к Ленину. В отношении последнего к Сталину за революционные годы чувствовался элемент двойственности. Про подвиги Сталина в дореволюционном подполье Ленин имел точную информацию, и притом не только от политических противников, не толь-

ко от закавказских меньшевиков, которые тогда исключили Сталина из партии. Предостережения Ленину слали и некоторые из видных закавказских большевиков, которых Ленин знал лично и с мнением которых он должен был считаться. Ленин все эти предостережения не принимал всерьез. Он с ранних лет счи

тал, что "в марксизме нет ни гранта этики" и еще в 1894--1895 гг. вел об этом споры со Струве и Потресовым⁵⁴. Отсюда он делал практический вывод, что в политической борьбе "цель оправдывает средства", и совсем не был склонен отречься от тех из своих последователей, которые давали чересчур широкое толкование этому принципу. Наоборот, он ими особенно дорожил и не раз откровенно объяснял, какими соображениями он при этом руководствуется.

В воспоминаниях проф. В. Войтинского, теперь известного американского экономиста, а в 1905--1907 гг. видного деятеля большевистских организаций, приведен один эпизод, крайне интересный под этим углом зрения.

"Рожков (это был профессор русской истории Московского университета, состоявший тогда членом ЦК большевиков. -- Б. Н.), -- пишет Войтинский, -передавал мне, что однажды он обратил внимание Ленина на подвиги одного московского большевика, которого он характеризовал как прожженного негодяя. Ленин отвечал со смехом:

-- Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится.

Вот Вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не

мог бы Себя пересилить. А Виктор (Таратута) пошел. Это человек незаменимый"55.

Таковыми "незаменимыми" людьми, которые "ни перед чем не останавливались", если это было выгодно для большевистской организации ("Виктор" получил тогда для этой организации большую сумму денег), Ленин охотно себя окружал. В деле со Сталиным положение было, конечно, много более сложным, так как поступки, которые ставились ему в вину, касались не его личной жизни, а его деятельности в качестве руководителя партийной организации, которую он едва не расколол. И такие поступки в биографии Сталина совсем не были исключениями. Аналогичными конфликтами были полны и другие этапы его карьеры, включая большое количество острых столкновений по тюрьмам и в ссылке, подробности о которых должны были стать известными Ленину, во всяком случае после 1917 г. и притом от людей, организационному опыту которых Ленин настолько доверял, что именно им поручил руководство обеими отраслями аппарата диктатуры -- Свердлову (по линии партии) и Енукидзе (по линии Советов).

К этому прибавлялся начавший выясняться факт наличия во взглядах Сталина таких особенностей, которые вынуждали Ленина, порою очень резко, ставить его на место. Об этом сохранились записи в официальных протоколах большевистского ЦК. "Если б ЦК встал на точку зрения Сталина, -- говорил Ленин во

время споров о Брестском мире, -- то мы были бы изменниками международному социализму"56.

В основе этих "особенностей" взглядов Сталина лежало его полное безразличие к основным целям коммунистического движения. Если иметь в виду положитель-

ные идеалы, то Сталин вообще никогда не был коммунистом, так как ему всегда были чужды даже те немногие элементы гуманизма, которые сохранялись в Ленине. Ленинский нигилизм в отношении этики Сталин распространил на все вообще положительные задачи коммунистической программы. В этот лагерь он пришел с самого начала заряженный одним только отрицательным электричеством отталкивания от "старого мира", принять активное участие в разрушении ("до основания") которого он стремился. Ленин, несомненно, превосходно это понимал, как понимал и тот факт, что за так называемым "политическим реализмом" Сталина на деле скрывается его полный политический нигилизм. Но с точки зрения узко практической эти особенности Сталина были весьма полезны, так как они позволяли ему видеть те слабые стороны противника, которые ускользали от внимания наблюдателей-коммунистов, а тем более полезным было умение Сталина играть на этих слабых сторонах противника.

Этот свой талант Сталин развернул в годы гражданской войны, став фактически главным руководителем всей работы в тылу противника. На эту сторону закулисной деятельности Сталина указал Рыков в беседе с одним американским журналистом, к которому он относился с большим доверием, знакомя его со многими закулисными сторонами жизни диктатуры. "В то время, как огромный ораторский талант Троцкого, -- говорил Рыков, -- поддерживал идеализм и разжигал революционный пыл Красной армии, Сталин занимался браконьерством за кулисами. Он перетягивал на сторону Советов буйные элементы уголовного подполья, которые были готовы сражаться на любой стороне, как за царистов, так и за революцию. В те годы бывали сражения, когда целые полки, бригады и даже дивизии переходили из одного лагеря в другой.

Иные выходили в бой под царскими знаменами и перекидывались к красным, и наоборот. Рядом наших побед мы обязаны ловкости Сталина в деле разложения противника"57.

Ленин, несомненно, высоко ценил последнего как организатора и порою даже специально запрашивал о его мнении (как, впрочем, запрашивал о мнениях других своих ближайших сотрудников), но несомненно, также, что в то же время он Сталина опасался. Именно поэтому Ленин выдвигал Сталина на самые высокие посты в партийном руководстве, вплоть до места в Политбюро, и не раз давал ему самые ответственные поручения, но упорно не пускал его на пост секретаря ЦК, т. е. не соглашался передать ему функции исполнительной власти в партии. А Сталин

рвался именно к этой власти. Надо признать, что он имел много данных для секретарской работы. У него, конечно, имелось много недостатков, но он был хорошим организатором, умел разбираться в людях, и под этим углом был много выше тех, кого Ленин сажал на секретарское место после Свердлова (единственным исключением был, по-видимому, Крестинский). И тем не менее до апреля 1922 г. секретарем ЦК выбирали кого угодно, только не Сталина.

При положении, которое занимал в партии Ленин, нет сомнения, что именно он не пускал Сталина к рулю партийной машины. У Сталина было много других противников в руководящем штабе партии, которые вели борьбу против его возвышения, но вопрос все же решал именно Ленин, и нет сомнения, что, поступая так, он руководствовался опасением, что Сталин свою "врожденную страсть к интригам" направит на внутривнутрипартийные

отношения, будет своими интригами вносить разложение в партийную верхушку.

Сталин, конечно, видел эту роль Ленина и прилагал все усилия, чтобы преодолеть враждебную настороженность последнего. Работу эту он вел по двум линиям: с одной стороны, он пытался на каждом шагу доказывать Ленину свою полную с ним солидарность и готовность во всем руководствоваться его указаниями. И в тоже время, с другой стороны, старался наговорами настроить Ленина против тех, кого считал своими соперниками, в первую очередь против Троцкого. Те немногие письма Сталина к Ленину, которые проникли в печать (как известно, Сталин вообще крайне неохотно давал разрешения на публикацию писем и документов о его прошлом), дают убедительные тому примеры⁵⁸.

Изучение документов показывает, что Ленин не только терпел эти наговоры, очень похоже, что он в какой-то мере даже поощрял их: иначе Сталин был бы более осторожен в своей игре... Бухарин позднее говорил, что главная сила Сталина в том, что он "гениальный дозировщик", т. е. лучше других понимает, какими аргументами вернее всего можно отравлять сознание своих собеседников, толкая их на поступки, выгодные для него, "гениального дозировщика". Несомненно, что, несмотря на предупреждения, Ленин поддавался влиянию умело дозированных наговоров Сталина

Поведение последнего в отношении Троцкого было вполне определенным: осторожно, но настойчиво он сеял на большевистской верхушке "злые семена" подозрения, будто Троцкий носит с планами военно-бонапартистского переворота и именно для этой цели подбирает вокруг себя людей, лично ему преданных. "Сталин никогда

не говорил об этом публично, -- рассказывал Рыков в 1925 г. упомянутому выше американскому корреспонденту, -

но на заседаниях Политбюро и в интимных партийных кругах он на все лады муссировал эту тему"59.

Конечно, эти разговоры Сталин вел за спиной Троцкого, во слухи о них все же дошли до последнего. Тот попытался объясниться с Лениным.

"Меня интересует только одно, -- спросил Троцкий, - могли ли Вы хоть на минуту допустить такую чудовищную мысль, что я подбираю людей против Вас?

--Пустяки, -- ответил Ленин.

Как будто какое-то облачко над нашими головами рассеялось"60, -- прибавляет Троцкий, который ни тогда, ни позднее не понимал всей силы "злых семян" сталинской клеветы. "Облачко" отнюдь не рассеялось, и под его прикрытием "врожденная страсть к интригам" принесла Сталину на фронте борьбы за власть над партией много большие победы, чем на фронте борьбы с внешними врагами советской диктатуры.

Решающим моментом было избрание Сталина генеральным секретарем ЦК партии, состоявшееся 3 апреля 1922 г., сразу же после съезда партии. Положение партии в период этого съезда было весьма тяжелым. Совершенно катастрофическое состояние многих местных организаций, вскрытое чисткою 1921 г., показало крайнюю необходимость срочных мер по наведению порядка в партийном аппарате. Прежний состав секретариата ЦК для этого был явно непригоден (в него тогда входили Молотов, Ярославский и Михайлов). Необходимо было во главе секретариата поставить человека умного и реши-

тельного, способного сильной рукой навести порядок. В комиссии, которая обсуждала этот вопрос, большинство склонялось к кандидатуре И. Н. Смирнова, старого рабочего большевика, который на посту сначала председателя Реввоенсовета 5-й армии (под командованием Тухачевского она вынесла главную тяжесть борьбы против Колчака), а затем председателя Сибревкома показал огромный организаторский талант и большое умение разбираться в людях, оказывать на них нужное влияние. В период Одиннадцатого съезда он работал секретарем партийной организации Петрограда и одновременно стоял во главе Северо-Западного Бюро ЦК. В партийных кругах он пользовался большим авторитетом и широкими симпатиями. Его считали прямым и открытым человеком, твердым и справедливым.

Со всех этих точек зрения Смирнов был подходящим кандидатом, но за ним числилось одно большое "но", которое все перевесило: он был действительно сильным и независимым человеком, достаточно смелым для того, чтобы не только иметь свои взгляды, но и отстаивать их даже против самого Ленина. Незадолго перед тем он выдержал большой конфликт с представителями ВЧК в Сибири, не дав им арестовать Е. Е. Колосова, видного сибирского эсера, за которым чекисты вели настоящую охоту. Смирнов с ним

был лично знаком по дореволюционной ссылке и теперь, чтобы спасти его от ареста, поселил его на своей собственной квартире ("Сюда Вас арестовывать не придут, ручаюсь", -- говорил он с усмешкой), а затем с надежным попутчиком отправил Колосова в Москву.

С точки зрения Ленина еще более опасной была независимость, показанная Смирновым в вопросе, который

выходил за грани внутривнутрипартийных споров: в Сибири 1920--1921 г. в качестве председателя Сибревкома Смирнов открыто показал себя противником антикрестьянской политики, которую тогда проводил ЦК партии, и с нею боролся, вступая в конфликты со специальными уполномоченными центра. Тогдашние события оправдали позицию Смирнова: на введение продразверстки, на создание комитетов бедноты и другие мероприятия центральной власти сибирское крестьянство ответило восстанием зимы 1920--1921 гг., которое оказало огромное влияние на крутой поворот Ленина к НЭПу. Тем не менее независимость Смирнова Ленину не нравилась.

К Сталину, которого он знал тоже по ссылке, Смирнов относился очень отрицательно, и Сталин отвечал ему тем же: слишком различными людьми они были. Возможно, что именно в силу отталкивания от Сталина Смирнов стал сближаться с Троцким, хотя никогда не разделял тех взглядов, которые были характерны для специфического "троцкизма".

Несомненно, что именно эта независимость Смирнова и определила отношение к нему Ленина: как раз в пору Одиннадцатого съезда Ленин был настроен особенно антитроцкистски, возлагая на Троцкого большую долю ответственности за неурядицу в партийных делах. Ленин подозревал, что Троцкий втайне продолжает вести фракционную работу, и именно ею объяснял подспудные оппозиционные настроения, которые часто чувствовались на съезде. Очень вероятно, что в этом сказывалось влияние наговоров Сталина; совпадение полосы наибольшего раздражения против Троцкого с выставлением кандидатуры Сталина на пост секретаря ЦК у Ленина, конечно, не было случайностью...

Ленин, конечно, не доходил до тех норм, которые позднее установил Сталин, но и он предпочитал иметь около себя людей, которых нужно убеждать лишь относительно частных, которые в больших вопросах политики идут за ним беспрекословно. Особенно нужным это он считал для поста генерального секретаря ЦК, и именно поэтому приложил все усилия к тому, чтобы провалить кандидатуру Смирнова и провести Сталина, против которого было много возражений с разных сторон. Конечно, Ленин был уверен, что сможет лично контролировать работу Сталина, нейтрализуя ее вредные стороны. В этом тоже сказалась столь характерная для него огромная самонадеянность.

На первом же совещании членов только что избранного ЦК, вечером 2 апреля 1922 г. встал вопрос о секретариате. Рядом лиц была названа кандидатура Смирнова, и он, несомненно, был бы избран, если бы в обсуждение не вмешался Ленин. Последний говорил много лестного о Смирнове, но доказывал, что его способности партия всего полнее сможет использовать, вернув его в Сибирь, где после него дела пошли совсем плохо. Для тех, кто знал Ленина, было ясно, что он решил ни за что не допустить в секретари ЦК человека, который может завтра открыто перейти в лагерь Троцкого, но не хотел говорить об этом прямо, так как сам неоднократно заявлял о необходимости вытравить из партийной практики все воспоминания о недавней дискуссии.

Отводя кандидатуру Смирнова на этом первом совещании членов ЦК, Ленин своего кандидата не называл, и только на прямо поставленный вопрос ответил обещанием такого кандидата назвать завтра. Очень похоже, что в этот момент вопрос и для него самого еще не был окончательно решен. Известно, что на кандидатуре Сталина

особенно настаивал Зиновьев, который на собственном опыте по Петроградской организации уже успел убедиться в особенностях Смирнова и перешел в лагерь поклонников организационных талантов Сталина. Ночью, после первого совещания членов ЦК, Ленин имел большой разговор со Сталиным. Очевидно, именно этот разговор позволил Ленину преодолеть все колебания. И на следующий день, 3 апреля, на первом официальном заседании ЦК, он предложил выбрать секретарем Сталина. Эта кандидатура многих удивила, так как о прошлом Сталина из членов ЦК знали, действительно, многие. Но авторитет Ленина был так велик, что Сталин был избран без споров. Так Сталин пришел к власти над аппаратом.

Проводя Сталина на этот пост, Ленин был уверен, что организационную политику партии Сталин будет вести в полном согласии с ним, с Лениным. По-видимому, именно этот вопрос был предметом большого ночного разговора, и больше, чем вероятно, что именно этот свой горький опыт сговора со Сталиным имел в виду Ленин, когда годом позднее, в переговорах с Троцким, советовал не идти на соглашение со Сталиным, который "заключит гнилой компромисс и обманет" (как обманул он Ленина).

Этому обману помогла болезнь Ленина. Его здоровье казалось крепким. Тем острее поразило известие о первом ударе, который пришел меньше чем через два месяца после избрания Сталина. Сталин уже тогда принадлежал к той породе "счастливых", "недрузи" которых умирают тогда, когда это выгодно. После избрания Сталина секретарем ЦК Ленин переставал быть для него полезным -- он начинал становиться опасным. Сталин умело пользовался обстановкой. В Политбюро оформилась "

тройка", в которую, кроме Сталина, вошел Зиновьев, думавший, что он руко

водит Сталиным, и Каменев, плывший по течению. В начале осторожно "дозируя" мероприятия в области хозяйственной политики, "тройка" готовила "наступление на рельсах НЭПа"61 против частного капитала в торговле и промышленности. В области организационного строительства Сталин с лихорадочной торопливостью вел "перетряхивание" руководящего персонала партийного аппарата, занимая все ответственные места своими креатурами. Он с первых же шагов показал, что внимательно читал Макиавелли и во всяком случае "механику борьбы за власть", в особенности ее "зоологические" черты, как их определял позднее Каменев, продумал весьма последовательно.

А Ленин, действительно, быстро "излечивался" от терпимого отношения к Сталину, на ряде конкретных примеров убеждаясь, до каких граней может доходить у последнего отсутствие "элементарной честности". Этот вопрос был самым мучительным для последних месяцев жизни Ленина, который видел связь персонального вопроса о Сталине с большой проблемой об основной линии политики диктатуры. Ленин знал, особенно после второго удара, после 16 декабря 1922 г., что смерть стоит у порога и что конец может прийти каждую минуту. Врачи предписывали покой и требовали, чтобы он прекратил чтение газет, перестал встречаться с партийными друзьями, перестал бы говорить на темы, которые его так волнуют, а всякое волнение может стать смертельным. Ленин решительно отмахивался. "Неужели Вы не понимаете, -- говорил он врачам, -- что я еще больше волнуюсь, когда не могу говорить об этом?" Он ограничил свои встречи кругом самых близких, отказывался от встреч с

людьми, которые его раздражали, сократил чтение повседневного материала, сосредоточивая остатки сил на том, что считал основным, главным. Но думал только о нем, об этом главном, и с обоих концов жег остатки свечи своей жизни.

От авантюристической самонадеянности, которая еще недавно была так характерна для его "экспериментаторства" (он любил цитировать слова Наполеона: "Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет"), теперь не оставалось и следа. Он болезненно остро ощущал ответственность за так безответственно начатый им "эксперимент" и ломал голову над вопросом, как вести корабль диктатуры, чтобы спасти от крушения. Две темы стояли для него в центре. В плоскости большой политики он все более и более остро на первый план выдвигал проблему отношений между диктатурой и крестьянством, требуя от диктатуры такой политики, которая обеспечивала бы возможность полного сотрудничества с крестьянством. Эта мысль была единственно большой политической мыслью, которую Ленин положил в основу своего знаменитого завещания. Он был совершенно категоричен в утверждении, что политика соглашения с крестьянст

вом является ультимативным условием сохранения нового строя, что политика, подрывающая такое соглашение, неизбежно ведет советскую- власть к катастрофе.

Соглашение с крестьянством -- эта идея должна стать определяющей идеей всей политики диктатуры. Ленин не соглашался с выводом, который из этой же посылки делал Рыков, говоривший о необходимости отступления и перехода с принципиальных позиций "диктатуры пролетариата", которые были заняты большевиками в ок-

тябре 1917 г., на позиции "диктатуры пролетариата и крестьянства", как их определяли большевики в 1905 г. Принять этот вывод Ленин, который всю революцию и гражданскую войну провел под лозунгом "немедленного социализма", органически не мог. Но для будущего политику, построенную на насилии над крестьянством, он решительно отвергал. Его мысль билась над проблемой, как сможет советская диктатура социалистический характер своих общих задач сочетать с политикой искреннего соглашения с крестьянством, которое по своим настроениям не является социалистическим. Решения вопроса Ленин искал в пересмотре "всей точки зрения нашей на социализм". "Раньше, -- писал он, -- мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести для нас переносится на мирную организационную "культурную" работу"". Как основную задачу этой культурной работы в деревне, необходимо сделать пропаганду кооперации, которая должна сделать "переход к новым порядкам возможно более простым, легким и доступным для крестьянина"⁶².

В голове у Ленина складывался большой "кооперативный план", схематическую наметку которого он давал в своих заметках "О кооперации" (январь 1923 г.). Но именно потому, что идея обязательности соглашения с крестьянством становилась главным социально-политическим выводом Ленина в его построениях до совершенно исключительных размеров разрасталось значение вопросов организационного строительства партии: политика соглашения с крестьянством должна быть рассчитана на длительный период времени; она вела партию по пути, на котором неминуемы были опасности со всех сторон; шансы успеха во многом зависели от того, стоят ли

на капитанском мостике партийного корабля люди, которые твердость руки рулевого сочетают с верностью основной идее этой политики, с верностью идее соглашения с крестьянством.

Вопрос о том, какую политику должна вести партия, таким образом, неразрывно сплетался с вопросом, кто способен проводить правильную политику? Полусерьезно, полушутя эти группы вопросов Ленин называл "лидерологией" и был способен целыми часами их обсуждать с теми, кого он считал политически наиболее

к себе близкими. Выводы, к которым он приходил, были неутешительными: он не видел человека, который смог бы стать центральной фигурой для всей системы диктатуры, заняв в ней место его самого.

Именно в эти месяцы Ленин пересмотрел свое отношение к Троцкому и в значительной мере реабилитировал его от тех подозрений, которые злыми наветами сеял Сталин. В вопросах большой политики Ленин чувствовал себя очень часто полностью солидарным с Троцким, но он видел также, что между последним и другими ведущими фигурами штаба диктатуры сложились отношения, которые делали дружную совместную работу крайне трудной. Не в такой острой форме, но опасные трещины ползли и вокруг других ответственных работников партии и правительства. И чем пристальнее Ленин к этим трещинам приглядывался, чем откровеннее ему рассказывали те, кого он вызывал для разговоров о положении, тем яснее ему обрисовывались все размеры опасности, выроставшей из "злых семян" Сталина.

Было ясно: именно здесь корень зла. Пока этой злой работе не положен конец, никакое существенное улучшение на верхушке диктатуры невозможно. Все осталь-

ные вопросы "лидерологии" имели лишь подсобное значение. Начать собирание сил, приступить к их перегруппировке будет возможно лишь после того, как будет устранен главный очаг разложения -- Сталин, которого он, Ленин, сам всего лишь за несколько месяцев перед тем сделал генеральным секретарем ЦК.

Последние месяцы жизни Ленина заполнены тревогами вокруг этого вопроса. Он все яснее видел, что необходимо ликвидировать Сталина как партийного лидера. Но даже при всем влиянии Ленина это оказывалось делом нелегким. Сталин умело вел свою линию, оплетая интригами и наговорами партийную верхушку. Как за год перед тем опутан был сам Ленин, так теперь в сетях Сталина запутались многие из членов ЦК и Политбюро. Особенно торопиться стал Ленин после второго удара (16 декабря 1922 г.). Еще до того, как врачи дали ему разрешение на чтение газет и занятие партийными делами (29 декабря), он настоял на вызове к нему стенографистки и одним из первых материалов продиктовал ей первую половину завещания с требованием снятия Сталина с поста генсека (25 декабря). Он хотел, чтобы, во всяком случае, этот его наказ наследникам уже теперь был зафиксирован на бумаге.

Когда положение его немного улучшилось и выяснилось, что судьба дает ему еще одну небольшую отсрочку, Ленин все силы сосредоточил на формулировке основных идей своего политического завещания и на подготовке к проведению основной идеи своего завещания организационно. Ввиду ловкости, с которой Сталин опутывал окружающих, Ленин решил, что простого его от

странения недостаточно, что необходимо, как говорила Крупская Троцкому, "разгромить Сталина политиче-

ски"63. Ленин систематически собирает материалы о деятельности Сталина, подготавливая "бомбу", которую он решил "взорвать" против Сталина на партийном съезде. Эта "бомба" должна была окончательно ликвидировать Сталина, и Ленин жил одной надеждой: додержаться до этого съезда, который уже созван на апрель.

Он не додержался... Сталин имел свою агентуру, наблюдавшую за настроениями в лагере его врагов, в первую очередь за настроениями Ленина, его переговорами, его планами. Возможно, что знал не все, но знал достаточно много, чтобы понимать, какая страшная угроза над ним нависла. И в то же время он знал, что здоровье Ленина ухудшается, что ему осталось жить считанные дни и что каждое острое волнение может раньше срока оборвать тонкую нить этих считанных дней. Трудно поверить, что в этом была только простая случайность: именно в эти дни Сталин со все более и более нарастающей грубостью давал ответы на вопросы тех, кто обращался к нему как секретарю ЦК лично или по телефону за информацией и другими справками для Ленина. Кончилось тем, что на один запрос по телефону, с которым к нему обратилась Крупская, Сталин ответил грубейшей бранью, пересыпанной "матерщиной". Об этом ответе, конечно, стало известно Ленину. Ленин пришел в негодование, много волновался и продиктовал стенографистке письмо Сталину с заявлением о разрыве с ним всех личных отношений. Это письмо в печати неизвестно, так как Сталин и его агент тщательно уничтожали все неблагоприятные для него документы. Но содержание его мы знаем: в нем Ленин назвал поведение Сталина поведением восточного сатрапа, опьяненного властью, писал, что Сталин недостойн быть в рядах коммунистической партии64.

Это письмо Сталину о разрыве с ним отношений было последним письмом, продиктованным Лениным. Волнения, связанные с этим эпизодом, Ленину обошлись очень дорого: в ту же ночь ему стало хуже, затем пришел третий удар, он потерял способность речи, правая сторона тела была парализована. Дальше шло медленное умирание, растянувшееся на десять месяцев.

Когда речь заходила об этих событиях, Сталин обычно отвечал признанием своей "грубости". "Таким родился", -- прибавлял он, и в этом многие видели оправдание ему. Относительно наличия в его натуре элементов грубости спорить не приходится. Но вопрос этим не исчерпывается. Сталин был груб по натуре, но эту сторону своей природы он показывал далеко не всегда, а только тогда, когда хотел быть грубым. Он умел великолепно владеть собою, во всяком случае в тот период, когда умирал Ленин.

При знакомстве с биографией Сталина совершенно исключенным приходится признать утверждение, что он мог потерять са

мообладание из-за простых вопросов жены Ленина. Грубостью природы его поведение не объяснить. Дело не в потере самообладания, а в сознательной игре: Сталин умышленно говорил грубости секретаршам Ленина и умышленно же грубо оскорбил его жену, стремясь, чтобы обо всем этом стало известно больному Ленину, которого такое поведение Сталина не могло не приводить в негодование. Ленин был очень сдержанной и скрытной натурой, но именно от таких рассчитанно грубых поступков он приходил в состояние холодной ярости, близкой к нервному заболеванию. А в тогдашнем состоянии Ленина

эта степень нервного напряжения не могла не повести к удару.

Сталин хорошо знал людей, вернее, слабые, уязвимые места у людей. Не мог он не знать и этой стороны Ленина. И оскорбление, которое он наносил жене Ленина, было его Обдуманым и рассчитанным ходом, задачей которого было так взволновать Ленина, чтобы с последним случился новый удар, ибо только такой удар мог предотвратить катастрофу от "взрыва бомбы", которую Ленин заготовил против Сталина. Сталин оскорбил Крупскую вполне сознательно для того, чтобы убить Ленина -- вот вывод, к которому приводит анализ известных до сих пор данных об обстановке, предшествовавшей смерти Ленина⁶⁵.

С исторической перспективы этот конец Ленина был расплатой за правило "цель оправдывает средства", с которым он подходил к делу политической борьбы вообще и к вопросу о привлечении Сталина к партийной работе, в частности, "незаменимые" люди, способные "ни перед чем не останавливаться" во имя достижения важных практических результатов, которых Ленин подобрал в своем окружении, в решающий момент не остановились и перед тем, чтобы перешагнуть через труп Ленина.

Именно в это время, в 1925 г., Маленков появился в аппарате секретариата ЦК и одновременно в личном секретариате Сталина. Это не было случайностью. Люди типа Маленкова, с опытом военно-чекистской работы в Туркестане, "советские ташкентцы" по всем их навыкам как раз в это время стали особенно нужными Сталину. Это был, несомненно, самый трудный год на его извилистом пути к единоличной диктатуре. И Сталин его прошел, все время балансируя на лезвии ножа, под постоянной угро-

зой срыва. Он только что нанес решающий удар Троцкому. И, сняв его с поста председателя Реввоенсовета, фактически вывел из строя этого наиболее опасного и сильного из своих противников в борьбе за руководящую роль в партии. Но эта победа едва не стала для него пирровой: для тех, кто вблизи наблюдал Сталина в месяцы травли Троцкого, становилось все более и более ясным, как опасен он для окружающих и как прав был Ленин, во главу угла своего завещания поставивший требование смещения Сталина с поста генерального секретаря ЦК.

За год, который прошел после смерти Ленина и был весь заполнен борьбой против Троцкого, основные особенности натуры Сталина, его полная неразборчивость в средствах, соединенная с безграничным властолюбием и злобной мстительностью, выявились с полной очевидностью для тех, кто работал рядом с ним в руководящих партийных органах. Поставив в центр своих стремлений задачу установления своей личной диктатуры над партией, которая диктаторски правит страной, Сталин ни перед чем не останавливался в борьбе с противниками. При мало-мальски существенных разногласиях совместная работа с ним была невозможна. Его методы действия в отношении к коллегам по работе охарактеризовал еще Ленин в мимоходом брошенных замечаниях. "Этот повар готовит только острые кушанья", а когда он наталкивается на сильных противников, при которых его кулинарные упражнения становятся опасными, Сталин заключает "гнилой компромисс", чтобы под прикрытием этого компромисса, за спиной партнера, продолжать втихомолку подготовку тех же "острых кушаний". Именно поэтому Сталин легко шел на всякие соглашения, легко давал всякие обещания: они связывали руки противникам, которые к ним подходили как честные люди, а он ими поль-

зовался для того, чтобы выбрать удобный момент для предательского удара. Как о нем говорил тот же Ленин, Сталин был человеком, которому не хватало "элементарной честности".

С теми, кто против него вел борьбу, он был беспощаден. Обид не прощал и не забывал. Умел терпеливо выжидать, откладывая мечь до удобного случая, но тем более жестокой была мечь, когда такой случай находил-ся...

Зиновьев и Каменев были осведомлены об этих особенностях натуры Сталина, хотя, по всей вероятности, не с такою полнотою,, как Ленин. Быстрый рост Сталина на посту генерального секретаря им был совсем не по душе. Сопротивление, которое он оказывал их попыткам, не могло им не показать, что в его лице растет противник, который скоро станет опасным для них самих. Но потребности борьбы против Троцкого, который им казался наиболее опасным противником, заставляли их вопрос о Сталине отодвигать на задний план. Необходимо пояснить, что и Троцкий к ним питал далеко не теплые чувства, он не был кротким ягненком и умел наносить весьма чувствительные удары, временами провоцируя Зиновьева и Каменева на борьбу. Именно такой характер носила опубликованная им осенью 1924 г. книга об "Уроках октября".

* * *

В январе 1925 г., с момента снятия Троцкого с поста председателя Реввоенсовета СССР, вопрос о нем потерял свою остроту,,

и Каменев с Зиновьевым немедленно же сделали попытку перейти в наступление против Сталина. Несомненно, что провокационный характер носило предложение

Каменева, предложившего при обсуждении вопроса о преемнике Троцкого на посту в Реввоенсовете кандидатуру Сталина. Предложение это не было принято, так как Сталин его решительно отклонил. Но цель Каменева Сталину была, конечно, ясна. Именно с этого момента трения внутри вчерашнего "триумvirата" переходят во все более и более напряженную борьбу, вначале закулисную, затем открытую.

Положение Сталина было исключительно трудным, хотя нет сомнений в том, что к этой борьбе он готовился заранее. Основная трудность, с его точки зрения, состояла в том, что в тогдашнем Политбюро не было буквально ни одного человека, на которого Сталин мог бы более или менее прочно положиться. А борьба шла прежде всего за большинство в Политбюро. В Политбюро тогда входило семь полноправных членов (не считая шести кандидатов), которые, если сбросить со счетов самого Сталина и Троцкого (стоявшего совершенно особняком и являвшегося противником Сталина) распались на две группы: Зиновьев и Каменев, с одной стороны, и Рыков, Бухарин и Томский, с другой. Между ними уже тогда имелись существенные расхождения, но это были расхождения больше в теоретических построениях и в политических настроениях, чем в конкретных выводах для текущей политики.

Группа Рыкова особенно настаивала на расширении НЭПа в направлении предоставления большей свободы развития индивидуальному крестьянскому хозяйству в области политики внутренней и на освобождении внешней политики страны от необходимости считаться с интересами развития Коминтерна и подготовки мировой революции. Это освобождение было тогда обязательным условием хозяйственного строительства в стране. Именно

эти пункты Рыков прямо поставил перед Политбюро как условие своего согласия занять пост председателя Совнаркома после смерти Ленина. В основе всей его политики лежала мысль, которую он тогда нередко высказывал на ответственных собраниях: поскольку революция на Западе не произошла, для России, которая одна построить социализм не может, на очередь становится, как он формулировал, проблема спуска власти на тормозах к крестьянству. В этом отношении он думал более последовательно и высказывался более открыто, чем даже его ближайшие единомышленники Бухарин и Томский, определенно связывая хозяйственные уступки крестьянству с необходимостью предвидеть в ближайшем будущем и уступки политические.

Зиновьев и Каменев разделяли мысль Рыкова о невозможности построения социализма в одной России, силами одного только

российского рабочего класса, но выход из этого положения склонны были искать в совершенно противоположном направлении, концентрируя внимание на интересах Коминтерна, на вопросах содействия коммунистическому движению Запада. Именно поэтому они были особенно чувствительны ко всякого рода изменениям политики внешней, но сравнительно легко соглашались на уступки крестьянству, не только экономические, но даже и политические. На пленуме ЦК осенью 1924 г. под впечатлением восстания в Грузии Зиновьев предлагал легализовать создание беспартийной крестьянской фракции в Советах, как в центре, так и на местах, и дать ей право издания собственной газеты. Что же касается до уступок хозяйственных, то Зиновьев и Каменев одобряли "курс на богатейшую деревню"⁶⁷, взятый весной 1925 г. Четыр-

надцатой партийной конференцией и затем Третьим съездом Советов

Эти расхождения, конечно, были причиной ряда внутренних трений в Политбюро, но они не создавали непреодолимых препятствий для совместной работы. Ни Зиновьев с Каменевым, ни даже Троцкий не возражали против условий, которые поставил Рыков при своем назначении на пост председателя Совнаркома⁸, и Каменев почти до самого конца 1925 г. дружно работал с Рыковым в качестве его заместителя на посту председателя СНК.

Политических оснований для острой борьбы в Политбюро не было, и по существу Зиновьев с Каменевым, начиная эту борьбу, своей задачей ставили не политическую, а организационную задачу: снятие Сталина с поста генерального секретаря, т. е. выполнение того самого завещания Ленина, которое они всего лишь за несколько месяцев перед тем сами же похоронили. Во многом именно поэтому они теперь не имели внутренней силы открыто объяснять подлинные мотивы своего поведения для этого они должны были бы не только признаться в ошибке, совершенной ими весной 1924 г., когда они поручились перед ЦК за лояльность Сталина, но и покаяться, что они тогда покрывали Сталина ради совместной борьбы против Троцкого. Годом позднее, после Четырнадцатого съезда партии, они это сделали, но сделали как слабые люди, т. е. по частям и с опозданием, в такой форме, что их заявления уже не могли произвести впечатления на партию. Во время же решающего периода борьбы внутри Политбюро в 1925 г. они не только не развернули открыто это требование смещения Сталина, не только не сделали попытки, опираясь на завещание Ленина, объединить все элементы, стремившиеся к оздоровлению внутрипартийных отношений, но и прилагали все усилия,

чтобы отрицать факт заостренности их борьбы лично против Сталина, избегали критиковать организационную практику последнего и молчали о завещании Ленина, которое, несмотря на все, продолжало оставаться сильным козырем в их руках.

А между тем только при такой постановке вопроса у них были шансы победить Сталина, так как внутри Политбюро не было ни одного человека, который бы уже тогда не был по существу противником организационных приемов Сталина, кто не относился бы критически к его личным качествам. В беседе с Троцким еще года за два перед тем Бухарин говорил "Первое качество Сталина -- леность. Второе качество -- непримиримая зависть к тем, кто знают и умеют больше, чем он. Он и под Ильича вел подпольные ходы"⁶⁹.

Отношения со Сталиным в это время были уже крайне напряженными и у Рыкова, который почти открыто говорил о "ганг стерских" приемах партийной работы последнего⁷⁰. Что же касается Томского, то он раньше других и резче, чем другие из его группы, стал реагировать на Сталина, возможно, в связи с острыми личными столкновениями, которые у них произошли на заседаниях коммунистической фракции съезда профсоюзов в 1921 г. Поэтому есть много оснований считать, что если бы вопрос об организационных методах Сталина был бы поставлен перед Политбюро в его чистом виде, не связанном политическими проблемами, а самостоятельно, как вопрос о создании предварительных условий, обеспечивающих нормальное функционирование партийного коллектива, то в Политбюро не нашлось бы никого, кто пожелал бы выступить в защиту Сталина.

Из этого, конечно, не следует делать вывода, будто диктатура могла бы сохранить единство своей правящей головки на длительный период. Внутренних противоречий в стране имелось слишком много, а потому взрыв старой верхушки был неотвратим. Но этот взрыв пришел бы в какой-нибудь иной форме. Во всяком случае в 1925 г. объединение этой верхушки для устранения Сталина было бы вполне возможным и совсем не трудным. Надо было только твердо и определенно взять соответствующий курс, обособив этот организационный вопрос от всех вопросов внешней и внутренней политики.

Зиновьев и Каменев пошли прямо противоположным путем: они молчали об организационных приемах Сталина и о специфических особенностях его натуры и пытались доказывать наличие серьезных разногласий. Главным объектом их атак стало крестьянофильское крыло партии. Главное обвинение, которое против него выдвигалось, было обвинение в "недооценке кулацкой опасности". Собственная позиция этой "новой оппозиции" (так вскоре стали называть группировку Зиновьева и Каменева) была весьма неопределенна и двойственна. Они признавали, что главнейшей задачей дня является "развитие производительных сил деревни", и соглашались, что "надо создавать такое положение, при котором не записывали бы в кулаки всякого, кто более или менее сносно

ведет свое хозяйство. Но в то же время били в набат о "кулацкой опасности". "Кулак в деревне, -- настаивал Зиновьев, -- более опасен, гораздо более опасен, чем нэпман в городе... Деревенская кулацкая верхушка с первого момента претендует не только на то, чтобы наживаться, чтобы копить, чтобы жить ростовщицеством, а с первого же момента претендует и на политическую роль,

на роль организатора деревенского общественного мнения"⁷¹.

Конкретных предложений "новая оппозиция" на этой стадии своего оформления не делала; какая именно политика должна прийти на смену критикуемой, она не указывала, и Бухарин был совершенно прав, когда в одной из своих речей того времени указывал, что в основе ее поведения лежит "скепсис и только скепсис"⁷²---неверие в возможность достигнуть каких-либо успехов в деле строительства без помощи мировой революции, в близкий приход которой они тоже не верили. Тем острее становились нападки Зиновьева и Каменева на официальную политику диктатуры в тех пунктах, где диктатура старалась идти на дальнейшие уступки крестьянству, особенно на попытки теоретического обоснования этой политики, на попытки доказать, что, проводя политику уступок, коммунисты, стоящие во главе правительства, продолжают политику Ленина. А так как на эти темы чаще и больше других писал и выступал Бухарин, который не только по своей писательской манере был склонен заострять формулировки, но и по методу мышления отличался большей, чем другие коммунистические авторы, независимостью мысли, очень скоро именно Бухарин стал центральной мишенью всех нападков⁷³.

Очень скоро под свою политическую критику "новая оппозиция" стала пытаться подводить "социологический" фундамент и перешла к теме, которая всегда была наиболее чувствительной для диктатуры, к теме классового перерождения советской власти и коммунистической партии. Если в печать этот вопрос выносили лишь одним краешком, указывая на идущий процесс "затопления нижних этажей советской власти мелкобуржуазным крестьянством" (Каменев), то за кулисами открытой полити-

ческой борьбы, на закрытых совещаниях единомышленников, в частных беседах с сочувствующими ближайшими оруженосцы Зиновьева шли много дальше и утверждали, что "мелкобуржуазная стихия" деревни не только "затопила" государственный аппарат, но и уже подчинила себе аппарат партийный. До нас дошли записи разговоров, которые вел на эти темы П. Залуцкий, тогда член ЦК и один из секретарей партийной организации Ленинграда при Зиновьеве, видевший в 1925 г. основную беду в том, что "государственный аппарат пленил ЦК партии, и давит на него и диктует ему свою политику". Он пояснял:

"В Москве громадный слой государственных чиновников, масса новой и старой буржуазии. Все это давит на нашу партию, создает в ней общественное мнение. Не мы ведем за собою чиновничество, а оно вместе с буржуазией определяет наше сознание"⁷⁴.

Сам Залуцкий был средним большевиком из рабочих, без оригинальных мыслей (от него остались две-три небольшие брошюры, сам он погиб в годы "ежовщины"). Мысли, которые он высказывал в таких разговорах, были явно не его собственные: так думали руководители ленинградской организации того времени, и имению в них, в этом примитивном "социологическом обосновании", следует искать ключ для понимания "новой оппозиции".

Зиновьев и Каменев, поскольку они отказывались от прямой постановки вопроса о смещении Сталина за те особенности его природы, про которые писал Ленин в своем завещании, и сделали попытку свой спор с ним вынести перед общественным мнением партии как спор политический, необходимо должны были считаться с настроением своего окружения, а в этом окружении наиболее влиятельную группу составляла верхушка партийной

организации Ленинграда. Эта верхушка была настолько влиятельна для "новой оппозиции", что последнюю тогда вообще часто называли "ленинградской оппозицией".

Но в Ленинграде процесс перерождения партийной организации в бюрократический аппарат в силу ряда условий начался раньше и проходил более быстрыми темпами, чем где-либо в других местах страны. В соответствии с этим здесь раньше и острее выявился основной антагонизм между коммунистами, занятыми в партийном аппарате, и коммунистами из аппарата государственного. Верхушка партийного аппарата здесь тем охотнее козыряла фразами о "перерождении" государственного аппарата, чем дальше зашел процесс ее собственного бюрократического перерождения. "Отрыв от масс" в партийной организации Ленинграда для ее верхушки был более резким, чем в других местах страны. Парадных конференций там созывалось много (последняя "зиновьевская" конференция декабря 1925 г. была двадцать второй по счету, т. е. в среднем по три в год), обставлялись они весьма торжественно, решения неизменно принимались единогласно, особенно любил Зиновьев форму "открытых писем" то к Троцкому, то к Московской организации, то к партии вообще, но за этим парадным фасадом скрывалась далеко не прочная стройка. Все держалось на приказах сверху, которые проводились партийным аппаратом. Порядки, царившие тогда в ленинградской организации, Бухарин назвал "соединением демагогии с фельдфебельскими методами управления партией"⁷⁵. Но нигде их сочетание не выносилось наружу в такой вызывающей форме, как в "вотчине Зи

новьева". При этом весь пафос фельдфебельской демагогии был направлен против государственного аппарата, т. е. против людей, которые хорошо видели меха-

нику грубой инсценировки. Залуцкий лишь повторял те фразы, которые были общими местами для всего окружения Зиновьева.

Социальный строй складывающегося тогда нового советского общества, на который пыталась опереться "новая оппозиция", был тем же самым слоем, выразителем настроений которого стремился стать и Сталин. Но последний к своей цели шел более осторожно, старательно подготавливая каждый свой шаг на этом пути, тщательно проверяя кадры, которые должны были стать его опорой. Зиновьев был много более опрометчив. Верхушка партийного аппарата, правда, с ним была тесно связана, но опоры в широких кругах членов партии он не имел, Широкими симпатиями здесь не пользовался. В этих условиях выиграть он не мог

В конечном итоге всей своей стратегией и тактикой "новая оппозиция" не только не ослабляла положения Сталина, не только не способствовала созданию единого фронта всех противников организационной политики последнего, а, наоборот, окончательно расколола верхушку "старой гвардии" большевизма, которая только одна, при условии ее солидарного выступления, еще могла в тот момент свалить Сталина на путях внутриорганизационного решения. Последнему оставалось только пожинать плоды "неумной дипломатии" (выражение Сталина) своих противников и, содействуя обострению спора между ними, сталкивая лбами фельдфебельскую демагогию "новой оппозиции" с "укрывателями кулаков" из группы Рыкова, создавать себе положение "третьей силы", которая не отождествляет себя ни с одной из спорящих сторон, а стоит над ними обеими, видит слабые стороны каждой из них и выступает в роли верховного арбитра, защищающего интересы партии как целого против всех, кто оказы-

вался повинным в ошибках и "уклонах"... Именно так себя Сталин и (повел, и его выступления на Четырнадцатом партийном съезде в декабре 1925 г. закрепили за ним положение верховного арбитра.

Но поражение, которое Сталин нанес своим противникам в 1925 г., было поражением не только "новой оппозиции" На Четырнадцатом съезде, по существу, было предрешено и поражение крестьянофильской группировки Рыкова--Бухарина--Томского,, хотя они на этом съезде формально были в лагере победителей, и хотя именно они вынесли на своих плечах главную тяжесть борьбы против Зиновьева и Каменева. Что было для них всего хуже, это тот факт, что они поражение потерпели, даже не развернув своих знамен, не сделав попытки произвести мобилизацию сочувствующих, не дав отчетливой формулировки своей позиции в тех пунктах, где она обособлялась от позиции Сталина, который,

открыто выступая в качестве их друга и союзника, на деле был их злейшим врагом и делал все, чтобы подорвать их влияние, ведя подкопы под их позиции всюду, где он только имел к тому возможности. Это поражение было прежде всего поражением идеологическим по центральному вопросу, который как раз тогда стал стержнем для всей внутрипартийной борьбы, а именно, по вопросу о "социализме в одной стране".

Биографы Сталина совершенно правильно этому вопросу уделяют много внимания, но борьбу вокруг него они неправильно рисуют, как борьбу между Сталиным, с одной стороны, и его противниками из лагеря Троцкого, Зиновьева, Каменева, с другой. Происхождение и существо спора много более сложно и разносторонне и только на фоне этой разносторонности становится полностью

понятным все его действительное значение для судеб диктатуры.

Вопрос о возможности построения социализма в одной стране, без победы социалистической революции в других странах, впервые стал предметом споров еще в период первой дискуссии о троцкизме в 1923--1924 гг., когда Сталин был членом "триумvirата" вместе с Зиновьевым и Каменевым. Все они ответ на этот вопрос давали отрицательный. Сталин не отличался от других. В апреле 1924 г. в первом издании своей основной работы "Об основах ленинизма", он писал:

"Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны -- об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран"⁷⁶.

В этот период Сталин смотрел на вопрос так, как на него смотрели тогдашние его союзники. С самого начала иной -- положительный -- ответ на этот вопрос давал Бухарин, который этот свой положительный ответ связывал с мыслями, развитыми Лениным в его пяти последних статьях и особенно в статье "О кооперации" (январь 1923 г.). В тот последний период своей жизни Ленин думал только над одной проблемой: какой должна быть политика диктатуры, чтобы не допустить крушения советской власти? Именно в этой связи Ленин пересматривал вопрос о роли крестьянства в деле построения социалистического строя. Анализируя положение страны, Ленин приходил к выводу, что "мы" имеем "все необходимое для построения полного социалистического общества" и

имеем объективную возможность его построить при одном обязательном условии' если советское правительство будет так строить свою политику, что союз между рабочими и крестьянами будет сохраняться и крепнуть Рычагом этого союза, по мысли Ленина, может и должна стать кооперация, ибо, как

формулировал тогда Бухарин мысли Ленина, "кооперативный строй в наших условиях это социализм"⁷⁷. Позднее Бухарин показал, что все пять последних статей Ленина внутренне связаны между собой заботой о сохранении союза с крестьянством и являются в целом "политическим завещанием Ленина". К этому необходимо добавить, что с этим политическим завещанием Ленина внутренне связано и то его завещание организационное, в котором он требовал удаления Сталина с поста генерального секретаря: единственная политическая мысль, введенная Лениным в это организационное завещание, -- мысль о необходимости союза с крестьянством.

Бухарин раньше других -- первым и едва ли не единственным из всех участников споров 1923--1925 гг. - начал давать положительный ответ на вопрос о возможности построения социалистического общества в одной России, без помощи мировой революции. Но делать это он мог только потому, что путь к этому социализму, а в значительной мере и само содержание социалистического общества, он стал рисовать себе существенно иным, чем все большевики предшествующих лет. В тогдашних спорах взгляды Бухарина порою называли неонародническими, в них видели элементы типичного народнического отношения к крестьянству. В известном смысле это правильно Бухарин, несомненно, тратил много усилий на преодоление антикрестьянских тенденций, которые были весьма влиятельны во всем марксистском

лагере русского социализма, не только у большевиков, но и у меньшевиков, а всего, быть может, значительнее в "легальном марксизме" П. Б. Струве и др. Но основное, что характерно для выступлений Бухарина этого периода, это определенно намечающаяся уже тогда его тенденция вернуться к общегуманистическим основам классического социализма. Отталкивание от гуманизма, который накладывает идейные путы на стихию революционного разрушения, требуя введения революционной ломки в рамки соблюдения элементарных прав человека, в предшествующий период, в эпоху борьбы большевиков за власть и в годы гражданской войны, у Бухарина выступало едва ли не с большей силой, чем у кого-либо другого из значительных представителей большевистского лагеря. Теперь он раньше других и смелее других в этом лагере начал думать о необходимости возвращения к основам гуманизма. Анализ работ этих лет не оставляет места для сомнения в том, что у него уже тогда начали складываться те концепции, которые позднее он развил в печати как теорию "пролетарского гуманизма"

Ту же формулу -- "социализм в одной стране" -- с конца 1924 г. начинает употреблять и Сталин, но содержание в нее он вкладывает совершенно иное: у него никогда в высказываниях

на эту тему не звучали ни крестьянофильские, ни вообще гуманистические ноты. Вопрос он ставит всегда в иной плоскости, внимание своей аудитории всегда концентрирует на других сторонах проблемы.

В середине 1920-х гг., когда шли главные споры по вопросу о возможности построения социализма в одной стране, Сталин ни разу не сделал даже попытки проанализировать обстановку, чтобы показать, какие именно

элементы ее позволяют ему считать построение социализма в России возможным, никогда и нигде не указывал, на какие именно социальные силы при этом можно опереться. Свой вывод он вообще не обосновывает, не доказывает, а декретирует: "Мы можем построить социализм". "Упрочив свою власть и поведя за собой крестьянство, пролетариат победившей страны может и должен построить социалистическое общество"⁷⁸. Его интересует совсем другая сторона проблемы: он старается вдолбить в голову своих читателей и слушателей, что, при наличии "диктатуры пролетариата", "мы" имеем все возможности своими собственными силами преодолеть "все и всякие внутренние затруднения", имеем все возможности справиться со всеми внутренними противниками. Именно в этом для Сталина подлинное существо проблемы построения социализма в России - в технической возможности подавления сопротивления крестьянства, в возможности заставить деревню подчиниться решениям, принятым диктатурой.

Для аудитории, которая тогда, зимою 1924--1925 гг., видела Сталина, выступавшим рядом с Бухариным и произносившим некоторые из тех формулировок, которые были характерны для концепций последнего, не могло не казаться, что она имеет дело, если не с единомышленниками, то во всяком случае с людьми которые заключили союз "всерьез и надолго". Нет никакого сомнения в том, что именно такое впечатление в те месяцы Сталин стремился создавать. Тогда это было ему выгодно и полезно. Тем важнее подчеркнуть, что и тогда между построением социализма по Бухарину и построением социализма по Сталину не было ничего общего: по Бухарину партия, поскольку речь идет о внутренней политике, должна была взять курс на десятилетия органическо-

го кооперативного строительства и культурной работы, все время, в каждом своем действии стараясь "зацепиться за частнохозяйственные интересы крестьянина", и идя навстречу этим интересам, в то время, как план Сталина, освобождая партию от обязанности заботиться об интересах международного коммунистического движения, по существу, начинал расчистку идеологического пути для подготовки принудительной коллективизации. Теория "социализма в одной стране" по Сталину стала алгебра

ической формулой, обосновывавшей право партийной диктатуры на безграничное применение внеэкономического насилия в отношении крестьянства, если только она имеет достаточно физических сил для успешного проведения этого насилия.

Тщательность, с которой взвешены все формулировки печатных высказываний Сталина по этому вопросу в те месяцы, не оставляет места для сомнений в том, что он превосходно понимал различие своей позиции от позиции Бухарина. На союз с последним и с "крестьянофилами" вообще он пошел с заранее обдуманном намерением обмануть союзников. Видимость союза с "крестьянофилами" Сталину тогда была необходима ввиду трудности положения, в которое он попал в период ликвидации "триумvirата". Кризис последнего в плоскости личных отношений совпал с большим кризисом политического руководства, которое переживала верхушка диктатуры. Чистка вузов, которую проводила диктатура зимой 1923--1924 гг., не стояла изолированно. Она скрещивалась с первой попыткой "обуздать НЭП" и в особенности подтянуть деревню. Политику эту вел "триумvirат", но движущей силой был Сталин.

Летом 1924 г. стало ясным, что политика эта потерпела жестокое банкротство, особенно в деревне. Восстание в Грузии в августе-сентябре 1924 г. было по личным директивам Сталина потоплено в крови, но в этом; восстании были элементы, которые вызывали длительную тревогу в Кремле: после того, как восстание рабочих в промышленных центрах Грузии было подавлено, деревня в течение нескольких недель продолжала оказывать упорное, местами даже ожесточенное сопротивление. Расследование о причинах восстания, проведенное по свежим следам, показало, что в его размахе большую роль играли факторы не только национальные, но и социальные, и важнейшим среди них было недовольство крестьянства деревенской политикой советской диктатуры.

Пленум ЦК, собравшийся в октябре, подводил итоги. Выяснилось, что грузинские настроения не стоят изолировано, что тревожные сигналы о растущем недовольстве деревни приходят отовсюду. Сталин в своем докладе огласил письмо секретаря Гомельского комитета партии, который сообщал о массовых отказах крестьян выбирать окладные листы для заявлений о налогах. "Такие же сообщения, -- прибавлял он, -- имеются в ЦК из Сибири, Юго-Востока, Курской, Тульской, Ульяновской и др. губерний". Отовсюду сигнализировали, что недовольство в деревне повсюду нарастает и обостряется. "Настроение на местах у наших работников, -- обобщал Сталин, -- неважное. Деревня представляет взбудораженный улей"⁷⁹.

Пленум проходил под впечатлением этой информации. Официальное сообщение о нем, напечатанное в газетах, ни в малой мере не отражало атмосферы, которая царила на пленуме, но во время фракционных споров последних лет об этом пленуме было рассказано немало

интересных подробностей. Восстание в Грузии сравнивали с восстанием 1921 г. в Кронштадте и говорили о необходимости изменения политики в деревне, если не (желать повторения их по всей стране. За изменение политики и за "поворот лицом к деревне" высказались не только Зиновьев с Каменевым, но и Троцкий, у которого в 1924 г. вообще проскальзывали нотки стремления сблизиться с группой Рыкова: в интервью, которое он дал В. Резвику летом 1924 г., еще до восстания в Грузии, он не только поддерживал хозяйственную политику Рыкова, но и самым решительным образом критиковал "триумвират" за его тогдашний курс на ограничение НЭПа. Он не скрывал своего расхождения с Рыковым по вопросам внешней политики, но тем определеннее подчеркивал, что НЭП спас страну и что он готов к лояльному сотрудничеству на базе НЭПа в области хозяйственного строительства. Дипломатом Троцкий никогда не был, в людях он разбирался слабо, внутрипартийной политики, необходимо связанной с интригами, вести не умел да и не хотел. Тем увереннее можно было быть, что свое обещание лояльного сотрудничества он выполнит.

Последний этап политики "триумвирата" с попытками урезать НЭП на пленуме был подвергнут суровой критике, и ни для кого не было секретом, что главная ответственность за него ложится на Сталина. "Крестьянофильская" группировка, находившаяся тогда, правда, в стадии оформления, но уже тогда ведшая решительную борьбу за расширение НЭПа в деревне, всеми рассматривалась как доказавшая свое умение правильно разбираться в обстановке. Именно на этом пленуме была намечена в ее основе та линия, которая определила политику диктатуры на ближайший период, и которая наиболее полное официальное выражение нашла в резолюциях Че-

тырнадцатой общепартийной конференции (апрель 1925 г.) и Третьего съезда Советов. Не только был понижен сельскохозяйственный налог, но и установлены льготы ' по сдаче земли в аренду, по найму рабочей силы и т. д. Шла речь о закреплении за крестьянами на ряд лет тех земельных участков, которые находились в их пользовании. Партия поворачивалась "лицом к деревне".

В этой обстановке создавалась вполне реальная возможность образования прочного большинства на верхушке диктатуры для работы в направлении расширения НЭПа, причем эта политика легко могла повести к политической изоляции Сталина, положение которого, к тому же, было крайне осложнено острыми нападками

на него многих грузинских большевиков, резко обвинявших его за политику в Грузии. В этом контексте и следует рассматривать тот крутой поворот в крестьянской политике, который сделал Сталин. Если б Сталин тогда открыто выступил против политики уступок "частнохозяйственным интересам крестьянина", с защитой политики, которую он проводил в 1924 г. и к которой вернулся в 1928 г., переломить настроения он ни в коем случае не смог бы. Курс "лицом к деревне" был бы все равно взят. Теперь же, делая видимость своего перехода в лагерь союзников "крестьянофильского" крыла партии и повторяя за другими критику своей собственной вчерашней политики, едва не приведшей к новому Кронштадтскому восстанию, Сталин не только приносил им с собою в качестве приданого весь груз личных конфликтов, накопившихся за последние годы, но и получал возможность саботировать их успехи изнутри. Это был типичный пример сталинского "гнилого компромисса" с заранее об-

думанным намерением обмануть своего противника, назвавшись его союзником.

* * *

В критические дни после смерти Ленина Зиновьев с Каменевым спасли Сталина. Втроем они составляли "триумvirат", в русском просторечии "тройку", который перед тем, в течение полутора-двух предшествовавших лет, начиная с первого удара у Ленина, был верховным органом власти в стране, действуя в качестве исполнительной комиссии Политбюро. По замыслу, ведение большой политики должно было лежать на Зиновьеве и Каменеве (Зиновьев - председатель Коминтерна, Каменев -- заместитель председателя Совнаркома), Сталину была назначена роль исполнителя по линии партийного аппарата. Его хотели использовать как рабочую силу. На практике отношения сложились совсем по-иному. Сталин оказывал решающее влияние на большую политику "тройки". Зиновьев и Каменев были заняты работой в других местах (Зиновьев, помимо всего прочего, был председателем Ленсовета и должен был много времени проводить в Ленинграде). Сталин постоянно сидел в помещении ЦК партии, где была штаб-квартира "тройки", присвоил себе функции секретаря-распорядителя последней и ставил остальных перед совершившимися фактами. Его власть росла, и он с такой напористостью продвигал себя на роль центральной фигуры всей вообще машины диктатуры, что Зиновьеву с Каменевым и раньше, до смерти Ленина приходилось выработать разные инструкции, чтобы умерять аппетиты "генсека".

Завещание Ленина нанесло удар престижу Сталина, и нет сомнений, что Зиновьев с Каменевым, спасая Сталина, были увере

ны, что теперь-то они будут держать его в своих руках. Есть основания полагать, что Сталин дал даже им какие-то обещания. Если так, то это один из самых удачных "гнилых компромиссов" в его биографии.

Сталин, несомненно, понимал, что от его поведения в эти дни зависит весь его авторитет как раз в тех кругах, которые были для него особенно важны, -- в кругах партийных "средняков", которыми как раз в это время он заполнял аппарат партии, как в центре, так и на местах. Именно в этой среде Сталин вербовал своих сторонников. Отбор их он производил не на основе той или иной политической платформы и не по идеологическому привнаку. Вопросы идеологии играли решающую роль при формировании других фракций. Сталин шел иным путем: он искал людей, которые волю к власти сочетали бы с умением смотреть в глаза действительности. Споры других фракций о политике были в их основе поисками такой политической линии, которая в той или иной мере примиряла бы страну с диктатурой и могла бы обеспечить последней поддержку тех или иных слоев населения. Сталину нужны были люди не строившие себе таких иллюзий. Они знали, что народ в огромной массе против них, против, их политических и особенно хозяйственных экспериментов, и что если снять со страны железные обручи диктатуры, то компартии при всякой ее политике придется скоро распрощаться с властью. Держаться у власти она может только путем насилия, а для проведения политики насилия против огромного большинства населения страны необходимо превратить партию в железный кулак, скованный суровой дисциплиной и подчиненный единой воле. Внутрипартийные вольности былых лет, право свободной критики, право иметь свое собственное мнение и т. д. -- все это они готовы были

принести в жертву во имя сохранения диктатуры и искали вождя, который был бы способен пускать этот кулак в действие в нужные моменты и с нужным умением.

Завещание Ленина на них произвело впечатление, так как исходило от Ленина, который их привел к власти и которого они поэтому привыкли слушаться. В дни оглашения завещания они проголосовали бы, конечно, против Сталина, но были рады, когда Зиновьев и Каменев дали им предлог не выполнять волю умершего. По существу же, деяния, которые Ленин ставил в вину Сталину, в их глазах не имели особенного значения: грубость они легко прощали Сталину, так как этой грубости было много во всей работе террористического аппарата диктатуры, а оттуда она не-могла не проникать и в быт диктаторов, тем более, что Сталин тогда ее умело маскировал под плебейское запанибратство; его умение интриговать многим из них даже импонировало, так как в нем часто видели способ самозащиты против интеллигентов,

людей с хорошо привешенными языками, но с малым пониманием реальной действительности. Все эти обвинения им должны были казаться мелочами по сравнению с теми огромными трудностями, которые поднимались перед каждым из них в процессе повседневной работы на местах и значение которых для интеллигентов-идеологов", по мнению коммунистов-"практиков", оставалось скрытым за старыми книжными формулами.

17 июня 1924 г. Сталин впервые выступил открыто против Зиновьева и Каменева в речи, произнесенной им на одном из закрытых заседаний. Тот факт, что речь эта с сохранением всех выпадов против Зиновьева и Каменева уже 19--20 июня появилась в "Правде", показывал, что речь шла о заранее продуманном нападении, и что Ста-

лин уже имел весьма влиятельных новых кандидатов в союзники внутри Политбюро, так как напечатать такую статью в "Правде" он мог только при помощи Бухарина, главного редактора газеты. Статья действительно стала весьма значительным этапом в биографии Сталина и в общей политике ВКП(б).

В этой речи Сталин, прежде всего, впервые высказал претензию на роль единственного полномочного толкователя взглядов Ленина. Взятое под этим углом зрения выступление Сталина, несомненно, стояло в связи с имевшим место всего лишь за несколько дней перед тем выходом в свет первого издания его очерков "Об основах ленинизма", очерков, которые, как известно, до конца оставались главным "теоретическим трудом" Сталина и занимают центральное место во всех изданиях его "Вопросов ленинизма". В этих очерках Сталин дал крайне одностороннюю и узкую, но, несомненно, внутренне цельную концепцию взглядов Ленина на стратегию и тактику коммунистов в борьбе за власть (как в национальных рамках, так и в международном масштабе), и требовал, чтобы именно эта интерпретация Ленина была сделана обязательной для всей партийной пропаганды.

Но наиболее важным в этой речи было все же другое, а именно ее внутривнутрипартийное значение: нападение на Зиновьева и Каменева было открытым заявлением Сталина о его готовности взорвать "тройку" и пойти на полную перегруппировку сил на партийной верхушке. Правда, по своей обычной системе, он еще не рвал окончательно связей и со своими прежними коллегами по "тройке", еще сохранял возможность совместной работы и с ними (и поэтому пошел на компромиссное улаживание данного конфликта). Но открытое предупреждение о своей готовности пойти на соглашение с принципиальными

противниками политики, которую вела "тройка", им уже было сделано. В своей речи он подчеркнул, что формулировка Зиновьева существенно отличается от формулировок Ленина, который учил, что распределение функций

в диктатуре должно быть иным: "Советы осуществляют диктатуру, а партия руководит Советами". А это было как раз то, чего добивались противники "тройки" внутри Политбюро, боровшиеся против диктатуры партийного аппарата над аппаратом советского правительства.

ГЛАВА 7 Сталин

и Маленков

Едва ли не с первого же момента своего прихода на пост генерального секретаря

ЦК партии Сталин стал проявлять не только усиленный интерес ко всем вопросам, связанным с деятельностью ГПУ и других органов политической полиции и международной разведки, но и стремление оказывать свое влияние на их деятельность. На первых порах ему, правда, это не всегда удавалось. Большой отпор он получил от Дзержинского, который тогда возглавлял ГПУ и считал, что этой деятельностью должен руководить председатель Совнаркома. Свои доклады Дзержинский, поэтому, делал только Ленину (позднее, еще при жизни последнего и по его личному указанию, Дзержинский стал делать их Рыкову) и только от него получал руководящие указания. Отчитываться перед Сталиным, Несмотря на свои в начале хорошие с ним личные отношения, Дзержинский решительно отказался и до самой смерти ни одного официального доклада ему не представил.

Авторитет Дзержинского в то время был настолько велик, его бескомпромиссность и негибкость в вопросах,

которым он придавал принципиальное значение, были настолько общеизвестны, что Сталин (положение которого было непрочным настолько, что в 1923--1925 гг. он несколько раз подавал заявления о сложении с себя звания генсека), должен был с этим отказом примириться, затаив личную злобу против Дзержинского. Но руку свою на ГПУ Сталин и в этот период начал накладывать, оказывая по линии Оргбюро влияние на подбор ответственных работников ГПУ. Именно в этот период протянулись первые нити между Сталиным и Ягодой, который был в то время секретарем партийной ячейки ГПУ и в качестве такового имел постоянную связь с Оргбюро и секретариатом ЦК. Но только позднее, когда Дзержинский умер (по времени это приблизительно совпадало с оформлением Политбюро как высшего органа власти в стране, стоящего над Совнаркомом), Сталин смог формально взять на себя функцию верховного наблюдения над ГПУ, с тем, чтобы уже никогда ее из

своих рук не выпускать. Он хорошо знал, что для диктатора всего важнее быть полным хозяином над политической полицией.

Несколько позднее свою власть Сталин распространил и на другие органы политического розыска и разведки, в частности на секретный аппарат Коминтерна. Им Сталин интересовался и раньше, и его статьи по вопросам Коминтерна (например, статьи о "большевизации" немецкой компартии в 1925 г.) показывают, что он придавал огромное значение проблемам, связанным с развертыванием и муштровкой подпольного аппарата компартий Запада.

Этот аппарат имеет свою историю. Уже Второй конгресс Коминтерна, в июле 1920 г., принял решение, обя-

зывающее все компартии наряду с открытыми массовыми организациями создавать особые подпольные группы, имеющие специальное назначение, как, например, группы для работы в армии, для связей в полиции и в других правительственных органах, для сбора секретной информации, для тайной работы в других политических партиях с целью их разложения и т. д. Все эти группы специального назначения с самого начала содержались на средства Коминтерна, т. е. фактически советского правительства, но организационно в начале они были подчинены центрам соответствующих компартий и работали под их руководством. В Германии в 1919--1924 гг. именно такие подпольные группы были организаторами всевозможных авантюр -- заговоров, покушений, путчей и т. п. Некоторое представление, хотя и далеко не полное, об их деятельности тех лет дают отчеты о на шумевших тогда в Германии процессах (особенно дело о так называемой "лейпцигской Чека").

Гамбургским восстанием 1923 г. и серией последующих процессов заканчивается этот первый период истории аппарата. С середины двадцатых годов остатки старого аппарата, разгромленного арестами, прочно прибирает к своим рукам центр Коминтерна, в это время завершавший процесс своего превращения во все более и более послушное орудие московского Политбюро. Именно в это время Коминтерном начинает систематически интересоваться лично Сталин, под руководством которого и проводится "большевизация" компартий Запада, т. е. последовательное создание повсюду коммунистического подполья.

Законспирированный не только от органов власти соответствующих буржуазных стран, но и от официальных органов местных компартий, строго централизован-

ный и дисциплинированный, усиленный большим количеством специально присланных "профессиональных революционеров", аппарат становится послушным орудием Москвы прежде всего для надзора за местными компартиями и для удержания их в полном ей повиновении. С его помощью проводится разложение верхушек национальных компар

тий там, где на этих верхушках была сильна тяга к национальной независимости местного коммунистического движения. Эта внутренняя роль аппарата настолько велика, что развитие Коминтерна невозможно понять, не зная истории формирования и работы аппарата.

Процесс организационной "сталинизации" Коминтерна был одной из сторон большого основного процесса перерождения мирового коммунизма в направлении от ленинизма, как крайнего утопически-бунтарского крыла международного рабочего движения эпохи начала XX в., к сталинизму, как особой разновидности тоталитарного этатизма, лишь внешне сохраняющего элементы прежней коммунистической фразеологии. В процессе этого перерождения менялась (и изменялась) вся вообще "философия эпохи" большевизма, слагалась (и сложилась) совершенно новая концепция как содержания той "мировой коммунистической революции", которая является основной задачей всей деятельности коммунистов, так и их стратегии и тактики борьбы за нее.

Для коммунистов, захвативших власть в России в октябре 1917 г. во главе с Лениным и Троцким, мировая коммунистическая революция была суммой, слагавшеюся из ряда насильственных переворотов, совершаемых во Франции силами французского, в Англии силами английского, в Германии силами немецкого и т. д. рабочего дви-

жения. СССР должен был оказывать всемерную помощь этим движениям; эта помощь могла быть весьма значительной и доходить даже до вооруженного вмешательства в дела других стран. Но она все же оставалась в основном только помощью движениям, которые вырастают на местной почве, из местного рабочего движения (и возглавляются силами, выдвинутыми этими движениями. И Ленин, и Троцкий, и все первое поколение большевиков, хотя и подвергали суровой критике рабочее движение Запада, с большим уважением относились к коммунистическому движению на Западе, считались с его особенностями.

Сталин, наоборот, всегда был свободен от элементов уважения к рабочему и коммунистическому движению Запада. И несомненно, что все поправки Сталина к ленинской концепции мировой коммунистической революции продиктованы именно этими настроениями; так как пролетариат Запада не революционен по своему существу и не хочет делать мировую революцию, то эту революцию надо импортировать из СССР. Конечно, элементы насильственного привнесения революции с советского востока на демократический запад имелись в большевистской идеологии и до Сталина. Ни Ленин, ни Троцкий в этом вопросе совсем не были "вегетарианцами". И Сталин, обосновывая свои поправки к ленинской концепции, нередко с полным правом ссылался на самого же

Ленина. Но эти ленинские элементы привнесения революции извне у Сталина настолько концентрированы, что взгляды последнего правильнее будет рассматривать не как поправки и дополнения к ленинской концепции, а как особую, внутренне целостную концепцию, в ряде от-

ношений резко противостоящую ленинской, хотя ее автор был учеником и продолжателем Ленина.

Согласно Сталину с момента создания советского правительства основной движущей силой мировой революции стала "пролетарская диктатура в СССР", вооруженная до зубов армия которого и должна на кончиках своих штыков пронести революцию через весь мир. Настроения рабочих масс в тех странах, куда должны будут прийти советские армии, общий характер тамошнего рабочего движения, даже размеры влияния местных коммунистов -- все это имеет лишь третьестепенное значение. Выбор времени и места для удара этих армий, его направление и лозунги -- все это должно определяться не задачами помощи движениям "братских партий", а соображениями большой политики вождей СССР, как единственной в мире страны, где победившая "пролетарская диктатура работает над завершением "мировой революции".

В полном соответствии с этим роль советских армий отнюдь не ограничивается задачами разрушения старого мира, т. е. ломкой государственной машины буржуазных стран, которая не позволяла силам местного рабочего движения делать революцию. Сама являясь высшим достижением строительства пролетарской диктатуры, советская армия имеет и положительные задачи. В странах, которые она оккупирует, она может и; должна выступать еще и в роли строительницы, закладывающей основы "нового мира". Вся без исключения деятельность местных коммунистов должна быть полностью подчинена интересам большой политики СССР и даже в мелочах следовать указаниям, приходившим из Москвы, которая, конечно, имеет полное право никого не посвящать в свои секрет-

ные замыслы, но которую обязаны безоговорочно поддерживать все коммунисты мира.

* * *

Пока во главе Коминтерна стояли сначала Зиновьев, затем Бухарин до конца 1928 г. Сталин вынужден был быть весьма осторожным в попытках подчинить аппарат своему действительному контролю. Только после устранения Бухарина и прихода в Коминтерн Молотова, прямого ставленника Сталина, возможности последнего возросли. Тем не менее и после этого прихода, в виду особых условий коминтерновской работы, Сталин не мог прямо изъять аппарат из системы органов Коминтерна. А по-

скольку аппарат хотя бы, формально находился в подчинении Коминтерна, постольку Сталин был вынужден до поры до времени сохранять за ним какую-то видимость независимости. К власти над аппаратом приходилось идти другим путем. Еще раньше установилась практика всех ответственных работников на секретные работы по Коминтерну назначать только из кандидатов, одобренных делегацией ЦК ВКП(б). Теперь таких кандидатов проводили через Учено-распределительный отдел ЦК ВКП(б) (Учраспред), за которым стоял личный секретариат Сталина.

Именно через эти двери и именно около этого времени к власти над аппаратом начал подходить Маленков, который, конечно, по указаниям Сталина, сначала собирал сведения о личном составе работников аппарата, а затем, в годы "ежовщины", подверг этот состав жесточайшей чистке. В предшествующие годы главные кадры работников аппарата вербовались из рядов иностранных коммунистов, активных участников всевозможных комму-

нистических авантюр предшествовавшей эпохи, живших теперь эмигрантами в Москве. Жили они совсем особым мирком, никогда не сливавшимся с миром коммунистов советских, своего рода немецкой слободой, которая в Москве двадцатого века держалась, быть может, даже дальше от внешнего мира, чем немецкая слобода времен Ивана Грозного. Вращались только в своей среде, вспоминали о прошлом, ворчали на современность и считали себя "хранителями традиций героического прошлого". Это была "питающая среда" аппарата Коминтерна вообще и его секретного аппарата в особенности. В 1936--1938 гг. Маленков расправился с ними со всеми: и с аппаратом служащих Коминтерна, и с центральными работниками секретного аппарата, и с "питающей средой" вообще. Уцелели лишь те, кто зарекомендовал себя собачьей преданностью Сталину. Остальных или уничтожили, или разослали по дальним концлагерям. Особенно беспощадной была расправа с эмигрантами немецкими, польскими и из Прибалтики. В Москве тогда говорили, что если бы чисткой руководил Гиммлер, он не смог бы быть более беспощаден.

Нельзя сказать, чтобы сравнение с Гиммлером было полностью необосновано. Дело, конечно, не в том, что Маленков принадлежал к числу людей, много более последовательных, чем педант из школьных учителей Гиммлер. Важнее, что чистка вообще была внутренне связана с переводом аппарата на совсем другую внешне-политическую установку: Сталин круто взял курс на сближение с Гитлером, и Маленков прочищал аппарат, чтобы он не стал давать перебоев в критический момент.

От мысли о возможности сговора с немецким милитаризмом и фашизмом Сталин никогда не отказывался.

Следы этой концепции можно найти в ряде его высказываний уже в 1933--1935 гг.,

когда во внешней политике СССР откровеннее всего звучали антифашистские ноты. Но в начале 1936 г., как мы знаем из опубликованных позднее материалов, Сталин решил, что пришло время от слов переходить к действию и одновременно с началом подготовки к большим процессам и чистке он перешел к практическим мероприятиям по поискам путей к сговору с Гитлером. Именно в это время на заседаниях Политбюро Сталин стал настойчиво подчеркивать, что сговор с Гитлером и необходим, и возможен. Именно для этого в Берлин были посланы специальные агенты с целью найти пути для сближения. Таковыми людьми были Канде-ляки, старый знакомый Сталина, которого назначили торгпредом в Берлин, и берлинский секретный резидент НКВД, выступавший тогда под псевдонимом Рудольф и с тех пор сделавший блестящую карьеру в качестве советского дипломата. Рудольф стал искать подходящих людей в партийном окружении Гитлера, и дело сдвинулось с мертвой точки. Уже в декабре 1936 г. Сталин в качестве руководящей установки для всех ответственных работников политической разведки за границей дал директиву: "С Германией в ближайшее время мы сговоримся!". Сведения об этих переговорах тогда же дошли до американских органов: запись о них, на основе разговора с известным журналистом Вольтером Дюранти, имеется в дневнике проф. Вильяма Е. Додда, тогдашнего посла Соединенных Штатов в Берлине (от 11 апреля 1937 г.). По времени эта запись совпадает с датой полета Рудольфа в Москву с первыми предложениями людей из окружения Гитлера. Додд записал и о своих сомнениях, что эти переговоры могут касаться политических вопросов; ему казалось, что дальше переговоров по

вопросам хозяйственным Гитлер пойти; не может: это было результатом органической неспособности для честного демократа понять меру подлости тоталитарных диктаторов.

На самом деле переговоры касались как раз самых больших политических вопросов, вплоть до вопросов о "черном переделе" всего мира. Именно поэтому они сильно затянулись. Тем основательнее была проведена чистка всего аппарата. Расправлялись со всеми, относительно кого могла возникнуть мысль, что они не примут идеи соглашения с гитлеровской Германией. Единственное, что должно было остаться от прежней идеологии, это безграничная, слепая вера в то, что СССР составляет важнейшую базу мировой революции, и что бы ни делали советские вожди, это идет на пользу мировому коммунизму.

Расправы особенно усилились, когда два крупнейших резидента НКВД за границей, работавшие в тесном контакте с аппаратом, не престо порвали с НКВД, но и начали выступать с разоблачениями в зарубежной печати. Это были Раис и Кривицкий, работавшие в различных органах зарубежной разведки с 1919-

1920 гг. и пользовавшиеся до того полным доверием. Оба они были евреями, и очевидно, что на их решение повлияли планы Сталина вступить в союз с воинствующим антисемитом Гитлером.

* * *

Накануне пакта Сталина с Гитлером новый послушный Сталину аппарат развернул настоящую вакханалию дезинформационной работы, задачей которой было прикрыть переговоры, начавшиеся между Сталиным и Гитлером, и в тоже время сделать невозможным какое бы то ни было смягчение отношений между Гитлером и демо-

кратическими странами Запада. Достаточно напомнить кампанию, которую органы аппарата развертывали накануне пакта Молотова -- Риббентропа с целью вовлечения демократий Запада в конфликт не только с Германией, но и Японией. Советская диктатура, в этот период изображалась непримиримым и наиболее последовательным врагом фашизма, борцом против "мюнхенского сговора" с Гитлером и уступок "японскому милитаризму". В действительности же; это делалось для набивания цены, которую Сталин хотел получить от Гитлера и Японии за свой переход на их сторону.

Линия, которую вел аппарат в течение тех 22 месяцев, когда действовал пакт Молотова--Риббентропа, конечно, была во многих пунктах диаметрально противоположной предшествующей: все силы аппарата были брошены на дезорганизацию тыла демократических стран, т. е. на политическую помощь Гитлеру. В разных странах их деятельность, естественно, носила различный характер. Но при всем этом отличии она была полна целеустремленности. Леон Блюм заявил в свое время в палате депутатов, что подпольные листки коммунистов нет возможности отличить от продуктов пораженческой пропаганды гитлеровцев. Материалы, опубликованные известным французским исследователем А. Росси о периоде "странной войны" 1939--1940 гг., показывают, что это утверждение Блюма уже недостаточно: есть много оснований говорить о наличии и прямого сознательного сотрудничества сталинского аппарата с гитлеровской секретной агентурой. Для того, чтобы разгромить демократическую фракцию, сталинский аппарат делал буквально все, что было в его силах.

Тот же самый характер прогитлеровская работа аппарата носила в Америке, где советское правительство

сделало попытку сорвать ту материальную и моральную помощь, которую Америка начинала оказывать борющимся против Гитлера странам Западной Европы. "Марш на Вашингтон", пикетирование коммунистами Белого дома за его политику поджигания войны, усиленное раздувание всех промышленных конфликтов, в особенности в от

раслях, так или иначе связанных с работой на войну, все это были выступления, которыми Коминтерн по праву мог гордиться в обзорах, приуроченных к 1 мая 1941 г.

Совсем иной характер носила деятельность аппарата в странах гитлеровского) блока: здесь они были тише воды, ниже травы. "Ди Вельт" - главный орган аппарата для Германии, выходивший в 1939--1941 гг. в Стокгольме, совершенно избегал критики политики и действий Гитлера. Единственные критические удары, которые были направлены против гитлеровской политики, были удары против "плутократических групп" в окружении гитлеровского руководства, которые стремятся к сговору с "плутократами" англо-американскими и тем ставят под угрозу дело прочного сближения народов Германии и СССР. Главной опорой этих "изменнических" планов и главным носителем элементов разложения в немецком народе объявили немецких социал-демократов, провозглашенных "агентами англо-американского империализма".

Пресса, находившаяся в орбите влияния аппарата, усиленно разъясняла какие блага принесет прочный союз Германии с СССР, и печатала карты передела мира, на которых "германо-африканская" империя (то был период первого похода Роммеля) мирно уживалась рядом с

огромной "Евразией", протянувшейся далеко за Константинополь, на всю Переднюю Азию и Иран, к берегам Персидского залива и Индийского океана.

Еще более трудным испытанием для аппарата явился новый поворот во внешней политике Советского Союза, поворот, явившийся результатом "вероломного" и "не спровоцированного" нападения Гитлера 22 июня 1941 г. Положение аппарата было, действительно, исключительно трудным. Все старые установки больше никуда не годились, все организации, созданные для прикрытия, были полны ненадежных людей. И тем не менее аппарат почти без заминки перешел на новую работу. Особенно это было заметно в Америке, где люди, чуть ли не вчера ходившие с плакатами у Белого дома, проклиная "поджигателя войны" Рузвельта, буквально на следующее утро стали появляться у того же Белого) дома в роли просителей, доказывающих необходимость вмешаться в войну, чтобы спасти Сталина.

Правда, фирма официальной компартии оказалась слишком скомпрометированной, чтобы быть пригодной для широкого использования. Поэтому ее с самого же начала старались по мере возможности оттеснить на задний план, а вскоре и вовсе ликвидировали, формально распустив всю партию. Тем больше простора открылось для всевозможных попутчиков, которых стал мобилизовать и направлять аппарат. В итоге заслуги аппарата в деле реабилитации Советского Союза и привлечения к нему симпатий широких слоев американского населения оказались огром

ными и во много раз превзошли заслуги компартии. Именно в этой обстановке родился акт о роспуске Коминтерна (май 1943 г.), явившийся одновременно и вели-

чайшей победой аппарата над официальными компартиями, и одним из величайших обманов военных лет, облегчившим Сталину внешнеполитическую игру.

Значение этого роспуска на Западе всегда толковалось и теперь продолжает толковаться совершенно неправильно. Его рассматривают как уступку, которую советское правительство вынуждено было сделать под давлением своих тогдашних союзников (прежде всего Америки), которые настойчиво требовали от Кремля прекращения вмешательства во внутренние дела других стран. Эта внешняя видимость роспуску действительно была придана, так как Сталин, крайне нуждавшийся тогда в помощи Запада, именно это впечатление и стремился создать. Однако вмешательство в дела других стран через посредство Коминтерна и официальных компартий было уже пройденной ступенью развития СССР. Это оружие было не только скомпрометировано, так как его знал весь мир, но и изношено, так как пределы влияния официальных партий Коминтерна уже выявились как весьма ограниченные. Особенно мало пригодным и мало полезным это оружие оказывалось в военное время, когда мало где сохранялись возможности для открытой политической борьбы. Для работы же и в подполье, и в Америке много более удобной и политически рентабельной формой был аппарат. Роспуск Коминтерна работе последнего не только не мешал, а наоборот, облегчал ее, еще шире, чем прежде, открывая двери всевозможных салонов и политических лобби для негласных представителей аппарата, которые охотно отмежевывались от закрытого Коминтерна.

Роспуск Коминтерна, а затем последовавшая переименовка компартии Америки были актами не отказа Кремля от вмешательства во внутренние дела Америки, а

закреплением новой формы этого вмешательства, много более выгодной для политики Сталина. Роспуск Коминтерна окончательно лишил иностранных коммунистов возможности оказывать какое бы то ни было влияние на политику Кремля. Эта возможность и в предшествовавший период не была значительной. Времена, когда секретарь Исполкома Коминтерна имел право участвовать в заседаниях Политбюро, уже давно ушли в прошлое. Сталин не имел никакого желания свою внешнюю и внутреннюю политику согласовывать с интересами презираемого им международного коммунистического движения. Роспуск Коминтерна устранял еще один чужеродный нарост на теле диктатуры, которая все полнее и полнее "эволюционировала" в сторону тоталитарной, ничем не прикрытой деспотии

Роспуск Коминтерна стал не театральной декорацией, а серьезным актом. Коминтерн, т. е. та организация, которая объеди

няла компартии всего мира, был действительно ликвидирован. Его издательская деятельность была прекращена. Его открыто функционировавший официальный аппарат был распущен. Но этот роспуск ни в малой мере не уничтожал влияния Кремля на иностранные компартии, ни в какой мере не освобождал их от обязательства выполнять кремлевские приказы. Он только освобождал Политбюро от необходимости в какой-то мере прислушиваться к мнениям иностранных компартий и окончательно передавал всю власть над последними тайному аппарату.

Именно в это время этот аппарат нашел, наконец, своего подлинного возглавителя, Маленкова, официально ставшего во главе аппарата. При роспуске Коминтерна

все его связи и все1 ему подведомственные организации были переданы Иностранному отделу ЦК ВКП (б), безраздельным хозяином которого в это время был Маленков. Последний, прочистив аппарат в 1937--1938 гг., несомненно, заполнил его своими людьми: он был тогда главою всех кадров партии.

* * *

После Восемнадцатого съезда закулисная роль Маленкова выходит на открытую поверхность жизни ВКП(б), и по партийной линии он становится правой рукой Сталина. На этом съезде снова был пересмотрен устав партии, причем одним из важнейших изменений была централизация и универсализация (если можно употребить этот термин) учета членов партии. На место прежнего отдела руководящих парторганов, который брал на учет только ответственных работников, в аппарате ЦК было создано Управление кадров. Уже само это название показывало, в каком направлении шел процесс изменений: Управление, возглавляемое "начальником" (этот термин тогда впервые появился в уставе ВКП (б)), не только брало на учет те или иные группы партийных работников, оно должно было управлять всеми кадрами партии.

В основу деятельности Управления кадров с самого начала лег принцип обязательности строго "персонального учета каждого члена и кандидата партии" (слова Маленкова на Восемнадцатом съезде). К моменту этого съезда (точнее к 1 марта 1939 г.) таковых имелось почти 2, 5 млн. (1 588 852 члена и 888 814 кандидатов). На каждого из них была заведена особая индивидуальная карточка с подробными биографическими данными. Эта индивидуальная карточка часто разрасталась в большое

досье и позволяла знать, что из себя данный коммунист представляет и на какую работу он может быть назначен, какой пост партия может ему доверить. Все эти члены и кандидаты были разбиты на категории -

по степени ответственности работ, которые они могут выполнять, и в зависимости от этой категории они подлежали ведению или местных организаций, или Обкомов, или ЦК.

Создание Управления кадров колоссально увеличивало власть партийного аппарата над каждым отдельным членом партии, и в соответствии с этим колоссально же увеличивалась роль Управления кадров в общем аппарате ЦК. В аппарате каждого горкома, райкома, обкома, крайкома, каждого ЦК нацпартии создавались свои отделы кадров, которые, правда, формально были подчинены местным организациям, но были в то же время связаны с центральным Управлением кадров и, конечно, находились под его влиянием. Управление кадров пронизывало весь аппарат партии сверху донизу и в самом подлинном смысле слова командовало ею.

Начальником этого Управления кадров в марте 1939 г. стал Маленков. Конечно, он имел на это все права: система была придумана и продумана им, и он же был строителем всего этого колоссального здания. Им был подобран строго проверенный личный состав этого аппарата, который он умел крепко держать в руках. Комнаты, сплошь занятые стальными шкафами с миллионами карточек разных цветов и в разных комбинациях, с пометками разными чернилами, с условными значками, со ссылками на разные документы, хранящиеся особо, в секретных и весьма секретных сейфах; специально подобранные, особо проверенные и особо вымуштрованные служа-

щие, сортирующие новые данные и разносящие их по карточкам, внося дополнения и поправки -- так выглядела картотека.

Особое внимание Управления было обращено на подготовку кадров работников на все возможные случаи -- несчастные и счастливые. Что бы ни случилось, кто бы ни умер и какая бы катастрофа на страну ни обрушилась, Маленков и его штаб были способны в несколько часов, быть может, даже минут представить списки возможных и вполне квалифицированных заместителей.

Утверждают, что в этот свой штаб ближайших сотрудников Маленков брал исключительно инженеров, считая, что сложной машиной кадров многочисленной партии управлять могут только люди, прошедшие точную науку инженерного строительства. Во всяком случае оба его тогдашних помощника по Управлению - Евгений Андреев и Николай Шаталин -- действительно были инженерами. Инженерская квалификация для руководства Управлением была, действительно, необходима и с другой точки зрения: в сферу деятельности Управления Маленков включал не только кадры аппарата партии в узком смысле слова, но и кадры всего государственного аппарата.

Хозяином этого государственного аппарата партия стала с первых же дней захвата власти большевиками. К 1939 г. в политических секторах этого аппарата государства все мало-мальски за

метные посты были заняты коммунистами, и их деятельность находилась под контролем партийных организаций. В этих секторах Управление принципиально нового ничего сделать не могло -- ему оставалось только вне-

сти свою систему в дело заполнения этого аппарата соответствующим образом подобранными людьми

Совершенно иначе обстояло дело в секторах хозяйственных. При полном огосударствлении всей хозяйственной жизни страны и количественные размеры, и относительное значение этих секторов государственного аппарата в деле осуществления диктатуры становились особенно важными, а роль коммунистов в них была относительно слабой. Поэтому Маленков в качестве первоочередной задачи поставил полное распространение деятельности Управления кадров на эти хозяйственные секторы государственного аппарата. Подбирая соответствующие кадры для этих секторов, Управление должно было наладить функционирование аппарата хозяйственных секторов страны, в первую очередь аппарата промышленности.

Но проблема руководства аппаратом хозяйственного сектора упиралась в другую проблему. Для этого руководства были необходимы кадры квалифицированных специалистов -- инженеров, техников, архитекторов и т. д. ВКП (б) за последние годы перед тем прилагала много усилий к тому, чтобы создать кадры таких специалистов-коммунистов, но их все еще было недостаточно. Выход из тупика Управление пробовало найти, выйдя за пределы ВКП (б), взяв на учет всех без исключения инженеров и вообще специалистов, в том числе и беспартийных. Это был шаг в направлении превращения партийного Управления кадров в общегосударственный центр управления всею хозяйственной элитой.

Такая программа Управления кадров получила свое обоснование в докладе, сделанном Маленковым 15 февраля 1941 г. на Восемнадцатой Всесоюзной конференции

ВКП (б), "О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта". Основное политическое заявление Маленкова в этом докладе состояло в провозглашении примата "интересов государства". "Все мы слуги государства", заявил он, сделав, конечно, оговорку: "Этому нас учит тов. Сталин". Но эта ссылка во всяком случае была не вполне правильна, так как Сталин никогда, ни до доклада Маленкова, ни после, ничего подобного не говорил. Формально Сталин никогда не сходил с позиций ленинских формулировок "отмирания государства". Но так как Сталин ссылку на него Маленкова не опротестовал, нельзя сомневаться в том, что заявление Маленкова, тогда главы личного секретариата Сталина, отражало подлинные настроения последнего.

ВКП (б) для Маленкова, как и для всех остальных представителей сталинского периода, конечно, должна быть безраздельным

хозяйном в государстве. Но это должно осуществляться только сверху, только с вершины государственной пирамиды. В низах, в особенности на предприятиях хозяйственных секторов, где партия выполняет функцию организатора рабочей силы, члены партии и партийные организации должны полностью подчинить себя потребностям и интересам производственного процесса. Там они, действительно, только слуги государства. С этим связаны и новаторства в построении коммунистических низовых организаций в промышленных предприятиях, которые начало проводить в жизнь Управление кадров накануне войны: газетные сообщения о жизни таких ячеек полны указаний о выборах новых секретарей ячеек, причем секретарями выбираются почти исключительно инженеры, техники и прочие специалисты. Выполнять свою новую функцию на предприятиях коммунисты должны

под руководством технически квалифицированных людей.

Одновременно вводится назначение на все мало-мальски значительные промышленные предприятия особых парторгов от той или иной высокой партийной инстанции -- от обкома или от ЦК. Функции секретарей местных низовых организаций, в какой-то мере подчиненных последним и связанных с их настроениями, в этот период сводятся к минимуму. Фактически, за ними остаются только функции, связанные с организацией рабочей силы внутри данного предприятия с целью повышения производительности последнего. Все функции партийной организации, которые были связаны с правами на участие в руководстве предприятием, были переданы указанному парторгу, роль которого на предприятии, особенно, если это был парторг ЦК, становилась исключительно важной. Он, конечно, не заменял директора предприятия, но получал фактическое право оттеснять его на задний план.

Подчеркивание необходимости привлечения технической интеллигенции, обладающей специальными инженерно-техническими знаниями, в указанном докладе Маленкова сростается с острым отрицательным отношением к "невеждам", которые по тем или иным причинам оказываются на руководящих постах в промышленных предприятиях. Маленков призывает к беспощадной борьбе против них. Чтобы не было сомнения, о ком идет речь, Маленков дает указание, что в борьбе с ними не следует обращать внимания на их привычку "кичиться своим пролетарским происхождением", а заменять их "новыми людьми, знатоками своего дела". После этого нет никакого сомнения, что слова Маленкова являются нападением на представителей старшего поколения партийных деяте-

лей, которые выдвинуты на командные посты в период, когда руководство ВКП (б) основное внимание обращало на "пролетарское происхождение" и "партийный стаж", на революционные "заслуги в прошлом", а не на инженерно-техническую квалификацию.

Именно это старшее поколение "всезнаек", людей, которые "ничего не знают и знать не хотят", Маленков называет "негодными работниками" и требует их замены специалистами из "новых людей", хотя бы они были всего лишь "непартийными большевиками".

"Ежовщина", в проведении которой Маленков играл такую огромную роль и которая в своей основе была варварской формой смены правящего слоя, для Маленкова не закончилась. Она приняла только новые формы. Борьбу против старшего поколения он считал нужным продолжать.

* * *

Война оборвала нить развития, как ее определяла внутренняя борьба. В порядок дня встала оборона против внешней силы. Фронт трещал и рассыпался под ударами немецких танковых дивизий. В армиях не было воли к борьбе. За неполные четыре месяца немцам удалось в плен почти 4 млн. человек -- цифра, которой не знала история войн. Пали Минск, Рига, Киев, Смоленск. Немцы подходили к Ленинграду и Москве.

Как раз в эти дни Сталин откровенно признался Гарриману, чрезвычайному уполномоченному президента Рузвельта, прилетевшему в Москву для организации помощи: "Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть.. Может быть, будет сражаться за Россию". Приходилось круто поворачивать всю идеологическую работу.

Сохранилось свидетельство очевидца, молодого офицера из журналистов, который как раз в эти дни прибыл с фронта в Москву в командировку и случайно попал к друзьям-художникам в кооперативную мастерскую, которая готовила знамена для вручения первым полкам, получившим звание гвардейских. На малиновом бархате тридцати знамен было написано: "За Родину! За Сталина!". Принимать знамена приехал Щербаков, тогда секретарь ЦК и МК. Ему показали работу. Он "всмотрелся" в надписи, "неопределенно хмыкнул" и пошел к телефону говорить с "самим" Сталиным. От телефона он пришел с приказом о "небольшой переделке": повсюду снять "За Сталина!", а "За Родину!" нарисовать много крупнее. Специально для этого парад отсрочили на сутки.

Это было 16 октября 1941 г, в день, когда танки Гудериана рвались к Москве, а из Москвы в лихорадочном беспорядке бежала советская знать. По-видимому, именно этот день и следует считать переломным в идеологической установке пропаганды ВКП (б). И коммунизм, и советская власть, и даже намеки на мировую революцию исчезают со столбцов советских газет, как исчезает с них и имя Сталина. Коммунисты делают все, чтобы народ обрушив

шуюся на него войну стал ощущать как борьбу "За Родину!", "За Россию!".

Заботливо составленную центральную картотеку Управления кадров пришлось срочно упаковывать и отправлять на Урал, где она и пролежала до конца войны вместе с другой -- центральной картотекой НКВД. Работа этих двух учреждений, конечно, не приостанавливалась ни на минуту. Наоборот, она стала даже более напряженной, более злой. Но она много потеряла в своей систе-

матичности. Маленков, остававшийся главой личного секретариата Сталина, стал ближайшим помощником последнего и по Государственному комитету обороны (он стал одним из четырех его членов, вместе с Молотовым, Ворошиловым и Берия), и по Совнаркому, где Маленков стал заместителем Сталина.

На Маленкова возлагаются самые ответственные поручения. Так, в сентябре 1941 г, когда немцы, прорвав линию обороны на Новгородских озерах, покатались к Ленинграду и судьба последнего казалась уже предрешенной, Сталин послал в Ленинград Маленкова и Жукова, дав им совершенно исключительные полномочия. В Ленинграде тогда было два полноправных члена Политбюро -- Ворошилов и Жданов (Маленков тогда был только кандидатом). Маленков их обоих оттер от дел и мерами жесточайшего террора помог Жукову остановить развал фронта. Немцы остановились на подступах к городу и простояли на них' почти два с половиной года Ленинград с их позиций был виден невооруженным глазом, но войти в него они не смогли. Через год тоже повторилось со Сталинградом, где тогда должно было найти свое победное завершение второе лето немецкого наступления. С Жуковым и с теми же чрезвычайными полномочиями Маленков прилетел в Сталинград, теми же мерами жесточайшего террора, бросая на смерть сотни и сотни тысяч людей, превратил город в огромное кладбище для немецких надежд на победу.

Но такие командировки, насколько важны они ни были, занимали лишь второстепенное место в деятельности Маленкова за военные годы. Основной его работой стала работа в ЦК ВКП (б). К началу войны секретариат ЦК состоял из пяти человек -- Сталина, Жданова, Андреева, Маленкова и Щербакова. Сталин, перегруженный

другими делами, только изредка мог выслушивать доклады о работе партии. Андреев еще раньше был избран председателем Центральной контрольной комиссии ЦК и отошел от текущей работы. Жданов, влияние которого после финской войны сильно поколебалось, сидел в Ленинграде, который был скоро отрезан от Москвы, и только изредка мог прилетать в Кремль. Само положение сделало Маленкова единоличным хозяином всего партийного аппарата: Щербаков был его ближайшим и надежным помощником. Последний секретарские функции в ЦК совмещал с

секретарством в МК, т. е. держал в своих руках самую важную в СССР местную организацию партии. Щербаков считался человеком хорошо ориентирующимся в идеологических вопросах и вообще имеющим склонность к литературе. Ровесник Маленкова, Щербаков также принадлежал к поколению большевиков, не знавших подполья. В начале своей партийной карьеры он всем был обязан Жданову, под крылышком которого Щербаков делал свои первые шаги в Нижнем Новгороде двадцатых годов. Но в Москве, куда он переехал около 1930 г. для учебы в Институте красной профессуры (по исторической линии), он попал на учет к Маленкову, который в 1932 г. привлек его к работе в аппарате ЦК. С 1933--1934 г. Щербаков был прикомандирован в качестве специального наблюдателя от ЦК к Союзу советских писателей, который тогда только возникал и с которым Сталин вел весьма сложную игру.

О роли Щербакова мы имеем возможность судить по опубликованным отрывкам писем Горького к нему за эти годы. Горькому Щербаков испортил тогда немало крови, но зато заслужил полное доверие личного секретариата Сталина. Это сказалось в годы большой чистки, когда Ма-

ленков посылал Щербакова в целый ряд ответственных пунктов (Иркутск, Сталино, Донбасс), где для проведения чистки была нужна "надежная рука". В награду за эту особую надежность Щербаков и был назначен в 1938 г. в Москву первым секретарем Московского обкома.

Отношения со Ждановым у Щербакова сохранялись и укреплялись; в 1937 г. они даже породнились (Щербаков женился на дочери Жданова), но ориентироваться Щербаков начал на Маленкова, которому был очень нужен, т. к. Маленков сам политических статей не писал, речей произносил мало, над вопросами идеологического порядка не работал. У Щербакова, наоборот, ко всему этому была большая склонность, и потому Маленков, воспользовавшись первой же трещиной в положении Жданова, провел Щербакова на его место - место идеолога и теоретика партийной-пропаганды.

* * *

27 января 1945 г. Ленинград праздновал первую годовщину снятия немецкой блокады. На торжественном заседании Ленинградского горсовета Калинин вручил городу орден Ленина. Однако Жданов на торжествах не присутствовал. В газетных отчетах следующего дня его имя даже не было упомянуто. В то время Жданов был первым председателем Ленинградского обкома партии и формально возглавлял Ленсовет. Официальным объяснением этого отсутствия Жданова было его пребывание в Финляндии, где

Жданов был специальным уполномоченным Политбюро по пере-юворам с Финляндией. Но это объяснение, конечно, не могло быть достаточным. Жданов возглавлял Ленинград в течение всех лет осады; Финляндия была совсем под боком и прилететь оттуда на торжества, ко-

нечно, не представляло трудностей. Отсутствие Жданова было вынужденным и объяснялось распоряжением секретариата ЦК, т. е. Маленкова. Оно было наказанием, наложенным Маленковым на Жданова за ошибки, совершенные последним в военные годы.

Первая ошибка -- это неправильная информация Политбюро о положении в Финляндии. Вся разведка по Финляндии тогда была сосредоточена в Ленинградском областном управлении НКВД (по советским правилам разведкой в соседних странах ведают те Управления НКВД, которые находятся в пограничных центрах) и находилась под непосредственным руководством Жданова. Эта разведка была вскрыта финнами, которые превратили ее в источник дезинформации. Основываясь на этой ложной, информации, Жданов гарантировал Политбюро легкую победу в советско-финской войне, результатом чего был полный провал первого, декабрьского наступления.

Далее в вину председателю Ленинградского обкома ставилась его растерянность в сентябре 1941 г., которая едва не привела к падению Ленинграда.

Еще более серьезной ошибкой было поведение Жданова осенью 1944 г. в отношении партизан. Тактика советских властей в отношении партизан, которые вели борьбу в тылу у немцев, к этому времени уже установилась. Маленков, который был назначен Сталиным также и главою особого комитета по восстановлению советских учреждений в районах, находившихся под немецкой оккупацией, установил весьма жестокие правила, требовавшие немедленного разоружения партизан после освобождения территорий и ликвидации их соединений. Подходившие по возрасту и здоровью должны были вклю-

чаться в регулярные воинские части, а остальные после " проверки" подлежали отправке или на родину, или на восток, в качестве спецпоселенцев. Жданов, пользуясь своим положением члена Политбюро, повел дело несколько иначе и поздней осенью 1944 г. созвал в Ленинграде "съезд партизан Северной области", который закончился фактически восстанием. Сохранявшие личное оружие партизаны разоружили милицию и разгромили в центре города все магазины., В течение почти суток Ленинград был во власти партизан, и только прибывшая на самолетах из Москвы особая дивизия войск НКВД восстановила в городе порядок, проведя, конечно, массовые расстрелы партизан.

К этому прибавлялась еще и история с неудачным фильмом об осаде Ленинграда, который был поставлен под непосредственным

наблюдением Жданова. Этот фильм должен был стать памятником героизму населения Ленинграда в годы осады. Но он вышел чересчур жутким: несмотря на всю ретушевку, и люди, и улицы с домами, заснятые с натуры в непосредственной близости от страшных событий, были полны ужаса и производили тяжелое впечатление на зрителя. Впечатление это отнюдь не рассеивалось от снимков различных партийных и военных вельмож, весь вид которых резко диссонировал с общим фоном голода и нищеты. Отталкивающее впечатление производил и сам Жданов, который имел-бестактность дать себя заснять для этого фильма. Фильм был показан только узкому кругу лиц в Москве и Ленинграде и произвел настолько плохое впечатление, что был в спешном порядке снят.

* * *

С ходом войны значение Маленкова все более и более возрастало. Его исключительная работоспособность дала ему возможность вмешиваться и в дела промышленности. Целиком под его наблюдением находилась такая важная область как авиационная промышленность. Маленков также направлял политику в отношении областей, освобожденных от немецкой оккупации. Отсюда был только один шаг и к руководству политикой на территориях оккупированных советской армией, прежде всего в Германии.

Осенью 1944 г., еще до вступления советских армий на германскую территорию, в Комитете обороны был поставлен вопрос о политике в отношении Германии. Наметилось несколько точек зрения. В особом меморандуме Маленков защищал политику, которая получила название "политики экономического разоружения Германии". Он исходил из посылки, что советская оккупация части Германии будет кратковременной, что немцам удастся быстро сговориться с Западом и тогда, под их соединенным давлением, СССР должен будет очистить Германию, которая начнет быстро восстанавливаться и скоро станет союзником Запада для наступления на СССР. Поэтому политика в Германии должна преследовать две основные задачи: максимальное снижение экономического потенциала Германии вообще и вывоз из Германии максимально возможного количества машин, инвентаря, оборудования и другой техники, необходимой для восстановительных работ в СССР. Первая задача должна доминировать над второй, а потому демонтаж и разрушение немецких предприятий необходимо было проводить даже тогда, когда вывоз невозможен или ненужен.

Тонка зрения Маленкова была одобрена Сталиным, и в октябре-ноябре 1944 г. он приступил к формирова-

нию аппарата Особого комитета при Совнаркоме, главою которого Маленков был назначен. Заместителем себе он взял кандидата в члены Политбюро Вознесенского, председателя Госплана; особоуполномоченным для

Германии назначили Сабурова, в будущем одного из заместителей Сталина на председательском посту в Совете министров. Основные кадры аппарата были взяты из работников Экономического отдела ЦК ВКП(б), куда они все были подобраны самим же Маленковым. Первоначально операции в Германии предполагалось проводить силами армии, но Хрулев, заведовавший тыловыми войсками, ответил категорическим отказом, сославшись на отсутствие в армии необходимых кадров. Тогда Маленков предложил всем наркоматам и вообще учреждениям, заинтересованным в получении из Германии тех или иных материалов, присылать в Особый комитет специальных уполномоченных с надлежащим штатом помощников. Таковых набралась целая армия, общим числом несколько тысяч человек, которые и набросились на Германию, как только были перейдены ее границы. Среди уполномоченных имелись и представители Академии наук, музеев, библиотек, Архивного управления и т. д.

В соответствии с директивами Маленкова работа этой армии уполномоченных с самого начала носила характер варварского ограбления оккупированной территории, которое вызывало тем большее озлобление населения Германии, чем яснее была его часто явная бессмысленность. Масса ценностей бесцельно гибла. Проводить такую политику можно было только заранее отказавшись от желания привлечь на свою сторону хотя бы какую-то часть населения. Еще важнее была и другая сторона отрицательных результатов этой политики: она вносила

разложение в ряды советской армии. С этим фактом приходилось серьезно считаться.

Первое большое наступление советских армий на германской территории, так называемое январское наступление на Одере, не дало тех результатов, которых от него ожидали (оно должно было завершиться взятием Берлина). Несмотря на обилие сосредоточенных войск и артиллерии, наступление было сорвано, т. к. дух армии быстро разложился. Расследование установило, что многие части не выполняли боевых приказов, так как и солдаты, и командный состав принимались за насилия и грабежи. Оголтелая антинемецкая пропаганда, шедшая под эренбургским лозунгом "Убей немца!", оказывала весьма пагубное влияние на дух армии. Было признано поэтому необходимым внести существенные поправки в общую установку политической пропаганды. И в апреле 1945 г. начальник Управления пропаганды и агитации Александров опубликовал в "Правде" статью против И. Эренбурга и его вульгарной антигерманской травли.

Однако антинемецкая пропаганда опиралась на те же самые политические посылки, которые лежали в основе всей политики Маленкова в отношении Германии. Вокруг этой политики, как и вокруг всей деятельности маленковского Особого комитета, началась ожесточенная борьба, затянувшаяся до конца лета. Активную

роль в ней сыграл Микоян, который составил меморандум о необходимости "политику экономического разоружения Германии" заменить "политикой хозяйственного освоения Германии". Основная идея этого меморандума Микояна состояла в возможности длительного периода советской оккупации Восточной Германии и вытекающей отсюда необходимости найти политический и психо-

логический контакт с группами немецкого населения. Конечно, и Микоян не отказывался от выкачивания репараций, но он настаивал на внесении системы в это дело, был против бесцельных разрушений и за выработку определенного плана репараций. В качестве конкретной меры Микоян предлагал централизацию всей работы уполномоченных и постановку ее под контроль нарком-внешторга {во главе которого стоял Микоян)

Эти конкретные выводы Микояна, преследовавшие ведомственные интересы, поддержки в Политбюро не получили против них создался блок других членов Политбюро, которые имели в Германии своих уполномоченных и были заинтересованы в бесконтрольности их работы. Но общие мысли Микояна были одобрены Маленков потерпел поражение, болезненность которого обострялась обнаружившимся в этот момент фактом "измены" Вознесенского

Уроженец Тульской губернии, выходец из духовной среды, семинарист по образованию, Вознесенский на ответственную работу был выдвинут Ждановым, который в середине 1930-х гг. сделал его председателем ленинградского Госплана. Но затем в Москве Вознесенский все время работал дружно с Маленковым, который его и проталкивал на все более и более ответственные посты. Особенно тесно они сработались в годы войны, когда Вознесенский во всех вопросах шел с Маленковым и другими "молодыми" и считался верным "маленковцем". Но в 1945 г, после возвращения Жданова в Москву к работе в секретариате ЦК ВКП(б) (это случилось вскоре после Ялтинской конференции), Вознесенский круто повернул фронт и перешел в лагерь "ждановцев", начав открыто выступать против Маленкова. Поведение Вознесенского носило такой характер, что возникали даже предположения,

будто он и раньше был скрытым "агентом Жданова" при Маленкове Последний, вообще крайне мстительный по натуре, эту "измену" Вознесенского воспринял очень остро, подозрительно смотрел на каждого, с кем Вознесенский поддерживал близкие связи, и явно горел жаждой мести.

В тот же период, летом 1945 г, Маленкову пришлось получить еще один тяжелый удар катастрофу с его ставленником и протее наркомом авиационной промышленности Шахуриным Последний в годы войны получил несколько наград и очень продвигался. Маленков, наблюдавший за этой промышленностью и по линии

Комитета обороны, и по линии Политбюро, все время Шахурину покровительствовал. Но летом 1945 г. Сталин неожиданно потребовал Шахурина к себе для личного доклада, подверг подробному допросу, а затем жестоко изругал и выгнал. Оказалось, к Сталину поступила записка от группы виднейших советских изобретателей-авиаконструкторов, жаловавшихся на порядки в наркомате авиационной промышленности, на ее отсталость, вызванную недостаточным вниманием к предложениям изобретателей и пр. Авторы записки заявили, что такая политика наркомата авиационной промышленности делает Советский Союз с точки зрения авиации совершенно неспособным к борьбе против Запада. Объяснения Шахурина Сталина не удовлетворили, и он обвинил наркома в том, что тот от него что-то скрывал, в чем-то ему лгал. Шахурин был немедленно арестован, предан суду и получил 15 лет лагерей. Наркомат авиационной промышленности подвергся жестокой чистке. Маленков был обвинен в "недостатке бдительности". Пострадать он не пострадал, но было признано, что он переобременен делами, и его освободили как от деятельности по надзору за про-

мышленностью, так и от председательствования в Особом комитете по делам Германии

Приблизительно в это время Жданов, вернувшийся в секретариат ЦК и взявший на себя руководство всей идеологической работой партии, провел первую, пока еще частичную, чистку в аппарате Управления пропаганды и агитации. Сам Александров не был тронут, но ряд его ближайших сотрудников был смещен, редакция "Большевика" (она составлялась всегда из людей, которых в данный момент считают лучшими теоретиками, отражающими полностью линию партии) радикально перестроена, причем в нее Жданов ввел несколько человек, которых он считал своими и которые, действительно, помогали ему в последующих чистках. Были смещены также руководители "ведущих" теоретических институтов партии. Директор института Маркса--Энгельса--Ленина Митин был заменен Кружковым, а на пост директора Института философии при Академии наук СССР вместо Юдина был назначен Светлов. Этими назначениями своих ставленников Жданов занимал ведущие позиции в идеологическом аппарате ЦК, подготавливая свой большой удар против "маленковцев". Дата смены редакции "Большевика" определяет дату начала этого захвата Ждановым аппарата Управления пропаганды и агитации. Последний номер "Большевика" со старой редакционной коллегией был подписан к печати 20 августа 1945 г, первый номер новой редакцией был подписан к печати 9 октября. Выход органа, являющегося двухнедельным, был задержан на семь недель, которые были заполнены первой перестройкой аппарата, как он сложился в годы войны.

* * *

Тяжба между Маленковым и Ждановым была впервые вынесена на суд на пленуме ЦК, который собрался в марте 1946 г. Это был первый послевоенный пленум. За семь лет, которые прошли с 1939 г., когда ЦК был избран Восемнадцатым партийным съездом, в составе ЦК произошло немало перемен. Больше четверти членов умерло или исчезло. Но в основе это был тот самый ЦК, в подборе которого Маленков играл такую огромную роль. Маленков, несомненно, ждал сочувственного отклика от большинства пленума. Но расчеты его оказались не вполне правильными. Сталинское Политбюро было переизбрано полностью. Правда, Маленков и Берия были переведены из кандидатов в полноправные члены Политбюро, а Булганин и Косыгин были вновь избраны кандидатами. Но в то же время в Политбюро были переизбраны все те, кого за годы войны Маленков оттеснил от руководящей центральной работы и которые потому были настроены решительно против него -- Жданов, Каганович, Андреев и Ворошилов. Что еще более важно, Маленков потерял большинство в секретариате ЦК, где укрепился Жданов и его ставленники.

Единственным успехом (если это можно назвать успехом) Маленкова при рассмотрении вопросов о составе Политбюро было отклонение предложения о переводе Вознесенского из кандидатов в полные члены Политбюро. Это была месть Маленкова "изменнику" за его возвращение в лагерь "ждановцев". Только весной 1947 г. Жданов на очередном пленуме ЦК добился, наконец, чтобы Вознесенского сделали полноправным членом Политбюро.

* * *

Заняв позиции в секретариате ЦК, Жданов немедленно же перешел к дальнейшему развертыванию своего наступления против Маленкова. Для Жданова с самого начала борьба, если брать ее с большой исторической перспективы, шла во имя вполне определенной и цельной программы: в 1941 г, спасая свою власть, коммунистам пришлось свернуть многие из своих знамен и спрятать многие из своих лозунгов. Теперь Жданов вел борьбу против всех этих уступок военного времени, за возврат к довоенной программе, лозунгам и методам работы. Накануне войны коммунисты провозглашали, что период построения социализма заканчивается и что Советский Союз вплотную подходит к новым задачам построения коммунистического общества. Была создана даже специальная комиссия под председательством

Сталина для составления новой партийной программы, и было известно, что к написанию ее Жданов уже приступил. Теперь Жданов призывал вернуться к этой концепции. На Маленкова возлагали ответственность за все уступки и послабления военных лет

Первые месяцы борьба шла за кулисами. О ней мы знаем лишь по переменам в личном составе руководящих партийных органов. Уже в начале апреля 1946 г. А. А. Кузнецов был освобожден от работы в Ленинградском обкоме и переселился в Москву, где сразу же взял в свои руки нити борьбы против Маленкова по линии организационного аппарата, в то время как Жданов сосредоточил силы на подготовке наступления по линиям политической, идеологической и культурной работы. Наступления развертывались явно согласованно, по общему плану, одно другое дополняя и поддерживая.

Раньше других обострилась борьба вокруг замещения поста начальника Главного политического управления министерства вооруженных сил, поста тем более важного, что это управление работало на правах отдела в аппарате ЦК ВКП(б), что давало его начальнику большие возможности влияния на всю внутривнутрипартийную политику вообще (этот начальник отдела автоматически включался в состав Оргбюро). Неотложность замещения этого поста определялась остротой положения в армии, которая проходила через период демобилизации и послевоенной реорганизации, а Политуправление после смерти Щербакова в 1945 г. не имело настоящего хозяина, который чувствовал бы себя достаточно прочно на этом месте, чтобы проводить нужные преобразования. Да и вопрос о том, каковы должны быть эти преобразования, далеко не был бесспорным.

Жданов метил на тот пост Иосифа Васильевича Шикина, своего сотрудника по политической работе в Ленинграде еще с довоенных лет. Не военный по всей своей прежней деятельности, Шикин до войны никакого отношения к работе в армии не имел. Только в августе 1942 г. по общему списку с А. А. Кузнецовым и другими политическими работниками из ждановского окружения, Шикин был перечислен на политработу в армию, получив звание дивизионного политкомиссара, чтобы после упразднения института политкомиссаров в армии получить чин генерал-майора. В качестве политработника, совершенно чуждого армии, Шикин не пользовался симпатиями в военной среде. Политработники, на которых лежали функции политического контроля за настроениями в армии, вообще никогда не пользовались большими симпатиями среди военных. В годы войны это отношение окрепло и обострилось, в особенности в отношении к тем

политработникам, которые не делили с армией тягот фронтовой жизни, а сидели в глубоком тылу.

В этих условиях вполне понятно, что кандидатура Шикина, к этому времени уже генерал-полковника, встретила решительное сопротивление со стороны боевых генералов во главе с маршалом Г. К. Жуковым, который был тогда в зените своей славы и занимал пост заместителя Сталина по министерству вооруженных сил, возглавляя все сухопутные силы. В летние месяцы 1946 г. борьба приняла весьма напряженный характер и закончилась победой Жданова. "Военная партия" боевых маршалов была побита партией "генералов политических" из категории политработников. Руководство работой по политическому перевоспитанию политработников советской армии было поручено Шикину, который эту работу начал с чистки высшего командного состава, выдвинувшегося во время войны. Первым свой пост потерял подлинный победитель Гитлера, маршал Жуков, чья подпись стоит первой под советским текстом акта о капитуляции Германии. Теперь он пошел в полуизгнание, на второстепенный пост в провинции. На посту начальника Главного политического управления Шикин продержался до марта 1949 г., когда пришел и его черед исчезнуть с горизонта. В иностранной печати его имя тогда мелькнуло рядом с именем А. А. Кузнецова, Вознесенского, Родионова и других сторонников Жданова, особенно выдвинувшихся в борьбе против "маленковцев" и вынужденных потом за это расплачиваться. Это было добавочным подтверждением его принадлежности к "ждановцам" и смысла его назначения в 1946 г.

Наиболее трудной для Жданова была борьба за аппарат Управления пропаганды и агитации, которое тогда играло значительную роль, возглавляя всю вообще идео-

логическую работу партии. Начальником этого Управления был Г. Ф. Александров. За годы войны Александров развивал большую деятельность, много писал сам, еще больше редактировал написанное другими, лично руководил работой Управления, принимал самое активное участие в подборе вместе с Маленковым руководящих кадров для отделов пропаганды на местах. Наиболее же важным было личное доверие к нему Сталина, которое делало положение Александра настолько прочным, что свергать его было трудно даже Жданову, который тогда был в зените своих успехов и имел за собою большинство и в секретариате (ЦК, и в Оргбюро, и в Политбюро.

Первым открытым ударом по Александрову было решение ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. "О журналах "Звезда" и "Ленинград"", которое открыло целую серию "знаменитых" в судьбах советской культуры "решений ЦК по идеологическим вопросам", определивших политическое содержание всего "ждановс-кого" периода послевоенных чисток на фронте культуры. Формально постановление ЦК было направлено против ленинградского

горкома партии, в ведении которого находились журналы "Звезда" и "Ленинград" и который не только разрешал сотрудничество в них таких "чуждых советской литературе" авторов, как Зощенко и Ахматова, но и допустил включение первого в состав редакции "Звезды". Два других постановления ЦК, принятые на протяжении ближайших трех недель -- "О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению" (от 26 августа 1946 г.) и "О кинофильме "Большая жизнь"" (от 4 сентября) -- как и раз и подтверждают то, что атака Ждановым велась против всей политики Управления пропаганды и агитации за военные годы. Она открыто была по Алексан-

дрову и еще больше по Маленкову, который был главным покровителем и вдохновителем Александрова.

В сентябре 1946 г. в этот "антималенковский" фронт активно включилась еще одна влиятельная группа -- группа Андреева, члена Политбюро. 26 сентября датировано постановление Совета министров СССР "О фактах нарушения Устава сельскохозяйственной артели". 9 октября тот же Совет министров совместно с ЦК ВКП (б) принял (решение о создании особого Совета по делам колхозов, наделенного чрезвычайными правами. Председателем этого Совета был назначен Андреев, член Политбюро и заместитель Сталина по председательству в Совете министров. Председателем Совета по делам колхозов также был Андреев. В списке членов этого нового Совета не было имени Маленкова. Много более важным следует считать тот факт, что одним из заместителей Андреева был назначен Н. С. Патоличев, имя которого было напечатано с пометкой "секретарь ЦК".

Ни раньше, ни позже сообщения об избрании Патоличева секретарем ЦК в печати не появлялось. Между тем факт пребывания Патоличева на посту одного из секретарей ЦК надо считать несомненным. Бывший секретарь Ярославского, а затем Челябинского обкомов, член ЦК с февраля 1941 г., Патоличев на мартовском 1946 г. пленуме был избран в состав Оргбюро вместе с тремя другими секретарями обкомов -- Андриановым, Родионовым и Суловым. Их избрание было результатом решения обновить центральный аппарат путем привлечения в него наиболее выдвинувшихся представителей партийного аппарата на местах. Уже с августа 1946 г. фигура Патоличева (появляется на парадных трибунах во время различных празднований неизменно среди других секретарей ЦК, не состоящих одновременно членами Политбюро

-- впервые 14 августа 1946 г., в день авиации, рядом с А. А. Кузнецовым и Г. М. Поповым. Кроме списка членов Совета по делам колхозов, секретарем ЦК Патоличев назван был в отчете об открытии Академии общественных наук (Правда. 1946. 2 нояб.). Наконец, на торжественном заседании 6 ноября 1946 года Патоличев занимает место в президиуме в том же

самом окружении -- Кузнецов, Патоличев, Попов. Это место Патоличев занимал и на трибуне во время парада 7 ноября 1946 года.

Но количество секретарей ЦК остается неизменным с 1941 г.: их пять человек, включая Сталина (пленумом ЦК в марте 1946 г. избраны Сталин, Маленков, Жданов, Кузнецов и Попов). Появление нового секретаря свидетельствовало об уходе одного из старых. Таким мог быть только Маленков. Об его уходе с поста первого секретаря ЦК (Сталин порядкового номера не имеет, он "генеральный секретарь") никаких сообщений не делалось, но сопоставление всех косвенных указаний заставляет признать его бесспорным. В биографии Маленкова, которая была напечатана в "Вечерней Москве" 24 ноября 1947 г., когда проходили выборы депутатов в Моссовет, при перечислении постов, которые Маленков занимает, пост секретаря ЦК назван не был. В качестве подтверждения вывода о снятии Маленкова с поста первого секретаря ЦК следует рассматривать и факт назначения Маленкова заместителем Сталина по должности председателя Совета министров (утверждено Верховным Советом от 18 октября 1946 г.). Принцип несовмещения работы секретаря ЦК с работой в Совете министров в то время соблюдался очень последовательно.

* * *

Начиная с осени 1946 г. по всему СССР начали перекачиваться

волны массовых чисток, -- постепенно расширяясь и захватывая все новые общественные группы. Это была "ждановская чистка", -- чистка, которая главным своим острием была направлена против всего нового, что за военные годы было введено в партийно-коммунистическую идеологию и в советскую практику. От "ежовской" чистки 1936--1938 гг. эту новую чистку отличали не только совсем иные политические задачи, но и весь характер-ее проведения.

Основное различие состояло в том, что при Ежове молодые кадры "выдвиженцев" чистили в первую очередь верхний слой партийно-советской правящей элиты, физически истреблять которую им было предписано сверху, а теперь, наоборот, правящая элита во главе с остатками "испытанных соратников Сталина" заботливо "прочесывала" партийно-советский молодежь.

Сам Маленков тем временем на много месяцев сошел с открытой арены общественной жизни и партийной, и советской. Его имя почти совершенно исчезло со столбцов советской печати, за исключением лишь перечней присутствующих на торжественных парадах. Его направили на работу в сельскохозяйственный сектор, положение которого было крайне тяжелым. Урожай в

1946 г. был исключительно плох, едва ли доходил до половины довоенного, при значительно увеличившихся территориях и населении. Для СССР, истощенного войною, это было настоящей катастрофой. Страна жила на грани подлинного голода, особенно деревня.

Не только голод, но и размеры неурожая были следствием политики советского правительства. Особый ко-

митет, созданный правительством под именем Комитета по восстановлению разрушенных областей, сыграл в жизни страны роль много более мрачную, чем иноземные оккупанты. Прежде чем приступить к какому бы то ни было восстановлению, представители возвращавшейся советской власти производили придирчивое расследование о поведении населения под немцами и беспощадно расправлялись не только с отдельными лицами, признанными повинными в каких-либо проступках, совершенных индивидуально, но и с группами населения и с населением целых селений и даже районов, настроение в которых при немцах было недостаточно просоветским. Особенно систематическими были такие групповые расправы с населением тех сельских районов, где выявились настроения, враждебные колхозам. Как правило, все население таких районов в принудительном порядке вывозили на Север или на Восток -- в Сибирь, на Урал, в казахстанские степи и т. д. Количество таких переселенцев, в принудительном порядке отправленных в разные лагеря, надо определять в 5--6 миллионов человек. На встречу им с Севера и Востока двигался другой людской поток, переселяемый на опустевшие места.

Это было поистине великое переселение народов, которое проводилось в планомерном порядке для всех освобожденных областей. В этих условиях и без засухи урожаи не могли быть хорошими. Во главе Комитета, который такими методами восстанавливал районы недавней немецкой оккупации, стоял Маленков. Из всей его многосторонней деятельности военных лет едва ли не одни только массовые переселения ему не были поставлены в вину "ждановцами". По линии колхозной ему в вину больше всего ставили совсем другое: проводя свою общую линию ориентации на поколение людей, выдви-

нувшихся за годы войны, маленковский Комитет по восстановлению разрушенных областей посты председателей колхозов и другие командные посты в колхозной деревне систематически замещал ветеранами войны --часто инвалидами, имевшими звания героев Советского Союза или высокие ордена. Авторитет Маленкова в те годы был настолько велик, что эта политика в отношении назначений из районов недавней немецкой оккупации распространилась фактически на весь СССР. Власти пользовались всеми предложениями, чтобы устранять прежних руководителей колхозов и назначать на их места деятелей военного времени. И уже с 1944 г. тип героя войны

и орденосца, часто полуинвалида, на посту председателя колхоза или бригадира становится самым характерным для колхозной деревни.

* * *

1943--1945 гг. были периодом высшего взлета успехов секретного аппарата бывшего Коминтерна, возглавляемого и направляемого Маленковым. Официальные компартии повсюду были в загоне. Аппарат стал полным и безраздельным хозяином в коммунистическом лагере. В Европе аппарат, располагая кадрами хорошо вышколенных "профессионалов" подпольного движения, пользовался ими для установления своей фактической диктатуры над всем движением сопротивления, чтобы направлять это движение в сторону актов, ненужных и даже вредных с точки зрения интересов борьбы против Гитлера, но выгодных с точки зрения планов коммунистических лидеров. Сюда относятся прежде всего акты террора против случайных чинов немецкой оккупационной армии, акты, которые, не принося никакой пользы движению сопротивления, вызывали еще более бессмысленные

немецкие расправы с населением. Поступая так, коммунисты стремились сделать войну возможно более жестокой, готовя тем самым кадры будущей гражданской войны, которая, по их убеждению, должна была прийти на смену войне между государствами.

Еще большую активность аппарат проявлял в Америке, где своей прямой задачей он ставил прежде всего захват своими людьми ответственных позиций в государственном аппарате. Это было нужно прежде всего для воздействия на работу этого аппарата и через него на политику правительства, которое, как и всякое правительство демократических стран, внимательно прислушивалось к настроениям ближайших помощников и сотрудников. Не менее важен этот захват постов в государственном аппарате США был и для достижения другой задачи: для развертывания повсюду проникающего шпионажа.

На развитие этого шпионажа как раз в это время аппарат направил особенные усилия. Обычно в периоды войн другие правительства острее своей разведывательной работы направляют на лагерь противника. Руководимый Маленковым аппарат пошел другим путем и главные усилия своей шпионской работы направил против Америки. В этом была своя логика: с 1943 г. на горизонте стала явно вырисовываться перспектива победы и полного разгрома гитлеровской Германии. Для большевиков это означало, что главным врагом завтра станет Америка; и они, пользуясь положением союзника, повели глубокую разведку. Как раз в это время руководимый Маленковым аппарат наладил

получение сведений о всех секретных работах с атомной бомбой и о других новейших изобретениях в области вооружения.

Эта политика аппарата, руководимого Маленковым, в послевоенные годы восторжествовала полностью. Но ее разделяли далеко не все лидеры компартий за пределами СССР. В оппозиции к ней стояли и некоторые из крупнейших лидеров ВКП(б). Во главе ее стоял Жданов, перед войною возглавлявший делегацию ЦК ВКП(б) в Коминтерне. С ним были его ближайшие сотрудники по работе в Коминтерне -- Мануильский, Лозовский и др. Они были сторонниками восстановления Коминтерна и возврата к основам довоенной международной политики. Именно вокруг этого вопроса развернулась борьба, центральными фигурами которой стали Жданов и Маленков. Первый ориентировался на возрождение компартий Запада и на воссоздание Коминтерна; второй стал идеологом продолжения и развертывания международной политики руками аппарата.

С большим упрощением, но эти группировки можно определить как ориентировки на массовое коммунистическое движение, с одной стороны, и на работу методами "пятых колонн", с другой. Конечно, ни Жданов не зарекался в удобных случаях от методов работы с помощью "пятых колонн", ни Маленков не отказывался от массовых рабочих выступлений. Они расходились лишь в вопросе о том, на что именно следует ставить главное ударение. Первая победа Ждановым была одержана по вопросу о роспуске компартии Соединенных Штатов. Позиция последнего в этом вопросе сводилась к попытке приложить к текущему моменту старые высказывания Сталина об "общем кризисе капитализма", в условиях которого мировая война должна развязать революционное движение на

Западе -- в Европе и в Америке. Жданов призывал политику СССР построить так, чтобы она развязывала эти революционные движения, для чего прежде всего необходима ликвидация политики военного времени и возврат к старой политике "непримиримой классовой борьбы".

Победа, одержанная Ждановым над Маленковым летом 1946 г., конечно, немедленно же отразилась и на политике ЦК ВКП(б) в вопросах международного движения, и 1947 г. был годом попыток применить эти взгляды Жданова к практике коммунистического движения на Западе. Выход французских и итальянских коммунистов из правительственной коалиции, съезды бывших участников партизанского движения в Риме, попытки массовых политических и экономических стачек во Франции и др. странах, нападения вооруженных коммунистических групп на американские грузы и т. д. -- таковы важнейшие этапы коммунистических попыток этого года. Баланс их с точки зрения коммунистической был отрицателен: они не только не привели коммунист

тов к победе, но и не явились фактором нарастания коммунистического движения.

С другой стороны, и с ролью аппарата далеко не все было кончено. Снятие Маленкова с поста секретаря ЦК ВКП(б) не означало еще его полного отстранения от дела руководства аппаратом. Этот аппарат не перешел в ведение Жданова, когда последний принял в свои руки секретариат ЦК ВКП (б): осенью 1946 г. было проведено решение об объединении всей работы по политической разведке вне СССР в руках Берии. В соответствии с этим решением аппарат из ведения иностранного отдела ЦК ВКП (б) перешел под контроль Берии, который, сблизившись с

Маленковым за годы войны, привлек его к дальнейшему руководству аппаратом. Именно этим объясняется тот факт, что в Коминформ, который было решено создать вместо Коминтерна, в качестве делегата ЦК ВКП (б) наряду со Ждановым был послан и Маленков, ставший своего рода представителем интересов аппарата в Коминформе.

Этим назначением борьба между Ждановым и Маленковым, как раз летом 1947 г. достигшая особенного напряжения в области политики внутренней, была перенесена и в Коминформ, где особенное значение сыграли два вопроса: о стратегии главного наступления против "англо-саксонского мира" через революции в Европе и в Америке и через национальные движения в Азии, прежде всего в Китае; о наступлении на Балканах, прежде всего в Югославии, в связи с политикой Тито.

* * *

Во внешней политике СССР борьба между двумя основными линиями наступления на капиталистический мир ведется с начала 1920-х г. Она своими корнями уходит в споры о характере коммунистического движения. Сталин всегда был "восточником" и вся его концепция мировой революции, несомой на штыках советских армий, неразрывно связана с ориентацией на Восток, как на главное направление революционной агрессии и на колониальные народы как на главный фактор разложения капиталистического мира. После окончания второй мировой войны вопрос этот встал в новой форме. Рост влияния компартий Западной Европы и неустойчивость европейских правительств увеличили в кругах руководителей внешней политики СССР веру в возможности победы в случае коммунистической агрессии на Западе. Жда-

нов был идеологом этой политики, и его линия наступления силами компартий запада смыкалась с линией дипломатического и политического наступления советского правительства. Волна стачек 1947--1948 гг. в Западной Европе не случайно совпадала с борьбой за Берлин -- попыткой начать на Западе большое дипломатическое и политическое наступление.

Вопрос о Югославии с точки зрения больших геополитических перспектив был частным случаем этого плана. План создания Балканской федерации первоначально был связан с идеей вовлечения в коммунистическую орбиту Греции. Тито, бывший инициатором постановки вопроса о такой федерации, думал о включении в нее не только всех балканских стран, в том числе Румынии, но и Польши. В переговоры был втянут и генерал Маркое, вождь греческих коммунистических восстаний на севере Греции. Сторонниками этого плана были тогдашние вожди правительств "народно-демократических" республик в Румынии, Албании и т. д. Их поддерживал Жданов. Провозглашение федерации должно было быть связано с началом наступления на Грецию для помощи партизанам генерала Маркоса.

Этот план был отвергнут в результате фактического саботажа со стороны Тито, который не хотел большой войны, а наступление на Грецию, несомненно, такую войну вызвало бы. Вместо этого Тито выдвинул план постепенного построения федерации, начав с создания прежде всего таможенного союза Болгарии с Югославией. Этим он полностью выхолащивал из плана федерации элементы внешнеполитической агрессии, оставляя лишь задачи экономического закрепления самостоятельности балканских стран, что было объективно направлено про-

тив планов создания большого хозяйственного целого из всех стран-сателитов во главе с СССР.

На сторону этого плана Тито привлек Г. Димитрова, бывшего возглавителя Коминтерна в 1934--1943 гг., в то время председателя правительства в Болгарии. Между ними уже имелась полная договоренность, но все расчеты были сделаны без хозяина, сидевшего в Кремле, который наложил на эти планы категорическое вето. 17 января 1948 г. Димитров, находившийся тогда в Бухаресте, дал представителям печати интервью, в котором высказался за необходимость создания в ближайшее время балканской федерации. В ответ на это 28 января в "Правде" появилась краткая, но чрезвычайно внушительная заметка за подписью "Редакция", весьма решительно заявлявшая, что балканские страны "нуждаются не в проблематической унии или конфедерации, а в укреплении и защите своей независимости и суверенитета путем мобилизации и организации внутренних демократических сил". Немедленно же главные защитники планов балканской федерации, болгары и югославы, были вызваны в Москву для переговоров. Сталин, который лично в этих переговорах участвовал, не скрыл своего недоверия и недовольства. Сталин, в обычной для него манере, ставил перед собравшимися провокационные вопросы, стремясь выяснить подлинные настроения сторонников федерации. Особенно резко он нападал лично на Димитрова. Еще несколько месяцев шла борьба за кулисами.

В июне было созвано совещание Коминформа, которому Кремль представил настоящий обвинительный акт против Тито. Последний на совещание не явился. 28 июня 1948 г. материалы совещания были опубликованы.

Одновременно был опубликован и ответ Тито. Факт полного разрыва был закреплен. Началась открытая борьба.

Этот разрыв был фактическим концом Коминформа и в то же время концом биографии Жданова. 21 июля 1948 г. в "Правде" появилась телеграмма с выражением возмущения ЦК ВКП (б) в связи с покушением на лидера японских коммунистов. Под телеграммой стояла подпись: "Маленков, секретарь ЦК компартии СССР". Эта подпись означала полную победу Маленкова и полное поражение Жданова. Маленков не просто вернулся в секретариат ЦК ВКП (б); факт подписи им телеграммы, имевшей отношение к международным делам, показывал, что он занял место первого секретаря ЦК ВКП (б), которому подведомственны международные сношения партии, т. е. занял место, которое перед тем занимал Жданов. Последний еще числился секретарем ЦК, так как снять его мог только пленум. Но фактически он был от всех дел отстранен, а скорее всего находился под расследованием в связи с катастрофическим развитием событий в Югославии. Руль большой политики партии взял в свои руки Маленков.

* * *

Переняв в свое ведение общую политику партии, Маленков прежде всего вмешался в дела науки, в съезд биологов, который был запланирован на начало августа. Этот съезд готовил Жданов. О том, в каком направлении он его предполагал провести, можно лишь догадываться по выступлению его сына, молодого ученого-физиолога Юрия Жданова, которого отец взял на работу в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), по-видимому, в качестве ответственного инструктора по вопросам науки. Молодой Жданов на совещании лекторов по вопросам современного дарвинизма, созванном Управлением про-

паганды, выступил с заявлениями, которые были направлены против теории пресловутого Лысенко. Нет никакого сомнения, что эти замечания молодого Жданова не могли не отражать мнения отца.

Но молодой Жданов не принял во внимание, что секретариат возглавляет уже не его отец, а злобствующий враг Жданова--Маленков. Против Жданова-сына немедленно же началась травля, которая была остановлена личным вмешательством Сталина. 7 августа 1948 г. в "Правде" было напечатано покаянное письмо Жданова-сына, чем кампания против него и была закончена.

В тот же день, 7 августа, на сессии Всесоюзной сельскохозяйственной академии Лысенко, вокруг "научных теорий" которого там шла ожесточенная борьба, выступил с торжествующим заявлением о том, что ЦК рассмотрел его доклад о положении в биологической науке и доклад одобрил. Так как в это время никакого пленума ЦК не проходило, нет сомнений, что одобрен от имени ЦК доклад был Маленковым. Разгром биологов, последовавший за этим, был первым актом нового периода гонений на науку.

В этих условиях смерть, которая пришла к Жданову 31 августа 1948 г., если даже она была совершенно естественной,, сыграла роль избавительницы. В том, что его ждала тяжелая расправа, сомневаться не приходится: мы знаем, какая судьба постигла всех его ближайших помощников и по работе в секретариате ЦК ВКП(б), и по работе в Коминтерне -- Коминформе. Заметка "Правды" о похоронах Жданова сообщала, что на поезде, который привез тело Жданова в Москву (он умер на даче под Москвой), прибыли члены семьи Жданова и два представителя ЦК партии -- член Политбюро Вознесенский и сек-

ретарь ЦК А. А. Кузнецов. Оба они бесследно исчезли в ближайшие после смерти Жданова месяцы. Репрессирован был также Мануиль-ский, ближайший сотрудник Жданова по Коминтерну предвоенных лет, посланник, повезший в Америку распоряжение Жданова о восстановлении официальной компартии Америки. Исчез и Лозовский, также близкий сотрудник Жданова.

После смерти Жданова состоялось фактически еще только одно совещание Коминформа -- в ноябре 1949 года в Венгрии -- и это совещание посвящено было обличениям Тито и разговорам о борьбе за мир. Одновременно началась жестокая чистка иностранных компартий, чистка, сопровождаемая процессами и расстрелами. Болгария, Чехословакия, Венгрия, Польша, Румыния, Албания -- всюду в этих странах уничтожены все деятели компартий, которые так или иначе выявляли свои симпатии к Жданову или его политике, все, кто так или иначе связали свои имена с попытками отстаивать независимость местных компартий. Центр военно-политической агрессии Маленков перенес на Восток. Блокаду Берлина, которую начал Жданов и которая едва не довела до войны на Западе, Маленков продолжал некоторое время исключительно для отвода глаз, с осени 1948 г. перенесся внимание на Китай и бросая туда огромные средства и силы. Именно там и была одержана грандиозная победа: в Китае победила коммунистическая революция.

Не менее важные перемены произвел Маленков на фронтах внутренней политики. В чистках Жданова основным была борьба против восхваления прошлого, с одной стороны, и против преклонения перед буржуазной культурой Запада, с другой. С боль

шой осторожностью, стараясь точно дозировать, он настаивал на необходимости вернуться к старым коммунистическим критериям 1930-х гг. Чистки Маленкова, которые начались с марта 1949 г. крестовым походом против "космополитов", с самого начала содержали в себе элементы критического отрицания Запада вообще. За этим на идеологическом фронте с конца 1949 г. последовала полоса массовых чисток партийного и советского аппарата. По своим размерам они, по-видимому, превосходили чистки 1936--1938 гг., но были более организованны и систематичны, и в то же время не сопровождались такими массовыми расправами, как в годы "ежовщины". Фактически в эти годы было сменено все партийное руководство.

Примечания

1 Сафаров Г Колониальная революция (Опыт Туркестана) / ГИЗ. М, 1921 С. 118.

2 Бурнашев Ханиф. Практика новой политики // Вестник агитации и пропаганды / Орган Ферганского областного комитета коммунистической партии Туркестана. 1922 Февраль. Цит. по: Социалистический вестник. 1923 No 2 С. 15.

3 Фрунзе М. Избранные произведения. 1951. С. 101.

4 Сталин И. Сочинения. Т. 4. С. 362. Впервые статья напечатана 10 октября 1920 г. Доклад Ленина и прения по нему на Втором конгрессе Коминтерна см.: Второй конгресс Коммунистического Интернационала: Протоколы. М., 1934. С. 98--161.

5 Сафаров Г. Указ. соч. С. 104--105, 115--116. 6 Фурманов Д. Из дневников // Октябрь. 1936. Март. С. 175.

7 Агабеков Г. С. ГПУ. Записки чекиста. Берлин, 1930. С. 47. Автор этой книги, в свое время занимавший ряд видных постов в ЧК--ГПУ (работал в Туркестане, Персии, Турции, одно время был начальником Восточного сектора ОГПУ и т. д.), был посвящен во многие из секретов этого малопочетного учреждения и в своих книгах (их было две) вскрывает закулисную сторону ряда интересных событий. Целый ряд его рассказов получил полное подтверждение, а потому следует с доверием относиться и к его рассказу о соглашении Ленина с Энвером, тем более, что это соглашение шло полностью в линии тогдашней политики советской власти.

8 Много позднее, в период кровавой "ежовщины" 1936--1938 гг., в советской печати промелькнуло сообщение, что операциями, жертвой которых пал Энвер, руководил будущий "железный нарком" Ежов, вышедший там на большую дорогу своей партийно-чекистской карьеры. Если это сообщение верно, то больше, чем вероятно, что начало личного знакомства Ежова с Маленковым относится еще к тем далеким временам.

9 Судя по некоторым указаниям, в это время Маленков работал в политуправлении 1-й кавалерийской бригады, которая была сформирована специально для операций в горных районах юго-восточного Туркестана, т. е. на территории этих республик.

10 Лукницкий П. Таджикистан. Серия "Наша родина" /Изд. ЦК ВЛКСМ. М., 1951. С. 206. См. также: Илютко Ф. Басмачество в Локае/ГИЗ. М., 1929.

11 Преображенский Е. Вождь партии // Правда. 1924. 14 марта.

12 Цит. по: Каменев Л. Налоговая политика в деревне. Пг., 1923. С. 18.

13 Цит. по: Социалистический вестник. 1924. No 24. С. 14.

14 Правда. 1924. 17 янв.

15 По данным официальной переписи, опубликованной ЦБ пролетарского студенчества, среди студентов рабфака Московского института инженеров транспорта в 1925 г. было от 72 до 81 % больных туберкулезом, нервными и малокровием (Русская школа за рубежом. Прага, No 19, 1926, с. 48).

16 Жаба С. Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу. Париж, 1, 1923. С. 20.

17 Во время дискуссии декабря 1923 -- января 1924 гг. по вузовским ячейкам Москвы было подано около 9400 голосов (доклад тогдашнего секретаря МК ВКП(б) И. А. Зеленского на конференции Московской организации / / Правда. 1924. No 11).

18 Революционная Россия. Орган партии социалистов-революционеров (Юрьев, Эстония). 1901, No 12-13, окт. С. 38.

19 Революционная Россия (Берлин). (1923. No 28--29, июль-авг. С. 35.

20 О партийном кризисе имеется большая литература. Основным и наиболее достоверным источником следует считать речи Каменева, Преображенского и др. на Московской областной конференции в январе 1924 г., а затем речи и доклады на Тринадцатой общепартийной конференции. См. также: Бухарин Н. К вопросу о троцкизме. М., 1925; Сталин И. Об оппозиции. М., 1928 (в

этом издании статьи Сталина даны полнее, чем в его позднейшем Собрании сочинений); Троцкий Л. Новый курс. М., 1924; Он же. Из материалов партийной дискуссии. Тверь, 1924; Сорина В. Дискуссия 1923--1924 годов / / Пролетарская революция. Т. 7. 1936. С. 11--60. О "Рабочей группе" см.: Писманик Г. Рабочая группа ("мясниковщина") // Пролетарская революция. Т. 6. 1931; Мясников А. За партию (К кризису партии) / ГИЗ, М., 1921. 40 стр. (с пометкой: "Только для членов партий").

21 Социалистический вестник. 1924 No 11.

22 Большевик (Москва). 1924. No 2, 15 апр. С. 87.

23 Правда. 1924. 9 апр.

24 Политический словарь, М., 1940. С. 326.

25 Вечерняя Москва. 1947. 6 дек. 1948. 28 фев.

26 Капитан Н. Русланов, автор статьи "Восхождение Маленкова" (Социалистический вестник, No 7--8, 1953), утверждает, что Маленков в 1924 г. был "единственным из 72 секретарей партийных ячеек высших школ Москвы, который стал на сторону Сталина". На чем основано это утверждение, неизвестно; но правильным его признать никак нельзя. Сторонников Сталина, который тогда формально шел вместе с Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и др., в среде вузовцев было меньшинство, но их было все же не так мало. При голосовании по ячейкам они собрали около 30 % всех голосов, причем среди них было много весьма способных работников, сделавших затем большую карьеру. В "Правде" от 9--11 января 1924 г. было напечатано большое "Открытое письмо т. Троцкому", под которым свои подписи поставили такие представители тогдашней коммунистической молодежи, как А. А. Жданов, Н. А. Вознесенский, А. Н. Поскребышев, Л. З.

Мехлис, П. Н. Поспелов и др. Карьеристов, которые угадывали, что ветер дует в паруса Сталина, среди "красных студентов" было немало.

27 Наш промышленный комсостав (По материалам учетно-распределительного отдела ЦК РКП)/Изд. Красная новь. М., 1928. С. 10--11.

28 Всесоюзная партийная перепись 1627 года / Изд. Статистического отдела ЦК ВКП(б). Вып. 5. М., 1927. С. 6.

29 Речь инженера цит. по докладу Зиновьева. См.: Тринадцатый съезд РКП (большевиков). М., 1924. С. 109.

30 Протоколы Восьмого съезда РКП (б). М., 1919. С. 143, 146, 149--150.

31 ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК

(далее- ВКП(б) в резолюциях). 5 изд. / Институт Маркса--Энгельса--Ленина при ЦК ВКП(б). М., 1936. Т. К С 315, 330--331.

32 Протоколы Двенадцатого съезда. М., 1923. С. 113 и сл.

33 Доклад Шкирятова на Двенадцатом съезде // Протоколы Двенадцатого съезда. С. 221--222.

34 Там же. С. 56

35 Там же. С. 187.

86 Положение об Организационно-распределительном отделе ЦК ВКП(б), утвержденное секретариатом ЦК ВКП(б) 13 марта 1925 г., опубл. в кн.: Справочник партийного работника. М., 1926. С. 228--230. Одновременно Сталиным было утверждено "Положение об ответственных инструкторах ЦК ВКП(б)" (там же. С. 230--231), кото-

рое в ряде отношений является дополнением к "Положению" об Орграспреде, т. к. ответственные инструкторы ЦК работали вместе с Орграспредом.

37 ВКП(б) в резолюциях. Т. 1. С. 509--510. Необходимо указать, что на Двенадцатом съезде вообще господствовала точка зрения необходимости откровенного перехода от советской диктатуры к диктатуре коммунистической партии. Общая резолюция по докладу ЦК говорила прямо, что "диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе как в форме диктатуры его передового авангарда, т. е. компартии" ["ВКП(б) в резолюциях. Т. 1. С. 483]. Так как эта формулировка слишком резко расходилась с высказываниями Ленина, то она вызвала много критических нападок, и Сталин счел выгодным вскоре от нее отмежеваться, свалив ответственность на Зиновьева и Каменева. Но по существу именно она характерна для всей практической политики Сталина.

38 Из некрологов, появившихся в свет после смерти Товстухи, наиболее полным был написанный явно на основании его официальной автобиографии некролог в "Пролетарской революции", органе Института Маркса--Энгельса--Ленина. Кн. 6. 1935. С. 130--131. Там же напечатан и официальный некролог, подписанный всеми членами и кандидатами Политбюро, секретарями, ЦК и заведующими отделами этого секретариата -- честь, которой удостоивались лишь самые крупные партийные деятели. Тот факт, что к этим подписям присоединены подписи двух членов коллегии НКВД -- Г. Ягоды и К. Паукера -- надо рассматривать, по-видимому, как подтверждение слухов о руководящем участии Товстухи в работе Органов ОПТУ -- НКВД, согласно этим слухам в трудные

1929--1932 гг. представителями Политбюро и коллегии ОГПУ--НКВД были Микоян и Товстуха.

34 Троцкий Л. Роль Генриха Ягоды // Бюллетень оппозиции (Париж). 1938. No 65, апр. С. 9.

40 Он же. За стенами Кремля // Бюллетень оппозиции. 1939. No 73 янв. С. 12.

41 Именно в таком качестве Товстуха фигурирует в письме из Москвы. (Бюллетень оппозиции [Берлин]. 1929. No I--2, июль. С. 16). Это письмо является по его содержанию прямым продолжением известной записи разговора

Бухарина с Каменевым 11 июля 1928 г. (см.: Социалистический вестник. 1929. No 6, 22 марта. С. 10--11).

42 Труд. (1950. 7 февр.; Правда. 1937. 11 дек.; Вечерняя Москва. 1947. 13 нояб.

43 Бюллетень оппозиции. 1936. No 52--53, окт. С. 5.

44 Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2 / Изд. Гранит. Берлин, 1930 С. 202, 178.

45 Воспоминания Б. Баженова здесь и ниже цитируются по русскому тексту // Возрождение (Париж). 1928. 13 нояб.

46 Этот эпизод рассказан Л. Троцким в его письме к сыну Л. Л. Седову // Бюллетень оппозиции. 1936. No 52--53, окт. С. 5.

47 Постановление о публикации "Завещания" было принято Пятнадцатым партийным съездом 9 декабря 1927 г., но решение это в жизнь проведено не было. Полный текст завещания был напечатан в СССР в "Бюллетенях" Пятнад

цатого съезда Вып. 30. С. 35--37. Из общего издания протоколов этого съезда завещание было исключено.

48 Сталин в своей речи на пленуме ЦК и ЦКК 23 октября 192, 7 г. заявил, что завещание было "оглашено" на Тринадцатом съезде. Это утверждение неверно. На Тринадцатом съезде завещание оглашено не было -- оно тогда была только доведено до сведения президиума съезда, и редакционная комиссия Пятнадцатого съезда должна была употребить более осторожную формулировку, отметив, что завещание "по желанию Владимира Ильича" было "доведено до сведения Тринадцатого съезда" (Бюллетень. Вып. 30. С. 35).

49 Эти стороны биографии Сталина, относящиеся к 1907--1912 гг., в литературе почти совершенно не освещены. Наиболее подробные указания были даны в апреле 1918 г. в связи с процессом, который Сталин возбудил против Ю. О. Мартова в связи с этими обвинениями. Нужно отметить, что даже большевистский трибунал, прилагавший все усилия для защиты Сталина, вынужден был вынести весьма мягкий приговор Мартову (порицание), но и этот приговор затем, по инициативе Свердлова, был отменен ВЦИК.

50 Ларин Ю. Рабочие нефтяного дела. (Из быта и движения 1903--1908 года). М., 1909. С. 8.

51 Макиавелли Никколо. Сочинения. Т. 1. Предисловие Л. Каменева / Изд. Академия. М., 1934. С. 11--12

52 Именно поэтому Вышинский, явно под диктовку Сталина, на суде жестоко обрушился на Каменева за его предисловие к Макиавелли (см. Вышинский А. Я. Судебные речи / Юридическое издательство. М., 1948. С. 386--387.

53 Об этом писал, в частности, Л. Заковский, в то время начальник Ленинградского управления НКВД, в кн. : Шпионов, диверсантов и вредителей уничтожим до конца / Партиздат ЦК ВКП(б). М., 1937. С. 14.

54 Рассказ П. Б. Струве об его спорах с Лениным в 1894--1895 гг. см. Валентинов Н. Из прошлого. Струве о Ленине // Социалистический вестник. 1954. № 8--9. С. 171.

55 Войтинский В. Годы побед и поражений / Изд. Гржебина. Берлин, 1924. Т. 2, С. 103

56 Ленин В. И. Сочинения. 2 изд. Т. 22. С. 202.

57 Об этой стороне деятельности Сталина А. И. Рыков рассказывал американскому журналисту В. Резвику (Reswick William. I dream revolution. Chicago, 1952. P. 118).

58 Например, письмо Сталина к Ленину от марта 1921 г. о "Плане электрификации", впервые опубликованное В. В. Куйбышевым (Сталин: Сборник статей к 501-летию со дня рождения / Госиздат. М., 1930 С. 33--34).

59 Reswick William. Ibid. P. 118

60 Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 183.

61 Краткая история ВКП(б) / Под ред. В. Кнорина. М., 1934. С. 275.

62 Ленин В. И. Сочинения. 4 изд. Т. 33. С. 428.

63 Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2, С. 223.

64 Дмитриевский С. Сталин / Изд. Стрела. Берлин, 1931. С. 285.

65 Троцкий в своих статьях 1939--1940 гг. рассказал один крайне важный эпизод, который, возможно, заста-

вит историков признать Сталина убийцей Ленина не только через оскорбление его жены, но и в более непосредственном значении этого слова, убийцей-отравителем. По этому рассказу Троцкого в конце февраля 1923 г. Сталин сообщил в Политбюро о просьбе Ленина дать ему яд для самоубийства, с которой к нему якобы обратился Ленин. По словам Сталина, Ленин опасался нового удара и хотел иметь возможность в этом случае покончить с собою. Троцкий подчеркивает "загадочный и фальшивый" тон Сталина, который высказывался за удовлетворение просьбы "старика" под тем предлогом, что страдания последнего становятся невыносимыми. Троцкий высказался решительно против, Зиновьев его поддержал, и предложение Сталина отпало без формального голосования, но, как рассказывает Троцкий, его дол

го потом тревожил вопрос: чего, собственно, хотел Сталин? Вопрос этот действительно крайне важен, тем более, что сам факт обращения Ленина с этой просьбой к Сталину вызывает большие сомнения: в это время Ленин уже относился к Сталину без всякого доверия, и непонятно, как он мог с такой интимной просьбой обратиться именно к нему.

Этот факт приобретает особенное значение в свете другого рассказа Автор этих строк встречался с одной эмигранткой военных лет, которая в течение последнего перед войной десятилетия много скиталась по советским тюрьмам, в том числе и политическим изоляторам, где имела большое количество интересных встреч. В Челябинском изоляторе ей пришлось встретиться со стариком-заключенным, который в 1922--1924 гг. работал поваром в Горках, где тогда жил больной Ленин. Этот старик покался рассказчице, что в пищу Ленина он подмешивал препараты, ухудшавшие состояние Ленина. Дей-

ствовал он так по настоянию людей, которых он считал представителями Сталина. В момент нашей первой встречи эта рассказчица ничего не слышала про статьи Троцкого, в то время как ряд других ее рассказов нашел позже полное подтверждение.

Если этот рассказ признать достоверным, то заявление Сталина в Политбюро, о котором рассказывает Троцкий, имеет вполне определенный смысл: Сталин создавал себе алиби на тот случай, если бы стало известно о работе повара-отравителя.

66 Такими кандидатами тогда были Дзержинский, Калинин Молотов, Руд-зутак, Сокольников и Фрунзе. Лоялен Сталину был только Молотов.

67 Доклады Каменева весной 1925 г. собраны в 12-м томе его Сочинений (М., 1926). В этом томе опубликован и его доклад на Третьем съезде Советов. Этот съезд принял ряд решений, которые позднее стали объектом жестокой критики со стороны оппозиции, в том числе о предоставлении крестьянам права сдавать свой участок в аренду, о расширении прав на применение наемного труда и т. д. Очевидно, что эти постановления были приняты с ведома и согласия Политбюро.

68 Политическая позиция Троцкого по отношению к этим вопросам до 1925 г. была им сформулирована в речи, произнесенной 1 сентября 1925 г. в Запорожье (издана отдельной брошюрой: О наших новых задачах / Госиздат. М., 1925. 19 стр.) и 8 ноября 1925 г. в Кисловодске (издана брошюрой: 8 лет. Итоги и перспективы / Госиздат. М., 1926). В. Резвик рассказывает об интервью, которое ему дал Троцкий в первые дни после смерти Ленина и которое не было пропущено цензурой Сталина. В этом интервью Троцкий открыто критиковал Сталина и под-

держивавших тогда последнего Зиновьева с Каменевым и давал очень высокую оценку Рыкову именно за его твердость в проведении политики в духе НЭПа, которая спасает страну от новой революции (Reswick William* Ibid. P. 78).

69 Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 184.

70 Reswick William. Ibid. P. 118.

71 См. доклады Зиновьева на заседании Ленсовета (Ленинградская правда. 14 и 15 апреля 1925) и на конференции работников Ленинградского военного округа (Ленинградская правда, ЭЙ июня 1925).

72 Доклад Бухарина на собрании актива Московской организации // Правда. 1926. 10 янв.

73 Наиболее полными сводными работами и сборниками материалов о "новой оппозиции" являются сборник: Дискуссия 1925 года: Материалы и документы / Под общей редакцией К. А. Попова с предисловием Е. Ярославского. М., 1929. XII и 390 стр., а также очерк И. Вавилина "Борьба против "новой оппозиции" в Ленинградской организации большевиков" // Красная летопись. Т. 1 (58). Л., 1934. С. 18--36. Обе эти работы, конечно, тенденциозны и дают освещение в духе статей и речей Сталина. Первоисточниками являются прежде всего газеты того времени и протоколы Четырнадцатого и Пятнадцатого партийных съездов и Четырнадцатой конференции.

74 Слова П. Залуцкого, приведенные в письме Ф. Леонова к Угланову см. в кн.: Дискуссия 1925 года. С. 11.

75 Доклад на XXIII чрезвычайной ленинградской губернской конференции / Госиздат. Л., 1926. С. 42.

76 Сталин, И. Об основах ленинизма. М., 1924. Это издание, позднее изъятое из обращения Сталиным, является первым. История изменения текста рассказана самим Сталиным (см.: Вопросы ленинизма. Ц изд. М., 1939. С. 137).

77 См.: Бухарин Н. Новые задачи в области нашей крестьянской политики // Правда. 1925. 24 апр. Он же. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. М, 1925 Эти две работы Бухарина надо считать основными для понимания этой стороны его политической позиции в тот период. Обобщенную сводку своих взглядов на взгляды Ленина за последний период Бухарин дал в брошюре: Политическое завещание Ленина. М., 1929.

78 Сталин И. В. К итогам работы XIV конференции РКП (б). Доклад на собрании Московской организации 9 мая 1926 года.

79 Позиция Сталина по крестьянскому вопросу освещена в его сборнике статей: Крестьянский вопрос: Статьи и речи (М., 1924. 36 стр.). Статьи и речи на эту же тему Зиновьева см. в его сборнике: Лицом к деревне (Л., 1925).

Документы

I

Германия и русские революционеры в годы первой мировой войны

От редактора-составителя

Взаимоотношения между большевистской партией и кайзеровским правительством в годы мировой войны долгое время оставались для историков загадкой. Сенсацией разносились по миру отрывочные сведения о том,

что германское правительство, заинтересованное в скорейшем ослаблении Российской империи и выходе последней из войны, нашло выгодным для себя финансирование русских социалистических партий, стоявших за поражение России в войне и ведших усиленную пораженческую пропаганду. И лишь во второй половине 1950-х гг. в распоряжение историков были переданы документы, позволяющие более глубоко и внимательно изучить ставший уже легендой вопрос о немецких деньгах и "пломбированном вагоне", в котором вернулась в Россию группа большевиков во главе с Лениным.

* * *

В числе сборников таких документов следует прежде всего" назвать подготовленное З. Земаном английское издание "Германия и революция в России 1915--1918. Документы из архивов германского министерства иностранных дел" (Лондон, 1958) и вышедший в 1957 г. на немецком языке сборник документов под ред. В. Хальвега "Возвращение Ленина в Россию в 1917 году" (выпущен на русском в издательстве "Международные отношения" Москва, 1990).

Нужно отметить, что эти публикации, с очевидностью указывавшие на связь с германским правительством таких известных революционеров, как швейцарский социал-демократ Карл Моор (Байер), русско-румынско-болгарский социалист Х. Раковский, эсеры Цивин (Вейс) и Рубакин, вызвали настоящий переполох среди еще живших революционеров. И неудивительно, что документы этих сборников, равно как и новые, еще не изданные

документы Германского МИДа, начал собирать в своем архиве Николаевский после 1957 г.

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько существенной была роль Германии и Австро-Венгрии в деле организации большевистского переворота и смог бы произойти этот переворот без германских и австрийских субсидий, следует указать, что подрывная работа Германии в отношении России была лишь частью общей германской политики, направленной на ослабление противника. На так называемую "мирную пропаганду" Германия потратила по крайней мере 382 млн. марок (причем до мая 1917 года на Румынию или Италию денег было потрачено больше, чем на Россию, что не помешало и Румынии и Италии выступить в войне на стороне Антанты). Десятки миллионов марок были истрачены на подкуп четырех газет во Франции. В России же ни одной газеты немцам подкупить, видимо, не удалось, и финансирование Германией ленинской "Правды" в 1917 г. было, кажется, единственным исключением.

Германское правительство рассматривало возможную русскую революцию как часть этой подрывной акции. Оно не без оснований надеялось, что революция приведет к распаду Российской империи, выходу ее из войны и заключению сепаратного мира, который обещали дать революционеры в случае прихода к власти. Германии же этот мир был необходим уже потому, что в 1917 г. она не обладала нужными силами для ведения войны на два фронта.

Сделав ставку на революцию в России, германское правительство в критические для Временного правительства дни и недели поддержало ленинскую группу, помогло ей и другим "пораженцам" проехать через Германию и Швецию, получило согласие шведского правительства на проезд эмигрантов к финской границе. Оттуда оставалось совсем уже близко до Петрограда. Не удивительно, что

происшедший в октябре 1917 г. переворот не был для германского правительства неожиданностью. Справедливо или нет, оно смотрело на происшедшее как на дело своих рук.

Но Германия никогда с такой легкостью не смогла бы достичь своих целей, если бы интересы германского правительства не совпадали в ряде пунктов с программой еще одной заинтересованной стороны: русских революционеров-пораженцев, самым влиятельным и деятельным крылом которых, как оказалось, было ленинское (большевики). В чем же совпадали цели Германии и революционеров в войне?

Как и германское правительство ленинская группа была заинтересована в Поражении России. Как и германское правительство большевики желали распада Российской империи. Немцы хотели этого ради общего ослабления послевоенной России. Революционеры, среди которых многие требовали отделения от

Российской империи окраин еще и по национальным соображениям (например, один из видных польских революционеров Пил-судокий), смотрели на рост национальных сепаратистских тенденций (национализм малых наций) как на явление, находившееся в прямой связи с революционным движением.

Совпадая в одних пунктах, цели Германии и революционеров в войне расходились в других. Германия смотрела на русских революционеров как на подрывной элемент и рассчитывала использовать их для вывода России из войны. Удержание социалистов у власти после окончания войны, видимо, не входило в планы германского правительства. Революционеры же смотрели на помощь, предложенную германским правительством, как на

средство для организации революции в России и во всей Европе, прежде всего в Германии. Германское правительство знало, что главной задачей социалистов была организация революции в Германии. Революционеры знали, что правительство Германии не желает допустить прихода к власти немецких социалистов, а русских революционеров рассматривает как орудие для реализации собственных "империалистических" планов. Каждая из сторон надеялась переиграть другую. В конечном итоге, в этой игре победила ленинская группа, переигравшая всех, в том числе и Парвуса, родоначальника идеи германо-большевистского сотрудничества.

Программа европейских социалистов была абстрактна: революция. Программа Ленина была конкретна: революция в России и приход к власти. Как человек, подчиненный собственной цели, он принимал все то, что способствовало его программе, и отбрасывал -- что мешало. Если Четверной союз предлагал помощь, то постольку, поскольку эта помощь способствовала приходу Ленина к власти, она должна была быть принята. Если эта помощь могла оказываться на условиях провозглашения Лениным определенной политической платформы, то постольку, поскольку эта платформа способствовала достижению основной цели: приходу Ленина к власти, она должна была быть принята и объявлена. Немцев интересовал сепаратный мир с Россией? Ленин сделал лозунг немедленного подписания мира и прекращения войны основным пунктом своей программы. Немцы хотели распада Российской империи? Ленин поддержал революционный лозунг самоопределения народов, допуская фактический распад Российской империи. Немцы хотели для компромисса Антанты опубликовать тайные договоры русской дипломатии, показывающие захватнический характер

России и ее союзников? Ленин выступил с призывом добиваться публикации тайных договоров русского правительства. (И только оставалось удивляться, каким образом интересы одного из самых радикальных русских революционеров могли так совпасть с целями кон

сервативного правительства Германии.) Фантазия германского правительства по существу на этом иссякала. По плану немцев так ликвидировался Восточный фронт: приводом Ленина к власти и заключением сепаратного мира с охваченной революцией Россией.

Нужно отдать должное Ленину. Он выполнил данное германскому правительству обещание в первые же часы прихода к власти: 26 октября на съезде Советов он зачитал известный декрет о мире. На следующий день декрет был опубликован Петроградским телеграфным агентством (захваченным и контролируемым большевиками). Правительства стран Четверного союза, внимательно следящие за происходящим, отметили это заявление, но разошлись в реакции на него. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О. Чернин, один из самых разумных дипломатов своего времени, настоятельно рекомендовал начать в германских и австро-венгерских полуофициальных органах обсуждение заявления советского правительства в благожелательном для большевиков тоне и подготовить почву для скорейшего начала мирных переговоров, дабы как можно быстрее заключить перемирие, а затем и мир. Против этого возражал статс-секретарь Германии по иностранным делам Кюльман, считавший, что борьба за власть между Лениным и Керенским еще не закончена, что большевистский режим ни в коем случае нельзя назвать стабильным; а ухватившись преждевременно за неофициальное большевистское заявление, переданное не в виде ноты, а по телеграфу, немцы

рискуют показаться слабыми. К тому же немцы боялись скомпрометировать большевиков слишком поспешным проявлением дружеских чувств к ленинскому правительству и дать этим повод Антанте и оппонентам Ленина в России утверждать, что большевики состоят в сговоре с Германией. Поэтому 26 октября (8 ноября) германский посланник в Стокгольме рекомендовал МИДу не публиковать в немецкой и австрийской прессе никаких заявлений о предварительном соглашении с большевиками.

В эти ноябрьские дни 1917 г. Восточный фронт как военный фактор перестал существовать, и немцы начали перебрасывать войска на запад. 14 (27) ноября германское Верховное командование дало согласие на ведение официальных переговоров о мире с представителями советской власти. Начало переговоров было назначено на 19 ноября (2 декабря). Со своей стороны в заявлении от 15 (28) ноября советское правительство указало, что в случае отказа Франции, Великобритании, Италии, США, Бельгии, Сербии, Румынии, Японии и Китая присоединиться к большевикам Россия и страны Четверного блока начнут сепаратные переговоры.

Именно такой декларации ждало германское правительство. На следующий день, 16 (29) ноября, выступавший в рейхстаге канцлер Германии Гертлинг подтвердил, что готов вступить в переговоры, как только русское правительство направит к немцам специальных представителей. 17 (30) ноября на указанных условиях к переговорам согласилась присоединиться Австро-Венгрия.

Оставалось только удержать большевиков у власти до момента подписания соглашения. И Германия оказала большевикам помощь в трех направлениях: финансовом, дипломатическом и военном. Различными путями Герма-

ния финансировала большевистское правительство. Она оказала давление на нейтральные страны, пытаясь заставить их признать большевиков в качестве законного правительства России. Если при этом победы на дипломатическом фронте оказались незначительными, то во многом из-за противодействия Антанты.

Германия не хотела теперь иметь дело ни с кем, кроме большевиков, отказываясь от переговоров с другими социалистическими партиями. Эта политика немцев не изменилась по существу до октября 1918 г., когда дипломатические отношения с советской Россией были разорваны, наконец, в ответ на подрывную деятельность советского полпредства в Германии, ставившего своей целью организацию там коммунистического мятежа.

Ниже публикуются в переводе с немецкого и английского языков документы времен первой мировой войны, касающиеся взаимоотношений большевиков, меньшевиков и эсеров с германским правительством и его агентами. Подавляющая часть документов на русском издается впервые. Примечания, данные мною, обозначены в публикации как "Прим. Ю. Ф. ". Все остальные примечания составлены редакторами английского и немецкого сборников документов.

Ю. ФЕЛЬШТИНСКИЙ

Телеграмма No 76

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ
ДЕЛ -- СТАТС-СЕКРЕТАРЮ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (в Ставку)¹

Берлин, 9 января 1915 г

Имперский посол в Константинополе, прислал телеграмму за No 70 следующего содержания:

"Известный русский социалист и публицист д-р Гельфанд², один из лидеров последней русской революции, который эмигрировал из России и которого несколько раз высылали из Германии, последнее время много пишет здесь, главным образом, по вопросам турецкой экономики. С начала войны Парвус занимает явно прогерманскую позицию. Он помогает Д-ру Циммеру в его поддержке украинского движения, а также сделал немало полезного в деле основания газеты Бацариса в Бухаресте. В разговоре со мной, устроенном по его просьбе Циммером, Парвус сказал, что русские демократы могут достичь своих целей, только путем полного уничтожения царизма и разделения России на более мелкие государства. С другой стороны, Германия тоже не добьется полного успеха, если не разжечь в России настоящую революцию. Но и после войны Россия будет представлять собой опасность для Германии, если только не раздробить Российскую империю на отдельные части. Следовательно, интересы Германии совпадают с интересами русских революционеров, которые уже ведут активную борьбу. Правда, отдельные фракции разобщены, между ними существует несогласованность. Большевики еще не объединились с большевиками, которые, между тем, уже приступили к действиям. Парвус видит свою задачу в объединении сил и организации широкого революционного подъема. Для этого необходимо прежде всего созвать съезд, руководителей движения -- возможно, в Женеве. Он готов предпринять первые шаги в этом направлении, но ему понадобятся немалые деньги. Поэтому он просит дать ему возможность представить его планы в Берлине. Он, в частности, убежден, что если издать некий имперский

циркуляр, который пообещает немецким социал-демократам в награду за патриотическое поведение немедленное усовершенствование начальных школ и сокращение рабочего дня, то это окажет существенное влияние не только на немецких социалистов, служащих в армии, но и на русских, придерживающихся тех же политических взглядов, что и Парвус. Сегодня же Парвус уехал через Софию и Бухарест в Вену, где он встретится с русскими революционерами. Д-р Цим

мер прибудет в Берлин одновременно с Парвусом и сможет организовать необходимые встречи с ним. По мнению Парвуса, действовать следует быстро, чтобы русские новобранцы прибывали на фронт уже "зараженными" революционным микробом. Ван-генхайм".

Было бы желательно, чтобы статс-секретарь иностранных дел принял Парвуса3.

**СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- В МИД
ГЕРМАНИИ**

Телеграмма No 40 Ставка, 13 января 1915 г., 12. 20

Получено: 13 января, 1. 43

Мы намерены послать Рицлера4 на встречу с русским революционером Парвусом в Берлине. Он будет иметь подробные инструкции. Прошу телеграфировать время прибытия Парвуса. Пар-вус не должен знать, что Рицлер прибывает из Ставки.

ягов5

МЕМОРАНДУМ Д-РА ГЕЛЬФАНДА

9 марта 1915 г.

Приготовления к массовой забастовке в России

Следует начать приготовления к политической массовой забастовке в России под лозунгом "Свобода и мир", с тем чтобы провести ее весной. Центром движения будет Петроград, а в самом Петрограде -- Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы. Забастовка должна прервать железнодорожное сообщение между Петроградом и Варшавой и Москвой и Варшавой и парализовать Юго-западную железную дорогу. Железнодорожная забастовка будет преимущественно направлена на крупные центры с большим количеством рабочих сил, железнодорожными депо и т. д. Чтобы расширить область действия забастовки, следует взорвать как можно больше железнодорожных мостов, как это было во время забастовочного движения 1904--1905 годов.

Конференция

русских социалистических

руководителей

Эта цель может быть достигнута только под руководством русских социал-демократов. Радикальное крыло этой партии уже начало действовать, но необходимо, чтобы к ним присоединилась умеренная группа меньшинства. До сих пор объединению мешали в основном радикалы. Однако две недели назад их вождь Ленин б сам открыто поднял вопрос об объединении с меньшинством. Следует создать возможность добиться объединения на основе компромисса, вызванного необходимостью использовать ослабление административного аппарата страны в результате войны, и таким образом начать нужные действия. Следует понимать, что умеренная группа всегда находилась под большим влиянием немецких социал-демократов, и личный авторитет некоторых немецких и австрийских социал-демократических вождей и

сейчас может оказать на них сильное воздействие. После тщательного предварительного зондирования важно, чтобы конгресс русских социал-демократических лидеров был проведен в Швейцарии или другой нейтральной стране. В конгрессе должны участвовать:

1. Социал-демократическая партия большевиков.
2. Партия меньшевиков.
3. Еврейская лига.
4. Украинская организация Спилка.
5. Польская социал-демократическая партия.
6. Социал-демократическая партия Польши.
7. Литовская социал-демократическая партия.
8. Финские социал-демократы.

Такой конгресс может состояться только в том случае, если удастся заранее обеспечить единогласие в вопросе о начале немедленных действий против царизма.

Конгрессу может предшествовать дискуссия между большевиками и меньшевиками. Возможные добавления к списку участвующих в конгрессе групп: армянская партия Дашнакцутюн и Хиндшак.

Конгресс будет иметь громадное значение, а его решения могут оказать самое мощное воздействие на общественное мнение во Франции и Англии.

Русские социал-революционеры

С русской партией социал-революционеров нужно вести переговоры отдельно. Ее члены более склонны к национализму, и их влияние на рабочих -минимальное. В Петрограде насчитывается всего несколько приверженцев этой партии на Балтийском за

воде. При подготовке массовой забастовки эту партию можно спокойно не принимать во внимание. С другой стороны, эта партия пользуется влиянием у крестьян,

пропагандистами при этом выступают учителя начальных школ.

Местные движения

Одновременно с подготовкой условий для массовой забастовки необходимо начать агитацию. Через Болгарию и Румынию можно установить связь с Одессой, Николаевым, Севастополем, Ростовом-на-Дону, Батуми и Баку. Во время революции русские рабочие этих городов выдвигали требования местного и производственного характера, на которые хозяева предприятий поначалу согласились, но затем так и не выполнили. Однако рабочие не забыли о своих требованиях. Два года назад матросы и рабочие верфи снова выдвинули те же требования во время забастовки. Агитацию следует строить именно на этом и постепенно придать ей политический характер. Хотя организовать в черноморском районе всеобщую забастовку, скорее всего, не удастся, возможно проведение местных забастовок в Николаеве, в Ростове и на некоторых предприятиях в Одессе, в связи с безработицей в этих местах. Такие забастовки будут важны для нарушения состояния спячки, в которое впали внутренние движения в Российской империи в начале войны.

Для организации этого движения нужно возродить организацию русских моряков, которая в последние годы имела своим центром сначала Константинополь, а потом Александрию. Теперь же ей лучше иметь свой центр в Констанции или Галати. Тот факт, что города на побережье Черного моря будут серьезно затронуты войной на море, делает их особенно восприимчивыми к политической агитации. Особые усилия должны быть направлены на то, чтобы, как в 1905 году, революционные организации при поддержке рабочих контролировали городскую

администрацию с целью облегчения участи бедных классов, страдающих из-за войны. Это последнее также послужит одним из толчков к общему революционному движению. Если произойдет восстание в Одессе, его может поддержать турецкий флот.

Перспективы мятежа на черноморском флоте невозможно оценить до установления более тесного контакта с Севастополем.

Забастовка в Баку в районе нефтяных полей может быть организована сравнительно легко. Важно, что значительная часть рабочих здесь -- татары, т. е. мусульмане. Если такая забастовка произойдет, то, как и в 1905 году, будут предприняты попытки поджечь нефтяные скважины и депо. Представляется также воз

можным организовать забастовки в районе шахт на Донце. Особенно благоприятны условия на Урале, где многие поддерживают большевиков. При бедности тамошнего населения организация забастовок среди шахтеров не составит труда, для этого понадобятся лишь незначительные суммы денег.

Сибирь

Особое внимание следует уделить Сибири. В Европе ее знают только как место ссылок, но вдоль сибирских трактов, у железных дорог и рек живут гордые и независимые крестьяне, не желающие иметь ничего общего с центральным правительством.

В городах имеются деловые круги и интеллигенция, состоящая из политических ссыльных и тех, кто находится под их влиянием. Сибирские избирательные округа направили в Думу социалистических депутатов. Во время революции 1905 года все управление находилось факти-

чески в руках революционного комитета. Административный аппарат чрезвычайно слаб, а военный -- сведен к минимуму, поскольку опасность со стороны Японии, по всей видимости, отпала. Эти обстоятельства позволяют создать в Сибири несколько центров деятельности. В то же время необходимо подготовить побег политических ссыльных в Европейскую Россию, что является чисто финансовой проблемой. Если это сделать, в упомянутые выше агитационные центры и в Петроград можно направить несколько тысяч прекрасных агитаторов с обширными связями и бесспорным авторитетом. Это, конечно, может быть осуществлено только самими социалистическими организациями, так как только они обладают достаточной информацией о полезности отдельных лиц.

Масштаб и взаимосвязь действий зависят от твердости позиций социалистических организаций и координации между ними. С другой стороны, сами эти действия послужат стимулом к совместным действиям и единству социалистических партий, и уже и по одной только этой причине их следовало бы предпринять немедленно.

Кампания в печати

Основная тенденция этой деятельности одновременно должна разъясняться внутри русских социалистических партий путем обсуждения в газетах, через листовки и т. д. Листовки и брошюры на русском языке можно печатать в Швейцарии. В Париже несколько лидеров меньшевиков издают русскую газету "Голос", и несмотря на необычные обстоятельства, в которых она издает

ся, газета сохраняет вполне объективное отношение к войне-Эта газета не сможет избежать участия в дискуссии о партийной тактике. К печатанию комментариев на эти темы можно также привлечь швейцарские и итальян-

ские социалистические, а также датские, голландские, шведские и американские. Участие в этой дискуссии смогут принять пользующиеся международной известностью германские социалистические лидеры.

Такая кампания в прессе существенно повлияла бы на позиции нейтральных стран, особенно Италии, и это передалось бы социалистическим кругам Англии и Франции. Даже объективное отражение хода ведения войны, которое в Англии и Франции может быть осуществлено только под эгидой социалистов, да и то с большими трудностями, может сослужить большую службу.

Социалистическая пресса в Болгарии и Румынии может с легкостью быть вовлечена в борьбу с царизмом.

Поскольку центром революционной агитации в южной России будет Румыния, позиция румынской ежедневной прессы в этом отношении чрезвычайно важна и сама по себе и потому, что она формирует отношение самой Румынии к войне. Все большие румынские газеты издаются на русские деньги, и это накладывает на них определенные финансовые обязательства. Однако можно организовать группу известных журналистов для издания большой независимой ежедневной газеты, которая имела бы прогерманскую направленность. Румынская пресса, настроенная на волну российской победы, серьезно подорвала свой престиж в ходе этой войны, и новая газета сможет завоевать читателя объективной хроникой. А по ходу дел общественное мнение будет обращаться к ней все чаще и в результате другим газетам придется изменить свои позиции.

Агитация в Северной Америке

Соединенные Штаты требуют особого внимания. Живущие здесь массы евреев и славян представляют собой очень восприимчивый элемент для антицарской агитации, а русские социал-демократы и Еврейская лига имеют здесь обширные связи. Сюда следует направить ряд агитаторов. Помимо личного влияния, они будут побуждать уже существующие силы на местах к энергичным действиям, усилят организации, поддержат многие русские и еврейские начинания в прессе, одним словом, будут способствовать систематизации тамошних действий.

Это может оказаться чрезвычайно важным, учитывая, что миллионы русских эмигрантов, большинство из которых лишь

недавно покинуло Россию, сохранили связи с родиной. Более того, движение русских эмигрантов в Америке не может не повлиять на американское общественное мнение. К тому же, агитаторов из этих кругов можно заслать в Россию. В связи с войной, в которой решается будущее германской нации, следует активизировать также немецкую эмиграцию. Сильное антицарское движение среди русских и российских евреев в Америке способствовало бы такой активизации. В Америку следует послать ряд представителей немецкой и австрийской социал-демократии.

Рост

революционного

движения

Агитация в нейтральных государствах и агитация в России будут испытывать взаимное влияние. Дальнейшие события в большей мере зависят от течения войны. После восторгов первых дней в России наступило отрезвле-

ние. Царский режим нуждается в быстрых победах, а на деле терпит кровавые поражения. Даже если русская армия останется на зиму на теперешних позициях, по всей стране прокатится волна недовольства. Аппарат агитации, описанный выше, использует, углубит, расширит и распространит во все концы страны эти настроения масс. Повсеместные забастовки, восстания, вызванные недовольством масс, усиление политической агитации -- все это поставит царское правительство в затруднительное положение. Если оно ответит репрессиями, это вызовет еще большее ожесточение; если оно проявит терпимость, это будет воспринято как признак слабости и еще больше разожжет революционный пожар. В 1904--1905 годах мы видели много доказательств этому. Если же, с другой стороны, русская армия понесет поражение, то антиправительственное движение приобретет невиданный размах. В любом случае при мобилизации имеющихся сил согласно вышеизложенному плану можно рассчитывать на массовую забастовку весной. Если массовая забастовка достигнет сколько-нибудь значительного размаха, царский режим будет вынужден сконцентрировать военные силы внутри России, особенно вокруг Петрограда и Москвы. К тому же, правительству понадобятся войска для защиты железных дорог. Во время забастовки в декабре 1905 года только на защиту железнодорожной линии между Москвой и Петроградом понадобилось два полка, и только благодаря этим полкам не были взорваны железнодорожные мосты около Твери и в других местах, а в Москву были переброшены гвардейские полки, которые и подавили восстание. Хотя основные усилия будут направлены на организацию железнодорожной забастовки на

западе, будут делаться попытки организовать по мере возможностей и другие железнодорожные забастовки.

Даже если это не везде удастся, царскому правительству придется задействовать крупные военные силы для защиты мостов, станций и т. д. Забастовка вызовет замешательство внутри административного аппарата и приведет к его распаду.

Крестьянское движение и Украина

Крестьянское движение, как и в 1905 году, может стать важным фактором. Условия, в которых живет русское крестьянство, с тех пор не только не улучшились, но, наоборот, ухудшились. Для русского крестьянина главный вопрос -- земельный. Поэтому крестьяне опять начнут распахивать помещичьи земли и тем самым создадут угрозу помещикам. Крестьянский вопрос в России сводится к вопросу о владении землей, а решение его тесно связано с созданием кооперативов и организаций, предоставляющих кредит под низкий процент, со школьным образованием, налоговой системой и государственной администрацией в целом. На Украине все эти факторы, вместе взятые, вызывают требования автономии. Пока там доминирует царский режим, что выражается в наделении землей московской аристократии и в защите крупных русских помещиков от украинских крестьян всеми доступными средствами, у крестьян нет другого выхода, как восстать, едва они почувствуют слабость правительства или увидят, что режим находится в трудном положении. Одной из первых задач украинского правительства будет установление порядка и законности вместо анархии, возникшей в результате деятельности московского правительства, и при поддержке украинского народа оно с легкостью выполнит эту задачу. Образование независимой Украины явится одновременно освобожде-

нием от царского режима и спасением от хаоса крестьянских восстаний.

Если возникнут крестьянские выступления в центральной России (а великорусские крестьяне наверняка не останутся в бездействии, когда рядом с ними восстанут их украинские братья), то и партия социал-революционеров откажется от своей политики бездействия. Эта партия оказывает большое влияние на русских крестьян через учителей начальных школ и пользуется авторитетом у трудовиков, крестьянской народной партии в Думе. Русские социал-демократы сразу же отреагируют на крестьянские волнения, если крестьяне решат бороться с царизмом.

Движение в Финляндии

Внутри общего движения немаловажные действия могут быть предприняты в Финляндии. Финские партии в сложной ситуации, так как в стране находятся значительные военные силы. С другой стороны, финны не желают быть присоединенными к Швеции. Но шведы и не собираются аннексировать Финляндию; они просто хотят превратить ее в буферное, т. е. независимое государство. Шведская партия в Финляндии -- незначительное меньшинство. Поэтому следует в первую очередь пытаться добиться соглашения между шведским правительством и наиболее сильными финскими партиями, среди которых социал-демократическая является самой важной. Этого, вероятно, можно добиться, если шведы пообещают финнам полную автономию и предоставят им решать, к какой группе стран они хотят присоединиться. Как только такое соглашение будет достигнуто, можно спокойно приступить к планомерной подготовке к всеобщему восстанию в Финляндии. Финские социал-демократы располагают

прекрасными организациями типа организаций немецких социал-демократов. Упорная борьба за свои права перед лицом царского деспотизма приучила финнов к осторожности и согласованности действий. Разница языков также этому способствует. Все приготовления должны быть тайными до тех пор, пока в России не прокатится мощная волна забастовок. Это будет сигналом к восстанию в Финляндии. Поскольку Финляндия очень обширна, царское правительство встанет перед выбором -- или разбить свою армию на небольшие независимые части, которые будут нападать на разные восставшие пункты, или же сконцентрировать войска в наиболее важных административных и стратегических местах, отдав остальную территорию восставшим. Первая тактика была использована царизмом в 1905 году против революционного движения. Было организовано множество экспедиционных частей, больших и маленьких, и их командиры были наделены полной военной и гражданской властью. Этот план был разработан в Петрограде специальной комиссией, состоящей из работников генерального штаба и представителей высших административных органов. Революционеры знали о работе этой комиссии, но не смогли расстроить этот план. Тем не менее для подавления восстания царскому правительству понадобились два года и вся наличная армия. Если царское правительство и сейчас решит действовать в Финляндии подобным образом, шведской армии придется вмешаться для защиты независимости Финляндии, поскольку, хотя этот план, может, и является наилучшим для подавления восстания, он лишает армию возможности противостоять интервенции враждебных сил. Поэ

тому царское правительство скорее всего остановится на втором плане и соберет войска в административных

центрах, т. е. на побережье и железной дороге. Они могут даже прервать же лезнодорожное сообщение со Швецией. Однако фактически русские будут контролировать только побережье Ботнического залива. Повстанцы организуют Национальную гвардию, как в 1904--1905 годах, примут меры по обороне и подготовят вступление в страну шведских войск, что может быть затруднено разрушением железных дорог. Естественно, много зависит от развития событий в Петрограде.

Финны могут быть очень полезны даже перед всеобщим восстанием. Они могут предоставить информацию о численности, расположении и передвижении русских войск в Финляндии и о движении русского флота. Они могут установить сигнальную систему для выправления полета самолетов. (Финский обычай красить деревенские дома, и особенно их крыши, в красный цвет при этом очень пригодится. Некрашенная часть красной крыши служила бы сигналом). Они также могли бы установить пункты беспроволочного телеграфа и подготовить все для взрывов мостов и зданий. А главное -- они могут помочь в связях русских революционеров с Петроградом. При размерах Финляндии, ее близости к району Петрограда и регулярным сообщением с Петроградом они могли бы несмотря на военную оккупацию организовать информационную и транспортную сеть. Можно создать склады оружия и контрабандой переправлять в Петроград оружие, варывчатку и т. п.

Кавказ

Во время революции царское правительство долго практически игнорировало Кавказ. Поскольку на Кавказе не существует угрозы внешнего вмешательства, они смотрели сквозь пальцы на все, что там происходило.

Дошло до того, что правительство терпело губернаторов, находившихся в открытом контакте с революционным комитетом. Царское правительство не сомневалось, что, восстановив свой контроль в России, оно сможет снова подчинить себе Кавказ и было право. В настоящий момент вследствие русско-турецкой войны ситуация совершенно другая. Существует возможность отделения Кавказа, и значение восстания в тылу воюющей армии понятно всем и каждому. Но, в отличие от Финляндии, где возможно хорошо организованное всеобщее восстание, движение на Кавказе всегда будет подвержено национальной розни и внутрипартийной борьбе. В годы революции самыми сильными на Кавказе оказались грузины.

В то время, поддерживаемые массами мелких арендаторов, они добились полного контроля над Кутаиси, организовав свою

администрацию, суды и т. д. Но этим движением руководили не сепаратисты, а социал-демократы. Некоторые армяне боролись в рядах социал-демократов, в то время как остальные их соотечественники сплотились вокруг армянских националистических партий, которые уже давно отказались от сепаратистских устремлений. Но надо помнить, что после поражения революции и в связи с войной сепаратистские настроения стали более популярны.

В забастовках принимали участие рабочие-татары. Вообще татарское население сыграло реакционную роль: они поддались антиармянской пропаганде агентов петроградского правительства, и это привело к кровавым столкновениям между этими двумя национальностями. Но после призыва к священной войне царское правительство не сможет более открыто полагаться на мусульман. Тем

не менее они будут тайно разжигать религиозную ненависть и подогревать страх армян перед этой самой священной войной. Поэтому абсолютно необходимо прежде всего приложить все усилия с турецкой стороны к тому, чтобы уверить кавказских мусульман в том, что именно для достижения цели этой священной войны и требуется тесное сотрудничество мусульман с их соседями-христианами в борьбе с царизмом. Должно быть заключено соглашение между младотурками и армянскими партиями в Турции, идентичными партиями в России, Обсуждение деталей этого плана, на пути осуществления которого встретится много трудностей, не входит в задачи данного меморандума. Но нужно подчеркнуть, что решительная позиция русских социал-демократов окажет сильное воздействие на деятельность армян и грузин на Кавказе. Может быть, социал-демократы смогут взять в свои руки управление всем движением, и тогда они, конечно, будут склонять все национальные партии объединиться в борьбе. Это еще одна причина, говорящая о необходимости проведения предложенной выше конференции русской социал-демократической партии.

Священная война, которая вызывает к жизни крупные движения в Персии, Египте, Северной Африке и т. д., вряд ли вызовет подобный эффект в России. Волжские татары и коми наверняка не примут в ней участия, поскольку это мирные и абсолютно забытые народности, которые столкнулись бы с численно-превосходящей их массой русского населения. Ситуация на Кавказе несколько иная, но нужно помнить, что мусульман там усмирили уже давно. Память о былой героической борьбе за независимость потускнела, и мусульманское население недостаточно цивилизовано, чтобы организовать современное революционное движение. Старый конфликт между

горными племенами Кавказа и русскими был просто борьбой против централизованного государства. С тех пор племенная организация полностью

распалась, вожди племен стали помещиками, связь между ними и народом ослабла, и народ утратил волю к независимости. Поскольку мусульмане чувствуют, что они стоят на более низкой ступени экономически и культурно, чем христианское население, они ищут поддержки в правительстве как у самой могущественной силы. Они бы, конечно, предпочли мусульманское правительство, "о оно может установиться лишь после победы над царским правительством. Турецкую армию здесь примут благожелательно, но воевать против русских никто не пойдет, это дело выпадет на долю турок. Конечно, это не исключает возможность возникновения отдельных повстанческих отрядов, особенно на персидской границе, но нечего надеяться, что мусульманское население Кавказа будет вести настоящую партизанскую войну. Однако вполне реально восстание кубанских казаков, и пропаганда на Украине может в этом помочь.

Кульминация движения

Рост революционного движения в царской империи создаст, кроме всего прочего, атмосферу беспокойства. В дополнение к воздействию войны, могут быть предприняты специальные меры к усилению этого беспокойства. По понятным причинам наиболее благоприятными в этом смысле районами являются бассейн Черного, моря и Кавказ. Особое внимание следует уделить Николаеву, так как здесь на верфях ведется напряженная работа по спуску двух крупных военных кораблей. Нужно попытаться организовать забастовку рабочих верфи. Забастовка

эта не обязательно должна носить политический характер; за основу можно взять экономические требования.

Царскому правительству, чтобы выжить, необходимо быстро одержать победы на фронте -- это факт, не требующий доказательств. Если оно продержится до весны, то даже нынешняя ситуация, в которой русская армия подвергается мучениям ничего не достигая, может вылиться лишь в революцию. Однако нельзя не учитывать трудности, стоящие перед движением.

Во-первых и в основном -- это мобилизация, лишившая страну наиболее активных молодых элементов; во-вторых, это рост национальных чувств, вызванный войной. Но в случае, если война будет проиграна, это чувство переродится в озлобление, направленное против царизма. Следует понимать, что, в отличие от украинских или финских социал-демократов, русская социал-демократическая партия никогда не встанет на позицию, враждебную русской империи. Даже во время революции в рядах этой партии насчитывалось более миллиона рабочих, а с тех пор число ее последователей среди народных масс выросло настоль

ко, что правительство дважды было вынуждено менять законодательство о выборах из опасений, что Думу заполнят социал-демократические депутаты. Такая партия непременно должна представлять интересы и настроения масс, которые не хотели войны и теперь вынуждены участвовать в ней. Социал-демократы решительно выступают против безграничного расширения власти вовне, что является целью царской дипломатии. Они считают это серьезным препятствием к внутреннему развитию народов, составляющих империю -- в том числе и русского народа. Они считают царизм ответственным за войну и

поэтому будут считать его ответственным за поражение в войне. Они будут требовать свержения правительства и быстрого заключения мира.

Если революционное движение достигнет значительных масштабов и даже если у власти в Петрограде останется царское правительство, можно сформировать временное правительство для обсуждения вопроса о перемирии и мирном договоре и для начала дипломатических переговоров.

Если царское правительство будет вынуждено заключить перемирие до того, как это случится, то чем лучше будет подготовлено революционное движение, тем громче оно тогда заявит о себе. Даже если царское правительство сумеет сохранить власть на период войны, оно никак не сможет удержаться после заключения мира, продиктованного извне.

Таким образом, армии центральных держав и революционное движение сокрушат колоссальную политическую централизацию, являющуюся воплощением царской империи и представляющую угрозу делу мира во всем мире, и уничтожат опору политической реакции в Европе.

Сибирь

Особое внимание следует уделить Сибири, потому что огромные поставки артиллерии и другого оружия из Соединенных Штатов Америки в Россию, вероятнее всего, будут осуществляться через Сибирь. Поэтому сибирский проект должен рассматриваться отдельно от других. Нужно послать в Сибирь несколько энергичных и хорошо снабженных агентов со специальным заданием взорвать железнодорожные мосты. Они найдут достаточно помощников среди ссыльных. Взрывчатку нужно раз-

добыть на уральских шахтах, но небольшие количества, вероятно, удастся вывезти контрабандой из Финляндии. Технические детали следует разработать здесь.

Кампания в прессе

Развитие событий после завершения этого меморандума подтвердило предсказания относительно Румынии и Болгарии. Болгарская печать стала прогерманской, значительные изменения заметны в позиции румынской прессы. Наши усилия приведут в скором времени к еще более заметным результатам. Теперь особенно важно начать работу над (пропущено слово).

1. Финансовая поддержка для группы большевиков в русской социал-демократической партии, которая борется против царизма всеми доступными ей средствами. Ее вожди находятся в Швейцарии.

2. Установление прямых связей с революционными организациями в Одессе и Николаеве через Бухарест и Яссы.

3. Установление контактов с организацией русских матросов. Кое-какие контакты уже осуществлены через человека в Софии, дальнейшие контакты возможны через Амстердам.

4. Поддержка деятельности еврейской социалистической организации "Лига" (не сионисты).

5. Выявление авторитетных русских социал-демократов и социал-революционеров в Швейцарии, Италии, Копенгагене и Стокгольме и поддержка тех из них, кто выступает за немедленные активные действия против царизма.

6. Поддержка тех писателей-революционеров, которые будут продолжать бороться против царизма, даже во время войны.

7. Связи с финскими социал-демократами.

8. Организация конгрессов русских революционеров.

9. Воздействие на общественное мнение в нейтральных странах, особенно на мнения социалистической печати и социалистических организаций в плане борьбы с царизмом в России и сближения с центральными государствами. Это уже было с успехом проделано в Болгарии и Румынии, но надо продолжать работу в этом направлении в Голландии, Дании, Швеции, Норвегии, Швейцарии и Италии.

10. Подготовка экспедиции в Сибирь со специальной миссией взорвать наиболее важные железнодорожные мосты и помешать поставке оружия из Америки в Россию. Экспедиция должна быть снабжена достаточными денежными суммами для осуществления побега ряда высланных политических заключенных.

11. Технические приготовления к восстанию в России:

а) составление точных карт русских железных дорог с указанием наиболее важных мостов, подлежащих уничтожению в целях нарушения сообщения, с обозначением главных административных зданий, депо и мастерских, которым нужно уделить особое внимание;

б) точные цифры о количестве необходимой взрывчатки. Следует помнить о нехватке материалов и трудных условиях, в которых будут осуществляться эти акции;

- в) четкие и простые инструкции к пользованию взрывчаткой при взрыве мостов, больших зданий и т. п.;
- г) простые формулы для изготовления взрывчатки;
- д) разработка плана сопротивления вооруженным силам восставшим населением Петрограда, с уделением особого внимания рабочим кварталам, защите домов и улиц, сооружению баррикад и защите от кавалерии и пехоты.

Еврейская социалистическая "Лига" в России -- революционная организация, поддерживаемая рабочими, которая сыграла важную роль даже в 1904 году. Она не имеет ничего общего с сионистами, от которых нечего ожидать:

- 1) потому что их партийная структура очень слаба,
- 2) потому что русские патриотические тенденции сильно проявились в ее рядах с начала войны,
- 3) потому что после балканской войны ядро их вождей активно пыталось сговориться с английскими и русскими дипломатическими кругами -- что, однако, не мешало им пытаться воздействовать также и на германское правительство.
- 4) потому что они неспособны ни на какие политические акции.

Г-Н ФРЕЛИХ -- ПОСЛУ БЕРГЕНУ В МИД ГЕРМАНИИ

Берлин, 26 марта 1915 г.

Содержание: доктор Александр Гельфанд-Парвус7
Немецкий банк выслал мне перевод еще на 500 тыс. марок, который я прилагаю. Мне хотелось бы обратить Ваше внимание на мое письмо от 20 марта, в котором говорится, что д-р Гельфанд требует сумму в один миллион

марок, не считая потерь при переводе из одной валюты в другую; и что такие потери, если они будут иметь место в Копенгагене, Бухаресте или Цюрихе, а также любые другие затраты должны быть возмещены нами.

Поэтому я бы попросил Вас произвести необходимое перечисление в Немецкий банк, чтобы я имел возможность выплатить д-ру Гельфанду и эту разницу.

Ваш и пр.,

ФРЕЛИХ

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- МИНИСТРУ
ФИНАНСОВ ГЕРМАНИИ

Берлин, 6 июня 1915 г

На революционную пропаганду в России требуется 5 млн. марок. Так как мы не можем покрыть эту сумму из фондов, находящихся в нашем распоряжении, я просил бы Ваше превосходительство предоставить ее мне по статье VI раздела II бюджета на непредвиденные расходы. Я был бы чрезвычайно благодарен Вашему превосходительству, если бы Вы сообщили мне о предпринятых Вами действиях.

ЯГОВ

германский посланник в Копенгагене --
заместителю статс-секретаря иностранных дел

14 августа 1915 г

Ваше превосходительство!

Д-р Гельфанд, с которым я недавно вновь имел подробную беседу, сообщил мне вчера, что он получил телеграмму из издательства социальных наук Артура Кона в Мюнхене о том, что прибыла только первая часть его

статьи. С разрешения министерства иностранных дел я послал три последующие части, но они еще не прибыли в Мюнхен. Это беспокоит д-ра Гельфанда, который опасается, что статья не успеет выйти к сроку, планируемому им не позднее 1 сентября. Не может ли Ваше превосходительство позаботиться о том, чтобы рукописи были высланы немедленно.

Теперь я лучше узнал Гельфанда, и я считаю, что это, несомненно, необыкновенно важный человек, и мы должны использовать его необыкновенные способности, пока идет война, и, если это будет возможно, после нее, независимо от того, разделяем ли мы лично его взгляды. У него есть огромный план, первую часть которого он уже осуществил. Однако, чтобы этот план не провалился, он должен иметь возможность опубликовать свой трактат целиком не позднее 1 сентября. Он намеревается повлиять этим эссе на немецких социал-демократов, поскольку он имеет сведения о том, что среди них теперь бытует мнение, сог

ласно которому Россия уже "побеждена и распространена на земле", и что они, исходя из этой ложной предпосылки, согласны относиться к России с сентиментальной снисходительностью. Его цель -- энергично противостоять этим очень опасным настроениям. Именно поэтому он, из тактических и практических соображений, в своей статье пошел на определенные уступки социалистам, которыми он сам недоволен. Однако он рассчитывает завоевать таким образом достаточное доверие в широких кругах партии, которое принесет ему необходимую в этот критический момент власть и позволит ему позднее выступить с собственной, независимой программой.

Гельфанд сказал мне, что он готов внести изменения, если ему о таковых намекнут, но хотел бы настоять на том, чтобы рукопись была отправлена издателю. Любые необходимые поправки или изменения могут быть внесены теми, кто будет читать и редактировать рукопись в Мюнхене.

Эта просьба кажется мне вполне обоснованной, и я считаю, что она должна быть выполнена, если мы не хотим препятствовать планам Гельфанда. Как только он привлечет к себе внимание общественности (а он не сомневается в том, что преуспеет в этом), он в середине сентября опубликует вторую статью, направленную прямо на Россию. Сразу после этого он собирается приступить к изготовлению листовок.

Гельфанд сказал мне, что он был принят Вашим превосходительством и имел возможность лично представить свой план. Д-р Циммер, с которым я беседовал во время его последнего визита в Копенгаген, собирался в устной беседе доложить Вам о его последнем разговоре с Гельфандом, так что Ваше превосходительство, вероятно, хорошо осведомлены об этих планах. Насколько я понимаю, эти планы получили одобрение министерства иностранных дел и генерального штаба, тогда как министерство внутренних дел и Имперская канцелярия внутренних дел высказали возражения. Я полагаю, было бы нежелательно принимать во внимание в данный момент односторонние, а следовательно близорукие возражения, с чьей бы стороны они, ни исходили.

В противном случае мы никогда не достигнем той великой щели, которую я так ясно вижу. Я надеюсь, что мы не только выйдем из этой войны как победители и сильнейшая держава в мире, но и что после тяжких ис-

пытаний, которым в особенности подверглись немецкие рабочие -- воистину (не в обидном смысле слова) "простые люди" -- мы сможем с уверенностью привлекать к сотрудничеству те элементы, которые перед войной стояли в стороне и казались ненадежными, и объединить их вокруг трона.

Может быть, это и рискованно -- использовать стоящие за Гельфандом силы, но отказ от их услуг, вызванный опасениями,, что мы не сможем контролировать эти силы, был бы безусловна признанием нашей слабости.

Я еще не расстался с этой надеждой.

Те, кто не понимает знамений нашего времени, никогда не поймут, куда мы идем и что поставлено на карту в данный момент.

Ваше превосходительство, нынешнее положение слишком серьезно, чтобы впадать в сентиментальность, так что я кончаю.

Ваш и пр.,

БРОКДОРФ-РАНЦАУ9

германский посланник

в Копенгагене -- канцлеру10 "

Сообщение No 489 21 декабря 1915 г,

Д-р Гельфанд, вернувшийся вчера из Берлина, был сегодня у меня и сообщил о результатах своей поездки. Он подчеркнул,, что был необычайно вежливо принят во всех самых важных государственных учреждениях и что у него создалось впечатление, что его предложения были встречены с одобрением во влиятельных кругах министерства иностранных дел и финансов.

Что касается его финансового плана¹¹, то ему дали понять,, что министр финансов должен еще будет выяснить, существуют ли какие-либо препятствия его проекту с точки зрения экономики империи. Обстоятельный разговор с министром Гельфери-хом¹² убедил его, что тот относится к его проекту весьма положительно и что он не только согласен с этим проектом по политическим соображениям, но и признает его выгоду с менее очевидной точки зрения экономики империи.

Министр финансов высказал лишь некоторые сомнения в возможности немедленного практического осуществления проекта, считая, что понадобится отсрочка на восемь--десять месяцев. В то же время министр Гельферих заметил, что могут возникнуть затруднения в соблюдении полной тайны, необходимой для практической подготовки.

Д-р Гельфанд подчеркнул, что в этих обстоятельствах тем более необходимо немедленно начать приготовления, так как мыг в любом случае должны рассчитывать на третью зимнюю кампанию и предлагаемый им курс действий может оказаться необходимым.

Д-р Гельфанд сказал также, что для полной организации русской революции нужно около 20 миллионов рублей. Эта сумма, конечно, не может быть распределена сразу, так как это могло бы привести к обнаружению источника этих денег. Однако, принимая во внимание тот факт, что следует перейти к действиям, он предложил в министерстве иностранных дел, чтобы сумма в один миллион рублей была немедленно выдана его тайному агенту. Этот тайный агент полностью согласен с ним в том, что революция начнется примерно 9--22 января и что, даже если она не охватит сразу же всю страну, она сде-

лает невозможным возврат к прежнему положению и к стабильности. В 1905 году буржуазные партии поддержали революцию и по собственному почину платили заработную плату бастующим рабочим. Теперь же буржуазия не сочувствует революционному движению, и вследствие этого революционный комитет должен нести все расходы. Его агент, который возвращается в Россию примерно через неделю, сразу же по возвращении начнет устанавливать связи между разными революционными центрами, но это невозможно без довольно больших материальных ресурсов.

Принимая все это во внимание, д-р Гельфанд попросил меня поддержать его просьбу, которую он высказал лично в Берлине, о выдаче его тайному агенту названной суммы. Он особо подчеркнул, что это должно быть сделано немедленно, так как его агент не может больше откладывать свое возвращение в Петроград и вернется в Россию самое позднее через неделю, даже если к тому времени он не получит требующихся денег.

Я прошу Ваше превосходительство послать мне телеграммой инструкции, чтобы я мог сообщить д-ру Гельфанду о решении. Осмелюсь заметить, что его просьба не есть попытка удовлетворения его собственных интересов, она вытекает из практических соображений без всяких побочных личных целей.

БРОКДОРФ-РАНЦАУ

МИНИСТР ФИНАНСОВ ГЕРМАНИИ -- ЗАМЕСТИТЕЛЮ
СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Берлин, 26 декабря 1915 г.

Дорогой Циммерман13

С благодарностью возвращаю Вам доклад графа Брокдор-фа-Ранцау.

На самом деле я обошелся с Гельфандом более сдержанно.

чем он изобразил это в Копенгагене. По-моему, он слишком нафантазировал в своих планах, особенно в так называемом финансовом плане, в котором мы вряд ли сможем участвовать. С другой стороны, стоит обсудить вопрос о предоставлении в его распоряжение 1 млн. рублей, который он просит для пропаганды. Если министерство иностранных дел считает этот расход оправданным и полезным, я не буду возражать. В этом случае я прошу Вас прислать заявление в обычной форме и сослаться на нашу личную договоренность.

С запоздалыми, но сердечными рождественскими поздравлениями.

Ваш и пр.

ГЕЛЬФЕРИХ

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ --
ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛАННИКУ

Телеграмма No 952 Берлин, 26 декабря 1915 г.

Ваше превосходительство может выплатить один миллион рублей Гельфанду. Соответствующую сумму следует взять в кассе миссии.

ЯГОВ

[Приписка:]

Следует сообщить графу Ранцау, что д-р Гельферих относится к фантастическому финансовому плану Г[ельфанда] отнюдь не так сочувственно, как тот думает.

ЯГОВ

РУКОВОДИТЕЛЬ ГЕРМАНСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ Г-Н
ШТЕЙНВАКС -- ПОСЛУ БЕРГЕНУ В МИД ГЕРМАНИИ

Берлин, 18 января 1916 г.

Чсть имею переслать Вашему превосходительству
следующее: 1. Письмо Кескюлы¹⁴ от 9 января 1916 г.

2. Перевод брошюры центрального комитета рус-
ской социал-демократической рабочей партии.

3. Перевод сообщения о казни русских доброволь-
цев во Франции.

ШТЕЙНВАКС

Приложение:

Письмо Кескюлы -- Штейнваксу

Стокгольм, 9 января 1916 г.

Дорогой директор,

Сегодня мне сказали, что для меня что-то прибыло.
Завтра я поеду в Миссию и воспользуюсь возможностью
отправить это письмо. Сейчас уже 10. 30 вечера, и я дол-
жен быть краток, особенно если учесть, что я сегодня
вел переговоры с 10 утра до 10. 15 вечера.

Сегодня наконец полностью разъяснилась ситуация
в России, в смысле организации, и в то же время нача-
лось прояснение хаотического положения в России. Я
возлагаю большие надежды на начатые действия. В моем
последнем письме я уже писал о результатах, которые
они могут дать: "Положение требует активизации с моей
стороны, и я это сделаю".

У меня сейчас есть идеальный новый сотрудник; че-
рез него я имею возможность работать во всей Скандина-

вии, а также в России. Надо организовать небольшое частное издательство, чтобы выпускать брошюры о России, и информационный листок на шведском языке для революционного движения. Кроме того, надо регулярно информировать Данию и Норвегию и по возможности другие страны о положении в русском революционном движении. Для распространения этой литературы в нашем распоряжении разветвленный аппарат Социалистической юношеской организации (только в Швеции свыше 600 разносчиков).

Одновременно следует основать центральное бюро для поддержки революционного движения (агитацией и сбором денег) и открыть его для общественности. Это бюро будет поддерживать русское движение -- как морально, так и материально -- совершенно открыто и без консультации с лидерами русских революционных центров вне России. Последним оно просто будет давать средства для изданий, предназначенных для России, и, возможно, также для их переброски. В конце недели мой поверенный поедет в Россию (примерно на месяц), чтобы обсудить вопрос о финансовой поддержке, которую Западная Европа сможет оказывать революционным центрам в России. Одновременно он наладит пути пересылки ему информации о русском револю-

ционном движении. Этот агент имеет превосходные связи, так что, надеюсь, переговоры пройдут гладко. В здешних делах понадобилось срочно наводить порядок, так как обнаружилось серьезное разложение (присваивание средств за счет революционного движения, ложная информация с целью выжать деньги и т. д.). Я выгнал нарушителей, выяснил ситуацию и расширил масштаб и интенсивность нашей деятельности. Все это потребовало

от меня такого напряжения сил, что времени на что-либо другое не осталось.

Завтра я приступлю к обзору положения в России и, если не возникнут более важные дела, займусь также "Франфуртер Аль-гемайне".

Завтра я пошлю Вам телеграмму, где будет сказано, что почта из Стокгольма в Швейцарию обыскивается на предмет обнаружения русских документов. Сегодня или в ближайшие дни несколько в высшей степени интересных документов из России будут посланы Ленину. Я их все прочитал, но не имел возможности сделать копии. Не будете ли вы любезны вернуть их мне, потому что очень важно скопировать некоторые из них и распространить в России. Они призывают к вооруженному восстанию и мятежам в армии. Один из них, исходящий из московского "Благотворительного комитета", особенно занимателен: он предлагает Диктаторский директорат для России, в состав которого среди прочих должны войти г-да Гучков¹⁵, Львов¹⁶ и Керенский¹⁷ (!). Судя по комически-сентиментальным излияниям, это детище правого крыла так называемых националистов (Шульгин¹⁸). Некоторые из этих документов крайне интересны, поскольку они показывают степень развития, достигнутую русским революционным движением к концу 1915 года. Они свидетельствуют о наличии всех симптомов, появившихся летом 1905 года. С идеологической стороны русское революционное движение следует считать в своей основе вполне созревшим и готовым. Осталось лишь уточнить детали. Сейчас превращение революционного движения в активное -- вопрос только агитации и, самое главное, организации. Я бы особенно хотел порекомендовать эти документы барону фон Л¹⁹. Из-за очень плохого полиграфического качества листовки имеют лишь историко-

культурное значение, но, может быть, они напомнят Вам о Вашем обещании выслать нам типографское оборудование. Я прошу Вас обращаться с этими бумагами предельно осторожно, потому что мне совсем не хотелось бы испортить Ленину удовольствие от рождественских подарков. Другими словами, пришлите их сначала сюда, а отсюда -они должным образом будут направлены адресату. В конце недели появится вторая русская брошюра ЦК русских социал-демократов (т. е. Ленина). Она лежит уже два месяца (пока я был в Берлине), потому что деньги, которые я

заплатил вперед перед отъездом, были украдены с типично русским хладнокровием. Вчера я внес всю сумму снова. Я уже указывал, какие меры я принял против подобных вещей. Если такое творится внутри и вокруг ЦК, то страшно подумать, что делается на периферии. Даже революцию из этих русских следует выбивать полицейскими дубинками, чтобы они не бросили дело на полпути. Я упомянул об этом, чтобы показать все трудности, с которыми приходится здесь сталкиваться. Подробнее напишу позже.

Ваш и пр. А. ШТЕЙН

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК В КОПЕНГАГЕНЕ --
КАНЦЛЕРУ

Сообщение No 19 23 января 1916 г.

Д-р Гельфанд, который вернулся в Копенгаген после трех недель пребывания в Стокгольме, где он встречался с русскими революционерами, конфиденциально сообщил мне следующее:

Сумма в 1 млн. рублей, предоставленная в его распоряжение, была немедленно выслана, уже доставлена в

Петроград и ис[^]-пользуется по назначению. Гельфанд настаивал приступить к действиям 22 января. Однако его агенты решительно отсоветовали вали, говоря, что немедленные действия были бы преждевременны. Они следующим образом обрисовали положение:

Организации по-прежнему твердо намерены начать революционную борьбу, но за последние два месяца политическая ситуация изменилась так, что выступать немедленно было бы неразумно.

Оппозиция буржуазных партий против революционного восстания и сейчас сильнее прежнего. Правительство тоже не сидит сложа руки, а искусно противодействует революционному движению. Оно дало руководящие посты нескольким деятелям, которые были до войны выразителями революционных идей, и этим сильно ослабило движение. Далее, оно приняло меры к улучшению снабжения продовольствием жителей Петрограда. Пассажирское движение между Москвой и Петроградом было временно прекращено, чтобы обеспечить быструю доставку продовольствия в Петроград.

Однако наибольшим препятствием является позиция правого крыла, которое хотело бы использовать восстание в своих целях. В революционном лагере опасаются, что если бы восстание произошло в данный момент, реакционеры смешались бы с ре

волюционерами, чтобы внести в движение анархию. Революционеры не настолько уверены в своем контроле над массами, чтобы утверждать, что они останутся хозяевами положения, если эти массы выйдут на улицу. По всем этим соображениям отложить необходимо восстание до того времени, когда такая уверенность появится.

Пропаганда за мир со стороны реакционеров тоже компрометирует восстание, которое должно служить целям революции. Хотя эти факторы нельзя считать достаточно серьезными для того, чтобы отменить восстание, они все же существенны и делают преждевременные выступления неразумными. Весьма вероятно, что созыв Думы может привести к дальнейшим политическим конфликтам и вызвать революционные действия раньше, чем полагают нужным лидеры. Лидеры революционного движения сейчас придерживаются мнения, что в данных обстоятельствах, если не произойдет неожиданных изменений, важно по-прежнему занимать выжидательную позицию, чтобы быть уверенным не только в том, что на улицу удастся вывести достаточно многочисленные массы, но и в том, что можно будет сохранить над ними контроль, когда будет подан сигнал.

Правые партии склонны к миру, и считается, что правительство можно подвести к идее мира. Позиция Хвостова²⁰, министра внутренних дел, неопределенна. Хотя он теснейшим образом связан с реакционными партиями, в конфиденциальном разговоре с некими руководящими лицами он сказал, что "он -- самый передовой революционер в России" и что необходимо свергнуть царя Николая²¹. На заседании одного из комитетов Думы Хвостов устроил так, что ему был задан вопрос: знает ли он, что в придворных кругах есть группа, ратующая за мир? Он ответил, что это ложные слухи и что он выслал из Петрограда лицо, их распространявшее, а именно госпожу Васильчикову²².

Из исключительно надежного источника известно, что договор с Антантой был целиком прочитан на съезде правых партий. При этом особое внимание было обращено на тот пункт, где говорится, что, в случае угрозы не-

приятеля царским дворцам или в случае революции в стране, Россия имеет право на сепаратный мир. В том, что этот документ был зачитан, сомнений нет. Вопрос лишь в его подлинности.

БРОКДОРФ-РАНЦАУ

ШТЕЙНВАКС -- ПОСЛУ БЕРГЕНУ В МИД ГЕРМАНИИ

Меморандум

Берлин, 8 мая 1916 г.

Согласно отчету от 28 апреля кредит в 130 тыс. марок, выданный мне министерством иностранных дел в конце сентября 1915 года на русскую пропаганду, не только полностью исчерпан, но и закрыт с дефицитом в 1011. 93 марки. Этот дефицит был выплачен мне сегодня кассой представительства.

Позже, в декабре 1915 года, Ваше превосходительство согласилось выплатить еще 60 тыс. марок, которые г-н Кескюла должен был истратить на русскую пропаганду в виде трех месячных вложений. Из этих денег мне удалось получить 50 тыс. марок в виде сбережений на кредит в 130 тыс. марок. Большую часть оставшихся 10 тыс. марок я покрыл из собственных средств. Кроме того, первоначальная сумма пошла на поддержку более или менее успешных новых предприятий и действий, о которых я время от времени получал устные отчеты.

Наконец, как было согласовано с Вашим превосходительством, 2 тыс. рублей и 1 500 швейцарских франков было предоставлено политотделу генштаба армии на предприятие князя Мачабелли²³.

Немедленно либо в ближайшие недели или месяцы потребуются значительные суммы на следующие предприятия:

1. За последние несколько месяцев Кескюла завязал многочисленные связи с Россией и несколько раз посылал туда скандинавских социалистов с рекомендациями к ведущим деятелям, которые настолько хорошо ознакомили их с положением в России, что опубликованные позже отчеты вызвали восхищение в кругах социалистов Севера. Он также поддерживал весьма полезные контакты с Лениным и передавал нам содержание отчетов о положении в России, посылаемых Ленину его доверенными агентами в России. Поэтому надо продолжать обеспечивать Кескюлу всеми необходимыми средствами. Принимая во внимание крайне неблагоприятные условия обмена, 20 тыс. марок в месяц будет как раз достаточно.

2. Личев сейчас начал все свои приготовления (т. е. бюро в Стокгольме и в Гапаранде) и собирает, вместе всех русских революционеров, живущих в разных городах Скандинавии, чтобы использовать их индивидуальные возможности. Он напечатал в Стокгольме несколько очень важных брошюр и по надежным каналам переправил их в Россию. Поэтому я покорнейше прошу Вашего разрешения платить ему 6 тыс. марок в месяц в ближайшие три месяца.

3. Клейн также успешно переправил в Россию ряд важных ин

формационных листов и небольших брошюр. Он также организовал информационную службу на вокзале в Стокгольме, которая информирует русских, едущих из Америки и Канады, как избежать мобилизации в русскую армию, или, если мобилизация неизбежна, убеждает их

иллюстративными материалами и устно, что русские пленные в Германии находятся в хороших условиях. Для этой информационной службы и для распространения в русских окопах следует издать простую книжку с картинками из жизни лагерей для военнопленных в Германии с подробным описанием условий их содержания. Клейн получает жалование 300 марок в месяц, но расходы, вызванные его новой деятельностью, теперь возросли до 700 марок в месяц. Я бы также просил выдать мне 3--4 тыс. марок для издания предложенной книги с картинками.

4. Я оцениваю расходы на наше частное печатное заведение, которое начнет работу в этом месяце, в 800--1000 марок в месяц. Позже оно будет печатать все необходимое для Клейна, Личева и Кескюлы.

5. Расходы на перевод и издание на нескольких языках книги, описывающей положение в России на основании выступлений русских членов Думы, вероятно, составят 10 тыс. марок.

Поэтому я прошу Ваше превосходительство согласиться на выдачу следующих сумм:

1. Кескюла. Остаток за март, апрель, июнь -- 70 тыс.
2. Личев. Май, июнь, июль -- 18 тыс.
3. Клейн. Апрель, май, июнь (зарплата, организационные расходы, книга) -- 7 тыс.
4. Печатные работы в Стокгольме -- 2 тыс.
5. Отчеты Думы -- 10 тыс.
6. Мелкие предприятия, путешествия, мелкие печатные работы -- 23 тыс.

Итого -- 130 тыс. марок.

Могу ли я просить Ваше превосходительство перевести эту сумму на счет А Немецкого банка?

ШТЕИНВАКС

GERMANISCHER BOTSCHAFTSBEHÖRDE IN BERN -- KANZLER

Сообщение No 1885

Миссия германской империи Берн, 24 августа 1916 г.

Содержание: Связь с русским социалистом--революционером Совершенно секретно! Срочно!

Барон Хеннет²⁴, состоящий в настоящее время на службе в военном бюро Австро-Венгерской миссии, встретился вчера с русским социалистом-революционером Цивиным²⁵. В курсе этого был военный атташе Австро-Венгрии. Основная причина этой встречи состоит в том, что Цивин хотел поехать отсюда через Германию в Швецию.

Барон Хеннет сообщил мне о Цивине следующее.

Немного более года тому назад Цивин совершенно случайно познакомился с австро-венгерским консулом в Давосе, который ввел его в австро-венгерскую миссию. Цивин -- член партии социалистов-революционеров (эсеров), у него отличные отношения с ее ведущими членами, например, Черновым²⁶ и Бобровым²⁷. Он принимал активное участие в революционных выступлениях в 1905 и 1906 годах, некоторое время провел в тюрьме, однако в скором времени его выпустили, и с тех пор он живет в Швейцарии. Он занимался революционной и пацифистской пропагандой как среди русских военнопленных в Австрии, так и в России.

После этого Цивина дважды -- осенью прошлого года и в начале нынешнего -- посылали в Австрию. Барон Хеннет подчеркнул, что Цивин произвел очень положительное впечатление в компетентных военных ведомствах, которые заявили о своей готовности предоставить в его распоряжение крупные денежные средства.

В то время Цивин посетил несколько лагерей военнопленных. При этом у него была возможность отобрать несколько подходящих людей, которых можно было бы послать из Швейцарии в Россию.

Затем Цивин на протяжении некоторого времени снабжал русских военнопленных в Австрии соответствующей литературой. Однако затем передача книг и других материалов натолкнулась на определенные трудности, поскольку коменданты нескольких австрийских лагерей отказались передавать своим военнопленным социалистическую литературу.

Позднее Цивину пришлось отказаться от плана послать освобожденных военнопленных в Россию. Во время своих кратких визитов в лагерь военнопленных у него не было достаточно времени, чтобы проверить надежность предоставленных ему военнопленных.

При таких обстоятельствах он не хотел рисковать -- пленные после прибытия в Швейцарию могли выдать его и его планы.

Но затем он послал в Россию несколько человек, которые там работали для его партии. В частности, они создали там типографии, в которых печатались манифесты, нашедшие широкое распространение, особенно благодаря созданным эсерами военным организациям.

Цивин показал барону Хеннету несколько таких манифестов, в том числе и оригиналы. Кроме того, он регулярно сообщал ему о деятельности партии социалистов-революционеров и ее многочисленных комитетов, а также о внутренней ситуации в России.

Впрочем, конкретных доказательств успеха своих доверенных лиц он предоставить не мог, что, однако, и не удивительно, учитывая крайнюю сложность связей с Россией. Но Цивин утверждает, что несколько террористических актов, которые он предрекал и которые потом в действительности имели место, осуществлены благодаря деятельности людей его партии. Кроме того Цивин оказался в сложной ситуации, так как его партия не должна была знать о происхождении денег, которые он предоставил в ее распоряжение. В остальном его претензии были достаточно скромными; в общей сложности за те одиннадцать месяцев, когда австро-венгерская миссия поддерживала с ним контакты, ему передали приблизительно 140000 [швейцарских] франков.

Барон Хеннет сказал мне, что в принципе он и полковник фон Эйнен были весьма довольны деятельностью Цивина и ожидали, что в будущем он будет продолжать оказывать им ценные услуги.

Но недели три тому назад австро-венгерское Верховное главнокомандование внезапно заявило, что Цивин "действовал недостаточно активно", а посему деньги ему впредь предоставляться не будут.

В связи с этим Цивин оказался в очень щекотливой ситуации. Рассчитывая на получение денег и в дальнейшем, он взял на себя обязательства, которые теперь не мог выполнить. Поэтому теперь он считает необходимым предложить своим людям прекратить или хотя бы в зна-

чительной степени ограничить свою деятельность. Теперь он хочет поехать через Германию в Швецию, чтобы попытаться достать там средства для продолжения своей деятельности. Но вообще-то он предпочел бы остаться в Швейцарии, потому что здесь он мог бы лучше организовать всю работу. Один из ведущих членов его партии, Бобров, поддерживает постоянные контакты с Россией. Он находится в Швейцарии, и отношениям с ним он придает особое значение. До мая сего года здесь был и глава партии, Чернов; потом он уехал в Россию, и с тех пор Цивин больше ничего о нем не слышал.

Барон Хеннет признался мне, что крайне сожалеет о том, что больше не может оказывать поддержку Цивину. Он считает его

честным человеком. Кстати, Верховное главнокомандование тоже подчеркивало, что у него нет причин не доверять Цивину; оно только считает, что он недостаточно энергичен. Вообще, не совсем ясно, что побудило австрийское Верховное главнокомандование внезапно отказать Цивину в поддержке. Вероятно, оно питало иллюзии относительно возможности быстрой революционизации России и ожидало непосредственного влияния на тыл в выгодном в военном отношении плане. Однако русское наступление разрушило эти ожидания; австро-венгерские военные потеряли терпение и решили, что не имеет смысла тратить деньги на эти цели.

Цивин, который производит благоприятное впечатление, с полным правом подчеркивает, что до войны едва ли можно было вообще говорить о существовании революционной организации, и создавать ее пришлось в труднейших условиях во время войны. Кроме того, следует учесть, что зажиточные либеральные круги, оказывав-

шие материальную поддержку стремлениям эсеров во время революционных выступлений 1905 года, после начала мировой войны стали патриотами и выступали за войну. При таких обстоятельствах революционное движение не может добиваться быстрых успехов и зависит от внешней поддержки. И все-таки организация завоевывает все больше и больше сторонников как в армии, так и за ее пределами. Она насчитывает сотни тысяч сторонников, в партию входят и многие офицеры. В последнее время резко усилилась усталость от войны. Ближайшая цель эсеров -- скорейшее окончание войны. Лишь после окончания войны можно будет реализовать программу партии. Следовательно, что касается скорейшего окончания войны как цели, интересы партии и правительств центральных держав идут параллельно. Поддержка революционной пропаганды, с одной стороны, усложнила бы для российского правительства продолжение войны, а с другой стороны, укрепила бы желание реакционного правительства закончить войну.

Что касается успехов революционной пропаганды, то информация, которую мне передал Цивин, во многом совпадает с тем, что я слышал из другого источника, а именно от Кескюлы.

Цивин будет крайне сожалеть, если ему внезапно придется прекратить поддержку своих друзей. Вся организация хорошо налажена, и будет очень жаль, если большая часть этой организации распадется. Его товарищи по партии едва ли могут рассчитывать на получение необходимых средств от какой-либо третьей стороны. И все-таки он хочет попытаться достать средства в Стокгольме и будет очень благодарен, если ему разрешат транзитный проезд через Германию, так как трудно рассчитывать на то, что ему удастся попасть в Стокгольм

через Англию, поскольку в последнее время английские власти лишь в исключительных случаях разрешают русским транзитный проезд в Стокгольм. Правда, он

опасается, что если он поедет через Германию, это может скомпрометировать его перед товарищами по партии. Конечно, они не должны знать, что он связан с нами и с австрийцами.

На мой вопрос, какие средства ему необходимы для продолжения работы, он ответил, что ему надо 25 000 франков, этого хватит на 3--4 недели. Но эту сумму надо получить как можно скорее, так как он и сейчас уже на три недели задержал не по своей вине выплаты своим друзьям и должен однозначно сказать им, могут они и в дальнейшем рассчитывать на его поддержку или нет.

Разумеется, я ограничился тем, что выслушал господина Циви-на, не давая ему никаких обещаний. Я не знаю, поддерживаем ли мы отношения с русскими социалистами, и поэтому не могу судить о том, желательно ли для нас иметь контакты с господином Цивиным. Но судя по тому, что мне рассказал о Цивине барон Хеннет, мне кажется есть гарантия того, что через Цивина мы сможем наладить полезные контакты с эсерами. А в том, что из таких контактов мы могли бы извлечь пользу, нет никаких сомнений. Разумеется, трудно предсказать, на что мы здесь можем рассчитывать помимо получения всякого рода информации о России, будут ли люди Цивина вести активную деятельность. По мнению барона Хеннета, нет никаких причин сомневаться в утверждении Цивина, что партии эсеров удастся значительно приблизить окончание войны. Сам Цивин говорит -- и по моему мнению, это говорит в его пользу -- что еще не может с уверенностью сказать, каких успехов добьются его друзья и когда эти

успехи будут иметь решающее значение. Это зависит от общего развития ситуации. Но я совершенно уверен, что со временем их деятельность принесет успех.

Поскольку я недостаточно осведомлен о ситуации в России, предоставляю принятие решения по вопросу о необходимости контактов с господином Цивиным на усмотрение Вашего превосходительства. Во всяком случае, я бы посоветовал поддерживать связь с Цивиным, вначале в качестве эксперимента, и посмотреть, какие результаты будут через несколько недель. Контакты с Цивиным имеют то преимущество, что он сам является активным членом русской партии, и никто не подозревает, что он поддерживает отношения с нами, в то время как агенты, связи которых с нами не являются тайной, не пользуются доверием партии и, следовательно, не получают актуальной информации и не могут влиять на развитие ситуации. Было бы жаль, если бы нам так и не удалось использовать созданный с помощью австрийских средств аппарат, не говоря уже о том, что отсутствие субсидий привело бы к значительному сокращению пропаганды в России, которая без сомнения служит нашим целям.

Поэтому я предлагаю дать господину Цивину 25000 франков,

которые он просит, и сказать ему, что решение о постоянных контактах с ним мы примем позже.

Так как г-н Цивин должен срочно сообщить своим агентам, следует ли им прекратить свою деятельность или нет, я просил бы Вас принять решение как можно скорее.

Еще я просил бы Ваше превосходительство рассмотреть это дело конфиденциально. Барон Хеннет сообщил

мне обо всем строго по секрету. В курсе всего дела только военное бюро австро-венгерской миссии и Верховное главнокомандование сухопутных войск. Австро-венгерским дипломатическим инстанциям обо всем этом ничего не известно. Также, может быть, было бы целесообразным не делать запрос в австро-венгерское Верховное главнокомандование сухопутных войск, хотя барон Хеннет и заверил меня, что не имеет ничего против такого запроса. Однако у меня сложилось впечатление, что в результате такого запроса у барона Хеннета и полковника фон Эйнена могут возникнуть определенные неприятности²⁸.

Р О М Б Е Р Г²⁹

ЧЕРНОВИК ТЕЛЕГРАММЫ, АДРЕСОВАННОЙ
БЕТМАНУ-ГОЛЬВЕГУ³⁰

Его превосходительству рейхсканцлеру

г-ну фон Бетману-Гольвегу Берлин, 30 августа 1916
г.

На сообщение No 1885

Цивин получит 25000 франков при условии, что это будет одноразовая выплата.

В течение четырех месяцев мы уполномочены выплатить Циви-ну 25 000 франков, но это должна быть одноразовая выплата. Мы оставляем за собой право [...] ³¹

СООБЩЕНИЯ РУССКОГО АГЕНТА ВЕЙСА

Содержание: план Цивина поехать в Осло, чтобы издавать там вместе с Черновым большую газету. Его должны переправить в Швецию итальянцы.

No 2215 ' Берн, 5 октября 1916 г.

СЕКРЕТНО!

Недавно наш русский агент Вейс передал мне копию записок, в которых раскрывается характер деятельности партии социалистов-революционеров во время войны.

Затем господин Вейс показал мне номер выходящего в Поволжье революционного журнала "Клич", упоминавшегося в этих записках. Насколько я понял из тех отрывков, которые мне зачитал Вейс, журнал энергично выступает против правительства, в поддержку мира. Господин Вейс заверил меня, что этот журнал нелегально имеет широкое хождение в России и что его вызывающее содержание оказывает на читателей немалое влияние.

К сожалению, г-ну Веясу пришлось отдать тот экземпляр журнала, который он показал мне, г-ну Боброву; но он попытается достать для меня еще один экземпляр. К сожалению, пока что г-н Вейс не получил сообщений из России, которых он ожидал. Он опасается, что их либо не пропустила Германия, либо, может быть, просто задерживает их. Однако он рассчитывает, что теперь сообщения для него уже поступили в Норвегию.

Как сказано в записках, в ближайшее время в Норвегии начнет выходить крупная газета под руководством лидера партии [эсеров] Чернова. Газета будет выступать за мир.

Как мне доверительно сообщил Вейс, по его сведениям Чернов сейчас находится в Италии. Он уже некоторое время назад должен был уехать в Норвегию. Вейс написал ему, что в интересах дела отъезд больше откладывать нельзя. Вейс полагает, что итальянские социалисты помогут Чернову с поездкой в Норвегию.

Кстати, то, что Чернов, действительно, играет важную роль и вообще влиятельный человек, мне недавно подтвердили и из другого источника.

Секретарь г-на Чернова, арестованный некоторое время назад в Италии и затем снова освобожденный, сейчас уже в Норвегии.

Сам Вейс собирается поехать в Норвегию в конце этого месяца и позаботиться о том, чтобы по возможности скорее осуществить упомянутое предприятие. Однако помимо этого он собирается обговорить со своими товарищами по партии возможность быстро и

надежно переправлять отчеты из России в Швейцарию. Он не может договориться об этом, находясь здесь. Сложность заключается в том, что они ни в коем случае не должны знать, что он поддерживает связь с нами. А в Норвегии он мог бы изучить местную обстановку и назвать им человека, местного жителя, которому они могли бы передавать свои сообщения. Он мог бы сказать им, что завербовал этого человека и что у него есть возможность пересылать письма нелегально в Швейцарию. Разумеется, в действительности этого норвежца должна разыскать имперская миссия в Кристиани³²; он будет передавать сообщения миссии, а та будет передавать их мне или Вейсу.

Таким образом нам будет гарантировано регулярное и надежное получение сообщений из России.

Конечно, г-н Вейс может поехать в Норвегию только через Германию, поскольку он опасается ареста в случае проезда через страны Антанты. Так как у его товарищей по партии могут появиться подозрения, если он без проблем получит разрешение на проезд через Германию, он собирается прикрыться местным социалистом Грейлихо-

м33. Грейлих должен ходатайствовать перед нами о разрешении на проезд через Германию для своего больного" друга -- у Вейса действительно серьезно больны легкие. Вейс собирается пробыть в Норвегии недели три и затем снова вернуться в Швейцарию.

Детали этой поездки мы сможем уточнить лишь после того, как физическое состояние г-на Вейса улучшится и только в том случае, если Ваше превосходительство даст согласие на поездку. Я думаю, что г-н Вейс начнет нам регулярно приносить пользу после того, как осуществит свои планы в Норвегии.

С разрешения Вашего превосходительства я выплатил второго числа прошлого месяца г-ну Вейсу 25000 франков, подчеркнув, что это единовременная плата и что решение о наших отношениях в дальнейшем мы примем позже.

Как я уже говорил, в свое время г-н Вейс сказал мне, что" этой суммы хватит, чтобы работать в течение трех-четырех недель" В последний раз он сказал мне, что для продолжения работы ему необходимы еще деньги.

Я предлагаю еще раз предоставить г-ну Вейсу 25000 франков, но при этом поставить условие, чтобы он принял все меры, благодаря которым мы могли бы регулярно получать сообщения из России и максимально подробную информацию о переговорах, намерениях и успехах его товарищей по партии.

Так как г-н Вейс снова посетит меня 13-го числа этого месяца, я был бы весьма благодарен Вашему превосходительству за подробные указания по этому поводу, уполномочивает ли меня Ваше превосходительство вы-

платить г-ну Вейсу вышеуказанную сумму. Я должен получить соответствующие указания не позднее 11-го

числа сего месяца, чтобы получить наличные деньги. От этой выплаты зависит, сможем ли мы поддерживать наши контакты с Вейсом, лично я ожидаю от этих контактов весьма положительных результатов.

РОМБЕРГ

германский посланник в Берне -- канцлеру

Его превосходительству

рейхсканцлеру господину Бетману-Гольвегу 6 декабря 1916 г.

Содержание: Сообщение Цивина о событиях в России и резком росте революционной волны; сообщение, что Чернов едет в Осло, что там эсерами создается крупная центральная организация и что поэтому ему, Цивину, необходимо лично поехать в Осло, чтобы поговорить с делегатами и дать им соответствующие указания. Просит предоставить ему еще денег.

Берн, 6 декабря 1916 г.

Срочно!

Наш русский агент Вейс сообщил мне вчера, что в Швейцарию, наконец, поступили некоторые из сообщений, которые были получены в Норвегии из России, и эти сообщения" находятся у него в руках. К сожалению, несколько важных сообщений он так и не получил; однако имеющиеся у него материалы позволяют сделать однозначный вывод, что мы можем быть довольны ходом развития революционного движения в России,

Как следует из этих сообщений, на фабриках Петербурга сейчас ощущается значительное влияние рево-

люционных партий. На некоторых фабриках это влияние столь широко распространилось, что различные революционные партии уже спорят между собой за влияние. Имеющая очень большое значение фабрика Семянникова в Петербурге, производящая большое количество военной техники, полностью находится под влиянием партии эсеров -- на этой фабрике работает более 10000 человек. Сильное влияние эсеров ощущается и на правительственных заводах Путилова и! Добукова. Правительство с тревогой следит за ростом этого движения и уже принимает контрмеры, например, посылает на фронт ненадежных рабочих. Но это не может остановить движение, оно продолжается.

Кроме того, очень важное известие, что различные рабочие организации в Петербурге наладили контакты с военными организациями разных революционных партий.

Тюрьмы Петербурга переполнены из-за массовых арестов в последнее время.

В Москве дела у революционного движения обстоят еще лучше, но, к сожалению, пока нет детальных сообщений об обстановке там. Однако можно с уверенностью сказать, что военные организации в Москве особенно усилились

Во многих городах России прошли забастовки, кое-где к моменту отправки сообщений они еще не закончились. В частности, крупные забастовки прошли в Харькове, Киеве и особенно Нижнем Новгороде.

В шведской прессе достаточно подробно сообщалось о беспорядках в Архангельске. Здесь также не обошлось без эсеров. В связи с этим Вейс указал на то, что он еще несколько месяцев тому назад обратил внимание барона Хеннета на деятельность социалистов-революционеров в

Архангельске. Барон Хеннет подтвердил мне. правильность его слов. Вейс утверждает, что в Архангельске ущерб составил более ста миллионов и что разрушение российского порта произвело очень большое впечатление.

Далее Вейс сообщил, что теперь и в Воронеже в Центральной России начал выходить еженедельник партии эсеров под названием "Запросы жизни". Этот еженедельник издает экономическо-технологическое общество, все члены которого являются также членами партии эсеров. Этот журнал очень ловко составлен: на первых полосах экономические новости, а дальше острая критика правительства и антивоенные статьи. Вейс надеется предоставить, нам в скором времени экземпляр этого журнала.

Кроме того, Вейс узнал, что один из членов партии эсеров прибыл из России в Норвегию и потом снова вернулся в Россию с заданием посетить там все организации эсеров. В скором времени; он снова приедет в Норвегию и даст подробный отчет о том, что он. там узнал.

Ознакомившись с полученной информацией из России, господин Вейс пришел к твердому убеждению, что революционное движение в России, основной целью которого является усиление антивоенных настроений, теперь перешло в новую стадию. Это движение очень широко организовано и быстро растет. По мнению господина Вейса, нет никакого сомнения в том, что в нужное время движение приведет к реальному успеху. Когда именно этот момент наступит, по мнению господина Вейса, предсказать сложно. Он также считает, что не имеет смысла делать какие бы то ни. было предположения в этом направлении. Однако он совершенно убежден, что в

обозримом будущем следует ожидать крупных революционных выступлений.

Далее г-н Вейс узнал, что революционные партии приняли решение объявить 22 января будущего года, в год юбилея революционных событий 1905--06 годов, всеобщую забастовку и организовать массовые демонстрации в Петербурге и Москве.

Г-н Вейс считает, что для революционного движения существует лишь одна опасность, а именно, что к власти придет либеральное правительство, которое будет вести войну до победного конца. Но и эту опасность не следует преувеличивать. Такое либеральное правительство будет осуществлять свою внутривластную программу и издаст указ об амнистии. Но в этом случае революционные партии получат подкрепление за счет притока многих тысяч своих членов из тюрем, из-за границы и из Сибири. Таким образом революционное движение станет значительно сильнее.

Кроме того, из этих сообщений господин Вейс сделал вывод, что консервативные круги в России в основном настроены против, продолжения войны и выступают за заключение сепаратного мира. Консервативные круги крайне обеспокоены наличием в правительстве либеральных элементов. Они отдают себе отчет в том, что продолжение войны может иметь очень неприятные последствия, поскольку если война затянется, то это приведет к усилению либеральных элементов, увеличению влияния народа на правительство и переход инициативы к народным массам.

Я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что по многим важным пунктам информация господина Вейса совпадает с тем, что я услышал о настроениях в России

из другого источника и о чем я уже сообщал Вашему превосходительству.

Кроме того, господин Вейс узнал, что прогрессивный блок недоволен назначением г-на Трепова³⁴. Представители этого блока отдают себе отчет в том, что г-н Трепов не будет безоговорочно поддерживать их политику. По мнению г-на Вейса, назначение г-на Трепова следует рассматривать как компромисс между правыми и прогрессивным блоком. Правда, для прогрессивного блока г-н Трепов более приемлемая кандидатура, нежели г-н Штюмер³⁵; однако прогрессисты все же ожидали увидеть на месте г-на Штюмера другого, более удобного для них человека. Кандидаты прогрессистов -- Сазонов³⁶, Родзянко³⁷ и Милюков³⁸. Конечно, Милюков в любом случае будет пока держаться на заднем плане и откажется от министерского портфеля.

Перейдя к своим личным делам, г-н Вейс сказал мне, что теперь, когда его здоровье улучшилось, он готов поехать в Норвегию. Он надеется встретиться там с г-ном Черновым, который, как теперь впрочем выяснилось, 12-го числа прошлого месяца был еще в Париже, так как ему не удалось приехать в Англию. Однако есть обоснованные надежды, что Чернову все-таки удастся с помощью своих товарищей по партии получить разрешение на поездку в Англию, а оттуда в Норвегию.

Господин Вейс хочет еще раз посетить меня 20-го сего месяца, выехать в Норвегию через Германию в начале будущего года. Он собирается пробыть в Норвегии 4--6 недель и потом вернуться в Швейцарию через Германию.

Как я уже объяснил в одном из своих предыдущих отчетов, у партии эсеров не должно возникнуть подозре-

ний, что Вейс связан с нами. Поэтому ему необходим предлог для получения визы на проезд через Германию. Он хочет объяснить своим товарищам по " партии, что получил это разрешение благодаря содействию своего знакомого -- высокопоставленного лица, пользующегося доверием правительства Германии -- под тем предлогом, что он не играет никакой роли в политической жизни, пользуется хорошей репутацией и только хочет навестить своего больного отца. Он скажет своим товарищам, что германское правительство уже неоднократно давало в таких случаях разрешения на проезд через Германию обыкновенным русским, и надеется, что его товарищи ему поверят. Он получит от своих русских друзей паспорт на другое имя, а я поставлю на нем необходимую визу. Конечно, в паспорте будет особая пометка, что Вейс может только проехать через Германию. О конкретной дате его приезда я, разумеется, сообщу Вашему превосходительству заблаговременно.

Как я уже сообщал в своем предыдущем отчете, в Норвегии г-н Вейс собирается ознакомиться с деятельностью своих местных друзей и всеми силами способствовать этой деятельности, но прежде всего принять необходимые меры, чтобы сообщения, получаемые в Норвегии из России, надежно переправлялись ему в Швейцарию. Здесь мне хотелось бы вернуться к предложению, которое я имел честь сделать в одном из предыдущих своих отчетов и которое заключалось в следующем: имперская миссия в Кристиании должна назвать надежного человека, желательно норвежца, чтобы Вейс мог сказать своим товарищам, что завербовал этого человека и что он может надежным путем переправлять сообщения ему в Швейцарию. Я прошу Ваше превосходительство сообщить мне имя и адрес такого человека до 20-го числа сего ме-

сяца. В этом случае г-н Вейс смог бы прийти к этому лицу после своего прибытия в Кристианию, он мог бы предъявить ему свой паспорт или назвать пароль. После этого г-н Вейс познакомит с этим норвежцем одно-то из своих людей, и тот сможет незаметно передавать ему сообщения. Как я уже объяснил, норвежец сможет передавать полученные от агента г-на Вейса сообщения в имперскую миссию в Кристиании, а там позаботятся о пересылке полученных материалов мне или господину Вейсу.

Господин Вейс, которому я выплатил 25000 франков на основе полученных полномочий, сказал мне, что эти деньги ему крайне необходимы, и он немедленно переправит их по различным каналам своим друзьям в Норвегии, Дании и Швеции. Разумеется, для

того чтобы и в дальнейшем успешно осуществлять свою деятельность, им и в будущем необходимо ежемесячно оказывать финансовую поддержку. Он прекрасно понимает, что нам необходимы доказательства того, что получаемые от нас деньги он использует по назначению. После своего возвращения из Норвегии он рассчитывает предоставить нам более убедительные доказательства адекватного использования предоставленных ему средств, чем до-сих пор. Однако мы должны понять, что ему не хотелось бы встречаться со своими друзьями в Норвегии в январе с пустыми руками. Поэтому он был бы очень благодарен, если бы мы предоставили ему еще 25000 франков. Он опасается, что если ничего не привезет своим друзьям, то они будут очень разочарованы. А ему бы этого не хотелось, так как от переговоров, которые он собирается вести в Норвегии, он ожидает очень многого, в частности, расширения и поощрения уже осуществляемой в настоящее время деятельности.

Я еще раз покорнейше обращаюсь к Вашему превосходительству с просьбой уполномочить меня произвести очередную выплату г-ну Вейсу. У меня -- так же как и у барона Хеннета, который в последнее время несколько раз связывался с г-ном Вейсом, сложилось впечатление, что он не собирается обманывать нас, и предоставляемые ему средства будут использоваться по назначению. Господин Вейс подчеркивает -- и, пожалуй, справедливо -- что учитывая огромный характер работы, предстоящей в России, предоставляемые ему средства, в сущности, не слишком велики. Но он и сам не может ходатайствовать о предоставлении ему более крупных сумм, потому что получение таких сумм вызвало бы у его партии определенные подозрения. Уже и сейчас ему очень сложно объяснить происхождение этих денег.

Нижайше прошу Ваше превосходительство сообщить мне до 18-го числа сего месяца, уполномочиваете ли Вы меня выплатить господину Вейсу 25000 франков.

РОМБЕРГ

Приложение: Сообщение Вейса

Партия социалистов-революционеров -- одна из самых сильных партий в России. Она насчитывает сотни тысяч членов (активных и пассивных). В основном, это крестьяне, хотя есть также представители рабочих и интеллигенции.

Война расколола партию социалистов-революционеров, как и все социалистические партии мира, на две части. Это патриотическое и интернационалистическое направления. В первый год войны интернационалистическое крыло партии было незначительным и не оказывало

сколько бы то ни было заметного влияния. Но уже летом 1915 года поражение и отступление российской армии в

Карпатах обеспокоили и заставили задуматься всю страну. С этого времени патриотическое крыло начинает терять свое влияние, а интернационалистское крыло, наоборот, укрепляет свои позиции. Громадное значение имело выступление духовного лидера партии Виктора Чернова в журнале "Жизнь", который открыто и однозначно выступил против войны и призвал к свержению правительства.

Этот журнал, которому пришлось сыграть столь важную роль в революционном движении, объединил вокруг себя всех противников войны за границей. До осени 1915 г. журнал практически не поступал в Россию. Не хватало средств, чтобы организовать пересылку. Только осенью, наконец, удалось достать необходимые средства, и журнал вместе с большим количеством других революционных изданий начинает почти регулярно поступать в Россию. В это же время в Россию были направлены люди из Швейцарии, Франции и Англии.

В настоящее время ситуация выглядит следующим образом. В более чем 50 губерниях России функционируют организации партии эсеров интернационалистского направления. В июне этого года в России состоялась конференция, на которой было принято решение вести энергичную борьбу против правительства, чтобы как можно скорее покончить с войной. Все комитеты партии обратились ко всем российским революционерам с призывом забыть о всех разногласиях и объединенными силами начать открытую борьбу против правительства, борьбу за мир. В заводских организациях партии эсеров

рабочие приняли резолюции против правительства и против войны и отказались участвовать в ней.

С другой стороны, сильное брожение начинается и среди крестьянства, причем это брожение настолько серьезное, что в партии встает вопрос о возможности выдать крестьянам оружие. Полностью охвачено социал-революционным движением в настоящее время Поволжье, где нелегально выходит партийный журнал "Призыв", первые номера которого недавно поступили из России в Швейцарию. Кроме того, сейчас существуют две очень сильные военные организации: одна в Петрограде -- "Северная военная организация", а вторая -- в Москве. "Северная военная организация" издает небольшой журнал, семь номеров которого уже поступили в Швейцарию. Есть и другие военные организации, но гораздо менее мощные и влиятельные. Налажена прямая связь с Россией через Норвегию и Архангельск. Здесь нам помогают солдаты, которые находятся под влиянием партии. Все, что мы посылаем (за исключением одного груза, который конфисковали российские власти), благополучно попадает в Россию.

К сожалению, сообщения из России попадают в Швейцарию не столь регулярно, многое вообще пропадает. Англия и Франция ничего не пропускают к себе, но и Германия теперь часто задер

живает транспорт с газетами и письмами. Становится все труднее посылать людей в Россию, так как Англия не разрешает транзитный проезд через Норвегию, а направляет путешественников прямо в Архангельск. Впрочем, большая часть лучших членов партии еще в прошлом году перебралась в Россию, а те, кто еще оставался, смогут добраться в Россию через Германию с помо-

щью итальянской социалистической партии или же с помощью швейцарского социалиста Грейлиха.

В ближайшее время в Норвегии начнет выходить крупная газета, во главе которой будет стоять Чернов. Эта газета будет энергично выступать за немедленное заключение мира. Интересно, что в России наряду с нелегальным движением социалистов-революционеров все сильнее развивается легальное. Например, в Сибири выходит газета "Сибирь", в Петрограде -- "Русские записки". Они оказывают колоссальное моральное влияние благодаря именам своих сотрудников: Пешехонова³⁹, Мякотина⁴⁰, Короленко⁴¹ и др. Очень близок к партии социал-революционеров Николай Суханов ⁴² из "Ежегодника". Он пишет большие просветительские статьи о бессмысленности войны с Германией. Его статьи выходят специальными выпусками, особенно большой интерес вызывает статья "Почему мы ведем войну?", в которой он рассматривает Англию как единственного серьезного конкурента России, единственное государство, с которым бы еще имело смысл вести войну.

Следует также сказать, что эсеров поддерживают также большевики (социал-демократы) с Лениным во главе, который сейчас живет в Швейцарии. Их совместная деятельность с каждым днем приносит все больше и больше плодов и разрушительно действует на патриотическое движение. В этом отношении характерной является газета "Голос", выходящая в Самаре. Вначале она выступала исключительно за защиту отечества, но постепенно все больше места в ней стало занимать интернационалистское направление, и теперь отдельные голоса защитников отечества, таких как Гвоздев⁴³, почти потонули в ней. Опасность революционного движения осознали и реакционные партии, которые мотивируют свои

требования заключения мира с Германией ростом революционного движения. Однозначным доказательством истинности этого утверждения являются массовые аресты в Петрограде и других городах.

Кроме того, немалую опасность для реакционных сил в России представляет революционная пропаганда среди военнопленных в Германии и Австрии. С этой целью партия эсеров издает журнал "На чужбине", который регулярно поступает в Германию, чего, к сожалению, нельзя сказать об Австрии.

РАЗРЕШЕНИЕ НА ВЫПЛАТУ ЦИВИНУ ВТОРЫХ 25000 ФРАНКОВ

№ 920 Берлин, 12 декабря 1916 г. 44

На сообщение № 2387 от 6-го сего месяца Уполномочиваю выплатить Вейсу 25 000 франков.

(подпись неразборчива)

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК В КРИСТИАНИИ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Кристиания, 15 декабря 1916, 2 часа 30 мин. Получено: 7 часов 20 мин.

Расшифровка Касательно телеграммы № 287

Секретна

Корреспонденцию из России для русского революционера можно адресовать местной типографии Кирсте и Зиберт, Стенсбергсга-де 29. Так как эта фирма печатает также газету церковной общины, которую издает пастор Тюнтер, она поддерживает постоянные контакты с Гюнтером. Кирсте будет передавать корреспонденцию-из России Гюнтеру, а тот дальше миссии. Кирсте по рождению имеет немецкое и норвежское гражданство, сведе-

ния Гюнтера надежны, и так как его фирма получает много рукописей для печати, никому не бросится в глаза, если туда будет приходить и корреспонденция из России.

Хорошо будет, если русский из Берна сам придет в миссию и удостоверит себя, тогда я смогу познакомить его с Гюнтером, а тот в свою очередь отведет его к Кирсте, чтобы обговорить детали. Таким образом можно будет избежать контактов Кирсте с миссией, так как Гюнтер до 20-го числа этого месяца будет в отъезде, поэтому русскому пришлось бы до 20 ноября оставаться в Кристиании.

Прошу сообщить, когда он приедет и как его можно будет узнать.

МИКАЭЛЛЕС

ПЛАНЫ И ДОКУМЕНТЫ · ДЛЯ ПОЕЗДКИ ЦИВИНА

№ 2978 Берн, 30 декабря 1916 г.

Миссия Германской империи

Совершенно секретно! Срочно!

Чсть имею сообщить Вашему превосходительству, что сим прилагаю записи секретаря посольства фон Шуберта⁴⁵ о переговорах с русским агентом Вейсом для дальнейших распоряжений на Ваше усмотрение

БЕТМАН-ГОЛЬВЕГ

Его превосходительству

рейхсканцлеру господину Бетману-Гольвегу

Я проинформировал г-на Вейса в духе полученных по другим ка-калам указаний.

В том случае, если ничего не произойдет, г-н Вейс намеревается отправиться отсюда 10 января в Швецию

через Базель-Оттер-бах и Засниц, откуда он сразу же отправится в Кристианию и там сделает представление в имперской миссии.

Г-н Вейс сказал мне, что изменил свой первоначальный план поехать в Германию с русским паспортом и нашей визой. Он опасается, что его товарищам по партии может показаться подозрительным, если он без каких-либо проблем получит от нас визу на поездку по территории Германии

Но господин Вейс нашел другой выход. Ему удалось достать паспорт одного швейцарца родом из Тессина по имени Эрнест Колер, который тот предоставил в его распоряжение на несколько месяцев. На этот паспорт он наклеит свою фотокарточку. Случайно анкетные данные этого швейцарца совпадают, с данными Вейса. Сейчас сложность заключается в том, что Вейс не хочет рисковать и переходить швейцарско-германскую границу с этим швейцарским паспортом, в то время как у него нет подобных сомнений относительно выезда из Германии в Швецию, а также относительно использования его при въезде в Швецию и на территории Швеции и Норвегии. Для того, чтобы устранить эту сложность, я договорился с г-ном Вейсом о следующем.

Здесь паспортный отдел выдаст г-ну Вейсу бумаги, необходимые для поездки в Варшаву и обратно. Эти документы будут на его настоящее имя: Евгений Цивин, и на них будут въездная и выездная виза сроком на два месяца. 10 января г-н Вейс перейдет с этими документами швейцарско-германскую границу.

Тем временем местный паспортный отдел поставит транзитную визу для Швеции на швейцарский паспорт на имя Эрнеста Колера. Я распоряжусь, чтобы 10 января

фельдъегерь доставил этот паспорт в Германию. Затем фельдъегерь проводит г-на Вейса до Фрейбурга, незаметно передаст там ему швейцарский паспорт и заберет варшавские документы.

Дальше Вейс поедет со швейцарскими документами в Швецию. Разумеется, нужно предварительно сообщить пограничникам в Заснице об отъезде г-на Вейса и соответствующим образом проинструктировать их, чтобы они без проволочек пропустили его. Разумеется, все зависит от того, чтобы поездка г-на Вейса не бросилась в глаза. Я имею честь приложить пять фотографий г-на Вейса. Тем временем фельдъегерь привезет мне обратно варшавские документы г-на Вейса. Потом мы пошлем эти документы в Берлин и Варшаву.

Обратно г-н Вейс поедет приблизительно так же. В последнее время швейцарские власти очень строги при проверке документов, особенно у лиц, документы которых выданы в Варшаве. Поэтому совершенно необходимо, чтобы варшавские документы г-на Вейса, на которых также будет стоять виза для поездки туда и обратно в течение двух месяцев, имели все необходимые печати, свидетельствующие о том, что г-н Вейс действительно был в Варшаве.

Перед возвращением г-н Вейс должен получить транзитную визу для Швейцарии от имперской миссии в Кристиании. С этим паспортом он сможет въехать в Германию. В поезде между Фрейбургом и Базелем он снова встретится с фельдъегерем, который заберет у него швейцарский паспорт и снова передаст надлежащим образом оформленные варшавские документы. С варшавскими документами г-н Вейс снова въедет в Швейцарию и здесь передаст их мне. От меня он получит швейцарский

паспорт, который в случае необходимости сможет показать своим русским друзьям.

Здесь позаботятся о том, чтобы в швейцарском паспорте г-на Вейса были необходимые печати, подтверждающие, что он дважды пересек германо-швейцарскую границу.

Я хотел бы также указать на то, что было бы целесообразным предоставить в распоряжение имперской миссии в Кристиании и пограничным властям в Заснице по одной фотографии г-на Вейса.

ШУБЕРТ

ИМПЕРСКИЙ ПОВЕРЕННЫЙ В ДЕЛАХ-- В -МИД
ГЕРМАНИИ

Но 1417 Берн, 31 декабря 1916, 2 часа -- мин.

Получено: 9 час. 40 мин.

Расшифровка Касательно телеграммы Но 822

Совершенно секретно

Вероятно, Вейс выедет 10 января через Базель--Оттербах--Засниц в Швецию, а оттуда в Норвегию. Он предъявит в имперской миссии в Кристиании швейцарский паспорт на имя Эрнеста Колера и назовет пароль:

"Я гражданин Швейцарии и прибыл по поручению администрации электростанций". Затем он предъявит фотографию и передаст сообщение.

Для того чтобы визит Вейса в миссию в Кристиании прошел по возможности незамеченным, его необходимо пропустить немедленно. Прошу срочно сообщить номер, по которому он должен сообщить о своем прибытии.

БЕТМАН-ГОЛЬВЕГ

Разумеется, я считаю, что в настоящий момент, ввиду совершенно непонятного положения в России, встреча между мной и им исключена. Но поскольку д-р Гельфанд заявил, что к Колышка следует отнестись со всей серьезностью, я хотел бы знать, нельзя ли сюда прислать Эрцбергера или, если это действительно абсолютно невозможно, -- кого-нибудь еще. По мнению Гельфанда, это должны быть люди, занимающие определенное положение и имена которых известны в России (вроде Эрцбергера), люди, которые, с одной стороны, обладают некоторым авторитетом за границей, а с другой -официально ничем не обязаны имперскому правительству и могут быть в любой момент дезавуированы.

Барон фон дер Ропп, имевший обстоятельную беседу с неким Поляковым, доверенным Милюкова, убежден, что в либеральных кругах русской Думы наступило отрезвление в отношении Англии и появилась тенденция установить контакт с нами. Поэтому было бы, вероятно, полезно, на случай, если в России победит радикальное направление, в ненавязчивой, но вместе с тем и не поверхностной форме, информировать такого человека, как Колышко, о нашей политической позиции по отношению к России.

Прошу выслать инструкции телеграфом49.

РАНЦАУ

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК

В СТОКГОЛЬМЕ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма Стокгольм, 20 марта 1917, 13. 20

Получено: 17. 15

Секретно!

Господин Валленберг⁵² сообщил мне, что по его сведениям в Петербурге сейчас одержали победу друзья мира, принадлежащие к крайней левой. Поэтому, сказал он, было бы хорошо дать им знать, что мы пойдем им навстречу в вопросе о проливе Дарданеллы, который является главной целью войны и поэтому представляет собой препятствие на пути к миру. На мое возражение, что ведь господину Неклюдову⁵³ это уже известно, министр ответил, что вряд ли крайние левые могли получить от Неклюдова эту информацию.

Находящийся в настоящее время здесь социал-демократ Ян-сон⁵⁴ через своих копенгагенских друзей войдет в контакт с крылом Керенского в Думе.

Л Ю Ц И У С⁵⁵

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК В КОПЕНГАГЕНЕ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 476 21 марта 1917, 12 ч. 55 м.

Получено: 21 марта, 16. 00

Д-р Гельфанд, с которым я обсуждал события в России, объяснил, что, по его мнению, конфликт имеет место главным образом между умеренными либералами и социалистическим крылом. Он не сомневается, что последнее победит. Однако победа социал-демократов в России означала бы мир. Лица, стоящие теперь у власти, очевидно, хотели бы продолжать войну. Лидеры этой политики - Милюков и Гучков. Они оба стараются оттянуть созыв Национального учредительного собрания, так как знают, что в тот момент, когда оно получит какое-то влияние, продолжение войны станет невозможным.

На мой вопрос, какова точка зрения армии, д-р Гельфанд ответил, что среди офицеров есть желание

продолжать войну, особенно среди высшего командного состава, но рядовые хотят мира, и, что крайне важно, простые солдаты, без исключения, братаются с рабочими.

Д-р Гельфанд полагает, что, как только войдет в силу закон об амнистии политическим заключенным, появится возможность эффективно бороться против Милюкова и Гучкова посредством, непосредственных контактов с социалистами.

БРОКДОРФ-РАНЦАУ

рому царскому режиму, но что она настроена враждебно в отношении революционного правительства. Следует заявить, что Ваше превосходительство уже объявило в рейхстаге, что Германия не вмешивается в русские внутренние дела и не стремится к разрушению России.

Социалисты подчеркнули, что они хотят работать во имя мира, в то время как октябристы и большая часть кадетов выступают, как известно, за продолжение войны.

В настоящее время социалисты представляют собой более значительную силу.

ЛЮЦИУС

ЗАПИСКА РОЗЕНБЕРГА

31 марта 1917 г.

Заключительное сообщение

Возможно ли передать прилагаемый ответ полковнику Танстшефу в Софии лично в руки? Он прибывает в 12 часов.

РОЗЕНБЕРГ, 31 марта

Приложение

Мы очень благодарны его величеству королю и министру--президенту Радославову⁶⁰ за их ценные советы по русскому вопросу и будем и впредь при решении этой проблемы оставаться в тесном контакте с союзным болгарским правительством. В своей речи в рейхстаге 29 марта господин рейхсканцлер учел пожелания, полученные им по телеграфу из Софии. Он надеется, что его речь со--ответствовала пожеланиям Его Величества короля. Насколько можно судить по имеющимся у нас сведениям, речь нашла благоприятный отклик в нейтральных странах, особенно в Скандинавии. Полный текст речи был передан из Стокгольма в Петербург в ночь на 30 марта через представителя Петербургского телеграфного агентства.

Как сказал господин рейхсканцлер, мы решили спокойно присмотреться к новому порядку в России, никак не вмешиваясь в дела русских. У нас нет ни малейших оснований относиться враждебно к борьбе русского народа за свободу или желать возвращения автократического старого режима. Наоборот, мы хотим, насколько это в наших силах, помочь нашему восточному соседу в деле строительства счастливого будущего и избавления от анг-лийского засилия. Германия всегда была и остается готова заключить почетный мир с Россией.

Мы полагаем, что теперь господин Радославов выступит в Собрании, так же как господин рейхсканцлер в рейхстаге, и мы думаем, что затем нам следует подождать последствий сделанного им заявления. Мы используем это время для того, чтобы еще и еще подчеркнуть через прессу, листовки и другие пригодные для того средства наши добрые намерения относительно России.

Если в дальнейшем выяснится целесообразность привлечения болгарского агента, мы обратимся за советами по этому поводу к господину Радославову.

Мы, как и прежде, считаем, что в положении в России имеются ростки процессов, благоприятных для нас и для дела мира. Во вражеском лагере, напротив, по имеющимся у нас сведениям первоначальное удовлетворение сменилось скептицизмом. Социалис

тические и радикальные силы начинают играть в событиях в Рое-сиу все более значительную роль, и это не устраивает наших противников. Если правительство Милюкова удержится у власти, ему наверняка придется пойти навстречу пожеланиям народа и заключить мир. Всякому другому правительству, желающему прийти к власти, следует порекомендовать тот же рецепт. Тут трудно предсказать единственно темп развития событий.

живет в Стокгольме. Наш разговор длился, с небольшими перерывами, двенадцать часов. Ниже я излагаю результаты беседы.

Революция

По настоянию английского посла Бьюкенена¹ и при его содействии отсрочка созыва Думы стала сигналом к революции. Но Дума не ставила перед собой цели создать парламентское правление по образцу Англии. Забастовка рабочих в арсеналах в Петербурге стала началом революции. Казачий полк, посланный на подавление восстания немедленно перешел на сторону восставших (полк состоял из новобранцев, а не из старых казаков). Посланный с той же задачей эскадрон лейб-драгунского полка отказался стрелять в рабочих. Командир полка отдал приказ расстрелять эскадрон-- полк ответил на это убийством полковника и затем объединился с повстанца-

ми. Постепенно в Петербурге не осталось надежных полков. Революция совершилась только в Петербурге, а затем по телефонной связи распространилась на Москву и другие крупные города. Какой-либо систематической подготовки в масштабах всей России не было. Во главе движения встали выдающиеся члены Думы, которые составили новое правительство, возглавляемое Милюковым, Гучковым и Керенским. Через несколько дней образовалось некое подправительство--комитет солдатской и рабочей партии. Это состояние продолжается по сей день и напоминает революцию младотурок в Константинополе. Милюков -- теоретик, любитель пространных обсуждений; по описаниям он напоминает мне нашего бывшего министра иностранных дел барона фон Буриа-на. Керенский -- молодой петербургский юрист, лидер "зеленых социалистов", т. е. социалистической крестьянской партии. Его поддерживает незначительная группа в парламенте, но он является передаточным звеном между своей партией и социал-демократической рабочей партией и поддерживает контакты с ней. Самый могущественный человек в правительстве, несомненно, Гучков: с политической точки зрения, он личность весьма ненадежная -- сначала был председателем Думы, какое-то время заигрывал с правыми, потом перешел к октябристам, имеет хорошие связи с партией кадетов. Во время бурской войны стоял за буров, против Англии. В начале войны был делегатом Красного креста и в этом качестве посетил всех командующих на фронте. Затем был поставлен во главе комиссии по снабжению армии и на этом посту добился расширения прав для рабочих. Гучков -карьерист, безоглядно сметающий любые препятствия на своем пути. Некоторые сравнивают его с Наполеоном⁶². Если России необходим диктатор, то Гучков, несомненно, окажется

ся самой подходящей кандидатурой. Гучков был в составе думской делегации, которая должна была

вести переговоры с царем о создании парламентского правительства. Он настоятельно требовал, чтобы его ввели в эту делегацию, так как считал, что Николай II тяжко обидел его, и хотел отомстить. При виде Гучкова бывший царь пришел в смятение и немедленно заявил о готовности отречься от престола. Так что делегация Думы достигла большего, чем намеревалась. Революция продолжалась так, как желали этого Англия и члены Думы.

Сегодняшнее положение в России

Силы в сегодняшней России распадаются на четыре группы:

а) Пораженцы. В этой группе объединены реакционеры всех мастей и оттенков. Они хотят мира -- даже за счет своего отечества, чтобы затем заявить народу, что по вине нового правительства Россия потеряла значительные территории. Они надеются таким образом привлечь к себе массы и добиться восстановления царизма, пусть не в форме неограниченной автократии, а в виде конституционного режима. Эта группа в настоящее время не пользуется влиянием. Ее члены рассеяны по всем концам страны. Сила, на которую они опирались -- тайная полиция -- была уничтожена в первые дни революции, при этом погибло 4 тысячи членов Охраны.

б) Либералы. Эти группы считают, что с революцией их цель в войне достигнута. Они хотят мира, хотя некоторые их представители и пользуются в обиходе другой фразеологией. Новое правительство не повторяет широковещательных обещаний старого. Но либеральной группе придется вскоре выступить за мир -- в противном

случае ее неизбежно уничтожат социал-демократы и анархисты. В любом случае, она может присоединиться лишь к почетному миру и тем самым укрепить свою позицию.

в) Социал-демократы: они сегодня выступают за "мир любой ценой", и сегодня им все равно, что при этом Россия потеряет значительные территории. Но это настроение всего лишь предлог для укрепления мирного движения. Если социал-демократы придут к власти, они откажутся от лозунга "мир любой ценой" и вместе с английскими и французскими социал-демократами выдвигнут требование: мир без аннексий. Французское правительство, до сих пор запрещавшее своим социал-демократам участвовать в международных конференциях этой партии, сейчас отменило свой запрет и в Стокгольме в ближайшее время придут несколько французских делегатов, чтобы под руководством фон Брантингабэ вести переговоры о приглашении на конференцию социалистов. Лозунг "мир без аннексий" завоеует весь мир и найдет отклик и в самой Германии. Однако может случиться и так, что социал-демократы придут к власти не по всей стране, что в некоторых районах образуется мощное противодавление и будут созданы собственные

правительства. Тогда война на Востоке увязнет, и конца ей не будет. Неясно также, достаточно ли активно будет выступать за мир хотя бы одно правительство. Тот, кто желает скорейшего заключения мира, пусть не рассчитывает на то, что социал-демократическое правительство будет способствовать приближению этого момента.

г) Армия: в ней есть представители всех трех групп. В настоящее время неизвестно, какая группа пользуется

наибольшим влиянием. Однако все три группы в армии единодушны в том, что нельзя заключать позорный мир.

Таким образом, только Германия может приблизить заключение мира. Для этой цели лучше всего было бы, если бы рейхсканцлер высказал в рейхстаге следующие идеи:

1. Германия не вмешивается во внутренние дела России. Русский народ, завоевавший сейчас политическую свободу, может не опасаться Германии.

2. Немецкое правительство не ведет войну против русского народа как такового.

3. Германия не навязывает России позорного мира. По крайней мере при таком положении нельзя слишком настойчиво выдвигать на первый план идею сепаратного мира, скорее следует работать в другом направлении: чтобы Россия пришла к выводу, что она получит почетный мир, тогда она будет вести разговор со своими союзниками. И все прочее тогда уладится само собой.

Мирному движению в России лучше всего способствовать через рейхсканцлера. Канцлер должен откровенно поговорить с русским народом. Чем скорее это произойдет, тем лучше для всего дела освобождения. Было бы крупнейшей ошибкой считать, что Германия сможет добиться посредством социал-демократического правительства более почетного мира, чем при нынешнем либеральном правительстве. Либеральное правительство готово к заключению мира, так как оно знает, что тем самым оно наилучшим образом может укрепить свою власть.

Условия мира

В качестве главного условия заключения мира господин фон Колышко назвал отказ от крупных аннексий. Речь может идти лишь о исправлении границ. Новое правительство, по его словам, хочет поддерживать с Германией дружеские отношения, но аннексии препятствуют дружбе и толкают Россию в объятия Англии. Задав ему дополнительные вопросы, я выяснил, что говоря о исправлении границ, он имеет в виду изменения, которые могут коснуться значительных территорий. Россия хочет оставить за собой часть завоеванного ею района (Западную Галицию), она ни в коем случае не согласится потерять Вильно. Присоединение к Германии

Курляндии и Литвы тоже представит немалые трудности. Польский вопрос, по мнению Колышко, Германия очень осложнила своей прокламацией. Но когда я указал на то, что первой польский вопрос подняла Россия, и разъяснил, что польская прокламация не представляет собой непреодолимого препятствия и что немецкая программа в отношении поляков известна всему миру, господин фон Колышко согласился, что достичь взаимопонимания возможно. Я просил его передать русскую программу.

Россия может выступить за отмену капитуляций в Турции, но она должна получить гарантии в добрых намерениях Германии при регулировании вопроса о Дарданеллах и армянской проблемы. Россия не будет платить возмещение военных убытков, но в договоре о мире можно оговорить долгосрочные торговые договоры между Россией и Германией.

Затем господин фон Колышко осведомился о военных целях Германии в отношении других воюющих держав, подчеркнув, что сегодняшнее русское правитель-

ство не придает большого значения восстановлению Сербии, в Сербии был заинтересован только лично царь. Что касается Франции и Бельгии, то я сослался на публичные заявления рейхсканцлера о том, что мы не будем аннексировать Бельгию. Что касается Франции, то тут речь может идти о исправлении границ и репарации за возвращаемые захваченные территории. В отношении Англии речь идет в первую очередь о возвращении колонии, свободе мореплавания и урегулировании целого ряда вопросов, которые в равной степени касаются не одной только Германии, но всех стран.

Господин фон Колышко упорно настаивал на требовании, чтобы Австрия уступила Италии Триест и Триент. Я объяснил ему, что это невозможно. Конечно, сказал я, очень достойно с его стороны вступить за союзника, но тогда пусть он и мне не отказывает в том же. Нельзя требовать от Германии, чтобы она выступала в защиту предателя, а Италия ведь и есть предательница, и тогда это был бы бесчестный мир. Не желая такового для себя, Россия не вправе требовать его и для Германии и Австрии. После длительного обсуждения этого вопроса он заявил, что я убедил его и что он, со своей стороны, со всей решительностью будет выступать за то, чтобы эти области не отошли Италии.

Господин фон Колышко обещал, согласно пожеланиям нового правительства, вскоре отправиться прямо в Петербург, а к 20 апреля снова прибыть в Стокгольм, чтобы далее вести переговоры в качестве полномочного лица. В заключение он еще раз подчеркнул, что, по его мнению, для укрепления мирного движения нет ничего лучше, чем публичное заявление рейхсканцлера, уже упомянутое выше. Затем следует еще договориться о доставке речи рейхсканцлера в Россию, на русский фронт

ее можно доставить через немецких солдат, как это уже и практиковалось.

Господин фон Колышко также выразил пожелание вести дальнейшие переговоры именно со мной, и он ни в коем случае не желает иметь дела с господином Стиннесом⁶⁴, который уже не раз посещал его и предлагал ему 15 миллионов на создание русских газет.

GERMANSKIJ POSLANNIK V
KOPENHAGEN -
STATS-SEKRETARJU INOSTRANNYX DEL

2 апреля 1917 г

Уважаемый господин статс-секретарь!

Я обращаюсь к! Вашему превосходительству с этим личным письмом потому, что нынешние события, и особенно события в России, кажутся мне настолько важными в связи с решением о направлении всей нашей будущей внешней политики, что я полагаю неизбежным принятие сейчас радикальных решений, если мы хотим обеспечить свой успех в решающий час.

Ваше превосходительство знает, что я не болтун и не слепой поклонник авторитетов. Я сам сформировал свои независимые убеждения и я полагаю, что, принимая во внимание мое глубокое уважение к Вам и то безусловное доверие, которое Вы мне всегда оказывали, я вправе высказаться откровенно.

Я прошу Вас лично принять д-ра Тельфанда, который прибудет в Берлин завтра вечером (во вторник). Я сознаю, что характер и репутация д-ра Гельфанда по-разному оцениваются его современниками и что Ваш предшественник (Ягов) особенно любил пройтись на его

счет. В ответ на это я могу только сказать, что Гельфанд добился очень полезных политических результатов и что в России он был одним из первых, кто тихо и скромно начал работать для достижения цели, которая теперь -- и наша цель. Некоторые обстоятельства, может быть -- и все, сложились бы по-другому, если бы Ягов не пренебрег два года назад его советами!

Связи, которые Гельфанд имеет с Россией, с моей точки зрения, могут оказаться теперь решающим фактором в развитии общей ситуации. Более того, он настолько близок с социал-демократами в Германии, Австрии и Скандинавии, что может в любую-минуту воздействовать на них в нужную сторону.

Он искренне благодарен Вашему превосходительству, так как ему известно, что именно Ваше вмешательство помогло ему обосноваться в Германии в тот момент, когда его положение было особенно непрочным. И теперь он чувствует себя немцем, а не русским, несмотря на революцию в России, которая должна бы

его реабилитировать. Поэтому я прошу Вас принять его, тем более, что я убежден, что, при правильном с ним обращении, он может быть чрезвычайно полезен, и не только в вопросах внешней, но и внутренней политики империи.

Мне не нужно лишней раз подчеркивать, что я согласен далеко не со всеми его мыслями. Но я думаю, что нам следует использовать такие возможности, как у него, там, где они могут нам понадобиться.

Ваше превосходительство поймет, что побудило меня написать это письмо.

Больше мне нечего прибавить, кроме того, что Гельфанд ни разу не просил меня рекомендовать его Вам и что я решился написать это письмо лишь несколько часов назад, в десять часов вечера, так как я узнал о том, что специальный курьер едет в Берлин завтра утром. Я прошу поэтому извинить меня за то, что письмо написано в спешке, и за возможные погрешности в нем -результат этой спешки.

Ваш БРОКДОРФ-РАНЦАУК

Д о к у м е н т ы

революции и устремлениями крайних русских сил. Англичанам удалось добиться раскола в петербургском Совете рабочих и солдатских депутатов. Часть Совета стоит за мир, другие же -- в их числе господин Чхеидзе - выступают за продолжение войны. Правда, это не имеет никакого отношения к поездке военного министра Гучкова на фронт, откуда он привез солдатских делегатов, выступающих в Петербурге, в отличие от тамошних рабочих и солдатских депутатов, за продолжение войны и работы на военных заводах. По словам Вайта, англичане делают все, чтобы посеять недоверие между здешними русскими эмигрантами. Они также всеми силами будут стараться свести на нет усилия немецких социалистов, приехавших в Скандинавию.

У Штефана создается впечатление, что Антанта будет всеми силами стараться помешать возвращению здешних революционеров-пацифистов, либо заставив временное правительство запретить им возвращаться через Германию, либо предложив революционерам проезд через страны Антанты, где их задержат66.

РОМБЕРГ

вии. Так как я не уверен в его согласии, я пока скажу, что это моя собственная идея.

ТРОЙТЛЕР⁶⁹

КАНЦЛЕР -

В ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ВЕНЕ

Телеграмма No 225 Берлин, 13 апреля 1917 г.

Для господина фон Штумма⁷²

За заявлением Временного правительства последовала резолюция представителей Петербургского гарнизона, опубликованная 10 апреля Петербургским телеграфным агентством, где говорится следующее:

"Мы выступаем за продолжение войны до победного конца, так как армия отдает себе отчет в том, что даже мир, который восстанавливает старые границы, и мирный договор без согласия союзников будут постыдным миром, который угрожает новой свободе России и представляет собой предательство, которое отлучит нас от свободной Англии, республиканской Франции, от Бельгии, Сербии, Монтенегро и Румынии, которые пошли на большие жертвы ради своих друзей".

Поэтому представляется весьма сомнительным, что князь Львов даже при самых лучших намерениях окажется в состоянии на основе своего программного заявления вступить с нами в успешные переговоры, в частности, я очень сомневаюсь в связи с вышеприведенным заявлением, что в настоящее время возможно заключение мира без полного восстановления Румынии, Сербии и Черногории. Я разделяю мнение графа Чернина⁷³, что на заявление Временного правительства нужно отреагировать, но

я хотел бы верить, что ближайшая цель, а именно усиление мирной пропаганды и процесса разложения в России, будет в меньшей степени достигнута официальными и бесполезными установочными заявлениями, чем соответствующими статьями в официозных газетах обеих сторон, в основу которых следовало бы положить те мысли, которые содержатся в телеграмме No 22474. Полковник Ганчев сегодня после разговора с кронпринцем Борисом⁷⁵ предостерегал, очевидно, по поручению короля Фердинанда⁷⁶, от излишнего доверия в отношении заявлений Львова. Он настоятельно советовал не проявлять никакой активности, а спокойно ждать дальнейшего развития событий в России, которое пока вполне отвечает нашим интересам. При этих обстоятельствах я рекомендовал бы самым серьезным образом не принимать поспешных решений, не обусловленных политической ситуацией, без предварительной договоренности с нами и нашими союзниками.

От господина Грюнау⁷⁷ мне сегодня пришла следующая телеграмма... 78

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ --
ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛАННИКУ В БЕРНЕ

Телеграмма No 429 Берлин, 16 апреля 1917 г.

Продолжение телеграммы No 428

Шейдеман и Эберт серьезнейшим образом предупреждают меня против Гримма⁷⁹, говоря, что он явный сторонник Антанты. Поэтому, если Ваше превосходительство еще не сделали ничего относительно проезда Гримма через Германию, прошу ничего не предпринимать.

ЦИММЕРМАН

германский посланник в Копенгагене --
статс-секретарю иностранных дел

Телеграмма No 595 17 апреля 1917, 1. 35

Получено: 8. 00

На телеграмму No 25080

Доктор Гельфанд сегодня вернулся из Стокгольма, где он вел переговоры с русскими эмигрантами из Швейцарии. Его вызвали в Берлин телеграммой от исполнительного комитета социал-демократической партии. Он приедет завтра и пробудет несколько дней. Его адрес: Кейтштрассе, 14. Он будет там ожидать приглашения Вашего превосходительства⁸¹.

БРОКДОРФ-РАНЦАУ

ЭРЦБЕРГЕР -- ЛАНГВЕРТУ⁸²

Берлин, 21 апреля 1917 г.

Многоуважаемый господин барон!

В приложении посылаю Вам отчет о моей беседе, состоявшейся в четверг в Стокгольме.

С глубочайшим уважением,

М. ЭРЦБЕРГЕР,

член рейхстага

ПРИЛОЖЕНИЕ No 1

Отчет о беседе 19 апреля 1917 г. в Стокгольме

Беседа с Колышко и Гуревичем⁸³ продолжалась от 10 часов утра до половины восьмого вечера. Ниже изложены результаты.

I. Немецкая мирная акция

Колышко заявил: на встрече в марте он говорил, что Германия может заключить мир с Россией в любую минуту, все зависит от немцев. Сегодня он должен признать, что положение изменилось. Сейчас решение должна принять Россия. Последние три недели немцы ведут очень ловкую и эффективную политику. Речь государственного канцлера в рейхстаге была превосходна и отвечала чаяниям русских друзей мира. Умным стратегическим шагом было разрешение на проезд русским эмигрантам, живущим в Швейцарии. На русской границе эмигрантов задержали английские офицеры, но те заявили, что не могут признать за английскими офицерами на русской земле каких-либо полномочий, и с помощью русских солдат пробились в Россию. Историческое значение имеет заявление "Норддойче Альгемайне Цайтунг" от прошлой субботы. Такого заявления ждали, оно очень важно, потому что выражает согласие с Россией по всем основополагающим пунктам, потому что там открыто сказано, что Россию никто не подозревает в измене, и потому что атака на Стоходе нашла там разъяснение, удовлетворившее также и русских. Теперь очередь русского правительства ответить. Из-за только что кончившихся пасхальных праздников русская пресса еще не успела занять какую-либо позицию в отношении этого заявления.

Впрочем, русское правительство не обязательно даст открытый ответ; сейчас следует приступить к тайным переговорам. Здесь бросается в глаза одно упущение: немецкая пресса недостаточно активно поддерживает акцию собственного правительства, вмес

то того чтобы образовать сплоченный фронт вокруг своего правительства, она пускается в ненужные подробности, которые неясны ей самой ввиду недостатка политического опыта. Такие заявления, как сделанное немец-

ким правительством в прошлое воскресенье, следует путем постоянного повторения вдалбливать в голову всему миру, чтобы весь мир видел, что Германия относится к этому заявлению очень серьезно.

Я спросил его, не может ли тем самым в России и других местах создаться впечатление, будто Германия слаба и набивается России в друзья. На это господин Колышко ответил: "Сила Германии известна во всем мире, но заявления немецкого правительства верят недостаточно, потому что они не имеют сильного отзвука в народе и общественном мнении".

В дополнение к этому меткому замечанию я хотел бы также предложить как можно скорее созвать тайное совещание главных редакторов крупных немецких газет, с тем чтобы побудить их действовать по возможности сплоченными усилиями в пользу правительства. Колышко неоднократно выражал свое полное удовлетворение тем, что Германия так решительно выступает за мир.

II. Положение в России

Далее Колышко рассказал следующее: Англия в последние три недели приложила массу усилий для борьбы с пацифистскими течениями, она тратит на это дело огромные деньги и пускает в ход террористические методы. В качестве подсобной силы она использует шовинистских социалистов всех стран. Брантинг сразу же после своего возвращения из Петербурга поехал в Кристианию, чтобы доложить англичанам и привезти в Стокгольм французского министра вооружений Тома⁸⁴. Из Англии и Франции в Россию отправились социалисты, ярые сторонники войны. С их помощью и посредством прочих проанглийских элементов распространяется слух, что Германия уже ведет с Англией переговоры о мире и что обе держа-

вы фактически уже во всем достигли полного согласия. При этом Германия якобы стремится к тому, чтобы Россия сполна заплатила за все. Так сеется недоверие с целью подавления стремления к миру. Я ответил Колышко, что это утверждение совершенно не соответствует действительности. Мы обсудили контрмеры в прессе по оказанию влияния на общественное мнение. В качестве посредника следует выбрать некоего уважаемого шведского деятеля, чтобы получить в распоряжение необходимые средства. Члены Совета рабочих и солдатских депутатов очень нуждаются в деньгах и берут еще больше, чем прежняя власть. В ближайшие недели следует начать мощную акцию против Англии, вроде той, что уже успешно начата князем Бебуто

вым⁸⁵, напечатавшим две статьи, направленные против Англии. Князь Бебутов между тем находится под домашним арестом.

Далее Колышко сказал: Если взглянуть на различные течения и направления в их совокупности, то можно сказать, что пока превалирует еще неопределенное настроение, что объясняется постоянными колебаниями Милюкова. Известную поддержку оказал Милюкову выступающий за войну социалист Плеханов⁸⁶, пользующийся большим авторитетом, нежели Чхеидзе и Ленин. Ленин скорее идеолог, чем политик-практик. В последние три недели в России несомненно наблюдается крен влево. Керенский с каждым днем становится все сильнее, и с ним крепнет движение за мир, которое получило мощную поддержку в форме заявления немецкого правительства, опубликованного в "Норддойче Аль-гемайне Цайтунг".

III. Перемирие как подготовка к миру

Я спросил господина Колышко, какие практические шаги, помимо влияния на общественное мнение, следует предпринять дальше. Я считал бы целесообразным его скорейший отъезд в Россию. Колышко ответил, что он непременно уедет в ближайшее воскресенье и уже в среду будет в Петербурге. Но полный успех он может пообещать только в том случае, если ему будут известны дальнейшие гарантии к заключению мира, кроме заявления "Норддойче Альгемайне Цайтунг". Первой предпосылкой заключения мира стало бы объявление перемирия на восточном фронте. Немецкое наступление на Стоход нанесло большой ущерб делу мира в России. Проанглийские силы заявили, что Германия показала свое истинное намерение--заманить Россию в западню. Политический ущерб немецкой победы в Стоходе намного превышает ее военное значение. В либеральной прессе каждый день без конца твердят о нападении на Стоход. Если такие военные акции повторятся, то мирные переговоры окажутся невозможными. Мирное движение в России может победить только в том случае, если ему не будут мешать военные акции извне.

После длительной дискуссии мы решили составить прилагаемое заявление, проставив только даты, но не подписавшись под ним. Мой рукописный экземпляр находится у меня. Экземпляр для Колышко переписала его жена (немка). В заявлении речь идет только о Германии, но подчеркивается, что Германия должна позаботиться о том, чтобы ее союзники присоединились к этому соглашению. В разговоре я уделил большое значение тому, что мы как можно скорее должны получить ответ от России. Самое позднее -- через четыре недели, то есть через три недели после приезда туда Колышко. Он также обе-

щал способствовать ускорению этого дела, так как в этом заинтересованы все стороны. Он считает дос

таточным прекращение огня на шесть недель. Но за это время Германия должна при любых обстоятельствах оставить свои войска ла нынешних позициях, так как иначе Германия нападет на Францию и Россию обвинят в предательстве. Кроме того, такое условие облегчит основу для всеобщего перемирия.

На совещании говорилось о том, что во время перемирия обе страны должны обмениваться продуктами, в которых у них имеется переизбыток: немецкий уголь на русскую пшеницу, немецкие химикалии на русские марганцевые руды и т. д. Но излагать это заранее в заявлении было бы неразумно.

Что касается отдельных пунктов заявления, тут нужно отметить следующее:

Пункт 1. Под пунктом "исправления границ" следует уже из последнего совещания в марте понимать, что таковые следует проводить в русских масштабах. Нельзя говорить об аннексиях, даже если исправление границ приведет к аннексии. При умелом ведении дел пожелания Германии можно выполнить в максимальном объеме. Колышко потребовал записать, что Россия тоже получает исправление границ, но я разъяснил ему, что специально оговаривать это не нужно, так как речь идет об исправлениях границ, то есть о множественном числе.

Пункты 2, 3, 4 установлены согласно мартовскому совещанию и не могут вызывать никаких сомнений. Что касается согласования в Польше, то при влиянии церкви, которое непременно проявится, если Польша не отойдет

назад к России, следует твердо рассчитывать на благоприятный для Германии результат.

Пункт 5. Колышко заявил: новая Россия ни при каких обстоятельствах не хочет заключать новые договора, не желая напоминаний о старой системе. Поэтому нельзя также продлевать старый торговый договор на много лет, нужно найти средний путь, который изложен в заявлении. Я придавал большое значение тому, чтобы сейчас же точно установить, что Россия не может поднимать пошлину на вывоз товаров. Колышко и Гуревич дружно объяснили, что Россия не может пойти на такое условие. Чтобы сохранить свое финансовое хозяйство, она при всех обстоятельствах должна наложить пошлину на вывоз пшеницы. Если Германия хочет освободить от пошлины какие-то другие товары, то это можно обсудить позже.

Пункты 8, 9 и 10, по мнению моих русских собеседников, неотъемлемое условие для победы мирного настроения в России. Именно такие гарантии невероятно облегчат работу во имя мира. В пункте 9 Колышко хотел пойти значительно дальше и уже видел в мечтах исполнительскую инстанцию для третейского суда, но я это отклонил. Такой третейский суд вызовет огромное воодушевление Керенского. Мы договорились о том, что третейский суд будет состоять из трех человек: короля Испании, президента Швей

царии и Папы. Пункт 10 особенно необходим, чтобы Россия могла сейчас сказать своим союзникам, что она не хочет предпринимать какие-либо сепаратные действия. Германия совершенно свободна в выборе условий и предпосылок для заключения перемирия. Но мир во всем

мире может наступить скорее, если можно будет достигнуть гармоничного заключения мира в Европе.

Мы также договорились о том, как во время пребывания Ко-лышко в Петербурге установить абсолютно надежную связь, причем в самое ближайшее время. Однако это не для письменного изложения.

В заключительной беседе Ко-лышко и Гуревич сказали, что они совершенно уверены в заключении перемирия, несмотря на неизбежность борьбы с английской стороной. Россия в этой войне одержала крупный успех, устранив автократическое правление. Ни одна страна не достигла в войне так много. Но теперь России нужен мир, так как иначе ее огромные достижения окажутся под угрозой. Но оба моих собеседника не скрывали, что обновлению их страны грозят серьезные опасности. Самая страшная опасность -- это, несомненно, растущая недисциплинированность в армии. В качестве примера они рассказали следующее: арестован генерал [Н. И.] Иванов, взявший Львов, причем при аресте с ним обращались как с опасным преступником. Солдаты отказались нести его чемоданы от вокзала до машины и безжалостно толкали его прикладами, хотя его вина еще не доказана.

Сегодня можно сказать, что провинция поддерживает Петербург, так как все круги ожидают улучшений от нового порядка. Но полная ясность установилась только совсем недавно, и сейчас можно начинать энергичную работу за мир. В общем можно сказать, что многое уже сделано, так как оба правительства придерживаются одного мнения в наиболее важных вопросах. Осталось лишь разработать техническую сторону. Здесь могут возникнуть сложности, связанные с кредитоспособностью той или иной стороны или взаимным доверием. Поэтому

в обоих лагерях следует позаботиться о росте взаимного доверия. С нижеследующим заявлением в руках он наверняка может успешно действовать в Петербурге во имя мира.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

С... мая с шести часов утра до... июня шести часов утра объявляется шестинедельное перемирие всех вооруженных сил между Германией и Россией с Румынией при оставлении сухопутных войск на позициях, на которых они находились в день заключения договора.

Целью этого перемирия является подготовка длительного и почетного для обеих сторон мира на следующих основаниях:

1. Граница России будет восстановлена по состоянию на 1 августа 1914 г., исправления границ исключаются.

2. Граница нового государства Польши устанавливается Россией, Германией и Австро-Венгрией. По результатам голосования от... июня 1917 г. населения государства Польши мужского пола старше 25 лет будет решено, останется ли Польша под русским протекторатом, или будет развиваться как свободная республика либо как наследственная монархия.

3. Россия согласна на отмену капитуляций в Турции, за что Германия соглашается на компромисс в урегулировании вопроса о Дарданеллах и армянской проблемы.

4. Все частные правовые отношения граждан России и Германии, как они имелись на 1 августа 1914 г., снова вступают в силу. Если они не могут быть восстановлены в действительности, следует предоставить полноценную замену, если же это невозможно, то в спорном случае ве-

личина денежного вознаграждения устанавливается швейцарским судом в Лозане.

5. Бывший в силе 1 августа 1914 г. торговый договор между Германией и Россией продлевается, пока не войдет в силу новый торговый договор. Оба государства не могут устанавливать запреты на вывоз, выезд и вводить транзитные ограничения.

6. Каждая из сторон, ведущих войну, сама оплачивает свои военные расходы и ущерб, нанесенный войной.

7. Все другие вопросы будут урегулированы в мирном договоре.

8. Россия и Германия обязуются выступить за международное ограничение вооружений.

9. Прежде чем каждая из обеих стран распорядится относительно мероприятий военного времени (военное положение, мобилизация и т. д.), она должна представить спорные вопросы на рассмотрение третейского суда.

10. По желанию России Германия готова в любой момент заключить перемирие с другими ведущими войну странами с целью подготовки к заключению всеобщего мира. Подписанными должным образом документами об этом договоре надлежит обменяться по возможности скорее, не позже чем через четыре недели, то есть 18 мая 1917 г. в Стокгольме.

Стокгольм, 20 апреля 1917 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Заявление об отношениях между Колышко и Стиннесом

В беседе от 19 апреля Колышко заявил самым определенным образом, что он несколько месяцев не видел

Стиннеса-отца⁸⁷, не говорил с ним и не состоял с ним в переписке. Со Стиннесом-сыном,

которому 19 лет и который много времени проводит в Стокгольме, он не ведет никаких политических разговоров, поскольку считает этого господина еще слишком незрелым. Посредником в этом вопросе был господин Д. 88, но он постоянно требовал аннексий, а это находится в вопиющем противоречии с убеждениями Колышко. После последнего пребывания Эрцбергера в Стокгольме в марте Стиннес-сын сказал Колышко, что Эрцбергер в Стокгольме и он хочет познакомиться с ним Колышко. На это Колышко ответил, что уже говорил с Эрцбергером. Тогда Стиннес-сын спросил, что сказал Эрцбергер. Колышко ответил: Эрцбергер говорил очень мало, в основном он вытягивал из меня все, что мог, а когда он говорил, он очень решительно отстаивал свое мнение. Но у Колышко сложилось впечатление, что Эрцбергер стоит на других позициях, чем Стиннес-отец и сын. Больше он ничего не сказал. С тех пор он не говорил со Стиннесом, ни с отцом, ни с сыном, не входил с ними ни в какие соглашения, и если они утверждают обратное, то это неправда. А говорить, что он солидарен со Стиннесом в вопросах мира, -- вопиющая ложь. Отныне он прерывает всякие отношения со Стиннесом. Стиннес вновь говорил ему о 15 миллионах марок, которые он хочет дать на создание газеты. Совершенно естественно, что отныне Колышко будет обсуждать все вопросы мира только с Эрцбергером и не будет ничего передавать Стиннесу. Колышко был крайне возмущен поведением Стиннеса.

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИД ПРИ СТАВКЕ -- В МИД
ГЕРМАНИИ**

Телеграмма No 592 Ставка, 25 апреля 1917 г, 22. 05

Получено: 23. 15

К телеграмме No 583

Генерал Людендорф⁸⁹ передает:

Я получил по телеграфу из Бадена следующее сообщение о беседе офицера Верховного главнокомандования императорской армии с графом Черниным:

"Мероприятие социалистов со стокгольмской конференцией представляется довольно безнадежным⁹⁰. Там будет пропагандироваться всеобщий мир, в котором мы совершенно не заинтересованы. Министр иностранных дел [Австро-Венгрии] согласен на переход через русский фронт, даже просит об этом и надеется в случае удачи повысить авторитет армии, что было бы чрезвычайно важно. На мой взгляд, для этого необходимы следующие условия:

а) прекращение всех ни к чему не обязывающих переговоров,, замена их переговорами между полномочными высшими офицерами;

б) четкая формулировка условий;

в) быстрое достижение соглашения между Германией и монархией об этих условиях, причем следует иметь в виду, что при сепаратном мире с Россией возникают иные условия, чем при всеобщем мире. Министр должен выступить с готовой программой.

Было бы целесообразно, чтобы представители Верховного главнокомандования и министерств иностранных дел обеих сторон как можно скорее сговорились бы в Берлине по этим вопросам. Сегодня здесь состоится беседа между начальником генерального штаба и министром иностранных дел Австро-Венгерской империи.

Таким образом, нет никаких препятствий для соглашения в скором времени с Австрией о военных целях на востоке на основе со-вещаний в Крейцнахе от 23 апреля.
"

Позволю также заметить, что генерал Людендорф сегодня сказал мне, что он придает большое значение скорейшему заключению соглашения с Австрией⁹¹.

ГРЮНАУ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИД ПРИ СТАВКЕ -- В МИД
ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 599 Ставка, 27 апреля 1917, 9. 35

Получено: 10. 40

Конфиденциально!

Господину статс-секретарю, иностранных дел лично.

К телеграмме No 598

Вследствие дела Эрцбергера сегодня по всей линии царит тяжелая-грозовая атмосфера, с периодическими разрядами. Верховное главнокомандование, по-моему, недобросовестно настроило кайзера против шага по восстановлению статуса "кво антэ беллум" в отношении границ и "исправления границ", сделав вид, будто речь идет действительно только об исправлении границ в обычном смысле, а не о завуалированном приобретении новых территорий. Кайзер пришел в ярость и зачитал членам кабинета и мне проект своей телеграммы господину рейхсканцлеру⁹², которую мне надлежало отправить. О сколько-нибудь спокойном обсуждении вопроса сначала нечего было и думать. Сидя за столом возле кайзера, я попытался разъяснить ему, что означает термин

исправление границ в применении к русским масштабам, и доказать, что речь

ведь идет не о проекте, составленном Эрцбергером и Колышко, но лишь о констатации того, что Колышко считает подходящей предпосылкой для переговоров, благодаря которой он мог бы побудить своих друзей к дальнейшим действиям. Вследствие моих разъяснений отправка телеграммы удалось отложить до повторного разговора с Верховным главнокомандованием. Верховное главнокомандование в конце концов заявило о согласии с тем, что дело было решено телеграммой No 741 Вашего Высочества, но осталось при мнении, что шаг Эрцбергера вредит нашим интересам, однако оно готово не обнародовать его, ограничившись лишь тем, чтобы через меня поставить по поручению Его Величества Ваше Высочество в известность. После повторного доклада у Его Величества первая телеграмма не была отослана. Но кайзер настоял на том, чтобы телеграфировать в связи с предстоящей отправкой посредников и из-за Норддойчей Альгемейне Цайтунг", что и было сделано.

Что мне при этом пришлось выслушать -- страшно сказать. Но у меня в конце концов сложилось впечатление, что кайзер возмущен не столько происшедшим, сколько тем фактом, что его опять втянули в споры между Верховным главнокомандованием и высшим политическим руководством, при этом "изнурил его душевно и физически". Он также указал на то, что он мог бы иначе воспринять доклад фельдмаршала, если бы его информировали точно и своевременно, а не оглушили бы неожиданным известием с противной стороны. Это относится не только к данному, но и к другим случаям.

ГРЮНАУ

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ --
ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД В СТАВКЕ

Телеграмма No 758 Берлин, 27 апреля 1917 г.

Секретно!

Для доклада Его Величеству

На телеграмму No 598

Встреча Эрцбергера с Колышко была вызвана неоднократными, настоятельными просьбами последнего об организации беседы в самое скорое время. Как я уже указал в телеграмме No 741, я поручил Эрцбергеру только выслушать русского агента и сообщить мне об услышанном. Информационная поездка Эрцбергера к Колышко, который похваляется близкими отношениями с Керенским, давала возможность узнать ни к чему нас не обязывающим об

разом, пожелания Керенского и удержать последнего от использования посредничества немецких социалистов, среди которых сильны тенденции к сближению с русскими социалистическими руководителями. В пользу Эрцбергера говорило то обстоятельство, что он противник социалистических устремлений и что Колышко, являясь католиком, относится к посланнику [германского социал-демократического] центра с особым доверием. Эрцбергер превысил свои полномочия, желая послужить тем самым кайзеру и рейху. На мои упреки в нарушении инструкций он тут же самым непосредственным образом попросил немедленно дезавуировать его и оставить на произвол судьбы, если это в интересах рейха. Я не думаю, что он нанес какой-либо урон нашим интересам, так как он, по его многократным заверениям, убедил Колышко, что у него нет никаких поручений и что он не облада-

ет никакими полномочиями, а если Колышко вернется к этим вопросам, ничто не мешает нам просто опровергнуть все, что говорил Эрцбергер. Для меня Эрцбергер важен не как собиратель сведений, но как посредник. Если с вражеской стороны к нам поступят серьезные предложения или запросы, я, разумеется, немедленно пошлю сообщение Его Величеству и буду ждать высочайших приказов. Однако я почитаю своим долгом не доводить до сведения Его величества все явно лживые, сомнительные и непроверенные сообщения.

ЦИММЕРМАН

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ --
ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД В СТАВКЕ

Телеграмма No 771 Берлин, 28 апреля 1917 г.

На сегодняшнем заседании комитета рейхстага социал-демократическая сторона задала вопрос, получили ли представители радикального меньшинства разрешение на выезд для участия в стокгольмском совещании. Пока я дал уклончивый ответ. Но комитет по внутренним делам потребовал дать полный ответ к понедельнику, 30 апреля. Нет нужды перечислять причины, по которым не следует давать разрешение на выезд представителям меньшинства, я еще раз сказал о них на сегодняшнем заседании. Но есть веские политические причины, по которым все же полный отказ представляется неразумным. Социал-демократическое большинство справедливо выдвигает довод, что в случае отсутствия в Стокгольме представителей меньшинства их назовут инструментами немецкого правительства и они не смогут ничего сделать. От этого выиграют социалисты Англии, и резкие протесты меньшинства,

которые несомненно еще раздадутся в немецком рейхстаге, еще больше повысят агитационную ценность дела Антанты. С точки зрения внутривнутриполитической столь обостренная демократическая и радикальная борьба против нашего правительства тоже лам невыгодна. С другой стороны, если одному представителю меньшинства выдать разрешение на выезд, немецкие социал-демократы получат в руки козырь против стран Антанты, которые, скорее всего, выпустят лишь социал-демократов, преданных им.

По этим причинам мне представляется разумным дать разрешение на выезд представителю меньшинства. В качестве подходящего кандидата мне называли известного Ледебура⁹³, который надежный... ⁹⁴

"Правительственный социалист" Давид⁹⁵ настоятельно просил меня частным порядком обратиться за разрешением на путешествие к членам рабочей комиссии. Он думает, что в Стокгольме сможет взять их сторону.

Выдача разрешения впоследствии, когда большинство из принципиальных причин воленс ноленс вынуждено будет пойти с меньшинством, заставит представителей большинства более чутко прислушиваться к нашим пожеланиям, а не встречать их резким противодействием, как это имеет место сейчас. Я прошу сделать доклад генералу Людендорфу в этом смысле, порекомендовать ему выдать разрешение на проезд членам рабочей комиссии и сказать им, что я также связался по этому вопросу с военным министром. Военный министр не только не... ⁹⁶

ЦИММЕРМАН

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ --
ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛАННИКУ В СТОКГОЛЬМЕ

Телеграмма No 622 Берлин, 1 мая 1917 г.

Согласно сообщению петроградского телеграфного агентства, в Петрограде имела место направленная против Ленина демонстрация "раненых и изувеченных", в которой участвовало предположительно свыше 50000 человек, требовавших продолжения войны.

Прошу как можно скорее сообщить подробности.

ЦИММЕРМАН

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК

В СТОКГОЛЬМЕ --В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 742 2 мая 1917, 14. 00

Получено: 2 мая, 18. 56

На телеграмму No 622

Г-н фон Хейденштам считает, что донесение, по-видимому, соответствует действительности, поскольку и политическая линия, которой придерживается Ленин, и его пропаганда мира совершенно независимы, и он таким образом находится в резкой оппозиции к правительству. Согласно донесению, полученному сегодня от телеграфного агентства, его по этому поводу вызывали в Совет рабочих депутатов.

Имели место большие демонстрации в пользу мира, организованные студентами у Казанского собора, где произносились резкие речи против Англии и США и более умеренные против Франции. Убийство генерала Качалинского считается значительным событием, поскольку он был представителем нового правительства.

Анархия растет.

ЛЮЦИУС

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИД В СТАВКЕ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 687 Ставка, 7 мая 1917, 12. 15

Получено: 13. 30

Срочно!

Для господина рейхсканцлера

В дополнение к телефонному донесению. Главнокомандующий Восточными армиями телеграфировал Верховному главнокомандованию:

Доклад офицера разведки армии Эйхгорна⁹⁷

о разговоре с двумя русскими делегатами к югу от Двины

Оба делегата сказали, что 4 мая в Петербург были отосланы два курьера с целью заставить приехать на фронт Стеклова⁹⁸, первого заместителя Чхеидзе, поскольку последний не может отлучиться из города. Стеклов, по их словам, склонен к компромиссам, и поэтому он считает важным, чтобы наша сторона тоже выслала

члена партии. На вопрос, как воспринимается наша пропаганда, депутат ответил, что они не могут согласиться на аннексии. Если немцы с этим согласны, то русским ни к чему подлаживаться под Антанту -- они тогда заключат сепаратный мир. За излишек военнопленных Россия требует денежного возмещения.

На замечание офицера разведки о нашей большой оккупационной области и большом числе русских пленных по требованиям делегатов было совершенно очевидно, что Россия не будет строго придерживаться вначале

выдвинутого пункта о неприемлемости аннексий с нашей стороны. Он имел в виду, что при дипломатических переговорах при заключении мира может быть наконец достигнуто единство противоположных мнений. Далее обсуждались вопросы о всеобщей мирной конференции, о созыве которой должна позаботиться Россия. Депутаты спросили, последует ли офицер разведки приглашению в Петроград под охраной России, на что офицер разведки заметил, что все важные совещания должны иметь место на нейтральной территории, чтобы каждый представитель имел возможность сноситься со своим правительством. На предложение Австрии депутаты ответили, что стороны единодушны в том, что Галицию, разумеется, следует освободить.

Далее депутат сообщил, что начатая при старом правительстве конфискация немецкой частной собственности была приостановлена новым правительством. Комитет позаботится о том, чтобы вывезенное из Германии мирное население было отправлено на родину и чтобы до тех пор им по возможности облегчили условия пребывания в плену, так как "они ведь только выполняли свой долг".

Дополнение командующего восточным фронтом:

МИДу следует учесть этот момент: обменом интернированных мы докажем серьезность наших стремлений к улучшению отношений.

Далее делегаты сказали:

В России вопрос о том, кто первый начал войну, отошел на задний план. Единственный актуальный вопрос для всей страны-- это скорейшее заключение мира. На мои заверения относительно того, что мы не намерены начинать наступление, делегат ответил, что русская сто-

рона тоже не планирует ничего подобного. Стягивание русских войск носит чисто превентивный характер и делается в противовес стягиванию немецких войск, сообщение о котором они получили. При обсуждении этого вопроса опять стало очевидно, что предприятие в Стоходе вызвало недоверие на русской стороне. Офицер связи попросил разъяснений относительно радиопередачи от 30 апреля насчет обещания Алексеева" Хэйю (Алексеев обещает англичанину, что русская армия начнет наступление).

Далее офицер разведки заметил, что согласие может быть достигнуто лишь тогда, когда оба великих народа поймут, что они сами должны регулировать свои внутренние дела, без вмешательства посторонних. Делегат полностью согласился с этим заявлением и сказал:

"Если бы мы хотели добиться свержения кайзера, то по логике вещей мы должны были бы добиваться того же в Англии и Италии. Как сказал один русский: если у меня сварливая жена, которая мне осточертела, я прогоняю ее прочь, но не могу же я требовать от соседа, чтобы он прогнал свою жену, с которой он живет в ладу и согласии. "

При обсуждении вопроса о сепаратном мире делегат выразил свои сомнения насчет Японии. После обсуждения этого вопроса делегат сказал, что Россия должна получить мир, а не начинать новую войну.

Депутат просил приехать только по письменному приглашению Совета. Предпринимаемые в последнее время попытки переговоров с офицерами с белыми флагами, по его словам, служат лишь удовлетворению любопытства, и поэтому нежелательны.

Депутат русской армии Ромм, который не хочет вести переговоры с немцами, не знаком депутатам. Его высказывания в листовках им не нравятся, но они сказали: "Наше мнение не имеет никакого значения, такие люди будут всегда".

Депутат заявил также, что отношение к Германии становится с каждым днем лучше.

Генерал Людендорф просит Ваше превосходительство назначить для участия в переговорах надежного социал-демократа и члена национальной партии (в качестве противовеса, например, консерватора)¹⁰⁰. С военной стороны в качестве руководителя переговоров рассматривается кандидатура бывшего военного атташе в Париже полковника фон Винтерфельдта (сейчас главный квартирмейстер в Митаве), пользующегося полным доверием Вашего превосходительства. Может быть, Ваше превосходительство придаст ему молодого дипломата, который был бы в курсе дела.

Что касается места для переговоров, то генерал считает, что нейтральная территория исключается. Можно рассмотреть Митаву, Ригу или какое-нибудь место между линиями фронта, куда для переговоров проложили бы телеграфную связь.

Соображения Вашего превосходительства о присоединении Литвы и Курляндии с собственным герцогом я сообщил генералу Людендорфу. Он свяжется на этот счет с полковником. Слово "аннексии" следует заменить словом "исправление границ".

Генерал хочет знать мнение Вашего превосходительства.

ЛЕРСНЕР101

Телеграмма No 848

КАНЦЛЕР -- ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД ПРИ СТАВКЕ

Берлин, 7 мая 1917 г.

На телеграмму No 687

Я согласен с назначением полковника фон Винтерфельдта главой переговоров. Я также полностью согласен с тем, чтобы привлечь к участию в переговорах надежного социал-демократа, предположительно депутата Давида, проявившего понимание в проблеме "исправления границ" в отношении России, и члена какой-нибудь буржуазной партии. К относящимся к этому мерам уже приступили. Господину фон Винтерфельдту в качестве чиновника МИД будет придан тайный советник фон Розенберг. В выборе места переговоров я скорее предпочел бы Митаву или какое-нибудь место, находящееся между линиями фронта, чем Ригу, так как там наши представители подверглись бы излишней опасности покушений со стороны английских агентов. Целью переговоров должны стать, кроме уже установленных по прежним обменам мнениями пунктов, урегулирование торговых отношений (например, придя к соглашению, что действие старого германо-русского договора продлевается на неопределенный срок, до заключения обеими сторонами нового договора), а также урегулирование вопроса о возмещении убытков. Для этой цели МИД предлагает временно следующую формулировку:

"Каждая заключающая договор сторона возместит другой стороне убытки, которые были причинены ей на ее территории во время войны в отношении жизни, здоровья или имущества в нарушение правил ведения войны; возмещение убытков производится через посредство

смешанной комиссии, в которую входят представители обеих сторон, под руководством нейтрального лица".

Вопрос относительно обмена штатских пленных находится в стадии рассмотрения. Предложения на переговорах внесет представитель МИД. Соответствующее сообщение будет сделано.

Чтобы избежать в общении с русскими употребления слова "аннексия" и равно неприятного им выражения "исправление границ", мне кажется разумным рассмотреть предложенное по телефону соображение: позолотить для русских отказ от Курляндии и Литвы, сделав из них якобы самостоятельные государства, которые получат внутреннюю автономию и собственное управление, но в военном, политическом и экономическом отношении будут присоединены к нам.

БЕТМАН-ГОЛЬВЕГ

ЦИММЕРМАН

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИД ПРИ СТАВКЕ -- В МИД
ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 706 Ставка, 9 мая 1917, 14. 15

Получено: 15. 40

На телеграмму No 848

Генерал Людендорф телеграфировал командующему Восточным фронтом:

"1. Предложение русских вести переговоры со Стекловым принято.

2. В качестве места для переговоров русским предложена Ми-тава или место в районе 8-й армии между линиями фронта. На переговоры в нейтральном месте, ве-

роятно, можно было оказать влияние. Место на русской линии фронта следует отклонить из риска английских нападений.

В месте переговоров можно провести телеграфную [связь] для сообщения обеих сторон с их правительствами.

3. С немецкой стороны глава переговоров -- полковник фон Винтерфельдт и командование 8-й армией, участник переговоров -- представитель МИД, делегат социал-демократов Давид и представитель буржуазной партии, которого еще предстоит выбрать. Эти трое участников переговоров выедут немедленно и сообщат о своем прибытии в Митаву командованию 8-й армией.

4. Основой переговоров служат директивы от 29 апреля 1--3016 секретно.

5. Кроме того, будут обсуждены следующие вопросы:

а) урегулирование торговых отношений; поставка зерна Германии по льготной цене;

б) урегулирование возмещения убытков;

в) прекращение конфискации немецкой частной собственности со стороны России и возмещение убытков;

г) возмещение за содержание военнопленных и обмен, с учетом их необходимости для немцев до всеобщего мира;

д) обмен гражданскими пленными. Более подробные предложения внесет представитель МИД.

6. Русским следует облегчить отказ от земель Курляндии и Литвы следующим образом:

а) сославшись на то, что в противном случае к России будет предъявлено требование о денежном возмещении за военнопленных численностью более 1 млн. человек, все еще находящихся у нас.

б) подчеркнув, в процессе их присоединения к Германии, наше намерение и далее уважать национальные устремления литовцев и курляндцев. Литовцы не должны быть разделены.

Следует избегать определений "аннексия" и "исправление границ".

7. Вопрос о созыве всеобщей мирной конференции не подлежит обсуждению. Германия и Россия сами скорее договорятся друг с другом".

ГРЮНАУ

СОВЕТНИК МИССИИ ГЕРМАНИИ В БЕРНЕ -- ПОСЛУ
БЕРГЕНУ В МИД ГЕРМАНИИ

9 мая 1917 г.

Уважаемый г-н Берген¹⁰², г-н фон Ромберг был бы весьма благодарен за сообщение, исчерпываются ли Ваши русские связи одним Лениным и его группой или в них входят и ведущие эсеры (Чернов и его коллеги). Если Вы сами недостаточно информированы в этом вопросе, г-н фон Ромберг был бы признателен за немедленное наведение справок.

Он чрезвычайно заинтересован в скорейшем ответе и просит телеграфировать¹⁰³.

Ваш и пр. ШУБЕРТ

МЕМОРАНДУМ ВОЕННОГО АТТАШЕ ГЕРМАНСКОЙ
МИССИИ В БЕРНЕ

9 мая 1917г.

Из Чиассо получено следующее донесение от г-на Байера¹⁰⁴ по поводу поддержки движения за мир в России, датированное 4 мая.

Мне представился случай поговорить в Цюрихе с различными группами русских эмигрантов. То, что я услышал и увидел там, подтвердило донесение, посланное мною на днях, после бесед с д-ром Шкловским¹⁰⁵ и П. Аксельродом¹⁰⁶, и добавило новую информацию.

Я осторожно прозондировал ряд представителей различных групп пацифистского крыла социалистов, и они сказали, что было бы весьма желательно, чтобы систематическая, интенсивная и эффективная агитация в пользу мира поддерживалась бы

кем-нибудь из хорошо известных нейтральных товарищей. После того, как они выказали явную, и я бы сказал, радостную готовность принять финансовую поддержку именно для работы в пользу мира, я сказал, что, со своей стороны, был бы счастлив предоставить значительную сумму для такой благородной, гуманной и интернациональной цели. Более того, русская революция произвела такое великолепное впечатление и пробудила такие благородные импульсы, что и другие знакомые мне лица будут только рады пожертвовать большие суммы для поддержки русской революции, помогая добиться немедленного мира. Все эти предложения были приняты с большим удовольствием. Повторялась жалоба на то, что партии и группы, оппозиционные войне, имеют меньше средств в своем распоряжении, чем поддерживающие войну, поскольку последние контролируют государственные финансы. Важную роль играет английское золото, и Антанта расходует колоссальные средства для поддержки

военных усилий и подкупа влиятельных лиц. Поэтому они были бы счастливы, если бы сторонникам мира могли бы быть предоставлены большие суммы со стороны состоятельных товарищей и друзей. Что касается мира, почти все, с кем я говорил, были менее заинтересованы в общем мире, заключенном одновременно и с согласия других стран Антанты, чем в немедленном мире любой ценой, т. е. сепаратном мире с Германией и Австрией. После этого вопрос о путях и средствах, при помощи которых поддержка мирной пропаганды будет получена Россией и реализована для предназначенной цели, откристаллизовался и ряд конкретных пунктов:

1. Личность жертвователя гарантирует, что деньги идут из источника, не вызывающего подозрений;

2. Жертвователю или лицу, передающему деньги, по официальным или полуофициальным рекомендациям должен быть разрешен въезд в Россию с этими деньгами;

3. Так как деньги надо будет употребить немедленно, необходимо иметь их наличными, а не в виде аккредитивов, которые трудно будет реализовать, не привлекая внимания. Швейцарскую валюту было бы легче всего, наиболее эффективно и наименее заметно преобразовать в какую-либо ликвидную и полезную форму.

Вопрос о распределении средств между различными партиями, группами и лицами, которым должна быть предоставлена доля субсидии для агитации в пользу мира, уже обсуждался.

Они все показали, что есть готовность принять поддержку для обсуждаемой цели и что, с одной стороны, поскольку предложение исходит от меня -- это снимает

все их сомнения и возражения, несмотря на то, что, с другой стороны, было ясно, что мои личные

связи с официальными лицами в здешних правительственных кругах считаются большим преимуществом в практическом осуществлении проекта.

НАССЕ107

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ --
ГЕРМАНСКОМУ У В СТОКГОЛЬМЕ

Телеграмма No 227 Берлин, 9 мая 1917 г.

Д-р Гельфанд, хорошо известный во время русской революции 1905 г. под псевдонимом "Парвус", оказал нам ряд важных услуг во время войны, особенно работая при имперском после в Копенгагене и оказывая давление на датские профсоюзы в крайне благоприятном для нас направлении. С того времени д-ру Гельфанду было дано прусское гражданство. Сейчас он едет через Копенгаген в Стокгольм, куда предполагает прибыть в ближайшие дни, чтобы работать в наших интересах на предстоящем социалистическом конгрессе. Он постарается установить контакты также и со шведскими профсоюзами.

Я просил бы Ваше превосходительство быть благосклонным к д-ру Гельфанду, который позвонит в посольство, и оказывать ему возможную помощь.

ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ В ГААГЕ -- КАНЦЛЕРУ

Отчет No 2026 18 мая 1917 г.

Среди русских, живущих в Голландии, только в одном Роттердаме находится около 2600 мирных беженцев и 300 солдат из германских лагерей для военнопленных - наблюдается заметное недовольство местной русской

администрацией, и определенная часть этих людей симпатизирует русской революции.

Сейчас представилась возможность установить контакт с представителями этой группы, и похоже, что, как мы и думали, в этом случае сложившаяся ситуация может быть выгодно использована для достижения наших политических целей.

Речь идет о некоем Владимире Футране. Он, по-видимому, бежал из лагеря для военнопленных в Деберице. Он революционер группы Ленина и, хотя у него нет законченного образования, производит впечатление умного человека.

Конечно, невозможно сразу определить, насколько искренни его революционные убеждения, каковы побудительные причины его действий и какую долю в них составляют самоутверждение и материальная заинтересованность. В целом он производит впечатление политического фанатика, жаждущего мщения за несправедливость в отношении его самого или класса, к которому он принадлежит.

Во время первой конфиденциальной встречи между ним и д-ром Вихертом, имевшей место на нейтральной территории, Фут-ран высказал несколько очень полезных идей, которые, если к ним добавить наши соображения, складываются в определенный план:

1. Футран в сотрудничестве с единомышленниками организует "Русскую лигу мира в Голландии". Эта Лига будет открыто агитировать за немедленное начало русскими мирных переговоров и, соответственно, выступать против английской политики, направленной на продолжение войны, против английского империализма и против английского вмешательства в России. Все это будет

осуществляться через голландскую прессу, а также через листовки и другую литературу на голландском и русском языках.

2. Тот десяток русских революционных агитаторов, которые не будут заняты в запланированных действиях в этой стране, получит, после принятия всех необходимых мер предосторожности, разрешение поехать в Стокгольм на конференцию, а оттуда, может быть, дальше в Россию. Этим людям нужно будет поддерживать связь с Лигой мира в Голландии и снабжать ее необходимыми материалами.

3. С Лиги мира может начаться агитация среди русских военнопленных в Германии и Австрии. Такая агитация может быть направлена на помощь тем элементам внутри России, которые представляют для нас интерес в данный момент; например -- группа Ленина. С другой стороны, агитация с наименьшей пользой может проводиться и без специфической задачи, просто в расчете на ту роль, которую будут играть два миллиона возвращающихся военнопленных. Нужно будет тщательно разработать способы внедрения агитационных идей, распространения их и контроля. В настоящий момент не представляется необходимым решать этот вопрос в деталях.

Тем временем Футран представил первое свидетельство о своих способностях журналиста и пропагандиста. Статья из "Ньеве Роттердамше Курант" (14 мая 1917 г.), которую я прилагаю, заканчивается яростными нападка-ми на Англию; она была сразу же перепечатана гаагской газетой "Хет Фатерланд" (15 мая). Эта статья есть непосредственный результат тех отношений, которые сложились между автором и Вашим покорным слугой.

Мы всячески поощряем г-на Футрана на дальнейшие действия, но в то же самое время держим его в зависимости от себя настолько, что можем по своему усмотрению влиять на вышеупомянутые аспекты плана.

Если после этого многообещающего начала он добьется положения в голландской прессе и поставит на ноги "Лигу мира", то игра уже будет стоить свеч. А вышеупомянутый план, вероятно, открывает еще большие возможности.

Ввиду описанных выше обстоятельств, я осмеливаюсь предложить Вашему превосходительству следующее: дать мне полномочия воспользоваться представившейся возможностью и выдать деньги, необходимые г-ну Футрану для ведения агитации среди его соотечественников в Голландии (что, по возможности, должно охватывать как можно больше людей) и для его работы в голландской печати. На первый месяц вряд ли понадобится более 600 гульденов, и этот месяц будет рассматриваться в качестве испытательного срока. Однако эти действия вполне могут быстро достичь неожиданно большого размаха, и именно поэтому я был бы благодарен за большую сумму денег с самого начала - скажем, 3 или 4 тысячи гульденов¹⁰⁸.

Я буду иметь честь докладывать Вашему превосходительству через определенные промежутки времени о дальнейшем развитии этого дела и о практическом воплощении его после испытательного срока.

РОЗЕН

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК

В БОЛГАРИИ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма №5 21 мая 1917, 20. 40

Получено: 22. 55

Сегодня днем [генерал] Драгомиров письменно подтвердил получение письма от командующего восточным фронтом. В ближайшие дни от него больше ждать нечего. Депутаты, которые хотели приезда Стеклова, пока, кажется, ничего не добились. Поэтому полковник фон Винтерфельдт и оба наших делегата завтра или послезавтра отбывают в Митаву или Берлин. Я в среду днем буду в МИДе.

РОЗЕНБЕРГ

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -

ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЕ

Телеграмма № 1010 Берлин, 29 мая 1917 г.

Посланник в Софии телеграфировал нам от 28 мая следующее:

"Во время моего последнего визита М. Радославов выразил сомнение в способностях Керенского к эффективным действиям и сказал, что, если дела пойдут так и дальше, нам нужно будет решить, оставаться ли нам просто зрителями или двинуться в наступление.

Радославов говорил об этом и с моим австро-венгерским коллегой, который сообщил мне, что он согласен с Радославовым и что мы, если, конечно, будем располагать достаточными силами, должны объявить России сроки, после истечения которых мы перестанем считать наши гарантии мира обязательными для себя.

Добрович, глава Тайного Совета (считают, что он выражает мнение Его Величества), когда я обратился к нему за разъяснениями, посоветовал придерживаться линии активных действий, сказав, что Россия уже достаточно долго пользуется перемирием и не соблазнится на предложение сепаратного мира.

Король Фердинанд и М. Радославов во время своего предстоящего визита поднимут, вероятно, эти вопросы".

Я же и сейчас придерживаюсь мнения, что наступать мы не должны, так как это сплотит все элементы в России в борьбе против нас. С другой стороны, мне кажется, стоит решить, не прекратить ли на время переговоры между окопами на передовой, приведя русским в качестве причины довод, что мы не ожидаем от этих переговоров никакого результата, поскольку Временное правительство, под давлением Франции и Англии, решило продолжать войну. Это надо сказать им в такой форме, чтобы они не заподозрили нас в намерении перейти в наступление.

ЦИММЕРМАН

Телеграмма No 938

КАНЦЛЕР -- В МИД ГЕРМАНИИ

Берн, 29 мая 1917, 23. 30 Получено: 30 мая, 4. 45

Совершенно секретно!

Государственный советник Гоффман сегодня прочитал мне телеграмму советника Гримма из Петербурга, пересланную ему через посредство швейцарского посланника.

"Влиятельные круги в Петербурге понимают, что по причинам политического, военного и экономического ха-

рактера нужно заключить мир. Франция тормозит этот процесс, Англия -- препятствует ему. В ближайшее время следует рассчитывать на усиление давления на мирное движение.

Вопрос о рабочей конференции в Стокгольме развивается в благоприятном направлении. Развитию дел в России в сторону мира может помешать лишь наступление Германии. Поэтому он, Гримм, просит советника Гоффмана, сообщить ему наши военные цели (если Гоффману они известны), чтобы он мог продолжать свою деятельность в Петербурге на основе этих данных. Он пробудет в Петербурге еще десять дней".

Советник Гоффман попросил меня просить Ваше превосходительство дать ему какие-нибудь сведения относительно наших военных целей, которые он мог сообщить Гримму. Он считает полезным и далее не обрывать ниточку, которую Гримм протянул к значительным фигурам в Петербурге.

Относительно наступления я сказал советнику Гоффману, что я полагаю, что могу заверить его, что мы о таком не думаем.

Прошу сообщить ответ телеграммой.

БЕТМАН-ГОЛЬВЕГ

ГЕНЕРАЛ ЛЮДЕНДОРФ -- СТАТС-СЕКРЕТАРЮ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Телеграмма No 19930 Ставка, 30 мая 1917 г.

Посылаю Вашему превосходительству отчет полковника фон Вин-терфельдта о беседе с депутатом рейхстага Давидом. Полагаю, что у тайного советника миссии фон Розенберга сложились такие же впечатления.

Вероятнее всего, Ваше превосходительство смогут убедиться по этому отчету в том, что господин Давид -- неподходящая канди

датура для ведения переговоров с русскими на предмет заключения мира. Кроме всего прочего, ему не хватает уверенности в нашем будущем.

ЛЮДЕНДОРФ

ПРИЛОЖЕНИЕ М 1

Ставка, 27 мая 1917 г.

Господину начальнику генерального штаба армии:

Прилагаю отчет полковника фон Винтерфельдта о беседе с депутатом рейхстага Давидом.

Давид и здесь, в Брест-Литовске, воспользовался возможностью изложить мне эти же идеи. Я, так же, как полковник фон Вин-терфельдт, старался доказать ему необходимость удержать здесь, на востоке, земли для поселенцев.

Я думаю, что ознакомительная поездка, доклады у руководства, осмотр лесопильных заводов и прочих заведений оказали свое воздействие на депутата Давида.

ГОФФМАН

ПРИЛОЖЕНИЕ М 2

Митава, 24 мая 1917 г.

Беседы с депутатом рейхстага Давидом Конфиденциально

Депутат Давид в последний день нашего совместного пребывания, кроме предыдущих бесед, исчерпывающе разъяснил мне в присутствии тайного советника фон Розенберга и депутата фон Вин-терфельдта-Мейкена свою

точку зрения и цели и течения внутри его партии. Сначала он подчеркнул, что его высказывания носят строго конфиденциальный характер. Он предположил, что тайный советник фон Розенберг сообщит содержание его высказываний своему начальству, а я доложу командованию армии. Но если его высказывания, в которых он, учитывая важность наших встреч, будет гораздо более откровенен, чем это полагалось бы в нормальных обстоятельствах для руководителя партии в отношениях с представителями других политических течений, станут известны более широким кругам, и особенно среди его товарищей по партии, или же будут использованы в пропагандистских целях, тогда его место и влияние внутри партии окажутся под серьезной угрозой.

Прежде чем изложить в общих чертах высказывания доктора Давида, я хотел бы разъяснить, какое впечатление о его позиции в вопросе о заключении мира сложилось у меня за несколько

дней нашего общения. Полагаю, что доктор Давид лично искренне желает заключения мира на условиях, благоприятных для будущего немецкого народа. Он очень умный человек и похоже, он меньше подвержен гипнозу догм и лозунгов, чем это водится среди членов его партии. Но он хочет, чтобы цель, ради которой он готов действовать, была бы достигнута в форме, созвучной социалистическим принципам, чтобы он мог отчитаться в своей позиции перед своей партией. Поэтому он, конечно, хотел бы расширения земель на востоке в пользу Германии, при условии, что у России не возникнет никаких претензий по этому поводу, которые могли бы повлиять на наши будущие отношения, и что населению областей, отделяемых от России, была бы предоставлена возможность в какой-либо форме, напоминающей право народов

на самоопределение, заявить о своей согласии с новым порядком вещей. Вероятно, доктор Давид возлагает большие надежды на тесный союз Германии с демократической Россией, чтобы с помощью созданного таким образом блока суметь оказать сопротивление Англии. Но вообще господин Давид полон сомнений относительно будущей позиции своей партии, а также дальнейшей стойкости наших союзников; он очень высоко оценивает средства принуждения и волю к победе наших противников, выражает скептицизм насчет практических последствий успехов наших подводных лодок, наше экономическое положение представляется ему очень тревожным, особенно в плане сырья, и он опасается, что если война затянется -- будущей зимой можно ждать самого плохого. Поэтому, по его мнению, время: в ближайшие месяцы не будет работать на нас, и он считает необходимым скорейшее заключение мира. Если расширение территорий, к которому мы стремимся и которое он также приветствует, помешает достижению этой цели, то от этого, по его мнению, следует отказаться, чтобы не сорвать заключение мира. Следовательно, при таком пессимистическом расположении духа нельзя ожидать, что доктор Давид будет самоотверженно отстаивать наши требования. Он будет сражаться, как генерал, который с самого начала боя думает об отступлении и может пасть, как только возникнут значительные трудности.

О положении внутри его партии доктор Давид высказался следующим образом: он лично и руководители социал-демократического большинства еще и сегодня стоят на позиции, занятой в начале войны, защищать страну в час опасности, но немедленно протянуть противнику руку для заключения мира, если такой мир гарантирует существование и будущее немецкого народа.

Поэтому надо соглашаться на военные кредиты, избегать забастовок и волнений, разъяснять рабочим массам необходимость стойкого поведения! Но он не стал скрывать от нас, что по мере хода войны, в связи с ухудшением экономического положения и

возрастающими трудностями с продовольствием руководителям партии и профсоюзов становится все труднее обосновывать свои позиции. Все громче раздаются голоса тех, кто считает, что война слишком затянулась, что только страсть определенных кругов к завоеваниям отпугивает наших врагов и мешает миру, но что все равно хуже уже быть не может, и поэтому нужно как можно скорее заключить мир, даже с риском пойти на уступки и принести какие-то жертвы. При этом нельзя не учитывать также воззрения тех, кто связывает с неблагоприятным для Германии исходом войны крушение нынешней системы, банкротство буржуазии и тем самым. осуществление своих социалистических чаяний. Перед лицом такого положения дел мы должны стремиться к тому, чтобы незамедлительно использовать каждую возможность мира и ни в коем случае не обрывать едва завязавшуюся нить переговоров, выдвигая неприемлемые для противника требования. Но если выяснится и станет известно социал-демократам -- а это несомненно произойдет по линии Петербург-- Стокгольм -- что. имелась возможность для заключения мира, которую мы уничтожили, выдвинув неприемлемые требования, то руководители его партии более не смогут держать своих людей в узде. Партия распадется, руководство сойдет со сцены и в результате начнутся забастовки, беспокойства, все это докатится до фронта и в итоге дело может кончиться революцией.

Мои сотрудники и я и во время предыдущих бесед, и в заключение нашей встречи всеми силами пытались убе-

доть доктора Давида в том, что у нас хорошие перспективы и что самое многообещающее -- это в решающий момент, в момент, когда мы наверху, поразить нашего злейшего врага в самое сердце, раньше времени выбить у него из рук оружие. Если же мы будем излишне усердно подчеркивать наше стремление к миру и нашу готовность на любые компромиссы и уступки во имя заключения мира, то наши противники несомненно расценят это как признак слабости и это обесценит все наши победы. Мы пытались доказать доктору Давиду, что дурной мир, даже если по нему Германия внешне будет установлена в прежних границах, на деле не восстановит "статус кво анте", но создаст ослабленную Германию, возможности развития которой будут резко ограничены. Поэтому важнейшая задача руководителей -- разъяснить рабочим и партийцам, что такое положение с чисто практической точки зрения, независимо от каких-либо патриотических мотивов, чревато самыми страшными опасностями для каждого. Сейчас каждый немец должен решить, хочет ли он обеспечить себе и своим близким работу, хлеб и перспективы, или же он готов под давлением беспощадного врага взвалить себе на плечи безрадостную участь народа, у которого перебиты крылья. В этой связи мы просили доктора Давида подумать также о том,

что, кроме членов его партии, есть еще миллионы немцев, которые думают иначе и которые больше всего хотят достичь такого мира, который обеспечил бы Германии счастливое будущее и был бы достоин принесенных жертв.

Хотя в разговорах с доктором Давидом мы подробно обсудили все пункты и осветили все противоречия между позициями обеих сторон, беседы эти, тем не менее, велись с соблюдением всех формальностей, в обстановке

взаимной вежливости и доброжелательности. Поэтому я не считаю эти переговоры совершенно бесполезными. Насколько наши аргументы повлияли на доктора Давида и насколько впечатления от его поездки по оккупированным областям настроили его в духе, полезном делу, -- мы сможем убедиться вскоре, самое позднее в Стокгольме, куда господин Давид предполагает отбыть в конце месяца.

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК В БЕРНЕ В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 956

Берн, 30 мая 1917 г. Отправлено: 31 мая, 0. 30 По-
лучено: 7. 50

К телеграмме No 938

Совершенно секретно!

Советник Гоффман сказал мне, что он сильно сомневается насчет того, что Гримму следует дать позитивные данные о наших военных целях, так как тогда Гримму пришлось бы выступить в роли официального посланника, к которой его положение его не располагает. Он, напротив, рекомендовал Гримму какие-то общие установки, которые он мог бы использовать для укрепления в России партии сторонников мира¹⁰⁹.

РОМБЕРГ

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- В МИССИЮ В БЕРНЕ

Телеграмма M 641 Берлин, 31 мая 1917 г.

Совершенно секретно!

Ответ на телеграммы No 938 и 956

Ваше превосходительство сообщит советнику Гоффману строго конфиденциально следующие общие пункты нашей мирной программы в отношении России, предоставив на рассмотрение ему соответствующее использование этих сообщений с советником Гриммом. Возможно, было бы желательно, чтобы Гоффман при этом сослался не на официальное заявление императорского правительства, но на собственное впечатление, которое он вынес из многочисленных бесед с Вашим превосходительством и другими видными деятелями Германии.

В случае, если сейчас дело дошло бы до заключения мира с Россией, мы готовы ограничиться следующими условиями:

1. Для обеих сторон -- почетный мир как основа прочных дружеских отношений между Германией и ее восточным соседом. Финансовая помощь России при восстановлении ее экономики; тесные торговые и экономические связи.

2. Невмешательство во внутренние дела России.

3. Дружественное соглашение о Польше, Литве, Курляндии с учетом национальных особенностей, языка, культуры и религии населения. При регулировке западной границы Польши возвращение оккупированных областей России, которая, в свою очередь, возвращает оккупированные области союзникам Германии.

4. Никаких возможностей для закрепления Англии на острове Сарема, в Даго или других пунктах России.

5. Скорейший обмен военнопленными. Расчет по расходам обеих сторон на их содержание.

6. Обмен штатскими пленными. Свободное возвращение изгнанных русских немецкого происхождения.

7. Восстановление граждан обеих государств в правах. Возмещение утраченной частной собственности.

8. Мы и наши союзники в любое время готовы вступить в переговоры с союзниками России по желанию последних.

9. Для обеспечения подробной разработки условий заключения мира -немедленно объявить перемирие.

Мы не будем предпринимать наступление, пока существует возможность для мирного договора с Россией.

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ПОСЛУ В БЕРНЕ

Телеграмма No 658 Берлин, 3 июня 1917 г.

На телеграмму No 967110

Секретные донесения свидетельствуют о том, что правительства стран Антанты продолжают проявлять большое беспокойство относительно России. Распространение идеи о мире не приостановилось даже после недавней -- и только временной -- консолидации Временного правительства. Отчаянное продвижение русских войск не может скрыть растущую дезорганизацию и нежелание русской армии воевать. Ленинская пропаганда мира усиливается, и тираж его газеты "Правда" уже достиг 300000 экземпляров. Военные заводы или бездействуют, или выпускают очень мало продукции. Кризис на транспорте углубляется, и в результате страдает снабжение городов продовольствием. Поэтому с этой стороны Антанта не может рассчитывать на какую-либо помощь.

ЦИММЕРМАН

КАРЛ I -- ВИЛЬГЕЛЬМУ II

Люксембург, 7 июня 1917 г.

Глубокоуважаемый друг!

Различные аутентичные сообщения, поступающие ко мне с русского фронта, не оставляют никаких сомнений в том, что Россия прекратит враждебные действия, как только будет уверена в том, что Германия, так же как Австро-Венгрия, примет статус кво анте беллум.

Требование Твоего правительства о значительном расширении границ на русской территории вызвало в России бурную реакцию и, к сожалению, заново разожгло военные страсти. Я знаю, что ты, как и я, желаешь конца этой проклятой войны и я уверен, что ты был бы готов любой ценой нейтрализовать Россию, поскольку это гарантировало бы нам верную победу. К сожалению, я не могу скрыть от тебя, что положение здесь все осложняется и население моего государства -- в особенности не немецкое большинство -- все больше недоумевает, почему мы не кончаем войну. Пока люди думали, что мы не можем кончить войну, они мирились с этим, но сейчас им кажется, что имеется возможность договориться с Россией и что эту возможность исключают требования Германии.

Почтенный друг, ты знаешь меня и мои намерения, ты знаешь, что я желаю одного, довести войну до конца, приемлемого для наших обеих государств, но я слукавил бы перед тобой, не сказав открыто, что эта новая фаза возобновления русской войны внушает мне серьезные опасения. Мы с тобой обсуждали тему династического момента и европейской революции и, мне кажется, прекрасно поняли друг друга. Я еще раз призываю тебя во имя династического принципа совместно со мной

предпринять все,, чтобы закончить войну, и прошу тебя передать твоему правительству, что оно вместе с нами может сделать Петербургу предложение заключить мир на основе статуса кво анте беллум.

Если Россия заключит сепаратный мир или неофициально выйдет из войны, за ней вскоре последует Италия. Но тогда у меня высвободится большое число войска, которое я смогу использовать в Румынии, Болгарии и Турции, в то время как ты смог бы снова стянуть на твой западный фронт значительные силы.

Мир с Россией -- ключ к ситуации. После его заключения война быстро придет к благоприятному для нас окончанию.

Посылаю тебе с этим письмом капитана Флейшмана, прикомандированного к восточному отделу.

Целую ручку императрице.

С самым сердечным приветом,

твой преданный друг КАРЛ 111

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ --
ГИНДЕНБУРГУ112

Берлин, 7 июня 1917 г.

Совершенно секретно

К посланию No 19930 от 30 мая

Чсть имею с благодарностью вернуть назад Вашему высочеству сообщение полковника фон Винтерфельдта и сообщение командующего Восточным фронтом о разговоре с депутатом рейхстага доктором Давидом.

Высказывания полковника фон Винтерфельдта совпадают с моей собственной точкой зрения и впечатлени-

ями, о которых сообщил мне тайный советник фон Розенберг. Из них следует, что доктор Давид склоняется к тому, чтобы при суждениях о нашем положении и при оценке наших перспектив особенно выделять, наименее благоприятные моменты. В частности, его беспокоит соображение, что срыв возможности заключения мира из-за неуме

Документы

ренных немецких требований может привести к разрыву с нашими союзниками и вызвать, вкупе с экономическими трудностями, антивоенные настроения у рабочих, вожди которых уже не в состоянии справиться с ними. С другой стороны существенно, что доктор Давид всячески приветствует расширение власти и территорий, если их возможно провести, не продолжая войну. Он лишь желает, чтобы при этом по возможности учитывались социалистические стремления, в частности право народов на самоопределение. Но это желание объясняется не столько доктринерскими соображениями, сколько допущением, что осуществление наших требований таким образом вполне возможно и не будет осложнять наши будущие отношения с соседскими государствами. Для доктора Давида интересы отечества, несомненно, важнее интересов партии и ее доктрин. Он знает, что будущее рейха и, не в последнюю очередь, благополучие рабочего класса зависят от исхода войны, и он явно готов делать все, что в его силах, чтобы способствовать благоприятному исходу. Поэтому я считаю, что из всех делегатов социал-демократической партии именно с доктором Давидом будут связаны наименьшие неудобства при мирных переговорах.

Другое дело -- желательно ли вообще участие социалистов в мирных переговорах. Я бы в принципе ответил на этот вопрос отрицательно, и свою точку зрения по этому вопросу я уже высказывал в середине апреля правительству Австро-Венгрии. Когда Ваше высочество в телеграмме от 7 мая попросило меня назвать имя социал-демократа для переговоров на Восточном фронте, я отбросил все свои сомнения, так как русские депутаты на Десне подчеркнули, что Стеклов якобы желает поговорить с немецким товарищем по партии. Однако, судя по положению дел, переговоры со Стекловым вряд ли состоятся, так что миссию обоих наших депутатов, посланных на Восточный фронт, можно пока считать законченной. Если русская сторона предпримет серьезные попытки завязать переговоры, я бы порекомендовал подумать о том, нельзя ли обойтись по возможности без участия депутатов. На случай, если это не удастся, если -- по желанию русских -- придется привлечь парламентских представителей, вряд ли нам удастся обойтись без социал-демократической партии. В этом случае я бы рекомендовал, по вышеперечисленным причинам, вновь вернуться к кандидатуре доктора Давида.

ЦИММЕРМАН

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК

В СТОКГОЛЬМЕ -- СТАТС-СЕКРЕТАРЮ

ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

15 июня 1917 г.

Шейдеман был вчера принят посланником, который, со своей стороны, тоже хотел с ним познакомиться. Я видел г-на Линдма-на¹¹³ сразу же после этого, и он высказал мне свое глубокое уважение "к этому мудрому и ум-

ному человеку". Линдман считает, что самое главное -- это продолжение переговоров; неважно, в Петрограде или здесь, с группой Шейдемана или с меньшинством. Я теперь, как и Янсон, Бааке и др., думаю, что необходим прямой контакт между нашими социалистами и русскими представителями. На самом деле не имеет значения, что русские -- что вполне естественно -предпочитают говорить с Каутским¹¹⁴ и Ко. Поскольку Брантинг, как и следовало ожидать, вел себя во время дискуссий враждебно, было бы разумно совсем отстранить его от будущих переговоров, в которых будет участвовать партия большинства. Мы убедим и русских, и наших социалистов в том, что Брантинг на самом деле никакой не социалист, а замаскированный капиталист, что у него масса денег, он обожает шампанское и ведет разгульную жизнь. Здешние русские и немцы могут в любой момент сами убедиться в этом.

Сюда наконец приехал представитель русского Совета солдатских и рабочих депутатов -- и это очень хорошо. Его зовут Вейнберг¹¹⁵. Наши социалисты отложили из-за этого свой отъезд. Вероятно, небольшая делегация останется здесь в любом случае. Я думаю, что французы и англичане, видя, что мы действительно ведем переговоры с русскими прямо и без посредничества третьих лиц, забеспокоятся и сделают все возможное, чтобы, вопреки всем препятствиям, принять участие в конференции. Я не могу поверить в то, что французскому правительству удастся не пустить своих социалистов на конференцию, сюда или в Петроград, отказав им в паспортах. Забастовки во Франции уже приняли революционный характер, и имущие классы начинают проявлять серьезное беспокойство. Валленберг, с которым я поддерживаю прямые контакты из-за его прекрасных связей с

высшими банковскими кругами Лондона и Парижа, любит говорить, что француз скорее даст себя расстрелять, чем откажется от своих денег. По мнению Линдмана, наиболее неблагоприятным фактором является ситуация в Англии. Ллойд Джорджу¹¹⁶ решительно все равно, что продолжение войны может привести к революции и свержению монархии. Линдман даже считает, что Ллойд Джордж да

же стремится к этому, причем не только в Англии, но и во всех других монархических государствах.

Ваше превосходительство получит подробную информацию о событиях здесь от Янсона. Хотя в предварительных переговорах достижений немного, я уверен, что машина закрутилась и мы наладим прямые контакты с русскими, а Брантинг не сможет этому помешать. [...]¹¹⁷

Ваш и т. д., ЛЮЦИУС

фельдом не было достигнуто соглашения. Большевики, отмечающие любое предложение о сотрудничестве с "социал-патриотами", возмущены тем, что немецкие левые социалисты хотят вести переговоры с "социал-патриотами" -сторонниками Антанты. По этому поводу газета дает следующий комментарий:

"Участие немецких социал-патриотов в этой "работе за мир", конечно, им очень неприятно, но чтобы иметь удовольствие встретиться с отцами русского наступления, они готовы -- конечно, протестуя, -- согласиться даже на это несчастье. Русские рабочие хотели бы знать, каково отношение группы "Спартак" к этому решению, принятому независимыми".

Согласно сообщениям из Петрограда, в здешних газетах, а также из других источников явствует, что влия-

ние группы Ленина, к сожалению, уменьшилось. При голосовании решения о доверии Временному правительству--решения, более или менее положившего конец обсуждениям в Советах рабочих и солдатских депутатов -- большевики, при поддержке социал-демократов интернационалистов и украинцев, собрали всего 126 голосов, в то время как большинство располагало 543 голосами. Ослабление влияния большевиков вызвано частично наступлением, а частично необычностью требований группы Ленина. Эти требования, наиболее крайним из которых является экспроприация крупных капиталистических концернов (особенно всех банков и крупных промышленных и коммерческих предприятий) и крупной земельной собственности, имеют целью отделение всех входивших в империю народов от России и их формирование в самостоятельные республики. Однако надо добавить, что по украинскому вопросу большевики несколько изменили свою позицию и сейчас они требуют для Украины только большей автономии, но не полного отделения. "Правда" от 28 июня пишет:

"Провал политики Временного правительства и его коалиционного кабинета очевиднее день ото дня. "Универсал", опубликованный Украинским центральным советом и принятый Всеукраинским солдатским съездом 11 июня -документальное свидетельство этого провала. В этом акте говорится: "Украинский народ должен иметь право распоряжаться собственной жизнью в собственной стране, не отделяясь от России и не отрываясь от русского государства. Только наша украинская ассамблея имеет право принимать законы, гарантирующие порядок на Украине, законы, относящиеся к поддержанию порядка во всем Русском государстве должны приниматься Всероссийским парламентом".

Это весьма выразительное высказывание. Оно ясно говорит о том, что украинский народ в настоящее время не желает отделяться от России. Он требует автономии, но ни в коей мере не оспаривает необходимости или суверенности "Всероссийского парламента".

Примечательно, что Петроградский совет казаков высказался против отделения Украины. Хотя большинство казаков родом с Украины и хотя они всегда придавали значение определенной степени автономии, они, тем не менее, понимают, что исторически они являются неотъемлемой частью русской армии. Более того, они сыграли такую важную и славную роль в борьбе против либеральных и демократических сил, устраивавших революции, что вряд ли можно ожидать от них симпатии по отношению к партиям, стремящимся разделить Россию.

Честь имею приложить вырезку из хельсинской газеты "Волна", в которой резко критикуется наступление

ШТОББЕ

МЕМОРАНДУМ ДЛЯ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Берлин, 17 июля 1917 г.

У д-ра Гельфанда, который вернулся из Стокгольма, сложилось благоприятное впечатление от многочисленных бесед с русскими революционерами. Он говорит, что влияние Ленина и других групп, борющихся за мир, продолжает расти, вопреки всем заявлениям о противном, появляющимся в прессе стран Антанты. Наступление имело место только потому, что американцы и англичане поставили его условием предоставления денег и сырья, в частности, хлопка. Солдат удалось поднять в наступление лишь словами, что они ведь сами видят, что перегово-

воры, начатые сразу же после революции, не привели к заключению мира, тогда как успешное наступление сможет быстро и определенно привести к этой цели. Разочарование уже наступило, и оно выльется в дальнейшее разложение армии, достигшее уже такой степени, даже до наступления, что военные устами Брусилова¹²⁵ утверждают, что полный распад вооруженных сил можно предотвратить только немедленным наступлением. К этому следует добавить: в этом году был плохой урожай. Русские, живущие в Стокгольме, утверждают, что только 30 % обрабатывавшейся до войны площади было засеяно в этом году. Гельфанд считает это преувеличением, но думает, что реальная цифра вряд ли превосходит 50%.

Гельфанд сообщил мне также, попросив сохранить это в строгом секрете, что на конгрессе, который начнется в Стокгольме в середине августа, русские не позволят обсуждать вопрос о виновниках войны. Они хотят не спорить, а делать полезную работу для подготовки мира. Точно так же они не хотят, чтобы их втягивали

в обсуждение французских притязаний на Эльзас-Лотарингию, и надеются, что и этот вопрос можно будет обойти. Однако в данный момент надо очень стараться, чтобы англичане ничего не пронюхали заранее и не помешали бы присутствию французов Гельфанд был вызван на 18 часов, согласно инструкции¹²⁶

КАНЦЛЕР -- ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД ПРИ СТАВКЕ

Телеграмма No 1328 Берлин, 26 июля 1917 г.

На основании телеграммы No 52751 оперативного отдела подполковнику фон Хефтену прошу передать генералу Людендорфу следующее: исполнение приказа 1а 4000, данного командованию Восточным фронтом и армейской группе Макензена¹²⁷, будет означать новое

предложение мира России иди в конце концов будет истолковано как таковое русской прессой и русским общественным мнением. Я не считаю данный момент подходящим для такого шага. Если наше контрнаступление достаточно сильно, чтобы заставить нынешних правителей России испугаться его продолжения, тогда они -- или, в случае их падения, их преемники -- сами постараются вступить с нами в переговоры. Если оно недостаточно сильно, тогда эти шаги, предпринимаемые к тому же в крайней спешке, могут только повредить. Поэтому я буду весьма признателен, если подготовлявшееся заявление будет временно отложено и если генерал Людендорф предоставит мне возможность высказать свое мнение до того, как он сформулирует новые принципы ведения пропаганды на фронте. Мы должны быть очень осторожны, чтобы литература, с помощью которой мы стремимся усилить процесс распада внутри России, не дала прямо противоположных результатов. Это особенно относится к сепаратистским движениям, на которые смотрят очень косо. Украинцы, например, отбрасывают идею о полном отделении от России. Любое открытое высказывание в пользу самостоятельной Украины, исходящее от нас, несомненно будет использовано врагами для дискредитации существующих националистических течений как инспирированных немцами.

МИХАЭЛИС

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК

В КОПЕНГАГЕНЕ --В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1044 10 августа 1917 г.

Отправлено: 11 августа, 12 ч. 40 м.. Получено: 11 августа, 17 ч. 45 м.

20 июля русская газета "Речь" объявила, что два немецких офицера генштаба по фамилии Шигицкий и Люберс рассказали русскому прапорщику Ермоленко¹²⁸, что Ленин -- немецкий агент. Там говорится также, что Яков Фюрстенберг [Ганецкий] и д-р Гельфанд (Парвус) тоже немецкие агенты, действующие в качестве посредников между большевиками и немецким имперским правительством.

Я считаю необходимым, во-первых, выяснить, существуют ли в генштабе офицеры Шигицкий и Люберс¹²⁹, и затем, если это вообще возможно, категорически опровергнуть сообщение "Речи".

"Речь" также заявляет, что, согласно телеграфным сообщениям из Копенгагена, Гаазе, немецкий социал-демократ и член рейхстага, сказал в беседе с одним русским журналистом, будто Гельфанд был посредником между правительством и русскими большевиками и доставлял им деньги.

Прошу проинформировать меня по телеграфу.

БРОКДОРФРАНЦАУ

НОТА ТРАУТМАННА

15 августа 1917 г.

Сегодня я предложил господину Эберту послать человека в Стокгольм, чтобы воспользоваться возможным разочарованием: русских. Он согласен со мной и примется за дело немедленно.

Эберт сообщил мне, что в Вене состоится общая конференция-социал-демократов Центральных держав и что они совместно выпустят важное сообщение.

Эберт не слишком надеется на твердости позиции социал-демократических партий наших противников в отношении их правительств, а также французов. Но он надеется, что и в этих странах волна мирного движения не-удержимо захлестнет также и-партии.

В сегодняшней статье в "Форвертс"¹³⁰ наши социал-демократы заявили о своей готовности вести переговоры с русскими в непредставительном парламенте.

Т. РАУТМАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛАННИКУ В КОПЕНГАГЕНЕ

Телеграмма No 608 Берлин, 18 августа 1917 г.

На телеграмму No 1044

По нашему наущению подозрения, что Ленин -- немецкий агент, энергично опровергаются в Швейцарии и в Швеции. Таким образом, впечатление от этого сообщения, исходящего якобы от немецких офицеров, разрушено.

Утверждение, якобы высказанное Гаазе, отрицается.

БУСШЕ

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД ПРИ СТАВКЕ

Телеграмма No 1610 Берлин, 29 сентября 1917 г.

Для информации Верховного главнокомандования армии

Военным операциям на Восточном фронте, подготовленным в большом масштабе и выполненным с успехом, сильно помогает интенсивная подрывная деятельность внутри России, организованная министерством ино-

странных дел. Мы заинтересованы, в первую очередь, в возможно большем развитии националистических и сепаратистских устремлений и поддержке революционных элементов. Мы занимаемся этим уже довольно долгое время в полном соответствии с указаниями политотдела генштаба в Берлине (ка-питан фон Хюльзен¹³¹). Наша совместная работа принесла ощутимые плоды.

Без нашей постоянной поддержки большевистское движение никогда не смогло бы достигнуть такого размаха и влияния, какое оно сейчас имеет. Все говорит за то, что это движение будет расти и дальше, так же, как и финское и украинское сепаратистские движения.

Согласно полученным здесь последним отчетам, положение России таково, что страна, экономическая жизнь которой расшатана, и которая держится только усилиями английских агентов, может развалиться в результате любого достаточно сильного внешнего толчка. Весьма сведущий в русском вопросе специалист шведского министерства иностранных дел сказал, что влияние

Англии зависит от состояния железной дороги между Петроградом и Хапарандой, по которой могут следовать лишь пассажирские поезда и почта.

Как известно Верховному главнокомандованию, подготовка к восстанию финнов идет полным ходом и получает значительную поддержку. Однако маловероятно, что финны продержатся целую зиму, если они разочаруются в нас осенью и снова попадут в зависимость от России из-за нехватки продуктов, ожидаемой весной.

С другой стороны, учитывая слабость русских, можно ожидать, что финское восстание разразится сейчас и будет успешным, если мы сохраним уверенность финнов в нашей помощи (чувство, которое служит нашим интере-

сам), оккупировав Аландские острова, господствующие над Ботническим заливом, и заставив русское Верховное главнокомандование отвести часть войск, дислоцированных в Финляндии, усилив давление на них на фронте¹³².

К Ю Л Ь М А Н гаэ

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК

В СТОКГОЛЬМЕ --В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1796 8 ноября 1917, 17. 05.

Получено: 8 ноября, 20. 10

Для Бергена

Вышлите, пожалуйста, 2 млн. из военного займа на условленные расходы. Рицлер.

ЛЮЦИУС

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК

В СТОКГОЛЬМЕ-- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1794 8 ноября 1917, 17. 45

Получено: 21. 45

Настоятельно рекомендую не публиковать в немецкой и австрийской прессе никаких заявлений о дружеском соглашении с Россией. Дружеские отношения с имперскими странами не могут стать лозунгом большевиков. Они могут оправдать мир с Германией, только опираясь на волю народа и учитывая отчаянное положение России Более того, меня заверяют со всех сторон, что ввиду их теперешней позиции, русские смогут объяснить изъяснения;

дружбы со стороны Германии [два слова затерто] слабостью нашего положения перед англичанами. Было

бы разумно, чтобы пресса проявила сдержанность, особенно еще и потому, что объем победы большевиков еще точно неизвестен, так как Телеграфное агентство в их руках.

ЛЮЦИУС

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ --
ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД ПРИ СТАВКЕ

Телеграмма No 1748 Берлин, 9 ноября 1917 г.

Здесь считают, что следует проявлять величайшую сдержанность. Пресса получила соответствующие инструкции. Ввиду полученных; сообщений, было бы неблагоприятно с нашей стороны делать предложения о мире на фронте. В случае предложений общего характера, выдвинутых противником, их следует принять и ничего больше.

Согласно дальнейшим сообщениям из Стокгольма, большевики заявили, что новое правительство сможет остаться у власти, только если оно добьется прекращения огня в ближайшем будущем. В случае, если такое сообщение поступит с фронта, я просил бы немедленно меня информировать; разумеется, Верховное главнокомандование армии немедленно получит сообщение об аналогичных предложениях, поступивших по другим каналам. Я предлагаю любые переговоры о прекращении огня со стороны армии проводить в присутствии представителя министерства иностранных дел и, соответственно, любые предварительные переговоры о мире со стороны министерства иностранных дел вести в сотрудничестве с армией. Сообщите, пожалуйста, принимается ли это предложение.

КЮЛЬМАН

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ --МИНИСТРУ
ФИНАНСОВ

Берлин, 9 ноября 1917 г.

На основании обсуждений с послом фон Бергеном и министерским директором Шредером честь имею просить у Вашего превосходительства предоставить министерству иностранных дел сумму в 15 млн. марок на политическую пропаганду в России, отнеся расходы по пар. 6 раздела 2 особого бюджета. В зависимости от хода событий, я оставляю за собой право в дальнейшем ходатайствовать перед Вашим превосходительством о получении дополнительных сумм. Буду благодарен за немедленный ответ¹³⁴.

КЮЛЬМАН

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИД ПРИ СТАВКЕ -- В МИД
ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1628 9 ноября 1917, 20. 00

Получено: 9 ноября, 20. 30

Генерал Людендорф послал следующую телеграмму командованию Восточного фронта и генералам Макензену, фон Секту¹³⁵ и фон Крамону (для генерала фон Арца):

"Согласно перехваченным радиограммам, в Петрограде разразилась революция, в ходе которой, как полагают, победил Совет рабочих и солдатских депутатов. Совет, по-видимому, старается не допустить уход войск с фронта в Петроград. Тем не менее, победа Совета рабочих и солдатских депутатов желательна с нашей точки зрения. Поэтому я прошу использовать перехваченные радиосообщения в целях пропаганды этой победы".

ЛЕРСНЕР

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ АВСТРО-ВЕНГРИИ --
КАНЦЛЕРУ ГЕРМАНИИ

Вена, 10 ноября 1917 г.

Ваше превосходительство, революция в Петрограде, которая, пусть временно, дала власть в руки Ленина и его последователей,

разразилась раньше, чем мы считали возможным. Смогут ли большевики утвердиться и удержаться у власти какое-то время, хотя бы как Керенский, станет ясно в ближайшие дни. Однако многое заставляет меня полагать, что ответ будет утвердительным.

Если Ленину и большевикам удастся удержать власть, им

придется энергично проводить в жизнь сформулированную ими

программу. Первое место в этой программе занимает обещание

дать России "демократический мир"; поэтому мы, видимо, достиг

!и поворотного пункта в вопросе о мире.

Так как я значительно моложе Вас, я далек от мысли взять инициативу в свои руки или делать предложения Вашему превосходительству, имеющему гораздо больший опыт. Однако после многократных обсуждений всех нюансов вопроса о мире, я имею смелость предположить, что Ваше превосходительство будет рассматривать вопрос о том, как наилучшим образом использовать изменившуюся ситуацию в России в наших целях, и считаю своим долгом осветить в этом письме свою точку зрения

на возникшее положение и представить Вам выводы, которые, как мне кажется, из этого вытекают.

Сумеет ли Ленин и его коллеги удержаться у власти более или менее продолжительное время -- это, вероятно, вопрос, на который никто не может ответить. Именно поэтому необходимо ловить-момент и предложить любую необходимую помощь, чтобы вопрос-о мире стал совершившимся фактом. Если бы ленинистам удалось осуществить только обещанное перемирие, даже тогда, как мне-кажется, мы бы одержали почти полную победу на русском участке, так как если наступит перемирие, русская армия, в ее теперешнем состоянии, хлынет вглубь страны, чтобы быть на месте при переделе земли. При существующих условиях перемирие вызвало бы исчезновение армии, которая не могла бы вернуться на фронт в ближайшем будущем.

Из того, что я знаю о ленинских идеях и намерениях, следует, что они, в первую очередь, направлены к возобновлению попыток заключить всеобщий мир, а затем, если западные державы этого-не допустят, заключить сепаратный мир с нами. По сообщениям из Петрограда, Ленин уже обращался к западным державам, чтобы получить их согласие на заключение всеобщего мира и, по моим сведениям, дал им очень короткое время на ответ. Если, как логично предположить, страны Антанты откажутся, Ленину придется претворить в жизнь свое решение о сепаратном мире. Однако он захочет или сможет сделать это только в том случае, если мы примем его формулу "мир без аннексий и контрибуций".

Мы, конечно, способствовали бы такому ходу событий, если бы снова объявили в достаточно дружеской форме людям, стоящим у власти в России, что мы про-

должаем придерживаться тех принципов мира, которые мы сформулировали, то есть тех, кото

рые приняты рейхстагом в резолюции о мире, в речи г-на фон Кюльмана, в различных моих выступлениях и в наших ответах на послание Папы о мире. На основании этих заявлений центральных держав и после отказа от мира без аннексий и контрибуций со стороны западных держав, Ленин смог бы легко подойти к сепаратному миру с нами в рамках его программы, а затем к заключению перемирия. Так как программа большевиков включает предоставление права на самоопределение " нерусским народностям России, вопрос о конечной судьбе Польши, Курляндии, Литвы и Финляндии можно спокойно решить в ходе мирных переговоров. Нашей задачей будет обеспечить, чтобы желание отделиться от России и сблизиться экономически и политически с центральными державами было высказано самими этими народностями. Исходя из того, что я сказал, я верю, что мы могли бы оказать полезное нам влияние на развитие событий в России, если бы мы как можно скорее сделали соответствующие заявления и этим позволили большевикам без боязни вступить с нами в переговоры.

Что касается меня, то я бы рассмотрел возможность интервью, так как отчеты из Петрограда дают достаточно оснований для исчерпывающего ответа.

Ввиду наших крупных военных успехов на итальянском фронте, сейчас нет повода считать подобные заявления признаком нашей слабости, и я не вижу никаких иных вредных последствий, могущих произойти в результате такого шага. Следует добавить еще одно вытекающее отсюда преимущество: мы выбили бы почву из-под ног наших социалистических партий, с которыми Ленин

сейчас пытается наладить отношения. Стремление Ленина вступить в переговоры о мире с социалистическими партиями центральных держав -- это не что иное, как попытка разжечь социальную революцию в этих странах и тем защитить Россию, лишенную своего, ставшего бесполезным, военного аппарата. Однако, если мы, как правительства, примем основное условие мира без аннексий и контрибуций, мы тем самым лишим почвы новую социалистическую конференцию прежде, чем она соберется; и мне кажется важным сделать такое собрание излишним.

Я был бы весьма признателен Вашему превосходительству за внимательное рассмотрение развитых мною идей и скорейшее сообщение Вашего мнения по изложенному вопросу. По моему мнению, нам не следует упускать такой момент и пропускать любую возможность закончить войну на востоке. Второй раз нам представляется возможность быстро окончить войну. Сомневаюсь, чтобы эта возможность повторилась при столь благоприятных обстоятельствах. Мне не нужно перечислять все выгоды, и военные, и политические, которые мы получили бы, особенно Германия, если нам удастся покончить с русскими сейчас же. С другой стороны, мне хотелось бы подчеркнуть экономический фактор: порвав с за

падными державами, Россия будет вынуждена обратиться за помощью к центральным державам, что даст им возможность проникнуть в экономическую жизнь страны и заняться ее реорганизацией. Значение этого для будущего не нуждается в дальнейших комментариях.

Ваш и пр. Ч Е Р Н И Н

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ
ДЕЛ -- ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛАННИКУ В СТОКГОЛЬМЕ

Телеграмма М 1526 Берлин, 10 ноября 1917 г.

На телеграмму М 1526136 Для Рицлера

Половина требуемой суммы будет взята в воскресенье фельдъегерем. Остаток -- во вторник. Если нужно, имеются дополнительные суммы. Если необходимо выслать еще военные займы, сообщите, пожалуйста, в мелких или крупных купюрах. Расписку в получении пришлите Бергену.

БУСШЕ

СОВЕТНИК ГЕРМАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В
КОПЕНГАГЕНЕ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1329137 Копенгаген, 10 ноября 1917 г.

Отправлено: 11 ноября 1917, 00 час. 30 мин. Получено: 11 ноября 1917, 5 час. 10 мин.

На телеграмму No 812 от 3 ноября

Л[евенштейн]138, уже получивший 2000 крон = 5000 марок, просит срочно предоставить ему еще 20 000 марок; большая часть этой суммы необходима для поездки двух агентов в Петербург. Эта поездка необходима, так как почтовая связь с Ц[ивиным] сейчас слишком ненадежна. Необходимо ускорить все дело, бездействие может вызвать подозрения.

Прошу сообщить указания телеграфом.

Кроме того Л[евенштейн] просит передать по телеграфу свою оценку обстановки:

"Для осуществления своей программы Ленину необходима поддержка Германии. Она должна в основном заключаться в том, что правительство Германии официаль-

но объявит о своей поддержке целей правых социалистов относительно войны. Так как эти цели в основном совпадают с целями максималистов, Ленин сможет призвать союзников начать на этой основе переговоры, а в том случае, если они отвергнут это предложение, снять с России обязательства по отношению к Антанте. Если страны Центральной Европы выдвинут более тяжелые условия, чем те, о которых говорят правые социалисты, то это нарушит планы Ленина относительно заключения мира. В результате этого он повернет вправо, или это приведет к новому перевороту. Как раз в настоящий момент сообщения о планах отторжения от России Польши и Литвы ослабили доверие к политике правительства Германии; поэтому желательно было бы сделать успокаивающее заявление".

Л[евенштейн] будет благодарен за телеграфное сообщение относительно того, что ему говорить по данным вопросам и как инструктировать посылаемых в Россию.

ВИТГЕНШТЕЙН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛАННИКУ В КОПЕНГАГЕНЕ

Телеграмма No 840 11 ноября 1917 г.

На телеграмму No 1329

Одобряем расход 20000 марок на Блау. Он может послать в Россию сообщение, что имперское правительство продолжает стоять на позициях резолюции рейхстага. Если необходимо, можно подтвердить это публично, когда будет возможно.

БУСШЕ

СОВЕТНИК миссии в СТОКГОЛЬМЕ -

КАНЦЛЕРУ

Донесение No 1413 12 ноября 1917 г.

Говорят, что здешние большевики восприняли известия о победе своих друзей с большим волнением, а некоторые даже лишились сна. Вероятно, они полагают, что скоро станут послами новой России, и делают вид, что знают все, до мельчайших деталей. Однако на самом деле они еще не получили из Петрограда никаких инструкций

В настоящий момент я не думаю, что правительство в Петрограде, если допустить, что оно достаточно укрепит свою власть и продержится хотя бы несколько недель, использует Радека, Фюр-стенберга [Ганецкого] и Воровского в качестве посредников. У нас нет четкого представления об отношениях между представителями большевиков здесь и руководителями революции в Петрограде. Подлинные лидеры петроградского движения -- Ленин, Зиновьев¹³⁹ и Троцкий¹⁴⁰ разумеется, должны находиться непосредственно в гуще событий, где необходимость в них возникает буквально ежеминутно, но не исключено, что если большевики сумеют сформировать правительство, они могут дать важные поручения своим здешним представителям.

Самый энергичный и талантливый из них -- это поляк Собель-сон, выступающий обычно под псевдонимом Карл Радек, хорошо известный немецким социал-демократам по его прошлой деятельности в Германии. Студентом он как будто крал книги и прочие вещи, и друзья наградили его кличкой Крадек. В русских газетах он до сих пор фигурирует под этим именем, и он взял его в качестве псевдонима. Он характеризуется как человек абсолютно аморальный, но очень умный и необычайно спо-

собный журналист. Говорят, что несмотря на все свои идеологические принципы, он способен выслушать противоположную точку зрения. В настоящий момент его работоспособность и знание германской политики -- он знает даже ее потайные стороны -- наверняка привлекут в Петрограде уважение к его идеям и предложениям.

Из петроградских вождей самые значительные -- Ленин и Троцкий. Оба провели много лет на Западе, как личности они намного ярче и интереснее своих социал-патриотических противников, оба -- революционеры-практики. Ленин -- татарин, его настоящая фамилия Ульянов, очевидно, организатор и руководитель этого движения, -- является теоретиком в смысле целей, но при выборе средств -- предпочитает непосредственную практику. Настоящая фамилия Троцкого -- Бронштейн, до начала войны он жил во Франции, но был выслан из страны, предположительно за

то, что знал об участии Извольского¹⁴¹ в убийстве Жореса¹⁴². Из Швейцарии бежал в Испанию, оттуда, с помощью испанских социалистов, -- в Америку. После революции он пустился в обратный путь, но англичане насильно сняли его с корабля и бросили в тюрьму, так что говорят, что он вынес из путешествия жгучую Ненависть к англичанам. Если, несмотря на оппозицию всей администрации, захватившим власть удастся сформировать настоящее правительство, он скорее всего получит там пост министра иностранных дел.

Очевидно, оба -- и Ленин, и Троцкий -- пользуются огромным личным авторитетом среди своих сторонников. Они, вероятно, смогут удержать порядок в своей партии и установить и сохранить диктаторскую власть. В отличие от меньшевиков, большевистские теоретики еще в

1906 году отказались от мысли о парламенте, выдвинув в качестве единственно возможной альтернативы революционную диктатуру небольшого комитета испытанных вождей. Следовательно, если новое правительство вообще будет сформировано и сумеет сломить сопротивление всего буржуазного мира, ему не придется защищать свою позицию и свободу действий, слова и собраний, даже от своих собственных сторонников, в той степени, как их предшественникам.

Даже если власть большевиков в России продержится всего несколько недель, в стране почти наверняка установится террор в масштабах, далеко превосходящих французский опыт при Марате¹⁴³. Большевики критиковали партию социал-революционеров за то, что они пытались уговорить крестьян не сжигать дома помещиков и не захватывать землю силой. Придя к власти и надеясь сохранить ее, отдав крестьянам землю, они не смогут остановить мятежи, к которым сами же совсем недавно призывали. Крестьяне будут захватывать силой обещанную им землю, солдаты из окопов бросятся домой, чтобы поспеть к дележке. Если им удастся захватить Керенского, Милюкова и Терещенко¹⁴⁴, заведших в тупик проблемы мира и земли, бывших министров ждет скорый и страшный суд. Скорее всего, большевики попытаются отдать все бывшее руководство на расправу местным Советам рабочих и солдатских депутатов и полностью уничтожат имеющийся административный механизм. Если они преуспеют в этом хотя бы на несколько недель и даже если за это время не будет достигнуто перемирие, страна перестанет фигурировать в военных и экономических расчетах, связанных с мировой войной, и старому режиму, который в этом случае скорее всего будет восстано-

лен, понадобятся годы для того, чтобы восстановить порядок.

Если нынешняя гражданская война, которая еще толком не разразилась, кончится поражением большевиков, ее лозунги "мир и земля", однажды брошенные массам, будут оказывать огромный эффект на народ и заставят всякое новое правительство, которое

не захочет рано или поздно вновь столкнуться с восстанием большевиков, по крайней мере сделать вид, будто в этих двух вопросах оно идет по стопам большевиков.

РИЦЛЕР

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ПОСЛУ В МЮНХЕНЕ

Телеграмма No 102 Берлин 13 ноября 1917 г.

Имперскому канцлеру

Нижайше благодарю Ваше высочество за вчерашнее письмо и приложения к нему.

Как уже известно Вашему высочеству, 9 ноября Петроградское телеграфное агентство опубликовало условия, на которых съезд советов рабочих и солдатских депутатов согласен рассматривать предложение о мире. Это заявление было опубликовано в нашей прессе в понедельник, после того как Верховное главнокомандование армии сняло свои первоначальные возражения против публикации. Уже в субботу граф Чернин настоятельно рекомендовал начать в наших полуофициальных органах обсуждение русского заявления, выражаясь примерно в тех же терминах, которые использованы в комментарии, опубликованном в его иностранном бюллетене.

не. В ответ на это я возразил, что, судя по поступившим сообщениям, борьба за власть между Лениным и Керенским еще не закончена, что большевистский режим ни в коем случае нельзя считать стабильным и что, преждевременно ухватившись за неофициальное большевистское заявление, переданное только телеграфным агентством, мы рискуем показаться слабыми.

Пока я не готов отказаться от этого возражения. Только что я получил из Стокгольма следующее частное сообщение (пока не подтвержденное): "Согласно аутентичным сообщениям, Керенский совместно с Корниловым¹⁴⁵ и Калединым¹⁴⁶ занял Петроград. Ленин и его сторонники засели в Смольном. Информированные русские круги полагают, что большевистское восстание на данный момент ликвидировано и что какое бы новое правительство ни сформировалось в России, у него нет другого выбора, как только проводить решительную мирную политику". Согласно сообщениям нашей миссии в Стокгольме, по расчетам держав Антанты, большевистское правительство продержится не больше двух-трех недель. Отказ русской миссии в Стокгольме признать нынешнее правительство подтверждает это предположение. В этих обстоя

тельствах, я полагаю, было бы разумно, прежде всего, подождать, как будут развиваться события в Петрограде. Если большевикам удастся удержаться у власти, мы в любой момент успеем принять предложение русских о мире или о перемирии и использовать возможности, перечисленные графом Черниным, лучше, чем в настоящее время. Поспешность и нервозность в этом деле только испортят дело, и кроме того, нас осудит немецкая общественность.

К Ю Л Ь М А Н

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК В БЕРНЕ -- В МИД
ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1833 15 ноября 1917 г.

Отправлено: 16 ноября, 1. 00 Получено: 16 ноября,
4. 55

Для Бергена

Байер просит сказать Нассе¹⁴⁷, что из Стокгольма получена следующая телеграмма: "Выполните, пожалуйста, немедленно ваше обещание. Основываясь на нем, мы связали себя обязательствами, потому что к нам предъявляются большие требования. Воровский". Байер дал мне знать, что это сообщение делает его поездку на север еще более необходимой.

РОМБЕРГ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ
ДЕЛ -- ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД ПРИ СТАВКЕ

Телеграмма No 1804 Берлин, 16 ноября 1917 г.

Христо Раковский¹⁴⁸, румынский социалист, родом из Болгарии, выпускает русскую социалистическую газету в Стокгольме. Раньше он был связан с нами и работал на нас в Румынии. Раковский спрашивает, может ли его жена, находящаяся сейчас в Бухаресте, получить разрешение приехать к нему в Стокгольм. Эта просьба, поддержанная послом Болгарии, удовлетворена.

Б У С Ш Е 149

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК

В СТОКГОЛЬМЕ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1854 19 ноября 1917, 15. 50

Получено: 19 ноября, 19. 20

Парвус получил срочный вызов в Швейцарию от Адольфа Мюллера, по-видимому, для переговоров с итальянскими социалистами. Он отказался. Он считает, что Мюллера информировали о том, что он открыл связь с Петроградом и в ближайшем будущем видит возможности переговоров. Он обещает "продвижение [одно слово за-терто] в отношении к России". Рицлер.

ЛЮЦИУС

МИССИЯ В СТОКГОЛЬМЕ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1870 22 ноября 1917, 15. 05

Для депутата Эрцбергера и советника Надольного150

Здесь русская колония раньше времени узнала о делах Парвуса и отнеслась к ним неодобрительно. Даже круги, близкие к большевикам, возражают против того, что ему поручена столь деликатная миссия, говоря, что немецкие социал-демократы дадут противникам большевиков мощное оружие, "выбрав" такого человека, как он, в качестве курьера, тогда как другая сторона говорит, что вряд ли большевики оказались бы у власти без денежной поддержки Парвуса. Многие считают, что появление Парвуса в Петрограде поставит под угрозу ожидаемое там формирование демократической коалиции.

Вчера, немедленно по приезде, я провел подробное обсуждение с нашими людьми, в духе меморандума, который я в воскресенье дал господину Эрцбергеру. Наши люди, со своей стороны, связались с большевистским лидером Воровским. Согласно русской печати, Воровский

был назначен представителем и с минуты на минуту ожидает официального подтверждения. Тем временем некоторые большевики спрашивают полицию, что она предпримет, если большевики арестуют здешнего русского посланника, который отказывается уйти с поста. Полиция, естественно, отказалась отвечать на этот вопрос. Очень типично для большевиков.

ВУХЕРПФЕННИГ151

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК В БЕРНЕ -- В МИД
ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1862 22 ноября 1917 г.

Отправлено: 23 ноября, 2. 00 Получено: 23 ноября,
4. 00

Надежный, хорошо информированный агент сообщает абсолютно секретно следующее: "Запланированный переезд эмигрантов включает всех оставшихся в Швейцарии большевиков и интернационалистов, многие из которых едут целыми семьями, с женами и детьми. Интернационалисты -- это левое крыло меньшевиков, которых в Циммервальде представлял Мартов¹⁵² и которые борются за развитие и усиление "русской революции на основе независимого классового самосознания пролетариата". Один из них -Багоцкий¹⁵³ -- председатель Русского комитета эмигрантов в Цюрихе¹⁵⁴. Багоцкий -- поляк, получивший образование в России; он останется в Петрограде. Еще один из тех, что должны ехать, доктор Блюм¹⁵⁵, друг Ленина и выдающийся политический деятель, который задержался, чтобы получить ученую степень по химии.

По постановлению ЦК только "нелегальные", т. е. подлинные эмигранты, которые были активными рево-

люционерками, будут перевозиться в Россию: на этот раз не будет исключений для тех, кто только симпатизировал "нелегальным".

Эмигранты могут ехать в течение семи дней после получения разрешения на проезд.

Они ничего не предпринимали для получения шведских виз на въезд или проезд, так как не знают, необходимо это или только желательно".

Депутат Адольф Мюллер настоятельно поддерживает это заявление и рекомендует как можно скорее выдать разрешение на проезд. Панов еще не приходил ко мне.

РОМБЕРГ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД ПРИ СТАВКЕ

Телеграмма No 783 Берлин, 25 ноября 1917 г.

Комитет русских эмигрантов в Цюрихе обратился через посредство верховного судьи Цграгена за разрешением для 50--100 рус

ских эмигрантов (включая женщин и детей) на проезд через Германию на тех же условиях, что и для предыдущих поездов.

Поскольку большинство из них, скорее всего, большевики, мы дали разрешение. В настоящий момент эмигрантам сказали, что они должны прежде всего обзавестись шведскими въездными ви-ами. Согласно сообщению из имперской миссии в Стокгольме, шведский посол в Петрограде прислал телеграмму, что, учитывая состояние железных дорог, эмигрантов не следует высылать на границу. Чтобы избежать скопления возвращающихся

эмигрантов в стране, шведское правительство приостановило выдачу въездных виз.

Я бы просил Ваше высочество выяснить у Верховного главнокомандования армии, может ли состояться поездка эмигрантов, если они будут обеспечены шведскими визами. Если это так, то Политический отдел должен получить соответствующие инструкции¹⁵⁶.

Б У С Ш Е

СОВЕТНИК МИССИИ В СТОКГОЛЬМЕ -- КАНЦЛЕРУ

Сообщение No 1484 Стокгольм, 26 ноября 1917 г..

Содержание: Положение в Петрограде

Здесь большевики, восхищенные отвагой и решимостью большевистского правительства, настроены самым оптимистическим образом. Однако не следует принимать на веру их слова о том, что это правительство может удержаться. Например, с момента ленинской победы здесь представители каждый день твердят, что усилия создать коалицию с другими социалистическими партиями несомненно увенчаются успехом в самом ближайшем будущем и что это станет залогом существования нового правительства и явится основой его деятельности. Пока что эти попытки не только оставались безуспешными, но сам вопрос о создании коалиции вызвал резкие разногласия и раскол среди самих большевиков. Чтобы показать неопределенность положения большевистского правительства, я обращаю Ваше внимание на телеграмму от 23 ноября из Хапарандского отдела прессы. В настоящий момент мы имеем дело с тем, что попросту является собой насильственную диктатуру горстки революционеров, к правлению которых вся Россия относится с величайшим презрением и терпит его лишь потому, что эти люди по-

обещали немедленный мир и общеизвестно, что они выполняют это обещание.

Здравый смысл подсказывает, что власть этих людей потрясет все русское государство до самых его оснований и, по всей вероятности, не более чем через несколько месяцев, когда "смысл существования" нового правительства отпадет, а война против других народов наконец прекратится, оно, это правительство, будет сметено волной всероссийской враждебности.

Именно в свете этой ситуации следует оценивать полезность деятельности Гольдберга, начатой по инициативе депутата Эрц-бергера. При всей правильности политики соглашения, изложенной в рейхстаге 19 июля как продолжение линии канцлера фон Бетмана-Гольвега, не следует слишком серьезно относиться к идее, что сближение между немецким и русским народами -- в смысле дружбы между народами -- должно быть достигнуто путем переговоров между партиями большинства и делегатами партий, стоящих сейчас у власти в России. А именно эту мысль вынашивал Гольдберг с самого начала. Даже попытка связать будущее русско-немецких отношений с судьбами людей, которые в России сейчас стоят у власти, была бы, вероятно, серьезной политической ошибкой. За то время, что это правительство продержится у власти, удастся добиться разве что перемирия или, быть может, формального мира. В этих обстоятельствах и ввиду серьезных потрясений, перед которыми, по всей вероятности, стоит Россия, мы сможем установить действительно мирные связи и дружеские, добрососедские отношения весьма не скоро, и начать работать над этим можно будет лишь, когда восстановится какой-то порядок. Вот тогда и настанет момент приступать к работе над соглашениями с русским народом и с новым русским правитель-

ством -- не с тем, которое имеет в виду Гольдберг. А до тех пор дело может ограничиться лишь осторожным обсуждением вопросов торговли с представителями действующего правительства, и только действия такого рода дадут нам возможность перейти к хорошим отношениям, даже с новым правительством и небольшевицкой Россией.

РИЦЛЕР

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК В СТОКГОЛЬМЕ --
КАНЦЛЕРУ

Сообщение No 1482 Стокгольм, 26 ноября 1917 г.

Содержание: беседы депутата Эрцбергера с большевиками

Исходя из моих наблюдений в прошлом, и в особенности после моей вчерашней беседы с болгарским коллегой, имеющим пре-красные связи с русскими социалистами всех оттенков, я могу лишь подписаться под сообщением, которое Ваше высочество получило от советника Рицлера¹⁵⁷ и где он говорит, что ведиущиеся здесь в течение длительного времени беседы между депутатом Эрцбергером и большевиками создали значительную неопределенность и нанесли ущерб общим переговорам. Эрцбергер, известный своим честолюбием, решил во что бы ни стало добиться личного-успеха, и некоторое время тому назад дал большевикам понять, что немецкий народ желает мира и что он, Эрцбергер, в качестве представителя партий большинства, принудит к этому также имперское правительство¹⁵⁸. Это, несомненно, привело к тому, что у большевиков -- невероятно наивных в политических делах -создалось неверное представление, будто в Германии имеет место величайшее стремление к миру и будто в этом вопросе существуют разногласия между

представителями народа и правительством, причем точку зрения последнего можно попросту проигнорировать. Такое представление с неизбежностью не только осложняет задачу советника Рицлера, но и снижает авторитетность всякого правительственного заявления.

На основании имеющихся у меня сведений о переговорах Эрцбергера, например, с Колышко, о которых, кстати, прекрасно осведомлен Хьюго Стиннес, я считаю, что он совершенно не годится для переговоров с русскими, которым он уже успел сообщить чрезвычайно опасные секретные сведения о наших внутренних и внешних делах. Например, в результате многочасового разговора с Воровским, организованного тайным агентом по поручению Эрцбергера, Воровский вскоре после этого иронически заметил какому-то немцу, что в Петрограде теперь все известно о настроении всех немецких партий и что немцам, мол, тоже нужен мир.

ЛЮЦИУС

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК В БЕРНЕ -- В МИД
ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1895 26 ноября 1917 г.

Отправлено: 27 ноября, 14. 30 Получено: 27 ноября,
16. 10

Для Бергена

Байер отложил свой отъезд на неделю по совету врачей. Нассе также остается на некоторое время Тем временем запрошенная финансовая помощь распределяется по надежным каналам

РОМБЕРГ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ
ДЕЛ -- GERMANCKOMY ПОСЛАННИКУ В БЕРНЕ

Телеграмма No 1367 Берлин, 28 ноября 1917 г.

На телеграмму No 1895

По полученным здесь сведениям, правительство в Петрограде терпит огромные финансовые затруднения. Поэтому чрезвычайно желательно, чтобы им выслали деньги. Берген.

БУСШЕ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИД ПРИ СТАВКЕ -- В МИД
ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1771 29 ноября 1917, 19. 25

Получено: 29 ноября 19. 35

Вниманию статс-секретаря!

Если в обозримом будущем состоятся мирные переговоры с Россией, Его величество просит, чтобы Ваше превосходительство несмотря ни на что попыталось добиться какого-нибудь союза или дружеских отношений с русскими Он сказал, что после русско-японской войны это будет легче, чем мы полагаем Он уже убедил Верховное главнокомандование армии пустить русские железные дороги, если это окажется возможным, и для этой цели

предоставить в распоряжение русских офицеров штат германских железных дорог. В более отдаленном будущем император надеется также установить с Россией тесные торговые связи¹⁵⁹.

ЛЕРСНЕР

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД ПРИ СТАВКЕ

Телеграмма No 1925 Берлин, 3 декабря 1917 г.

Распад Антанты и последующее создание политических комбинаций, выгодных для нас, является самой главной военной целью нашей дипломатии. Россия оказалась самым слабым звеном во вражеской цепи. Следовательно, задача в том, чтобы постепенно ослабить эту цепь и, по возможности, удалить ее вовсе. Это было целью подрывной деятельности, которую мы проводили в России за линией фронта -- в первую очередь поддержка сепаратистских тенденций и большевиков. Только когда мы по разным каналам и под разными предлогами обеспечили большевикам постоянный приток фондов, они сумели проводить энергичную пропаганду в своем главном органе "Правде" и значительно расширить прежде весьма слабый базис своей партии. Теперь большевики пришли к власти, сколько времени они сумеют продержаться -- сказать невозможно. Им нужен мир, чтобы укрепить свою собственную позицию, с другой стороны, в наших интересах использовать этот период, пока они находятся у власти (а период этот может оказаться коротким), чтобы добиться сначала перемирия, а затем, по возможности, мира. Заключение сепаратного мира означало бы достижение намеченной цели, а именно -- разрыва между Россией и ее союзниками. Напряжение, которое непременно будет вызвано таким разрывом, определит степень зависимости России от Германии и ее будущие отношения с нами. Как только бывшие союзники бросят ее, Россия будет вынуждена искать нашей поддержки. Мы сможем оказать России помощь разными путями: во-первых, восстановив железные дороги (я имею в виду немецко-русскую комиссию, под нашим контролем, которая зай-

мется рациональной и координированной эксплуатацией железных дорог, чтобы быстро восстановить движение грузов), затем -- выдав ей значительную ссуду, необходимую для сохранения своего государственного механизма. Это может иметь форму аванса под обеспечение зерном, сырьем и т. д. и т. п., которые Россия будет поставлять нам под контролем вышеупомянутой комиссии. Помощь

на такой основе -- масштабы ее могут быть увеличены по мере необходимости -- будет, на мой взгляд, способствовать сближению между обеими странами.

Австро-Венгрия будет относиться к этому сближению с недоверием и неодобрением. Я бы расценил излишнее рвение графа Чернина прийти к соглашению с русскими как желание опередить нас и помешать Германии и России установить тесные отношения, которые были бы нежелательны для Дунайской империи. Нам ни к чему добиваться расположения русских. Мы достаточно сильны, чтобы спокойно выжидать; наше положение дает нам гораздо больше возможностей, чем Австро-Венгрии, для того, чтобы предложить России все, что ей нужно для восстановления ее государства. Я оптимистически расцениваю развитие дел на Востоке, но я полагаю, что сейчас важно сохранить определенную сдержанность в наших отношениях с австро-венгерским правительством по всем делам, в том числе и по польскому вопросу, который касается обеих монархий, с тем чтобы не связывать себя никакими обязательствами.

Смею надеяться, что вышеизложенные соображения не выходят за рамки указаний, данных мне Его величеством. Прошу Вас соответственно доложить Его величеству и сообщить мне телеграммой Его высочайшие инструкции.

КЮЛЬМАН

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИД ПРИ ДВОРЕ ИМПЕРАТОРА -- В
МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1819 4 декабря 1917, 19. 30

Получено: 4 декабря 20. 25

На телеграмму No 1925

Его Величество кайзер выразил согласие с соображениями Вашего высочества относительно быстрого сближения с Россией.

ГРЮНАУ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ
ДЕЛ -- ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД В СТАВКЕ

Телеграмма No 1943 Берлин, 5 декабря 1917 г.

На сообщение No 1040

Шведское правительство сообщило нам, что визы русским эмигрантам могут быть выданы только после того, как им будет гарантировано разрешение на въезд в Россию.

Поскольку информацию на сей счет невозможно получить по другим каналам и поскольку эмигранты, о которых идет речь, близки к Ленину, прошу Вас обратиться к Верховному главнокомандованию армии с просьбой выяснить у русского правительства по радио или телеграфу или через русских, ведущих переговоры о прекращении огня: будет ли разрешен въезд в Россию эмигрантам, которые хотят вернуться из Швейцарии через Германию и в случае согласия не откажется ли русское правительство проинформировать о нем шведское? В качестве альтернативы: не исключена возможность, что мы разрешим

эмигрантам перебраться через нашу линию фронта и линию русского фронта.

БУСШЕ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ

ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -

В ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ ГЕНШТАБА

(БЕРЛИН)

5 декабря 1917 г.

Посылаем в Политический отдел генштаба в Берлине копию 160 с ссылкой на инструкции о возвращении русских эмигрантов из Швейцарии, посланную непосредственно в Политический отдел Верховным главнокомандованием армии. Согласно сообщению из имперской миссии в Берне, русский автор Карл Бухгольц, которому, согласно письму от 3 сентября от заместителя начальника Генштаба, было отказано в разрешении ехать из Швейцарии в Швецию через Германию, намеревается присоединиться к вышеупомянутым эмигрантам. Поскольку Бухгольц находится как будто в хороших отношениях с Лениным и поскольку теперь он хочет ехать не в Швецию, а в Россию, представляется разумным разрешить ему и другим эмигрантам проехать через Германию.

Прошу как можно скорее сообщить мне решение по этому делу, чтобы можно было соответствующим образом информировать имперскую миссию в Берне,

БУСШЕ

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК В БЕРНЕ В МИД
ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1949 Берн, 5 декабря 1917 г.

Отправлено: 6 декабря, 0. 40 Получено: 6 декабря,
5. 20

Вниманию г-на фон Бергена

Байер достаточно оправился для отъезда в субботу, в крайнем случае, в воскресенье. Я настоятельно прошу инструкций, желательна ли эта поездка¹⁶¹. Ввиду необычайно сильного эффекта, который произвело, насколько можно судить отсюда, интервью, опубликованное в "Фрайе Прессе"¹⁶², я считаю, что Байер с его сильным влиянием на большевиков будет в состоянии сгладить враждебные выступления, вызванные этим интервью, которые не замедлили появиться.

РОМБЕРГ

ДЕПУТАТ ЭРЦБЕРГЕР -- СТАТС-СЕКРЕТАРЮ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Берлин, 7 декабря 1917 г.

Ваше высочество!

Честь имею приложить копию отчета, только что полученного из Стокгольма от господина Цизе.

Ваш ЭРЦБЕРГЕР

Приложение

Стокгольм, 5 декабря 1917 г.

Согласно последним известиям из Петрограда, Ленин и Троцкий намерены серьезно наказать тех русских посланников за границей, которые не признают власти большевиков, прежде всего приостановив всякие выплаты им Эта мера касается не только ак

кредитованных послов в странах Антанты, но и послов в нейтральных государствах.

Здесьшний посол Гулькевич¹⁶³ тоже больше не получает денег. Положение его отчаянное. Он не может заплатить своему штату, и никто не дает ему займы. Но вскоре положение станет еще более сложным: Ленин и Троцкий пошлют в нейтральные страны большевистских посланников. Если их там не признают, Троцкий намерен не признавать послов соответствующих стран в Петрограде. Для нас это будет крайне неудачно, так как нам было бы выгодно, чтобы нейтральные послы продолжали бы свою работу в Петрограде, особенно шведская миссия, которая энергично представляет там германские интересы. Поэтому нам выгоднее всего поддержать большевистское правительство, поскольку оно стремится к миру, так же как и мы. Следовательно, было бы очень хорошо, если бы мы могли убедить нейтральные правительства признать большевистское правительство и большевистских посланников в их странах как можно скорее. Я бы просил, чтобы это дело было рассмотрено самым серьезным образом и как можно скорее, поскольку оно кажется мне чрезвычайно важным и поскольку такая акция послужит значительному укреплению позиции большевиков внутри России¹⁶⁴.

Положение в России -- самое необычное. Здесь образовался ряд различных, независимых республик. Новейшая из них -- Республика немецких пленников. В различных местах, где имеются большие лагеря для военнопленных, немецкие пленники, увидев царящий вокруг хаос, взяли на себя снабжение и руководство и теперь кормят не только себя, но и население окрестных деревень. Местное население чрезвычайно довольно этим и вместе с немецкими пленными образовало нечто вроде республиканского управления, где всем заправляют пленники. Это, разумеется, совершенно необычное явление.

ние в мировой истории. Россия еще в большей Мере, чем Америка, страна неограниченных возможностей.

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК

В СТОКГОЛЬМЕ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1987 8 декабря 1917, 23. 55

Получено: 9 декабря 2. 45

Я только что имел частную беседу с Воровским, который производит впечатление честного и разумного человека. Он думает, что его правительство вынуждено из опасений перед внутренними политическими врагами оставить открытой возможность участия союзников в переговорах и может оправдать сепаратный мир, лишь

сославшись на отказ союзников участвовать в переговорах. Однако он сказал, что призывы на этот счет столь же бессмысленны, как призывы к народу начать революцию. Если эти призывы окажутся безуспешными, русские начнут прямые переговоры о сепаратном мире. Вопрос о мире, очевидно, обсуждался на первом заседании Учредительного собрания 11 ноября и, вероятно, вызвал резкие возражения кадетов. Если на фронте не согласятся на метод переговоров, он готов предложить своему правительству какой-нибудь пригодный способ. Я объяснил ему, что перед лицом попыток саботажа или оттягивания переговоров (а мы должны считаться с такими попытками), только деловые и практические переговоры между действующими правительствами могут принести результаты. Он все еще носит с идеей межпарламентской конференции, рассчитывая, что она произведет благоприятное впечатление на Запад. Однако он признает, что этот путь может затянуть переговоры или создать угрозу для их исхода. Он полагает, что его правительство

предпочло бы, чтобы переговоры проводились в нейтральной стране, а не в обстановке войны. Рицлер.

ЛЮЦИУС

[Приписка Кюльмана:]

Немедленно телеграфируйте Люциусу165: он должен сказать Воровскому, что в качестве места для предварительного перемирия может рассматриваться только Брест, так как там все готово. Выбор нейтрального места затянет переговоры и вызовет массу проблем, связанных с международным этикетом. Временный мир может быть заключен очень скоро. Вопрос о способе и месте более подробных переговоров, которые могут быть проведены в нейтральной стране, будет темой непосредственной договоренности. Если на переговоры явятся лично Троцкий или Ленин, я тоже приеду туда, и это даст нам гарантию быстрого завершения дела. Попросите Люциуса продолжать действовать в направлениях, намеченных в его сегодняшней телеграмме. Межпарламентская конференция в данный момент невозможна, она привела бы к провалу всех наших усилий по заключению мира.

КЮЛЬМАН

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- В МИССИЮ
В СТОКГОЛЬМЕ

Телеграмма No 1674 Берлин, 9 декабря 1917 г.

Признание русского большевистского правительства посредством официального признания его дипломатических представителей нейтральными государствами значительно укрепит позиции этого правительства, ведущего переговоры с нами. Так как в случае отказа нейтральных государств признать дипломатических представителей, назначенных большевиками, существует опасность, что

русское правительство может прервать отношения с по-
слами соответствующих нейтральных стран в Петрограде
и так как, сверх того, мы придаем исключительное значе-
ние продолжению деятельности шведского посла/в Пе-
тербурге, я просил бы Вас конфиденциально обсудить
этот вопрос со шведским правительством и рекомендо-
вать ему признать большевистских представителей как
можно скорее. Ответ вышлите телеграммой.

КЮЛЬМАН

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- В МИССИЮ
В СТОКГОЛЬМЕ

Телеграмма No 1675 Берлин, 9 декабря 1917 г.

Для Рицлера

Шейдеман сегодня выехал отсюда в Стокгольм че-
рез Копенгаген. Он, очевидно, намерен попытаться убе-
дить большевиков вести переговоры о мире с большин-
ством социалистов или рейхстага. Мы считаем, что пере-
говоры должны вестись только между правительствами и
желательно в каком-нибудь пункте на фронте. С другой
стороны, большевиков уже склоняют посредством обеща-
ния Гольдберга к прямым переговорам через голову не-
мецкого правительства. Поэтому желательно убедить
Шейдемана, чтобы он не только не укреплял их в этом
намерении, но даже, насколько это возможно, вылечил
их от этой идеи и посоветовал бы им быстро начать пере-
говоры с правительством. Поэтому, пожалуйста, немед-
ленно по приезде задержите его и попытайтесь убедить в
этой точке зрения до начала его переговоров с больше-
виками. Используйте такие аргументы:

1. Большевики обратились с призывами к правительствам и народам. Более того, они уже обменялись телеграммами и вели

переговоры о прекращении огня с немецким правительством и, согласно заявлениям в печати, выразили удовлетворение этими переговорами. Поэтому у них нет причин действовать в обход правительства.

2. Действия в обход правительства могут быть сочтены здесь неконституционными и не только вызовут сложности в правительстве и вообще в стране, что может затруднить заключение мира с Россией, затянуть их или даже поставить под угрозу, но и также повредит репутации правительства в глазах иностранцев или по крайней мере в глазах Антанты. Поскольку правительство руководствуется принципами резолюции рейхстага и ответом на ноту Папы римского о мире и поскольку договор о мире может войти в силу только после ратификации его рейхстагом, оснований не доверять последнему или действовать в обход его нет.

Поэтому Шейдеман более всего будет способствовать быстрому заключению мира, если он внушит большевикам по возможности максимум доверия к правительству и убедит их скоро начать переговоры.

Пожалуйста, обратите его внимание на тот факт, что пренебрежение общепринятыми способами или затягивание может привести к тому, что действительно состоится конференция с социал-демократическим меньшинством, которую кое-кто, очевидно, пытается организовать.

Миссия в Копенгагене получила инструкции выяснить дату его прибытия в Стокгольм и сообщить ее вам телеграммой. Ледебур и Каутский, которые также хотели

поехать в Стокгольм, задержаны здесь, здесь же в настоящий момент находятся Гольдберг и Вухерпфенниг. Отчет пришлите телеграммой.

КЮЛЬМАН

германский посланник

в Стокгольме -- в МИД Германии

Телеграмма № 2011 12 декабря 1917, 13. 45

Получено: 12 декабря 19. 52

На телеграмму № 1684

Поручение выполнено. Воровский передал сообщение непосредственно в Петроград, но поскольку пока он не получил кода, время прибытия его отчетов неизвестно, если ответ [одно слово затерто] придет. Поэтому я рекомендую то же обращение на переговорах о прекращении огня. Рицлер.

ЛЮЦИУС

Заместитель статс-секретаря иностранных дел -- представителю МИД при дворе Кайзера

Телеграмма № 1986 Берлин, 13 декабря 1917 г.

В ответ на инструкции министерства иностранных дел рекомендовать шведскому правительству признать представителей большевиков и таким образом укрепить большевистское правительство¹⁶⁶, имперский посланник в Стокгольме 11 декабря телеграфировал следующее:

"Статс-секретарь иностранных дел готов принять Воровского и обсудить с ним текущие дела. Я дал знать об этом последнему. Статс-секретарь сказал, что генерал Брандстрем уже признал большевистское правительство в Петрограде тем фактом, что посол вежливо подтвердил

получение русской ноты и в настоящее время ведет текущие дела с правительством через сотрудников посольства. Формальное признание нового русского посла в Стокгольме, который даже в сегодняшнем интервью "Дагенс Нюхетер" назвал себя только "комиссаром большевистского правительства", вряд ли сможет произойти до тех пор, пока Учредительное собрание не утвердит положение современного правительства".

Статс-секретарь целиком разделяет мнение Вашего превосходительства, что признание укрепит позицию правительства, и он в конце концов, кажется, вполне готов признать Воровского послом.

БУСШЕ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛАННИКУ В СТОКГОЛЬМЕ

Телеграмма No 1717 Берлин, 13 декабря 1917 г.

На телеграмму No 2011 Для Рицлера

Наш посланник в Копенгагене сообщает, что он слышал из надежных источников, что Воровский написал своему тайному агенту в Копенгагене, что было бы желательно перевести переговоры с фронта на нейтральную территорию (возможно, в Стокгольм).

Воровский обосновывает это пожелание тем, что, действуя на нейтральной территории, будет легче склонить страны Антанты к участию в переговорах и тем самым создать мост от сепаратных переговоров к общим. Воровский также пишет, что Ленин и Троцкий хотят, чтобы переговоры велись парламентарями, так как это исключило бы нажим со стороны армий.

Повторяю, что с нашей точки зрения переговоры о временном мире на нейтральной территории в высшей степени нежелательны и этого следует по возможности избегать. То же самое относится к межпарламентской конференции. Согласно сообщениям, полученным от наших представителей в командовании Восточного фронта, русские делегаты также предпочитают вести переговоры на фронте и они не выражали никаких пожеланий относительно участия парламентаров.

ВУСШЕ

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК

В СТОКГОЛЬМЕ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 2036 15 декабря 1917, 12. 30

Получено: 15 декабря 11. 35

На телеграмму No 1717

Действительно, Воровский хотел бы, чтобы переговоры велись в Стокгольме. Он также сказал своим друзьям, что следует использовать противоречия между рейхстагом и Верховным главнокомандованием армии. Парвус, который хочет сыграть свою роль, также действует для того, чтобы переговоры велись в Стокгольме. Я предпринимаю самые настойчивые попытки помешать этим планам. Воровский заверяет меня, что он сообщил Троцкому мои возражения. В разговоре, который длился несколько часов, я настойчиво доказывал Воровскому, что Стокгольм -- самое неподходящее место для переговоров, и объяснял, почему. Кроме того, я предупредил его, чтобы он не вздумал экспериментировать с внутренними немецкими делами, сказав ему, что никакая немецкая сторона не поддержит такого эксперимента перед лицом официального мнения. Я сказал, что оппоненты

большевиков настаивают, чтобы немецкое правительство не заключало мира с ними, так как придется заново заключать мир с теми, кто придет им на смену. Противники большевиков предлагают немецкому правительству объявить, что большевики не полномочны вести переговоры. Немецкое правительство отвергло эти предложения, но оно не может подвергать себя риску вести переговоры практически в

безнадежных обстоятельствах. Воровский признал, что отказ немцев от переговоров может привести к падению большевиков, и попросил, чтобы в Берлине учли тот факт, что большевики вынуждены вести переговоры в условиях демократического контроля, и обеспечить возможность немедленной публикации результатов, и что, кроме того, они должны оставить возможность для участия в переговорах союзников. Они не будут пытаться каким-либо образом повлиять на состав немецкой делегации. После моих неоднократных вопросов он признал, что не располагает точными инструкциями из Петрограда относительно формы переговоров и их проведения. Мне кажется, что его точка зрения отражает скорее мнение Парвуса и Гольдберга, чем его правительства, и что, если не будет другой возможности, Троцкий, в частности, согласится на переговоры в Вресте, при условии хотя бы внешнего сохранения большевистских методов переговоров (это условие даже он нарушить не может). Воровский признал, что мои аргументы обоснованы, хотя сам он еще не окончательно отказался от идеи Гольдберга о широких переговорах между народами, которые, по его мнению, приведут к более приемлемым условиям. Он посылает в Петроград еще один отчет, кроме того, выслан курьер с серьезным и честным отчетом для Троцкого. Рицлер.

ЛЮЦИУС

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИД ПРИ СТАВКЕ -- В МИД
ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1895 16 декабря 1917, 9. 15

Получено: 16 декабря, 9. 50

Дело улажено¹⁶⁷. После заседаний 6 и 7 декабря в Берлине генерал Людендорф передал командованию Восточным фронтом следующие условия переговоров о мире:

1. Никакого вмешательства во внутренние дела России.

2. Никаких денежных военных репараций, только финансовая компенсация за содержание военнопленных, численность которых превышает 1 млн. Немецкие аннексии Литвы и Курляндии (включая Ригу и острова), поскольку нам необходима земля для прокорма народа. Мы намерены до определенной степени в смысле условий аннексий уважать национальные требования литовцев и курляндцев. Это имеет силу в том случае, если англичане не оккупируют Аландские острова, Финляндию, Эстонию или Ливонию.

3. Обмен военнопленными, признав, что их работа важна для Германии до заключения всеобщего мира. Обмен гражданскими пленными.

4. Независимость Польши и ее объединение с центральными державами. Определение восточных границ Польши, включая возвращение оккупированных территорий России.

5. Признание права народов на самоопределение. Эвакуация русских из Финляндии, Эстонии, Ливонии, Молдавии, Восточной Галиции и Армении

6. Предложение помощи в решении вопроса о Дарданеллах и других проблем вне Европы.

7. Реорганизация русской системы коммуникаций с немецкой помощью. Финансовая поддержка восстановления России и тесные экономические связи. Установление торговых отношений. Поставки зерна, нефти и т. д. в Германию по сниженным ценам.

8. Восстановление законных прав представителей другой национальности на немецкой или русской территории. Возмещение потерь частной собственности, случившееся не по вине пострадавшего.

9. В случае, если русские представители выразят страх перед угрозой нападения Японии на Россию, гарантировать, что Германия не нападет на Россию со спины, если ей придется защищаться от Японии.

10. Мы готовы вступить в союз с Россией по прошествии некоторого времени.

ЛЕРСНЕР

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛАННИКУ В КОПЕНГАГЕНЕ

Телеграмма No 956 Берлин, 17 декабря 1917 г.

Парвус должен приехать сюда как можно скорее. По дороге он должен явиться к Вашему превосходительству¹⁶⁸. Пожалуйста, попросите его, посредством влияния на его друзей, срочно помочь успеху мирных переговоров, которые начнутся через несколько дней. Большевики, согласно надежным источникам, борются против

растущих внутренних трудностей и поэтому всячески заинтересованы в укреплении своих позиций путем заключения мира как можно раньше.

БУСШЕ

ПОСОЛ В СТОКГОЛЬМЕ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 2065 18 декабря 1917, 19. 15

Получено: 18 декабря 21. 55

Парвус хотел бы, если нет особой срочности, остаться здесь до Рождества из-за переговоров с Радеком и Фюрстенбергом, которые вернутся из Петрограда. Пожалуйста, телеграфируйте инструкции. Рицлер.

ЛЮЦИУС

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛАННИКУ

в СТОКГОЛЬМЕ

Телеграмма No 1750 Берлин, 19 декабря 1917 г.

На телеграмму No 2065 Для Рицлера

Очень важно немедленно выдворить Парвуса из Стокгольма в связи с предварительными переговорами, которые начнутся через несколько дней. Пожалуйста, еще раз попробуйте обеспечить его проезд сюда через Копенгаген.

БУСШЕ

ГЕРМАНСКИЙ СОВЕТНИК МИССИИ

В СТОКГОЛЬМЕ -

ПОСЛУ БЕРГЕНУ В МИД ГЕРМАНИИ

24 декабря 1917 г.

Дорогой господин фон Берген!

Парвус в течение нескольких дней не мог достать билет, поэтому он уезжает только сегодня. Прилагаю меморандум о его участии в развитии событий.

В настоящий момент, когда наши с ним интересы вновь совпадают, он снова приобрел для нас большое значение, и я настоятельно рекомендовал бы Вам конфиденциально попросить его о

неофициальной встрече в Берлине, чтобы посоветоваться, в частности, по румынскому вопросу (будущая роль Раковского и пр.). Он действительно очень значительный человек, и у него бывают блестящие идеи. Вполне вероятно, что мы вскоре поймем, что нам выгодно закрепитесь в России в более широких кругах, чем непосредственное окружение Ленина, и в этом случае он будет для нас очень важен.

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он заподозрил, что в Стокгольме мы просто хотели отделаться от него.

Я ничего не имею против его возвращения, особенно при благоприятном развитии дел в Бресте. Однако я думаю, что за пределами Стокгольма мы можем использовать его лучше, так как Стокгольм вскоре перестанет иметь какое-либо значение в связи с Россией из-за плохого сообщения с Петроградом -- то есть это опять же при благоприятном развитии дел в Бресте. Будем надеяться, что все пойдет как надо. Отсюда трудно судить, но похоже, что Радек и Ко. плетут какую-то собственную международную революционную паутину.

С наилучшими рождественскими пожеланиями,

Ваш РИЦЛЕР

ПРИЛОЖЕНИЕ

Секретный меморандум

Прибыв сюда в середине ноября, Парвус сначала был уверен в возможности и необходимости социалистической конференции. Датское предложение созвать такую конференцию, которое пока что не дало никаких результатов и о котором забыли, следует считать плодом его усилий. Этим же объясняется и первоначальная готовность немецких социал-демократов работать над созывом конференции. Различные аспекты его деятельности не ясны нам до сих пор. Кроме желания созвать социалистическую конференцию, он также надеялся, что переговоры будут вестись здесь или в Копенгагене и он сможет использовать свое влияние, чтобы контролировать их с обеих сторон. Насколько сильно его влияние на русских социалистов -- не ясно. Он сам поначалу страстно ждал сообщений на этот предмет, а теперь он полагает, что Троцкий активно и открыто выступает против него, Ленин занимает нейтральную позицию, а деятели более мелкого масштаба -- на его стороне. Его предположение относительно Троцкого абсолютно верно, но не исключено, что и Ленин тоже против него и что он переоценивает свое влияние на других, точно так же как он переоценил доверие Воровского и Радека к нему. Он говорит, что эти двое ничего не предпринимают, не сообщив ему. Но я абсолютно точно выяснил, что он ошибается. Воровский относится к

нему с величайшим подозрением и говорит, что верить Парвусу нельзя. Сейчас доктор Гельфанд работает над укреплением своей позиции в России с помощью "унтер-офицеров", вопреки Ленину и Троцкому и даже, при

необходимости, против них. В этих обстоятельствах, всячески стараясь сохранить с ним доверительные отношения, я был вынужден отстранить его от всех вопросов, касающихся способов переговоров.

По всем другим вопросам, там, где его интересы совпадают с нашими, он исключительно ценен для нас, поскольку обладает большим практическим политическим талантом, исключительным знанием революционной России и является сильной личностью. Его совет и помощь могут иметь для нас огромную ценность.

ОТЧЕТ НАССЕ

Берлин 26 декабря 1917 г.

Несомненно, в нынешнем русском правительстве есть силы, которые стараются всячески помешать тому, чтобы начавшиеся мирные переговоры закончились слишком быстро. Одна из причин -- это желание не слишком обострять отношения с Антантой, вторая -- надежда на революцию в Германии, которая может поставить вопрос о мире на более выгодную для большевиков основу.

Желание сохранить приличные отношения с Антантой в последнее время усилилось по нескольким причинам: это влияние Антанты среди русской буржуазии и отчасти также среди правых социалистов.

Следует постоянно указывать русским, что в этом отношении Антанта тоже преследует эгоистические цели и что только Германия, в силу своего географического положения, способна помочь России быстро и эффективно восстановить хозяйство.

Далее, русскому правительству надо дать понять, что оно только повредит себе, если будет колебаться и затягивать переговоры, поскольку все вышеупомянутые

мероприятия Антанты будут проводиться параллельно с реставрацией буржуазного правительства. Во всяком случае, большевистское правительство понимает, что кадеты и правые социалисты ведут против них активную подрывную деятельность. Радек в Стокгольме сказал моему агенту, что они знают все об их деятельности и что в нужный момент они непременно примут жесткие меры, слабость Керенского им несвойственна. Правительство понимает, что такие движения могут нанести ему огромный вред даже при хорошо организованной полиции и твердой воле подавить контрреволюцию, особенно если внешнеполитическое положение не слишком надежно.

Второй фактор, который заставляет их затягивать время, это надежда на скорую революцию в Германии. Трудно сказать, насколько большевики действительно верят в эту возможность. Кое-какие высказывания Радека о немецких независимых могут свидетельствовать о том, что сам он не слишком на них полагается. Но даже здесь они могут принимать желаемое за действительное. Не следует забывать, что большевики часто провозглашали мир своей целью, однако не мир с буржуазными правительствами, заключенный путем переговоров, но путь разжигания революции в нашей стране, что тоже, естественно, приведет к миру. Согласно моей информации, независимым удалось переслать в Стокгольм послание, в котором они настаивают, что переговоры о мире окажут разрушительное воздействие на их надежды на революцию и поэтому их надо отменить. И если Радек и его друзья расценят эту попытку как признак слабости, невозможно предвидеть, какой эффект это может оказать на решения русского правительства.

Конечно, я потрудился разъяснить моему личному агенту, что он должен употребить в этом вопросе все

свое влияние и не только показать, что эти попытки независимых вредны для истинных интересов петроградского правительства, но также объяснить, что согласно его сведениям ситуация в Германии не оставляет никаких надежд на революцию в скором времени.

Радек сказал моему агенту, что Германия настаивает на мире по двум причинам: она хочет начать крупное наступление на Западном фронте в феврале 1918 г. и разом освободить весь свой тыл, но главная причина -- она понимает безнадежность своего положения. Это стало ясно не только из факта, что Центральные державы так охотно вступили в переговоры с большевистским правительством, но и по тому, как они присоединились к переговорам. Работники министерства иностранных дел прибыли в Брест-Литовск в больших количествах, уже из этого факта большевики могут сделать важные выводы. Австрийцы в особенности были так милы, так вежливы и так старались услужить, что даже вызвали подозрение своих немецких друзей. За каждым австрийцем встало по пруссаку, чтобы удостовериться, что союзники не зайдут слишком далеко в своих предложениях и обещаниях.

Возобновившиеся попытки русских перенести переговоры из Брест-Литовска в какую-нибудь нейтральную страну объясняются главным образом влиянием Радека и его друзей, которые преследуют тут две цели. С одной стороны, они надеются, что если, например, будет выбран Стокгольм, то они смогут иметь большее влияние, потому что тогда те люди, которые на протяжении многих месяцев были представителями большевиков в Стокгольме, смогут играть более значительную роль в переговорах. С другой стороны, они, вероятно, надеются на затягивание переговоров, в

Стокгольме влияние революционной социал-демократии, особенно немецкой группы, будет чувствоваться сильнее, чем в Петрограде, не говоря уже о Брест-Литовске. В этой связи стоит упомянуть, что интерес Радека в разжигании революции совсем иного сорта, чем у Ленина или Троцкого.

Интересно отметить следующее высказывание Радека: он сказал, что знает, что было обещано литовской делегации в Берлине не министерством иностранных дел, но каким-то генералом, который прочитал делегации телеграмму от Гинденбурга, где выражалось согласие на предоставление независимости Литве, но предлагалось иметь совместную армию и железные дороги¹⁶⁹.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ГЕРМАНСКОМУ ПОСЛАННИКУ В СТОКГОЛЬМЕ

Телеграмма No 20 Берлин, 4 января 1918 г.

Для Рицлера

Последние сообщения Петербургского телеграфного агентства вынуждают к серьезному разговору с Воронским. В них содержатся призывы к нашему народу, затрагивающие тему революции, и призывы к нашим солдатам не подчиняться приказам и сложить оружие. Это следует рассматривать как грубое и нетерпимое вмешательство в наши внутренние дела. В то же самое время на нас наклеиваются ярлыки, нас изображают рабовладельцами и угнетателями рабочих. Нас обвиняют в том, что мы засадили лидеров немецких рабочих в концлагерь, что мы утоляем голод женщин и стариков свинцом и оружием. Источник этой лжи, очевидно,, австриец Радек. Разумеется, правительство, ведущее с нами мирные переговоры, не может прибегать в своей печати к таким выражениям о нас, поэтому напрашиваются сомнения,

действительно ли большевистское правительство желает достичь взаимопонимания с нами.

Вместо того чтобы обеспечить мир для России и необходимые условия для дальнейшего развития, большевики, затягивая заключение мира, попросту работают на Антанту и наносят вред своей собственной стране, тратя драгоценное время на бесплодную революционную агитацию¹⁷⁰.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД В КОМАНДОВАНИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

Телеграмма No 114 Берлин, 9 января 1918 г.

Для статс-секретаря иностранных дел в Брест-Литовске

Имперский посланник в Копенгагене сообщил нам о содержании письма русского социал-революционера, близкого к Чернову, к другу в Копенгагене. В этом письме сказано, что большевики сейчас находятся в моральной и политической изоляции. Вся экономическая система и государственный аппарат полностью дезорганизованы. Заключение мира не поможет большевикам удержать власть. Силы, на которые они могут положиться, насчитывают всего несколько сотен тысяч солдат. Более того, у них нет поддержки ни среди интеллигенции, ни среди демократических партий. Ленин пытался в последний момент провести объединение, приняв на вооружение существующую уже 60 лет земельную программу партии эсеров. Однако эсеры остались верны своим старым принципам и убеждены, что социальные реформы во всех аспектах русской системы невозможно проводить путем насилия. По этой причине эсеры открыто выступят

против большевиков, как только у них будут моральные и физические возможности для этого.

Россию может спасти только Учредительное собрание, и по поводу этого самого собрания возник конфликт. Интеллигенция, эсеры и даже часть солдат пойдут в этом конфликте до конца, даже армия, во всяком случае, социально сознательное ее ядро оставит Ленина.

Людей, проведенных по тридцать -- сорок лет в русских тюрьмах и сибирской ссылке, большевики снова бросают в тюрьмы из-за политических убеждений. Даже члены Учредительного собрания, которое сейчас выбрано и которые, разумеется, должны пользоваться правом неприкосновенности, были в тюрьме. Законы объявлены недействительными, в России сейчас нет уголовного кодекса. В качестве судов выступают трибуналы, состоящие из большевиков. Вся пресса находится под давлением. Те газеты, что еще выходят, подвергаются цензуре до публикации, это относится даже к органам крайне левых. Многие газеты были просто закрыты, а их типографии, бумага и капиталы конфискованы.

Чернов придерживается точно таких же взглядов и стоит в центре движения, которое готовится к выступлению против боль

шевиков. Следующая задача партии эсеров и всех русских, кроме большевиков, это провести собрания солдат, и это уже по возможности делается. Кроме того, следует выпускать специальные газеты, листовки и еженедельные бюллетени.

Вся Россия с живым интересом следит за ходом переговоров в Брест-Литовске, но согласия с руководством нет. Немецкая интерпретация формулы "мир без аннексий и репараций" неприемлема для всех неленинских

элементов в России, потому что думающие демократы, то есть демократы будущего, понимают под-текст диктата пораженной России на переговорах.

Организация плебисцита на оккупированных территориях рассматривается как часть внутренних дел России, а не Германии. У русских сложилось впечатление, что делегации из Литвы и Прибалтики просто выполняют приказы.

Заключение мира на существующих сейчас условиях может означать для русских демократов только одну цель -- а именно мобилизацию, так как Россия не может существовать без прибалтийских провинций. Сами прибалты тоже хотят остаться русскими, и 9 % немцев не могут играть решающую роль в этом вопросе.

Демократический мир должен быть заключен не одним только Лениным, он может быть альтернативно заключен им (то есть Лениным как олицетворением социалистической демагогии) в сотрудничестве с демократическими элементами.

Если немецкий народ действительно хочет установить братские отношения с русским народом, ему надо отказаться от всех дипломатических и эгоистических интересов и заключить честный мир. Иначе Россия будет вынуждена объявить повторную мобилизацию и через тридцать лет вспыхнет новая война.

Автор письма, старый эсер, понимает, что немцы не согласятся с его взглядами, так как он не на стороне большевиков. Поэтому он думает, что в настоящий момент он не может сделать ничего, что бы отражало одновременно пожелания немцев и его собственные устремления.

Если мы разделим его взгляды, этот эсер, вероятно, будет готов предпринять активную попытку помочь осуществлению наших общих целей. По его мнению, большевики слетят при первом же ударе и ему не нужны крупные суммы для осуществления этого удара.

В связи с высказываниями этого человека следует заметить, что после подъема левого крыла эсеров во главе со Спиридоновой Чернов утратил значительную часть своего влияния. Если Ваше высочество одобрит, я намереваюсь сказать ему, что в настоящий момент, находясь на стадии переговоров с большевиками, мы, к

сожалению, не можем завязать отношения с другими русскими партиями. Пожалуйста, сообщите свою точку зрения телеграммой¹⁷¹.

БУСШЕ

ГЕРМАНСКИЙ ПОСЛАННИК

В КОПЕНГАГЕНЕ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 37 11 января 1918, 0. 30

Получено: 11 января, 5. 18

Сегодня сюда прибыла телеграмма от датского посланника в Петрограде приблизительно такого содержания:

В понедельник английский посол уехал, сказав, что больше не в состоянии что-либо понять и что он совершенно конченный человек.

Слухи об отъезде французского посла пока, по крайней мере, преждевременны. Однако, действительно, между представителями Франции и большевиками возник конфликт. Молодой французский офицер распустил слух, что немцы потребовали сдачи черноморского флота, и

это сообщение вызвало большое оживление. Французский посол заявил, что офицер будет снят с должности.

Возникли разногласия также с румынскими представителями. Троцкий жалуется на суровые меры, предпринятые румынским правительством против большевистской пропаганды.

За представителями Германии и Австрии осуществляется непрерывная слежка. По улицам они могут передвигаться лишь в сопровождении солдат, а их письма просматриваются цензурой¹⁷². Объясняется это, вероятно, опасениями Троцкого, что немецкие представители войдут в контакт с контрреволюционными кругами, которые определенно симпатизируют немцам.

Австро-немецкая комиссия не имеет намерений достичь каких-либо позитивных результатов. Переговоры здесь приняли форму собраний, на которых обсуждаются всевозможные вопросы.

БРОКДОРФ-РАНЦАУ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИД ГЕРМАНИИ В ПЕТРОГРАДЕ --
КАНЦЛЕРУ

Отчет No 26 Петроград, 24 января 1918 г.

Аналогичный отчет послан статс-секретарю иностранных дел

Судя по чисто внешним признакам, власть большевиков за последние несколько дней до некоторой степени укрепилась. Сколько времени просуществует эта позитивная тенденция -- непонятно. Поскольку политическая жизнь осуществляется здесь исключительно конвульсиями, не следует загадывать на будущее.

Однако в настоящий момент крупные запланированные меры правительства в Смольном принесли успех. Поскольку оно зависит от поддержки Красной гвардии и моряков -- больше, чем от поддержки собственно армии -- и они осуществляют контроль на улицах, правительству было не слишком трудно распустить Учредительное собрание немногим более, чем через сутки после открытия, тем более это становилось похоже уже на фарс, и взамен этого неприемлемого для них органа создать Совет, безоговорочно поддерживающий правительство.

Во всех прочих областях правительство тоже следует испытанной формуле: "Кто не с нами -- тот против нас". Пресса принуждена к молчанию. За исключением партийных органов "Правды" и "Известий" все газеты подвергаются строгой цензуре и при необходимости строгим наказаниям¹⁷³. С политическими противниками тоже разговор короткий. Политические деятели, депутаты, редакторы и другие члены оппозиции живут в постоянном страхе лишиться свободы или чего-нибудь похуже. В числе арестованных на прошлой неделе -- председатель Красного креста Шаманский. Невозможно узнать, сколько народу поделило эту судьбу, так как общественности становится известно только небольшая часть случаев и вся работа правительства, судя по всему, держится в секрете.

Большой сенсацией последних нескольких дней было убийство бывших министров Шингарева¹⁷⁴ и Кокошкина¹⁷⁵. По состоянию здоровья их перевели из Петропавловской крепости в больницу, где в ту же ночь их расстреляли матросы. Кокошкина они застрелили сразу, но Шингарев умер лишь через несколько часов. На первый взгляд, это типичное политическое убийство, но правительству заявляло, что не имеет к этому никакого отно-

шения и что но дело рук оппозиции, которая хочет таким образом получить оружие против большевиков.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ПРЕДСТАВИТЕЛЮ МИД В КОМАНДОВАНИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

Телеграмма No 478 Берлин, 2 февраля 1918 г

Доктор Гельфанд, выступавший здесь на дискуссии о положении в России, считает, что мы должны с величайшей осторожностью строить отношения с большевиками. Он думает, что влияние большевистских идей в России растет и что (украинская) Рада долго не продержится.

Он сказал, что выгнать большевиков теперь, когда они заняли Донецкий бассейн и Харьков, промышленный центр Украины, может только немецкая армия.

Гельфанд думает, что имеется возможность коалиции большевиков с левым крылом партии эсеров.

БУСШЕ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАТС-СЕКРЕТАРЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- СТАТС-СЕКРЕТАРЮ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (В БУХАРЕСТЕ)

Телеграмма No 99 Берлин, 7 марта 1918 г.

Граф Редерн желает дополнить свои последние требования по кредитам, которые он представит в рейхстаг на следующей неделе, несколькими замечаниями о внешней политике, чтобы немного разрядить атмосферу, и он был бы признателен Вашему высочеству за указания. Может быть, вы кадите мне необходимые инструкции?

БУСШЕ

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 88 Бухарест, 11 марта 1918, 11. 45

Получено: 11 марта 12. 45

На телеграмму No 99

Общая ситуация настолько неопределенна, что я советовал бы воздержаться от каких бы то ни было комментариев по поводу внешней политики без крайней на то нужды. В связи с последними сообщениями из России и ввиду существующего здесь сопротивления ратификации наших договоров я бы особенно рекомендовал крайнюю сдержанность в оценке позитивных результатов, достигнутых в Бресте. Можно, вероятно, сказать, что с восточной стороны небосклона появляются просветы, но лучше пока что не утверждать, что перевод войны с двух фронтов на один гарантирован.

КЮЛЬМАН

ПОСОЛ В МОСКВЕ -- КАНЦЛЕРУ

Отчет No9 30 апреля 1918 г.

Москва, священный город, символ царской власти, святыня православной церкви, в руках у большевиков стала символом самого вопиющего нарушения вкуса и стиля, вызванного русской революцией¹⁷⁶. Тот, кто знал столицу в дни ее славы, с трудом узнает ее сейчас. Во всех районах города, а особенно в центральном торговом квартале, стены домов испещрены дырками от пуль -- свидетельство боев, которые велись здесь. Замечательная гостиница Метрополь превращена артиллерийским огнем в груды развалин, и даже Кремль жестоко пострадал. Сильно повреждены отдельные ворота.

На улицах жизнь бьет ключом, но впечатление, что они насеяны исключительно пролетариатом. Хорошо одетых людей почти не видно -- словно все представители бывшего правящего класса и буржуазии разом исчезли с лица земли. Может быть, это отчасти объясняется фактом, что большинство из них пытается внешне приспособиться к нынешнему виду улиц, чтобы не разжигать страсти к наживе и непредсказуемых эксцессов со стороны нового правящего класса. Православные священники, раньше составляв

шие значительную часть прохожих, тоже исчезли из виду. В магазинах почти ничего не купишь, разве что пыльные остатки былой роскоши, да и то по неслыханным ценам. Главным лейтмотивом всей картины является нежелание работать и праздничатание¹⁷⁷. В это время, когда заводы еще не работают, а земля еще не возделывается -- по крайней мере, так мне показалось во время моего путешествия -- Россия, похоже, движется к еще более страшной катастрофе, чем та, которая уже вызвана революцией.

С безопасностью дело обстоит довольно скверно, но днем можно свободно всюду ходить без провожатых. Однако выходить вечером неразумно, да и днем тоже то и дело слышны оружейные выстрелы и постоянно происходят какие-то более или менее серьезные столкновения.

Бывший класс имущих впал в состояние глубочайшего беспокойства: довольно одного приказа правительства, чтобы лишить их всего имущества. Почти на всех дворцах и больших особняках висят зловещие приказы о реквизиции, по которым хозяин, часто в считанные часы, оказывается на улице.

Отчаяние представителей старого правящего класса беспредельно, но они не в состоянии собрать достаточно сил¹⁷⁸, чтобы положить конец тому организованному грабежу, которому подвергаются. Желание внести какой-то порядок распространяется вплоть до низших слоев, а ощущение собственного бессилия заставляет их надеяться, что спасение придет от Германии¹⁷⁹. Те же самые круги, которые раньше громче всех возводили на нас напраслину, теперь видят в нас если не ангелов, то по меньшей мере могущую спасти их полицейскую силу.

Цены на продукты сильно возросли, но поскольку карманы низших классов набиты миллионами рублей, выпущенных Керенским, в бедности живут лишь прежние богачи. Повсеместно введен восьмичасовой рабочий день, для домашней прислуги установлен минимум заработной платы в 200 рублей в месяц плюс бесплатное питание и жилье.

Власть большевиков в Москве обеспечивается в основном ливонскими батальонами, а также большим числом автомобилей, реквизированных правительством, которые постоянно кружат по городу и могут в случае необходимости доставить войска туда, где возникают беспорядки.

Предсказать, куда все это приведет, невозможно. В настоящий момент можно лишь предположить, что ситуация в основном не изменится.

М И Р Б А Х¹⁸⁰

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИД ПРИ СТАВКЕ -- В МИД
ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1034 6 мая 1918, 21. 30

Получено: 6 мая 22. 30

Командование Восточным фронтом прислало в Верховное главнокомандование армии следующую телеграмму:

"Командование 8-й армии телеграфирует:

Капитан фон Мылинский из военного министерства, в настоящий момент находящийся в Петрограде, поручил курьеру, который вернулся из Петрограда 1 мая (лейтенант Бруссатис), передать Верховному главнокомандованию германской армии следующее:

"Правительство максималистов должно было быть свергнуто минималистами по наущению и при финансовой поддержке французов, англичан и американцев. Назначенную дату 1 мая пришлось перенести, так как организационные дела были не завершены. Диктаторами правительства минималистов должны были стать Чернов, генерал Шварц, Кривошеин¹⁸¹ и Савинков¹⁸², а также, предположительно, Керенский в Петрограде. После победы контрреволюции армия в 30--50 тысяч человек должна была начать наступление на немецкие войска в Финляндии или Эстонии, чтобы облегчить положение дел на французском фронте. Максималисты получили от монархистов предупреждение о надвигающейся контрреволюции, и советское правительство арестовало диктаторов минималистов. Некая французская фирма вывозит из Петрограда в больших количествах металл, резиновое сырье и шины. Немецкие делегаты не сумели воспользоваться этой возможностью, так как у них не было полномочий покупать. Они получили выгодные предложения на крупные сделки".

Лейтенанта Б[руссатиса] сопровождал русский офицер Георгий, посланный генералом-майором Шульгиным.

Георгий находится в распоряжении немецкого правительства до 8 мая и готов выполнить любые поручения.

БЕРКГЕИМ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИД ПРИ СТАВКЕ -- В МИД
ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 1047 8 мая 1918, 12. 00

Получено: 8 мая 13. 40

Генерал Людендорф был бы признателен за информацию об отчетах графа Мирбаха о внутривнутриполитическом положении в России. Генерал не исключает возможность прихода к власти враждебного нам правительства и считает полезным подготовиться к этой возможности, помогая приемлемым для нас кругам войти в состав правительства.

БЕРКГЕИМ

ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ В МОСКВЕ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 78 10 мая 1918, 23. 59

Получено: 11 мая, 2. 10

Я узнал из хорошего, но еще не вполне проверенного источника, что представители стран Антанты под председательством Франции вчера одобрили ультиматум советскому правительству, который они сегодня вручили и в котором Антанта торжественно предлагает даже теперь продолжать снабжение России оружием и сырьем для борьбы с Германией и обещает признание советского-правительства в случае всеобщей мобилизации. Карахан¹⁸³ и Ра-дек не рассказали мне об этом событии, вероятно, потому, что официальная редакция не должна была обсуждаться до вечера. Ведение дел Антанты целиком перенесено из Вологды в Москву и легло на плечи

местных представительств, которые получают инструкции непосредственно от своих правительств. Более разумные большевистские лидеры все еще стараются успокоить тех, кто обеспокоен наступлением на юге и восстановлением Украины. Однако, ввиду колоссальных трудностей большевистского правительства и его растерянности из-за развития дел на юге, вполне вероятны всякие неожиданности.

Я слышал уже пост-фактум, что сегодня вечером Антанта вновь настоятельно обращалась к Свердлову с важными предложениями организовать доставку продовольствия из Сибири и что небольшевистские социалистические партии сегодня же вечером, в соответствии с действиями Антанты, предложили забыть раздо

ры и начать сотрудничать с большевиками для спасения России. Я продолжаю тайную работу, чтобы обеспечить отказ от обоих предложений.

МИРБАХ

германский посол в Москве -- в МИД Германии

Телеграмма No 96 13 мая 1918, 18. 50

Получено: 13 мая 21. 00

Продолжение телеграммы No 78

Насколько можно судить по мнениям, взглядам и силе различных политических слоев и из общей ситуации, мне кажется, что наши интересы все еще требуют продления власти большевистского правительства [одно слово затерто] усилия очернить или декларации дружбы со стороны других партий, в большинстве случаев лишь желание отделаться от большевиков. Если они действительно падут, тогда все их преемники с помощью Антан-

ты будут стремиться к воссоединению с отданными территориями, особенно с Украиной, и к пересмотру Брестского мирного договора. Любое наше наступление может бросить большевиков в объятия Антанты, или, в случае их падения, привести к власти сторонников Антанты. В случае разрыва отношений с нами, чего трудно будет избежать при таких обстоятельствах, руководство русским политическим и экономическим развитием перейдет к Антанте. Насколько отсюда можно судить, в наших интересах выгоднее всего снабжать большевиков необходимым минимумом товаров и поддерживать их у власти. Несмотря на все их декреты, в настоящее время с большевиками можно чего-то достигнуть, ибо они вдруг стали сговорчивее в экономических делах, и можно, по крайней мере, вести подготовку к дальнейшей экономической инфильтрации.

МИРБАХ

ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ НА ВОДАХ

13 мая 1918 г. Россия185

Статс-секретарь иностранных дел фон Кюльман сказал, что Антанта, очевидно, недавно что-то посулила большевикам, если они возобновят войну против Германии. С военной точки зрения он не считает это серьезным. Во всяком случае, большевики находятся под серьезной угрозой слева, то есть со стороны партии, исповедующей еще более радикальные взгляды, чем большевики, которые, похоже, стараются постепенно уклониться "направо". Как бы то ни было, в наших интересах объявить раз и навсегда, что наши операции в России окончены.

Генерал Людендорф ответил, что дело обстоит именно так и что такое объявление, скорее всего, уже сделано.

По просьбе генерала полковник фон Винтерфельдт заявил, что он сказал заместителю статс-секретаря иностранных дел фон ден Бусше, что демаркационная линия проведена и что тем самым наступление завершено.

Генерал Людендорф добавил, что наши войска очень часто подвергались нападению со стороны банд большевиков и других русских групп и возникали бои, даже против нашего желания. Во всяком случае, большевики теперь совсем другие, они не имеют ничего общего с нашим первоначальным представлением о них. Сейчас они активно занимаются формированием армии и уже собрали несколько частей. Во внутренней политике их поведение тоже сильно изменилось, как заявил статс-секретарь иностранных дел.

ПОСОЛ В МОСКВЕ --В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 114 15 мая 1918 г.

Отправлено: 16 мая, 13. 45 Получено: 16 мая, 16. 30

Сегодня Чичерин¹⁸⁶ попросил провести предварительную дискуссию по экономическим проблемам с министром торговли Бронским¹⁸⁷. Вронский разработал обширную программу экономического восстановления России, основные положения которой содержатся в телеграмме, открыто переданной по требованию Чичерина Иоффе¹⁸⁸. Чичерин добавил, что эти предложения предусматрива

ют более или менее благоприятное для России урегулирование политических проблем. Русские просят ускорить переговоры комиссии в Москве и высказывают пред-

положение, что было бы разумнее иметь специальную комиссию, которая занималась бы правовыми вопросами и репарациями, другая занималась бы финансовыми вопросами, а третья -- торговыми, экономическими вопросами и концессиями. Поэтому я рекомендую как можно скорее начать переговоры на этой основе, не привлекая к участию в них никого, кто мог бы быть заинтересован в восстановлении в России прежних экономических условий.

МИРБАХ

ПОСОЛ В МОСКВЕ -- КАНЦЛЕРУ

Сообщение No 61 16 мая 1918 г.

Сегодня у меня была длительная беседа с Лениным.

Ленин в общем глубоко верит в свою счастливую звезду и постоянно выражает безграничный оптимизм. Однако он признает, что, хотя его система устояла и держится, число его противников растет и что ситуация " требует большей бдительности, чем месяц тому назад".

Его вера основана главным образом на том факте, что только правящая партия располагает организованными силами, в то время как все остальные партии сходятся лишь в своей оппозиции к существующему режиму, а во всем прочем расходятся по всем направлениям и за ними нет такой силы, какая есть у большевиков¹⁸⁹.

В некоторых отношениях это, конечно, верно, но тон, в котором Ленин говорит о бессилии своих врагов, свидетельствует, что он тем не менее несколько недооценивает их.

Однако Ленин спокойно признает, что состав его противников изменился: если раньше это были лишь

представители правых партий, то теперь у него появились противники в собственном лагере, где сформировалось нечто вроде левого крыла. Главный довод этой внутренней оппозиции -- то, что Брестский договор, который он все еще готов упорно отстаивать, был ошибкой. Все большие куски русской территории оказываются под оккупацией, мир с Финляндией и Украиной все еще не ратифицирован, голод не только не побежден, но, напротив, возрос. Короче говоря, до действительного мира еще очень и очень далеко.

К сожалению, он вынужден признать, что некоторые события последнего времени подтверждают обвинения его противников.

Поэтому он всячески старается ускорить выяснение дел на севере и юге¹⁹⁰, и особенно прилагает усилия, при нашем сотрудничестве и влиянии, к достижению мирных соглашений с Финляндией и Киевом¹⁹¹.

Ленин не жаловался и не бранился, и не намекал на то, что если нынешнее положение дел не изменится, он может быть вынужден обратиться к другим державам. Однако он явно старался как можно выразительнее изобразить все трудности своего положения¹⁹².

ПОСОЛ В МОСКВЕ -- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 122 16 мая 1918 г.

Отправлено: 17 мая, 22. 30 Получено: 18 мая, 1. 25
Согласно надежному источнику, в Петрограде снова опасное положение. Антанта предположительно тратит огромные суммы, что, бы привести к власти правое крыло партии эсеров и возобновить войну. Матросы на кораблях "Республика" и "Заря России" и на крейсере "Олег", который отплыл в Ино, говорят, подкуплены, точ-

но так же подкуплен и Преображенский полк. Склады оружия] на оружейных заводах в Сестрорецке в руках эсеров. Большевики не могут обнаружить центр этой организации. Движение вроде бы! установило контакт с Дутовым¹⁹³ и сибирским движением. Здесь, тоже увеличилась агитация. Я пытаюсь противостоять усилиям Антанты и поддерживать большевиков. Однако я был бы признателен за инструкции относительно того, оправдывает ли сложившаяся ситуация использование крупных сумм в наших интересах, если это окажется необходимо, и какую тенденцию мне поддерживать, если большевики не устоят. В случае падения большевиков последователи (одно слово зачеркнуто) Антанты имеют в настоящий момент наилучшие перспективы.

М И Р Б А Х

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ -- ПОСЛУ В
МОСКВЕ

Телеграмма No 121 Берлин, 18 мая 1918 г.

На телеграмму No 122

Используйте, пожалуйста, крупные суммы, так как мы заинтересованы в том, чтобы большевики выжили. В вашем распоряжении фонды Рицлера. Если потребуется больше, телеграфируйте, пожалуйста, сколько. Отсюда очень трудно сказать, кого следует поддерживать в случае падения большевиков. Если будет действительно сильный нажим, левые эсеры падут вместе с большевиками. Мне кажется, это единственные партии, которые основывают свои позиции на Брест-Литовском мире. Кадеты как партия против Германии, монархисты тоже будут за пересмотр Брестского мирного договора. Не в наших интересах поддерживать монархическую идею, которая воссоединит Россию. Наоборот, мы должны, насколько

возможно, помешать консолидации России, и с этой целью надо поддерживать крайне левые партии.

КЮЛЬМАН

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ --ПОСЛУ В
МОСКВЕ

Телеграмма No 246 Берлин, 1 июня 1918 г.

От представителя МИД при Верховном главном командовании армии в Финляндии мы получили сообщение, что польские и чешские войска движутся к мурманской железной дороге для пере-броски на Западный фронт. Мы также узнали из надежного источника, что на линии Вологда -- Пермь были замечены пять транспортов с полностью экипированными сербами. Правительству в Москве следует разъяснить, что мы не можем сидеть сложа руки и спокойно наблюдать за такими действиями Антанты. Если русское правительство не в состоянии предотвратить передвижение таких транспортов, тогда мы будем вынуждены искать более надежных гарантий против всякой поддержки, которую Антанта посылает на мурманское побережье. Как только мы получим ответ от Верховного главкомандования армии на наше предложение послать в район Мурманска немецкого комиссара, мы тут же сообщим Вашему превосходительству, но я бы попросил Вас немедленно обсудить эти события с Чичериным в той форме, которую

Вы сочтете нужной, указать ему на серьезность дела и сказать, что мы не можем терпеть это положение. В довершение всего, согласно другим сообщениям, через Хабаровск движется чехословацкий корпус. Мы настаиваем, чтобы ему помешали проехать на Владивосток, если та-

ковое намерение имеется. Сообщите о Ваших шагах телеграммой.

КЮЛЬМАН

ПОСОЛ В МОСКВЕ-- В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма No 233 3 июня 1918, 17. 41

Получено: 4 июня 3. 20

В связи с сильной конкуренцией со стороны Антанты необходимо 3 млн. марок в месяц. В случае необходимости перемены нашей политической линии может возникнуть нужда в более крупной

сумме.

МИРБАХ

GERMANSKIIY SOVETNIK MISSION !

В МОСКВЕ -- ПОСЛУ БЕРГЕНУ]

В МИД ГЕРМАНИИ i

4 июня 1918 г.

Дорогой господин фон Берген!

За последние две недели положение резко обострилось. На нас надвигается голод, его пытаются задушить террором. Большеви стский кулак громит всех подряд. Людей спокойно расстреливают сотнями. Все это само по себе еще не так плохо, но теперь уже не может быть никаких сомнений в том, что материальные ресурсы большевиков на исходе. Запасы горючего для машин иссякают, и даже на латвийских солдат, сидящих в грузовиках, больше нельзя полагаться -- не говоря уже о рабочих и крестьянах. Большевики страшно нервничают, вероятно, чувствуя приближение конца, и поэтому крысы начинают заблаговременно покидать то нущий корабль. Никто не в

состоянии предсказать, как они встретят свой конец, а их агония может продлиться еще несколько недель. Может быть, они попытаются бежать в Нижний или в Екатеринбург. Может быть, они собираются в отчаянии упиться

собственной кровью, а может, они предложат нам убраться, чтобы разорвать Брестский договор -- который они называют "передышкой" -- и тем самым их компромисс с типичным империализмом, спасши таким образом в свой смертный миг свое революционное сознание. Поступки этих людей абсолютно непредсказуемы, особенно в состоянии отчаяния. Кроме того, они снова уверовали, что все более обнажающаяся "военная диктатура" в Германии вызывает огромное сопротивление, особенно в результате дальнейшего продвижения на восток, и что это должно привести к революции. Это недавно написал Сокольников¹⁹⁴, основываясь, очевидно, на сообщениях Иоффе.

В настоящий момент террор, кажется, придал им немного сил, но несмотря на это Карахан засунул оригинал Брестского договора в свой письменный стол. Он собирается захватить его с собой в Америку и там продать, заработав огромные деньги на подписи императора.

Мы, конечно, не должны прислушиваться к воплям буржуазии, умоляющей нас о помощи и восстановлении порядка, но нам, тем не менее, следует принять в расчет одну серьезную возможность-- а именно, возможность восстановления буржуазной России с помощью Антанты. Здесь имеются чехословацкие войска, в Архангельске стоят англичане и французы, имеются офицерские ассоциации и партийные организации. Радость освобождения от большевистского террора может помочь стране

справиться с некоторыми экономическими проблемами, а открытие банков и возобновление свободной торговли может существенно поправить дела. Если это случится, то Украина с ее киевскими кадетами и гетманом Скоропадским¹⁹⁵ окончательно снимет украинскую вуаль и объединится с Великороссией. Мы окажемся в крайне сложном положении -- нам придется либо противостоять мощному движению, имея всего несколько дивизий, либо оказаться вынужденными принять это движение. Говоря конкретно, это означает, что мы должны протянуть нить к Оренбургу и Сибири над головой генерала Краснова¹⁹⁶, держать втайне наготове кавалерию, ориентируя ее на Москву, подготовить будущее правительство, с которым мы могли бы войти в согласие, исследовав для этой цели как можно глубже ряды кадетов (чтобы, при необходимости, также скомпрометировать их, и наконец пересмотреть пункты Брестского договора, направленные против экономической гегемонии в России, а именно воссоединить Украину с Россией и что-нибудь придумать с Эстонией и Латвией, которые мы могли бы потом снова продать назад России. Помогать возрождению России, которая снова станет империалистической, перспектива не из приятных, но такое развитие событий может оказаться неизбежным, потому что, в связи с полной нестабильностью Рады (как я и все прочие это понимают), всякая мысль о продолжительной независимости УК

раины становится фантастической, а объединенная русская душа обладает, несмотря ни на что, редкостной витальностью. Украина падет вместе с большевиками. "Свершившийся факт" династии в Киеве может несколько продлить существование этого искусственного государства, но не более того. Что касается моей работы здесь, то аппарат наших объединенных соперников, кото-

рые выступают в самых разных ролях, крайне мощен, и наши обесцененные рубли исчезают с небывалой скоростью.

Прошу извинить меня за это лирическое отступление о состоянии хаоса, который, даже со здешней точки зрения, уже совершенно невыносим.

С наилучшими пожеланиями,

Ваш и пр РИЦЛЕР

P. S. Сегодня положение как будто несколько улучшилось. Террор, верно, оказал свое воздействие, нарушив планы заговорщиков. Правда, голод становится все более угрожающим, и поскольку народ считает, что на юге колосятся поля пшеницы, нас винят -- и не без оснований -- за нехватку хлеба, керосина и угля. Тем не менее, у нас, может быть, есть еще 6--8 недель для того чтобы решить, можем ли рисковать, что состояние хаоса бросит страну в объятия Антанты --и тогда все наши экономические интересы погибнут, или же, ради спасения наших естественных ресурсов, нам придется установить здесь буржуазный режим, с которым мы можем достичь соглашения.

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ --МИНИСТРУ
ФИНАНСОВ

Берлин, 8 июня 1918 г.

Дорогой Редерн!

Прилагаю к этой записке меморандум для Вашей личной и строго конфиденциальной информации, из которого Вы узнаете все о положении дел на сегодня. Получив Ваше принципиальное согласие, я тут же вышлю официальный запрос. Ввиду огромной важности дела я

был бы особенно признателен Вам за скорейший и положительный ответ.

Ваш КЮЛЬМАН

ПРИЛОЖЕНИЕ

Меморандум статс-секретарю иностранных дел для обсуждения с графом Редерном

Берлин, 5 июня 1918 г.

В связи с недавними попытками Антанты в России убедить Советы рабочих депутатов принять требования Антанты, что могло бы привести к ориентации России на Антанту, граф Мирбах был вынужден потратить значительные суммы, чтобы помешать этому решению.

До сих пор большевики с успехом выдерживали натиск Антанты, но любой день может принести новые неожиданности. Социал-революционеры полностью продались Антанте, которая, с помощью чехословацких батальонов, пытается подорвать власть большевиков. Кажется, по состоянию на сегодня большевикам удавалось отражать атаки чехословацких войск. Тем не менее в ближайшие месяцы может вспыхнуть внутривластная борьба. Она даже может привести к падению большевиков, особенно если учесть, что один или даже два из их руководителей уже достигли определенной степени отчаяния относительно собственной судьбы.

Пока большевистское правительство остается у власти, мы будем пытаться всеми возможными средствами удержать большевиков от ориентации в другом направлении, несмотря на серьезные испытания и препятствия, вызванные нашими же требованиями (в связи с Эстонией, Ливонией, Закавказьем и Крымом). На это понадобятся деньги, и наверное, много денег. С другой стороны,

поскольку мы считаемся с возможностью свержения большевиков, нам не следует разрывать отношения с другими политическими партиями. Напротив, на случай падения большевиков мы должны обеспечить себе максимально безопасный переход. На это тоже понадобятся деньги.

Граф Мирбах сообщил, что ему отныне нужно будет 3 миллиона марок в месяц на расходы, связанные с этой деятельностью. Однако в случае изменения политики может понадобиться сумма вдвое большая, если, конечно, это возможно.

Фонды, имевшиеся в нашем распоряжении на расходы в России, исчерпаны. Поэтому очень важно, чтобы министр финансов выдал нам новые фонды. В связи с описанным выше положением этот фонд должен составить как минимум 40 миллионов марок.

ТРАУТМАН197

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КВАРТИРМЕЙСТЕР -- СТАТС-
СЕКРЕТАРЮ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Ставка, 9 июня 1918 г.

С разрешения Вашего превосходительства изложу свои соображения насчет нашего военного и политического положения на востоке. Из-за нехватки персонала нам пришлось еще больше ослабить наши дивизии. Они достаточно сильны, чтобы выполнять задачи оккупационного порядка, но если положение на востоке ухудшится, они не справятся с ним. Во всяком случае, в связи с неясностью политики слабого советского правительства мы должны поискать на востоке других союзников. На севере у нас есть Финляндия, которая укрепила свою военную мощь, благодаря нашему вступлению в страну, со-

вершенному с одобрения Вашего превосходительства. Мы можем надеяться, что что бы ни случилось здесь, мы будем иметь сильную военную поддержку.

Украина пока не достигла успехов в создании собственной армии. Украина важна для нас также с точки зрения поставок сырья. С военной точки зрения мы имеем все права использовать здесь наши войска, не сделать этого было бы ошибкой.

В Грузии, так же как и в Финляндии, у нас есть возможность укрепить наши военные силы, мы должны сформировать грузинскую армию. Поэтому необходимо признать грузинское государство и защищать его. В этом случае следует принять во внимание этическую сторону дела: Грузия -- христианское государство, и мы долгое время поддерживали его надежды. Признание и протекция со стороны Германии в то же самое время сохранит безопасность Грузии от алчных турок. Иначе мы никогда не справимся с тамошними трудностями. Прошу Вас проверить полномочия М. Чхенкели¹⁹⁸, пока он у Вас, и принять в отношении Грузии предложенную мной политику, чтобы быть уверенными, что Грузия, как и Финляндия, поддержит наши военные усилия. Не следует откладывать решение до получения первых отчетов от генерала Кресса¹⁹⁹. Если Грузия станет нашей передовой базой, то можно надеяться, что кавказская территория постепенно будет умиротворена, и мы сможем вывозить оттуда сырье, в котором так нуждаемся.

Я бы хотел подчеркнуть, что не следует забывать о Турции и что мы должны, до какой-то степени, учесть ее пожелания. Им крайне важна железная дорога от Батума через Тифлис до Дуль-фы. Турции следует обеспечить перевозку войск по этой линии. Мы не должны устанав-

ливать контроль над линией Тифлис -- Баку. Здесь турки будут вынуждены уступить нам. Баку тоже не следует отдавать туркам. Генерал Кресс сначала должен выяс

нить ситуацию в армянской и мусульманской частях Кавказа. Мы должны руководствоваться принципом, что Турция не должна препятствовать формированию грузинской армии и поставке сырья с Кавказа. Если турки займут линию Тифлис -- Баку и сам Баку, мы будем рассматривать это как враждебное выступление, как оккупационный акт, который может привести к разрушению местной нефтяной промышленности.

Из всего этого следует, что на востоке мы можем рассчитывать на военную поддержку Финляндии и Грузии. Но этого не достаточно. Нам также следует войти в контакт с кавказскими казаками, которые пытаются уйти из-под власти советского правительства. Шагом в этом направлении может стать возвращение им оружия, конфискованного нами, при условии, что оно не будет направлено против нас.

Я думаю, что все, чего требует наше положение на востоке, в военной сфере сделано, однако в сфере политической это не так. Я с величайшим недоверием отношусь к бесчестным усилиям советского правительства. Я уже несколько раз говорил об этом Вашему превосходительству. В прилагаемой телеграмме позиция этого правительства выглядит чрезвычайно непривлекательно. Я хотел бы также напомнить Вам о проблемах военнопленных, о поддержке советским правительством красной гвардии в Финляндии, о предпочтении, оказываемом Антанте на мурманской же-лезной дороге, о судах в Новороссийске... Особую тревогу вызывает отношение советского правительства к чехословацким, сербским и румын-

ским войскам, хотя господин Иоффе возражает против этого. Вместо того чтобы разоружить их, как было условлено, советское правительство вооружило чехословацкие и другие войска и позволило им продвигаться вперед, как и раньше, и даже воевать с нами на Украине, чтобы заполучить Мурманскую железную дорогу и уйти с Дальнего Востока. Отсюда, как считает советское правительство, их можно перебросить во Францию и там они будут воевать против нас. Это, кажется, отвечало желаниям Антанты оккупировать Мурманск и восточно-сибирскую дорогу с этими войсками, чтобы овладеть Россией. Тогда советское правительство совершило поворот на 180 градусов и внезапно заявило, что чехословацкие войска хотят разоружения. Таким образом, их ложь вышла наружу.

Я только замечу здесь, что притязания советского правительства возросли, едва оно выяснило, что мы не будем пересекать демаркационную линию, хотя они всегда протестовали против нашего мнимого продвижения. Советское правительство, насколько каждый может видеть, приняло по отношению к нам ту же позицию, что в начале переговоров в Бресте. Оно всячески затягивает все важные для нас решения и, насколько это возможно, действует против нас. Нам нечего ожидать от этого правительства, хотя оно

и существует по нашей милости. Для нас это постоянная опасность, которая уменьшится только, если оно безоговорочно признает нас высшей державой и покорится нам из страха перед Германией и из опасений за свое собственное существование. Следовательно, мне кажется показным строгое и безжалостное обращение с этим правительством.

Во избежание неприятных сюрпризов на востоке мы должны следить за быстрым и безоговорочным выполнением наших собственных требований, обусловленных нашей позицией.

Советское правительство еще не доказало, что оно способно править на своей территории. До сих пор оно только разрушало, а теперь, резко повернув вправо, начнет строить. Но у них нет аппарата управления. Во всяком случае против советского правительства действуют мощные течения, и мы должны иметь это в виду.

Хотя мы сейчас ведем официальные переговоры только с советским правительством, мы должны одновременно поддерживать отношения с другими движениями в России, чтобы не оказаться вдруг в полном одиночестве. Мы не можем полагаться на сторонников Керенского, они подчиняются Антанте. Мы должны установить контакты с монархистскими группами правого крыла и влиять на них так, чтобы монархистское движение, как только оно получит какое-то влияние, управлялось бы нами. Антанта тоже поняла важность этого движения. Согласно надежному источнику, Антанта уже пообещала монархистам поддержку через министра Нулена на совещании консервативных элементов и предложила ввести в стране конституционную монархию. Предложение было принято вежливо, но ответа пока нет.

В области экономики мы должны достичь четких соглашений с русским народом, иначе мы окажемся перед угрозой, что советское правительство будет делать все возможное, чтобы улучшить Брестский договор. Экономические соглашения на востоке также снимут угрозы Антанты устроить бойкот Германии, это значительно укрепит

пит нашу позицию на будущих мирных переговорах и во всем мире.

ЛЮДЕНДОРФ

МИНИСТР ФИНАНСОВ ГЕРМАНИИ -- В МИД
ГЕРМАНИИ

Берлин, 11 июня 1918 г.

Дорогой Кюльман!

В ответ на Ваше письмо от 8 июня, в котором Вы также прислали мне меморандум, приложенный к документу No 2562, сообщаю, что я согласен поддержать заявление, поданное без указания каких-либо причин, на 40 млн. марок, которые будут Вам переданы на обсуждаемые нужды 200.

РЕДЕРН

ПОСОЛ В МОСКВЕ -- СТАТС-СЕКРЕТАРЮ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

25 июня 1918 г.

Дорогой господин начальник!

Я хотел бы сегодня воспользоваться Вашим предложением писать Вам время от времени частные письма, чтобы кратко подвести итог кое-каким соображениям о здешней ситуации, которые, быть может, Вам будет удобнее обнаружить в сконцентрированном виде в одном письме, несмотря на то, что они уже встречались в отдельных сообщениях.

После двухмесячного внимательного наблюдения я более не могу поставить большевизму благоприятного диагноза. Мы, несомненно, стоим у овра опасо больно-

го, состояние которого может иной раз и улучшиться, но который обречен.

Не говоря уже о том факте, что большевизм наверняка скоро падет жертвой процесса внутреннего разложения, который пожирает его, против него действует слишком много элементов, стараясь приблизить его конец и поставить своих собственных преемников. (Конечно, это не так ужасно с военной точки зрения, но в политическом и экономическом плане это никак не может быть желательно).

Если мы примем за факт, что большевизм достиг конца своей в части, тогда, я думаю, нам следует попытаться обеспечить заполнение вакуума, который образуется после его исчезновения, режимом, благоприятным для наших планов и интересов -- это не обязательно означает немедленную реставрацию монархии.

Основные предпосылки для этого имеются. Они до некоторой

степени в латентном состоянии, но их в любой момент можно активизировать.

В нашем распоряжении -- группы заинтересованных партий самых разных оттенков. Прежде всего, монархисты, в более узком смысле этого слова, которые, вероятно, заслуживают рассмотрения только как единственная доступная твердая опора для любой возможной комбинации, но которых не следует рекомендовать. В целом, они слишком ленивы и пребывают в слишком большом смятении и заинтересованы, в основном, в том, чтобы с нашей помощью получить назад свое уютное и обеспеченное существование.

Ядро нужных нам людей должно состоять из умеренных правого крыла, октябристов и кадетов (здесь чем левее, тем лучше), особенно потому, что такая комбинация обеспечит нам большой процент влиятельных фигур в промышленности и банках, которые будут служить нашим насущным экономическим интересам.

Этот блок, который и так довольно силен, можно еще укрепить, если нам удастся привлечь туда сибиряков -- хотя это будет нашей самой сложной проблемой. Тогда у нас появятся еще более широкие перспективы, связанные с полезными ископаемыми Сибири, и в этой связи я немного коснусь широких, почти неограниченных возможностей развития, которые ведут нас на Дальний Восток

В случае перемены ориентации нам даже не придется прибегнуть к силе в значительных масштабах, и мы сможем в какой-то степени поддерживать видимость хороших отношений с большевиками до последнего момента. В качестве предлога для военного наступления мы в любой момент можем воспользоваться царящей здесь бесхозяйственностью либо послаться на урон, который здесь постоянно наносится нашим интересам. Любое наше сколько-нибудь значительное военное наступление -- даже не обязательно направленное против обеих столиц -- автоматически приведет к падению большевиков, после чего, так же автоматически, образовавшуюся пустоту немедленно заполнят новые правительственные органы, которые мы будем держать наготове и которые будут целиком и полностью состоять у нас на службе.

Конечно, нам придется чем-то за это заплатить, если не сразу, то впоследствии У тех друзей, которые могут здесь у нас обнаружиться, наверняка возникнут возраже-

ния против карты России, начертанной Брестско-Литовским договором. Они, быть может, уже сумели духовно отделиться от Польши, Литвы и Курляндии, они могут даже смириться с отказом от Ливонии. Но вот отделение Эстонии вызовет -- из-за Ревеля -- большую горечь, а постоянное отделение от России Украины следует считать невозможным, что это нужно принять за политическую аксиому. Тем немцам, которые уже что-то вложили в Украину, трудно будет согласиться с требованием вернуть ее России; те же, кто считал отделение

Украины временным военным мероприятием, вполне смогут свыкнуться с мыслью о новом повороте дела.

Конечно, я прекрасно понимаю, что мне доступна лишь часть картины. Решения могут принимать только те, кто видят всю картину в целом и знают все различные взаимосвязи и отношения. Тем не менее, я желал и считал необходимым описать ту часть, за которую я отвечаю, и описать так, как я ее вижу и понимаю.

МИРБАХ

Примечания

1 В этом разделе книги Б. И. Николаевского нами дан в переводе с английского и немецкого сводный текст избранных документов, в свое время опубликованных в сборниках *Germany and the Revolution in Russia 1915 -- 1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Edited by Z. A. B. Zeman. London, Oxford University Press, 1958*, *L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Pub. et ann. par A. Scherer et J. Grunewald. Liv. I--III, Paris, 1962--1976*, а также не публиковавшихся ранее архивных материалов, полученных самим Б. И. Николаевским. Значи-

тельная часть документов, изданных Земаном, Шререром и Грюневальдем, прежде всего документы Земана, были переведены на русский язык и опубликованы русской эмигрантской периодической печатью. С целью сделать публикацию документов о германском вмешательстве в дела русской революции наиболее полной, в интересах читателя, в настоящий раздел включены и те документы книг Земана, Шререра и Грюневальда, которые формально не являются частью архива Б. И. Николаевского -- Прим. Ю. Ф.

2 А. Л. Гельфанд (Парвус) (1869--1924). Русско-германский социал-демократ. С 1890-х гг. член социал-демократической партии Германии. В '1897--1898 гг -- редактор "Sachsischen Arbeiterzeitung". Идеолог первой русской революции, создатель теории перманентной революции, позднее подхваченной Троцким. После поражения революции эмигрировал. В Турции сделался преуспевающим бизнесменом. В первую мировую войну жил в Германии, занимал прогерманскую позицию. С помощью германского правительства разбогател на поставках вооружения немецкой армии. Советник кайзеровского правительства по вопросам русской революции. В 1915 г. основал социалистический журнал "Die Clocke" ("Колокол"). В Дании организовал институт по изучению последствий мировой войны, ставший крупнейшим шпионским центром, в работу которого были вовлечены многие русские революционеры. Одновременно использовал выделяемые Германией на институт деньги для финансирования русских революционеров. Претендовал на руководство революцией 1917 г, но был оттеснен Лениным. Пытался приехать в Россию, так как не доверял способностям Ленина, но впущен не был. Уехал в Швейцарию, где и умер. --Прим. Ю. Ф.

3 10 января 1915 г. статс-секретарь иностранных дел ответил: "Прошу принять д-ра Гельфанда в Берлине. Ягов". В тот же день МИД Германии разослал телеграммы в посольства Германии в Вене (No 142), Константинополе (No 66) и Бухаресте (No 37) с требованием держать в секрете связь Парвуса с Бацарисом.

4 Курт Рицлер (Рюдорфер, 1882-1955) -- германский дипломат, философ и публицист. С мая 1913 г. -- 'постоянный помощник при министерстве иностранных дел. В августе 1914 г. был назначен в свиту кайзера в Ставке. В январе 1915 г. переведен в Имперскую канцелярию. В сентябре 1917 г. назначен консулом при посольстве в Стокгольме во главе вновь созданной русской секции. Отозванный в апреле 1918 г. в Берлин, тогда же отправился работать с графом Мирбахом, послам в Москве. После убийства Мирбаха в июле исполнял обязанности. послы вплоть до отозвания в Берлин в августе 1918. Автор ряда работ по вопросам мировой политики. -- Прим. Ю. Ф.

5 Готлиб фон Ягов (1863--1935), германский дипломат, статс-секретарь иностранных дел в 1912--1916. -- Прим. Ю. Ф.

6 В. И. Ленин (1870--1924). Лидер большевизма, экстремистского крыла русского социал-демократического движения. Неудавшийся юрист, слабый экономист, банальный философ. Блестящий тактик партийной борьбы, гениальный организатор раскола. В апреле 1917 года при посредстве германского правительства возвращается в Петроград. В июле из-за проезда через Германию и раскрывшихся связей с немцами, в частности и из-за проникшей в печать информации о получении большевиками от германского правительства денег, обвиняется Временным

правительством в измене, скрывается от ареста, практического участия в организации переворота в Петрограде не принимает. Безупречный авторитет Ленина в партии -- одна из не соответствующих истине легенд советской историографии. Ленин неоднократно был близок к тому, что потеряет власть над партией: в ноябре 1917г., когда вопреки воле большинства ЦК настаивал на создании однопартийного правительства; весной 1918 г., когда настоял на подписании Брестского мира; в последние перед смертью месяцы, когда физически не был уже в состоянии вести борьбу против Сталина. -- Прим. Ю. Ф.

7 По просьбе МИДа Германии Гельфанду (Парвусу) была предоставлена свобода передвижения по Германии, ограниченная для иностранноподданных, и выдан паспорт, которым он мог пользоваться в нейтральных странах. Ранее А. Циммерман, заместитель статс-секретаря МИДа Германии, обратился с просьбой к министру финансов о предоставлении двух миллионов марок на поддержку русской революционной пропаганды. Уже 11 марта им был получен благоприятный ответ. -- Прим. Ю. Ф.

8 Просьба была удовлетворена 9 июля 1915 г.

9 Ульрих фон Брокдорф-Ранцау (1869--1928), граф, германский дипломат. На дипломатической службе с 1894 г. В 1897--1901 Но. -- секретарь германского посольства в Петербурге, затем в Вене. В 1901--1909 гг. -советник миссии в Гааге, затем советник посольства в Вене. В 1909 --1912 гг. -- генеральный консул в Будапеште, в 1912-1918 гг. -- посланник в Копенгагене. С декабря 1918 г. по июнь 1919 г. -- министр иностранных дел. В 1922--1928 гг. -- первый посол Германии в СССР. -- Прим. Ю. Ф.

10 Со времен Бисмарка имперский канцлер являлся одновременно и министром иностранных дел Германии.

Ему помогали статс-секретарь иностранных дел и сначала один, а в годы первой мировой войны два заместителя статс-секретаря иностранных дел. С декабря, 1912 г. по ноябрь 1916 г. статс-секретарем иностранных дел был Ягов, до августа 1917 г. - Циммерман, до июля 1918 г. -- Кюльман, до октября 1918 г. -- Гинце. Заместителями статс-секретаря иностранных дел были с мая 1911 г. по ноябрь 1916 г. -- Циммерман, затем по октябрь, 1918 г. -- Штумм, одновременно с октября 1916 г. по декабрь 1918 г. -- Бусше.

Миссии и консульства за границей были составной частью германского министерства иностранных дел. К началу войны 1914 г. при МИДе было 44 миссии. 9 из них имели статус посольств. После начала войны миссии по существу стали подчиняться Верховному главнокомандованию и потеряли многие свои мирные функции. Чиновники МИДа часто имели теперь воинские звания и переходили с дипломатической работы на военную и наоборот. Относительно незатронутыми этими изменениями оставались только миссии ряда нейтральных

государств Структура МИДа была изменена лишь после ноябрьской революции 1918 г, а в марте 1920 г. правительством Веймарской республики МИД Германии был полностью реорганизован. -- Прим. Ю. Ф.

11 Гельфанд утверждал, что устойчивость рубля в России и за границей может быть поколеблена определенными мерами германского министерства финансов. См. доклад No 463, посланник в Копенгагене - Канцлеру, 30 ноября 1915 г.

12 Карл Гельферих (1872-1924) -- государственный деятель, дипломат, экономист. Его труд о деньгах часто упоминается с эпитетом "классический". С 1906 г. -- один

из директоров Анатолийской (Багдадской) железной дороги. С 1908 г. -- директор Немецкого банка. С февраля 1915 г. -один из влиятельных членов правительства, сначала как статс-секретарь в министерстве финансов, затем -- статс-секретарь внутренних дел и до ноября 1917 г -- вице-канцлер. Один из руководителей финансовой политики Германии в первую мировую войну В ноябре 1917 г, после образования правительства во главе с канцлером Гертлингом, ушел в отставку, руководил работами по подготовке будущих мирных переговоров. Был назначен преемником Мирбаха на пост германского посла в России, куда отбыл из Берлина 26 июля. Однако 6 августа покинул Москву и больше уже в Россию не возвращался. -- Прим. Ю. Ф.

13 А Циммерман (1864--1940). С 1906 г. -- тайный советник миссии. В 1910 г. -- руководитель Политического отдела В 1911--1916 гг. -заместитель статс-секретаря МИДа Германии С 1916 г. по август 1917 г. -статс-секретарь иностранных дел МИДа -- Прим. Ю. Ф.

14 А Э. Кескюла, Кескюля (псевдоним -- А Штейн. Род. в 1882 г), эстонский коммерсант, агент германского правительства 18 июня 1917г. покинул Германию из-за аннексии Германией эстонской территории. В 1940г. еще жил в Стокгольме. -- Прим. Ю. Ф

15 А. И. Тучков (1862--1936), лидер октябристов, депутат, а с 1910 г. председатель 3-й Государственной думы. В 1915--1917 гг. -председатель Центрального военно-промышленного комитета. Военный и морской министр первого Временного правительства (март -- май 1917 г.). Выступал за продолжение войны с Германией. После октябрьского переворота эмигрировал -Прим. Ю. Ф.

19 Г. Е. Львов (1861--1925), князь Депутат 1-й Государственной думы. Председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей "Земго-ра". С марта по июль 1917 гг. -- председатель Совета министров Временного правительства. После большевистского переворота эмигрировал. -- Прим. Ю. Ф.

17 А Ф. Керенский ((1881--1970), по профессии адвокат, лидер фракции трудовиков в 4-й Государственной думе С марта 1917 т. -- эсер Во Времен-ком правительстве занимал различные министерские посты: юстиции (март -- май), военного и морского министра (май -- сентябрь), министра-председателя (с 8 июля) и верховного главнокомандующего (с 30 августа). За время своего руководства окончательно подорвал доверие к демократическому правительству, авторитетом в глазах армии не пользовался никогда, а потому большевиками был сметен с легкостью. Из Зимнего в последнюю минуту бежал, пробовал при помощи Краснова вернуть себе власть. Потерпел неудачу и эмигрировал за границу. Открыто обвинял большевиков в государственной измене (намекая на сотрудничество с Германией). В последний период эмиграции -- профессор Стэнфордского университета в Калифорнии. -Прим. Ю. Ф.

18 В В Шульгин (1878--1976), русский политический деятель, публицист Один из руководителей правого крыла 2-й, 3-й и 4-й Государственной думы Член Временного комитета Государственной думы. После большевистского переворота эмигрировал. Использован советской политической полицией как провокатор в "Операции Трест", затем вторично в конце второй мировой войны, когда был арестован советскими карательными органами, возвращен в СССР, приговорен к заключению, но при этом призывал соотечественников за границей вернуться на роди-

ну. До 1956 г. отбывал заключение в концлагере. В 1960-е гг использован как провокатор третий раз, когда по поручению пра

вительства призывал эмигрантов отказаться от антисоветских взглядов. -Прим Ю. Ф.

9 Видимо, речь идет о бароне Леопольде фон Хеннет. -- Прим. Ю. Ф.

20 А. Н. Хвостов ((1872--1918), министр внутренних дел России в 1915-- 1916 гг. Представитель фракции правых в 4-й Государственной думе. Расстре

ян советским правительством. -- Прим. Ю. Ф.

21 Николай II, Романов (1868--1918), последний российский император (1894--1917) Казнен по решению советского правительства. -- Прим. Ю. Ф.

22 Фрейлина русского двора, заставшая начало войны в своем имении в Австрии, Васильчикова была связана не только с русскими, но и с австрийскими придворными кругами и была использована немцами как посредник. В течение 1915 г. она отправила Николаю II три письма с сообщением, что германский кайзер готов заключить с Россией сепаратный мир. В декабре того же года Васильчикова прибыла в Россию и пыталась добиться аудиенции у Николая. Николай, очевидно, отказался ее принять: Васильчикову выслали из Петербурга. -- Прим. Ю. Ф.

23 Грузинское сепаратистское движение.

24 Барон Леопольд фон Хеннет (род в 1876 г.), доктор юридических наук. Прикомандирован к австро-венгерскому военному атташе в (Берне. -- Прим. Ю. Ф.

20 Е Цивин (Вейс), социалист-революционер. До середины сентября 1916 г. работал на австро-венгров, затем на немцев. Во время первой мировой войны жил в Швейцарии. На партийном эсеровском суде, состоявшемся в 1916 г. в присутствии Натансона и некоторых других эсеров-активистов, заявил, что Чернов знает о происхождении денег, имевшихся у Цивина и передаваемых им (видимо не полностью) на нужды партии, и давать дальнейшие объяснения отказался. 23 октября 1917 г. Ромберг сообщил о слухах, циркулировавших в русских кругах в Швейцарии, что вернувшийся в Россию Цивин арестован Временным правительством по обвинению в государственной измене. -Прим. Ю Ф.

26 В. М. Чернов (1873--1952), один из основателей и ведущих теоретиков партии эсеров. В революционном движении с конца 1880-х гг. Участник Цим

мервальдской и Кинтальской конференций. В 1917 г. -- министр земледелия во Временном правительстве. Председатель разогнанного большевиками Учредительного собрания. С 1920 г. в эмиграции. 'Во время второй мировой войны участник движения сопротивления во Франции. - Прим. Ю. Ф.

27 М А Натансон (псевдоним -- Бобров, 1850--1919), народник, затем член ЦК ПСР. В 1914--1918 гг. -- интернационалист. Участник конференций в Циммервальде и Кинтале. Идеологически был близок большевикам. Один из организаторов раскола эсеровской партии и руководитель партии левых эсеров, формально образовавшейся уже после октябрьского переворота. Эмигрировал. -- Прим. Ю. Ф.

28 30 августа статс-секретарь иностранных дел одобрил просьбу о выдаче 25 тыс. франков, но оставил

за собой принятие окончательного решения о дальнейших связях с Цивиным (телеграмма No 599.). До января 1917 г.,

когда он через Германию отправился в Норвегию, Цивин еще три раза получал деньги, каждый раз по 25 тыс. франков. 19 февраля он вернулся в Берн. Его просьба о дополнительных 30 тыс. франков была отклонена 6 марта (телеграмма No 271). 17 марта Циммерман передумал и санкционировал выдачу денег, пообещав дальнейшие три выплаты по 5 тыс франков

29 Гисберт, барон фон де Ромберг (1866-- 1939). В 1905--1910 гг. был генеральным консулом и посланником в Софии, в 1910--1912 гг. -советник-докладчик министерства иностранных дел Германии Германский посланник в Берне в 1912--1919 гг. С 16 октября 1917г. -- действительный тайный советник. -- Прим. Ю. Ф.

30 Теобальд фон Бетман-Гольвег (1856--1921). С июля 1909 по июль 1917 г. германский рейхсканцлер. После отставки отошел от политической деятельности. -- Прим. Ю. Ф.

31 Часть текста не поддается прочтению. Подпись неразборчива Та же подпись стоит и под документам от 12 декабря 1916 г. (см.. ниже) -Прим Ю. Ф.

32 Кристиания, Христиания -- в 1624--1924 гг. название Осло, столицы Норвегии. -- Прим. Ю. Ф.

33 Герман Грейлих (1842--1925), один из основателей социал-демократической партии Швейцарии, лидер ее правого крыла, публицист. С 1869 по 1880 г. -- редактировал в Цюрихе социал-демократическую газету "Tagwacht" ("Часовой"). В 1887--1925 гг. -- секретарь швейцарского рабочего союза Член правления социал-демокра-

тической партии Швейцарии. С 1902 г. -член парламента. Во время первой мировой войны выступил против циммервальдской левой. -- Прим. Ю. Ф.

34 А. Ф. Трепов (1862--1928), в 1916 г. -- председатель Совета министров Преемник Штюрмера. После октябрьского переворота в эмиграции. -- Прим Ю. Ф.

35 Б. В. Штюрмер (1848--1917), председатель Совета министров, министр иностранных и внутренних дел правительства России в 1916 г. Сменен А. Ф. Треповым -- Прим. Ю. Ф.

Ф. С. Д. Сазонов (1860-- 1927), министр иностранных дел России в 1910-1916 гг. В 1918--1919) гг. член правительства А. В. Колчака и А. И, Деникина. Затем в эмиграции. -- Прим. Ю. Ф.

37 М. В. Родзянко (1859--1924), один из лидеров октябристов В 1911-- 1917 гг. -- председатель 3-й и 4-й Государственной думы. В 1917 г. -председатель Временного комитета Государственной думы. После октябрьского переворота -- в эмиграции. -- Прим. Ю. Ф.

38 П. Н. Милюков (1859--1943), лидер кадетов, министр Временного правительства в марте -- мае 1917 г. Эмигрировал в Париж, где был редактором "Последних новостей". -- Прим. Ю. Ф.

39 А. В. Пешехонов (1867--1933), русский общественный деятель, публицист В начале 1900-х гг. близок к эсерам. С 1904 г.. -- член редакции кадетского журнала "Русское богатство", один из организаторов и лидеров партии народных социалистов. В мае -- августе 1917г. -- министр продовольствия Временного правительства. После октябрьского переворота стоял на антисоветских по-

зициях В 1922 г. выслан из советской России. -- Прим. Ю. Ф.

40 В. А. Мякотин (1867-1937), историк, публицист, один из лидеров партии народных социалистов. Член редакции кадетского журнала "Русское богатство". С 1922 г. в эмиграции. -- Прим. Ю. Ф.

41 В. Г. Короленко (1853--1921), русский писатель и публицист. В 1879 г. арестован по подозрению в связях с революционерами В 1881--1884 г. -- в ссылке. Редактор журнала "Русское богатство". -- Прим. Ю. Ф.

42 Н. Суханов (Гиммер Н. Н., 1882, --1940), революционер, экономист, публицист, историк. С 1903 г. -- эсер, с 1917 г. -- меньшевик. Член Исполкома Петроградского совета Первого созыва. Вместе с Ю. М. Стекловым и Н. Д. Соколовым вел переговоры и заключил соглашение с комитетом Государственной думы о составе первого буржуазного правительства России. До 1920 г. примыкал к меньшевистской группе Мартова. Автор семитомной истории русской революции "Записки о революции" (Изд. 3. И. Гржебина, Берлин -Петербург -- Москва, 1922--1923). Пытался примириться с большевизмом и вступить в партию. Принят так и не был. Стал членом Коммунистической академии. В 1930 г. был из нее исключен, а в 1931г. -- выставлен обвиняемым в процессе меньшевиков и осужден, как руководитель несуществовавшей подпольной меньшевистской организации. В 1939г. осужден повторно. Умер в лагере. -- Прим. Ю. Ф.

43 К. А. Гвоздев (род. в 1883 г.), меньшевик. В годы первой мировой войны стоял на патриотических позициях Председатель рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. После февральской революции член Исполкома Петросовета, товарищ министра,

а затем министр труда во Временном! правительстве. --
Прим. Ю. Ф.

44 Рукопись телеграммы. Часть текста не поддается прочтению -- Прим Ю Ф.

45 Доктор Карл фон Шуберт (род. в 1882г.), советник миссии с 27 января 1917 г С 9 июля 1915 по 31 августа 1918 г. работал в миссии в Берне -- Прим. Ю. Ф.

46 Согласно немецким источникам, Колышко был в течение 15 лет личным секретарем барона Витте. В июне 1915 г. он приехал в Стокгольм и был пред

ставлен немецкому послу. Колышко выразил готовность вести в России в газете "Русское слово" пронемецкую мирную пропаганду. Брокдорф-Ранцау, находившийся тогда в Копенгагене, рекомендовал осторожно относиться к Колышко и его планам. В июле 1916 г Колышко снова появился в Стокгольме, на

ей раз в сопровождении князя Бебутова. С ними вел переговоры агент МИДа Бокельман Во время этих переговоров стало ясно, что оба русских считают крайне желательным создание издательства, которое стало бы центром пронемецкой пропаганды. По мнению члена семьи гамбургских банкиров Варбурга, это был проект не только желательный, но и выгодный. Промышленник Гуго Стиннес был тоже заинтересован в переговорах между русскими и Бокельманом, но относился ко всему этому делу, особенно на начальной стадии, враждебно. Стиннес хотел играть ведущую роль, но немецкий посол в Стокгольме Люциус считал, что Бокельман, имевший связи с крупными русскими деятелями, более подходящая фигура для ведения переговоров, чем агенты Стиннеса в Стокгольме Тренк и Ферман.

12 августа 1916 г. Стиннес и Бокельман наконец пришли к компромиссу. Стиннес согласился одолжить Бокельману 2 млн. руб. на финансирование издательства в России. Через два дня статс-секретарь иностранных дел Ягов и Стиннес подписали в Берлине соглашение, по которому МИД имел право контролировать мероприятие в том смысле, в каком это затрагивало отношения между Германией и Россией. Похоже, что часть денег, предназначенных на ведение в России пронемецкой пропаганды, попали через Колышко в газету Максима Горького "Новая жизнь". В одном из своих отчетов Стиннесу Ферман

(Писал- "Новая жизнь" начала выходить только сейчас (май 1917) и поэтому кажется оправданным предположение, что с этим связан наш друг. Он, вероятно, побуждает Горького работать по чисто социал-демократическим линиям,

чтобы сохранить "Луч" в резерве для себя".

До своего ареста Временным правительством летом 1917 г. Колышко еще раз приезжал в Стокгольм и встречался там с Эрцбергером. См. также приложение к документу Эрцбергера от 31 марта 1917 г.

47 М. Эрцбергер (1875--1921), видный германский социал-демократ, агент Германского правительства. В октябре -- ноябре 1918 г. -- член правительства. От имени Германии подписал Компьенское перемирие 1918 г. В 1919--1920 гг -- министр финансов. Убит террористами организации "Консул". -- Прим. Ю. Ф.

48 Известия о русской революции прибыли в западные страны с опозданием, вызванным трудностями передачи информации.

49 Циммерман ответил 17 марта 1917 г. в 23, 45: "Эрцбергер выехал. Дело Колышко будет вестись из Стокгольма".

50 Эриф фон Скавениус (1877--(1940) -- в то время министр иностранных дел Дании. -- Прим. Ю. Ф.

51 На полях рукой Вильгельма II написано: "Но он ведь должен был поехать туда несколько недель тому назад! И давно уже был бы там! Все это результат медлительности в решениях, которой подвержены все Хольштейнеры по глосбургшской линии!"

52 Член шведского правительства, представитель одного из богатейших родов Швеции, контролировавшего банки и страховые компании, связанного с Крупнейшими концернами Западной Европы. -- Прим. Ю. Ф.

53 Русский посол в Швеции. -- Прим. Ю. Ф.

54 Вильгельм Янсон (1877-1923), по национальности швед, участник немецкого социалистического движения. Во время войны -- член Генеральной ко

миссии профсоюзов Берлина В 1905--1919 гг. вместе с П Умбрейтом был редактором "Correspondenzblatt der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands" ("Корреспондентский листок генеральной комиссии профсоюзов Германии"). С конца 1919 г -- атташе по социальным вопросам при шведской миссии в Берлине. Стоял на точке зрения, что победа Германии в первой мировой войне была бы в интересах рабочего класса.

55 Барон Гельмут Люциус фон Штедтен (1869--1934) -германский посланник в Стокгольме с Ив марта 1915 г. Первые сведения о подготовке февральского переворота также пришли от Люциуса. 23 февраля он сообщал из Стокгольма: "Я слышал от важного деятеля Антанты, ко

торый только что прибыл сюда из Петрограда, что там готовится крупная внутривосточная перемена. События огромной важности ожидаются еще в этом месяце" -- Прим. Ю. Ф.

56 Н С Чхеидзе (1864--1926), один из лидеров меньшевистской партии депутат 3-й и 4-й Государственной думы от Тифлисской губернии. В 4-й думе -- глава социал-демократической фракции. После февральской революции -председатель Петросовета. После большевистского переворота и провозглашения независимой Грузии -- председатель Учредительного собрания Грузии, член грузинского правительства, член Закавказского сейма. В 1921 г, после оккупации Грузии советской армией, эмигрировал в Париж -- Прим Ю. Ф

57 Замечание на полях: "Так как нас обвиняют в таких намерениях, чтобы поссорить нас с социалистами, мы должны поддержать социалистов (Керенского и др.) против Антанты и Милюкова и как можно скорее войти с ними в контакт Вильгельм"

58 Замечание на полях рукой Вильгельма II: "Об этом уже отдан приказ, так как фельдмаршал (так же как и я) придерживается того же мнения".

59 Замечание на полях рукой Вильгельма II: "Можно было бы наладить передачу сообщения с фронта на фронт (летчики с газетами, евреи) о том, что мы ни в коем случае не собираемся вмешиваться в события или как-то мешать им".

60 В. Радославов (1854--1929), премьер-министр Болгарии в 1886--1887 и в 1913--1918 гг. Один из основателей и лидеров (1807) либеральной партии (так называемых радославистов), существовавшей до 1920 г. Прово-

дил прогерманскую политику. В 1918 г. эмигрировал в Германию. -- Прим. Ю. Ф.

61 Джордж Уильям Бьюкенен (1854--1924) -- английский дипломат. В 1910--1918 гг. -- посол в России, в 1919--1921 гг. -- посол в Италии. В 1921 г. вышел в отставку. -- Прим. Ю. Ф.

62 Наполеон I Бонапарт (1769--1821|) -- французский император в 1804-- 1814 и марте -- июне 1815 г. -- Прим. Ю. Ф.

63 Карл Ялмар Брантинг (1860--1925) -- шведский социалист и государственный деятель, лидер социал-демократической партии Швеции, один из организаторов Второго Интернационала. В 1887--1917 гг. (с перерывами) -главный редактор "SocialDemokraten" ("Социал-демократ"). В 1887--1925 гг. -депутат риксдага. Занимал проантантовскую позицию, являясь, видимо, агентом Антанты, Председатель Стокгольмской конференции II Интернационала (апрель -июль 1917). В 1917 г. вошел в коалиционное либерально-социалистическое правительство Эдена. В 1920, 1921-1923 и 1924--1925 гг. возглавлял социал-демократическое правительство Швеции. -- Прим. Ю. Ф.

64 Гуго Стиннес (1870--1924), крупный германский промышленник С 1920 г. -- член рейхстага, один из лидеров "немецкой народной партии" -- Прим. Ю. Ф.

65 1 апреля 1917 г. министерство иностранных дел послало в министерство финансов просьбу о дополнительных пяти миллионах марок на политические цели в России. Эта просьба была удовлетворена 3 апреля. Принимая во внимание размер этой суммы, граф Родерн, новый министр финансов, запросил министерство иностран-

ных дел на что тратятся эти деньги. И опять, по соображениям секретности, дело было улажено устно.

66 На полях документа следующая запись: "Устно использовано в разговоре с господами Шейдеманом и Эбертом, которые завтра отбывают в Копенгаген для переговоров с господином Штаунингом. Я порекомендовал им вести пропаганду за мир, не обсуждая при этом отдельные вопросы, а именно -вопрос (I предполагаемых аннексиях Я особенно подчеркнул, что мы заинтересованы в Курляндии и Литве Они обещали никак не связывать себя на этот счет. Вообще, я напомнил Шейдеману его же собственные слова, сказанные им в рейхстаге " Наивен тот, кто думает, будто эту войну можно кончить не сдвигая по-граничных столбов" Циммерман, 4 апреля"

67 Ответ: Телеграмма No 260, Берлин, 10. 4 "Русские эмигранты из Швейцарии придут в Засниц в среду днем. Циммерман"

68 Доктор Адольф Мюллер (1865--1943|), врач. Член СДПГ, депутат Мюнхена от социал-демократов. В 1915 г. -- сотрудник Парвуса при основании <Die Glocke". Друг Парвуса. В 1919--1933 гг. -- германский посланник и полномочный министр германского рейха в Берне -- Прим. Ю. Ф.

69 Карл Георг фон Тройтлер (1858-1933), прусский посланник в Мюнхене С 18 октября 1910 г. -- действительный тайный советник. До 6 июля 1916 г. -- представитель МИДа при Ставке Верховного главнокомандования -Прим. Ю. Ф.

70 Филипп Шейдеман (1865--1939), лидер большинства немецких социал-демократов, во время войны -- председатель социал-демократической фракции в рейхстаге. В феврале -- июне 1919 г возглавлял коалиционное

правительство Веймарской республики. После 1921 г. отошел от активной политической деятельности. -- Прим. Ю. Ф.

71 Фридрих Эберт (1871--1925), член правления германской социал-демократической партии с 1905г. С 1913 г. -- один из его председателей. 9 ноября 1918 г. стал преемником принца Макса Баденского на посту рейхсканцлера. 10 ноября вошел в Совет народных уполномоченных, заключил соглашение с генштабом о вводе войск в Берлин для подавления революции. С 1919 г. -- президент Германии. -- Прим. Ю. Ф.

72 Вильгельм фон Штумм (1869--1935), в 1911-1916 гг. -руководитель Политического отдела, с 22 ноября 1916 по в августа 1917 г. -заместитель статс-секретаря МИДа. -- Прим. Ю. Ф.

73 Оттокар Чернин (1872--1932), граф, министр иностранных дел Австро-Венгрии с декабря 1916 по апрель 1918 г. -- Прим. Ю. Ф.

74 Не публикуется. Телеграмма предупреждала Вену о намерении немецкого правительства предложить королю Болгарии Фердинанду совместную декларацию Центральных держав, где в ответ на декларацию русского Временного правительства провозглашалась бы готовность заключить почетный мир с Россией.

75 Борис III (1894--1943), кронпринц, а в 1918- 1943 гг. -царь Болгарии. -- Прим. Ю. Ф.

76 Фердинанд I Кобургский (1861--1948), с 1887 г. -- князь, а в 1908-- 1908 гг. -- царь Болгарии. Основатель династии Кобургов, из немецкого княжеского рода. Вел прогерманскую политику. Отрекся от престола из-за начавшейся в стране революции. -- Прим. Ю. Ф.

77 Вернер барон фон Грюнау (1874--1957) -- действительный советник миссии с сентября 1916 г. до окончания первой мировой войны, представитель МИДа при кайзере. -- Прим. Ю. Ф.

78 Речь идет о телеграмме No 403 барону фон Ромбергу от Циммермана.

79 Роберт Гримм (1881-1958), один из лидеров социал-демократической партии Швейцарии. В 1909--1918 гг. -- ее секретарь. В. 1909--1918 и 1928-- 1932гг. --главный редактор газеты "Berner Tagwacht" ("Бернский часовой"), органа швейцарских социал-демократов. С 1911 г. -член швейцарского парламента В сентябре1914 г. содействовал въезду Ленина в Швейцарию Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. Председатель Интернациональной социалистической комиссии. Агент германского правительства. В апреле 1917 г, предпринимал попытки содействовать заключению русско-германского

сепаратного мира Как агент германского правительства выслан Временным правительством из России Один из организаторов так называемого "двухполовинного" Интернационала. В 1945--1946 гг -- председатель Национального совета Швейцарии -- Прим Ю Ф

80 Статс-секретарь иностранных дел посланнику в Копенгагене, телеграмма No 250, Берлин, 6 апреля 1917 г "Благодарю за письмо К сожалению, Гель-фанд уехал раньше, чем я смог его увидеть Циммерман"

81 Заметка на полях: "Д-р Гельфанд получил письмо с приглашением"

82 Эрнст Лангверт фон Зиммерн (1865--1942), барон, доктор юридических наук, действительный тайный советник миссии Политический советник МИДа в 1910--

1918 г., с ноября 1916 г -- руководитель Политического отдела министерства иностранных дел -- Прим Ю Ф

83 Варшавский промышленник, в квартире которого в Стокгольме жил Ко-лышко В документе везде указаны лишь инициалы участников беседы, но очевидно что "И К > это Иосиф Колышко, "Б " -- Бебутов "Г " -- хозяин квартиры Гуревич При переводе документа с немецкого для удобства читателя все инициалы были нами расшифрованы и даны полностью -- Прим Ю Ф

84 Альберт Тома (1878--1932), французский политический деятель социалист масон В 1915--1917 гг -- министр по делам вооружений Франции После февральской революции приезжал в Россию и по масонской линии пытался воздействовать на Временное правительство, настаивая на продолжении войны В 1919 г -- один из организаторов Бернского Интернационала В 1919--1932 г возглавлял Международное бюро труда при Лиге наций -- Прим Ю Ф

85 Д О Бебутов (1859--1917) князь Один из учредителей масон-чжих лож в России, друг М М Ковалевского Сочувствовал социал-демократии, собирал документы, относящиеся к революционному движению и архив свой завещал РСДРП Временным правительством арестован по подозрению в незаконных контактах с представителями Германии и государственной измене -- Прим Ю Ф

86 Г В Плеханов (1856--1918) Один из руководителей "Земли и воли" "Черного передела" Организатор марксистской группы "Освобождение труда" Один из основателей РСДРП и газеты "Искра" В эмиграции с 1880 г После Второго съезда РСДРП -- один из лидеров меньшевизма В первую мировую войну -- оборонец, руководитель группы меньшевистской группы "Единство" В 1917 г

вернулся в Россию, поддержал февральскую революцию К большевистскому перевороту, как таковому отнесся отрицательно но против большевиков не выступил загипнотизированный страхом возможной контрреволюции Остался на социал-демократических позициях Незадолго перед смертью снова эмигрировал, в Финляндию где умер в санатории от туберкулеза 30 мая По указанию Ленина был похоронен в Петрограде -- Прим Ю Ф

87 Гуго Стиннес

88 Не идентифицирован

89 Эрих Людендорф (1865--1937), прусский генерал, в первую мировую войну -- помощник генерала Гинденбурга С августа 1914 г -- начальник штаба Восточного фронта Фактически руководил военными действиями Восточного фронта в 1914--1916 гг С 29 августа 1916 по 26 октября 1918 г -- первый генерал-квартирмейстер при Верховное главнокомандовании, т е фактический командующий всеми вооруженными силами Германии Участник Капповского путча в 1920 г, соучастник фашистского путча 1923 г в Мюнхене -- Прим Ю Ф

90 Международная конференция социалистов по просьбе голландских членов исполнительного комитета Интернационала, собравшихся в Гааге 15 апреля 1917 г должна была состояться 15 августа 1917 г

91 Замечание на полях "Мы продвинемся вперед только на основе проведенного здесь совещания с Черным представителем австро-венгерского и нашего Верховного главнокомандования Бетман Гольвег"

92 На проекте телеграммы пометка "Отложена после доклада Грюнау 36 апреля" Ниже приводим текст телеграммы

"Фельдмаршал фон Гинденбург сегодня представил мне отчет Эрцбергера с условиями русских, которые он не завизировал Эти условия противоречат моим уже высказанным ранее мнениям и невозможны и возмутительны как с военной точки зрения, так и с политической Я вправе полагаться на то что МИД тщательно проверяет своих агентов, высылаемых ими на дело, с точки зрения их благонадежности и затем снабжает их одобренными мною и абсолютно обязательными для них инструкциями Своим своеволием Эрцбергер поставил нас в такое положение, что если русские согласятся на его предложение, я буду вынужден дезавуировать их и навлеку на себя обвинения в измене Его поступок наносит вред нашей пропаганде в окопах, представляя собой полную противоположность рекомендуемым там установкам Никаких предложений, кроме тех, что были сделаны на последнем совещании с моим участием, быть не должно Я должен быть постоянно в курсе относительно людей, которых посылают, и относительно их задач, так же как армия меня ежедневно информирует о пропаганде в окопах Заявление "Норддойче Альгемайне Цайтунг" расплывчато и неопределенно и, как отметили все сегодняшние газеты, совершенно неудовлетворительно, однако послужит поводом к вопросам и сомнениям, а также к бесплодным Обсуждениям, которых следовало бы избежать Выясняется, что я был совершенно прав, предложив сделать прессе заявление, что на проходивших в Крейцнахе под председательством Его Величества переговорах Верховного главнокомандования с правительством о мероприятиях при заключении мира было достигнуто полное согласие, и тем самым дать народу ясность, которую он хочет и должен иметь При этом можно было сказать, что по соображениям военного порядка сообщить подробности об

этих переговорах пока еще нельзя Условия Эрцбергера следует как можно скорее объявить через соответствующие средства как непригодные. Подобное своеволие посредника недопустимо и не должно более повторяться Вильгельм"

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859--1941), германский император и прусский король в 1888--1918 г. После ноябрьской 1918 г революции в Германии эмигрировал в Голландию. -- Прим Ю. Ф

93 Георг Ледебур (1850--1947), германский социал-демократ, голосовавший в 1914г. в рейхстаге против выделения германскому правительству военных кредитов. Член рейхстага с 1900 по 1918 г Участник Циммервальдской конференции. В (1916--1917 гг. -- присоединился к "независимым" социал-демократам -- Прим Ю. Ф.

94 Некоторые места в документе расшифровать не удалось

95 Эдуард Давид (1863-1930), экономист, один из лидеров правого крыла Германской социал-демократии, выступал за ревизию марксизма в аграрном вопросе Один из основателей журнала "Socialistische Monatshefte" ("Социалистический ежемесячник") В 1903 г издал книгу "Социализм и сельское хозяйство", которую Ленин назвал "главным трудом ревизионизма в аграрном вопросе" С 1903г -- депутат рейхстага В 1919 г вошел в первое коалиционное правительство Германской республики В (1919--1920 гг. -- министр внутренних дел, в 1922--1927 гг. -- представитель правительства в Гессене -- Прим Ю Ф.

96 Некоторые места в документе расшифровать не удалось

97 8-я армия -- Прим Ю Ф

98 Ю. М Стеклов (Нахамкис, 1873--1941), в социал-демократическом движении с 1893 г. В 1917 г -- член Исполкома Петросовета, с 1917 г -- редактор "Известий" и ряда других изданий Член Президиума ВЦИК, член ЦИК СССР Репрессирован, -- Прим Ю Ф.

99 М. В Алексеев (1857--1918), русский генерал от инфантерии (1914). 11 первую мировую войну начальник штаба Юго-Западного фронта, командующий Северо-Западным фронтом, с 1915 г. -- начальник штаба Ставки В марте -- мае 1917 г -- Верховный главнокомандующий русской армией Первый главнокомандующий Добровольческой армией -- Прим Ю Ф

100 Пометка рукой Циммермана: "Один член социалистической партии и один член какой-нибудь другой".

101 Доктор Курт фон Лерснер (1883--1954), барон, в 1917 г. -- секретарь миссии, с 11 апреля 1918 г. -- советник миссии. Представитель МИДа при Ставке в 1916--1918гг. -- Прим. Ю. Ф.

102 Доктор Диего фон Берген {1872--1943), с -12 апреля 1915 г. действительный советник миссии и советник Политического отдела МИДа. -Прим. Ю. Ф.

103 Ответ Бергена: Телеграмма No 569; Берлин, 125. "В ответ на частное письмо Шуберта: у меня нет связей с ними. Берген. Бусше".

104 Агентурный псевдоним Карла Моора (1853--1932), швейцарского социал-демократа, по национальности немца; одного Из ведущих тайных сотрудников германского правительства. В 1917 г. Моор был связным между германским правительством и русскими революционерами. В рамках общей германской политики, направ-

ленной на организацию революции в России и вывод ее таким образом из войны, организовывал переезд Ленина и других пораженцев в Россию. Сотрудничеством с германским правительством скомпрометировал себя в глазах многих социал-демократов Западной Европы и после окончания первой мировой войны вынужден был эмигрировать в Россию, где и умер в санатории для старых большевиков. -- Прим. Ю. Ф.

105 Г. Л. Шкловский (1875--1937), по профессии химик. В партии с 1898 г. С 1908 г. -- в эмиграции в Швейцарии. В 1912 г. -'большевистский делегат на Базельском интернациональном социалистическом конгрессе. Один из организаторов Бернской конференции большевистских партийных руководителей. Вернулся в Россию к октябрьскому перевороту. В 1918 г. вновь прибыл в Швейцарию, теперь уже в составе советской дипломатической миссии. На дипломатической работе находился до 1925 г. Расстрелян -- Прим. Ю. Ф.

196 П. Б. Аксельрод (1850--1928) -- народник, затем член РСДРП. Во время первой мировой войны -- член меньшевистского Организационного комитета. Участник Циммервальдской (5-8, сентября 1915г.) и Кинтальской

(24--30 апреля 1916 г.) конференций. После октябрьского переворота __ один

из руководителей меньшевиков Умер в эмиграции. -- Прим. Ю. Ф.

107 Военный атташе Германии в Берне Вальтер Нассе. -- Прим. Ю. Ф.

108 Просьба была удовлетворена (телеграмма No 299 от госсекретаря в Гаагу 25 мая 1917 года): "В ответ

на отчет А2026. Можете выдать г-ну Футрану 3000 гульденов. Циммерман".

109 Заметка на полях рукой Циммермана: "Согласен". Дитрих Бетман-Голь-вег 2 июня телеграфировал в МИД: "Советник Гоффман передаст советнику Гримму пункты нашей мирной программы в самых общих чертах, как общее впечатление от разговоров, чтобы не казалось, будто он дает Гримму задание".

Дитрих фон Бетман-Гольвег (1877--1933), двоюродный брат рейхсканцлера, советник миссии. С 24 декабря 1916 г. -- первый секретарь посольства в Берне. -- Прим. Ю. Ф.

110 Телеграмма No 967 от 1 июня 1917 г. Итальянский агент в Берне спрашивал, имеют ли основания надежды Антанты на Россию.

111 Карл I (1887--1922), император Австрии и король Венгрии (под именем Карла IV) в 1916-1918 гг., из династии Габсбургов. После поражения центральных держав в первой мировой войне 11. ноября 1918 г. отрекся от престола в Австрии, а 13 ноября -- в Венгрии. -- Прим. Ю. Ф.

112 Пауль фон Гинденбург (1847--1934), с 27 ноября 1914 г. -- генерал-фельдмаршал. 29 августа 1916 г. назначен начальником генерального штаба германской действующей армии Верховного главнокомандования. -- Прим. Ю. Ф.

113 Соломон Арвид Ахатес Линдман (1862--1936), в 1905 г. -военно-морской министр Швеции. В 1906--1911 и 1928--1930 гг. -премьер-министр Швеции. С 1917 г. -- в министерстве иностранных дел. В 1912 --1936 гг. -- лидер консервативной партии Швеции. -- Прим. Ю. Ф.

114 К. Каутский (1854--1919), ведущий теоретик II Интернационала. В 1917 г. присоединился к Независимой социал-демократической партии Германии. -- Прим. Ю. Ф.

115 Г. Д. Вейберг (1891-1946). в партии с 1906 г. В 1917 г. -- секретарь правления союза металлистов, член Петроградского ВРК. С 1929 г. -- секретарь ВЦСПС. С 1925 г. -- член ЦКК, в 1930 г. -- кандидат в члены ЦК ВКП(б). С 1937 г. -- в наркомпищепроме РСФСР. Репрессирован. -- Прим. Ю. Ф.

116 Ллойд Джордж Д. (1863--1945), премьер-министр Великобритании в 1916 --1922, гг., один из лидеров либеральной партии. -Прим. Ю. Ф.

117 Приводится в сокращенном виде. -- Прим. Ю. Ф.

118 Ставка, 17 июня. Верховное главнокомандование передает: "Брюссель сообщает, что транспорт русских социалистов прибудет в Засниц в полдень

7 июня. Уполномоченный по транспорту лейтенант Росбах. Лерснер"..

119 И. Р. Романов (1881--1919), в революционном движении с 8 г. В 1905г. -- член Петербургского совета. В 1907 г. -- депутат 2-й Государственной думы от рабочей курии. После роспуска Думы эмигрировал. В июне 1917 г. вернулся в Россию. В октябре 1917 г. -- председатель Нижегородского военно-революционного комитета. С ноября 1917 г. -председатель Нижегородского губисполкома. - Прим. Ю. Ф.

120 "Правда" издавалась Ганецким в Стокгольме на немецком языке.

121 Я. С. Ганецкий (Фюрстеибург, '1679--1937), русско-польский революционер. В партии с 1896 г. В 1907 г. избран в ЦК. В годы первой мировой войны один из ближайших сотрудников Парвуса (Гельфанда). После октября 1917 г. был членом коллегии наркомфина, комиссаром и управляющим народным бан

ом; в 1920--1921, г. -- член коллегии наркомата торговли, полпред и торгпред << Латвии. В 1921--1923 гг. -- член коллегии НКВД. После смерти Ленина, лояльствовавшего Ганецкому, понижался в должностях. В 1936 г. был поставлен на "унизительную" должность директора Музея Революции. Через два года расстрелян. -- Прим. Ю. Ф.

122 В. В. Боровский (1871--1923), в партии с 1894 г. С ноября 1917 г. -- оветский полпред в Скандинавии, с 192, 1 г. -- в Италии. Убит в Лозанне Швейцария).

123 К. Б. Радек (Собельсон, 1885--1939), клички "Крадек", "Парабеллум", . польско-немецко-русский революционер До революции подозревался в мошенничестве (присвоении общественных денег) и провокаторстве (сотрудничестве германским и австро-венгерским правительствам). Исключен сначала из полькой, а затем и из германской социал-демократической партии. Взят под защиту Лениным. В годы первой мировой войны сотрудничал с Парвусом и Георгом Кларцем, а через них с германским правительством. Видимо, имел отношение к организации убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург в январе 1919 г. В 1919--1924 гг. -- член ЦК, член президиума Исполкома Коминтерна. С марта 1920 г. секретарь Коминтерна, ответственный за подрывную деятельность, прежде всего в Германии и Китае. В 1923 г. стал на путь оппозиции, в частности по вопросу германской рево-

люции, которую, как считала оппозиция, Сталин "провалил" Примерно с этого времени Радек начинает терять власть, его снимают со всех постов, а в декабре 1927 г. постановлением Пятнадцатого съезда партии исключают из ВКП(б) в числе других 75 оппозиционеров и высылают в Ишим. Летом 1929 г. Радек в письме на имя ЦК раскаивается в своей оппозиционной деятельности. После "капитуляции" Радека восстанавливают в партии и направляют на работу в "Известия". В 1935 г. Радек входит в состав конституционной комиссии ЦИК СССР. В 1936 г. -- арестован и выставлен обвиняемым на процессе 1937 г. (вместе с Пятаковым, Сокольниковым, Серебряковым и др.). Приговорен к десяти годам. Убит в заключении. -- Прим. Ю. Ф.

124 Гуго Гаазе (1863-- 1919), адвокат, многолетний председатель СДПГ.

8 апреля 1914 г. голосовал в рейхстаге против предоставления правительству военных кредитов. Один из создателей партии "Социал-демократическое рабочее содружество" и Независимой социал-демократической партии Германии

С 9 ноября по 29 декабря 1918 г. член Совета народных уполномоченных. -- Прим. Ю. Ф.

125 А. А. Брусилов (1853--1926), в первую мировую войну -генерал от кавалерии (1912), командующий 8-й армией в Галицийской битве. С 1916 г. -- главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта. В мае -- июле 1917 г -- Верховный главнокомандующий. С 1920 г. -- в Красной армии. -Прим. Ю. Ф.

126 Заметка Циммермана на полях: "Он мне рассказал то же самое".

127 Август Макензен (1849--1945), германский генерал-фельдмаршал (1915). В первую мировую войну -- командир корпуса в Восточной Пруссии. Командующий армией в Горлицком прорыве. С 1910 г. -командующий группой армий при разгроме Сербии и Румынии. -- Прим. Ю. Ф.

128 Д, С. Ермоленко (род. в 1874г.), прапорщик, военнопленный, перешедший 28 апреля 1917 г. линию фронта и сообщивший компрометирующие Ленина и других большевиков сведения о шпионаже последних в пользу Германии. Возможно, являлся сотрудником русской контрразведки. -Прим. Ю. Ф.

129 А. Ф. Керенский пишет в мемуарах, что существование их "было подтверждено (Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. Изд. Республика. М., 1993. С. 20). -- Прим. Ю. Ф.

130 "Форвертс" 15 августа опубликовала статью о Стокгольмской конференции, где говорилось, что конференция была заранее обречена на провал, так как английское, французское, итальянское и американское правительства отказались выдать паспорта своим гражданам-участникам конференции, а русское правительство дезавуировало все это мероприятие. Газета констатировала, что все усилия немецких социал-демократов остались тщетными. "Что же на" остается делать? -говорилось там. -- Мы готовы к соглашению -- нас отталкивают. Нам грозят уничтожением. Наша протянутая рука наталкивается на кулак боксера, готовый сокрушить нас. В этих обстоятельствах нам остается только одна возможность: защищать свою жизнь".

131 Дитрих фон Хюльзен (1878--1940), с июля 1916 г. преемник Надельного на посту руководителя Политической секции генерального штаба. -Прим. Ю. Ф.

132 На эту телеграмму имеется два ответа. Первая телеграмма No 1455 от 1 октября от Грюнау касается вопроса об Аландских островах и сообщает мнение Людендорфа о том, что оккупация их в данный момент абсолютно исключена. Во второй телеграмме No 1493 от 6 октября Людендорф пишет о подрывной деятельности в России со стороны министерства иностранных дел и Политического отдела генштаба, благодарит за щедро отпускаемые на нее средства и подчеркивает важность такой работы, особенно в Финляндии.

133 Рихард фон Кюльман (1873--1948), германский дипломат. В 1900 г. начинал дипломатическую карьеру в качестве атташе германского посольства в Петербурге. В '1904--1909 гг. -- поверенный в делах в Танжере, в 1909--1914 гг. -- советник посольства в Лондоне. В начале первой мировой войны -- в Константинополе. В 1915 г. назначен посланником в Гааге, в 1916 г. -- послом в Константинополе. С августа 1917 по июль 1918 г. -статс-секретарь, иностранных дел. -- Прим. Ю. Ф.

134 Согласие министра финансов на сумму 15 млн. марок было получено 10 ноября 1917 г.

135 Ганс фон Сект (1866--1936), немецкий военачальник, генерал-полковник. В первую мировую войну -- начальник штаба армии В 1920--1926 гг. -- начальник управления сухопутных сил рейхсвера. В 1934--1935 гг. -- военный советник при Чан Кайши.

139 См. телеграмму для Рицлера от 8 ноября 1917 г.

137 На полях слева пометка от руки: "Берлин, 11 ноября 1917 г. Миссия в Копенгагене. На телеграмму No 1329. Разрешение на выдачу. 20000 марок для Блау". Блау -- псевдоним Левенштейна.

138 Д. Левенштейн, связной между немцами и Цивинным после возвращения Цивина в Россию (подробнее об этом см. письмо Стефана Поссоны Р. А. Абрамовичу от 24 мая 1958 г. в Архиве института Гувера, кол. Б. И. Николаев-ского, ящик 614, папка 7),

139 Г. Е. Зиновьев (Радомысльский, (1883--1936), в период 1905-1917 гг. -- правая рука" Ленина, большевик, в 1917 г. Временным правительством обвинялся в шпионаже в пользу Германии. После октябрьского переворота -- на высоких правительственных должностях. С 1919г. -- первый глава Коммунистического интернационала. С 1923 г. -- в блоке со Сталиным и Каменевым против Троцкого с целью не дать последнему захватить власть. Позже -- в блоке с Каменевым и Троцким против Сталина Обвинен в оппозиционной деятельности. В 1927 г. исключен из партии. В 1928 г. раскаялся и был восстановлен В 1935 г. арестован по делу об убийстве Кирова, приговорен к тюремному заключению. В 1936 г. выставлен в качестве одного из главных подсудимых на первом московском процессе. За сотрудничество со следствием ему была обещана жизнь. Но Сталин слова своего не сдержал. Зиновьев был расстрелян. -- Прим. Ю. Ф.

140 Л. Д. Троцкий (Бронштейн, 1879--1940). Виднейший русский и между-народный революционер, один из идеологов первой русской революции, в

1905--1907 гг. -- председатель Петербургского совета. После поражения революции -- в эмиграции. После возвращения в Россию в 1917 г. -фактический организа-

тор октябрьского переворота в Петрограде, сторонник и теоретик мировой революции, один из наиболее радикальных элементов в советском правительстве: противник создания многопартийного социалистического правительства от народных социалистов до большевиков, сторонник террора против непролетарских слоев населения, прежде всего крестьянства. Со смертью Ленина постепенно оттесняется от власти Сталиным, Зиновьевым, Каменевым и Бухариным. В 1926 г. формирует так называемую левую оппозицию, однако проигрывает схватку и оттесняется правыми (Сталиным и Бухариным). В январе 1928 г. ссылается в Алма-Ату, через год высылается из СССР в Турцию. В эмиграции продолжает заниматься политической деятельностью, издает журнал "Бюллетень оппозиции", формирует так называемый IV Интернационал, резко выступает против Сталина, защищая в то же время советский строй как таковой. В августе 1940 г. убит агентом НКВД Р. Меркадером, мексиканским коммунистом, получившим за убийство звание Героя Советского Союза. -- Прим. Ю. Ф.

141 А. П. Извольский (1856--1919), в 1906--1910 гг. был министром иностранных дел России. С 1910 по 1917 г. -- русский посол в Париже. В мае вышел в отставку и до самой смерти оставался в Париже в эмиграции. -- Прим. Ю. Ф.

142 Жан Жорес (1859--1914), вождь французских социалистов, основатель газеты "Юманите". -- Прим. Ю. Ф.

143 Жан Поль Марат (1743--93), в период французской революции один из вождей якобинцев. Убит Шарлоттой де Корде. -- Прим. Ю. Ф.

144 М. И. Терещенко (1866-- 1956), русский капиталист, сахарозаводчик. В 1917 г. -- министр финансов, затем министр иностранных дел во Временном правительстве. После большевистского переворота эмигрировал. - Прим. Ю. Ф.

145 Л. Г. Корнилов (1870--1918), генерал от инфантерии (1917), в июле -- августе 1917 г. -- верховный главнокомандующий. Один из организаторов Доб-ювольческой армии (ноябрь -- декабрь 1917). Убит в бою. -Прим Ю. Ф.

146 А. М. Каледин (1861--1918), генерал от кавалерии (1916). С 1917 г. -- атаман Донского казачьего войска. Застрелился. -- Прим. Ю. Ф

147 Наосе в это время был в Берлине. -- Прим Ю. Ф.

148 Х Раковский (1873--1941), один из руководителей балканских революционеров до и во время первой мировой войны. Во время войны сотрудничал

немцами, получай от них деньги на пораженческую пропаганду. В 1918 г __

дипломатический представитель РСФСР на Украине (вместе с Мануилыжим). Позже (1919--1923) -- глава второго советского правительства на Украине. В последующие годы на дипломатической работе: с 1923 по 1925 г. - - пол-пред в Англии, в 1925--1927 гг. -- советский посол во Франции. Первоначально -один из лидеров левой оппозиции. Как оппозиционер исключен в декабре 1927 г. из партии постановлением Пятнадцатого съезда, сослан Раскаялся в

1934 г., был возвращен из ссылки, получил должность в наркомате здравоохранения РСФСР. В начале 1936 г. был третьим заместителем председателя в ученом

медицинском совете РСФСР. После образования 20 июля 1936г. нар-комздрава СССР стал во главе этого учреждения. На московском (бухарин-ском) процессе 1938г. выставлен обвиняемым, приговорен к двадцати годам. Умер в заключении. -- Прим Ю. Ф

149 В 1915 г. Бусше был немецким послом в Бухаресте. Раковский большую часть времени проводил в том же городе, руководя Румынской социалистической партией и издавая ее ежедневную газету. 13 января 1915 г. Бусше телеграфировал в министерство иностранных дел: "Румынские социалисты, лидер которых Раковский тесно связан с итальянскими социалистами, хотят возобновить в прессе и на публичных собраниях энергичную агитацию против вступления Румынии в войну на стороне Антанты. Я имею возможность снабдить их деньгами таким образом, что это не вызовет подозрений, что не удалось Зюдекуму. Я считаю это дело важным и прошу Вашего разрешения истратить на него 10000 лей. Ответ мне нужен, до утра пятницы. Бусше". На следующий день заместитель статс-секретаря иностранных дел телеграфировал свое согласие в Бухарест

Гельфанд был в это время там по дороге из Константинополя в Вену. Весьма вероятно, что он был посредником между Бусше и Раковским. 14 января Бусше писал Циммерману, вкладывая ряд отчетов и среди них один от Гельфанда, который писал: "Помимо Бацариса я говорил с Христо Раковским, чья прочная позиция в пользу мира известна. Он также считает возможным вступление Румынии в войну на стороне Антанты"

Позже, в этом же году, Бусше докладывал из Бухареста, что 4 июля состоялась демонстрация социалистов в пользу мира с Раковским в качестве главного оратора.

В своем докладе Бусше давал понять, что "демонстрация была субсидирована мною и австро-венгерским посольством". В конце 1916 г., после вступления Румынии в войну на стороне союзников, Раковский был арестован румынскими властями за антивоенную пропаганду.

150 Рудольф Надольный (1873-- 1953), руководитель Политической секции генерального штаба, созданной в сентябре 1914 г. при представительстве ген-, штаба в Берлине. Позднее -- посланник. -- Прим. Ю. Ф.

151 Одни из агентов Эрцбергера в Скандинавии.

152 Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум, 1873--1923), в 1895 г. -член Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". С 1890г. -- член редакции "Искры". С 1, 903 г. -- вождь меньшевиков, с 1917 г. -руководитель левого крыла меньшевизма. В 1918 г. -- член ВЦИК. В 1920 г. -эмигрировал, : был одним из руководителей "двухсполовинного" интернационала. -- Прим. Ю. Ф.

153 С. Ю. Багоцкий (1879-- 1953), по профессии врач, активный участник; революционного движения. Член СДКПил с (1910 г. После октябрьского переворота один из организаторов советской системы здравоохранения. В 1918-- 1937 гг. -- представитель советского Красного креста при международном комитете Красного креста в Женеве. С 1937 г. -консультант в исполкоме Красного креста в (Москве. В 1950--1951 гг. -старший научный сотрудник медицинского отдела БСЭ. -- Прим. Ю. Ф.

154 "Центральный комитет по возвращению на Родину проживающих в Швейцарии русских политических эмигрантов". Председатель С. Ю Семковский, секретарь С. Ю. Багоцкий. -- Прим. Ю. Ф.

155 О. В. Блюм (Оскар, Н. Рахметов, род. в 1886 г.), социал-демократ, меньшевик. Занимался литературной деятельностью, писал на философские те-мы. Состоял в редакционной комиссии социал-демократии Латышского края, сотрудничал в газете "Голос труда". С июля 1909 г. секретный агент Рижского охранного отделения. Назвать его другом Ленина трудно: согласно одному свидетельству Ленин лично выставил Блюма из поезда, когда тот намеревался присоединиться к первой партии возвращающихся в Россию революционеров.

По возвращении в Россию в 1917 г. Блюм был разоблачен как провокатор, приговорен к тюремному заключению и выслан за границу. -- Прим. Ю. Ф.

156 Ответ Лерснера: "В Ставке нет возражений против проезда эмигрантов, если они получают шведские визы. Политический отдел в Берлине будет проинформирован. Лерснер"

157 См. предыдущий документ

158 На полях рукой Кюльмана написано: " Этому следует положить конец". 169 На полях пометка Кюльмана: "Бергену. Пожалуйста, набросайте ответ, который нас ни к чему не обязывает".

160 Телеграмма No 1943

161 Ответ заместителя статс-секретаря иностранных дел: Берлин, & декабря 1917 г. Телеграмма No 1416. "Ответ на телеграмму No 1919. Поездка желательна на Берген. Бусше".

162 Интервью Гольдберга с Гинденбургом и Людендорфом, помещенное в воскресном выпуске "Фрайе Прессе", 1 декабря 1917 г. Людендорф сказал Гольдбергу: "Я

не рассматриваю заявление большевиков как предложение мира... Мы можем заключить перемирие с Россией только в том случае, если мы будем уверены, что оно будет соблюдаться... Если кто-нибудь сказал бы мне, что русская революция для нас -- случайная удача, я бы возражал: революция в России -- не случайность, а естественный и неизбежный результат нашего ведения войны... Это -- плод нашей победы".

163 К. Н. Гулькевич (род. в 1865г.), русский дипломат. В 1914--1916 гг. -- советник министерства иностранных дел. Накануне Февральской революции -- чрезвычайный посланник в Норвегии. В 1919 г. -посланник правительства Колчака в Швеции. -- Прим. Ю. Ф.

164 На полях замечание Кюльмана: "Следует серьезно подумать, не послать ли копию Его величеству, не называя источник". Копия отчета Цизе была по-мана Грюнау. См. также телеграмму No 1674

165 Телеграмма была послана в Стокгольм 10 декабря 1917 г. за No 1684.

166 Телеграмма No 1674.

167 Т. е. соглашение между армией и МИД о предварительных условиях для мирных переговоров между Германией и Россией.

168 В тот же день Бусше послал телеграмму (No 1736) посланнику в Сток-гольм с просьбой попросить Гельфанда поехать в Копенгаген, а затем в Бер

169 На полях замечание Бергена: "Переслать заместителю статс-секретаря иностранных дел. Я отослал копию Розенбергу". Розенберг в это время был в Брест-Литовске.

170 Этот же текст был послан Розенбергу в Брест-Литовск в телеграмме No 18.

171 Ответ статс-секретаря иностранных дел: "Согласен. Кюльман". (Теле-рамча No 74 от 10 января 1918 г.).

172 Германские экономическая и военно-морская миссии, возглавляемые Мир-махом и вице-адмиралом Кейзерлингом, прибыли в Петроград 29 декабря 1917 г. Они должны были обсудить и уладить вопрос о интернированных штат-ских лицах, обмене военнопленных-калек и другие аналогичные вопросы. Время IT времени Мирбах сообщал о хаосе в русской столице и предсказывал скорое падение большевистского правительства. Миссии покинули Петроград 18 фев-раля, и 23 февраля Мирбах и Кейзерлинг доложились кайзеру в Ставке Мир-бах вернулся в Россию в качестве немецкого посла в конце апреля. 26 апреля он вручил Свердлову свои верительные грамоты.

173 Замечание кайзера на полях: "Нам надо бы сделать то же самое с нашей бульварной прессой".

174 А. И Шингарев (1869-1918), земский деятель, врач, публицист, один из лидеров партии кадетов. Депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственной думы. В 1917 г. -- министр во Временном правительстве Вскоре после большевист

ского переворота зверски убит матросами. -- Прим. Ю. Ф.

175 Ф. Ф. Кокошкин (1871-1918), русский юрист, публицист, лидер партии кадетов. Депутат 1-й Государственной думы. В 1917 г. -государственный контролер Временного правительства. Убит матросами вместе с Шингаревым. -- Прим. Ю. Ф.

176 Замечание кайзера на полях: "Это нас не касается; в мировой войне тоже не хватает стиля".

177 Замечание кайзера на полях: "Символ "социалистического государства будущего"".

178 Замечание кайзера на полях: "Это должно придти извне".

179 Замечание кайзера на полях: "Или от Англии и Америки, либо от нас (косвенным путем, через русских генералов)".

180 Вильгельм Мирбах (1871-1918), граф, германский дипломат. С апреля 1918 г. -- посол Германии в советской России. Убит сотрудниками ВЧК Блюмкиным и Андреевым 6 июля. -- Прим. Ю. Ф.

181 А. В. Кривошей (1857-1921), русский государственный деятель. В 1908--1915 гг. -- министр земледелия, управляющий Дворянским и Крестьянским банками. Руководил проведением столыпинской земельной реформы. В 1920 г. -- глава правительства Юга России. Затем в эмиграции. -- Прим. Ю. Ф.

182 Б. В. Савинков (1879--1925), в 1903 -- сентябре, 1917 г. -- эсер, один из руководителей "Боевой организации", террорист. После большевистского переворота эмигрировал, ставя себе целью свержение советской власти. Провокаторами из ГПУ в 1924 г. заманен в советскую Россию, арестован. Согласно официальной версии покончил жизнь самоубийством. Однако обстоятельства его смерти в советской тюрьме следует считать невыясненными. -- Прим Ю. Ф.

183 Л. М. Карахан (1889--1937), в партии с 1917г., член ВРК. Секретарь советской делегации на переговорах о Брестском мире. В 1918--1920 и 1927-- 1934 гг. -- заме-

ститель наркома иностранных дел. В 1921 г. -полпред в Польше в 1923-1926 гг. -- в Китае, с. 1933 г. -- в Турции. Расстрелян. -- Прим. Ю. Ф.

184 Я. М. Свердлов (1885--1919), в партии с 1901 г. В 1912 г. кооптирован в ЦК РСДРП, член Русского бюро ЦК После Седьмой (апрельской 1917 г.) партийной конференции -- секретарь ЦК. Руководитель Оргбюро по созыву Шестого съезда РСДРП, активный участник подготовки и проведения октябрьского переворота в Петрограде, член партийного центра по руководству вооруженным восстанием, член ВРК Председатель большевистской фракции Второго Всероссийского съезда Советов и, после снятия Каменева, председатель ВЦИКа. Был председателем комиссии по выработке первой советской конституции. С весны 1918 г. фактически руководил всей партийной работой, оттеснив Ленина. Организовывал созыв Седьмого партийного съезда, выступал там с отчетным докладом ЦК Один из инициаторов принятия решения об убийстве царской семьи в июле 1918г. В начале 1919 г., оттесненный выздоровевшим после ранения Лениным, стал терять власть. На время работы Восьмого съезда послан

в провинцию и на обратном пути по версии официальной историографии "заболел", а вскоре и умер. Не исключено, что обстоятельства смерти Свердлова совсем иные и что Свердлов был убит -- Прим. Ю. Ф.

185 Здесь публикуется только последняя часть протокола. Дискуссия началась с вопроса об Украине, затем обсуждались Кавказ, вопрос о Эльзасе-Лотарингии, фламандском движении и Крыме.

186 Г. В. Чичерин (1872--1936), в социал-демократической партии с 1905 г. Меньшевик. С 1918 г. -- больше-

вик. В 1918--1930гг. --нарком иностранных дел -- Прим. Ю. Ф.

187 М. Г. Вронский (1882--1941), член СДКПил с 1902 г., большевик. Участник Циммервальдской конференции, член циммервальдской левой. Представитель польской социал-демократии на конференции в Кинтале. После октябрьского переворота -- заместитель наркома торговли и промышленности, В 1928 г --член коллегии наркомата финансов, затем профессор политэкономии и член Коммунистической академии. Репрессирован. -- Прим. Ю. Ф.

188 А. А. Иоффе (1883--1927), в революционном движении с конца XIX в. В партию большевиков вступил в 1917 г. и в Петрограде был членом ВРК. Председатель, затем член советской делегации в Брест-Литовске. Левый коммунист, противник Брестского мира. Первый советский полпред в Германии (с апреля 1918г.). В 1922--1924 гг. -- полпред в Китае. С 1924--1926 г -- полпред в Австрии. С 1925 г. -- оппозиционер. Покончил жизнь самоубийством. -- Прим. Ю. Ф.

188 Замечание кайзера на полях: "А японцы, китайцы, англичане?! Против нею будет все казачье войско!"

190 Замечание кайзера на полях: "Это скоро уладит казачье войско!"

191 Замечание кайзера на полях: "Он не сможет провести это в жизнь, так же как условия Брестского мира. У него нет ни правительственного, ни исполнительного аппарата".

192 Замечание кайзера на полях: "С ним все конечно".

193 А. И. Дутов (1879-1921), с сентября 1917 г. -- атаман Оренбургского казачества, в 1918--1920 гг. командовал Оренбургской армией. Генерал-лейтенант (1919). Отступил в Китай, где был убит, -- Прим. Ю. Ф.

194 Т. Я. Сокольников (Бриллиант, 1888--1939), в партии с 1905 г. С 1917 г. -- член ЦК. В 1918--1920 гг. -- на военно-политической работе в Красной армии, член реввоенсоветов 2-й и 9-й армии, командующий 8-й армии Южного фронта. С 1920 г. -- командующий Туркестанским фронтом, председатель Туркестанского ВЦИК и СНК РСФСР, входил в первый состав Туркбюро ЦК ВКП (б). В период профсоюзной дискуссии сторонник Бухарина. С 1921 г. -- член коллегии наркомфина, зам. наркома финансов. В 1922--1926 гг. -- нарком финансов РСФСР (СССР). В 1925 г. примыкал к "новой оппозиции". В 1926 г. исключен из партии. Раскаялся, был восстановлен. С 1929 г. -- посол в Англии, с 1934 г. -- заместитель наркома иностранных дел. В 1935--1936 гг. -- первый заместитель наркома лесной промышленности СССР. Член Политбюро ЦК, ВЦИК, затем ЦИК СССР. Арестован в 1936 г., выставлен обвиняемым на процессе "антисоветского троцкистского центра (параллельного)". Погиб в заключении. -- Прим. Ю. Ф.

195 П. П. Скоропадский (1873 --1945), генерал-лейтенант (1916), гетман Украинской державы (1918). В том же году эмигрировал в Германию. Арестован

СМЕРШем в конце второй мировой войны, вывезен в Советский Союз и расстрелян. -- Прим. Ю. Ф.

196 П. Н. Краснов (1869--1947), генерал-лейтенант (1917), В 1918--1919гг- атаман Войска донского и командир белоказачьей армии, В 1919 г. эмигрировал в Германию. В конце второй мировой войны арестован

СМЕРШем, вывезен в Советский Союз и казнен. -- Прим. Ю. Ф.

197 Советник министерства иностранных дел.

198 А. И. Чхенкели (1874--1959), в партии с 1898 г. Депутат 4-й Государственной думы. В 1917 г. -- представитель Временного правительства в Закавказье.

Один из руководителей грузинских меньшевиков. С 1918 г. -- председатель Временного Закавказского правительства, министр в правительстве Груши После оккупации Грузии советской Россией -- в эмиграции. -- Прим. Ю Ф.

199 Генерал Кресс в тот момент возглавлял военную экспедицию на Кавказе

200 Сомнительно, чтобы эти деньги вообще дошли до Москвы, во всяком случае, к моменту убийства Мирбаха 6 июля их еще не было. 29 июня Бусше

телеграфировал в Москву, чтобы выяснить, как доставить деньги. Первый ответ пришел от Рицлера 10 июля; он просил, чтобы июльскую порцию в 3 млн. марок перевели на счет центральной комиссии Немецкого банка. Второй ответ отправлен Гельферихом 30 июля. Он просит, чтобы эквивалентная сумма в рублях была предоставлена в его распоряжение генеральными консулами в Петро-граде и Москве. Гельферих, преемник Мирбаха, имел очень мало времени, чтобы использовать эти деньги. Он пробыл в Москве всего 10 дней.

II

Постановления

Политбюро

и другие секретные
документы 1934 года

От редактора-составителя

В январе 1960 г. Милтон Ловенталь, один из американских советологов, обратил

внимание Б. И. Николаевского на материалы 1934 и 1935 гг., хранящиеся в библиотеке Гуверовского института, в Калифорнии. Документы, о которых пойдет речь ниже, хранились в библиотеке вот уже несколько лет. Однако принято было считать, что они представляют собой фальшивку, и в научный оборот тексты их не вводились. Речь шла о постановлениях Политбюро 1934 и 1935 гг., объемом превышающим 300 машинописных листов убористого текста, на немецком языке. Сам Ловенталь пришел к выводу, что документы не являются подделкой. И к Николаевскому он обратился, как к эксперту, прислав ему на просмотр фотокопии части материалов.

Сообщение Ловенталья о наличии таких документов для Николаевского было новостью. Но, прочитав их, он пришел к выводу, что документы сфабрикованы. Вот что писал Николаевский Ловенталю в письме от 3 февраля 1960 г.:

"Мне кажется, что для окончательного решения вопроса у меня еще нет всех нужных данных. Тем не менее я склоняюсь к выводу, что документ является подделкой. Конечно, подделкой, совершенной весьма осведомленными лицами и очень умело выдержанным в определенном смысле, -- но подделкой. [...]

Прежде всего Политбюро собиралось регулярно раз в неделю, в определенный день, который тогда был точно установлен (кажется, по четвергам). Правда, суще-

ствовала комиссия Политбюро по внешней политике, но общие вопросы рассматривало Политбюро.

В числе решений нет некоторых вопросов, которые, как точно известно, были рассмотрены Политбюро. Например, вопрос о по

ведении компартии Франции в феврале 1934 г., когда по приказу Политбюро эта компартия круто изменила свою тактику.

Можно с полной категоричностью утверждать, что решения о ликвидации коллективизации Политбюро никогда не принимало: это вообще лежало вне плоскости возможных решений.

Я не вполне понял, где снимались "копии": если в Вене, то это самое убедительное доказательство подлога. Копии решений Политбюро в 1934 г. за границу не посылались. Посылали только выписки из решений тем полпредствам, к которым они имели прямое отношение. [...]

Я не хочу теперь же говорить это в утвердительной форме, но у меня складывается впечатление, что речь идет о двойной игре советских (сталинских) агентов, которые с ведома своего начальства посылали немцам ту информацию, которая им казалась полезной, дезинформируя в соответствующем духе немцев. Под этим углом документы представляют некоторый интерес: какое представление Сталин хотел создать у немцев о своей политике. Но, конечно, и под этим углом документы подлежат дополнительной проверке".

Для Ловенталя ответ Николаевского, видимо, не был неожиданным. Вот что отвечал он в письме, написанном им на русском, 11 февраля:

"Меня глубоко заинтересовало Ваше замечание, что речь идет

о двойной игре советских (сталинских) агентов. В 1934 г. Адольф Ерт, глава "Антикоминтерна", также считал, что документы представляют собой попытку советских агентов дезинформировать немецких [...]. Приступая к исследованию документов, я просмотрел их тщательно именно с этой точки зрения, но я не мог найти данных для такого заключения. Международная политика Советского Союза за 1934--1935 гг. изложена почти полностью в этих документах. Вообще они вредят положению Советского Союза как в международных, так и во внутренних делах [...].

Говоря о крутом повороте в тактике компартии Франции в 1934 году, я [...] нашел, что компартия Франции пришла к неожиданному решению коренным образом изменить линию партии не в феврале, а 30 мая 1934 г. (См., например, речь Рэно Жана, французского коммуниста, произнесенная на Иврской конференции КП Франции 24 июня 1934 г., в которой он жаловался на то, что Объединенный фронт должен был быть проведен в первой неделе февраля 1934 года, но Политбюро компартии Франции того не сделало, пока не появилось письмо о Тельмане (опубликованное 31 мая 1934 г. в "Юманите"). С остальными членами партии никакого совещания по поводу этой перемены не состоялось. [...]

см. также статью А. Вассарта во французском издании "Коммунистического интернационала", в которой он утверждает, что первые предложения КПФ об Объединенном фронте были сделаны

Социалистической партии Франции 30 мая 1934 г и приняты, наконец-то, социалистами 15 июля 1934 г. [...]

В "Правде" 23 мая 1934 г. появляется на второй странице нападение на Дорио за его политику Объединенного фронта [..] И так, можно заключить, что где-то между 23 и 30 мая -- скорее всего, ближе к 23 мая -- в Москве было принято решение переменить партийную линию в сторону Объединенного фронта [...]. И постановление Политбюро ВКП(б) от 24 мая 1934 г. (по докладу Сталина) содержит в себе это решение. [...]

Между прочим, я совершенно согласен с Вами, что некоторые вопросы, которые Политбюро должно было бы, по всей вероятности, обсуждать - отсутствуют. Я никогда не претендовал на то, что эти документы представляют собой полный отчет деятельности Политбюро за данный период. [...]

Предполагается, что документы были переписаны карандашом в советском посольстве в Вене, по-видимому, служащим, который заведовал расшифровыванием. Он их передавал нацистским агентам, которые, весьма возможно, нанимали русского для переписывания ясным почерком. Нацисты делали переводы с этих русских копий [...]. Американская армия [в 1945 году] нашла и русские тексты, и немецкие переводы.

[...] Я всегда считал, что документы являются выдержками -- таким образом, это не должно противоречить Вашим заметкам. Я смотрю на эти документы как [на] сжатые доклады, которые посылались важным советским агентам по всему миру, с тем чтобы осведомлять их о буднях политики Советского Союза".

Однако переубедить Николаевского не удалось. В письме Ло-венталю, написанном 25 февраля, он заключил следующее: "Я склонен к мысли о дезинформаторской работе советских агентов, -- эта версия мне ка-

жется более правдоподобной, Но нельзя совершенно отбрасывать и возможность грубых фальшивок". Возможность того, что документы подлинны, Николаевский даже не рассматривал. Тем не менее во время поездки в Вашингтон в июне 1960 г он встретился со своим старым знакомым, Ричардом Врагой, работавшим в 1934--1935 гг. в польской разведке. Именно к Враге, как оказалось, в 1935 г. кто-то обратился с предложением купить секретные советские документы, содержавшие в том числе и материалы, касающиеся Польши, прежде всего намечаемого Советским Союзом и Германией "четвертого раздела" этой страны. Врага тогда же ознакомился с документами и пришел к выводу, что это фальшивка.

Так завершилась переписка между Милтоном Ловенталем и Борисом Николаевским. Каждый из них остался при своем мнении Сегодня, когда отечественным историкам открыты архивы, легко проверить -- подлинными или сфабрикованными являются публикуемые ниже секретные документы, предложенные в 1935 г.

сотруднику польской разведки Р. Враге В дни Николаевского, однако, доступы в эти архивы были закрыты. И мы решили не лишать читателя азарта неизвестности, оставив поиск формального ответа на заданный вопрос следующему поколению историков. Если документы подлинны, как оказались они за границей, кто именно передал их? Если они подложны, кто сфабриковал их и с какой целью?

В публикации использованы материалы, хранящиеся в архиве Института Гувера, коллекция Б. И. Николаевского, ящик 778, папки 11 и 12; ящик 775, папка 4. Документы публикуются в переводе с немецкого языка.

Ю. ФЕЛЬШТИНСКИЙ

Постановление Политбюро ВКП(б) от 24 мая 1934 г.
(по докладу Сталина)

Политбюро ВКП(б), заслушав в чрезвычайном заседании 24 мая 1934 г. доклад тов. Сталина И. В. 1 "О пересмотре основных предпосылок генеральной линии ВКП(б)", приходит к единогласному заключению, что международное политическое и экономическое положение заставляет партруководство принять принципиальное решение, которое при всей его исключительной важности должно оставаться абсолютно тайным для всех товарищей, за исключением ответственных работников центральных парторганов. Политбюро ВКП(б) считает необходимым, чтобы были приняты все меры предотвращения предания настоящего постановления гласности даже в форме глухих слухов и "доверительных разговорчиков".

Политбюро ВКП(б) не может не высказать своего преклонения перед прямолинейностью тов. Сталина, имеющего смелость сделать политические и тактические выводы, могущие на первый поверхностный взгляд показаться открытой изменой принципам и идеям коммунизма. Не считая возможным, по тактическим соображениям, предавать эти выводы широкой огласке, Политбюро ВКП(б) не может не признать их совершенно правильными, представляющими в условиях данной обстановки единственный выход из создавшегося для партии и Советского Союза положения.

Политбюро ВКП(б) полностью присоединяется к первому тезису доклада тов. Сталина о том, что ВКП(б) должна временно отказаться от самого своего идейного существа для того, чтобы сохранить и укрепить свою политическую власть над страной. Советское правитель-

ство должно на время перестать быть коммунистическим в своих действиях и мероприятиях, ставя себе единст

венной целью быть прочной и сильной властью, опирающейся на широкие народные массы в случае угрозы извне

Политбюро ВКП(б) всецело присоединяется ко второму тезису доклада тов. Сталина о том, что в условиях окружения вооруженными до зубов капиталистическими государствами, имеющими к тому же тенденцию пройти через длительный этап фашистских политических и социальных псевдореволюций (замедляющих, во всяком случае, исторический процесс, завершением которого явится мировая коммунистическая революция). ВКП(б) и советское правительство должны считаться с вынужденной необходимостью "отсрочки" мирового торжества коммунизма и своевременно провести нелегкий маневр отступления внутри страны для усиления своей сопротивляемости вероятному внешнему натиску.

Политбюро ВКП(б) полностью одобряет третий тезис доклада тов. Сталина о том, что мировое коммунистическое движение должно остаться идейно и тактически-организационно интактным, становясь мощным орудием в руках советской внешней политики и оставаясь огромным резервуаром коммунистических кадров для будущего решительного наступления против мирового капитала. Политбюро ВКП(б) всецело разделяют точку зрения тов. Сталина о том, что рядовые бойцы за коммунистическую революцию никоим образом не должны знать о тактическом отступлении ВКП(б), руководство которой обязано своевременно озаботиться соответственной идеологически четкой формулировкой новой генеральной линии партии.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 10 июня 1934 г. *

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 10 июня 1934 г. теле-- графное донесение тов Литвинова² от 9 июня с. г. и соответствующие пояснения тов Крестинско-го³, считает необходимым лишней, раз обратить внимание НКВД на некоторые стороны так называ-емой "нор-мализации" отношений между Советским Союзом и го-сударствами Малой Антанты⁴ Политбюро ВКП(б) всецело согла-шается с тов Литвиновым и тов Крестинским в том, что акт при-знания советского правительства Малой Ан-тантой следует считать. успехом прежде всего француз-ской дипломатии⁵. Политбюро ВКП(б), не может, однако, не придавать существенного значения позиции, занятой в указанном вопросе Югославией, и совершенно не раз-деляет мнения тов Литвинова относительно того, что признание Советского Союза Югославией "пустяковое де-ло". Полит-бюро ВКП(б) не преувеличивает значения то-го факта, что Гер-мания пыталась заигрывать с госу-дарствами Малой Антанты с целью ослабить их связь с Францией, и прекрасно учитывает, что единственным ре-зультатом этих -- в общем, тщетных -- попыток; явилось заключение германско-югославского экономического сог-

лашения или, вернее, ряда соглашений, окончатель-ный смысл которых, однако, остается не вполне ясным. Политбюро ВКП (б) соглашается с тов. Литвиновым и в том, что предстоящий визит югославского министра ино-странных дел Евтича в Париж связан отчасти и с во-просом установления нормальных отношений между Юго-славией и СССР, но отнюдь не разделяет того исключи-тельно малого интереса, с которым советская диплома-тия к названному визиту относится. Политбюро ВКП (б) имело все основания считать, что признание советского

правительства Малою Антантою было предрешено еще год тому назад после подписания в Лондоне пакта об определении нападающей стороны⁶. Политбюро ВКП (б) было также известно, что тем не менее самый акт признания задерживался из-за наличия спорных вопросов между СССР и Малой Антантой -- или точнее -- между СССР и Румынией в связи с вопросом о Бессарабии. Между тем румынское правительство признало Советский Союз одновременно с Чехословакией, в то время как со стороны Югославии этого акта не последовало⁷. Политбюро ВКП (б) отнюдь не может одобрить того, что тов. Литвинов счел возможным удовлетвориться заявлением, что Югославия осуществит принятое советом Малой Антанты решение "в момент, когда она сочтет это целесообразным"⁸. Если правильно предположение, что Евтич отложил этот акт до своей поездки в Париж, то, по мнению Политбюро ВКП (б), значительно более совместимо с достоинством СССР было бы отложить до этого момента и акт признания со стороны Румынии и Чехословакии. Политбюро ВКП (б) придает весьма большое значение предположению тов. Крестинского, что "у белградского правительства есть, по-видимому, некоторые серьезные сомнения, которые должны быть разрешены во время переговоров югославского министра иностранных дел с его французским коллегой", и что "эти сомнения касаются, вероятно, не только самого факта признания СССР, но и предполагаемого нового пакта, а также общего плана дипломатического сотрудничества с Советским Союзом, примкнувшим к лагерю государств, стоящих на страже порядка, установленного мирными договорами в Европе".

Политбюро ВКП (б) усматривает в факте уклонения Югославии от признания Советского Союза факт чрезвычайно симптоматического значения, явно показывающий,

что белградское правительство, твердо хранящее верность своим союзническим в отношении Франции обязательствам, не только не разделяет франко-чешской политики международного сотрудничества с СССР, но и имеет со своей стороны конкретные предложения, устраняющие необходимость такого сотрудничества. Как бы ни был незначителен удельный вес Югославии, ее позиция в вопросе признания Советского Союза чрезвычайно показательна, ибо обнаруживает

несомненные тенденции европейских внешнеполитических комбинаций, идущих вразрез интересам и целям СССР.

Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает тов. Литвинову не смотреть упрощенно на югославский фактор в международной политике, особенно -- при наличии новой активности Великобритании на Балканах, и предпринять немедленно все шаги для скорейшей "нормализации" югославско-советских отношений.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 10 июня 1934 г. (по докладу Ворошилова)

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 10 июня 1934 г. доклад тов. Ворошилова⁹ о мобилизации хлебных запасов на нужды РККА, констатирует, что принимаемая военным командованием цифра заготовленных в 1933 г. хлебных запасов в 1, 3 миллиарда пудов, как достаточная для покрытия потребности армии, городского населения, а также рабочих и служащих с их семьями, не соответствует действительности. Цифры валовых сборов явно преувеличены не только в официальных отчетах, но и в секретных сводках, поступавших в Политбюро ВКП(б). Это касается в особенности урожая 1933 г., который оказался, правда, по климатическим условиям бла-

гоприятным, но вследствие поздних посевов, их недоброкачественности, засоренности полей, огромных потерь при уборке) и т. д. превратился в урожай средний, а в некоторых районах и определенно плохой.

Политбюро ВКП(б) констатирует, что в стране фактически нет хлебных резервов, за исключением неприкосновенного запаса партии, которого в случае вооруженного конфликта на Дальнем Востоке абсолютно недостаточно даже для ударных районов.

Временная попытка путем повышения цен на хлеб оказать давление на потребителя и таким путем уменьшить спрос, естественно не может дать сколько-нибудь длительных благоприятных результатов. Хлеб становится в центре всех забот населения, и для его скупки мобилизуются советскими гражданами все денежные и имущественные резервы. Советское повышение цен на хлеб создает неизбежно повышение цен на вольном и подпольном рынке, и органы власти -- особенно при постоянном наличии военной угрозы извне -- не имеют действительных возможностей для борьбы с повышением цен в частной продаже и для подавления спекуляции. Политбюро ВКП(б) вынуждено признать, что все предложения в этом направлении тов. Ворошилова неосуществимы, поскольку опасность войны не позволяет полного применения практики соцстроительства.

Политбюро ВКП(б) вынуждено согласиться со вторым предложением тов. Ворошилова и признать, к сожалению, неоспоримым, что основной задачей данного момента является успокоение

страны, для которого совершенно необходим полный поворот от коллективизации. Политбюро ВКП(б) не считает, однако, возможным принять немедленно оконча-

тельное решение, отчетливо сознавая, что поворот в сельском хозяйстве неминуемо вызовет поворот и во всех других областях хозяйства и неизбежно превратится в поворот политического значения.

Политбюро ВКП(б) постановляет: созвать на 20-е с. м. совещание ответственных работников ВКП(б) по выбору тов. Сталина для обсуждения вопроса о возможности и способах ликвидации коллективизации и установления новых принципов экономической политики, вызываемых потребностями обороны страны.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 21 июня 1934 г.

Политбюро ВКП(б), ознакомившись в заседании 21 июня 1934 г. с информационным материалом, имеющимся в распоряжении Особого отдела НКВД относительно свидания Муссолини¹⁰ и Гитлера¹¹ в Стра¹², высказывает свое полное неудовлетворение работой осведомительного аппарата.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что вопрос об отношениях с СССР играл чрезвычайно серьезную роль в беседах двух фашистских диктаторов. Между тем, Политбюро ВКП(б) лишь из французских источников узнает, что Гитлер предпринял попытку склонить Муссолини к признанию выгод перспективы войны против Советского Союза и в Азии, и в Европе: по мнению германского канцлера такая война неминуемо привела бы к падению советской власти и окончательному поражению мирового коммунизма, если только другие державы не предпочли бы выступить на стороне СССР. Лишь из беседы тов. Литвинова с французским послом советскому правительству стало известно, что Гитлер не настаивал на активной и непосредственной помощи германскому

плану со стороны Италии, а главным образом выдвигал тезис о необходимости прекращения Италией поставок военного снабжения "врагу европейской цивилизации". По сведениям опять-таки из французских источников Гитлер настаивал на коренном изменении итальянской торговой политики в отношении Советского Союза, сильно препятствующей осуществлению целей германской политики на Востоке Европы. Политбюро ВКП(б), отмечая все эти чрезвычайно важные для СССР сведения, констатирует, что Особый отдел НКВД оказался даже не в состоянии дать сколько-нибудь обоснованного и определенного заключения по поводу точности указанных данных и относительно их соответствия действительному содержанию переговоров между Гитлером и Муссолини. Между тем, именно сочетание перспективы "разрушения большевизма" путем войны с Советским Союзом и довольно странного на первый взгляд перехода от этих грандиозных планов к второстепенному

вопросу итало-советской торговли свидетельствует, по мнению Политбюро ВКП(б), о правильности французской информации. Нельзя не признать вполне естественным стремление Германии, под прикрытием фраз о "враге цивилизации", едином фашистском фронте и т. д., добиться возможного сокращения советских заказов в других государствах, чтобы вновь, как в доброе старое время, получить для Германии возможность диктовать Советскому Союзу свои условия торговых сношений.

Тем не менее Политбюро ВКП(б) твердо убеждено в том, что названная ближайшая задача не помешала Гитлеру серьезно говорить с Муссолини о перспективе борьбы с большевизмом в Европе и Азии. В этом отношении чрезвычайно показательным является мнение Отто Штрассера¹³ о том, что Германия, в силу своего внутреннего положе-

ния, будет в самом близком времени поставлена перед необходимостью сделать выбор между "социалистической революцией" и "фашистской войной". Второй выход, т. е. война, соответствующий вождениям реакционно-капиталистической группы Тиссена¹⁴--Геринга¹⁵, представляется Политбюро ВКП(б) более вероятным. Новое обострение положения на Дальнем Востоке и чрезвычайная вероятность советско-японской войны, естественно, дает богатую пищу для авантюристических планов в Германии.

По мнению французского правительства, якобы подтверждаемому серьезными итальянскими источниками, Муссолини не проявил склонности поддержать гитлеровские планы в отношении СССР и, напротив, воздействовал на Гитлера в духе германско-советского примирения. Донесения римского полпредства туманно говорят о том, что "в какой-то степени фюреру удалось привлечь дуче на свою сторону". Что же касается Особого отдела НКВД, то он вообще предпочел обойти всю тему итало-германско-советских отношений в связи со свиданием в Стра абсолютным молчанием, несмотря на то, что именно в этом пункте для советской внешней политики необходимы совершенно точные и исчерпывающие данные.

Политбюро ВКП(б) категорически предлагает Особому отделу НКВД в самый кратчайший срок установить с исчерпывающей точностью дальнейшую политическую линию Италии в отношении СССР, равно как и содержание германско-итальянского соглашения по этому вопросу.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 25 июня 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 25 июня 1934 г. доклад тов. Литвинова М. М. о международном положении, приходит к единогласному заключению,

а) что осуществляемый французской дипломатией по инициативе советской внешней политики план создания системы, регио

ональных пактов безопасности и взаимопомощи рассматривается не только Германией, но и Италией как прямая угроза образования франко-советского блока, направленного против них; что указанный план не только не встречает поддержки со стороны Англии, но и вызывает чрезвычайную закулисную активность британской политики, имеющую целью если не срыв, то по меньшей мере "обезврежение" проекта;

б) что распад Европы на два противоположных лагеря государств может считаться уже совершившимся фактом, обстоятельство, не представляющее пока никакой серьезной опасности для Советского Союза, поскольку удастся осуществить идею "восточного Локарно¹⁶", т. е. практически заставить Польшу отказаться от прямого или косвенного участия в каких-либо комбинациях относительно Литвы, Белоруссии и Украины;

в) что японско-советские отношения вступили в новую стадию в связи с решительным отказом правительства США от всех более или менее заманчивых предложений Японии касательно раздела сфер влияния, подписания пакта о взаимном ненападении, о хозяйственном сотрудничестве в Восточной Азии и т. д.

Политбюро ВКП(б), тщательно обсудив все вытекающие из названных положений возможности, постановляет:

1) предложить НКВД неуклонно проводить нынешнюю линию советской внешней политики, избегая, в особенности, излишних осложнений с Германией и, что чрезвычайно важно, с Польшей;

2) обратить особое внимание НКВД на желательность, вне прямой зависимости от успеха французской политики, предельно улучшить отношения СССР с Великобританией и Италией, выделяя преимущественно ныне вновь нарастающие противоречия экономического порядка между названными странами и Японией;

3) прекратить советско-маньчжурские переговоры о продаже КВЖД¹⁷, вновь выдвигая договорные права СССР, нарушаемые Маньчжоу-Го и Японией.

Политбюро ВКП(б) полагает необходимым обратить особое внимание тт. руководителей советской внешней политикой на опасности, вытекающие:

I) из неуклонного стремления Италии восстановить скрытую в пакте четырех держав¹⁸ идею гегемонии последних над Европою,

II) из стремления влиятельных консервативных кругов Великобритании восстановить франко-британский союз при условии отказа Франции от "советской ориентации",

III) из настойчивого стремления польской и югославской дипломатий добиться прямого франко-германского сотрудничества.

Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает НКВД избегать всякого, хотя бы малейшего уклонения от основной внешнеполитической линии, в общем до сих пор

успешно им проводимой. Политбюро ВКП(б) считается с неизбежностью вооруженного конфлик

та с Японией, но полагает совершенно возможным создать условия, при которых советская западная граница будет гарантирована от нападения извне, а всякий конфликт на дальневосточной границе приведет к выступлению Китая и тем самым Америки против Японии.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 30 июля 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 30 июля 1934 г. докладную записку т. Крестинского от 28-го с. м. о положении в Европе, констатирует, что европейская политическая обстановка требует от советской дипломатии чрезвычайного внимания, пристального наблюдения самых незначительных на первый взгляд событий и особенно тщательного освоения малейших колебаний международной атмосферы. Одобрив в основном тезисы доклада тов. Крестинского, Политбюро ВКП(б) с удовлетворением отмечает факт крайнего обострения германско-итальянских отношений в результате сорвавшейся попытки наци овладеть Австрией¹⁹, считает, однако, необходимым предостеречь руководство внешней политики СССР от опасности преувеличения характера и размеров розни между Римом и Берлином, поскольку таковая вызвана "случайным" эпизодом. Политбюро ВКП(б) твердо придерживается своего прежнего взгляда на суть германско-итальянских взаимоотношений, заставляющую в конечном итоге оба фашизма искать опоры друг в друге, в особенности -- пока доминирующее в Европе положение французского милитаризма и, в известной степени, французского финансового капитала грозит новым увеличением влияния Франции на европейские судьбы.

Политбюро ВКП(б) склонно предполагать, что неожиданно для гитлеровцев тяжелое поражение Германии в австрийском вопросе, едва не приведшее к новому вооруженному столкновению европейских держав, очевидно будет иметь своим следствием более или менее полную капитуляцию Берлина перед Римом, чувствующим за собою поддержку Парижа и пассивное сочувствие Лондона. Последнее обстоятельство таит в себе опасность того или иного возвращения к предпосылкам пакта четырех держав, в особенности -- если франко-британское военное соглашение (в частности, так называемое "воздушное Локарно") будет действительно заключено, и Германии не останется ничего иного как, опираясь на условную поддержку Лондона и Рима в вопросе "равноправия", включиться в западноевропейскую систему держав или вернуться к разбитому корыту Рапалло²⁰.

Политбюро ВКП(б) считает, в силу всего изложенного, необходимым обратить особое внимание НКВД на, возможную угрозу нового отстранения Советского Союза от участия в решении европейских проблем, тенденция, особенно поддерживаемая Лондоном,

перенятая в последнее время Римом и, несомненно, встречающая полное сочувствие Берлина, не говоря уже о Варшаве. Исходя из этого, Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает тт. руководителям советской внешней политики использовать нынешнюю внешнеполитическую линию Франции и Малой Антанты для того, чтобы добиться, по меньшей мере, скорейшей реализации плана восточноевропейского пакта безопасности и взаимопомощи, т. е. -- с точки зрения советских интересов -- гарантий неприкосновенности западных границ СССР. Считая

указанное задание основным, Политбюро ВКП(б) рекомендует [два слова утрачены]

1) использовать в полной мере усиление в Германии [два слова утрачены] в целях предотвращения опасности создания единого фронта [два слова утрачены] великих держав;

2) использовать колебания польской внешней политики [два слова утрачены] (характер и пределы последних должны быть установлены [два слова утрачены] согласие варшавского правительства на "восточное Локарно", хотя [два слова утрачены] существенно отличающейся от нынешнего проекта восточноевропейского пакта;

3) установить полный контакт с Литвою и ввести балтийские страны в сферу экономического и -- совместного с советским -- политического влияния Франции;

4) добиться более тесного внешнеполитического контакта с Италией, опираясь на план Бенеша²¹--Барту²² о согласовании интересов Италии, Франции и Малой Антанты.

Несомненно, Политбюро ВКП(б) ясно отдает себе отчет в том, что указанные задания, или -- вернее -- руководящие линии, могут показаться на первый взгляд взаимно одно другое исключаящими, но тем не менее, настоятельно предлагает отнестись к ним с должной серьезностью и не оставлять без внимания ни единой возможности, способствующей закреплению внешнеполитических позиций СССР, придерживаясь тактики искусного маневрирования между противоречивыми интересами европейских государств.

Политбюро ВКП(б) подчеркивает, что угроза вооруженного столкновения с Японией, вновь принимающая крайне осязательные формы, заставляет Советский Союз искренне и всемерно содействовать умиротворению Европы, не позволяя в то же время создаться единому фронту европейских великих держав, могущему оказаться, в конечном итоге, направленным против СССР.

Отдавая себе отчет в необычайной трудности задачи, стоящей перед НКВД, Политбюро ВКП(б) полагает, что, при известном благоприятном повороте вещей, задача эта могла бы быть существенно облегчена, если бы удалось склонить Лондон к той или иной форме франко-британско-советского сотрудничества, хотя бы - на худой конец -- в виде одновременного существования франко-советского и англо-французского гарантийных пактов.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 7 августа 1934 г.

Политбюро ВКП(б), обсудив в заседании 7 августа 1934 г. сложившуюся в данный момент международную обстановку, полагает необходимым констатировать, что основная задача советской внешней политики -- обеспечение безопасности западной границы Советского Союза -- должна считаться до сих пор невыполненной, несмотря на несомненные частичные успехи советской дипломатии. Настоящее заключение вызвано прежде всего тем, что Политбюро ВКП(б) не может закрывать глаза на то, что

1) английская политика условной поддержки французского тезиса безопасности направлена в основном против франко-советского военного и внешнеполитического сотрудничества;

2) польская политика создания нового антисоветского фронта держав с неременным включением в него Германии и вытекающего отсюда противодействия "Восточному Локарно" (по достигнутым до сих пор реальным результатам -успешного) таит в себе опасность постепенной "платонизации" восточноевропейского пакта и приближения последнего к типу академических договоров вроде пакта Келлога²⁵--Бриана²⁴;

3) у руководителей французской внешней политики намечается тенденция использовать Советский Союз исключительно в качестве "козыря" в западноевропейской игре, сохраняя для Франции открытой возможность коренного изменения ориентации в сторону приближения к польско-германскому "восточному плану"²⁵.

Учитывая все изложенное, Политбюро ВКП(б) полагает целесообразным использовать со своей стороны внешнеполитическую изолированность Германии для оказания решительного давления на Францию угрозой возвращения советской политики на путь Рапалло. Считая этот тактический ход неизбежным, Политбюро ВКП(б) одновременно рекомендует тт. руководителям внешней политики Советского Союза обратить особое внимание на возможности, вытекающие из тенденции Польши включиться в итало-австро-венгерский блок, тем более, что противоречия между Венгрией и Малой Антантой представляются непреодолимыми²⁶. Ибо, по мнению Политбюро ВКП(б), тактический маневр советской дипломатии в направлении осуществления комбинации СССР-Германия--Франция--Малая Антанта, не имея больших шансов на реализацию, может сыграть решающую роль для замены пакта четырех расширенным, в смысле тезиса гарантии безопасности, пактом пяти держав (Франция, Англия, Италия, Германия и СССР) или, по меньшей мере,

подорвать все еще не сданный окончательно в архив план германско-польской экспансии на восток за счет СССР.

В заключение Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает НКВД добиться в самом ближайшем будущем, в той или иной

форме и комбинации действительного обеспечения западных границ СССР, принимая во внимание, что угрожающий Советскому Союзу на Дальнем Востоке конфликт с Японией вновь вступил в чрезвычайно острую фазу.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 9 августа 1934 г. (Виленский вопрос)

Политбюро ВКП(б), обсудив в заседании 9 августа 1934 г. докладную записку тов. Крестинского от 8-го с. м., признает целесообразным уполномочить тов. Литвинова заявить при удобном случае ковенскому правительству о том, что СССР считает Виленский вопрос²⁷ подлежащим разрешению в форме непосредственного соглашения между обеими заинтересованными сторонами. Независимо от этой своей точки зрения, советское правительство будет в случае поднятия виленской проблемы в международном масштабе отстаивать справедливость литовских притязаний на Вильно.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 15 августа 1934 г. (относительно постановления Президиума ИККИ от 12 августа 1934 г.)

Политбюро ВКП(б), обсудив в заседании 15 августа 1934 г. постановление Президиума ИККИ от 12-го с. м. и пояснительную записку к нему тов. Мануильского²⁸, приходит к заключению, что резкая критика внешней политики Советского Союза и деятельности НКВД со стороны

ответственного руководства Коминтерна представляет собою яркий пример неспособности товарищей из ИККИ подняться над уровнем заурядного политрука глухого захолустья²⁹.

Политбюро ВКП(б) считает прежде всего своим долгом самым решительным образом заклеить преступное легкомыслие Президиума ИККИ, выразившееся в непростительном факте распространения его постановления от 12-го с. м. между рядовыми членами партии до того, как указанное постановление, содержащее безответственные нападки против партруководства и советского правительства, было рассмотрено и должным образом оценено Политбюро ВКП(б).

Политбюро ВКП(б) самым решительным образом ставит на вид Президиуму ИККИ, что общее направление советской внешней политики и все ответственные выступления и действия НКВД или отдельных представителей дипломатии СССР являются точным выполнением директив партруководства и осуществлением предначертаний вождя мирового пролетариата тов. Сталина.

Политбюро ВКП(б) самым решительным образом порицает поведение Президиума ИККИ, с глубоким негодованием отвергает злостные нападки товарищей, считающихся подлинными коммунистами-большевиками, на товарищей же, не менее подлинных коммунистов-большевиков, несущих на своих плечах неблагодарный труд защиты жизненных интересов советского государства на поприще международной политики.

Политбюро ВКП(б) напоминает Президиуму ИККИ и, в особенности, тов. Мануильскому, что в данной политической и экономической мировой обстановке основной задачей является сохранение и укрепление единственно-

го пролетарского коммунистического государства, которому грозит вооруженный конфликт с одной из сильнейших в военном отношении империалистски-капиталистических держав, с Японией. Политбюро ВКП(б) напоминает Президиуму ИККИ и, в особенности, тов. Мануильскому, что германско-польский фашизм-национализм ждет лишь удобного случая, чтобы обрушиться на страну Советов и отторгнуть от нее наиболее плодородные и богатые природными дарами области. Политбюро ВКП(б) напоминает Президиуму ИККИ и тов. Мануильскому о том, что британский империализм не оставил своих надежд на организацию нового мощного фронта держав, способного раздавить или поглотить советское коммунистическое государство.

Политбюро ВКП(б) категорически заявляет, что конечной целью партии и руководимого ею Советского Союза неизменно является мировая коммунистическая революция, торжество коммунизма во всем мире. Но Политбюро ВКП(б) не менее категорически заявляет, что в условиях данного этапа развития цель эта может быть достигнута лишь при наличии мощного коммунистического государства, цитадели большевизма и неиссякаемого резервуара коммунистического энтузиазма и кадров революции.

Политбюро ВКП(б) самым решительным образом предлагает Президиуму ИККИ впредь в своей работе точно и беспрекословно выполнять директивы партруководства и не допускать никаких самочинных выступлений, в особенности -- если эти последние стоят в очевидном противоречии с ответственными заданиями, в необычайно трудных условиях, выполняемых НКВД.

Политбюро ВКП(б) ставит на вид Президиуму ИККИ, что его интриги против ответственного руководства советской внешней политики в случае их повторения поведут к немедленному и энергичному вмешательству Политбюро ВКП(б) и к немедленной замене неспособных и безответственных товарищей людьми дисциплины и работы.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 17 августа 1934 г.

Политбюро ВКП(б), обсудив в заседании 17 августа 1934 г. международное положение и ближайшие задачи советской внешней политики, полагает необходимым предложить НКВД сосредоточить все свое внимание на возможно скорейшем осуществлении плана Восточного Локарно. Политбюро ВКП(б) приходит к единогласному заключению, что -- после готовности балтийских государств с известными оговорками присоединиться к восточноевропейскому пакту безопасности и взаимопомощи -- для Советского Союза практически разрешает задачу обеспечения нерушимости западной границы СССР готовность Польши принять участие в заключении восточного пакта, если бы таковой готовности можно было добиться. Политбюро ВКП(б) считает целесообразным рекомендовать французскому правительству употребить все усилия, не останавливаясь даже перед существенными финансовыми жертвами, для привлечения Польши к участию в Восточном Локарно, тем более, что, в случае удачного разрешения этой задачи французской дипломатией у Германии фактически не будет иного выхода, как последовать примеру Польши.

Политбюро ВКП(б) подчеркивает, что советское правительство лишено возможности проводить сколько-ни-

будь твердую политическую линию на Дальнем Востоке, пока безопасность западных границ Советского Союза остается необеспеченной. В силу этого Политбюро ВКП(б) предлагает тов. Литвинову добиться совместного обсуждения вопроса о восточноевропейском пакте с министрами иностранных дел Франции и Польши, приложив все старания к приспособлению текста договора к пожеланиям варшавского правительства, поскольку эти поправки и оговорки не будут сводить на нет основной цели пакта.

Политбюро ВКП(б) обращает внимание тов. Литвинова на тот факт, что вступление Советского Союза в состав членов Лиги наций³⁰ отнюдь не является задачей советской внешней политики. Политбюро ВКП(б) полагает, напротив, что, если цель обеспечения неприкосновенности советской территории с запада может быть осуществлена без вхождения СССР в Лигу наций, то такое решение вопроса представляется идеальным. Политбюро ВКП(б) считает особенно желательным, чтобы, в случае неизбежности вхождения Советского Союза в Лигу наций, советской дипломатией были предприняты все шаги для побуждения Соединенных Штатов Америки пересмотреть их позицию в отношении Женевы³¹.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 18 августа 1934 г.

Политбюро ВКП(б), обсудив в чрезвычайном заседании 18 августа 1934 г. последние поступившие в НКВД донесения полпредств

в Токио, Вашингтоне, Лондоне, Париже, Берлине и Варшаве, а равным образом ознакомившись с последними данными о положении в Монголии, Маньчжурии и собственно Китае, приходит к единогласному заключению,

что обострившаяся в настоящий момент опасность вооруженного столкновения между Советским Союзом и Японией ставит для советской дипломатии необычайно трудные препятствия на пути к созданию международных политических условий, могущих обеспечить СССР реальную поддержку извне в случае войны на Дальнем Востоке или, по меньшей мере, гарантировать нерушимость советских границ на западе. Политбюро ВКП(б) констатирует, что

1) Польша и Германия всемерно уклоняются от принятия окончательного решения по вопросу Восточного Локарно, явно строя свои расчеты на том, что советско-японский вооруженный конфликт разразится до заключения восточноевропейского пакта безопасности и взаимопомощи и, тем более, до заключения оборонительного союза между Францией и СССР;

2) Франция, заинтересованная прежде всего в военной поддержке Англии в случае нападения со стороны Германии, в своем сближении с Советским Союзом опасается идти дальше, чем то было бы желательно британской политике, и с необычайной настойчивостью стремится ограничить пределы своих возможных обязательств в отношении СССР только конкретными случаями открытого нападения на Советский Союз со стороны поименно обозначаемых государств, Германии и Польши; французское правительство явно предпочитает восточноевропейский гарантийный пакт двустороннему франко-советскому оборонительному договору;

3) Англия ведет совершенно отчетливо выраженную политику сближения с Японией, особенно по всем пунктам расхождения между последней и Советским Союзом; прямая или, в лучшем для СССР случае, косвенная под-

держка Японии против Советского Союза со стороны Англии представляется уже теперь неоспоримым фактом; постоянная тенденция британской политики -- явная или скрытая борьба против коммунистической страны Советов -- приобретает в условиях данного момента характер тайного японско-британского соглашения относительно Восточной и Центральной Азии; это последнее обстоятельство, естественно, укрепляет надежды и как бы оправдывает расчеты Берлина и Варшавы;

4) Соединенные Штаты Америки, являющиеся естественным союзником СССР против Японии, уклоняются от принятия на себя формальных обязательств на случай японо-советского вооруженного конфликта;

5) Япония, прекрасно учитывая напряженность и запутанность европейского положения и одновременно будучи твердо уверенной в том, что Советский Союз боится войны и ее избегает всеми мерами, -- Япония неизменно исходит из последнего названного

предположения и рассчитывает завладеть -- в результате провала советско-маньчжурских переговоров о продаже КВЖД -- указанной дорогой, не считаясь с возможностью активного сопротивления СССР этому акту голого насилия. Политбюро ВКП(б) полагает целесообразным обратить особое внимание НКВД на острую необходимость скорейшей реализации плана восточноевропейского пакта безопасности и взаимопомощи, чтобы тем самым связать Германии и Польше руки в отношении предполагаемого обеими названными державами отторжения от СССР ряда областей в случае советско-японской войны.

Политбюро ВКП(б) предлагает НКВД обсудить в духе полной искренности и откровенности с французским правительством создавшееся для СССР положение и на-

стоятельно просить правительство Франции о принятии на себя формальной гарантии советской западной границы; Политбюро ВКП(б) считает необходимым просить посредничества французской дипломатии в деле сближения между СССР и Англией.

Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает НКВД предпринять в самом срочном порядке дипломатические шаги в Вашингтоне для побуждения правительства США пойти на заключение формального оборонительного союза между США и СССР.

Политбюро ВКП(б) обращает особое внимание НКВД на восстановление в пределах возможного былых связей с германским Reichswehr'ом, исходя из предположения, что фантастические планы Розенберга⁵² не встречают сочувствия германских военных кругов.

Политбюро ВКП(б), полагая необходимым избежать вооруженного конфликта на Дальнем Востоке, не считает, однако, возможным далее уступать насилию. Политбюро ВКП(б) считает, тем не менее, совершенно необходимым оттянуть по возможности начало прямых военных действий, пристально следя за малейшими признаками создания того или иного антисоветского фронта держав.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 19 августа 1934 г.

Политбюро ВКП(б), обсудив в чрезвычайном заседании 19 августа 1934 г. общее международное положение и оценив сложившуюся обстановку на Дальнем Востоке, приходит к единогласному выводу о том, что советское правительство должно немедленно отреагировать на японско-маньчжурские провокации. Политбюро ВКП(б) уполномочивает НКВД предпринять все необходимые дипломатические шаги в указанном направлении, одновре-

менно озаботившись принятием на себя французским правительством инициативы по подготовке коллективного выступления великих держав для предотвращения вооруженного конфликта между Советским Союзом и Японией. Политбюро ВКП(б) рекомендует

НКВД немедленно представить в распоряжение вашингтонского правительства имеющийся в Особом отделе и у Разведупра документальный материал, иллюстрирующий дальнейшие планы японской экспансии в Восточной Азии. *

Политбюро ВКП(б) подчеркивает, что избежание вооруженного столкновения с Японией продолжает по-прежнему составлять одну из главных задач советской дипломатии, поскольку указанная цель может быть достигнута без полной и очевидной капитуляции Советского Союза перед Японией. Политбюро ВКП(б) предлагает одновременно всем надлежащим ответственным органам партии и правительства действовать, начиная с сегодняшнего дня, в точном соответствии с имеющимися в их распоряжении секретными директивами, данными "на случай непосредственной угрозы войны на Дальнем Востоке".

Политбюро ВКП(б) уполномочивает тов. Ворошилова на принятие, начиная с сегодняшнего дня, самостоятельных решений, касающихся военной обороны Советского Союза, в пределах данных ему Политбюро ВКП(б) полномочий, "на случай непосредственной угрозы войны на Дальнем Востоке".

Политбюро ВКП(б) предлагает Президиуму ИККИ, начиная с сегодняшнего дня, приступить к энергичному осуществлению программы коммунистической деятельно-

сти в Китае, Корее и Японии, выработанной "на случай непосредственной угрозы войны на Дальнем Востоке".

Политбюро ВКП(б) постановляет; начиная с 20 августа 1934 г. перевести промышленность, хозяйство и транспорт Советского Союза на скрытое военное положение.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 23 августа 1934 г.

Политбюро ВКП(б) обсудив в заседании 23 августа 1934 г, международное положение и ознакомившись с сообщениями НКВД относительно ближайших задач советской внешней политики, считает маловероятным, что и на этот раз удастся предотвратить опасность открытого вооруженного конфликта на Дальнем Востоке. По твердому убеждению Политбюро ВКП(б) токийское правительство, всецело находящееся в руках японской военщины, считает данный момент наиболее подходящим для реализации очередного этапа своего экспансионного плана, опираясь, с одной стороны, на очевидную поддержку британского империализма, с другой -- на несомненное наличие тайного польско-германского сговора о разделе "сфер влияния" в Восточной Европе, до захвата обширных территорий СССР включительно. Политбюро ВКП(б), отдавая себе полный отчет в чрезвычайной остроте наджившейся на Советский Союз вплотную угрозы войны с Японией, приходит к единогласному заключению, что советскому правительству не ос

тается иного выхода, как выступить со всей решимостью на защиту прав и интересов СССР в Маньчжурии и Монголии. Политбюро ВКП(б), полагая тактически целесообразным ограничиться до предела последней возможности актами дипломатических протестов и мобилизации

ей мирового общественного мнения против Японии, заканчивая одновременно в самом срочном порядке подготовку и проведение предусмотренных на случай вооруженного конфликта мероприятий, настоятельно рекомендует НКВД сосредоточить все свои усилия на возможно спешном осуществлении следующих заданий:

1) вмешательства великих держав в советско-японский конфликт в качестве посредников или в виде инстанции третейского суда (для советского правительства является приемлемой любая с международно-правовой точки зрения безукоризненная форма такого вмешательства); Политбюро ВКП(б) предлагает НКВД использовать в полной мере готовность Франции оказать Советскому Союзу поддержку в этом отношении;

2) ускорения в решении вопроса восточноевропейского пакта безопасности и взаимной поддержки, добиваясь по меньшей мере заключения балтийского пакта, гарантированного Францией и Советским Союзом;

3) побуждения правительства США взять на себя в самом ближайшем времени инициативу предложения пакта безопасности и взаимной поддержки между тихоокеанскими державами, с непременным участием в нем Китая и СССР.

Политбюро ВКП(б) рекомендует тт. руководителям советской внешней политикой отнестись с должным вниманием к следующим тактическим комбинациям, таящим в себе несомненные возможности для успешного маневрирования советской дипломатии:

а) к новому обострению германо-итальянских отношений путем искусственного создания при помощи аппа-

рата Коминтерна и сексотной сети Особого отдела НКВД обстановки свежего австро-германского конфликта;

б) к одновременному обострению отношений между Польшей и Чехословакией и между Румынией и Венгрией;

в) к активному содействию польско-французского разрыва и посредничеству Советского Союза в направлении франко-германского сговора за счет Польши.

Политбюро ВКП(б) подчеркивает, что указанные тактические комбинации отнюдь не являются самоцелями. Основной целью советской внешней политики остается международная гарантия западной границы- СССР и создание возможно более широкого фронта держав против Японии. Включение Советского Союза в европейский концерт держав и связанное с этим вступление СССР в состав членов Лиги наций должно прежде всего воспрепятствовать

осуществлению планов создания антисоветского фронта государств, как того до самого последнего времени добивалась Германия. *

Постановление Политбюро ВКП(б) от 31 августа 1934 г.

Политбюро ВКП(б), ознакомившись в заседании 31 августа 1934 г. с докладом тов. Стомонякова³³ и донесением тов. Майского³⁴, вынуждено констатировать, что международное положение продолжает оставаться крайне напряженным и, в частности, основная задача советской внешней политики -- обеспечить СССР от угрозы оказаться вовлеченным в вооруженный конфликт -- не может считаться даже частично выполненной. В особенности Политбюро ВКП(б) отмечает в качестве тревожного

симптома "мирные" заверения Японии, соответствующие обычным тактическим приемам японской дипломатии, применяемым Токио неизменно перед началом "решительных действий". Кроме того, Политбюро ВКП(б) считает вторым крайне тревожным симптомом искусное раскидывание британской дипломатией сложной сети интриг, планомерно разрушающих -- к сожалению, не без успеха -- не только всю комбинацию советско-американского сотрудничества на Дальнем Востоке, но и всю систему европейских пактов безопасности и взаимопомощи, особенно важных для СССР в настоящий грозный момент.

Политбюро ВКП(б) считает весьма вероятным предположение тов. Майского, что переживающий острый кризис британский империализм не видит для себя иного выхода из тупика и для восстановления своего мирового положения, утраченного в последние десятилетия, как вызвать войну "на уничтожение" между Францией и Германией в Европе и между СССР и Японией на Дальнем Востоке. Основываясь на данных НКВД, Политбюро ВКП(б) полагает, что особенно вовлечение Советского Союза в вооруженный конфликт составляет ближайшую цель британской политики, совершенно правильно учитывающей, что развертывание событий и время работают на коммунизм, который вновь представляет собою непосредственную и реальную угрозу для Британской империи. Резкое обострение социальных конфликтов в Америке, где назревают революционные события огромного размаха; необычайный рост коммунистического движения в Средней Европе, в особенности -- в Германии и в Австрии в результате кровавых дней 30 июня³⁵ и 25 июля³⁶; революционирование колониальных и полуколониальных стран; чрезвычайное усиление коммунистического влияния в Японии и в Китае; новая волна коммуни-

стических настроений и революционных тенденций во всем мире -- все это побуждает британский империализм искать союза с империализмом

японским, вполне сознавая опасности, вытекающие отсюда для самой Великобритании.

Если вооруженный конфликт между Францией и Германией входит в расчеты британской политики, то в общем для нее несущественно, будет ли это столкновение иметь место теперь или в далеком времени, с участием или без участия в нем самой Англии. Напротив, война между Японией и Советским Союзом является ближайшей задачей британской политики и, с ее точки зрения, должна обескровить одновременно и коммунизм СССР и империализм Японии, убить одним выстрелом двух зайцев.

Политбюро ВКП(б) подчеркивает, что ныне советская власть должна добиться, невзирая ни на что, такого положения для себя в кругу европейских держав, чтобы западной границе Советского Союза действительно была обеспечена безопасность от иностранного вторжения. Используя стремление французской дипломатии привлечь Советский Союз к участию в Лиге наций, НКВД должен принять все меры к тому, чтобы превратить Женевскую говорильню в орудие против Японии или привести к уничтожению Лиги наций как абсолютно ненужного и даже вредного учреждения.

Вне зависимости от того или иного исхода "экскурсии" тов. Литвинова в Женеву, Политбюро ВКП(б) предлагает НКВД продолжать с прежней энергией свои усилия в направлении осуществления планов, приближающих создание пактов гарантированной безопасности и взаимопомощи.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 6 сентября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 6 сентября 1934 г. доклад тов. Крестинского о международном положении и о ближайших задачах советской внешней политики, приходит к единогласному заключению, что первоначальный план создания системы гарантийных пактов безопасности и взаимопомощи, обеспечивающих действительную неприкосновенность границ Советского Союза, очевидно не может быть реализован. Наиболее существенный для СССР проект тихоокеанского пакта, хотя и не отброшенный окончательно, не встретил той доли сочувствия со стороны заинтересованных держав, которая делала бы вероятным его заключение не только в основной редакции, но и в измененном и ослабленном виде. Политбюро ВКП(б) вынесло определенное впечатление, что лишь Нанкин³⁷ принципиально был бы готов принять участие в подобном разговоре. Токио категорически отказывается примкнуть к нему, а Лондон, Париж и Вашингтон проявляют, правда, по различным побуждениям, настолько явные колебания, что рассчитывать на реализацию названного плана совершенно не приходится. Политбюро ВКП(б) единогласно постановляет предложить НКВД сосредоточить вновь свои усилия на перенесе

нии центра тяжести вопроса в область китайско-американских отношений, добиваясь в первую очередь заключения ряда политических и экономических соглашений между Вашингтоном и Нанкином, создающих по самому содержанию своему необходимые предпосылки для обострения американо-японского соперничества на Дальнем Востоке. Политбюро ВКП(б) придерживается той точки зрения, что советская дипломатия должна в отношении США придерживаться по преимуществу тактики

выжидания и предоставления инициативы Вашингтону, тем более, что главная опасность для СССР, лежит в работе британской дипломатии, искусно пытающейся убедить правительство и руководящие политические и общественные круги Соединенных Штатов в том, что советско-японский конфликт лежит в интересах обеих англо-саксонских держав, поскольку они смогут уклониться от непосредственного в этот конфликт вмешательства. Политбюро ВКП(б) настоятельно рекомендует гг. руководителям советской внешней политики в неременном тесном сотрудничестве с соответствующими секциями Коминтерна обратить главное внимание на создание условий, которые не могут не вызвать открытого столкновения американских и японских интересов. Одновременно Политбюро ВКП(б) обращает особое внимание НКВД на то чрезвычайно важное обстоятельство, что, судя по донесению тов. Юренева³⁸, в самой Японии часть руководящих военных -- преимущественно морских -- кругов стоит на точке зрения тактической целесообразности для Японии первоначально "расправиться" с Соединенными Штатами и лишь потом заняться Советской Россией. Политбюро ВКП(б) полагает полезным поручить соответственным органам, а также и отдельным ответственным товарищам, направить свои усилия на создание условий, точку зрения указанной японской группы подтверждающих. Совершенно очевидно, что малейшая попытка со стороны Токио мирно договориться с СССР на сколько-нибудь приемлемых для последнего условиях должна встречать немедленное сочувствие и полную готовность к переговорам со стороны советской внешней политики.

Политбюро ВКП(б) констатирует, что и план "Восточного Ло-карно" едва ли дождется своего осуществления в силу позиций, занятых Германией и Польшей³⁹. По

мнению Политбюро ВКП(б) заключение восточного пакта без участия в нем Польши фактически было бы равносильно расторжению франко-польского союза и окончательной замене Польши во внешней политике Франции Советским Союзом. Политбюро ВКП(б) приходит к выводу, что такое развитие событий лежит в данный момент в интересах СССР и предлагает НКВД последовательно идти по линии полной координации внешней европейской политики Советского Союза с внешнею политикою Франции, предоставив дипломатии последней

найти ту юридическую форму, в которой названное сотрудничество могло бы быть закреплено.

Политбюро ВКП(б) приходит далее к заключению, что вступление Советского Союза в Лигу наций должно быть осуществлено во что бы то ни стало в течение сентябрьской сессии, хотя бы в форме, не вполне отвечающей пожеланиям и международному престижу СССР⁴⁰. Политбюро ВКП(б) не питает никаких иллюзий относительно того, что Лига наций в случае советско-японского вооруженного конфликта сможет оказать на ход событий большее влияние, чем в свое время в конфликте японо-китайском. Но Политбюро ВКП(б) уверено, что, прибавив к билатеральным обязательствам пактов о ненападении новый инструмент в виде много сторонних обязательств, вытекающих для каждой державы из факта пребывания в Лиге наций, советское правительство все же до некоторой степени обеспечит свой тыл.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 14 сентября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в чрезвычайном заседании 14 сентября 1934 г. доклады тт. Крестинского и Стомонякова о международном положении и телеграф-

ное донесение тов. Литвинова от 13-го с. м., постановляет:

I. Уполномочить тов. Литвинова дать согласие правительства СССР на всякую форму принятия Советского Союза в Лигу наций, приложив, естественно, все усилия к тому, чтобы эта форма не нанесла непоправимого ущерба международному положению СССР.

Политбюро ВКП(б) полагает необходимым рекомендовать тов. Литвинову дать в переговорах с державами возможно большее число неопределенных и ни к чему не обязывающих заверений относительно предстоящего смягчения режима.

II. Предложить тов. Литвинову обратить особое внимание на чрезвычайную необходимость добиться еще в Женеве определенных результатов в направлении применения международных санкций против нападающего.

Политбюро ВКП(б) считает, кроме того, чрезвычайно желательным привлечение Советского Союза к прямому участию в осуществлении выдвигаемого Англией плана "Воздушного Локар-но".

III. Настоятельно рекомендовать тов. Литвинову добиваться нового сближения между СССР и Польшею.

Политбюро ВКП(б) находит весьма желательным добиться посредничества варшавского правительства в направлении установления дружественных отношений между Советским Союзом и Германией, в особенности же -- вывести из тупика план восточно

европейского пакта, стремясь установить какую-либо возможность советско-польско-германского соглашения в этом пункте.

IV. Предложить тов. Литвинову использовать в полной мере нынешние отношения между Советским Союзом и Францией для побуждения последней к принятию на себя роли! посредника в советско-японском конфликте.

Политбюро ВКП(б) имеет в данный момент все основания предполагать, что в связи с изменением международно-политической конъюнктуры японское правительство проявляет известную, хотя и в крайне слабой форме, тенденцию к разрешению некоторых основных спорных вопросов между Японией и Советским Союзом дипломатическим путем⁴¹.

Политбюро ВКП(б) полагает целесообразным настоятельно предложить тов. Литвинову возобновить неофициальные попытки добиться в самом срочном порядке соглашения между СССР и Великобританией в наиболее важных вопросах международной политики и экономики.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 19 сентября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в чрезвычайном заседании 19 сентября 1934 г. доклад тт. Крестинского и Стомонакова о международном положении и ознакомившись с телеграфными донесениями тов. Литвинова от 17 и 18 сентября с. г., считает необходимым установить незыблемость для советского правительства и для ВКП(б) того положения, что вызванное тактическими соображениями вступление СССР в Лигу наций отнюдь не представляет собой даже временной сдачи коммунизмом своих идеологических позиций. Политбюро ВКП(б) полагает нужным особенно подчеркнуть это обстоятельство в виду проявляющейся у тов. Литвинова склонности рассматривать тактический маневр советской внешней политики -- ибо

путь в Женеву для СССР не более, чем маневр-- как некий "сдвиг" или "поворот" в политической установке Советского Союза вообще. Политбюро ВКП(б) считает своей прямой обязанностью поставить на вид НКИД, что временное подчинение целей Коминтерна целям и задачам внешней политики советского государства ни в какой степени не означает даже частичной "ликвидации" коммунизма, как о том в своей близорукости мечтают новые "друзья СССР".

Возвращаясь к непосредственным темам доклада НКИД и донесений тов. Литвинова, Политбюро ВКП(б) приходит к выводу, что необходимо оставить всякую надежду на участие Франции и ее союзников в системе военно-оборонительных соглашений с Советским Союзом, выходящих из рамок узкоевропейских отношений. Сближение СССР с Францией обеспечивает -- и то лишь до известной степени -- безопасность западных границ Советского

Союза, но лишь косвенно укрепляет позицию последнего на Дальнем Востоке перед лицом японской угрозы. Политбюро ВКП(б), отдавая должное достигнутым советской дипломатией результатам в направлении срыва польско-германского плана "крестового похода против большевизма", считает целесообразным настоятельно рекомендовать тт. руководителям советской внешней политики обратить особое внимание на возможность в конечном итоге франко-германского сговора. Политбюро ВКП(б) считает чрезвычайно желательной поддержку такого хода событий, "поскольку компенсационным объектом может оказаться не Советский Союз, а Польша. Политбюро ВКП(б) всецело присоединяется к точке зрения тов. Крестинского, что все нынешние попытки разрешения средневропейской проблемы со сто-

роны Парижа и Рима неминуемо обречены на бесплодность, поскольку предпосылкою их всех является исключение Германии из всех основных комбинаций. Политбюро ВКП(б) полагает полезным рекомендовать НКВД обратить внимание французской дипломатии на возможности, вытекающие из совместного соглашения Франции и Советского Союза с Германией, принимая особенно в расчет полную внешнеполитическую изолированность, которую испытывала Германия в самом недалеком прошлом, преимущественно в европейской политике.

Не считая нужным спешить с практическим осуществлением намеченного выше плана, Политбюро ВКП(б) рекомендует НКВД сосредоточить предварительно внимание на всемерном использовании настоящих преимуществ международной позиции Советского Союза и на тщательном ее укреплении.

Политбюро ВКП(б) полагает прежде всего необходимым использовать "дружбу" с Францией в целях немедленного привлечения ее к роли посредника в отношении Великобритании и в особенности Японии. Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает НКВД изыскать самым срочным порядком пути для искусственного направления японской политической и тем более экономической экспансии в сторону, неминуемо вызывающую настолько чувствительное нарушение британских и американских интересов, чтобы очаг дальневосточного конфликта оказался отодвинутым далеко от пределов Советского Союза.

В отношении Европы Политбюро ВКП(б) считает наиболее правильным с тактической точки зрения сосредоточить все усилия на превращении Австрии в яблоко раздора между соседними государствами. Политбюро

ВКП(б) полагает далее необходимым дать германской экспансии направление на юг и юго-восток, одновременно употребляя весь свободный наличный состав сексотов на то, чтобы всеми правдами и неправдами способствовать нарастанию югославско-итальянского конфликта и, тем самым, отвлечению интереса всех великих держав в сторону Балкан.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 28 сентября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 28 сентября 1934 г доклад тов. Крестинского о международном положении и телеграфное донесение тов. Литвинова от 27-го сентября с. г., приходит к единогласному заключению, что перегруппировка сил в Европе, вызванная прежде всего вступлением Советского Союза в Лигу наций и сближением между СССР и Францией, начинает принимать более или менее определенные формы. Декларация трех великих держав об австрийской независимости⁴², являющаяся по существу лишь повторением англо-франко-итальянской декларации от 17 февраля с. г. ⁴³, послужила тем пробным камнем, на котором с неоспоримой отчетливостью обнаружилось, что

1) франко-итальянские противоречия значительно глубже Но более трудно устранимы, чем это представлялось Барту,

2) противоречия между Италией и Малой Антантой, в особенности же отношения между Римом и Белградом, едва ли смогут быть урегулированы без того, чтобы Италия отказалась от своих основных потаенных планов касательно дунайского бассейна,

3) Англия отнюдь не склонна ввязываться в средне-европейскую распрю и определенно отказалась от действительной гарантии австрийской независимости,

4) польско-венгерское сближение пошло по линии, прямо противоречащей целям французской политики, но и не вполне отвечающей направлению политики итальянской,

5) "окружение" Германии, составляющее центральное звено политических комбинаций Барту, оказалось по существу прорванным именно в австрийском пункте, который оказался уже вполне закрепленным,

6) итальянская внешняя политика обнаружила вновь моменты, заставляющие подозревать двуличие и двурушничество Рима.

Политбюро ВКП(б) приходит далее к выводу, что отказ Польши от участия в гарантиях литовской, чехословацкой и, косвенно,, австрийской границ -является неопровержимым подтверждением существования тайного германо-польского договора, предусматривающего именно "исправление" последних. Польская и германская дипломатическая инициатива в Венгрии и Румынии составляет, таким образом, лишь часть большого польско-германского плана "передела" Европы.

Политбюро ВКП(б) полагает необходимым обратить особое внимание НКВД на то обстоятельство, что опасность для Советского Союза оказаться в самом центре новых международных конфликтов представляется далеко не устраненной. Политбюро ВКП(б) начинает, со своей стороны, все более и более склоняться к мнению, что в интересах Советского Союза является вызвать неизбежный европейский конфликт по возможности до весны

1935 года и в западной или средней, а не восточной части Европы. Поскольку в условиях данного момента отношения между США и Японией достигли предельного максимума напряжения, для СССР необходимо возможно скорее вывести из строя своих возможных противников Германию и Польшу, что могло бы быть в наиболее выгодной для Советского Союза форме осуществлено в случае германо-итальянского конфликта из-за Австрии и польско-чехословацкого столкновения. Отдавая себе явный отчет в том, что оба названных конфликта по самой природе своей не могут быть локализованы, Политбюро ВКП(б) считает, что несмотря на это, линия развития европейских столкновений пойдет в сторону от Советского Союза. Политбюро ВКП(б) настоятельно рекомендует НКВД сосредоточить свои усилия именно в указанном направлении.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 30 сентября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в чрезвычайном заседании 30 сентября 1934 г. телеграфное донесение тов. Юренева от 29-го с. м. и ознакомившись с заключением Восточного отдела НКВД по вопросу, усматривает несомненную возможность коренного поворота политики Японии в отношении СССР, но считает необходимым проявить сугубую осторожность в оценке таковой. Политбюро ВКП(б) вынуждено прежде всего считаться с тем очевидным фактом, что германо-польско-японское соглашение касательно Советского Союза -- вне зависимости от формы такого соглашения -- не только не имеет тенденции к прекращению своей деятельности, но и заполняется постепенно все новым и новым конкретным содержанием. С другой стороны, Политбюро ВКП(б) полагает неблагоприятным оставить неиспользованными те воз-

возможности, которые вытекают для советской внешней политики как из наличия серьезных разногласий между роренберговской кликой и германским генштабом относительно СССР, так и из несомненного наличия в среде японской военщины течения, настаивающего на сговоре с Советским Союзом. Политбюро ВКП(б), не принимая в настоящем заседании окончательного решения, постановляет:

1) рекомендовать НКВД и, в особенности, тов. Юреневу проявить в отношении японской дипломатической инициативы максимум интереса и готовности к обмену мнениями, стремясь одновременно привлечь Францию к активному сотрудничеству с Советским Союзом в вопросах дальневосточной политики;

2) предложить НКВД обратить особое внимание на возможности предельного использования тенденций германской военщины к новому пересмотру "русского вопроса";

3) предложить Особому отделу НКВД установить, наконец, с

полной достоверностью характер, форму и действительные пределы германо-польско-японского соглашения.

Политбюро ВКП(б), не принимая опять-таки окончательного решения по вопросу, полагает необходимым тщательно исследовать проблему обеспечения безопасности западной границы Советского Союза на почве полного разрыва между Францией и Польшей. Политбюро ВКП(б) рекомендует тт. руководителям советской внешней политики приступить незамедлительно к зондированию почвы в направлении франко-германско-советского сговора за счет Польши, принимая во внимание, что гер-

манские притязания на Мемельскую область⁴⁴ могли бы быть удовлетворены при условии соответственной компенсации Литвы⁴⁵. Возвращение Германий силезских областей и предоставление германской промышленности гарантированных рынков сбыта в Восточной Европе, включая Советский Союз, уничтожение Данцигского коридора⁴⁶ -- все это наверняка в значительно большей мере удовлетворило бы национальные устремления Германии, чем возможные выгоды в случае сомнительного успеха польско-немецкого плана.

Политбюро ВКП(б) настоятельно рекомендует НКВД в кратчайший срок начать исследование почвы в указанном выше направлении в Берлине, Париже и Ковно.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 1 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 1 октября 1934 г. доклад тов. Крестинского о международном положении и ознакомившись с телеграфным донесением тов. Литвинова от 30 сентября с. г., высказывает свое полное одобрение дипломатическим шагам НКВД, предпринятым в направлении соглашения с Польшей и Германией относительно восточноевропейского пакта безопасности и взаимопомощи. Политбюро ВКП(б) полагает, что проводимая советской дипломатией тактика поддержки стремления французской внешней политики вновь установить подлинно союзнические отношения с Польшей и тем самым улучшить франко-германские отношения, по-видимому, приведет к желанному результату в смысле дальнейшего укрепления советско-французского сотрудничества. Политбюро ВКП(б) в то же время с удовлетворением отмечает, что основная идея советского плана умиротворения Восточной и Центральной Европы за счет

Польши, выдвинутая обходным путем из кругов французского генштаба, уже учитывается весьма влиятельными факторами внешней политики Франции в качестве одного из возможных решений. Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает тт. руководителям внешней политики СССР, в особенности же руководству Особого отдела НКВД, принять все меры к тому, чтобы указанная идея нашла себе уже в ближайшем будущем новых и политически достаточно влиятельных сторонников.

В то же время Политбюро ВКП(б) считает необходимым сосредоточить главные усилия советской дипломатии на воспрепятствовании тенденции Барту впредь до окончательного выяснения польско-французских отношений искусно уклоняться от установления более тесного сотрудничества между Францией и Советским Союзом и на умелом разжигании обострившихся в последние месяцы франко-польских разногласий. Политбюро ВКП(б) полагает, что в последнем случае отношения между Польшей и Чехословакией могут при сколько-нибудь благоприятных условиях действительно стать камнем преткновения для всех попыток восстановления франко-польского союза.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 2 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав доклад Президиума ИККИ о положении в Испании и о возможностях активных революционных выступлений испанских товарищей, приходит к заключению, что в условиях данного момента нет никаких оснований рассчитывать на действительное и сколько-нибудь длительное торжество коммунистической революции в Испании. Процесс революционизирования испанских народных масс не может быть при объектив-

ной оценке положения признан завершившимся, почему и приходится признать, что расчет на создание советской Испании никоим образом не может оправдаться. Поскольку, однако, сам по себе преждевременный взрыв революционных настроений широких масс испанского трудящегося населения представляется неизбежным, Политбюро ВКП(б) единогласно высказывается за активное участие Коминтерна и, в первую голову, испанских коммунистов в революционных восстаниях и массовых выступлениях.

Политбюро ВКП(б) считает, однако, что предстоящая революционная попытка, обреченная на неудачу, должна явиться в глазах мирового пролетариата попыткой преимущественно социалистически-минималистской и анархо-синдикалистской. Провал восстания и неизбежность временного "торжества" кровавой фашистской реакции, подобно тому, как это имело место с Германией и с Австрией, неизбежно приведет к объединению подлинно революционных элементов вокруг знамени и идей коммунизма. Испанские товарищи должны теперь показать свое мужество и жертвенность рабочему, крестьянину и солдату, чтобы потом иметь действительную возможность встать во главе революционного движения. Политбюро ВКП(б) не считает поэтому целесообразным отказать Президиуму ИККИ в утверждении его предложений.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 6 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 6 октября 1934 г. доклад тов. Литвинова о международном положении и о ближайших задачах советской внешней политики, высказывает единогласно свое полное одобрение по-

литической линии и тактическим приемам товарища наркома иностранных дел. Политбюро ВКП(б) не считает, однако, возможным скрыть некоторую тревогу в связи с обнаружившейся задержкой в оформлении франко-советского союза, тем более, что вопрос непосредственного соглашения между Парижем и Берлином становится вновь актуальным.

Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает тт. руководителям советской внешней политики, равно как и лично тов. Литвинову, обратить особое внимание на необходимость своевременного устранения опасности того, что Советский Союз будет отстранен от прямого участия в урегулировании спорных вопросов между великими европейскими державами. Политбюро ВКП(б) подчеркивает лишней раз то несомненное обстоятельство, что ни франко-германское, ни франко-итальянское, ни, тем более, германо-итальянское сближение не должны иметь место до того, как задача закрепления позиций Советского Союза в концерте европейских держав будет окончательно выполнена.

Политбюро ВКП(б) вменяет поэтому в обязанность тт. руководителям советской внешней политики неуклонно проводить политическую линию, позволяющую СССР, опираясь на тесное сотрудничество с Францией, искать сближения с Англией и Италией и попутно устранять противоречия с Германией. Политбюро ВКП(б) видит в плане Муссолини сохранить европейское равновесие в форме своего рода директории пяти великих держав несомненную возможность для СССР прочно включиться в указанную комбинацию. Политбюро ВКП(б) рекомендует тов. Литвинову сосредоточить свои усилия на поддержке всякого плана "умиротворения" Европы, осуществление которого предполагает активное и равноправное участие в

нем Советского Союза, и полагает необходимым воздействовать в том же направлении на французскую дипломатию.

Политбюро ВКП(б) усматривает в правильном использовании международно-политической инициативы Италии действительное средство для разрушения польско-германской комбинации блока Германия--Польша--Венгрия--Югославия (+ Болгария) --Италия, имеющего целью вбить клин между Францией и СССР и превратить Чехословакию -- а быть может, и Австрию -- в объект соответствующих территориальных компенсаций Политбюро ВКП(б) подчеркивает, что в интересах Советского Союза лежит такой, в конечном итоге неизбежный для "умиротворения", передел Европы, при котором предметом раздела явилась бы Польша. Ставя в

форме строго тайной директивы настоящую задачу советской внешней политике, Политбюро ВКП(б) полагает, что необходимыми предпосылками для ее осуществления является обострение франко-польских отношений и доведение франко-польского союза до полного разрыва, а также невозможность двустороннего франко-итальянского сговора.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 7 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 7 октября 1934 г. доклад тов. Стомонякова о положении на Дальнем Востоке и о ближайших задачах восточно-азиатской политики Советского Союза, приходит к выводу, что японский империализм все свои расчеты строит на том очевидно не вызывающем у Токио ни малейших сомнений предположении, что СССР не может вести сколько-нибудь серьезной внешней войны, не рискуя предвари-

тельным свержением советской власти вооруженным населением. Для японского правительства вопрос нападения на Советский Союз не представляет, таким образом, никакой проблемы: осуществлению планов японского генштаба в отношении дальневосточных областей Советского Союза препятствует лишь позиция США, отсутствие формального англо-японского союза, а также обстановка в Китае и в Маньчжурии, где японцам еще не удалось закрепить свои позиции в степени, позволяющей им играть наверняка.

Политбюро ВКП(б), присоединяясь к оценке международного положения, делаемой тов. Стомоняковым, считает наиболее вероятным, что Япония не пойдет ни на какое дальнейшее обострение маньчжурско-советского конфликта до окончательного выяснения проблемы морских вооружений с точки зрения соотношения морских вооруженных сил Англии, США и Японии. Политбюро ВКП(б) полагает в то же время, что внутреннее положение Советского Союза и нынешнее настроение Красной армии делает действительно невозможным для советского правительства брать на себя риск общей мобилизации и войны.

Политбюро ВКП(б) настоятельно рекомендует тов. Стомонякову в предстоящей его беседе с японским послом дать достаточно ясно понять последнему, что правительство Советского Союза искренне готово обсудить с японским правительством все возможности радикального устранения причин, вызывающих постоянное столкновение интересов обеих держав. Правительство СССР искренне готово подвергнуть тщательному совместному с японским правительством обсуждению вопрос о согласовании дальневосточной политики обоих государств.

Политбюро ВКП(б) подчеркивает, что настоящее его решение ни в какой мере не должно ослаблять усилий Коминтерна по овладению китайским, в особенности же маньчжурским, революци

онным движением масс. Борьба между китайской компартией и Гоминьданом⁴⁷ за овладение повстанческим движением в Маньчжурии должна продолжаться неослабно.

Постановление Политбюро ВКП(б) (о событиях в Испании) от 8 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), обсудив в заседании 8 октября 1934 г. положение в Испании, полагает необходимым напомнить Президиуму ИККИ о том, что Политбюро ВКП(б) вновь оказалось правым в своей оценке общей политической и социальной обстановки молодой испанской республики. Политбюро ВКП(б) констатирует, что в течение всех последних дней войска нигде во всей Испании не принимали участие в революционных выступлениях и восстаниях. Испанская армия -- от генерала до солдата -- выполняет свой "долг", и только этому обстоятельству следует приписать тот факт, что нынешнее испанское правительство, игрушка в руках промышленных и аграрных магнатов, пришедшее к власти милостью клериков, оказалось в состоянии задушить потоками крови вспышку революции

Политбюро ВКП(б) считает несомненным, что испанская буржуазная республика переживает ныне самый тяжелый кризис, который когда-либо мог выпасть на ее долю, и что опасность грозит уже самому существованию республиканского строя. Политбюро ВКП(б) полагает весьма вероятным, что позиция и тактика "социалистов" доведет в конечном итоге и Испанию до режима фашист-

ской диктатуры, как то имело место в Германии и Италии. Оставляя пока в стороне вопрос о возможностях в будущем для испанской компартии создать массовое революционное движение и захватить в результате организованного восстания власть в свои руки, Политбюро ВКП(б) считает необходимым рассмотреть события в Испании с точки зрения задач всей советской внешней политики. Считая более или менее установленным, что монархическая реставрация в Испании будет означать существенное ослабление позиции Франции, Политбюро ВКП(б) видит в ней тем не менее меньшую опасность, чем установление режима фашистской диктатуры, результатом которого явится усиление фашистского блока и несомненная "активизация" последнего. Политбюро ВКП(б) настоятельно рекомендует Президиуму ИККИ тщательно исследовать вопрос о том, не является ли целесообразным сосредоточить в создавшихся условиях все усилия на том, чтобы сохранением демократически парламентского строя в Испании предотвратить неизбежную иначе угрозу фашистской диктатуры. Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает Президиуму ИККИ в самом срочном порядке представить свои принципиальные соображения и конкретные предложения по этому вопросу.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 8 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), обсудив в заседании 8 октября 1934 г. доклад тов. Литвинова о внешней политике Советского Союза и ознакомившись с оценкой международного положения, данной тов. Сталиным, устанавливает следующие ближайшие задачи советской дипломатии:

I. Поддержка плана Муссолини относительно пакта пяти держав при условии возможности превращения его в пакт безопасности и взаимопомощи;

II. Разрушение германо-польского плана присоединения к римскому блоку 48 и отрыва Югославии и Румынии от Чехословакии;

III. Разрушение итальянского плана вовлечения Франции в комбинацию римского блока, Болгарии и Греции и последующего за тем соглашения с Германией на основе предоставления послед ней формального права на равенство вооружений;

IV. Обострение польско-французских разногласий и создание конфликта между Литвой с одной стороны, Германией и Польшей с другой;

V. Сближение со скандинавскими странами;

VI Последовательное проведение плана раздела Польши в случае полной неосуществимости Восточного Локарно;

VII. Поддержка плана пакта безопасности и взаимопомощи между СССР, Турцией, Персией и Афганистаном;

VIII Поддержка плана тихоокеанской конференции девяти держав и плана заключения между последними договора безопасности и взаимопомощи;

IX. Обострение конфликта между Австралией и Японией.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 16 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 16 октября 1934 г. доклады тт. Крестинского и Стомонякова о

международном положении и о ближайших задачах советской внешней политики, постановляет:

I. Принимая во внимание нынешнее внешне и внутривнутриполитическое положение Германии уполномочить тов. Сурица⁴⁹ на принятие самостоятельных решений без предварительного запроса НКВД, в пределах следующих конкретных вопросов:

а) способы привлечения Германии к принятию плана восточноевропейского пакта безопасности и взаимопомощи, исходя из наличия серьезных, обострившихся в последнее время разногласий между ведомствами Нейрата⁵⁰ и Розенберга; принципиальная готовность правительства Советского Союза выступить посредником между Францией и Германией на почве признания за Германией равноправия в области вооружений; восстановление основных пред

посылок Рапалльского договора и вытекающего из последнего делового сотрудничества между СССР и Германией в форме, имевшей место до 1933 года⁵¹;

б) согласование хозяйственных интересов Германии и Советского Союза; заключение нового торгового договора на основе принципа планомерного контингентированного товарообмена;

в) деятельность органов Коминтерна и КПГ, исходя из предположения, что уже весной 1935 г. в Германии создастся обстановка, благоприятная для широкого революционного наступления по всему фронту.

II. Учитывая стремление Японии добиться заключения пакта о ненападении с Великобританией и Соединенными Штатами Америки и одновременного заключения тройственного договора между названными державами о

разделе сфер влияния в Тихом океане, уполномочить тов. Трояновского⁵² на представление вашингтонскому правительству, опираясь на формальное заверение последнего правительству СССР относительно привлечения Советского Союза к прямому участию в решении тихоокеанской проблемы и отстаивания Соединенными Штатами плана конференции девяти держав, уполномочить тов. Трояновского на предложение вашингтонскому правительству взять на себя инициативу проекта тихоокеанского пакта безопасности и взаимопомощи.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 19 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), обсудив в заседании 19 октября 1934 г. международную политическую обстановку, усматривает серьезную опасность для захваченных в последнее время советской дипломатией внешнеполитических позиций в факте проявляемого французским правительством колебания относительно формального заключения франко-советского союза.

Продолжая стоять на той точке зрения, что в интересах СССР лежит сохранение за советской дипломатией максимальной свободы маневрирования, Политбюро ВКП(б) отнюдь не является сторонником окончательного включения Советского Союза во французскую группировку держав, поскольку основным стремлением Франции остается подобное решение проблемы франко-советских отношений. Наличие французских колебаний, однако, представляет собою достаточно явное доказательство того, что французская внешняя политика считается в последнее время с возможностями, лежащими вне советско-французского военного сотрудничества.

Не подлежит сомнению, что французский генштаб по-прежнему стоит на точке зрения, что стратегическое положение Польши по отношению к Германии более выгодно, чем положение СССР, и что в силу этого обстоятельства Польша должна быть основой всей французской политики восточных союзов. В то же время капита

листические круги Франции опасаются как консолидации советского режима, так и необходимости, в случае формального "альянса", оказания Советскому Союзу существенной финансовой поддержки. Влияние Лондона в направлении ослабления связей между Францией и СССР равным образом усиливается в последнее время.

Политбюро ВКП(б) считает целесообразным направить все усилия советской дипломатии

а) на более тесное сближение с Чехословакией и Румынией и

б) на предоставление Франции новых доказательств наличия тайного польско-германского договора, направленного против Литвы, СССР и Чехословакии и предусматривающего германскую экспансию в юго-восточном направлении.

Политбюро ВКП(б) полагает, далее, полезным вызвать у Франции впечатление наличия между СССР и военными кругами Германии тайных переговоров касательно заключения советско-германского военного союза. Политбюро ВКП(б) настоятельно рекомендует НКВД в самом деле такие переговоры продолжать, учитывая то простое обстоятельство, что заключение в данных условиях советско-германского союза отдает в руки Москвы и Берлина ключ к судьбам Европы вообще.

В заключение Политбюро ВКП(б) считает полезным напомнить Президиуму ИККИ что для СССР все договоры с капиталистическими державами являются лишь средством к конечной цели. Нарушение этих договоров в нужный момент представляется Политбюро ВКП(б) более, чем вероятным.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 21 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 21 октября 1934 г. тов. Сталина о международном положении, единогласно высказывается за твердое и неуклонное проведение внешнеполитической линии, начертанной вождем мирового пролетариата. Политбюро ВКП(б) всецело и единодушно присоединяется к точке зрения тов. Сталина относительно задач, стоящих в данный момент непосредственно перед внешней политикой Советского Союза, и приходит к заключению, что в пределах возможностей советской дипломатии лежит достичь уже в ближайшем будущем поставленной тов. Сталиным цели.

Политбюро ВКП(б) вполне присоединяется к основному тезису тов. докладчика о том, что непосредственная опасность для СССР войны на два фронта может считаться устраненной. Благодаря искусному маневрированию советской дипломатии, Япония лишена в данный момент возможности начать вооруженный конфликт с Советским Союзом и вынуждена все свое внимание сосредоточить на проблеме соглашения с США и Великобританией в

вопросе морских вооружений. Германия, оказавшаяся неожиданно для самой себя перед лицом угрозы открытого конфликта с Италией и вынужденная считаться с еще более грозной для нее опасностью франко-итальянского союза, переживает острый кризис своей внешней

политики и проявляет явную тенденцию заменить розенберговский план восточной экспансии тщательно разработанным спецмагистером генштаба проектом экспансии IВ южном и юго-восточном направлениях, как на Триест и Фиуме, так и на Константинополь

Политбюро ВКП(б) всецело присоединяется к точке зрения тов. Сталина относительно необходимости вновь поднять в международном масштабе вопрос о заключении системы пактов безопасности и взаимопомощи, имея целью обеспечение в первую очередь неприкосновенности дальневосточной и западной границ Советского Союза. Политбюро ВКП(б) предоставляет тт. руководителям советской внешней политики полную свободу инициативы, поскольку осуществление основной задачи, указанной выше, может быть облегчено.

Политбюро ВКП(б) рекомендует НКВД, твердо держась на Дальнем Востоке политики сближения и сотрудничества с США и стремясь к установлению внешнеполитического контакта с Великобританией, избегать в области европейской политики чрезмерной и исключительной зависимости СССР от той или иной группировки держав.

Политбюро ВКП(б) полагает особенно желательным, чтобы СССР оказался в роли посредника между Францией и Германией, равно как между Германией и Малой Антантой. В случае явного поворота германской внешней политики в сторону сближения с Советским Союзом Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает НКВД не отказываться от германской карты в своей дипломатической игре, тем более, что наличие такой карты неминуемо должно заставить Францию и Малую Антанту пойти на скорейшее заключение оборонительного союза с СССР.

Политбюро ВКП(б) подчеркивает при этом, что оно полностью разделяет взгляд тов. Сталина на то, что пакт пяти держав явился бы наиболее для СССР приемлемым разрешением проблемы безопасности его западных границ, поскольку этот пакт приобрел бы характер гарантийного. Считаюсь, однако, с возможностью дальнейшего обострения противоречий между отдельными европейскими группировками держав, Политбюро ВКП(б) считает прямой и основной обязанностью всех органов НКВД способствовать тому, чтобы обострение противоречий прошло по линии юго-восточных и южных очагов разногласий, а не на Востоке Европы.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 24 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), ознакомившись в заседании 24 октября 1934 г. с докладом тов. Крестинского о положении в Восточной и Центральной Европе, приходит к единогласному заключению о необходимости обратить особое внимание НКВД на желательность сосредоточения усилий советской дипломатии в направлении разрушения или, по меньшей мере, ослабления польско-германского сотрудничества в области внешней политики. Политбюро ВКП(б) исходит из того предположения, что берлинское правительство постепенно начинает догадываться, насколько лавкой была по отношению к нему игра Польши, которая добилась в конечном итоге такого урегулирования польско-германских отношений, при котором все выгоды оказались на ее стороне. Польша обеспечила за собою не только беспрепятственное в течение десяти лет владение Данцигским коридором, но и получила все возможности прочно утвердиться в Познани и в Поморье, не

говоря уж о фактическом праве оказывать максимальное давление на немецкое национальное меньшинство.

Что же касается Германии, то она имеет в конце концов лишь сомнительное удовлетворение от сознания, что ей удалось прорвать замыкавшееся вокруг нее французской дипломатией железное кольцо, будучи в то же время свидетелем неизменного сохранения в силе франко-польского союза. Одна из несомненных целей германо-польского сближения со стороны Берлина -- добиться этим путем устранения наиболее острых разногласий с Францией и достигнуть в лучшем случае полного соглашения с последней -- оказалась не только недостижимой, но и привела в конечном итоге к совсем нежелательному для Германии эффекту, именно: к тесному внешнеполитическому сотрудничеству между Францией и Советским Союзом.

Одновременно не оправдался и, по всем данным, не оправдается в сколько-нибудь непосредственном будущем, твердый расчет Берлина на советско-японский вооруженный конфликт. Политбюро ВКП(б), принимая во внимание эти обстоятельства и учитывая очевидное стремление германского имперского правительства вновь включиться в концерт европейских держав и договориться в первую очередь с Англией и с Францией, усматривает одну из существенных задач советской внешней политики в том, чтобы, углубляя франко-польские расхождения, параллельно вбить клин между Берлином и Варшавой. Политбюро ВКП(б) обращает особое внимание тт. руководителей советской внешней политики на то обстоятельство, что германское имперское правительство

1) всемерно избегает каких бы то ни было осложнений с Англией,

2) совершенно не желает вооруженного столкновения с Францией, особенно -- в качестве нападающей стороны,

3) постепенно убеждается в сомнительности успешного осуществления восточноевропейского плана Розенберга (который, по-видимому, и сам склоняется теперь к радикальному пересмотру последовательности этапов германской экспансии),

4) приходит к заключению, что южное и юго-восточное направление является в данных условиях линией наименьшего сопротивления,

5) было бы, в сущности, готово сменить польскую ориентацию своей внешней политики на участие в какой-либо более реальной комбинации, поскольку таковая могла бы дать Германии непосредственные и осязательные выгоды.

Политбюро ВКП(б) не видит для Советского Союза оснований опасаться в ближайшем будущем совместного польско-германского нападения на территорию СССР, но считает целесообразным принять своевременные меры к окончательному устранению такой возможности. Не предрешая заранее дальнейшего развития советско-германских и советско-польских отношений, Политбюро ВКП(б) ограничивает на ближайшее время задачу советской внешней политики коренным разрушением установившегося ныне тесного контакта между Берлином и Варшавою в области внешней политики.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 25 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), ознакомившись с докладом Восточного отдела НКВД о положении на Дальнем Востоке

и с последними донесениями гг. Юренева, Трояновского и Майского, подвергло в заседании 25 октября 1934 г. весь комплекс вопросов, затронутых указанным докладом и донесениями, тщательному обсуждению и пришло к единодушному выводу, что непосредственная опасность вооруженного конфликта между СССР и Японией может считаться устраненной.

Несмотря на это свое заключение, Политбюро ВКП(б) считает необходимым не только сохранить в силе все меры- принятые для обороны советского Дальнего Востока, но и продолжать неуклонно проведение в жизнь намеченных в свое время мероприятий для создания очевидного военного превосходства Советского Союза в случае новых осложнений в Восточной Азии или в бассейне Тихого океана.

Политбюро ВКП(б) вменяет в непрременную обязанность всем ответственным партийным и советским органам сосредоточить все усилия на создании условий, обеспечивающих РККА возможность успешной защиты советских границ от всякого покушения со стороны той или иной империалистической державы или группы дер

жав. Политбюро ВКП(б) всецело присоединяется к точке зрения тов. Ворошилова относительно необходимости дальнейшей энергичной интенсификации боевой подготовки не только вооруженных сил Советского Союза, но и тыла. Политбюро ВКП(б) высказывается единогласно за коренной пересмотр всей политики и тактики ВКП(б) с точки зрения повышения обороноспособности страны и поручает тов. Ворошилову представить в самом спешном порядке в Политбюро ВКП(б) свои и своих сотрудников предложения общего и частного порядка по вопросу.

Политбюро ВКП(б) считает совершенно необходимым отказаться в случае надобности от проведения в будущем генеральной линии партии как во внутривнутриполитической, так и в хозяйственной области, и руководствоваться впредь исключительно соображениями тактической целесообразности, ставя себе основной задачей укрепление боевой мощи Советского Союза. Политбюро ВКП(б) считает особенно насущной необходимостью запросить в доверительном порядке всех ответственных товарищей касательно практических предложений в области новой сельскохозяйственной политики партии, в основных чертах намеченной тов. Сталиным.

Политбюро ВКП(б) придает исключительное значение предварительным переговорам между Японией, Великобританией и США по вопросу соотношения их морских вооружений. Политбюро ВКП(б) полагает, что советская дипломатия имеет все основания рассчитывать на новое обострение японо-американских противоречий, которое неизбежно должно привести либо к образованию англо-американского фронта против Японии, либо к возобновлению англо-японского союза. Считая первую возможность более вероятной, Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает НКВД обратить особое внимание на дальнейшее укрепление связей между СССР и США. Политбюро ВКП(б) полагает, что этим путем советскому правительству удастся добиться в конечном итоге сближения между Советским Союзом и Великобританией, т. е. создать благоприятные условия для осуществления плана тихоокеанской конференции, в результате которой создается либо почва для тихоокеанского гарантийного пакта безопасности и взаимопомощи, либо полная изоляция Японии и таким образом -обстановка, способствующая

щая возвращению Советскому Союзу утраченных им на Дальнем Востоке политических и экономических позиций.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 26 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 26 октября 1934 г. доклад тов. Крестинского о советско-германских отношениях, отмечает с удовлетворением готовность берлинского правительства пойти на сближение с Советским Союзом. Политбюро ВКП(б)

прекрасно отдает себе отчет в том, что указанное стремление германской дипломатии диктуется преимущественно тактическими соображениями и отнюдь не представляет собою коренного изменения основного смысла и содержания восточно-европейской политики Берлина, но Политбюро ВКП(б) не может в то же время не прийти к выводу, что диаметрально-противоположные тактические мотивы советской и германской внешней политики практически приведут к положению, делающему для обоих правительств по меньшей мере целесообразным демонстрацию возможности и вероятности положительного сотрудничества между ними, если даже не возвращения к основным предпосылкам рапальского и берлинского

соглашения⁵³.

Политбюро ВКП(б) приходит к твердому заключению, что экономика определяет в конечном итоге нынешний, пока еще слабо намечающийся поворот политических взаимоотношений между Германией и СССР. Фактическое крушение "большого плана" Розенберга--Гугенберга⁵⁴ выдвигает для Берлина испытанный уже на практике проект германского генштаба относительно совместной и согласованной работы военной промышленности (в самом широком смысле) обеих стран. Проблема инду-

стриального строительства СССР вновь совпадает с проблемой промышленного сырья для Германии, что создает поистине реальные предпосылки для пересмотра политической стороны советско-германских отношений.

Политбюро ВКП(б) приходит, далее, к выводу, что гитлеровская внешняя политика готова, наконец, встать на путь тактического отступления, имея задачей освобождение Германии от одновременной угрозы с Запада и Востока в целях получения более или менее определенной свободы действия в южном и юго-восточном направлениях. Политбюро ВКП(б) повторяет, что подобный поворот германской внешней политики, если он действительно наступит, хотя бы только из тактических побуждений, не может не встретить совершенно определенной поддержки со стороны советской дипломатии. Если же тт. руководителям внешней политики СССР удастся добиться охлаждения между Берлином и Токио, то одна из основных задач советской дипломатии будет выполненной. Политбюро ВКП(б) возлагает в этом направлении большие надежды на способности тов. Сурица, подчеркивая со своей стороны необходимость переложения центра тяжести на экономическую сторону советско-германских отношений.

Политбюро ВКП(б) подчеркивает, что восточноевропейский и тихоокеанский пакты безопасности и взаимопомощи остаются конкретными задачами советской внешней политики, что в то же время возникновение вооруженных конфликтов в Европе и на Дальнем Востоке, поскольку СССР не будет вовлечен в них, лежит не в меньшей мере в интересах Советского Союза.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 30 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), рассмотрев в заседании 30 октября 1934 г. доклад НКВД о международном положении, считает необходимым обратить внимание тт. руководителей внешней политики СССР на то обстоятельство, что предпринимаемые Францией на саарской границе меры военного порядка таят в себе опасность серьезных осложнений, если не вооруженного конфликта. Политбюро ВКП(б), хотя и сомневается в возможности для Германии взять на себя риск военного столкновения с Францией уже в январе--феврале 1935 г., полагает, однако, весьма вероятным такое новое обострение франко-германских отношений, что все без исключения европейские державы будут поставлены перед необходимостью окончательного выбора между поддержкой той или иной стороны. Политбюро ВКП(б), оставаясь неизменно верным руководящему принципу сеяния максимального раздора в лагере капиталистически-империалистических держав, вменяет в безусловную обязанность как соответственным советским и партийным органам, так и отдельным ответственным работникам, прямо или косвенно связанным с Сааром, всемерно содействовать возникновению и, по силе возможности, углублению и обострению назревающего между Францией и Германией конфликта.

Указанная директива, идущая прежде всего по линии Коминтерна, отнюдь не устраняет для НКВД задачи, поставленной ему Политбюро ВКП(б) и сводящейся к урегулированию советско-германских отношений в направлении совместимого с политикой сближения с Францией восстановления основных принципов рапалльского и берлинского соглашений, равным образом к оживлению основных предпосылок пакта четырех держав Муссолини и к превращению его в пакт пяти, имея в виду вовлече-

ние Советского Союза в систему, намеченную итальянской дипломатией.

Политбюро ВКП(б) приходит к единогласному выводу, что обострение саарской проблемы срывает, по крайней мере на время, тактический маневр германской дипломатии по линии непосредственного сговора между Берлином и Парижем. Крайняя ненадежность поддержки Италии и очевидное двуличие польской внешней политики заставляет германскую дипломатию обратить серьезное внимание на возможные тактические выгоды возврата Берлина к "русской ориентации". Политбюро ВКП(б) считает политически и тактически целесообразным использовать в полной мере наступивший в германской внешней политике перелом, могущий иметь своим следствием не только изменение позиции Берлина в вопросе "Восточного Локарно", но и готовность Германии к коренному пересмотру своей внешней политики вообще.

Политбюро ВКП(б) обращает при этом особое внимание НКВД на открывающиеся перед советской дипломатией возможности как

в направлении срыва более или менее тесного международно-политического сотрудничества между Германией и Японией, так и в смысле коренного разрушения всех планов создания единого фронта фашистских государств в Европе, имеющего целью образовать клин между Францией и СССР.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 31 октября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 31 октября 1934 г. доклад тов. Сталина о тактике ВКП(б) применительно к настоящему внешнему и внутреннему положению Советского Союза, констатирует полное свое едино-

душие IV отношении основных тезисов доклада. Политбюро ВКП(б) всецело присоединяется к утверждению тов. Сталина, что коммунистический строй в СССР, основанный на диктатуре партии и класса пролетариата, поставлен в данный момент под угрозу и что первостепенная тактическая задача ВКП(б) состоит в сохранении и укреплении политических позиций последней, т. е, элементарно говоря, в удержании за собою власти над страной.

Прочность советской власти и несокрушимость политических позиций коммунистической диктатуры в СССР не подлежали ни малейшему сомнению до того момента, как острая напряженность мирового положения и ряд тяжелых поражений международного пролетариата, руководимого социал-демократией, в борьбе против фашизма и капиталистической реакции поставили Советский Союз под угрозу открытого нападения на него вооруженных до зубов империалистических держав -- в целях нового передела политической карты Европы и Азии за счет в первую очередь Советского Союза.

Политбюро ВКП(б) полностью разделяет утверждение тов. Сталина, что, если советской дипломатии удалось путем искусного использования франко-германских и японо-американских противоречий устранить непосредственную опасность повторения -- на этот раз уже в более крупном, чем в 1918--19 гг. масштабе -- империалистической интервенции против СССР, то создание в конечном итоге единого капиталистически-империалистического фронта против Советского Союза все еще лежит в пределах возможного и представляет собою реальную, хотя и не непосредственную угрозу для коммунизма вообще.

Политбюро ВКП(б) всецело присоединяется к точке зрения тов. Сталина, что

1) руководящая линия советской внешней политики, направленная на получение действительных международных гарантий территориальной неприкосновенности СССР, взята и проводится правильно;

2) укрепление политических позиций советской власти внутри страны, необходимое для существенного поднятия обороноспособности СССР, требует расширения социального базиса коммунистической диктатуры хотя бы путем решительных уступок в области хозяйственной политики и путем усиления "правлящего слоя" новыми элементами;

3) постепенное ослабление политического давления внутри СССР и одновременная мобилизация сил Коминтерна для нанесения решительного удара международным фашизму и реакции должны идти параллельно, подчиняясь все тому же основному принципу укрепления внешне- и внутривнутриполитических позиций ВКП(б).

Постановление Политбюро ВКП(б) от 2 ноября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании (2 ноября 1934 г.) доклад НКВД о международном положении, отмечает с удовлетворением, что тактические ходы и усилия советской дипломатии не оказались бесплодными и что намечающаяся перегруппировка международных сил пойдет, по всем данным, по линиям, отвечающим планам и интересам внешней политики СССР.

Политбюро ВКП(б) придает исключительное значение тому факту, что в итоге обострения японо-американских противоречий британские доминионы заставили

лондонское правительство по существу отказаться от политики британско-японского сотрудничества на Дальнем Востоке и что усилиями французской и американской дипломатии создались известные реальные предпосылки для действительного сближения между Советским Союзом и Великобританией как в области международной политики, так и в сфере экономических отношений между обеими странами.

Политбюро ВКП(б) настоятельно рекомендует тт. руководителям советской внешней политики направить все свои усилия на создание предпосылок, по меньшей мере приближающих осуществление плана образования более или менее широкого и мощного фронта держав против Японии, готового преследовать политику активного противодействия экспансионистским попыткам Токио. Политбюро ВКП(б) считает, тем не менее, целесообразным пойти в известной степени навстречу намечающимся, хотя и в чрезвычайно неопределенной форме, тенденциям внутри японской военной клики к созданию блока Япония--СССР--Германия вместо доминировавшей до сих пор идеи японо-германского фронта против Советского Союза. Политбюро ВКП(б) полагает, однако, необходимым идти по указанному выше пути лишь в той степени, которая могла бы привести к заключению советско-японского пакта ненападения и восточноевропейского гарантийного пакта безопасности и взаимопомощи с участием Германии. Конечной задачей совет

ской внешней политики остается вовлечение Японии в международный конфликт, в котором СССР мог бы оставаться строго нейтральным, подобно тому, как в Европе является для СССР желательным аналогичный результат в отношении Германии.

Политбюро ВКП(б) настоятельно рекомендует НКВД обратить особое внимание на содействие такому развитию событий, которое привело бы к открытому столкновению между Германией и Италией, что привело бы далее к уничтожению или, по меньшей мере, решительному ослаблению как итальянской, так и германской формы фашизма. Политбюро ВКП(б) всецело присоединяется в данном пункте к тезису тов. Мануильского относительно необходимости предварительного уничтожения возможностей фашистского пути развития в переживающих острый социальный кризис демократических странах Европы, что осуществимо лишь после нанесения смертельного удара национал-социализму и фашизму. Оставляя в силе методы работы Коминтерна внутри Германии и Италии, Политбюро ВКП(б) считает целесообразным направить усилия советской внешней политики по линии создания обстановки, приводящей к взаимоуничтожению германской и итальянской реакции в виде открытого военного столкновения между ними.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 3 ноября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 3 ноября 1934 г. доклад тов. Ворошилова о состоянии вооруженных сил Советского Союза и о настроениях в РККА, приходит к единодушному выводу, что необходимо принятие самых срочных мер для полного устранения явлений, угрожающих обороноспособности страны в случае серьезного вооруженного конфликта. Политбюро ВКП(б) всецело присоединяется к точке зрения тов. Ворошилова относительно недопустимости наблюдающихся ныне перебоев в работе военной промышленности и железнодорожного транспорта, поскольку такие перебои делают для командования РККА невозможным безусловный рас-

чет на правильное функционирование средств обороны вообще.

Политбюро ВКП(б) постановляет предложить тов. Ворошилову в самом спешном порядке представить свои соображения относительно передачи наиболее важных отраслей промышленности и имеющих особое стратегическое значение железнодорожных линий под непосредственный контроль соответственных органов военного ведомства. Политбюро ВКП(б) считает, однако, целесообразным провести это мероприятие в форме прикомандирования специальных уполномоченных командования отдельных воен округов к надлежащим учреждениям промышленности и транспорта, снабдив их чрезвычайными полномочиями, но не прибегая пока к формальному подчинению названных учреждений военному ведомству.

Политбюро ВКП(б) полагает, далее, целесообразным созвать на 10 ноября 1934 г. специальное совещание по обороне с участием в нем представителей всех наркоматов СССР для рассмотрения конкретных предложений тов. Ворошилова относительно увеличения программы военного строительства и снабжения. Политбюро ВКП(б) высказывается принципиально за принятие предложений тов. Ворошилова и ограничивает задачу указанного выше совещания по обороне исключительно разработкой практических мер осуществления программы. Со своей стороны Политбюро ВКП(б) предлагает тов. Ворошилову представить к 10 ноября 1934 г. разработанный в основных чертах план увеличения воздушных и морских сил СССР в соответствии со вновь возникшими требованиями обороны страны.

Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает НКВД установить к 10 ноября 1934 г. с предельной точностью

вероятные возможности получения явных и скрытых кредитов во Франции и в США в области поставки названными странами требуемого СССР количества самолетов и подлодок. Политбюро ВКП(б) придает особое значение скорейшему изысканию путей для усиления военной мощи советского Союза без увеличения расходной сметы на нужды обороны в бюджете текущего финансового года.

Политбюро ВКП(б) с особой тревогой отмечает часть доклада тов. Ворошилова, касающуюся настроений в РККА. Политбюро ВКП(б) постановляет посвятить свое заседание 5 ноября с. г. рассмотрению и разрешению сложной проблемы устранения опасных симптомов неустойчивости и разложения в Красной армии.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 5 ноября 1934 г. (по докладу НКВД)

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 5 ноября 1934 г. доклад НКВД о международном положении, придает особенно большое значение обострению внутривнутриполитического кризиса во Франции, разразившегося как раз в момент, когда вся Европа переживает остро тревожный период. Политбюро ВКП(б) отмечает, с одной стороны, открытое злорадство Германии, уже придвигающей свои войска к границам Саарской области, с другой -- начавшееся сосредоточение всех усилий польской дипломатии на достижение франко-германского соглашения на почве отказа Франции от политики дальнейшего сближения с Советским Союзом и представления Польше и Германии свободы действия в Восточной Европе.

Политбюро ВКП(б) усматривает в последних дипломатических шагах Варшавы не только в Париже, но и в Берлине, скрытый расчет польского правительства на установление во Франции режима, который решительно

борется против коммунистическо-социалистического фронта в стране и больше не склонен к сотрудни

честву с СССР в области внешней политики. Политбюро ВКП(б) придает исключительное значение решению польского Совета министров от 2 ноября с. г., которое усматривает во французских событиях "увеличение шансов на тесное сотрудничество Франции, Польши и Германии против СССР" и выражает определенную надежду, что "польским дипломатам удастся удержать Германию от преждевременных действий, враждебных по отношению к Франции, разрушить намечающееся сближение между Берлином и Москвой и выдвинуть на первое место план широкого антикоммунистического государственного фронта, с включением Англии и Японии".

Политбюро ВКП(б) настоятельно рекомендует НКВД своевременно и в достаточно решительной форме предпринять шаги к разрушению вышеназванных планов польской дипломатии. Политбюро ВКП(б) считает целесообразным рекомендовать руководителям советской внешней политики установить по названному пункту как можно более тесный контакт с чехословацкой дипломатией. Политбюро ВКП(б) считает, однако, что установление такого контакта отнюдь не препятствует продолжению взятой советской внешней политикой тактической линии в отношении Берлина.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 5 ноября 1934 г.

(по докладу Ворошилова)

Политбюро ВКП(б), обсудив в заседании 5 ноября 1934 г. часть доклада тов. Ворошилова от 3-го с. м., касающуюся настроений в РККА, считает необходимым принять в самом срочном порядке решительные меры для

предотвращения опасности серьезных политических брожений внутри Красной армии, совершенно недопустимых в условиях данного внутри- и внешнеполитического положения Советского Союза.

Политбюро ВКП(б), всецело одобряя принимаемые военным командованием и военно-политическими органами партии пропагандные и карательные меры, не может не присоединиться к утверждению тов. Ворошилова, что без радикального устранения объективных причин, создающих непроходимую пропасть между советской властью и многомиллионной массой крестьянства, невозможно положиться не только на мобилизуемую в случае войны РККА, но даже и на ее основное кадровое ядро.

Политбюро ВКП(б) с особой тревогой отмечает тот факт, что наиболее сильное брожение наблюдается в среде красноармейцев и комсостава, трудовое происхождение которых и зачастую длительная и продуктивная парторбота не подлежат никакому сомнению. Политбюро ВКП(б) считает чрезвычайно показательным, что недовольство и брожение в рядах РККА питается не контрреволюционными и антисоветскими тенденциями, а убеждением, что "бю

рократический советский и партийный аппарат" является главным препятствием на пути социалистического строительства и, в особенности, укрепления и увеличения боевой мощи СССР.

Политбюро ВКП(б) приходит, таким образом, к заключению, что успокоение крестьянских элементов РККА и радикальное искоренение действительно разросшегося до небывалых размеров бюрократизма в советском и партийном аппарате СССР становится в настоящий момент

для пролетарской диктатуры Советского Союза вопросом жизни и смерти.

Политбюро ВКП(б) единогласно постановляет:

1) мобилизовать не только все силы партии, но и все живые силы страны на беспощадную борьбу с бюрократическими приемами во всех отраслях партийной, административной и общественной деятельности; жесточайшее искоренение всякого ряда злоупотреблений, рвачества, тупоумия и головотяпства поставить центральной задачей партии; провозгласить и проводить неуклонно лозунг борьбы за качество во всех областях партийной, культурной, административной и хозяйственной жизни страны; добросовестность, личные моральные качества и знания поставить выше партийного карьеризма и тупого административного усердия, проведя соответствующую чистку на этот раз сверху донизу;

2) постепенно проводить политику примирения с крестьянством, делая ставку на крестьянина-хозяйственника как в отношении колхозников, так и в отношении единоличников.

Политбюро ВКП(б) уполномочивает тов. Ворошилова провести в жизнь на практике его предложение о принятии на себя комсоставом РККА роли передаточной инстанции для препровождения жалоб и пожеланий красноармейской массы в Политбюро ВКП(б). Политбюро ВКП(б) предлагает тов. Ворошилову составить по своему выбору специальную комиссию при Политбюро ВКП (б), которой будет представлено полное право выносить от имени Политбюро ВКП (б) решения по конкретным вопросам, касающимся РККА, в рамках основных директив ВКП (б).

Постановление Политбюро ВКП(б) от 6 ноября 1934 г.

Политбюро ВКП (б), заслушав в заседании 6 ноября 1934 г. доклад тов. Крестинского о европейской политической обстановке и донесения тов. Сурицы от 2 и 4 ноября с. г., всецело присоединяется к тезису тов. Сталина о том, что умиротворение Европы невозможно без предварительного разрешения германской проблемы: необходимо, чтобы европейские державы либо пришли к полному соглашению с Германией, либо, не теряя времени, вырвали с корнем германскую угрозу миру.

Политбюро ВКП (б) признает совершенно правильным утверждение тов. Сурицы, что центральным пунктом берлинской полити

ки является в настоящий момент саарский вопрос, в частности -плебисцит 13 января 1935 г. Сосредоточивая все свое внимание на Сааре, Берлин считает целесообразным поступиться многим, чтобы развязать себе на всякий случай руки в отношении Франции: заигрывание с Италией при посредстве Венгрии; широкое дипломатическое наступление на Англию; "незаинтересованность" Австрией; изменение политики в отношении СССР; заигрывание с Румынией и Югославией и необычайная умеренность тона в отношении Чехословакии; в то же время подчеркнутая готовность сговориться с Францией -- все это имеет целью внести разлад в без того достаточно нестройный концерт европейских держав и тем или другим путем, но добиться своей ближайшей цели, т. е. занятия Саара и одновременной отмены пунктов версальского договора, ограничивающих германские вооружения.

Политбюро ВКП(б) считает не подлежащим сомнению, что германское правительство готово вернуться в

Женева⁵⁶, готово отказаться на время от многих притязаний, официально выставляемых национал-социалистическими политиками, готово "сговориться" со всеми, но на этот раз не уступит ни йоты из своих требований возвращения Саарской области и аннулирования части версальского договора, касающейся вооружений.

Политбюро ВКП(б) всецело присоединяется к точке зрения тов. Сталина, повторяемой по существу тов. Крестинским и тов. Сурицем, о том, что Англия ни при каких обстоятельствах не пойдет на применение санкций к Германии, даже в случае одностороннего аннулирования последней версальского договора, и что Италия безусловно будет следовать британской политике. Политбюро ВКП(б) приходит к единогласному заключению, что даже в случае откровенного проведения Германией в жизнь указанного выше своего военно-дипломатического плана Франция не может рассчитывать на франко-итало-английский союз, ибо римское правительство открыто поддерживает германские притязания в области вооружения, а британская дипломатия твердо уверена в возможности достижения компромисса между Парижем и Берлином.

Политбюро ВКП(б) полагает, что не в интересах Советского Союза поддерживать тенденцию французской политики, создать из Франции, СССР и Малой Антанты ядро противогерманского блока, поскольку последнему может быть придан не столько оборонительный, сколько "агрессивно-карательный" характер. Политбюро ВКП(б) еще больше укрепляется в своей точке зрения, что в данный момент наиболее выгодным для Советского Союза решением явилось бы возвращение к основной идее пакта четырех держав, при условии превращения его в пакт пяти с участием СССР. Политбюро ВКП(б) отменяет все

свои прежние директивы, отклоняющиеся от этого тезиса, и предлагает НКВД сосредоточить свои усилия в названном направлении.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 7 ноября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 7 ноября 1934 г. доклад тов. Стомонякова о международном положении и ознакомившись с последними донесениями гг. Юренева, Трояновского и Майского, полагает необходимым настоятельно рекомендовать НКВД сосредоточить все усилия советской дипломатии на последовательном и планомерном проведении в жизнь политики сближения с Великобританией, как в области внешней торговли, так и -- в особенности -- в смысле согласования интересов обеих держав в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Политбюро ВКП(б) с особым удовлетворением констатирует, что возможность англо-американо-японского соглашения в вопросе морских вооружений представляется с каждым днем все менее и менее вероятной и что Вашингтонское правительство в связи с этим определенно склоняется к идее заключения формального военно-оборонительного союза с СССР. В то же время перелом в настроении британского общественного мнения, делающий вероятным приход лейбористов к власти, разрушает в корне план консервативно-империалистических английских кругов восстановить японо-британский союз и заставляет кабинет Макдональда⁵⁷, вопреки настояниям части консерваторов, постепенно встать на путь сотрудничества с США. Политбюро ВКП(б) усматривает в указанном процессе развития британской внешней и внутренней политики наличие такого количества исключительно благоприятных шансов для советской диплома-

тии, что было бы по меньшей мере нецелесообразно не использовать эти шансы в полном объеме.

Политбюро ВКП(б) самым настоятельным образом предлагает НКВД незамедлительно приступить к дипломатической подготовке создания единого фронта держав против Японии, опираясь преимущественно на энергичную поддержку уже наметившихся соответствующих тенденций со стороны американской и итальянской дипломатии.

Политбюро настоятельно рекомендует далее тт. руководителям внешней политики СССР обратить исключительное внимание на дальневосточный вопрос при определении дальнейших отношений Советского Союза с Францией и Германией. В частности, Политбюро ВКП(б) считает неременным условием действительного сближения с Германией, хотя бы лишь в хозяйственно-торговой области, не только совершенно недвусмысленный отказ берлинского правительства от восточноевропейских планов Розенберга, но и прекращение японо-германского сотрудничества на Дальнем Востоке, поскольку таковое направлено прямо против жизненных интересов Советского Союза.

Политбюро ВКП(б) считает в заключение целесообразным направить энергичные усилия советской внешней политики на уста

новление дипломатических отношений между СССР и Нидерландами. По твердому убеждению Политбюро ВКП(б) названная задача может быть успешно выполнена при условии советско-британского сближения или, по меньшей мере, джентльменского соглашения.

Политбюро ВКП (б) полагает необходимым предложить Восточному отделу НКВД представить свои сообра-

жения относительно желательных корректив в деятельности Коминтерна в Азии.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 8 ноября 1934 г.

Политбюро ВКП (б), заслушав в заседании 8 ноября 1934 г. доклад тов. Крестинского о внешнеполитических предпосылках намечающихся торговых соглашений с Англией, США и Германией и ознакомившись с предложениями тт. Фрумкина⁵⁸ и Трояновского, постановляет:

1) затянуть по возможности переговоры с Англией до того момента, когда окончательно определится неудача лондонских переговоров между Великобританией, США и Японией о морских вооружениях и наметится точная линия разрыва между названными державами; продолжать одновременно политику сближения с Англией в направлении согласования советских и британских интересов в Средней Азии и на Дальнем Востоке; установить более тесный контакт с лидерами лейбористской партии (Великобритании), поставив в зависимость от соответственных результатов названного шага дальнейшую тактику советского правительства в вопросе торговых отношений между СССР и Англией;

2) предложить тов. Трояновскому по возвращении в Вашингтон незамедлительно возобновить переговоры с США по вопросу о долгах, добиваясь компромиссного соглашения; в случае упорства вашингтонского правительства уполномочить тов. Трояновского на принятие американских условий, чтобы дать возможность импортно-экспортному банку широко кредитовать сделки с Советским Союзом; уполномочить Внешторг распределить заказы на самолеты, моторы и автомобили соответственно требованиям военного ведомства среди авиа- и автопромышлен-

ности США; предложить тов. Ворошилову представить к 12-му с. м. свои соображения касательно частичной организации соответствующими американскими фирмами их производства на территории Советского Союза;

3) пользуясь готовностью германского правительства к восстановлению хозяйственных и торговых связей с СССР, предоставить тов. Фрумкину полную свободу инициативы и действий в вопросе заключения соглашений о кредитах. Политбюро ВКП (б) считает наиболее желательным для Советского Союза получение от Германии кредитов в сумме до 400 миллионов марок сроком на 10 лет

с тем, чтобы не больше половины этих кредитов предоставлялось в виде марок.

Политбюро ВКП(б) подчеркивает, что во всех трех указанных выше пунктах вопрос торговых отношений должен быть неразрывно связан с установлением политических взаимоотношений в духе максимального внешне-политического сотрудничества СССР с названными державами.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 10 ноября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав доклад тов. Сталина о мировом положении и о внешней политике Советского Союза, приходит к единодушному заключению, что международному капитализму вновь удалось добиться известной стабилизации международных хозяйственных отношений, но что о преодолении кризиса пока не может быть и речи. Последнее обстоятельство должно неминуемо вызвать -- уже в самом близком будущем -- новое обострение противоречий между империалистическими державами, что делает чрезвычайно вероятным ряд меж-

дународно-политических осложнений, таящих в себе опасность вооруженных конфликтов как вокруг Тихого океана, так и в Европе.

Политбюро ВКП(б) всецело присоединяется к утверждению тов Сталина, что несмотря на несомненные усилия ряда государств, предотвратить новой мировой войны не удастся: вторую половину 1935-го и начало 1936 года следует признать критическим периодом. По глубокому убеждению Политбюро ВКП(б), война вспыхнет сначала не в Европе, а на Дальнем Востоке, именно: между Японией и Соединенными Штатами Америки. Оставаясь верным основному принципу своей политики, Советский Союз должен направить все свои усилия на то, чтобы не быть вовлеченным в вышеназванный конфликт.

Политбюро ВКП(б) считает поэтому тактически правильным продолжать уклоняться от столкновения с Японией, в то же время по возможности затягивая урегулирование советско-японских отношений до того момента, когда обострение положения вокруг Тихого океана поставит СССР в условия, максимально благоприятные для переговоров и с Токио, и с Вашингтоном. Политбюро ВКП(б) подчеркивает, однако, что указанная основная тенденция советской внешней политики не должна оказывать влияния на преследование ближайшей цели дипломатии СССР, именно: создания единого фронта великих держав против Японии. Политбюро ВКП(б) напоминает товарищам руководителям НКВД о том, что необходимость проведения политики союзов не должна заслонять собой для НКВД основного стремления: способствовать вовлечению Японии в конфликт с максимально сильным противником или -- что еще желательнее -- с наибольшим числом противников,

избежав непосредственного вовлечения СССР в указанное столкновение.

Политбюро ВКП(б) всецело разделяет далее точку зрения тов. Сталина, что совершенно аналогичная задача стоит перед советской дипломатией в отношении Германии, что не должно, однако, препятствовать внешней политике Советского Союза демонстративно проводить линию умиротворения и разоружения Европы. По мнению Политбюро ВКП(б) максимальное использование идеи и аппарата Лиги наций для достижения реальных политических и экономических интересов Советского Союза и для соответственного использования Женевского учреждения в направлении планомерной и систематической борьбы с международным фашизмом должно составлять одну из основных задач советской дипломатии.

Политбюро ВКП(б) подчеркивает, что ошибка товарища Литвинова состоит именно в том, что он недостаточно четко различает цели и методы советской внешней политики. Вступление СССР в концерт капиталистических держав есть всего лишь средство, а не самоцель, тактический шаг, а не основная внешнеполитическая линия. Подчинение тактики Коминтерна задачам НКВД представляет собой всего лишь переходную стадию, подготовительный маневр к коммунистическому наступлению на международный капитализм. Политбюро ВКП(б) категорически рекомендует НКВД при всей радости "дипломатическим успехам" об этом не забывать.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 11 ноября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 11 ноября 1934 г. сообщение тов. Крестинского о современных тенденциях германской внешней политики, приходит к за-

ключению, что Германия действительно решила выйти из состояния некоторой международной изолированности и ищет приемлемых для себя путей к возвращению в Лигу наций. Германские предложения великим державам сводятся в конечном итоге к следующему: великие державы признают за Германией равенство прав в области вооружений и санкционируют уже состоявшееся увеличение германских вооруженных сил, Германия же, со своей стороны, возвращается в Лигу наций, вновь принимает участие в конференции по разоружению, соглашается на заключение восточноевропейского пакта безопасности и взаимопомощи и отказывается на известный срок от каких-либо притязаний на Австрию.

Политбюро ВКП(б) полагает, что с точки зрения интересов внешней политики Советского Союза существенным представляется лишь вовлечение Германии в систему "Восточного Локарно" и что прямой задачей советской дипломатии является привлечение германского имперского правительства к участию в восточно-европейском гарантийном пакте, хотя бы ценой активной поддержки

Советским Союзом германских притязаний в области вооружения. Политбюро ВКП (б) прекрасно отдаст себе отчет в том, что основные разногласия между Берлином, с одной стороны, Парижем и Лондоном -- с другой -- касаются по существу формального подхода к версальскому договору, фактическое нарушение которого Германией Франция и Англия отказываются санкционировать.

Политбюро ВКП (б) считает целесообразным настоятельно рекомендовать тт. руководителям внешней политики СССР взять на себя задачу проведения в жизнь такого решения "германской проблемы", которое формально удовлетворило бы Францию и фактически привело бы

к более или менее полному принятию державами германских условий. Политбюро ВКП (б) мыслит себе такое решение в следующей форме:

- 1) Германия возвращается в Лигу наций;
- 2) Конференция по разоружению прекращает свою деятельность;
- 3) При Лиге наций удаётся специальная комиссия по вопросам вооружения;
- 4) Лига наций высказывается за уничтожение частей международных договоров, предусматривающих одностороннее разоружение той или иной державы; государства, состоящие членами Лиги наций, проводят названное общее постановление Лиги наций в жизнь;
- 5) Лига наций ставит в полном объеме вопрос о всеобщем сокращении вооружений и осуществляет систему гарантий территориальной безопасности отдельных государств, предусматривающую автоматическое применение санкций против "нападающей стороны".

Постановление Политбюро ВКП(б) от 13 ноября 1934 г.

Политбюро ВКП (б), заслушав в заседании 13 ноября 1934 г. доклад тов. Литвинова о международном положении, всецело присоединяется к точке зрения НКВД, что наметившееся разряжение атмосферы в отношениях между Германией и Францией подтверждает правильность внешней политики Советского Союза, но требует в то же время от советской дипломатии чрезвычайной осторожности и гибкости в преследовании своих целей.

Политбюро ВКП (б) усматривает главную опасность для интересов СССР в стремлении германского прави-

тельства согласовать политику непосредственного сближения с Францией с основными предпосылками польско-германского соглашения относительно Восточной Европы⁵⁹. Принимая во внимание, что германская дипломатия сохраняет в своих руках козырь единого фронта Германии -- Польши -- Венгрии -- Австрии -- Италии, приобретающий особенно большое значение ввиду невозможности длительно

то согласования интересов Италии и Малой Антанты в Центральной Европе, Политбюро ВКП(б) полагает, что внешнеполитическая позиция Берлина в отношении как Парижа, так и Рима представляется достаточно сильной, чтобы позволить германскому имперскому правительству с успехом отстаивать тот минимум требований, который оно ставит своим условием для возвращения в Лигу наций.

Исходя из этого факта, Политбюро ВКП(б) считает необходимым настоятельно рекомендовать тт. руководителям советской внешней политики употребить все усилия для воспрепятствования германо-итальянскому и для содействия германо-французскому сближению, однако, с той существенной оговоркой, что соглашению между Парижем и Берлином должно предшествовать согласование германской внешней политики с интересами СССР и Малой Антанты.

Политбюро ВКП(б) считает вполне осуществимой для советской дипломатии задачей исключение польского влияния как в Париже, так и в Берлине и перенесение центра тяжести франко-германского сговора на удовлетворение требований Германии как в области вооружения, так и в отношении существенного усиления германского политического и экономического влияния в дунай-

ском бассейне и на Балканах. По твердому убеждению Политбюро ВКП(б) франко-итальянские и германо-итальянские противоречия являются настолько очевидными в свете исторических интересов, а не временных тактических выгод, что практическая невозможность действительного и длительного сближения между Италией и Малой Антантой неминуемо заставит Францию искать соглашения с Германией.

Поддерживая по тактическим соображениям французский план создания единого фронта Франции -- Англии -- Италии -- СССР с возможным включением в него Польши и с непременным участием Малой Антанты, советское правительство прекрасно сознает неосуществимость такого проекта и со своей стороны должно употребить все усилия на согласование внешнеполитических интересов Франции, Германии и Советского Союза, поскольку дело касается Европы, Франции, Англии, Италии и СССР, поскольку речь идет об Азии. Из указанного направления советской внешней политики естественно вытекает неизбежность для дипломатии СССР содействовать осуществлению старого плана Муссолини, нашедшего себе выражение в пакте четырех держав, при условии превращения последнего в пакт пяти с участием Советского Союза

Политбюро ВКП(б) неуклонно придерживается того взгляда, что лишь последовательное и планомерное осуществление указанной политической линии позволит советской дипломатии достичь, наконец, основной своей цели -обеспечения безопасности границ СССР. По мнению Политбюро ВКП(б), эта же политическая ли

ния вернет советской дипломатии значительно утраченную ею свободу маневрирования.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 14 ноября 1934 г.

Политбюро ВКП(б), заслушав в заседании 14 ноября 1934 г. доклад тов. Сталина о мировом положении, приходит к единодушному заключению, что проводимая партией линия внешней и внутренней политики представляется единственно правильной как с принципиальной, так и с тактической точки зрения. Политбюро-ВКП(б) всецело присоединяется к утверждению тов. Сталина, что Советский Союз в полном сознании своей исторической ответственности перед международным пролетариатом должен стать не только решающим фактором международных политических и экономических отношений, упорно и неуклонно преследуя "великодержавные" цели, но и приспособить свою внутреннюю структуру к новым требованиям момента.

Политбюро ВКП (б) полностью разделяет основной тезис доклада тов. Сталина о том, что данная международная обстановка вынуждает ВКП (б) подчинить свою тактику главной задаче, стоящей перед мировым коммунистическим движением, а именно: сохранению во что бы то ни стало политической власти внутри СССР и укреплению международных позиций последнего.

Политбюро ВКП (б) полагает, что в области внешней политики советское правительство вновь обрело возможность -- притом в значительно большей степени, чем до сих пор -- не только относительно свободно маневрировать, но и оказывать более или менее существенное влияние на взаимоотношения решающих факторов мировой политики. Своевременное и умелое использование противоречий между великими державами, равно как и между руководящими группами международного капитала, так-

тически правильное применение методов революционной и позиционной борьбы в связи с новой фазой мирового капиталистического развития -- все это дает в руки ВКП (б) мощное, хотя и обоюдоострое оружие.

Умелое применение этого оружия, то есть правильное сочетание методов "большой силы" -- политики -- с тактическими методами Коминтерна, должно неизбежно привести к такому изменению международного положения, которое даст ВКП (б) возможность решительного вмешательства в ход мировых событий. Политбюро ВКП (б) единогласно присоединяется к утверждению товарища Сталина, что неизбежным результатом имеющейся политической ситуации явится война и что непосредственными участниками этой войны неизбежно станут Германия на Западе и Япония на Востоке, два империалистических милитаристских государства, правящий режим которых будет вынужден искать выхода во внешней экспансии.

Назвавшее обстоятельство представляет собой растущую угрозу для СССР и тем самым для мирового коммунистического движения постольку, поскольку алчные взгляды немецких "культуртрегеров" и японских милитаристов направлены на "возможность колонизации" территории СССР, а борьба с "коммунистической угрозой" во имя спасения "ценностей цивилизации" представляет собой удобную -- ибо в достаточной мере неопределенную -- почву для объединения капиталистических держав и согласования их по природе хищнических интересов.

Политбюро ВКП(б), констатируя с удовлетворением, что советской дипломатии удалось разрушить план единого фронта капиталистических держав против Советского Союза, не видит до сих пор реальных гарантий полной

невозможности повторения более удачных попыток в указанном направлении. Продолжая политику ставки 'на мир и добиваясь создания системы гарантийных пактов безопасности и взаимопомощи, предусматривающих автоматическое применение международных санкций против нападающей стороны, советское правительство должно направить все усилия своей дипломатии на создание международной обстановки, совершенно и заранее исключающей всякую возможность вооруженного нападения на СССР как с Запада, так и с Востока.

Практически указанная задача может быть успешно разрешена не системой международных договоров, которые чрезвычайно легко могут быть и несомненно будут нарушены, а вовлечением Германии и Японии в конфликты такого порядка, которые привели бы обе названные державы к вооруженному столкновению по линиям максимальной удаленности от границ Советского Союза. Одновременно советская дипломатия должна уже считаться с опасностью заключения мира между капиталистическими державами за счет СССР еще до того момента, как создадутся условия, благоприятные для революционного вмешательства Коминтерна.

В силу сказанного Политбюро ВКП(б) всецело присоединяется к взгляду тов. Сталина, что в интересах Советского Союза и мирового коммунистического движения является война между Италией и Германией (в значительно большей мере, чем вооруженный конфликт между Германией и Францией), равно как и война между США и Японией, чем, конечно, не устраняется для советской внешней политики необходимость последовательного осуществления задачи "обеспечения мира и безопасности" ни путем системы гарантийных пактов, ни посред-

ством активного содействия возникновению антигерманского и антияпонского блоков держав.

В заключение Политбюро ВКП(б) подчеркивает, что принцип "мирной политики" остается по-прежнему основой тактики СССР в отношении капиталистических держав, равно как и Внешторг продолжает неизменно свою тактику в применении к конкурирующим группам мирового капитала.

Постановление Политбюро ВКП(б) от 15 ноября 1934 г.

Политбюро ВКП (б), заслушав в заседании 15 ноября 1934 г. доклад НКВД о международном положении, приходит к единогласному заключению, что решающее влияние на развитие событий не только в европейском, но и в мировом масштабе принадлежит в данный момент британскому правительству. По твердому убеждению Политбюро ВКП(б) от тех решений, которые в ближайшие дни будут приняты лондонским кабинетом, зависит по меньшей мере то, разразится ли новая мировая война в непосредственном будущем или вооруженное столкновение между империалистическими державами удастся отсрочить на некоторое время.

Политбюро ВКП (б) считает совершенно очевидным, что неминуемый провал лондонских переговоров о морских вооружениях заставит английское правительство приложить все усилия, чтобы предотвратить гонку в области военного судостроения путем нахождения компромиссного решения между японской и американской точкой зрения, или взять совершенно определенно сторону США.

Последнее обстоятельство представляет чрезвычайное значение для Советского Союза, позволяя рассчиты-

вать на реальную возможность прекращения антисоветской линии британской внешней политики и даже создания единого фронта тихоокеанских держав против Японии, тем более, что прогрессирующее усиление влияния лейбористов на внешнюю политику Великобритании открывает новые широкие возможности для англо-советского сближения и сотрудничества.

Политбюро ВКП (б) считает чрезвычайно показательным с указанной точки зрения факт совершенно недвусмысленного отклонения Лондоном всех предложений Токио, практически сводившихся к образованию единого японо-германо-британского фронта против СССР взамен уступок Японии в отношении Великобритании и США в вопросе морских вооружений. Политбюро ВКП (б) считает далее фактом исключительного значения резкое отклонение британской политики от наметившегося было направления в сторону создания при соучастии Германии военного блока скандинавских стран, острие которого должно было быть направлено непосредственно против СССР.

Политбюро ВКП (б) обращает особое внимание тт. руководителей советской внешней политики на появившуюся в среде британского кабинета тенденцию поднять в полном объеме вопрос о "тайных" вооружениях Германии -- особенно в области военной авиации -- и применить против Германии военные санкции, чтобы тем своевременно, решительно и быстро предотвратить вооруженный конфликт в будущем, который через какой-нибудь год неми

нуемо принял бы затяжной характер и весьма серьезные формы. Политбюро ВКП(б) настоятельно предлагает НКВД развить максимально-интенсивную деятель-

ность в направлении активного содействия всем международным политическим комбинациям, осуществление которых означало бы косвенное обеспечение границ СССР от внешнего нападения. Политбюро ВКП(б) считает, однако, целесообразным отдавать очевидное предпочтение международным гарантиям, хотя бы на почве Лиги наций, перед системой союзов и блоков, лишаящих советскую политику свободы маневрирования и таящую в себе постоянную опасность новых, подчас неожиданных перегруппировок.

ДОКУМЕНТЫ ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД СССР

В Особый отдел полпредства в Австрии Вена

Сов. доверительно СССР

НКВД

Особый отдел

Москва, 24 августа 1934 г.

№ 5803 Восточный отдел -- XVIII

Уважаемый товарищ,

Подтверждая получение донесения Восточного отдела -- № 1622, Особый отдел со своей стороны считает необходимым особенно выделить те задачи, которые в настоящее время выпадают на долю Восточного отдела и требует исключительно тщательной подготовки и чрезвычайно точного выполнения.

Если не подлежит никакому сомнению, что Австрия в данный момент представляет собой позицию, за овладение которой уже ведется упорная борьба между великими державами, то совершенно очевидно, что советская внешняя политика не в меньшей мере, чем Коминтерн, заинтересована в том или ином ходе австрийских собы-

тий, равно как и в развитии отношений международного ряда, исходным пунктом которых является проблема Австрии.

Для внешней политики Советского Союза определяющим в отношении Европы моментом остается национал-социалистическая Германия, поскольку Берлин не утратил до сих пор надежды добиться соглашения между европейскими державами за счет СССР, опираясь в этом своем стремлении "а поддержку Варшавы, хотя нынешняя руководящая линия польской внешней политики и состоит в конечном итоге в продолжении Польшей ее игры между Германией, с одной стороны, Францией и Советским Союзом -- с другой.

Напряженность отношений между Берлином и Римом в результате неудавшегося национал-социалистического путча в Австрии и вытекающая отсюда тенденция итальянской политики окончательно порвать с ревизионистским блоком и пойти на тесное сближение с Францией -- это обстоятельство, естественно, вызвало тревогу в Берлине и побуждает германскую политику временно отказаться от всякой экспансии на юго-восток Заигривания немецкой дипломатии в Белграде представляют собой, по сущест

ву, не более как тактический маневр как со стороны Германии, так и со стороны Югославии: первая надеется оказать психологическое давление на Италию, вторая -- на Францию.

Особый отдел вполне соглашается с точкой зрения Восточного отдела на то, что югославское правительство откажется от союза с Францией лишь в случае такой формы франко-итальянского сближения, которая явно будет направлена против интересов Югославии. Послед-

нее представляется Особому отделу чрезвычайно маловероятным.

Все вышеизложенное дает основание предполагать, что окончательно изолированная внешнеполитически Германия попытается уже в самом близком будущем коренным образом изменить тактику своей дипломатии и пойти на решительное сближение с вновь возникающим тройственным союзом Италии -Франции -- Англии. Не подлежит, конечно, ни малейшему сомнению, что эта попытка Германии будет диктоваться очевидным стремлением найти для себя объект компенсации на востоке Европы, тем более, что именно в этом пункте Берлин не совсем без основания может рассчитывать на сочувствие и содействие Лондона.

Руководство внешней политики СССР, естественно, пристально следит за малейшими колебаниями международной политической атмосферы. Особому отделу НКВД дана специальная ответственная задача -- создавать по мере сил и в пределах практической возможности условия, препятствующие сближению между Берлином и Парижем, а в особенности--между Берлином и Римом, помимо прямого или косвенного в том участия Советского Союза. Совершенно естественно, что Саар и Австрия представляют собою области для соответствующего выполнения указанного выше задания.

Отказ Германии от вмешательства во внутренние дела Австрии отнюдь не означает прекращения деятельности австрийских национал-социалистов. Напротив, радикальные элементы австрийских наци -- с поддержкой или даже без всякой поддержки извне -- будут вести свою подрывную работу. Прямой обязанностью Восточного отдела отныне является озаботиться принятием дей-

ствительных мер к тому, чтобы первый же признак германско-итальянского соглашения был немедленно сведен "а "нет" тем или иным национал-социалистическим выступлением в Австрии. Угроза германско-итальянского конфликта должна постоянно существовать до тех пор, пока советской дипломатии не удастся создать прочную гарантию безопасности западной границы СССР.

До того момента, пока не установится прочная система договорных отношений, обеспечивающая твердую позицию Советского Союза в европейском концерте держав, остается в полной силе и второе, аналогичное первому, задание Восточному отделу: сохранения за Австрией роли яблока раздора в отношениях между

Римом и Прагой Революционная работа в среде австрийских рабочих масс, нужная сама по себе, должна находиться под абсолютным контролем Восточного отдела, ибо в случае крайней необходимости не исключена возможность тактического использования названного фактора в целях советской внешней политики.

Восточному отделу предлагается далее с особым напряжением и с исключительной тщательностью сосредоточить свои усилия на организации скорой и абсолютно точно работающей осведомительной службы. Достигнутые до сих пор Восточным отделом результаты могут быть признаны вполне удовлетворительными. Но этого мало. Осведомительный аппарат Восточного отдела должен стать поистине идеальным. Особый отдел считает возможным предоставить Восточному отделу исключительно для указанной цели дополнительный кредит в сумме 1500 англ. фунтов стерлингов ежемесячно. Специальное внимание надлежит уделить следующим вопросам:

1) Отношения между Heimweh'ом60 и Christlichsozial' ами61. Поддержка Италией Heimweh'a.

2) Транспорты оружия и боевых припасов из Италии в Австрию.

3) Все, относящееся к проблеме сотрудничества между Австрией и Венгрией. Работа легитимистов.

4) Проблема югославско-австрийских и югославско-германских отношений.

5) Польско-венгерское сближение.

6) Проблема кризиса Малой Антанты, в особенности разногласия между Белградом и Прагою.

7) Тайные переговоры между Веной и Берлином. Тайные переговоры между австрийским правительством и австрийскими наци.

С коммунистическим приветом, Заведующий Особым отделом НКВД

И. КУДРЯВЦЕВ (подпись)

В Особый отдел полпредства в Австрии Вена

Сов. доверительно СССР

НКВД

Особый отдел

Москва, 20 сентября 1934 г.

№ 6603 Восточный отдел -- XVIII

Уважаемый товарищ,

Подтверждая получение донесения Восточного отдела -- № 1893, Особый отдел считает необходимым дать некоторые разъяснения в связи с политической обстановкой в Центральной Европе и отчасти на Балканах,

тем более что эти разъяснения явятся одновременно и ответом на занимающие Восточный отдел вопросы.

1) Австрийская или, вернее, австро-венгерская проблема становится постепенно тем камнем преткновения, о который спотыкаются все попытки великих и малых держав договориться хотя бы на некоторый срок между собой.

Опираясь на всю совокупность имеющихся в его распоряжении информационных данных, Особый отдел рисует себе положение следующим образом:

а) Ни присоединение Австрии к Германии, ни создание из Австрии и Венгрии единого государственного целого, возможного лишь путем реставрации Габсбургов⁶², не являются в условиях данной политической обстановки решениями практически осуществимыми: каждое из них заключает в себе опасность острого международного конфликта, по всей вероятности, закончившегося бы вооруженным столкновением, т. е. новой общеевропейской войной. Всякое же другое решение (конечно, за исключением торжества коммунистической революции в Центральной Европе) явится в лучшем случае оторочкой, в худшем -- новым стимулом к вооруженному конфликту. И Политбюро ВКП(б), и Президиум ИККИ приходят к тому выводу, что в настоящий момент не Балканы, не Литва, не Данциг и даже не Саар, а именно Австрия является пороховой бочкой, ежеминутно грозящей взорваться и тем вызвать всеевропейский пожар;

б) Внутренняя политическая обстановка в Австрии такова, что в данный момент не представляет особого труда вызвать в стране события, которые неминуемо приведут к общей склоке и схватке между соседними Австрийскими государствами. Это обстоятельство заставляет Осо-

бый отдел настоятельно требовать от всех органов и сотрудников точнейшего выполнения директив центра, ибо малейшее необдуманное, поспешное или самочинное выступление может иметь поистине роковые последствия.

Задача Восточного отдела заключается прежде всего в том, чтобы точнейшим образом согласовать работу своего аппарата, органов Разведупра и аппарата Коминтерна между собой, притом не столько в основных направлениях, что уже имеет место, но именно в частности, в мелочах, деталях. Как раз в Австрии весь наш механизм должен работать без перебоев.

Задача, стоящая перед Восточным отделом, сводится в главных чертах к следующему положению: в то время, как компартии Германии и Австрии производят сосредоточение своих сил и готовят возможность захвата власти путем массового выступления пролетариата, органы Особого отдела совместно с аппаратом Разведупра тщательно учитывают все данные, относящиеся к нарастанию нового международного конфликта, и готовят со своей стороны условия для искусственного создания такового в нужный для целей внешней политики СССР момент.

Необходимо при этом постоянно помнить о том, что время и развитие событий в Европе (в особенности же -- в Германии и в Австрии) работают на коммунистическую революцию. Согласно точным директивам Политбюро ВКП(б), однако, недопустимы поспешные и неорганизованные выступления, могущие сорвать конечный успех. Наш тезис чрезвычайно прост: торжество коммунизма в Центральной Европе проходит через три стадии: 1) подготовка сил и условий революционного выступления, 2) вооруженное столкновение капиталистических держав

между собою без участия СССР в конфликте, 3) революция, поддержанная вооруженными силами СССР.

2) Второй по важности проблемой является в данный момент проблема отношений между Италией и Югославией. Согласно директивы Политбюро ВКП(б) в задачу Особого отдела входит не допускать итальянско-югославского соглашения, препятствуя одновременно и плану польской дипломатии добиться сближения между Белградом и Будапештом, плану, усиленно поддерживаемому Берлином. Указывая на эту задачу Восточному отделу в общих чертах, Особый отдел в одном из следующих своих отношений даст по этому поводу детальные директивы.

С коммунистическим приветом,

И. КУДРЯВЦЕВ (подпись)

Постановление югославского Совета министров от 27 сентября 1934 г.

Материал: Но Ю--10367/703 (в извлечениях) Источник: Ю--39 (Белград)

... Правительство Его королевского величества... отмечает с чувством глубокого удовлетворения, что... попытка итальянской дипломатии закрепить специальным пактом, гарантирующим независимость Австрии, гегемонию Италии в Центральной Европе... и оформить итальянский протекторат над Австрией... потерпела полную неудачу... Правительство Его королевского величества ставит в особенно высокую заслугу господину министру иностранных дел... мужественную и непоколебимую защиту им югославской точки зрения, приведшую в конечном итоге к установлению единой политической линии Малой Антанты в духе желаний и интересов Югославии...

Совет министров... усматривает крупный успех югославской дипломатии в том факте, что... г. Барту и г. Бенеш вынуждены были признать основательность опасений Югославии относительно "особых интересов" Италии в дунайском бассейне... Правительство Его королевского величества полагает необходимым по-прежнему твердо и неуклонно держаться основ своей средневропейской политики и... предлагает господину министру иностранных дел довести до сведения французского правительства, что... Югославия не видит возможности согласовать свою политику с политикой, пока последняя... не откажется от поддержки -- прямой или косвенной - планов ревизионизма и реставрации монархии Габсбургов... Югославское королевское правительство твердо убеждено в безуспешности римского визита Барту и... придает в то же время чрезвычайно большое значение начавшимся непосредственным переговорам между Берлином и Веною... Совет министров уполномачивает господина министра иностранных дел направить снова свои усилия на установление... отношений сотрудничества между Малой Антантой и Германией в области хозяйственного восстановления дунайского бассейна и... на содействие сближению между Францией и Германией в основных вопросах международной политики... Правительство Его королевского величества продолжает твердо стоять на той точке зрения, что... политика г. Барту и г. Бенеша... достаточно обнаружила свою несостоятельность и требует... конкретного пересмотра... в духе положений, последовательно отстаиваемых и проводимых Югославией....

... Правительство Его королевского величества... придает исключительно важное значение... свиданию обоих славянских монархов в Софии, долженствующему привести к окончательному забвению былой братской

розни и... к установлению тесных союзнических отношений между Югославией и Болгарией... Совет министров по

лагает возможным приступить к... разрешению задач своей средневропейской программы лишь после успешного разрешения проблемы балканского блока.

В Особый отдел полпредства в Австрии Веча

Сов. доверительно СССР

НКВД

Особый отдел

29 сентября 1934 г.

№ 7299 Восточный отдел

Уважаемый товарищ,

В дополнение к отношению Особого отдела НКВД № 7291 Восточный отдел ставится в известность, что ему поручается обратить особое внимание на возможно более полное осведомление (в срочных случаях -- телеграфом) не только Особого отдела, но и отделов в Берлине, Париже и Праге относительно следующих вопросов:

1) Ход и состояние непосредственных переговоров между Веною и Берлином, притом не столько официальных, сколько между национал-социалистической партией и австрийскими политическими группировками различных оттенков;

2) Польско-венгерские и германо-венгерские комбинации, уделяя внимание опять-таки не только официальному обмену мнениями, но и самым мельчайшим деталям закулисных интриг и переговоров между второстепенными персонажами;

3) Все происходящее внутри монархических организаций и --в особенности -- всякого рода легитимистских "кружков" Австрии и Венгрии; хорватские и словацкие связи указанных групп должны подвергнуться особенно тщательному освещению;

4) Официальная и неофициальная деятельность Папена⁶³ в Вене;

5) Сеть французских и итальянских агентур в Австрии; особенно тщательно должно быть учтено количество платных агентов в официальных австрийских учреждениях;

6) Работа югославской и чехословацкой разведки друг против Друга;

7) Связь между германскими наци и румынской "Железной гвардией"⁶⁴, поскольку она проходит через Вену.

Особый отдел обращает на все эти вопросы особое внимание Восточного отдела, подчеркивая, что в данный момент нужны не

столько общие сведения, сколько мельчайшие и "маловажные" детали.

Дальнейшие указания следуют.

С коммунистическим приветом,

И. КУДРЯВЦЕВ (подпись)

Телеграфное отношение Особого отдела, НКВД

10 октября 1934 г. № 7013/392

Дешифрована 10 октября 1934 г., 16 ч. 07 м. ... Убийство Марселе⁶⁵ возможно вызовет кампанию против СССР. Точка. Необходимо своевременно принять меры парализования нападков. Точка. Поручается тщательное

расследование действительных обстоятельств акта и особенно подготовки его. Точка. Установите немедленно необходимые связи. Точка. Одновременно прекратите все без исключения постоянные связи [с] хорватами и македонцами⁶⁶. Точка. Желательно подробное точное освещение впечатления Италии, Югославии, Венгрии и Австрии. Точка. Рекомендуется вне зависимости действительного положения вещей работать направлении вины наци. Точка. Необходимо тщательное расследование роли австрийских и венгерских монархическо-католических кругов. Точка. Командируйте немедленно шесть-семь опытных работников Белград, Будапешт. Точка. Держите постоянную связь Римом. Точка. Донесения телеграфом. Точка. Кудрявцев. Точка.

Телеграфное отношение Особого отдела НКВД

№ 8201/1439 от 14 октября 1934 г.

Дешифрована 14 октября 1934 г., 16ч. 13 м. Восточный отдел извещается в срочном порядке относительно попытки, идущей Лондона, Берлина, белогвардейских кругов Парижа. Точка. Выдвигается версия участия сотрудников Разведуп-ра или Особого отдела подготовке марсельского покушения. Точка. Мотив сводится якобы стремлению советского правительства устранить Александра⁶⁷, препятствовавшего признанию СССР Югославией. Точка. Указывается: король был единственным серьезным препятствием установления нормальных дипломатических отношений Белграда Москвою. Точка. Отсутствие дипломатических отношений между СССР и Югославией затрудняло заключение юго-восточноевропейского пакта, долженствующего заменить провалившийся план Восточного Локарно. Точка. Восточному отделу поручается своей стороны немедленно приступить обнару-

жению источников названных слухов, равно влияния их на общественное мнение и ход расследования. Точка. Предлагается немед

ленно предпринять меры парализованию подобных слухов, равно скорейшему установлению версии, не затрагивающей интересов СССР. Точка. Впредь до выяснения обстоятельств дела рекомендуется распространение версий о поддержке террористов национал-социалистической Германией, ревиционистской Венгрией, фашистской Италией. Точка. Мотивы Германии или Венгрии ясны. Точка. Мотивы Италии сводятся к убеждению, что Александр сорвет франко-итальянское сближение, убедит Францию предварительно договориться с Германией в посредничестве Югославии. Точка, Требуется максимум осторожности. Точка. Результаты телеграфом. Точка. Кудрявцев.

В Особый отдел полпредства в Австрии Вена

Сов. доверительно Тов. П. Некунде

СССР

НК'ИД

Особый отдел

Москва, 25 октября 1934 г.

№ 7453 Восточный отдел -- XVIII

Уважаемый товарищ,

Особый отдел НКИД считает необходимым обратить внимание Восточного отдела на то обстоятельство, что даваемое им освещение политической обстановки в Центральной и Юго-Восточной Европе находится в довольно существенном противоречии со сведениями по вопросу, имеющимися в распоряжении Особого отдела из

других источников. Поскольку последствия убийства короля Александра и Барту в Марселе продолжают стоять в центре европейских событий и окажут, несомненно, решающее влияние на дальнейшую судьбу Европы, необходимо тщательное и точное установление всей закулисной стороны дела. Последние донесения Восточного отдела сводятся в основном к передаче югославских обвинений против Венгрии и к повторению устаревших данных относительно связей хорватских и македонских террористов с германскими наци. Придерживаясь такого метода, Восточный отдел мог бы без особенного труда обнаружить несомненную связь между убийцами югославского короля и некоторыми советскими учреждениями за границей.

Особый отдел считает нужным указать Восточному отделу на то, что имеются весьма реальные указания на прямую зависимость усташей⁶⁸ и ВМРО⁶⁹ от агентов и органов итальянской разведки и что как раз в Вене должны находиться явные доказательства та

кой связи. Особый отдел вменяет в непрременную обязанность Восточного отдела сосредоточить свои усилия именно в указанном направлении. У Особого отдела имеются далее на основании хотя бы прежних донесений Восточного отдела, очевидные данные о более, чем тесной связи между хорватским сепаратистским движением и некоторыми весьма влиятельными в настоящее время австрийскими кругами. Между тем последние донесения Восточного отдела не содержат ничего существенного как раз относительно итальянской и австрийской роли в марсельском деле. Особый отдел настоятельно предлагает в самом срочном порядке заполнить эти пробелы.

Чрезвычайно мало используются Восточным отделом или оказываются (что, в конце концов, тоже возмож-

но) несостоятельными югославские источники осведомления. Между тем как раз в данный момент является решающим точный ответ на вопрос, какие шаги намерено предпринять белградское правительство в связи с достаточно уже определившимися результатами расследования о закулисной стороне марсельского убийства. Особенно интересует Особый отдел обстоятельное и достоверное освещение всех указанных выше сторон вопроса с точки зрения различных венских источников. В частности, все, касающееся Морреале, является чрезвычайно важным.

С коммунистическим приветом

Заведующий Особым отделом НКВД

И. КУДРЯВЦЕВ (подпись)

В Особый отдел полпредства в Австрии Вена

Доверительно Тов. П. Некунде

СССР

НКВД

Особый отдел

Москва, 3 ноября 1934 г.

№ 7431 Восточный отдел -- XVIII

Уважаемый товарищ,

Подтверждая получение донесения Восточного отдела № 2057, Особый отдел НКВД считает необходимым выделить некоторые стороны политического положения в Центральной Европе, как заслуживающие особенного внимания. Особый отдел вынужден, к сожалению, констатировать, что все последние донесения Восточного отдела далеко не способствовали получению ясной карты

ны политической обстановки в Средней Европе, что приходится, по всем данным, отнести на счет недостаточно развитой информационной сети и слабого функционирования уже имеющихся в распоряжении Восточного отдела источников. Между тем в Вене сосредоточена сейчас обильная и достоверная информация, которой, например, английская или чехословацкая разведки пользуются в полной мере, в то время как Восточный отдел продолжает ограничиваться донесениями сексотов, либо недостаточно хорошо осведомленных, либо предпочитающих давать неполные и неточные сведения. Особый отдел самым настоятельным образом предлагает принять радикальные меры к устранению указанных недостатков.

Особый отдел подчеркивает, что внутривнутриполитическое положение Австрии играет в данный момент более, чем второстепенную роль, и что судьба дунайского бассейна определяется сейчас развитием международных отношений, в частности взаимоотношений Парижа, Рима и Берлина.

Здесь необходимо заметить, что убийство короля Александра в Марселе уже не стоит больше в центре европейского внимания. Не подлежит почти никакому сомнению, что все дело будет передано в Лигу наций, где и будет погребено по первому разряду. Поскольку не только Венгрия и Австрия, но и Италия несет - по меньшей мере косвенную -- ответственность за марсельское покушение, французская и, в особенности, английская дипломатия прилагают все усилия к тому, чтобы замять это дело. По-видимому, им это удастся

Центр тяжести лежит сейчас в том, какая из двух основных внешнеполитических комбинаций получит свое осуществление: сближение между Парижем и Римом или

сговор между Парижем и Берлином? Своевременный и точный ответ именно на этот вопрос и является задачей, которую Политбюро ВКП(б) поставило Особому отделу НКВД.

Как Восточному отделу должно быть известно, французская политика поставила себе целью добиться соглашения между Италией и Малою Антантою, в особенности же между Римом и Белградом. Такое соглашение возможно, однако, лишь при условии формального признания Италией, хотя бы сроком на 10 лет, принципа территориального *status quo* в Средней Европе и на Балканах. До сих пор римское правительство, стремясь иметь руки развязанными, от принятия на себя указанного обязательства уклонялось.

Вопреки сведениям, имеющимся в распоряжении Восточного отдела, Особый отдел имеет абсолютно достоверные данные о том, что от Франции отказа от названного требования ни при каких обстоятельствах ожидать не приходится. В случае оконча

тельного отказа Муссолини признать принцип *status quo* никакого (даже компромиссного) соглашения между Италией и Малою Антантою, а таким образом и Францией, быть не может.

Венгерская и отчасти польская дипломатия работает в направлении нового сближения между Римом и Берлином, имея целью расширения римского блока присоединением к нему Германии и, быть может, Польши. Скрытая пружина указанной комбинации заключается в переделе Европы за счет Чехословакии. Непременным условием со стороны Италии для соглашения с Германией является действительный отказ последней "навсегда" от "*Anschluss'a*". В этом отношении любопытна роль герман-

ской дипломатии (и, к частности, Папена), стремящейся косвенно поддержать реставрационные планы в Австрии и в Венгрии, чтобы вызвать конфликт между ними и Малою Антантою, занять под шумок Австрию и договориться в первую очередь с Прагою и Парижем на почве так называемой "белградской программы" (эта сторона вопроса также чрезвычайно слабо освещается в донесениях Восточного отдела).

Берлинское правительство, готовое на любую комбинацию, позволяющую ему выйти из настоящего "нестерпимого" положения, видит для Германии действительную угрозу именно во французско-итальянском сговоре, в то же время совершенно правильно учитывая, что противоречия между Францией и Италией настолько велики, что в конечном итоге столкновение их интересов станет неизбежным.

Французская политика, явно учитывающая возможности и даже выгоды франко-германского соглашения, не в силах, однако, отделаться от психоза "германского реванша" и ищет любые выходы из нынешнего тупика, кроме единственно-естественного. Обострение саарской проблемы лишь способствует возникновению новых осложнений.

Все названные ходы и контрходы в дипломатической игре европейских великих и малых держав находят яркое отражение и в Вене, и в Будапеште. На них должно быть обращено особое внимание Восточного отдела.

В заключение Особый отдел считает необходимым настоятельно просить Восточный отдел о тщательном подборе и своевременном сообщении всех без исключения достоверных сведений, могущих помочь правильному ответу на вопрос, чрезвычайно интересующий в настоя-

щее время советскую внешнюю политику, а именно: в какой степени идея пакта четырех или пяти держав продолжает стоять в центре внешнеполитических устремлений Италии? Составляет ли эта идея существенную часть внешней политики Муссолини или потеряла даже свое относительное значение в качестве тактического маневра?

Особый отдел надеется уже в ближайшее время получить исчерпывающие сведения по всем затронутым вопросам. С коммунистическим приветом! Заведующий Особым отделом НКВД

И. КУДРЯВЦЕВ (подпись)

Примечания

1 И. В. Сталин (1879-- 1953). в партии с 1898 г. В 1912--1913 гг. -- член Русского бюро ЦК. В 1917-- 1922 (гг. -- нарком по делам национальностей, одновременно с 1919 г. -- нарком государственного контроля, с 1920 г. -- нарком РКИ. Член РВСР. С 1922 г. -- генеральный секретарь партии. В 1922 г. вступает в борьбу за власть с заблевающим Лениным и выигрывает битву, оставшись у власти после смерти Ленина, вопреки оставленному Лениным "Завещанию". В формируемых затем против Троцкого блоках остается всегда в тени, подставляя Зиновьева, (Каменева и Бухарина. Устранив Троцкого, оттесняет затем помогавших, ему Зиновьева и Каменева (обвинив их в левой оппозиции, а себя причислив к правым); затем отстраняет Бухарина, обвиненного в правом оппортунизме (с позиции центра, которую провозглашает Сталин). В действительности проводит в это время экстремально левую политику индустриализации и коллективизации. Выйдя к 1929 г. единоличным победителем из внутрипартийной борьбы, Сталин подготавливает и про-

водит убийство Кирова и, со ссылками на поднявших в СССР голову террористов, проводит партийные чистки 1935-- 1939 гг. Освободившись от старого партийного актива, могущего помешать осуществлению нового политического курса, заключает соглашение с Гитлером о разделе Европы и, благодаря нейтралитету последнего и попустительству демократических стран, осуществляет захват ряда европейских государств (полностью: прибалтийских, частично: Финляндии, Румынии и Польши). Из-за отказа Гитлера согласиться на передачу "в советскую сферу влияния" всей Финляндии, Румынии, Болгарии и Проливов готовится к разрыву отношений с Гитлером и перемене политического курса, рассчитывая, видимо, со временем войти в антигерманскую коалицию. Разгадавший этот поворот Гитлер начинает войну, которую, однако, проигрывает, и Сталин получает под свой контроль территории, называемые Восточной Европой. После Берлинского кризиса 1948 г., в результате которого Сталин добивается признания западными правительствами разделения Германии на Восточную и Западную, рвет установившиеся добрососедские отношения с демократическими странами, в пику Англии поддерживает образование Израиля, предаёт анафеме независимого коммуниста Тито и ведёт умеренно-изоляционистскую политику. Постепенно теряет власть. В 1952 г. снимается с поста генерального секретаря (через отмену этой должности) Обстоятельства смерти Сталина нельзя считать выясненными.

Не исключено, что он был убит заговорщиками, среди которых были Маленков, Берия и Хрущев.

2 М. М. Литвинов (Макс Баллах, 1876--1951), в партии с 1898 г. С 1918 г. -- член коллегии наркоминдела, с 1921 г. -- полпред в Эстонии. В 1930--1939 гг. -- нарком

иностранных дел. В 1941--1943 гг. -- заместитель наркома иностранных дел Молотов а и полпред в США.

3 Н. Н Крестинский (1883--1938), в партии с. 1903 г. В 1918-- 1921 гг. -- нарком финансов РСФСР, с 1921 г. -- полпред в Германии. В 1917--1921 гг -член ЦК. В 1919-1921 гг. -- член Политбюро и секретариата ЦК. В 1927 г. оппозиционер. Раскаялся, был восстановлен в правах. С 1930 г. -заместитель наркома иностранных дел СССР. Выставлен на третьем московском (бухарин-ском) процессе в качестве обвиняемого и расстрелян.

4 Малая Антанта -- политический союз Чехословакии, Румынии и Югославии в 1920--1938 гг.; создан при содействии Франции. Главным организатором Малой Антанты был Бенеш.

5 Дипломатические отношения Румынии и Чехословакии с СССР были установленны 9 июня 1934 г.

6 Лондонский протокол об определении агрессии был подписан Советским Союзом 3--5 июля 1933 г. с десятью государствами: Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, Румынией, Турцией, Ираном, Афганистаном, Чехословакией и Югославией.

7 Югославия оставалась единственной страной Малой Антанты, выступавшей против установления дипломатических отношений с СССР. Они были установлены лишь в июне 1940 г.

8 22 января, 1934 г. проходившая в Загребе конференция министров иностранных дел Малой Антанты приняла решение о "своевременности возобновления государствами -- членами Малой Антанты нормальных дипломатических отношений" с СССР, "как только будут налицо необходимые дипломатические и политические условия".

Постоянный совет Малой Антанты, собравшийся в начале июня в Женеве, постановил, что "политические и дипломатические условия позволяют ныне каждому из государств -- членом Малой Антанты, поступить в подходящий момент в согласии с Загребской резолюцией".

9 К Е Ворошилов (1881--1969), с 1903 г. -- социал-демократ. Ветеран гражданской войны. С 1925 г., после загадочной гибели Склянского и не менее странной смерти Фрунзе, нарком по военным и морским делам, председатель РВС СССР. В 1934 г. - нарком обороны СССР, с 1940 г. -заместитель председателя СНК.

10 Бенито Муссолини (1883--1945), социалист, исключен из партии в 1914 г В 1019 г основал фашистскую партию Италии. С 1922 по, 1943 гг. -- фашистский диктатор Италии. В, 1945 г. захвачен итальянскими партизанами-антифашистами и по приговору трибунала Комитета национального освобождения Северной Италии казнен.

11 Адольф Гитлер (Шикльгрубер, 1889-1945), с 1921 г. -вождь национал-социалистической рабочей партии Германии. В 1933 г. стал рейхсканцлером Геомании. В1934 г. -- объединил этот пост с постом президента республики. До начала второй мировой войны проводит крайне успешную и популярную внешнюю политику, основной целью которой является уничтожение последствий Версальского мира, навязанного Германии в качестве мирного договора после войны 1914-1918 гг. В сентябре 1939 г. развязывает большую европейскую войну целью которой является разгром Франции и Англии. Будучи не в состоянии высадить на британский материк войска и принудить Англию к капитуляции, решается на разгром Советского Союза. В 1945 г., перед самым пора-

жением Германии в войне, покончил жизнь самоубийством.

12 Встреча Гитлера и Муссолини состоялась в Венеции 14--15 июня 1934 г.

13 Лидер отколовшейся от Гитлера национал-социалистической группы, издававшей в Вене "Der schwarze Front".

14 Финансовая группа Тиссена -- Оппенгейма, возникшая в конце XIX в. Ее финансовым центром был банковский дом Оппенгейма. Промышленным ядром -- металлургический и промышленный концерн "Тиссен", основанный в 1871 г.

15 Герман Геринг (1893--1946), один из лидеров германского нацизма. С 1922 г. -- руководитель СА, с 1933 г. -- глава правительства Пруссии, имперский министр авиации. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни. Покончил жизнь самоубийством.

16 Локарнская конференция состоялась в Швейцарии 5--16 октября 1925 г. Участниками ее были Великобритания, Германия, Франция, Италия, Бельгия, Чехословакия и Польша. 16 октября в Локарно были парафированы, а 1 декабря в Лондоне подписаны Локарнские договоры. Основным документом был подписанный Великобританией, Францией, Германией, Италией и Бельгией Рейнский гарантийный пакт о неприкосновенности германо-французской и германо-бельгийской границ и сохранении демилитаризованной Рейнской зоны. Гарантами пакта выступали Италия и Великобритания. Относительно своих восточных границ Германия обязательств не дала.

17 С 1924 г. КВЖД, построенная в 1897--1903 гг., находилась в совместном управлении СССР и Китая, что приводило к постоянным конфликтам с Японией, пытавшейся доминировать на территориях децентрализованного китайского государства. Будучи не в состоянии противостоять японскому влиянию, советское правительство в 1935 г. продало КВЖД правительству Маньчжоу-Го, за которым стояла Япония.

18 15 июля. 1933 г. в Риме Англией, Францией, Германией и Италией был подписан "пакт согласия и сотрудничества четырех держав".

19 Рост фашизма в Австрии и все усиливающееся вооружение австрийских фашистов, идущее из Германии, заставили австрийское правительство издать 12 июля указ о введении смертной казни за контрабанду и хранение взрывчатых веществ. 20 июля был назначен суд над семью нацистскими террористами подпавшими под действие этого указа. Накануне суда мюнхенское радио в передаче на Австрию указывало, что за судьбу семи осужденных ответят головой Дольфус и его правительство.

Энгельберт Дольфус (1892--1934), с 1932 г. был федеральным-канцлером Австрии и министром иностранных дел, одним из лидеров христианско-социальной партии. 25 июля отряд нацистов ворвался в здание австрийской радиовещательной кампании и под угрозой расстрела заставили диктора объявить об отставке правительства Дольфуса и о формировании фашистского правительства Ринтелена. Одновременно другая группа нацистов ворвалась в кабинет Дольфуса и нанесла ему смертельные ранения. Вечером того же дня Муссолини, высказывавшийся в тот период против аншлюса Австрии к Германии, отдал приказ об отправке четырех дивизий на Бреннер и на

границу Карин-тии, а послы Англии и Франции выступили в Берлине с энергичными представлениями, напоминая Гитлеру о международных гарантиях независимости Австрии. Гитлеру пришлось отступить. В Вену было послано формальное соболезнование германского правительства по поводу убийства Дольфуса; германский посол Рит, причастный к попытке переворота, был отозван из Австрии, и вместо него чрезвычайным послом был назначен фон Папен. На заседании Лиги наций 12 сентября 1934 г. новый австрийский канцлер Шушнинг заявил о твердой решимости Австрии отстаивать свою независимость.

20 16 апреля 1922 г. во время Генуэзской конференции в г. Рапалло был подписан советско-германский сепаратный договор о восстановлении дипломатических отношений между советской Россией и Германией, взаимном отказе от претензий и торгово-экономических связях.

21 Эдуард Бенеш (1884--1948), государственный деятель Чехословакии. В 1918--1935 гг -- министр иностранных дел, в 1935--1938 гг. -- президент. С 1940 г. -- в эмиграции. В 1946--1948 гг. -- президент страны. Покончил жизнь самоубийством при весьма странных обстоятельствах, дающих основания считать, что он был убит советскими органами безопасности

22 Луи Барту (1862--1934), с 1894 г. неоднократно был министром во французском правительстве. В 1913 г. -- премьер-министр Франции. В 1934 г -- министр иностранных дел, сторонник советско-французского сотрудничества. В октябре 1934 г. в Марселе вместе с королем Югославии Александром I был убит македонским революционером-террористом.

23 Франк Келлог (1856--1937), политический деятель США, юрист, член республиканской партии. В 1917--

1923 гг. -- сенатор, в 1924 г. -- посол в Англии. В 1925--1929 гг. -- государственный секретарь. В 1930--1935 гг. -- член Постоянной палаты международного суда в Гааге.

24 Аристид Бриан (1862--1932), французский политический деятель. В 1909--1931 гг. -- одиннадцать раз был премьер-министром Франции и 25 раз -- министром, в основном -- министерства иностранных дел. Вместе с Келлогом стал инициатором Парижского договора, воспрепятствовавшего войне в качестве орудия национальной политики. Иными словами, пакт устанавливал международное правовое запрещение на ведение агрессивной войны. Договор был подписан 27 августа 1928 г. Соединенными Штатами, Великобританией, Германией, Францией, Бельгией, Италией, Канадой, Австралией, Новой Зеландией, Южной Африкой, Ирландией, Японией, Индией, Чехословакией и Польшей. Советский Союз присоединился к договору, вошедшему в историю под названием "пакт Келлога-Бриана", 6 сентября, 1928 г. 9 февраля 1929 г. СССР, Польша, Эстония, Румыния и Латвия подписали Московский протокол о досрочном введении в действие пакта Келлога-Бриана. Однако формально пакт вошел в силу только 24 июля 1929 г. Пакт не предусматривал санкций против агрессора и инструментов для противодействия агрессии, а потому имел исключительно моральное значение.

25 Речь идет о возможности польско-германского блока против СССР, с одной стороны, и Литвы, с другой. Германо-польские противоречия, впрочем, были настолько сильны, что о соглашении нацистов с польским правительством не могло быть и речи.

26 Имеется в виду территориальный конфликт между Венгрией и Чехословакией по вопросу о Закарпатской

Украине до 1919 г. принадлежавшей Австро-Венгрии, а затем Чехословакии. В 1938 г. Закарпатская Украина с молчаливого согласия Германии была оккупирована Венгрией, в 1944 г. - советской Красной армией. В 1945 г. -- аннексирована Советским Союзом (объявлена частью территории УССР).

27 Виленский конфликт 1917--1939 гг. между Польшей и Литвой происходил из-за города Вильно (Вильнюса) и Виленской области, оккупированных Польшей, и привел к разрыву дипломатических отношений между двумя государствами. После оккупации Советским Союзом Восточной Польши (согласно германо-советскому договору о разделе сфер влияния в Европе), Вильно и Виленская область были переданы советским правительством Литве (чтобы год спустя быть вторично оккупированными, теперь уже вместе со всей Прибалтикой).

28 Д. З. Мануильский (1883-- 1959), выходец из духовной семьи, сын сельского священника. В 1903 г. поступил в Петербургский университет, тогда же примкнул к партии большевиков. Занимался пропагандой и агитацией в подпольных кружках. За участие в демонстрации против русско-японской войны арестован. В июне 1906 г., после разгрома 1-й Государственной думы, как агитатор-большевик принимает участие в восстании солдат и матросов в Кронштадте. Арестован и за недоказанностью преступления выслан в административном порядке в Архангельскую губернию. По дороге к месту ссылки бежал из Вологодской тюрьмы (был вывезен в корзине)

В Вологодской тюрьме летом 1906 г. скопилось много арестованных. Тюремный режим был свободный. Камеры открыты. У одной из ссыльных была большая кор-

зина. Мануильский был небольшого роста и худощав. Его уложили в эту корзину и вынесли. Отсутствие его заметили лишь через несколько дней.

После нескольких месяцев пребывания в Киеве Мануильский выехал в Париж, где прожил до революции, 1917 г. В эмиграции жил трудно, может быть поэтому и взял себе псевдоним Иван Безработный. Разошелся с Лениным по вопросу об участии большевиков в 3-й Государственной думе (примкнул к "отзовистам", считавшим, что депутатов -- социал-демократов из Думы надо отозвать). Ленин по этому вопросу в партии оказался в меньшинстве, но решению партии не подчинился и продолжал свою политическую линию. Мануильский активно участвовал также в другой антиленинской кампании, связанной с отказом Ленина выдать деньги, экспроприированные эксами

Деньги, добытые эксами, поступали в центральную партийную кассу, которая, со своей стороны, брала на себя известные обязательства в отношении добытчиков-эксав, особенно в том случае, если те попадались. После раскола центральная касса большевиков осталась в руках Ленина, против которого были выдвинуты обвинения в несоблюдении этих обязательств. В частности, обвинения были выдвинуты группой уральских боевиков, действовавших в 1907 г. в Пермской и Вятской губерниях под руководством Лбова. Сам Лбов был убит полицией при задержании. Ряд членов его отряда был арестован. Другие, оказавшись за границей, требовали денег на организацию побега арестованных (Лбов внес в большевистскую кассу около 30 тыс. руб.). Ленин дать деньги отказался, и один из эмигрантов-лбовцев, Александр Сергеев, распространил открытое письмо к большевистскому центру под псевдонимом Саша Лбовец, требуя вернуть 6 тыс.

руб. Фактическим автором этого письма был Менжинский, один из отзовистов и будущий глава ГПУ. Мануильский, близкий друг Менжинского, принимал в этой антиленинской кампании активное участие. Из Франции переезжает в Швейцарию по состоянию здоровья. Он болен туберкулезом и врачами считался безнадежным. По возвращении в Россию после 1917 г. Мануильский не входит сразу в большевистскую партию, присоединяется к одной из групп, стоящих между большевиками и меньшевиками. Печатает статьи в духе Троцкого Но Троцкий к Мануильскому относится свысока, и последний вскоре присоединяется к большевикам и быстро выдвигается. Зимой 1917--1918 г. он занимает пост заместителя наркома продовольствия, был членом делегации, ведшей переговоры с немцами в Брест-Литовске. Летом 1918 г. был членом комиссии, вырабатывавшей мирный договор с Украиной, с гетманом Скоропадским. Позднее -- представитель Коминтерна в Киеве (в период венгерской революции, сношения с которой, без большого успеха, он налаживал). В начале 1919 г. послан в Париж в качестве главы особой миссии советского Красного Креста, служащей прикрытием для деятельности Коминтерна. Арестован французским правительством (обменен на арестованных в советской России деятелей французского Красного Креста). В 1920--1921 гг. -- нарком земледелия на Украине. С 1921 г. -- секретарь ЦК компартии Украины. С 1922 г. -- член ЦК. С 1924 г. -- член президиума Исполкома Коминтерна. В Коминтерне по указанию Сталина выступает сначала против Зиновьева, затем против Бухарина. Был проводником политики Сталина в Коминтерне, в частности, на Седьмом пленуме Исполкома Коминтерна в ноябре 1926 г. выступил с докладом "Тихоокеанские противоречия и Китай", где указал, что "американский империализм са-

мый опасный для трудящихся масс всего мира... Объективно наступательную роль играют" США, "объективно оборонительную -- Япония и Англия". Этот характер Соединенных Штатов заставляет их систематически готовить войну против Японии Центральной задачей США, продолжал Мануильский, является "создание в Восточной Азии более или менее сильного государства, которое могло бы оспаривать у Японии господство среди азиатских народов на Дальнем Востоке. Это государство должно быть достаточно сильно, чтобы угрожать Японии с тыла, но в то же время достаточно слабо чтобы плыть в фарватере американского империализма". [Пути мировой революции. Т. 1. С. 422--430. Официальный отчет о заседании Исполкома Коминтерна, издано в Москве.

На самом деле, конечно же, речь шла о создании сильного Китая для противодействия Японии на Дальнем Востоке. Сталин устами Мануильского фор

мулировал собственную политику и обвинял в ней США. Отсюда и будущая советская политика поддержки Чан Кайши (и неподдержки китайской революции в 1927 г). Из этого Мануильский делал вывод о поддержке паназиатского движения против "иностранных империалистов". В 1928 или 1929, г., после падения Бухарина, Мануильский назначен секретарем Президиума Коминтерна. В 1934 г. его сменил Димитров, освобожденный из германской тюрьмы. Мануильский остался работать в Коминтерне на более мелких ролях. Постепенно отстраняется от дел, назначается на формальный пост наркома иностранных дел Украины. Снимается, репрессирован. [АИГ, кол. Николаевского, ящик 511, папка 48 и ящик 515, папка 21. Б. И. Николаевский Две биографии Мануильского.]

29 См. Приложение.

30 СССР вступил в Лигу наций 18 сентября 1934 г.

31 Лига наций находилась в Женеве. Соединенные Штаты, отказавшиеся ратифицировать Версальский договор, санкционировавший послевоенные европейские границы, отказались войти и в Лигу наций, не желая вмешиваться в европейскую политику.

32 Альфред Розенберг (1893--1946), германский национал-социалист. С 1923 г. -- главный редактор центрального органа национал-социалистической партии. С 1933 г. -- руководитель внешнеполитического отдела партии. С 1941 г. -- министр оккупированных восточных территорий. Казнен по приговору международного военного трибунала в Нюрнберге.

33 Б. С. Стомоняков (1882--1941), в партии с 1902, г. С. 1921 г. -- уполномоченный НКВТ в Германии. В 1921--1925 гг. -- торговый представитель РСФСР (СССР) в Германии, одновременно в 1924--1925 гг. -заместитель наркома внешней торговли СССР Красина. В 1923--1926 гг. -- член коллегии НКВТ СССР. В 1926--1934 гг. -- член коллегии НКВД СССР, в 1934--1938 гг. -- заместитель наркома иностранных дел.

34 И М. Майский (1884--1975), меньшевик. С 1921 г. -большевик. Советский дипломат. В 1929--1932 гг. -- полпред в Финляндии, в 1932--1943 гг. -- посол в Великобритании. В 1943--1946 гг. -- заместитель наркома иностранных дел. Автор ряда книг и воспоминаний.

35 Ночь "длинных" ножей в Германии, своеобразная партийная чистка, когда сторонниками Гитлера были произведены массовые аресты и убийства оппозиционеров-нацистов, прежде всего группы Рема.

36 Попытка фашистского переворота в Австрии и убийство Дольфуса.

37 Т. е. китайское правительство. Нанкин -- город в Китае. В 1927--1937 и 1946--1949 гг --местопребывания правительства Китая.

38 К. К. Юренев (Кротовский, 1888--1938). С 1905 г. -социал-демократ. В 1913--1917 гг. -- "межрайонец". С 1917 г. -- председатель бюро Главного штаба Красной армии. С 1921 г. -- на дипломатической работе: полпред в Бухаре, Латвии, Чехословакии, Италии, Иране, Австрии, Японии. Расстрелян

39 Весной и летом 1934 г., когда, в основном по инициативе Барту, велись переговоры о восточноевропейском пакте. Однако было очевидно, что, с одной стороны, Польша примет участие в таком соглашении лишь в случае присоединения к пакту Германии, и что, с другой стороны, Германия к такому пакту никогда не присоединится. 8 сентября, 1934 г. Германия, а 27 сентября Польша отклонили предложения о создании Восточного пакта.

40 Процедура принятия СССР в Лигу наций было оформлено как "приглашение" 30 государств -- членом Лиги -- к СССР войти в эту организацию. 15 сентября "по инициативе Франции", т. е. наиболее дружески настроенной к СССР великой державы, советскому правительству была послана телеграмма, приглашающая СССР "вступить в Лигу наций и принести свое ценное сотрудничество". 18 сентября общее собрание Лиги постановило принять СССР и включить его представителя в Совет Лиги в качестве постоянного члена Против голосовали только три страны: Голландия, Португалия и Швейцария.

14 декабря 1939 г., в ответ на советскую агрессию в Финляндии, СССР был из Лиги наций исключен.

41 После окончания первой мировой войны Япония оставалась основным внешнеполитическим противником Советского Союза Все двадцатые годы, и особенно в связи с начавшейся в Китае революцией, вопрос об избежании прямого военного конфликта с Японией был одной из первоочередных задач советской внешней политики. Выше (см. прим. 29) нами приводились выдержки из документов, объясняющих "левизну" Сталина против "умеренности" Бухарина в китайском вопросе. Но была еще и "левизна" левой оппозиции Троцкого по отношению к "умеренности" Сталина: в 1927 г. левая оппозиция обвиняла Сталина и Бухарина в саботаже китайской революции.

Причины саботажа были понятны. Подобно Ленину в 1918 г., подписавшему Брестский мир, Сталин и Бухарин не хотели рисковать, понимая, что активное вмешательство в китайские дела приведет к конфликту с Японией, которого как раз и требовалось избежать. Кроме того, для противодействия Японии советскому правительству выгоднее было иметь сильный национальный Китай, объединенный, например, Чан Кайши, а не раздробленный и ослабленный революцией Китай коммунистический. Интересы Коминтерна и мировой революции шли здесь в прямое столкновение с внешнеполитическими и геополитическими целями советского государства.

В 1927 г. советское правительство пожертвовало революцией в Китае, как в 1918 г. пожертвовало революцией в Германии Китайская революция действительно завершилась поражением, но время было выиграно, и первый серьезный конфликт с Японией произошел лишь

в 1938 г. За год до этого началось создание мощной промышленной базы на Урале, Дальнем Востоке, в Казахстане, Сибири и Средней Азии. Сегодня этот факт обычно приводят в доказательство дальновидности советского руководства, едва ли предвидевшего войну с Германией и эвакуацию промышленности, проведенную в годы войны. Между тем создание второй промышленной базы на востоке СССР было вызвано исключительно желанием обеспечить близкую к потенциальному фронту экономическую основу.

Летом 1937 г Япония начала откровенный захват Китая, что для советского правительства, пытавшегося там укрепиться, явилось серьезным внешнеполитическим поражением. В июле японцы заняли Пекин, в ноябре - Шанхай, в декабре -- Нанкин. К октябрю 1938 г. ими были оккупированы главные промышленные центры и важнейшие железнодорожные магистрали Китая. Советский Союз, со своей стороны, в сентябре 1937 г. оккупировал Монголию. Началось противостояние двух армий, которое, по крайней мере, дважды приводило к локальным конфликтам: в конце июня 1938 г. в районе озера Хасан, где бои продолжались до 9 августа, и в мае (1939 г. на реке Халкин-Гол в Монголии, где конфликт был урегулирован только благодаря посредничеству Германии вскоре после подписания пакта Молотова -- Риббентропа 16 сентября 1939 г. Остается лишь добавить, что и после поражения Германии и Японии во второй мировой войне мирный договор между СССР и Японией подписан так и не был. Строго формально Россия до сих пор находится в состоянии войны с Японией, теперь уже из-за оккупации Советским Союзом ряда японских территорий.

42 27 сентября 1934 г. по инициативе Барту была подписана англо-франко-итальянская декларация о необ-

ходимости сохранения независимости и целостности Австрии.

43 3 октября 1933 г. на Дольфуса было совершено покушение нацистами. Канцлер был легко ранен. В Австрии было объявлено военное положение. Гитлер ультимативно предъявил требование "унификации" Австрии. Роль посредника в конфликте взял на себя Муссолини. В результате 17 февраля была подписана декларация трех держав (Англии, Франции и Италии), которая, однако, ничего не добавляла к уже существовавшим договорным гарантиям австрийской независимости.

44 Мемельская область -- современный город Клайпеда с окрестностями, Литва. В 1871--1918 гг. -- часть германской империи, затем под управлением Антанты. В 1923 г. -- передана Литве.

45 Очевидно, что компенсировать Литву за передачу Германии Мемельской области можно было лишь передав Литве Вильно и Виленскую область, т. е. за счет Польши, на что, в свою очередь, Польша добровольно никогда бы не согласилась. Реализован этот план был лишь в 1939--1940 гг., после подписания соответствующих германо-советских договоров и четвертого раздела Польши.

46 Данцигский коридор (или Польский коридор) -- название полосы земли, полученной Польшей по Версальскому мирному договору в 1919 г. и дававшей Польше выход к Балтийскому морю.

47 Гоминьдан -- "национальная партия", политическая партия в Китае, созданная в 1912 г. С 1927 по 1949 г. -- правящая партия Китайской республики. После 1949 г. -- правящая партия Тайваня

48 Видимо, имеются в виду "Римские протоколы", подписанные 17 марта 1934 г. в Риме между Италией, Австрией и Венгрией Муссолини, Дольфусом и премьер-министром Венгрии Гембешем.

49 Я. З. Суриц (1882--1952), меньшевик, затем большевик, советский дипломат, на дипломатической службе с 1916 г. Имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. В 1918--1919 гг. -- заместитель советского полпреда в Дании, 1919--1921 гг. -- полпред в Афганистане, 1921--1922 гг. -- член Туркко-миссии ВЦИК и уполномоченный НКВД по Туркестану и Средней Азии. 1922--1923 гг. -- советский полпред в Норвегии, 1923--1924 гг. -- в Турции, 1934--1937 гг. -- во Франции, 1937--1939 гг. -- член советской делегации на сессиях Лиги наций.

50 Константин Нейрат (1873--1956), в 1932--1938 гг. -- министр иностранных дел нацистской Германии. В 1939--1942 гг. -- возглавлял протекторат Богемии и Моравии. На Нюрнбергском процессе приговорен к 15 годам тюремного заключения. Освобожден в 1954 г. по состоянию здоровья.

51 См. Приложение.

52 А. А. Трояновский (1882--1955) как и будущие советские дипломаты Майский и Суриц, был сначала меньшевиком. В 1918 г. обвинял большевиков в шпионаже в пользу Германии. На дипломатической службе с 1927 г. В 1927--1933 гг. -- полпред СССР в Японии. В 1933--1938 гг. -- посол СССР в США.

53 Видимо, речь идет о подписанном 24 апреля 1926 г. в Берлине советско-германском договоре о ненападении и нейтралитете, продленном затем 24 июня 1931 г.

34 Альфред Гугенберг (1865--1951), германский монополист, один из организаторов Пангерманского союза (1891). С 1920-х гг финансировал германскую национал-социалистическую партию. В 1928--1933 гг. -председатель крайне правой немецкой национальной народной партии. Министр продовольствия и сельского хозяйства в правительстве Гитлера.

55 Саар или Саарская область, с 1871 г большая часть ее находилась в составе Пруссии. В 1919 г. передана в управление комиссии Лиги наций. Угольные копи области при этом были переданы в собственность Франции. В 1935 г, по проведенному в Саар плебисциту, область перешла к Германии. После второй мировой войны -- во французской зоне оккупации Германии. По договору 1956 г. между Францией и ФРГ с 1 января 1957 г. -- в составе ФРГ.

56 14 --19 октября 1933 г. Германия вышла из Лиги наций, а ее делегация покинула конференцию по разоружению в Женеве.

57 Д Р. Макдональд (1866--1937), один из основателей и лидеров лейбористской партии Великобритании. В 1924 и 1929--31 гг. -премьер-министр Великобритании. В 1924 г. установил дипломатические отношения с СССР. В 1931--1935 гг., выйдя из лейбористской партии, возглавил коалиционное национальное правительство.

58 М. И. Фрумкин (Германов, 1878--1939), в партии с 1898 г Февральскую революцию встретил в ссылке в Красноярске. После октябрьского переворота -- член краевого экономического совета Западной Сибири. С 1918 г. - член коллегии наркомпрода. В 1920 г. -- заместитель председателя Сибревкома, затем уполномоченный наркомпрода на Северном Кавказе. До марта 1922 г. -- за

меститель наркома продовольствия РСФСР. С апреля того же года -заместитель наркома внешней торговли РСФСР. В 1928 г -- заместитель наркома финансов. 15 июня 1928 г направил в Политбюро письмо с критикой политики Сталина в вопросе о коллективизации. Солидаризировался с Бухариным. Погиб в период чисток.

59 26 января 1934 г. был подписан германо-польский пакт о ненападении. Советское правительство всегда рассматривало это соглашение как направленное против СССР и других стран Восточной Европы, иными словами, как до-ювор о разделе сфер влияния между Германией и Польшей.

60 Heimweh (нем.) -- дословно: ностальгия, тоска по родине, так именовался вооруженный легион, получавший субсидии от итальянских фашистов и бывший орудием итальянской политики в Австрии. Следует отметить, однако, что Италия была в тот момент единственным фактором, сдерживающим германскую оккупацию Австрии

61 Христианские демократы.

62 Габсбурги, династия, правившая в Австрии с 1867 по 1918 гг., правили Австро-Венгрией

63 Франц фон Папен (1879--1969), в июле -- ноябре 1932 г --глава правительства Германии, в 1933--1934 гг. - вице-канцлер. Сторонник аншлюса Австрии

64 Железная гвардия -- фашистская организация в Румыния в 1931--1944 гг. В 1934 г., после убийства членами Железной гвардии премьер-министра Румынии И, Дуки, распущена. Продолжала действовать под названием "Партия -- все для отечества" В 1938 г вместе с другими политическими партиями запрещена Каролом II и

существовала нелегально Распушена в 1944 г. после поражения Румынии во второй мировой войне

65 Речь идет об убийстве Л Барту и короля Югославии Александра I

66 Видимо, имеются в виду хорватские и македонские подпольные националистические организации, имевшие отношение к убийству и связи с советской разведкой за границей. Понятно, что обнародование информации о наличии таких связей могло скомпрометировать советское правительство

67 Александр I Карагеоргиевич (1888-- 1934), с 1921 г. король Югославии. Во внешней политике ориентировался на Францию Убит в октябре 1934 г. в Марселе (вместе с министром иностранных дел Франции Л. Барту) македонским революционером-террористом

68 Усташи--в 1929--1945 гг. фашистская организация хорватских националистов. Основана за границей бывшим офицером австрийской армии Анте Павеличем. После оккупации Югославии Германией создали под эгидой Германии "Независимое государство Хорватия" и образовали марионеточное правительство.

69 Вардарская македонская революционная организация.

Приложение

В настоящем приложении собраны цитаты из архива Б. И. Николаевского, касающиеся внешнеполитических вопросов советской политики в 1920--1930-е гг., прежде всего -- тайных советско-германских отношений. Используемые в "Приложении" документы вводятся в научный оборот впервые. Это чаще всего выдержки из писем и не предназначавшихся для публикации рукописей. Собранные

ные вместе, они дают некоторое представление о той информации, на основании которой Борис Иванович Николаевский приходил к тем или иным выводам.

О секретных советско-германских отношениях по линии генштабов, шедших в нарушение условий Версальского договора и получивших свое развитие после подписания Рапалльского соглашения, было известно в широких правительственных и военных кругах СССР и Германии. Вот что писал меньшевик и экономист Н. В. Валентинов --Вольский в письме Р. А. Абрамовичу¹, одному из лидеров меньшевистской партии:

"Приехав летом в 1927 г. в Липецк, к величайшему моему удивлению, нашел его полным немцев и в небе над ним столько летающих аэропланов, сколько я в это время не видел и в Москве. В Липецке были арсеналы и аэрогары немцев, охраняемые ГПУ. Все обыватели знали об этом, но никто не смел о том говорить -- таких ГПУ арестовывало. На кладбище в Липецке был целый угол с памятниками в честь погибших немцев-авиаторов. [...] Когда, приехав из Липецка (я принимал там грязевые ванны) и посетив Рыкова⁵, в разговоре с ним я коснулся немцев-авиаторов в Липецке, он сухо прервал меня, заявив: "Извините, об этом с Вами говорить не буду"³. "

"Уже примерно с 1924 года связь между штабом Красной армии и Бендельштрассе осуществлялась через командиров Красной армии высокого ранга (Тухачевский⁴ и Берзин⁵) и, наоборот, через немецких офицеров, которые курсировали между Берлином и Москвой "со служебными поручениями"⁶".

Валентинов сообщил также Абрамовичу, что с 1924 года "Юнкере" строил в СССР самолеты и что в Самаре был построен завод по производству удушливых газов⁷.

Абрамович тоже был осведомлен о советско-германском военном сотрудничестве. Вот что отвечал он Валентину:

"Об этом у меня имеется чрезвычайно обширный материал, основанный на больше чем 225 книгах, докладах, статьях и т. д. не

мецкой и др. прессы. Началось оно еще во время гражданской войны, когда Чичерин явился ночью в немецкое посольство к "наследнику" Мирбаха фон Гельфериху и предложил ему негласное военное соглашение для совместной борьбы с немцами, финнами и балтийцами против англичан в Мурманске и Архангельске Это было в июле-августе 1918 г. Продолжалось это сотрудничество до Гитлера и при Гитлере. Начальный период [был] примерно до 1926 г.; теперь вне споров [...] и то, что Вы сейчас сообщаете в письме о Липецке и о Троцке (так назывался городок под Самарой, в котором была химическая фабрика газов для немцев). Об этих химических гранатах прогремела вся Германия, когда немецкие социал-демократы подговорили гамбургских грузчиков уронить несколько ящиков с советского парохода и по всей набережной на глазах у многих людей рассыпались гранаты с удушливыми газами с маркой РСФСР. Тогда был запрос в парламенте, публичные дебаты, и этот инцидент был с трудом потушен"8.

Много говорилось об этом после второй мировой войны, когда за границей оказалось большое число бывших советских граждан, из пленных или интернированных немцами в годы войны. Один из этих эмигрантов, П. Тренин, писал:

"Начало немецкого влияния надо считать с 1922 г., когда между советской властью и Германией было заклю-

чено тайное соглашение о вооружении и техническом оснащении Красной армии. С экономической точки зрения это соглашение принесло Германии некоторую пользу, ибо часть военно-химических и авиационных запасов, оставшихся после великой войны и подлежавших уничтожению, она сбыла советскому правительству. [...] Во второй половине 1922 г. немецкие авиационные специалисты -- офицеры рейхсвера -- прибыли в Москву, заключили контракт на 5 лет и основали в Филях, под Москвой, авиазавод. Все техническое оборудование было привезено из Германии. Рабочий и технический персонал первое время был также немецкий. В том же 1922 году было основано первое русско-немецкое авиационное общество "Деру-люфт", которое наладило первую линию Москва -- Кенигсберг. В начале 1923 года другой группой немецких офицеров-химиков был основан в 12 килом. от Москвы между гор. Люберцы и гор. Люблино военно-химический небольшой завод. Первое время здесь работало всего несколько десятков человек, включая и руководящий персонал. Это были исключительно немцы. Завод этот самостоятельно никакой химической продукции не производил, и задача его состояла лишь в снаряжении мин. артиллерийских химических снарядов и ядовито-дымных шашек хлорпикрином, адамситом и другими отравляющими веществами, привозимыми из Германии. Завод также производил испытание указанных мин. снарядов, шашек, а также и газовых волн. Все это происходило на

территории будущего научно-испытательного химического полигона [...] Постепенно большевики создали сами свои химические кадры и строили два мощных химических завода. [...] Когда в 1925 году эти заводы были готовы, большевики решили ликвидировать немецкий химический завод. Так как контракт имел силу до 1927 го-

да, [...] в одну из осенних сентябрьских ночей 1925 года они подожгли завод и дом служащих немцев в Подосинках (17 километров от Москвы по Казанской железной дороге). От завода остался один сарай с химической продукцией, а жилой дом сгорел дотла. После этого большевики обвинили немцев в саботаже [...] Вскоре после этого была выброшена с авиазавода в Филях и другая немецкая группа авиаспециалистов"⁹.

Примерно о том же сообщает безымянная заметка архива Николаевского:

"В результате весьма напряженной и кропотливой работы полуофициальных представителей рейхсвера (с 1922 г.) в СССР в настоящее время имеются приличные запасы германского имущества и целые военно-промышленные организации (официально "госпредприятия Военведа"), созданные на средства германского рейхсвера и при его непосредственном техническом контроле [...] Рейхсвер заботился главным образом об артиллерийском и пулеметном вооружении Красной армии; усовершенствования английского вида танков, постановки на должную высоту военно-химического дела и авиационного. В области морской рейхсвер подвизался в усовершенствовании технического подводного плавания"¹⁰. За военным сотрудничеством следовало политическое и даже идеологическое сближение. Борьба с франко-бельгийской оккупацией Рура (Рейнской области) в начале 1923 года преподносилась буквально как акция Коминтерна. Нелегально заброшены на работу были туда даже советские агенты. Тогда же обсуждались "планы о сражении русско-германских сил с французским империализмом на Рейне и снабжении рейхсвера и германских националистов советскими гранатами"¹¹.

Разногласия по вопросу о советско-германских отношениях были одной из причин конфликта между Сталиным и Бухариным¹². "На позицию Бухарина огромное влияние оказали вопросы внешней политики, -- писал Николаевский¹³. -- Именно на них он порвал со Сталиным: Бухарин в 1926 г. пришел к выводу, что Германия перестала быть страной, находящейся на полуколониальном положении. Помните статьи Бухарина в "Правде" в 1926--27 г., когда он доказывал, что после Локарно Германия перестала быть эксплуатированной страной? Ведь это -- против Сталина. Сталин держался за союз с рейхсвером Бредова -- Шлейхера¹⁴. Людвиг Рейсе¹⁵, убитый в 1937 г. в Швейцарии, получил орден Ленина за то, что он в начале 1928 г. установил тайную связь с лидерами немецкой военно-морской разведки. Именно с этого момента начи

нается чисто сталинская игра секретных агентур -- дважды подпольная. В беседе Бухарина с Каменевым¹⁶ ей соответствуют намеки на отказ Сталина подвергать шахтинцев карам за связи с немцами"¹⁷.

"Я нахожусь под впечатлением Ваших аргументов о том, что, у Сталина были прогерманские симпатии, -- писал Николаевскому бывший коммунист, а ныне известный советолог Луи Фишер. -- Я понимаю, что он приветствовал бы тесное сотрудничество с рейхсвером. Это было в ленинской традиции и началось, как я понимаю, в 1919 году, что означает, что Троцкий и Чичерин, конечно, видели в том выгоду. После того, как Гитлер пришел к власти в январе 1933 года, Сталин выжидал год. Я в тот год был в Моек-ве. [...]

Москва всегда боялась иноземного вторжения. В 1934 году Ра-дек сказал мне, что Сталин боится одновре-

менной польско-японской атаки против СССР. По этой причине, главным образом, КВЖД была продана Маньжоу -- Го18 (Японии) в 1935 году. Безусловно, Сталин мечтал направить гитлеровскую экспансию на Запад. Но германская военная работа в Испании не повредила Гитлеру. Это был способ для тренировки вооруженных сил. Цель сталинской политики в Испании, по-моему, заключалась в том, чтобы заставить Францию и Англию отказаться во внешней политике от умиротворения Гитлера и Муссолини и заставить их встать на путь активного противодействия. Мюнхен показал, что эта попытка закончилась провалом. Чемберлен19, Дальдье20 и Рузвельт21 не пошли против Гитлера. Но за это время Сталин через чистки добился того, что он был полностью свободен в своих действиях во внешней и внутренней политике. И, конечно же, он вернулся теперь к своей цели: сотрудничество с нацистами.

Я думаю, что дата, предшествующая советско-нацистскому соглашению от 23 августа 1939 года, это 1 апреля 1939 года, день английских гарантий Польше. [...] Переговоры с Францией и Англией были открытыми. Переговоры с Германией -- тайными. Если бы Сталин хотел прийти к соглашению с Англией и Францией, он поступил бы прямо противоположным способом: вел бы открытые переговоры с Гитлером, чтобы этим оказать давление на Запад для выбивания еще больших уступок. Но Западу было нечего отдать. Они не могли отдать Прибалтийские государства, и соглашение с Западом для СССР означало войну, в то время как соглашение с Гитлером означало отсутствие войны в течение какого-то времени и -- империалистическую экспансию -- как раз то, что хотел Сталин.

Мы расходимся в том [...] велась ли серьезно Сталиным политика коллективной безопасности. Я считаю, что Литвинов был в этом вопросе серьезен и что он не мог действовать против воли Сталина. Но эта политика потерпела провал на Рейне, в Испании,

и вообще везде. И Сталин отказался от нее и повернулся к Гитлеру"²².

Николаевский ответил:

"Слуцкий²³, начальник инотдела НКВД, давая инструкции Кри-вицкому²⁴, еще в 1935 г. говорил: "Знайте, что с Германией мы так или иначе, но сговоримся". И подлинная внешняя политика шла [...] через Слуцкого. Этот последний тогда же говорил Кри-вицкому: "Помните, что Ваши доклады внимательно читает сам Сталин". [...] Сам Сталин всегда мечтал о сговоре с Германией и притом большом сговоре для борьбы против англо-саксов. Он был убежденным сторонником Хаусхоферовского варианта геополитики, и сам Хаусхофер²⁵ в течение многих лет слал Сталину секретные доклады. И Молотов²⁶ знал, что он говорил, когда в своей речи в Верховном Совете при подписании договора с Гитлером говорил о гениальном провидении Сталина. Конечно, когда Гитлер открыто вел антисоветскую политику, Сталин не мог не выступать против него, но он всегда так поступал, чтобы не сделать соглашение [не] возможным в будущем. Это была его борьба за советско-гитлеровский пакт"²⁷.

"В одном из наших разговоров я Вам оказал, что решение Сталина сговориться с Гитлером относится к апрелю 1936 г., когда стало ясно, что Франция против Гитлера сама не пойдет. Теперь у меня подобрался ряд данных в этом направлении [...] И другое: знаете ли Вы что-ли-

бо относительно привоза в Россию в апреле 1936 г. архива Горького²⁸? И знаете ли, что этот привоз оказал большое влияние на планы Сталина?

[...] История бумаг Горького длинная. Там были записи Горького о разговорах с приезжавшими к нему советскими писателями и деятелями. Оставил их Горький на хранение у своей последней жены (Марии Игнатьевны Будберг, урожденной Бенкендорф, дочери последнего царского посла в Англии; она была в 1917--18 годах возлюбленной известного Брюса Локкарта²⁹. "Маша" -- в воспоминаниях последнего; о ней много имеется в воспоминаниях Петерса³⁰). Горький поставил условием никому бумаги не выдавать, и даже если он потребует высылки их ему в Москву, отказаться. Сталин в 1935 г., когда Горький заступился за Каменева, отказав в выезде Горькому за границу на съезд писателей в Париж, потребовал выдачи ему архива. За границу приезжала Пешкова³¹ с полномочиями от Горького; тогда Будберг передать бумаги отказалась (это я знаю от Кусковой³², которая тогда виделась и говорила с Пешковой).

Перемена позиции Будберг, по сведениям, объяснялась влиянием Локкарта, который тогда вел особую политику в отношении Москвы. В Москву Будберг приехала в апреле 1936 г., на границе ее ждал особый вагон, с вокзала она поехала прямо к санаторию, где тогда находился Горький, и там встретилась со Стали

ным и Ворошиловым. [...] Между прочим, знаете ли Вы, что квартира Вильгельма II в Доорне была опорным пунктом работы сталинских агентов?³³ Что секретный памфлет против Гитлера написанный Матильдой Людендорф, был размножен Кривицким и распространен женой Вильгельма? Это было в 1936 г. -- в 1938 г генералы, по-

сещавшие Доорн, были арестованы. Кривицкий был убежден, что их выдал Гитлеру Сталин"34.

На этот и без того уже сложный сюжет взаимоотношений накладывалась еще одна линия: коминтерновская. До прихода нацистов к власти в Германии, активизации правых политических сил во Франции и попытки захвата власти фашистами в Австрии советское правительство видело угрозу главным образом и прежде всего в европейской социал-демократии. "Борьба против немецкой социал-демократии, как основной силы, которая в Германии сопротивляется реваншистской политике рейхсвера, -- записал в заметках для себя Николаевский. -- Плебисцит против правительства социал-демократа Отто Брауна (1931 г.). проведенный совместно коммунистами и гитлеровцами по указанию рейхсвера (борьба в этой связи в рядах немецкой компартии). Два основных течения в рядах немецких националистов и их отношение к России: рейхсвер -сторонник сотрудничества; наци -- противники. Кризис 1932 г. в Германии и победа наци: поражение политики Сталина"35.

В целом того же мнения придерживался Абрамович:

"Весь ход событий в Германии после 31 января 1933 г. не совсем совпадал с предвидениями и желанием Сталина. [...] Литвинову было дано распоряжение попытаться подготовить вариант международной изоляции Гитлера. Когда в Лондоне на конференции Лиги наций в июле 1933 года было принято определение агрессора³⁶, то к нему присоединилась и советская Россия и Румыния [...] В связи с этой новой литвиновской линией внешней политики была изменена и линия Коминтерна. Французские коммунисты, на демонстрации 6 февраля 1934 года³⁷ еще шедшие вместе с "огненными крестами"³⁸ француз-

ских фашистов и роялистов на штурм Бурбонского дворца, уже 12 февраля получили другие инструкции -- присоединиться к антифашистским демонстрациям профессиональных союзов и социалистов. В июне было выдвинуто Москвой предложение о едином фронте с социалистами и поддержке всех тех пацифистских организаций, которые тогда под искусным руководством Мюнцбергера³⁹ и др. московских агентов явились коммунистическими "фронтами" и вели работу по заданиям Москвы. [...]

Он [Сталин] считал большим триумфом, когда Германия согласилась в 1934 году возобновить торговый договор с Россией. В этих экономических переговорах он всегда давал инструкцию представителям Советского Союза не останавливаться перед уступка

ми Германии. Главное -- достигнуть соглашения. Одно время Сталин надеялся добиться соглашения с Польшей. Для обсуждения этого вопроса [...] было созвано специальное заседание Политбюро с представителями заинтересованных ведомств. [...] Польша действительно не пошла на сближение с Советским Союзом, и Сталин окончательно убедился, что Кремлю необходимо добиться соглашения с Гитлером.

[...] Польша и Румыния упорно отказываются от соглашения, при котором в случае войны Советский Союз имел бы право ввести свои войска на польскую или румынскую территорию. Этот отказ был мотивирован тем, что советские войска, вошедшие на известные польские и румынские территории, никогда уже оттуда не будут выведены и это будет означать раздел Польши и Румынии.

[..] Наступили события 30 июня 1934 года, когда Гитлер одним ударом расправился и с группой Рема⁴⁰, и

с фон Шлейхером. На совещании Политбюро с участием представителей заинтересованных ведомств Сталин опять возвращается к своей заветной мысли о необходимости добиться соглашения. Сталин считал, что диктатура Гитлера не только не ослабела, а [...] только стабилизировалась после уничтожения своей внутренней оппозиции [...] и поэтому он является основной силой, и с ним надо войти в соглашение. В том же направлении явно действовал и провал попытки австрийских социал-демократов предотвратить приход австрофашизма к власти путем так называемого февральского восстания"⁴¹.

Не провозглашенная формально, новая политика единения всех антифашистских сил требовала изменения старой подрывной по отношению "о всем европейским правительствам тактики Коминтерна. Первые попытки образования "единого фронта" относятся, видимо, к 1932--1933 годам и связаны с именем Гейнца Неймана. Немецкий коммунист, сотрудник Коминтерна и представитель советского правительства в Германии, Нейман по указанию советского правительства изначально выступал в Германии за блок нацистов и коммунистов в деле борьбы за дестабилизацию и без того шаткого демократического германского правительства. Именно под его влиянием ЦК германской компартии принял решение голосовать вместе с нацистами во время плебисцита против правительства Северинга--Брауна в Пруссии (и так свалили его).

Вскоре Нейман понял ошибочность этой тактики и попытался было изменить курс германской компартии. Однако Сталин, личным эмиссаром которого был Нейман⁴², ему помешал. И очевидно, что решение о проведении политики единого фронта с социал-демократами в

борьбе с фашизмом было принято Политбюро вопреки воле Сталина.

Среди сотрудников Коминтерна общераспространенным было мнение, что Сталин -- "левый". "Лозовский всегда защищал самую левую позицию, т. е. позицию Сталина, -- писала Ф. Езерс-, кая-Тома в письме Николаевскому. -[...] По германским вопросам [...] Бухарин был всегда с примиренцами [...] которые его считали своим человеком. [...] О Германии Сталин в 1928 г. думал, что революция назрела, он верил в информацию о настроениях в Рурской области (помните забастовки 1929 г.). Бухарин знал, каково положение; он, поэтому, склонялся в нашу сторону, хотя гласно определенно не высказывался".

Против тактики единого фронта кроме Сталина выступали многие другие функционеры Коминтерна: С. Лозовский⁴³, Б. Кун⁴⁴, В. Кнорин⁴⁵ и Ван Мин⁴⁶. В руководстве ЦК КПГ группа Г. Шуберта и Ф. Шульца открыто саботировала новую установку большинства советского правительства, обвиняя В. Пика⁴⁷ и В. Ульбрихта⁴⁸ в оппортунизме. И в целом германская компартия продолжала в те месяцы придерживаться прежней ультралевой "линии Неймана", которую советское правительство поддерживало все эти годы --по аналогии с той политикой Коминтерна, которую Нейман проводил в Китае в 1927 году.

В тот год вместе с Ломинадзе⁴⁹ и сыгравшим роль провокатора на процессе эсеров 1922 г. Семеновым⁵⁰, Нейман был послан в Кантон для организации там восстания. "Когда мы, т. е. оппозиционно настроенные товарищи, узнали, что эта тройка в Китае. мы были уверены, что там произойдут "революционные события", --

писала в письме Николаевскому Езерская. -- [...] Сталин и его сторонники в Коминтерне тогда думали, что в Китае события назрели. [...] Другие товарищи, еще менее доверявшие Сталину, считали, что он просто хотел отомстить Чан Кайши⁵¹ за измену ему, Сталину. [...] Расхождения между Сталиным и Бухариным впервые выявились на Шестом конгрессе Коминтерна, в зависимости от их расхождений в советских делах. [...] Сталин был всегда с крайней левой, Бухарин склонялся к примиренческой позиции, но часто уступал. В Китае, как во многих других странах, Сталин считал положение непосредственно революционным, а Бухарин был уверен, что попытка восстания в тот момент приведет к путчизму".

Когда после подавления восстания Нейман, Ломинадзе и Семенов вернулись в Москву, в Коминтерне состоялась дискуссия о том, было ли это восстание или путч. Нейман и Ломинадзе доказывали, что была "революция". Сталин тоже утверждал, что было "настоящее массовое восстание, а не путч маленькой группки людей". Бухарин и другие "видели ясно, что ни о каком революционном движении речи быть не может". Но, продолжает Езерская-Тома, "Все мы знали, что он [Сталин] на стороне Неймана и Ломинадзе"

"Скоро после дискуссии, -- вспоминает Езерская, -- мне случилось видеть письмо китайских товарищей, очень секретное, которое показывалось только членам Исполкома. В этом письме китайское ЦК очень ясно говорило о роли Неймана. Его упрекали в том, что он делал доклады в Китае, в которых он сознательно врал, что все его рассказы о подготовленности китайских масс -фантазия. [...] Нейман в Кантоне врал относительно положения в Китае же. На докладах местных комитетов он врал о мощи ЦК, в ЦК он врал о положении в провинции, кото-

рое он как будто сам видел. В письме в ЦК все было в числах: количество приверженцев, членов, оружия, которое Нейман дал, и что было в действительности. ЦК считало, что все его рассказы -- сознательная ложь. В момент опасности он будто бы скрылся. [..] В конце письма китайские товарищи даже предложили расстрелять Неймана за его пагубную роль. На Сталина это не произвело впечатления, он продолжал считать Неймана вождем"52.

Николаевский объяснял позицию Сталина следующим образом "Говоря о кантонском восстании Вы имеете в виду, конечно, события 11 --13 декабря 1927 г. [...] Почему Сталину они понадобились именно в это время? Были ли это только внутривнутрипартийные соображения или же он руководствовался соображениями большой политики, т. е. желанием нанести удар намечавшемуся в это время сближению между группой Чан Кайши и англичанами и особенно американцами? [...] Сталин был под большим влиянием геополитиков (не знаю, известно ли Вам, что Карл Хаусхофер в течение ряда лет писал особые секретные обзоры международного положения для Сталина). Последние в основном стояли за сближение Японии с Россией и Китаем против Англии и особенно Америки. Те же самые настроения, несомненно, имеются у Сталина. Острота его выступлений против Чан Кайши растет в зависимости от перехода последнего в ряды сторонников соглашения с англоамериканским блоком"53.

"Я уже не сомневаюсь, -- писал Николаевский в другом своем письме, -что Сталин был под прямым влиянием геополитиков. Конечно, не полностью, а только приспособляя их к своим концепциям. Но именно то, что в этих концепциях его отделяло от Бухарина, -- а именно анти-

английская и антиамериканская ориентация в дальневосточных делах, была навеяна Хаусхофером⁵⁴.

О том, что Сталин в этот период занимал крайне левую позицию в вопросах Коминтерна, свидетельствует еще один документ: записка Н. И. Муралова⁵⁵ Троцкому от 18 декабря 1927 года. Вот что писал Муралов:

"В связи с последними сообщениями о восстании в Кантоне, а затем о подавлении этого восстания, о разрыве с СССР и пр. мне чрезвычайно ярко припомнился один имеющий к этому отношению разговор, который я имел еще 15 ноября сего года с зам редактора

"Известий ЦИК СССР и ВЦИК" тов. Тройским. Уговаривая меня отказаться от оппозиционных выступлений, тов. Тройский коснулся, между прочим, и китайского вопроса, утверждая, что сейчас он самим ходом вещей снят с обсуждения, так как там назревают совершенно новые события, которые отодвинут все прошлые неудачи на задний план. В частности, тов. Тройский сообщил мне, что "в Кантоне готовится и скоро вспыхнет новое восстание, которое приведет к установлению советской власти"⁵⁶.

Бухарин был в тот период главою Коминтерна, и организация Сталиным за спиной Бухарина восстания в Кантоне была связана разумеется, еще и с фракционной борьбой внутри партийного руководства СССР. Так замыкался круг. Крайне левая позиция в Коминтерне -- по отношению к Бухарину. Крайне правая -- по отношению к Троцкому. Профашистская -- по отношению к официальной идеологической линии советского руководства. И за всем этим -- борьба Сталина за единоличное руководство партией и страной и советско-германское сближение для раздела сфер влияния, последовавшего в 1939 году.

Примечания

1 Р. А. Абрамович (Рейн, 1880--1963 один из руководителей Бунда, одновременно -- участник общероссийского социал-демократического движения. К 1917 г. один из лидеров партии меньшевиков. Один из основателей в 1921 г. "Социалистического вестника" -- органа партии меньшевиков в эмиграции. Член заграничной делегации РСДРП и представитель меньшевиков в Социалистическом Интернационале.

2 А. И. Рыков (1881--1938), в партии с 1898 г. В первом советском правительстве -- нарком внутренних дел. Вышел из СНК в знак протеста против политики Ленина. В 1918--1921 и (1923--1924 гг. -председатель ВСНХ РСФСР (СССР). С 1921 -- заместитель председателя СНК и СТО РСФСР. В 1924--1930 гг -- председатель СНК СССР и СНК РСФСР (до 1929). С 1931 по 1936 гг. -- нарком связи СССР. С 1923 по 1928 гг -- в блоке со Сталиным против Троцкого. Один из лидеров правой оппозиции, выступивший против свертывания НЭПа и против форсированной коллективизации (1928--1929). В 1929 г. отказался от своих взглядов и принял сторону Сталина. В 1937 г исключен из ЦК и из партии. В 1938 г. -- выставлен одним из обвиняемых на третьем московском процессе (бухаринском). Расстрелян.

3 АИ Г, кол. Николаевского, ящик 591, папка 14. Письмо Н. В. Валентинова-Вольского Р. А. Абрамовичу от 28 января 1958 г. -- С. 4--6.

4 М. Н. Тухачевский (1893--1937), большевик с 1918 г. В годы гражданской войны командующий рядом армий В 1925--1928 гг. -- начальник штаба РККА С 1931 г заместитель председателя РВС СССР. С 1934 г. -заместитель, а с 1936 г -- 1-й заместитель наркома обороны. Маршал

Советского Союза (1935). Расстрелян в июне /1937 г. по обвинению в военном заговоре.

5 Р. И Берзин (Берзиньш, Язепович, 1888-1939), советский военачальник. В партии с 1905 г. В ноябре 1917 г. командовал Северным отрядом по ликвидации ставки в Могилеве, затем -- 1-м минским революционным отрядом. С января 1918 г -- командующий 2-й революционной армией. В феврале -- марте -- главнокомандующий Западным революционным фронтом. С июня 1918 г. -- председатель Высшей военной инспекции в Сибири, командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом; в июле -- ноябре -- 3-й армией. В 1919 г. -инспектор армии при советском правительстве Латвии. В 1919--1924 гг -- член РВС ряда фронтов, в 1924-

1927 гг. -- Западного военного округа. В 1927 -- 1937 гг. работал в военной промышленности. Арестован в 1938 г. Незадолго до ареста переведен на работу в наркомат земледелия РСФСР. Расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.

6 ЛИГ, кол. Николаевского, ящик 508, папка 44. Erich Wollenberg. Эрих Воллен-берг Б. И. Николаевскому. Письмо из Гамбурга в Калифорнию, от 20 апреля 1965 г. Пер. с нем.

7 АИГ, кол. Николаевского, ящик 591, папка 14. Письмо Н. В. Валентинова-Вольского Р. А. Абрамовичу от 28 января 1958 г. С. 4 -- 6.

8 АИГ, кол. Николаевского, ящик 591, папка 14. Письмо Р. Абрамовича Н. В. Валентинову-Вольскому. 4 февраля. 1958 г. С. 2.

9 АИГ, кол. Николаевского, ящик 295, папка 23. П. Тренин. Немцы и русская авиация. Вырезка из газеты.

10 АИГ, кол. Николаевского, ящик 14, папка 1. Рейхсвер и Коминтерн. Без даты и без автора. С. 1, 3.

11 АИГ, кол Николаевского, ящик 629, папка 3. Сухомлин В. В. В кольце измен. Измена Троцкого, Сталина,, Бухарина, китайцев, англичан и др. // Воля России. 1926 С. 131.

12 Н. И. Бухарин (1888--1938). В партии, с перерывами, с 1906 по 1937 г. Член ЦК в 1917 -- 1934 гг., член Политбюро в 1924-- 1929 гг. Многолетний редактор "Правды". До 1928г. в блоке со Сталиным против Троцкого, Зиновьева и Каменева. В 1928 г. решил порвать со Сталиным. Блокировался с Томским и Рыковым (так называемая правая оппозиция), потерпел поражение и в 1929 г. постановлением апрельского пленума был исключен из партии, снят с поста редактора "Правды" и секретаря Исполкома Коминтерна Ряскаялся, Был восстановлен в партии, С 1930 по 1934 гг. работал у Орджоникидзе в наркомате тяжелой промышленности. В 1934 г. назначен редактором "Известий" и формально считался им до 16 января 1937 г., хотя фактически с конца 1836 г. "Известия" выходили под редакцией Б. Таля. Арестован 27 февраля 1937 г. Один из обвиняемых на процессе 1938 г. Расстрелян.

13 АИГ, кол. Николаевского, ящик 476, папка 34. Письмо Николаевского от 6 октября. 1965 г. 1 с.

14 Фердинанд Бредов, генерал, один из руководителей рейхсвера в 1932 -- 1933 гг. Курт Шлейхер, немецкий генерал. С мая 1932 г. -- министр в правительстве фон Папена. С 31 декабря 1932 г. -- канцлер, глава правительства, 28 января 1933 г. президент Германии Гинденбург дал Шлейхеру отставку и поручил формирование нового правительства Гитлеру. 30 июня 1934г., во время

проводившейся Гитлером чистки рядов СА, Бредов и Шлейхер были убиты.

15 Игнатий Рейсе (Людвиг, наст, фамилия Порецкий), сотрудник советской разведки, перешедший на положение невозвращенца летом 1937 г. и ставший троцкистом и членом IV Интернационала. 4 сентября 1937 г. убит советскими органами безопасности под Лозанной (Швейцария).

16 Л. Б. Каменев (Розенфельд, 1883-- 1936) в партии с 1901 г. С 1914 г. -- большевик. Член ЦК в 1917--1927 гг. (в октябре и ноябре 1917 выходил из состава ЦК). Член Политбюро в октябре 1917 и 1919--1925 гг. В октябре -- ноябре 1917 г. -- председатель ВЦИК. В 1918--1926 гг. -председатель Моссовета. Одновременно с 1922 г. -- заместитель председателя СНК РСФСР (затем СССР), с 1924 г. -- председатель СТО, с 1923 г. --директор института Ленина. В январе -- августа. 1926г. -- нарком внешней и внутренней торговли СССР. До 1925 г. в блоке со Сталиным борется против Троцкого, с 1926 г. --вместе с Зиновьевым и Троцким составляет блок против Сталина, участник "новой оппозиции". С января 1907 г. -- полпред в Италии. В декабре 1927 г. -- исключен из партии. Раскаялся в своей деятельности и был восстановлен в 1928 г. С 1929г. -- председатель Главконцескома. В 1933, г. назначен заведующим издательства "Академия", в 1934 г. -- директором Института мировой литературы им. М. Горького. 20 декабря 1934 г. окончательно исключен из партии как контрреволюционер, арестован по делу об убийстве Кирова и приговорен, как и Зиновьев, в январе 1935 г. к тюремному заключению,

Позже выставлен обвиняемым на первом московском процессе в августе 1936 г. Расстрелян.

17 ЛИГ, кол. Николаевского, ящик 472, папка 32. Письмо Николаевского И. М. Бергеру от 2 октября 1961 г. 1] л. Упоминаемая Николаевским беседа Бухарина с Каменевым состоялась в июле 1928 г. Как раз в это время, в мае -- июле, в Москве проходил судебный процесс над "вредителями в Донбассе" -- так называемое "Шахтинское дело". Дело было сфабриковано. Пятеро обвиняемых были приговорены к расстрелу, остальные -- к различным срокам тюремного заключения. Подсудимых обвиняли в том числе и в шпионаже в пользу Германии. И предложение Сталина не давать смертных приговоров, на которых настояли в конце концов Бухарин и его сторонники, рассматривалось как заигрывание с Германией.

18 Маньчжоу-Го -- Маньчжурское государство, в 1932--1945 гг. марионеточное государство, созданное Японией на территории Северо-Восточного Китая, Маньчжурии. В августе 1945 г., после поражения Японии во второй мировой войне, японская армия покинула Маньчжурию. Маньчжоу-Го перестало существовать и было временно оккупировано советскими войсками. В настоящее время северо-восточная часть Китая.

19 Остин Чемберлен (1863--1937), государственный деятель Великобритании, министр финансов в 1903-1905, 1919-- 1921 гг. В 1915--1917 гг. -- министр по делам Индии. В 1924--1929 гг. -- министр иностранных дел. Занимал ряд других министерских постов. Один из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР в мае 1927 г.

20 Эдуард Даладьё (1884--1970), лидер французской партии радикалов, неоднократно был министром во французском правительстве, в 1933--1934 и 1938--1940 гг. -- премьер-министр. Первоначально сторонник Народ-

ного фронта, затем его противник. Подписал Мюнхенское соглашение 1938 г.

21 Франклин Делано Рузвельт (1882--1945), с 1933 г. президент США от демократической партии. Избирался на этот пост 4 раза. В 1933 г. установил дипломатические отношения с СССР.

22 АИТ, кол. Николаевского, ящик 479, папка 13. Письмо Луиса Фишера (Louis Fischer) Николаевскому от 26 января 1966 г. Пер. с английского.

23 А. А. Слуцкий, руководитель Иностранного отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) при НКВД СССР. 17 февраля 1938 г. в кабинете своего начальника был отравлен цианистым калием. Согласно официальной версии умер от сердечного приступа.

24 В. Кривицкий (1889--1941), глава советской разведки в Западной Европе. В декабре 1937 г. перешел на положение невозвращенца. Сообщил западным разведкам ряд ценных сведений о ГРУ. В 1939 г., издал на английском языке книгу "Сталинская тайная полиция". Убит в Вашингтоне советскими органами безопасности.

25 Карл Хаусхофер (1869--1946), немецкий социолог, один из главных представителей геополитики, обосновывавший агрессивную политику нацистского руководства.

26 В. М. Молотов (1890--1986), в партии с 1906 г. Во время большевистского переворота -- член Исполкома Петросовета и член Петроградского ВРК. С 1919 г. -- председатель Нижегородского губисполкома, затем секретарь Донецкого губкома РКП(б). В 1920 г. -- секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921-- 1930 гг. -- секретарь ЦК

ВКП(б). В 1930--1941гг. -председатель СНК СССР. В 1941--1957 гг. --1-й заместитель председателя СНК (позднее -- Совета Министров). В (1939--1949 и 1953--1956 гг. -- нарком (министр) иностранных дел. С 1957 г. --посол в Монголии. В 1960--1962 гг. -постоянный представитель СССР при международном агентстве по атомной энергии.

27 АИГ, кол. Николаевского, ящик 479, папка 13. Письмо Николаевского Луису Фишеру от 4 февраля 1966 г. | л.

28 М. Горький (А. М. Пешков, 1868--1936), советский писатель. До революции сочувствовал большевикам, после октябрьского переворота подверг их

либеральной критике. Эмигрировал. Вернулся. Был первым секретарем специально для Горького созданного Союза советских писателей. Умер в результате неправильного лечения, организованного Сталиным умышленно.

29 Роберт Гамильтон Брюс Локкарт (1887--1970), британский дипломат. На дипломатической службе с 1911г. В 1912--1915 гг. -вице-консул, в 1915-- 1917 гг. -- генеральный консул Великобритании в Москве. В январе -- сентябре 1918г. возглавлял британскую миссию в советской России. В августе 1918 г. арестован и в октябре выслан из РСФСР. В 1919-1922 гг. работал в миссии Великобритании в Чехословакии. В 1939--1940 гг. -сотрудник политической разведки МИД Великобритании. В 1940--1941 гг. -представитель Великобритании при временном чехословацком правительстве в Лондоне. В 1941-- 1945 гг. -- заместитель министра иностранных дел, генеральный директор комитета по вопросам политической войны.

30 Я. Х. Петере (1886--1938), в партии с 1904 г. В 1917 г. -член петроградского ВРК, после переворота --член коллегии ВЧК. В 1918г. -заместитель председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, председатель Ревтрибунала В 1920-- 1922 гг. --представитель ВЧК в Туркестане С 1923 г. -- член коллегии ОГПУ. В 1930-- 1934 гг. -- председатель МКК ВКП(б). Расстрелян.

31 Е. П. Волжина (Пешкова, 1878--1965), с 30 августа 1896 до конца 1903 г. -- жена Горького. С конца. 1903) г. гражданской женой Горького стала Мария Федоровна Андреева (наст. фам. Юрковская, 1868--1953), известная русская актриса МХТа, член большевистской партии с 1904 г., издатель большевистской газеты "Новая жизнь" (1905), комиссар театров и зрелищ Петрограда в 1919- 1921 гг В1931--1948 гг --директор московского Дома ученых.

32 Е. Д. Кускова (1869--1958) публицист, идеолог "экономизма", деятель "Союза освобождения" После октябрьского переворота работала в Помголе. В 1922 г. выслана за границу.

33 Вильгельм II жил в эмиграции в Голландии до своей смерти, последовавшей в 1941г.

34 АИГ, кол. Николаевского, ящик 479, папка 13. Письмо Николаевского Фишеру от 14 декабря 1965 г. 2 л.

85 АИГ, кол Николаевского, ящик 510, папка 24. Итоги русского эксперимента (Пути развития российского большевизма). 1917--1941 С. 7--8.

36 Конвенция об определении агрессора была подписана одиннадцатью государствами 3--5 июля 1933 г.

37 6 февраля 1934 г. при поддержке французских коммунистов коалиция-французских правых политиче-

ских партий -- националистов и организаций ветеранов -- устроили демонстрацию у здания Палаты депутатов в надежде вынудить правительство Даладье подать в отставку. Митинг привел к столкновениям с полицией, но свалить правительство Даладье не удалось. Поражение демонстрации 6 февраля привело к изменению политики советского правительства и Коминтерна во Франции. Начиная с этого времени, французские коммунисты поддерживают тактику единого фронта.

38 Groix de Feu (фр.) -- "Огненный крест" военизированная правая и антипарламентская организация, состоявшая преимущественно из награжденных ветеранов. Просуществовала с 1927 по 1936 г., когда была запрещена правительством Народного фронта

39 В. Мюнцберг, один из руководителей германской компартии, вместе с В. Пиком, В. Ульбрихтом, Ф. Далем и В. Флориным организовывал затем в Германии подпольный Народный фронт, к которому примкнула и часть социал-демократов В декабре, 1936 г. Народным фронтом было издано обращение к немецкому народу, которое, вместе с коммунистами, подписали социал-демократы В. Брандт, Р. Брейтшейд, а также писатели Л. Фейхтвангер, Г. Мани и А. Цвейг.

40 Эрнест Рем (1887--1934), один из первых соратников Гитлера. В национал-социалистическую рабочую партию вступил в начале 1920-х гг. Занимался военным обучением штурмовиков Участник "Пивного путча" 1923 г С,

1931 г. -- начальник штурмовых отрядов. После прихода фашистов к власти -- имперский министр Примерно с этого момента у Рема и Гитлера обострились противоречия. Рем хотел создавать армию на основе штурмовых

отрядов. Гитлер, заинтересованный в поддержке немецких военных, выступил против этого. 30 июня 1934 г, в "ночь длинных ножей", Рем и ряд других руководителей штурмовых отрядов были арестованы по обвинению в измене и аморальном поведении (в частности, гомосексуализме) и убиты.

41 ЛИГ, кол. Николаевского, ящик 602, папка 19 Р. А. Абрамович. Внешняя и внутренняя политика Сталина. В начале 1934 г. в Австрии вспыхнули рабочие волнения, которые, однако, были подавлены объединенными усилиями хеймвера, армии и полиции. В отличие от Франции, где антипарламентские выступления в результате привели к формированию объединенного национального фронта и к блоку французских коммунистов и социалистов, в Австрии социалисты, отчасти из-за давления Италии и опасения спровоцировать Германию на оккупацию, предпочли блокироваться с правым политическим спектром. 15 февраля 1934 г. всеобщая стачка в Вене была подавлена.

42 АИГ, кол. Николаевского, ящик 502, папка 21. Письмо Николаевского Суварину от 23 июня 1962 г., 1 л.

43 А. Лозовский (Дридзо С. А. 1878--1952), в партии с 1901 г. Участник первой русской революции в Казани. С 1921 г. -- генеральный секретарь Про-финтерна. С 1937 г. -- директор Гослитиздата. В 1939--1946 гг -- зам. наркома (министра) иностранных дел СССР. С 1939 г. -- член ДК. Член ИККИ. В 1937--1950 гг. --депутат Верховного Совета СССР. Репрессирован.

44 Бела Кун (1886--1939). Социал-демократ с 1902 г. В 1916 г. попал в Россию в качестве военнопленного. Тогда же вступил в партию большевиков. Организатор и руководитель венгерской группы при РКП(б). Нарком ино-

странных и военных дел в советском венгерском правительстве во время попытки коммунистического переворота в Венгрии в 1919 г. Арестован венгерским королевским правительством. Обменян на венгров, находившихся в советской России и объявленных заложниками. После возвращения в РСФСР -член РВС Южного фронта. Член президиума ВЦИК. С 1921 г. -- член ИККИ. Расстрелян.

45 В. Г. Кнорин (Кнориньш, 1890--1938), в партии с 1910 г. В 1926-- 1927 гг. -- в ЦК ВКП(б), в. 1927--1937. гг. -- секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, 1928-- 1935 гг. -- в ИККИ. Расстрелян.

46 Ван Мин (Чэнь Шаоюнь, 1904--1974), в 1931 г. исполнял обязанности генерального секретаря ЦК компартии Китая. В 1931--1945 гг. -член Политбюро ЦК и секретарь ЦК КПК. С 1932 г. и до роспуска Коминтерна в 1943 г. -- член президиума ИККИ. Член ЦК КПК.

47 Вильгельм Пик (1876--1960), в 1895--1918 гг. -- член социал-демократической партии Германии. Один из основателей Компартии Германии в 1918 г и СЕПГ (1946). С 1918. г. --член ЦК. С 1936 г. -председатель ЦК КПГ. В 1928--1943 гг. -- член ИККИ. С 1949 г. -- первый президент ГДР.

48 Вальтер Ульбрихт (1893--1973), в 1912--1918 гг. - член социал-демократической партии Германия. В 1918 г. -- член "Союза Спартака". С 1923 г. -- член ЦК КПГ, с 1935 г --в Политбюро ЦК КПГ. В 1928--1933 гг. -депутат рейхстага, одновременно (1928--1943) -- кандидат в члены ИККИ. В 1946-- 1949 гг. -- заместитель председателя СЕПГ, с 1949 г. -- член Политбюро ЦК СЕПГ.

49 В Ломинадзе, секретарь ЦК компартии Грузии, затем на работе в Коминтерне.

50 Г И. Семенов (Васильев)], агент ЧК и провокатор внутри эсеровской партии. По должности в ПСР -- руководитель центрального боевого отряда при ЦК ПСР В феврале 1922 г., во время подготовки советским правительством открытого процесса против партии социалистов-революционеров, под авторством Семенова была издана в Берлине книга "Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917--1918 гг. " о шпионаже, диверсиях,

саботаже и индивидуальном терроре эсеровской партии после большевистского переворота. Вместе с Л. В Коноплевой, еще одним агентом-провокатором, Семенов выступал затем на процессе эсеров как свидетель обвинения, одновременно являясь, как и Коноплева, обвиняемым. Приговором Верховного революционного трибунала ВЦИК. все подсудимые, в том числе и Семенов с Коноплевой были приговорены к расстрелу, однако по рекомендации того же трибунала, как осознавшие свою вину, были от наказания полностью освобождены. В довершение всего, к моменту окончания процесса и выхода из тюрьмы оба оказались членами РКП (б), как если бы вступили в партию в камере. Именно этот Семенов и был послан в Китай организовывать революцию вместе с Нейманом и Ломинадзе.

51 Чан Кайши (Цзян Цзешу, 1887--1975), глава правительства Китая с 1927 г. После победы китайской коммунистической революции 1949 г. эмигрировал на Тайвань.

52 АИГ, кол. Николаевского, ящик 478, папка 43. Письмо Ф Езерской-Тома Б. И. Николаевскому от 14 и 22 сентября 1942 г.

53 Там же, от 16 сентября 1942 г. 1 л.

54 Там же, ящик 477, папка 22 Письмо Б. И. Николаевского Ю. П. Де-нике от 16 сентября 1942 г.

55 Н. И. Муралов (1877--1937), в партии с 1903 г. В 1918 г. -- командующий войсками Московского военного округа. (В 1920 гг. -оппозиционер, троцкист. В декабре 1927 г. исключен из партии постановлением Пятнадцатого съезда и сослан в Тару В 1937 г. расстрелян по делу "антисоветского троцкистского центра (параллельного)".

56 Разгром левой оппозиции в СССР. Письма ссыльных большевиков (1928) // Минувшее: Исторический альманах Вып 7/ Открытое общество Феникс. Москва. С. 055.